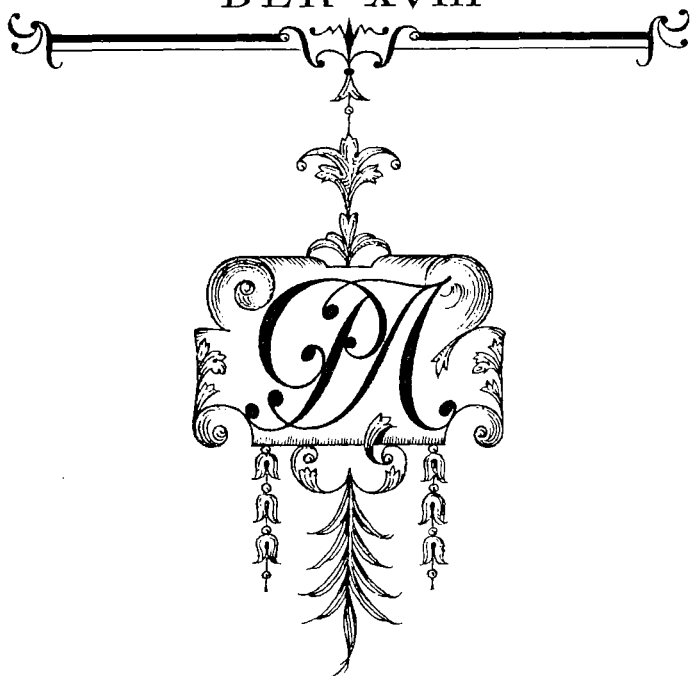

РУССКАЯ
ЛИТЕРА
ТУРА
ВЕК
XVIII

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
ВЕКЪ XVIII

Москва
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
1990

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
ВЕК ~ XVIII

ЛИРИКА

Москва

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1990

ББК 84Р1
Р89

Под общей редакцией:

ЗАПАДОВ В. А.
КОЧЕТКОВА Н. Д. (*отв. ред.*)
ЛИХАЧЕВ Д. С.
ПАНЧЕНКО А. М. (*отв. ред. серии*)
СТЕПАНОВ В. П.

Составление, подготовка текстов и комментарии

*Н. Д. Кочетковой, Е. Д. Кукушкиной, К. Ю. Лаппо-Данилевского,
М. П. Лепехина, С. И. Николаева, В. Д. Рака, Ю. В. Степника,
В. П. Степанова*

Вступительная статья

Н. Д. Кочетковой

Подбор иллюстраций

М. А. Алексеевой, Е. Л. Крупниковой

Оформление художника

Е. А. Ганцушкина

Р 4702010102-120 16-89
028(01)-90

ISBN 5-280-00511-8

© Составление, подготовка текста, вступительная статья, комментарии, оформление. Издательство «Художественная литература», 1990 г.

Русская лирика XVIII века

Во всех, во всех странах Поэзия святая
Наставницей людей, их счастьем была,
Везде она сердца любовью согревала.

Н. М. Карамзин

ух обновления, характерный для всей русской культуры XVIII века, в полной мере проявился и в поэзии. Именно в этом столетии произошла реформа русского стихосложения — утвердилась существующая донныне силлабо-тоническая система стиха, пришедшая на смену силлабической. В поэзии хорошо прослеживаются и разительные языковые изменения — от стихов петровского времени до произведений Державина, Карамзина и Дмитриева, которых по праву можно назвать непосредственными предшественниками Пушкина. Интенсивность развития — вот одна из важнейших черт русской литературы XVIII века вообще и русской лирики в частности.

Но что же такое лирика для этой эпохи? Не есть ли XVIII век в России время создания совершенно нового явления, которого не знала литература Древней Руси? Едва ли можно дать однозначные ответы на эти вопросы. И вот почему.

Если говорить о том, что называют «лирическим началом», то найти его можно у самых истоков литературы. Образцами высокой лирики были и остаются произведения русского фольклора, прежде всего народные песни, причитания. Всё это органично вошло в древнерусскую литературу. Что же касается русского стиха, то и его история, с одной стороны, неотделима от народного творчества, а с другой — связана с силлабическим стихотворством, достигшим своего расцвета в XVII веке.

Силлабическая система стихосложения, основанная на соизмеримости строк по количеству слогов, развившаяся в русской поэзии под значительным воздействием польской культуры, предоставляла

широкие возможности для изощренного версификаторства, характерного для искусства барокко. Увлечение стихотворством приобретает всё более значительные размеры: оно проникает и в учебные и в богослужебные книги. Силлабики с легкостью сочиняют своеобразные объемистые трактаты в стихах, причем счет строк в отдельных произведениях идет на тысячи. Однако только в XVIII веке появляются силлабики, осознающие, что «поэзия и стихотворство — разные вещи»¹.

Речь идет о Стефане Яворском и Феофане Прокоповиче — крупнейших писателях петровского времени. Оба они, оказавшиеся непримиримыми врагами в жестокой политической борьбе, были яркими личностями, оба были прекрасно образованны, оба были наделены истинным поэтическим дарованием. Свое лучшее стихотворение (элегия к библиотеке) Стефан Яворский написал на латинском языке, следуя традиции новолатинской поэзии, существовавшей и в европейской и в русской литературе. Глубокий лиризм, отличающий это произведение, сохранен и в русском переводе XVIII века, представленном в настоящем издании. Самая тема смерти, трактованная в русской силлабике прежде всего в дидактическом плане, оказалась здесь овеяна ощущением подлинной земной человеческой печали. Любовное отношение к книге, поэтизация самого книгособирательства — вот еще лирическая тема, к которой, вслед за Стефаном Яворским, обратятся многие русские поэты и XVIII века, и последующих двух столетий. Вспомним, как умирающий Пушкин, глядя на свои полки с книгами, прошептал: «Прощайте, прощайте».

Силлабика — органичная, неотъемлемая часть русской лирики XVIII века. Можно заметить, в частности, важную особенность в ее развитии. Лучшие из написанных в Петровскую эпоху стихов оказываются связаны с обстоятельствами жизни самого автора. Так, например, в стихотворении Феофана Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастье» языком аллегорий говорилось о трудных временах, которые пришлось пережить поэту после смерти Петра I. С этого произведения и ответа на него Феофила Кролика прослеживается в XVIII веке целая традиция стихотворных диалогов: «Лето» Г. Р. Державина — «К Гавриилу Романовичу Державину» И. И. Дмитриева; «Стихи на жизнь» Н. С. Смирнова — «Возражение» И. И. Бахтина — «Ответ с теми же рифмами» Н. С. Смирнова и т. п.

Главное же, что роднит силлабиков начала столетия с последующей лирикой, — обращение к нравственно-философской проблематике. Размышления о добре и зле, жизни и смерти, законах совести и надеждах на счастье — все эти темы можно найти уже в стихах

¹ Панченко А. М. Истоки русской поэзии. — Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970, с. 5—34.

Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, И. Максимовича, А. Д. Кантемира, В. К. Тредиаковского.

В рукописях сохранилось немало произведений силлабической поэзии. Далеко не всегда определенно решается вопрос об их авторстве: некоторые стихотворения приписываются одному поэту, а потом выясняется, что они принадлежат другому (например, одно из публикуемых стихотворений Феофана Прокоповича атрибутировано ему совсем недавно, а раньше оно считалось принадлежащим А. Д. Кантемиру). Многие стихи не только в рукописях, но и в печатных изданиях помещались без подписи, и автор определялся по позднейшим сборникам, собраниям сочинений, свидетельствам современников и т. д. Однако постепенно в течение столетия все больше развивалось представление об авторстве: читателю становилось интересно, кто именно написал то или иное стихотворение, а самому поэту хотелось, чтобы читатель это знал. Тем не менее анонимные публикации встречаются на протяжении всего века, и до сих пор не всегда удается определить их автора.

Переход от силлабической системы к силлабо-тонической, основанной на упорядоченном чередовании ударных и безударных слогов, совершился в русской поэзии достаточно быстро, хотя далеко не мгновенно¹. Тенденция к тонизации была обусловлена самим характером русского языка, в котором ударение не фиксируется на определенном слоге, как, например, в польском — на предпоследнем или во французском — на последнем. Теоретиками новой системы стихосложения выступили сами поэты: начал реформу В. К. Тредиаковский, окончательно осуществил ее М. В. Ломоносов. Благодаря их ожесточенным спорам в 1730—1750-е годы, в которых живейшее участие принял и А. П. Сумароков, их литературным опытам и поэтическим состязаниям к середине столетия не только утвердилась силлабо-тоническая система, но были выявлены многие из ее богатых ритмических возможностей.

Переход к новой системе стихосложения осуществился в период, когда русская поэзия стала обретать права на общественное признание с помощью печати. Отдельными изданиями стали выходить стихи, приуроченные к официальным торжествам. Важнейшим фактором, способствовавшим читательскому интересу к литературе вообще и к поэзии в частности, явилось развитие русской периодической печати. Стихи часто печатались в приложении к газете «Санкт-Петербургские ведомости» — журнале «Примечания к ведомостям». Первый русский журнал, издававшийся Академией наук — «Ежемесячные сочинения» (1758—1764), — еще больше стал уделять внимания публикации стихотворений. Здесь стали появляться произведения

¹ Реформа русского стихосложения неоднократно была предметом специальных исследований, основные результаты которых отражены в кн.: Хошевников В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. Изд. 2-е. Л., 1972; Гаспаров М. Н. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.

Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, а также поэтов второстепенных: А. А. Нартова, А. В. и С. В. Нарышкиных и других.

По преданию, Петр I назвал Тредиаковского «вечным тружеником», и это определение может быть отнесено и к его поэтической деятельности. Всё, что написано им в стихах (не говоря уже о прозе), велико по объему и исключительно разнообразно по тематике, метрике, жанрам. Несмотря на присущее Тредиаковскому «чувство изящного» (слова А. С. Пушкина), большинство его произведений отличается нарочитой стилистической и звуковой затрудненностью. Читать эти стихи было нелегко уже его современникам, которые их пародировали и высмеивали. Однако к концу века опыты Тредиаковского в области стихосложения, в особенности по созданию русского гекзаметра, привлекли к себе внимание А. Н. Радищева (его трактат «Памятник дактило-хореическому витязю»). Примером использования гекзаметра в русской лирике явилось «Осьмнадцатое столетие» Радищева — одно из лучших стихотворений в русской поэзии.

По мнению Радищева, Тредиаковский «разумел очень хорошо, что такое стихосложение», но, «по несчастью его, он писал русским языком прежде, нежели Ломоносов впечатлел россиянам примером своим вкус и разборчивость в выражении и в сочетании слов и речей».

Знаменитая ломоносовская теория трех штилей, использовавшая предшествовавшую европейскую и русскую традиции, в наиболее существенных чертах определила пути дальнейшего развития русской лирики XVIII века. Ведь стили закреплялись за жанрами, а представления о жанре в XVIII веке, как ни в каком другом столетии, приобрели для русской поэзии и литературы в целом первостепенное значение.

Подобно петровской «табели о рангах», четко определявшей положение человека на сословной лестнице, жанровая система вносила строгую упорядоченность в литературное творчество. Лирические жанры в большинстве своем вовсе не были новыми: какие-то из них существовали в фольклоре и в силлабической поэзии (песня, эпитафия, стихотворное послание). С другими русские авторы знакомились по античной и европейской поэзии. Как своеобразный жанровый кодекс было воспринято «Поэтическое искусство» (1674) Н. Буало. Вместе с тем русским литераторам XVIII века предстояло разработать собственную систему жанров, представив их отечественные образцы. При этом важнейшим условием творчества стало считаться знание особенностей жанров, «различия родов», по выражению Сумарокова.

Казалось бы, создание жанровых канонов могло затормозить развитие литературы и особенно лирики, требующей в первую очередь проявления индивидуального начала. Однако этого не случилось. На протяжении всего столетия шел постоянный процесс противоборства: чем ошутимее становилась регламентация, тем сильнее подспудно

росло сопротивление предписанным правилам, прорываясь к концу века откровенными протестами. К этому времени уже существенно сместились представления о жанровой иерархии, о высоком и низком. Это «движение» жанров, связанное с общей эволюцией культурного сознания,— особая тема. Не забегая вперед, отметим лишь, что всякое отступление от канона обрело ценность именно в соотнесенности с действовавшей жанровой системой, на фоне этой системы.

Изначально явное предпочтение отдавалось высокому жанру оды, занявшему совершенно особое, ключевое место. Так или иначе отношение к одическому жанру стало определять позицию каждого поэта XVIII века.

Обычно ода предназначалась для публичного торжественного прочтения перед тем высокопоставленным лицом, кому она была адресована. Поэтому этот жанр становился как бы частью своеобразного театрального церемониала, в котором автор выступал и как исполнитель. Тредиаковский демонстрировал униженность своего положения панегириста, читая свои стихи Анне Иоанновне, стоя на коленях, как рассказывают об этом мемуаристы XVIII века. К счастью, такие времена скоро миновали, и другие одописцы уже не стали следовать этому обычаю.

Тем не менее похвальная ода с ее обязательной комплиментарной частью неизбежно становилась не только поэтическим, но и своего рода нравственным испытанием.

«Упряжка славная», чувство собственного достоинства, глубоко присущие Ломоносову, оказались надежной защитой от грозившей опасности лицепрятства. В его одах есть похвалы владыкам, но нет и оттенка раболепия, искательства. Возвышаясь силой своего могучего воображения «на верх Олимпа», поэт не говорил, а вещал, выступая в качестве провозвестника высших истин, обращаясь к царям на языке богов, доступном только поэту.

Оды Ломоносова, начиная с его первой оды «На взятие Хотина» (1739), явили собою классический образец русской оды с десятистрочной строфой и четырехстопным ямбом. Впрочем, сразу важно уточнить, что эта форма была принята преимущественно для похвальной оды. Другие же разновидности жанра (духовная, натурфилософская, позднее нравоучительная) большей частью не были ориентированы на этот канон. Свои отличия имела и анакреонтическая ода, о которой речь впереди.

Опираясь на опыт античной и европейской лирики, в частности немецкой (оды И.-Х. Гюнтера), Ломоносов сумел дать новую жизнь жанру, возможности которого в европейской поэзии, казалось, были уже исчерпаны. Созданные поэтом оды продолжают «пленять ум» своей неповторимой красотой и величием на протяжении веков.

Размышляя о судьбах страны, ее прошлом и будущем, развивая темы науки, мира, славы России, Ломоносов стал создателем целой

традиции в отечественной поэзии, которая, по существу, противостояла проникнутой раболепием сервильной оде. Огромное значение имела и созданная Ломоносовым система образов, его возвышенный стиль. С метафорическими образами читатель встречается с первых строк почти каждой ломоносовской оды. Так, наиболее известная ода 1747 года начинается с воссоздания образа «возлюбленной тишины», которая рассыпает «щедрю рукою//Свое богатство по земли» и которая так прекрасна, что на нее любуется «великое светило миру» — солнце. Насыщенность аллегориями, смелая метафоричность — всё это открывало новые возможности для развития поэтического стиля.

То же самое можно сказать и о натурфилософских одах Ломоносова, которые вместе с тем остаются особым, неповторимым явлением в русской и даже мировой лирике. Трудно было следовать по стопам поэта-ученого мирового масштаба, автора удивительных по глубине научной мысли «размышлений» о природе солнца или северного сияния. Правда, «космические» темы нашли свое продолжение в отечественной поэзии: в конце века они начали звучать в творчестве С. С. Боброва. Как ни скромнен его талант, по сравнению с Ломоносовым, — это одно из звеньев эстафеты, переданной XIX столетию.

Собственно духовные оды Ломоносова (переложения псалмов и «Ода, выбранная из Иова») органично вошли в традицию, начатую на Руси еще в XVII веке Симеоном Полоцким, продолженную Тредиаковским и привлекавшую внимание почти всех наиболее замечательных лириков XVIII века: А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова, И. Ф. Богдановича, Н. П. Николева, Г. Р. Державина, Е. И. Кострова, И. А. Крылова, И. И. Дмитриева и многих, многих других. Обращение к одним и тем же библейским текстам открывало возможности для своеобразных поэтических состязаний, выявляло индивидуальный почерк каждого автора. В этих переложениях слышалось и осуждение царящего в мире зла, и надежда на торжество справедливости, и страстная мольба попавшего в беду человека о защите и помощи. «Вечные» темы мировой поэзии здесь вновь обретали свое собственное выражение, новые и новые оттенки. В известном смысле этот жанр оказался менее каноничен, чем похвальная ода.

Духовные оды Ломоносова, в отличие от похвальных, не были восприняты современниками и ближайшими поколениями как непреложный образец, но позднее на особое достоинство этих стихов обратил внимание А. С. Пушкин, отметивший, что «сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения»¹.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Л., 1978, т. 7, с. 22.

Перелагая библейские тексты, Ломоносов избегал чрезмерной выпренности, сравнительно мало употреблял славянизмы, находя предельно простые общепонятные слова, озарявшие древние истины новым светом:

Никто не уповай во веки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.

Обычно с именем Ломоносова — и это вполне закономерно — связано представление о высокой лирике, наполненной глубоким общественным и философским содержанием. Чаще всего при этом ссылаются на известное программное стихотворение Ломоносова «Разговор с Анакреоном» (1747), в котором анакреонтической поэзии противопоставляется та, которая воспеваает «героев славу вечную». Но в то же время мастерские переводы анакреонтических од, включенные в текст стихотворения, свидетельствуют и о причастности Ломоносова к богатой традиции в русской поэзии, связанной с именем Анакреона — начатой еще Кантемиром и достигшей своего расцвета в творчестве Державина. Так в поэзии Ломоносова намечались основные, магистральные пути дальнейшего развития лирики XVIII века.

Правда, из непосредственных учеников Ломоносова можно назвать немногих, прежде всего Н. Н. Поповского — одаренного поэта, к сожалению рано умершего. Как и положено достойному ученику, он явился не подражателем, не копиистом; ему принадлежит заслуга введения в отечественную поэзию гораццианских тем. Созданные им переводы од Горация в художественном отношении более совершенны, чем многие последующие, не говоря уже о предшествовавшем опыте Тредиаковского. Переводы Поповского, по существу, стоят у истоков целой традиции русской гораццианской оды, приобретшей свои характерные черты в творчестве Г. Р. Державина или В. В. Капниста. Гораццианские мотивы органично вошли в русскую философскую поэзию, получив в ней новое звучание.

Ломоносов выбрал одну, хотя, может быть, и самую замечательную оду Горация и написал стихотворение «Я знак бессмертия себе воздвигнул...», проложив путь к шедеврам Державина и Пушкина. Поповский же удивительно своевременно привлек внимание русских поэтов к одическому творчеству Горация в целом: созданный им цикл как бы противостоял торжественной похвальной оде, необходимую дань которой отдал и сам переводчик. В гораццианской оде речь шла не о подвигах героев, но о печалах и радостях обыкновенного человека, занятого своими земными заботами и размышлениями о праведном пути. Так гораццианство способствовало развитию философии стоицизма, столь важной для русской поэзии и литературы в целом.

У многочисленных подражателей Ломоносова похвальная ода

стала приобретать все более официальный характер. Неудивительно, что многие свободомыслящие литераторы настороженно и даже враждебно встретили «Оду на карусель» (1766) В. П. Петрова, которого Екатерина II пыталась провозгласить «вторым Ломоносовым».

Борьба против Петрова явилась, по существу, одним из свидетельств того, как высок и даже священен был авторитет Ломоносова в глазах большинства писателей XVIII века. Каждое новое поколение по-своему интерпретировало его творчество, находя в нем созвучные идеи, темы, образы. Споря с Ломоносовым, в чем-то продолжали у него учиться и Радищев, и Карамзин, и Дмитриев.

Иные судьбы были у лирики Сумарокова, которого многие современники называли своим учителем, считая его главой целой поэтической школы. Менее всего этой репутацией он был обязан своим одам. Сумароков выступил создателем так называемой «сухой» оды: в отличие от ломоносовской, насыщенной метафорическими образами, эмоциональной по всему своему характеру, ода Сумарокова строилась преимущественно на логическом развитии определенной темы, что придавало ей большую рассудочность. «Холодный Сумароков», как его назвал А. С. Пушкин, скептически относился к тому «великолению», в котором он не видел «ясности». Но, при всех различиях с ломоносовской, ода Сумарокова сохраняла с ней и определенную общность, поддерживая представление об этом жанре как «высшем виде лирики»¹.

Тем не менее для последователей Сумарокова несравненно важнее, чем его оды, оказались другие жанры.

Важной заслугой поэта было обращение к самым разным лирическим жанрам. В большинстве случаев он не был первооткрывателем: отчасти ему предшествовали силлабики, и особенно Тредиаковский. Но так же, как русская ода, по существу, начинается все-таки не с Тредиаковского, а с Ломоносова, так и элегия — с Сумарокова. Этот жанр, которому суждена была такая счастливая судьба на русской почве, приобрел у Сумарокова достаточно устойчивые черты: в элегии стала доминировать любовная тема с ее характерными коллизиями (разлука с возлюбленной, ее измена и т. п.); выработалась определенная система образов и самый стиль, включая устойчивые фразеологизмы («стесненный дух», «несносная мука», «лютая страсть»); за жанром закрепился достаточно надолго один и тот же метр — александрийский стих. Этот тип элегии варьировался уже многочисленными современниками Сумарокова (А. А. Нартовым, А. В. и С. В. Нарышкиными, А. А. Ржевским и др.) и сохранился

¹ Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр. — Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 245.

в русской поэзии вплоть до 1790-х годов (например, элегии И. Б. Лафинова). Правда, в конце века подобные стихи выглядели уже несколько старомодно, но в свое время узаконение элегии как жанра утверждало и права любовной лирики. Еще Тредиаковского, осмелившегося напечатать свой перевод аллегорического галантного романа П. Тальмана «Езда в остров Любви» с приложением собственных любовных стихов (1730), называли «развратителем русской молодежи». Сумароков же в «Эпистоле о стихотворстве» (1747), наставляя «стремящихся на Парнас», вслед за Н. Буало, обращает их внимание и на элегию:

Когда ты мягкосерд и жалостлив рожден
И ежели притом любовью побежден,
Пиши элегии, вспевай любовны узы
Плачевным голосом стенищей де ла Сюзы.

Упоминание графини Г. де ла Сюз, французской поэтессы XVII века, прославившейся своими элегиями, обращение в другом стихотворении («Жива ли, Каршин, ты?..») к «германской Сафе» — немецкой поэтессе А.-Л. Карш (Каршин), современнице Сумарокова, — все это не только вводило русскую любовную лирику в контекст европейской поэзии, но и обращало внимание на причастность женщин к литературе, поощряя молодых россиянок к вступлению на поэтическое поприще. Неудивительно, что среди первых русских поэтесс XVIII века оказалась дочь Сумарокова, вышедшая затем замуж за драматурга Я. Б. Княжнина. Если она еще печатала стихи анонимно, то Е. В. Хераскова, жена М. М. Хераскова, уже ставила при публикациях свои инициалы, и об ее авторстве хорошо знали в литературных кругах, называя ее «российской де ла Сюзой».

Для поэтов и поэтесс 1760-х годов Сумароков оставался и образцовым автором в самых разных лирических жанрах, и наставником, к советам и рекомендациям которого внимательно прислушивались. Сумароков стремился обособить каждый жанр — всему следовало найти соответствующие формы выражения: героическому подвигу — одно, любовной тоске, горести об ушедшем друге — другое, радости при ощущении счастливой безмятежной любви — третье. Важно было закрепить эту форму раз и навсегда и не смешивать разные жанры — таковы непреложные требования классицизма. На практике, однако, все оказывалось гораздо сложнее.

Как и в европейской поэзии, в идилии и эклоги Сумарокова и его последователей могли проникать элементы элегии. И то и другое воздействовало на жанр литературной песни, приобретший широкую популярность и узаконенный опять-таки благодаря Сумарокову. Кантемир, писавший в юности песни, говорил позднее, что сочинение любовных песен — дело тех, «коих... ум неспел». Слава «нежного автора» смущала и Сумарокова, гордившегося прежде всего своими трагедиями и «высокой» лирикой. Но

декларированное писателем в спорах с Ломоносовым требование ясности и простоты наиболее полно реализовалось не в одах и даже не в элегиях, а именно в песнях.

Совершенно естественно и органично входила в этот жанр и устная народная поэзия. Взаимодействие фольклорной и литературной песни (не только любовной, но и солдатской), осуществленное в творчестве Сумарокова, оказалось процессом, определившим развитие жанра на протяжении всего XVIII века и получившим продолжение в XIX столетии. Характерно, в частности, что ближайшим последователем Сумарокова в этом направлении стал М. И. Попов, проявлявший устойчивый интерес и к древней славянской мифологии, и к отечественному фольклору. Песня была — наряду, может быть, только со стихотворным посланием — наиболее свободным и гибким лирическим жанром, не скованным определенными ритмическими требованиями.

Между тем Сумароков, вслед за Тредиаковским, но с несравненно большим успехом, начал освоение самых разных стихотворных форм: станс, сонет, рондо и т. д. Тематически эти стихотворения нередко сближались с элегией и одновременно открывали новые возможности для развития русской медитативной лирики.

«Примером жанрового мышления эпохи» Г. А. Гуковский удачно назвал анакреонтическую оду, выделив ее как особый жанр русской лирики XVIII века¹. Анакреонтическая ода, или анакреонтические стихи, — это вовсе не обязательно перевод или подражание Анакреону. При свободно варьируемой тематике (преимущественно, однако, мажорной тональности) эта ода отличалась прежде всего отсутствием рифмы и совпадением стиха с синтаксической единицей фразы, а также женским окончанием:

Завидны те мне розы,
Которы ты срываешь.
К чему тебе уборы?
Прекрасней быть не можешь!

Эти начальные строки «Оды анакреонтической» (1755) Сумарокова дают представление о звуковой структуре жанра, продолжавшего привлекать внимание русских поэтов до самого конца столетия. Впрочем, может быть, вернее было бы говорить все-таки о стихотворной форме, а не жанре, учитывая разнохарактерность содержания анакреонтической оды.

Так, уже у Хераскова эта ода превращается в философскую медитацию («О разуме», «О злате» и др.). Херасков — поэт, сумевший уловить важные тенденции эпохи и щедро награжденный за это современниками, которые на протяжении нескольких десятилетий произносили его имя с восторгом и почитанием. Вокруг Хераскова и сплотилась так называемая сумароковская школа (А. А. Ржевский, В. И. Майков, И. Ф. Богданович и др.) — литераторы, сотрудничавшие

¹ Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927, с. 125.

в журналах «Полезное увеселение» (1760—1762), «Невинное упражнение» (1763), «Свободные часы» (1763), «Доброе намерение» (1764).

Отдавая дань традиционной похвальной оде, Херасков и его приверженцы с большим энтузиазмом и несомненно с большим результатом взялись за разработку иных жанров. Сам Херасков выступил создателем нового типа оды — «нравоучительной», написанной, в отличие от анакреонтической, рифмованным ямбом и, в отличие от похвальной, не разделенной на строфы.

Постепенно формальные признаки одического жанра начинали все заметнее размываться. Одновременно и темы «философических» од (восхваление добродетели, сетования на скоротечность и суетность жизни, размышления о счастье и т. п.) перекочевывали в стансы, сонеты, рондо, даже в эпитафию и эпиграмму, если она сохраняла исконное значение краткой надписи, вовсе не обязательно сатирического характера, например эпиграммы Богдановича. Вместе с тем особый интерес стали вызывать всевозможные поэтические эксперименты, блестящим мастером которых выступил Ржевский: его ода из односложных слов, сонеты на заданные рифмы, сонеты, рассчитанные на три способа прочтения и т. д. Такие эксперименты не только демонстрировали богатые метрические и ритмические возможности русского стиха, но по-своему помогали отказать от той категорической однозначности и строгой регламентации, к которой обязывала теория классицизма. Превознося красоту в одной оде (лишенной, кстати, уже формальных жанровых признаков), Богданович опровергает эти мысли в другой, используя те же самые рифмы. У Майкова, а затем и других поэтов появляются оды, обращенные, подобно посланию, к определенному адресату: «Ода Платону о бессмертии души» и другие. У Я. Б. Княжнина ода оказывается посвящена пейзажной зарисовке, соприкасаясь с идиллией: «Утро. Ода». Подобные попытки обновления жанра были, несомненно, плодотворны.

Но подлинно новую жизнь ода получила в творчестве самого замечательного лирика XVIII века — Г. Р. Державина. Широкою известность и признание, прижизненную славу ему принесла, несомненно, «Фелица» (1783). В. Ф. Ходасевич заметил, что «в поэтическом отношении эта слава была бы справедливее, если бы последовала тотчас за стихами на смерть Меццерского»¹. Для современного читателя стихотворение «На смерть князя Меццерского» (1779) скорее всего покажется даже более значительным и совершенным, чем «Фелица».

Каждое из этих стихотворений связано с разными жанровыми традициями: первое — с философской одой, второе — с одой похвальной. Но ведь с этим жанром было сопряжено представление о недостижимых высотах ломоносовской оды. Ее последователи неизбежно повторяли устоявшиеся штампы, и сказать здесь поистине свежее слово было особенно трудно. Державину это удалось. «Фелица» — ода с традиционной строфикой, написанная традицион-

¹ Ходасевич В. Ф. Державин. М., 1988, с. 103.

ным четырехстопным ямбом, посвященная традиционной теме. Но эта ода настолько необычна, настолько непохожа на все, что существовало раньше. Императрице, как известно, весьма польстил портрет «богоподобной царевны», изображенной так по-человечески, с упоминанием о «простой пище» за ее столом, о ее пеших прогулках и т. д. Абстрактные одические образы стали приобретать конкретность: цари-боги были сведены на землю. Сам поэт тоже как будто демонстративно отказывался от миссии пророка, возглашающего истины владыкам:

Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плести <...>

Читатели с удивлением могли заметить, что в оду проникли элементы сатиры, изменилась привычная система образов, стиль, самая интонация. Обновляя содержание оды, Державин отказался и от стереотипов одической рифмы—он смело начал вводить новые созвучия. Ораторскую интонацию заменила разговорная, простодушно-доверительная, порою саркастическая.

От оды Ломоносова у Державина сохранилось, однако, очень существенное: гражданственный характер, стремление деятельно участвовать в решении важнейших общественных вопросов, выдвижение развернутой политической программы. Сохранилось и другое: чувство собственного достоинства, присущее поэту, независимость его суждения, откровенно просвечивающие через все похвалы и лестные слова.

Позицию Державина, автора «Фелицы», нельзя рассматривать вне контекста его творчества в целом, особенно таких стихотворений, как «Властителям и судиям», «Вельможа», «На птичку», «Храповицкому» и т. д. В «Фелице» прозвучал вопрос, к которому поэт возвращался на протяжении всей жизни: «как пышно и правдиво жить?» Разные стороны державинской лирики как бы объединяются в этом вопросе: и гедонистические мотивы (включая красочные описания великолепных торжеств и пиршеств), и нравственно-философские, связанные с традициями до- и последержавинской русской поэзии. Правда, ее поиски—важнейшая тема, проходящая через державинские стихи самых разных жанров: звучащая с небывалой силой в духовной оде—переложении псалма «Властителям и судиям», по-своему возникающая в похвальных одах и придающая совершенно особый характер анакреонтической лирике.

Подчас у Державина трудно уже вычленишь жанр: одно и то же стихотворение в разных публикациях могло иметь жанровое обозначение, а могло и не иметь его. Границы оды сделались открытыми, и с торжественными одами на победы Суворова соперничает маленькое лирическое стихотворение «Снигирь»—один из державинских шедевров.

Жанровая раскованность, присущая поэзии Державина, во многом была уже знаменем времени. К этому пришел и М. Н. Муравьев, поэт совершенно иного плана, но по-своему оказавший огромное влияние на развитие русской лирики XVIII и даже начала XIX века. Большинство его стихотворений было опубликовано уже после смерти

автора, многие — спустя почти два века после их создания. Но в дружеском литературном кругу хорошо знали Муравьева и как поэта и как тонкого ценителя поэзии.

Почему же Муравьев так мало и редко печатал свои произведения? Можно говорить и о строгой взыскательности художника, и о его ощущении некой незавершенности своих стихов: в течение ряда лет он вновь и вновь обращался к работе над их текстом. Но здесь была и своя историческая закономерность. В 1770 — 1780-е годы, годы интенсивного поэтического творчества Муравьева, еще очень устойчивым было представление о стихотворных жанрах, их иерархии. Вначале, как бы повинувшись этому господствовавшему представлению, поэт выпустил сборник «Оды» (1775). Но дальше все пошло не по правилам: Муравьев, «перепутав все жанры, превратил свои стихи в лирический дневник»¹. Возникло новое явление, не предусмотренное теорией классицизма, но получившее законные права в искусстве сентиментализма и преромантизма — поэтический фрагмент, созданный «мудрецом единого мгновения».

Отличия лирики Муравьева от державинской особенно заметны в изображении природы. Праздничные, блестящие яркими нарядными красками пейзажи Державина до сих пор остаются непревзойденными образцами словесной живописи. Язык аллегорий приобрел у него удивительную зримую конкретность, неожиданно соприкоснувшись с миром русского фольклора. Поэт сумел увидеть, как «румяна Осень носит // Снопы златые на гумно», как с севера наступает Зима — «Идет седая чародейка, // Косматым машет рукавом». Зоркий глаз уже старого Державина замечает «пурпур в ягодах», «бархат-пух грибов», «сребро, трепещуще лещами», «желто-зеленые ковры» пестреющих копен и снопов.

Иной предстала природа в стихах Муравьева. Его пейзажная лирика открыла новые отношения между природой и человеком. Одушевляя ее, поэт начинает и себя чувствовать ее частью. Анализируя поэтический стиль Муравьева, Г. А. Гуковский обратил внимание на преобладание у него эпитетов, создающих прежде всего определенную эмоциональную атмосферу: «приятная тишина», «сладкий покой», «кроткий луч» и т. д.² Вскоре этот поэтический язык обогатится в творчестве Карамзина, а затем и Жуковского.

Причастность Муравьева к сентиментализму несомненна. Но самая литературная жизнь была гораздо сложнее и многограннее, чем сформировавшиеся позднее представления о литературных направлениях, существовавших в XVIII веке. Поэты, воспринимаемые нами как представители разных школ и направлений, были хорошо знакомы друг с другом, дружили, ходили друг к другу в гости,

¹ Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева. — Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967, с. 47 (Библиотека поэта. Большая серия).

² См.: Гуковский Г. А. У истоков русского сентиментализма. — Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938, с. 280—282.

печатали свои стихи в одних и тех же журналах. Личное общение, несомненно, способствовало и взаимному влиянию, взаимодействию разных направлений, как мы теперь можем сказать.

Примером замечательного содружества достаточно разных поэтов может служить так называемый львовско-державинский кружок, объединявший не только литераторов, но и музыкантов, художников,— кружок, сыгравший видную роль в развитии русской культуры XVIII века. Из поэтов, помимо самого Державина и Н. А. Львова, сюда входили и В. В. Капнист и И. И. Хемницер. В разной степени с кружком были связаны и Муравьев, и Дмитриев, и Карамзин.

Подлинной душой кружка был Львов—архитектор, музыкант, фольклорист, литератор и теоретик искусства. Разносторонность его дарования по-своему проявилась и в лирике, имевшей преимущественно преромантический характер. В оде «Музыка, или Семитония» Львов использует традиционный жанр для прославления не героя, не мецената, но «волшебной власти» гармонии, дарующей людям счастье. Это стихотворение, наряду с некоторыми стихами Державина («К лире», «Цыганская пляска» и др.) и Дмитриева («Стихи на игру господина Геслера», «Экспромт (На игру г-на Дица)» стоит у истоков достойной внимания темы: музыка в русской поэзии. Замечательно внимание Львова к звуковой стороне народной песни, и его опыты по созданию «народного стиха» (например, «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго»)

Стремясь постигнуть и выразить самобытность отечественной культуры, поэты львовско-державинского кружка не замыкались в узко национальных рамках. Вслед за своими предшественниками они постоянно обращались к античной и европейской поэзии: переводы Львова из Анакреона, подражания Капниста Горацию и т. д.

Горацианская ода получила новое бытие в творчестве Капниста. По его собственным словам, он «стремился перенести Горация в наш век и круг». В результате поэту удалось удивительно органично соединить горацианские мотивы с традициями русской лирики, выразить в этих одах то, что было близко и дорого его поколению, окружавшим его друзьям, ему самому. Свою «тихую песнь» Капнист отграничивал от громкой одической поэзии (ода «Ломоносов»), не дерзая равняться с «росским Пиндаром». Характерно, однако, что самое жанровое определение Капнист сохранил в рубриках поэтических сборников, включающих помимо «торжественных», «духовных» и «горацианских» од «нравоучительные и элегические» и «анакреонтические оды»—стихи камерного содержания, зачастую вовсе не обладающие обязательными формальными признаками жанра. Наиболее традиционным по отношению к форме Капнист оказался в жанре оды торжественной, но именно этот жанр был избран поэтом для выражения вольнолюбивых идей, отчасти сопоставимых по своей смелости с радищевскими.

«Ода на рабство» Капниста и в еще большей степени «Вольность» Радищева обнаружили совершенно новые возможности жанра, вновь выдвинув его на один из магистральных путей развития русской лирики. «Бунтовская» ода Радищева, неразрывно связанная со всем содержанием крамольного «Путешествия из Петербурга в Москву», возвращала жанр к истинно высокой проблематике. Строфика, ораторская интонация, в значительной степени стилистика — все это повторяло традицию, тем разительнее было несоответствие в содержании: вместо похвалы царю или полководцу — прорицание вольности. Героическое начало, искони присущее оде, приобрело совершенно новый смысл: подлинно неустранимым героем, бросающим вызов сидящим на престоле, становился сам автор. Потому так уместны в этой торжественной оде строки, имеющие глубоко личный характер и затрагивающие столь важную для русской лирики тему бессмертия поэта:

Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел <...>

Новый поворот в судьбе одического жанра от Радищева привел к «высокой» поэзии декабристов и Пушкина. В. К. Кюхельбекер имел достаточно оснований для того, чтобы заявить: «В оде поэт бескорыстен: <...> он вещает правду и суд Промысла, торжествует о величии родимого края, мечет перуны в сопостатов, блажит праведника, клянет изверга»¹. Эти слова по-своему могут быть отнесены к одам и Ломоносова, и Державина, и Кострова, и Капниста, и тем более Радищева.

Не только с одой «Вольность», но со всем поэтическим творчеством Радищева, с его небольшими по объему «безжанровыми» стихотворениями, проникнутыми подлинным лиризмом, соотносится поэзия П. А. Словцова, чья судьба оказалась почти столь же трагична, как и автора «Путешествия из Петербурга в Москву».

Поэты, входившие в Общество друзей словесных наук, членом которого был и Радищев, и сотрудничавшие в журнале «Беседующий гражданин» (1789) — С. С. Бобров, С. А. Тучков, С. С. Пестов — по-своему продолжали традиции «философической» оды, не отказываясь и от малых, камерных, жанров.

Быстро отсеивались и прочно забывались бесчисленные громкие оды, содержавшие дежурные похвалы монарху или высоким покровителям, написанные по устоявшимся шаблонам. Но нельзя забывать, что они-то и составляли в 1780 — 1790-е годы тот общий фон, который оставался еще таким привычным.

Выступление с хвалебной одой сделалось даже своеобразным

¹ Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. — Мнемозина. М., 1824, ч. 2, с. 31.

ритуалом, необходимым для каждого стихотворца, желающего получить признание. На демонстративный отказ от подобного ритуала были способны немногие. В этом отношении замечательно стихотворение Карамзина «Ответ моему приятелю...», определяющее независимую позицию поэта.

Пolemическое отношение к традиционной хвалебной оде было и у Карамзина, и у Дмитриева, и у многих других поэтов, связанных с сентиментализмом. Но это не было отказом от высокой темы в лирике. Достаточно вспомнить стихотворение Карамзина «К Милости», достойно продолжающее гражданственную одическую традицию, или стихотворение Дмитриева «Ермак», «исполненное огня поэтического», по выражению П. А. Вяземского, поражающее «звучностью стихов, разительных и твердых»¹.

В то же время у поэтов нового направления с их интересом к отдельному, частному человеку, к миру его чувств — к «жизни сердца» все заметнее становилось предпочтение камерной лирики. Вместо четко определенного стилистически и ритмически жанра элегии в русской лирике начиная с Муравьева стали появляться многочисленные стихотворения, не имевшие жанровых обозначений и примет, но окрашенные элегической тональностью. Одновременно рос интерес к поэтической «безделке» (мадригал, надпись и т. п.), требовавшей особой изысканности. Всё больше завоевывает прав «легкая поэзия», которую К. Н. Батюшков позднее назвал «прелестною роскошью словесности».

Характерно, что в поэзии сентиментализма на одно из первых мест выходит когда-то презиравшаяся песня, прокладывая одновременно дорогу новому явлению в русской культуре — романсу. В течение десятилетий сохраняли исключительную популярность песни на слова Карамзина, Дмитриева, Нелединского-Мелецкого и других поэтов 1790-х годов. Несколько поколений искренне восхищались знаменитой песней Дмитриева «Стонет сизый голубочек...», входящей и ныне в репертуар исполнителей старинных романсов. Во многом ориентируясь на фольклор, поэты по-своему обрабатывали народную песню, стремясь придать ей черты изысканной галантности. «Голубочек» стал варьироваться на разные лады — открылась благодатная тема для многочисленных подражаний. Опять начал складываться стереотип, и это ставило новую школу под удар.

Как бы предваряя последующую борьбу «архаистов» и «новаторов», в 1790-е годы сформировалось два враждующих лагеря, каждый из которых объединялся вокруг «своих» печатных органов. «Московскому журналу» Карамзина во многом противостояли журналы, издававшиеся И. А. Крыловым «с товарищи» (А. И. Клушиным

¹ Вяземский П. А. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева. — Вяземский П. А. Сочинения. М., 1982, т. 2, с. 62—63.

и П. А. Плавильщиковым) — «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий»¹. Однако, ведя полемику с сентименталистами, сотрудники крыловских журналов нередко и сами обращались к камерной лирике и даже к излюбленным темам своих противников. Именно поэзия оказалась той областью, где художественные поиски тех и других неожиданно очень тесно соприкоснулись. Многие написанные Крыловым, Клушиным, А. И. Бухарским стихотворения, в которых авторы изливали «скорбь души» и сетовали на разлуку с возлюбленной, порою даже трудно отграничить от произведений, созданных «карамзинистами». Одописец Н. П. Николев, над «Творениями» которого смеются авторы «Безделок», с успехом пишет песни, и лучшую из них «Вечерком румяну зорю...» Карамзин печатает в «Московском журнале».

Общие тенденции, характерные для развития русской лирики конца столетия, хорошо прослеживаются в творчестве второстепенных, но достаточно интересных авторов. Немалую роль тут играли и новые культурные гнезда, появившиеся в разных концах России и существовавшие ранее, но оживившие свою деятельность благодаря успехам печатного дела. Так, весьма примечательным событием в литературной жизни Сибири явился тобольский журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789 — 1791 гг.). Здесь публиковались стихи и губернского прокурора И. И. Бахтина, и сосланного в Сибирь за подделку ассигнации дворянина П. П. Сумарокова, и крепостного интеллигента Н. С. Смирнова. Во многих народных училищах и духовных семинариях, остававшихся центрами местной образованности, выступали со стихами и преподаватели и ученики. Результатом этих упражнений нередко были произведения вполне профессиональные, а главное, раскрывающие нам мир тревог, надежд и мечтаний этих людей. В большей или меньшей степени личное начало находит отражение в стихах нижегородского учителя Я. В. Орлова или тверского семинариста Ф. Модестова.

Одновременно ряды столичных любителей муз пополняются новыми и новыми именами. Московские и петербургские журналы 1790-х годов знакомят публику с молодыми поэтами, преимущественно сентименталистского направления, придававшими большое значение отточенности, изяществу стиха и самого стиля. А. В. Аргамаков, П. Г. Гагарин, М. А. Магницкий, П. А. Пельский, Г. А. Хованский и многие другие, включая и поэтесс, которых становится все больше (сестры Магницкие, А. С. Жукова, Е. С. Урусова и др.), — каждый из них вносит свою лепту в создание той общей стихотворной культуры, без которой были бы невозможны и вершинные явления.

Значительно выросло и число любителей поэзии, которая входила

¹ См.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 461—

в самый быт образованных, а порой даже и только тянувшихся к образованию семей. Появившиеся в конце века стихотворные альбомы, часто богато иллюстрированные, уже существенно отличались от предшествовавших им рукописных сборников. Некоторые альбомы представляли собой антологии, обдуманно и бережно составленные из любимых стихов.

Чсть издания первой печатной русской поэтической антологии принадлежала Карамзину, выпустившему в 1796—1799 годы три миниатюрных томиков под названием «Аониды». Издатель дерзнул обойтись без авторитетов недавнего прошлого: в антологию вошли стихи лишь современных поэтов. Знаменательно, что здесь рядом со стихами самого Карамзина и Дмитриева были напечатаны произведения и Державина, и Крылова, и Николева, а также многих начинающих молодых стихотворцев. Это был генеральный смотр русской поэзии конца века и одновременно—школа мастерства. Предисловие, предпосланное Карамзиным второй книге антологии, содержало целую литературную программу. «<...> Истинный поэт,—говорилось здесь в частности,—находит в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону: его дело наводить на все живые краски, ко всему привязывать остроумную мысль, обыкновенное чувство украшать выражением, показывать оттенки, которые укрываются от глаз других людей, находить неприметные аналогии, сходства <...>»¹. Весьма значимой оказалась и шутка, произнесенная Карамзиным на дружеском обеде по случаю издания «Аонид»: «Кто в наше время напишет вялый и водяной стих, тому именным указом должно запретить писать стихи»².

Старшие современники Пушкина зачитывались «Аонидами», переписывали в альбомы понравившиеся стихи, а кое-кто тайно снимал копию с запрещенной книги Радищева, выводя строки крамольной «Вольности».

Лирика XVIII века в первые десятилетия века XIX продолжала еще жить необыкновенно интенсивной жизнью. Но прошло время, и ее затмила блестящая пушкинская пора.

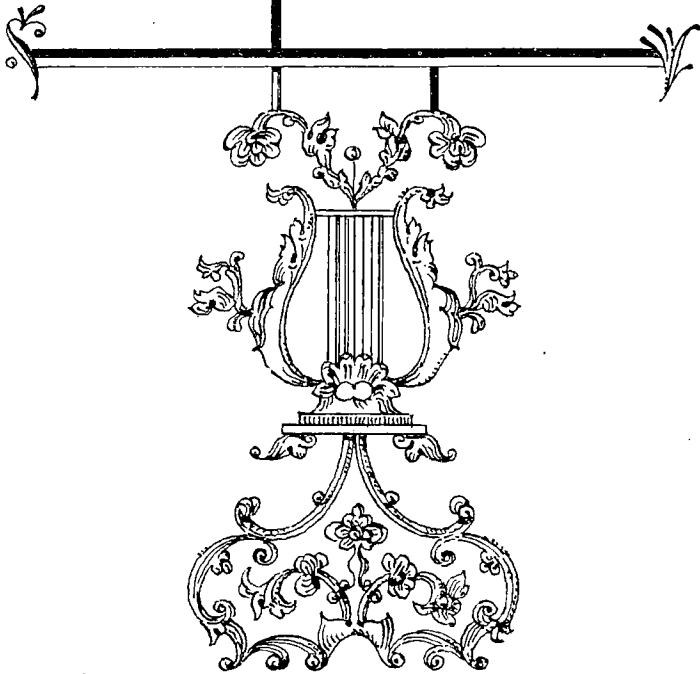
Годы шли, одни властители дум сменялись другими, но, возвращаясь к прошлому, истинные ценители поэзии открывали все новые и новые красоты в далекой лирике XVIII века. А в XX столетии наконец поняли, что эта лирика вовсе не так далека, особенно если вчитаться в нее не спеша и почувствовать величие ее образов, музыку ее созвучий, задушевность и неповторимую прелесть.

Н. Д. Кочеткова

¹ Карамзин Н. М. Избр. соч. М.—Л., 1964, т. 2, с. 144.

² Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895, с. 159.

ЛИРИКА

Феофан Прокопович

ПЛАЧЕТ ПАСТУШОК В ДОЛГОМ НЕНАСТЬИ

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон света не видно,—
все ненастье.
Нет и надежды. О многобедно
мое счастье!
Хотя ж малую явит ограду
и поманит,
И будто нечто польготит стаду,
да обманет.
Дрожу под дубом; а крайним голодом
овцы тают
И уже весьма мокротным хладом
исчезают.
Прошел день пятый, а вод дождевых
нет отмены.
Нет же и конца воплей плачевных
и кручины.
Потщися, Боже, нас свободити
от печали,
Наши нас деды к тебе вопити
научали.

*

О суетный человек, рабе неключимый,
Как-то ты далеко бродишь мечтанми твоими!
А незапно день последний
Разрушит твой живот бедный.
И в той час темный
Пойдешь в ров земный
И в прах твой наследный.

Как же то предстанешь Богу, невидевший Бога?
И коль страшна правда его и милость коль многа!
А безумные печали
Знать того не допускали,
И злоба зверна
И спесь безмерна
Зело в том мешали.

Прошло же все временное, сонням прилично,
Непрестанное настало, мучащее вечно.
О прегорькая година,
Еще ж бы была кончина!
Но в той болезни,
В той лютой жизни
Ни смерть, ни отмена.

*

Всяк себе в помощь вышняго предавый
живет под кровом божией державы.
Той везде радость обретая многу
веселым гласом возопиет к Богу:
Ты мой заступник, ты мой и щит твердый,
в тебе надежда, ты Бог милосердый!
О, блажен еси, в бозе упоая,
он бо от тебе отвратит вся злая,
Измет от сети ловец злонадежных
и предпочистит от словес мятежных.
Он своих рамен и своих крыл щитом
тебе покрывает пред всяким наветом.

Истина его, аки страж оружный,
тебе отвсюду оградит в час нужный.
Не страшен тебе ночный вран и стрелы,
ими же сеет злый случай в день белый;
Ни бледный призрак, в тьме людей страшаций,
ниже бес черный, в полудни ходящий.
И будет егда от обоей страны
тысяща и тьмы упадет на брани,
Но к тебе в той час и время то злое
не приблизится бедство ни малое.
А над врагами уриши твоими
достойную казнь, сам съи невредимый.
Богу бо себе вручаю твоему,
имаши Бога в крепость незыблему.
Не придет к тебе зло люто до зела,
рана твоего не угрызнет тела.
Велит бо своим слугам велелепным
стреци тя везде оком неусыпным.
На руках возьмут и на всяком пути
не дадут тебе ног твоих преткнути.
Стренет иногда аспид, зверь нелешый,
или василиск, или лев свирепый,
На тых безвредно будеши ступати
и по змиевых хребтах шествовати.
Сльши самого неложное слово,
тебе ко всякой помощи готово:
В моей он силе надежду имеет,
и сила моя оного покрывает.
Познай мя, Бога, аз готов внимати,
егда мя будешь на помощь взывати.
С ним есмь во скорби и подам избаву
и еще к тому неложную славу,
И дам век ему долгий и пространый
и введу его в живот обещанный.

*

Кто крепок на Бога уповая,
той недвижим смотрит на вся злая;
Ему ни в народе мятеж бедный,
ни страшен мучитель зверовидный,
Не страшен из облак гром парящий,
ниже ветер, от южных стран шумящий,

Когда он, смертного страха полный,
финобалтицкие движет волны.
Аще мир сокрушен распадется,
сей муж ниже тогда содрогнется;
В прах тело разбьет падеж лютый,
а духа не может и двигнути:
О Боже, крепкая наша сила,
твое единого сие дело,
Без тебе и туне мы ужасны,
при тебе и самый страх нестрашный.

МЕТAPHRASIS PS. 36¹

Кто любит Бога, не ревнуй лукавым,
Ниже завиди грешникам неправым,
Ибо исчезнут, яко трава, вскоре,
Яже зелена при утренней зоре
И цвет ей красен, скрепленный росую,
Потом увянет, посечен косою.

А ты как начал, так твори благое,
Да на сей земли время немалое
Даст ти в богатстве Бог земном пожити
И чад любимых на ней населити.
Та твоя сладость и утеха многа
Буди, всем сердцем уповай на Бога,
Ему все нужды объяви смиренно,
И, как сын отца, проси умиленно.
Он, чего просишь zde, услышит горе
И твои нужды, щедр, исполнит вскоре,
И добродетель, юже творишь втайне,
И правду явит, да узрится крайне,—
Так, яко вещи, ко зрению трудны,
Всяк видит ясно при светлом полудни.
Паки глаголю: не ревнуй лукаву,
Хотя и спеет от славы во славу,
И аще бы был и всегда счастливый,
Ты о том желчен не будь и гневливый;
Да не погресишь, худо рассуждая,
Что благим токмо случаются злая.
Се бо судии вышнего гнев правый

¹ Переложение псалма 36 (лат.).

Разорит вскоре всяк совет лукавый,
И скоро, где был, грешника нечиста
Будешь искати, да не сыщешь места.
А тихий духом и муж терпеливый
Наследит землю в покое счастливый.
Правда есть, грешный его презирати
Будет и зубом нань злым скрежетати;
Но и Бог ему посмеется вьну,
Понеже видит злу его кончину;
Будет и меч свой грешный изостряти
И лук стрелами тугий натягати,
Дабы бедного убить непорочно,
Но та вся работа будет безпрочно,
Понеже сердце меч пронзит самого
И лук, сокрушен, не успеет много.
Лучше праведну имение мало,
Еже праведно тцание собрало,
Нежели многи корысти излишны,
Их же зле собрал с обидою грешный;
Ибо сим будет скорая премена,
И не дождутся ни внука, ни сина;
А имение праведных малое
Укрепит Господь и умножит втрое,
Дабы от сынов до внуков сторично
Их преходило в наследие вечно.
Когда грешницы погибнут от глада—
Сих и в зло время сыты будут чада.
Враг божий только подыметя в гору,
Как дым и пара исчезнет в ту ж пору;
А пока живет, хотя и богатый,
То непрестанно будет занимати;
Супротив того, праведник и нищий
Будет и ближним уделяти пищи;
Кто его, злобный, будет проклинати,
Тот и сам будет от Бога проклятый.
Стопы праведных Господь управляет
И все промыслы и пути их знает.
Не будут, хотя падут, поврежденны,
От силы вышней всегда укрепленны,
Даже по старость не видех из млада
Любящих бога, умерших от глада,
Не видех, дабы оных дети милы,
Прозяще хлеба, по миру бродили.
Всех без коварства любит и попросту
И дает займы потребным без росту,

Не щадит скудным и последней лепты,
Аки вдовицы с Сидонской Сарепты;
Не оскудеет, пока жити станет,
А после его и внукам останет.
Того ради перестань, иже творишь злое,
И начни за то творити благое,—
Да будешь богатств праведных причастен
И на сей земли в век глубокий счастен.
Видишь, господни како судьбы правы,
Как никогда же любящих остави,
А нечестивых потребляет имя,
Дабы злых плевел не осталось семя.
У добрых людей премудрое слово
В устах на правду всякую готово,
И закон божий, в сердце изваянный,
Как ноги правит дела их избранны;
Спротив того, клеветник лукавый,
Таковой правых ненавидя славы,
Будет аж живые соплетати сети,
Как бы невинных злобно умертвити;
Но сих десница сохранит державна,
Да объявится лжа на суде явна.
Дай только сроку, буди терпеливый—
Ты на сей земле так будешь счастливый,
Что твое славно еще узрит око,
Как казнит злобных гнев божий жестоко.
Я не одного видел истукана
Гордого, яко кедр с горы Ливана,
И только прошел (сие правда иста),
Искал, где он был, и не сыскал места.
То лучше быть в жизни незлобиву
И просту иметь душу, а не криву.
Когда таковых по старость из млада
Бог хранит мирных, яко отец чада,—
Егда лукавы всегдашней боязни,
Ей же трепещут, не убегут казни;
И то не диво, что Бог заступает
Праведных в скорби и им помогает,
Что его к простым щедрота излишна,
Что их спасает от обиды грешна,
Ибо всем сердцем те нань уповают
И, кроме его, иного не знают.

Аще из земли престанут реки
 Истекати
 И начнут моря брег свой великий
 Преступати,
 А падше небо землю покривет
 Всю звездами,
 Воздух, в огонь пришед, воссвиреплет
 Молниями—
 То ниже тогда благодсть вышняго
 Многомоцна
 Предаст праведна в руки грешнаго
 Беспомощна,
 Ни душ избранных всеблагой отец
 В злой печали
 Оставит, дабы, лишены, в конец
 Погибали.
 А моя едва не поползнулась
 Нога слизка,
 Егда божьей мерить коснулась
 Судьбы сблизка
 И плохим умом промысл безмерный
 Рассуждати,
 Коим раздает Творец всемирный
 Благодати.
 Гневом завистным сердце кипело
 От ревности,
 Егда сим внешним оком смотрело
 Полных злости
 И потопленных во водах темных
 Злобы зельны,—
 Как процветают, сих благих земных
 Изобильны;
 Как с добрым счастье непостоянно
 И неверно—
 Сим служит всегда, яко связанно,
 Весьма смирно,
 Слепа фортуна ведет их, здравых,
 Як стоока,
 В старость глубоко по путех правых
 Без порока.
 Егда праведным сердце снедают

¹ Переложение псалма 72 (лат.).

Злы болезни—
Сии в радости век провождают
И дни жизни;
Чуждая печаль, беды, напасти
И кручина
Им веселия и новой сласти
Суть причина.
Уж лишних богатств дом их просторный
Не вмещает—
Счастья своего ни дух высокий
Обымает;
Роскошь надежду их и охоту
Утрудила,
Но не чрез сию самых щедроту
Насытила;
В таком счастье полны гордости
И надменны,
Самолюбием жестоким в злости
Ослепленны,
Свиньею смотрят на люди равны,
Как скотины,
И дают бедных, сильно злонаправны,
Без причины;
Стращать грозными меньших словами
Не довольны,
Что ядом уст их и клеветами
Земли полны,—
Уже коснулась языка злого
Злоба многа
Небес и смеет и на самого
Лгати Бога;
Сие егда зрит праведник в мире,
Озлобленный,
Не дивно, что весь шатнется в вере,
Изумленный,
И речет в себе: «Есть ли Бог? или
Сущ, не видит,
Иль громовые потерял стрелы
И, тощ, сидит,
Когда грешный в сем и в том свете
Изобильный.
Не есть праведен в своем совете
Бог всеисильный!
Всуде живется в краткой сей жизни
Беспорочно,

И с кротостью терпеть болезни
Есть непрочно».
Но егда ум свой обратит паки
На советы,
Бога боится чрез сии знаки
Погрешити,
Да не сих вменит як овец стада
Заколенна,
Их же он своя нарече чада
Возлюбленна;
В том сумнительстве праведный Давид
Весь смущенный,
Егда трудился, да вины узрит
Утаенны.
Скрытых советов исследить дела
Не возможе,
Пока обратил ум свой в светила
Твоя, Боже!
И тамо узрел конец сих, славных
В счастья цвете,
Коя премена ждет их, злонаравных,
На сем свете.
И се ты, Боже, сих гордых роги
Сокрушаешь,
Их славу и честь смирным под ноги
Повергаешь,
А прелести их платишь прав грозно,
И в сей жизни
И в оном веце ощутят поздно
Злы болезни,
Кроме совести, яже их мучит
Всегда тайно,
Паче тиранов лютых, и скучит
Чрезвычайно.
Гнев твой праведный гонит их везде
Непрестанно,
Пока с богатством исчезнут отзде
Окаянно,
Яко сон, иже мечтами спящих
Устрашает,
А потом, вмале оставя бдящих,
Исчезает.
Дондеже и аз сия постигох,
Как скотина
Бых неразумен, знати не могох,

Кая вина
Зельного счастья грешных, от тебе
Отверженных.
И уж едва не почтох себе
Меж прельщенных,
Но твоей руки тайная сила
Мя держала,
Промыслов твоих скрытые дела
Мне являла.
Се ныне познах, что ничто слава
Небес вышних
Без тебе, ничто земли держава
Есть у грешных.
Все мое тело, в злых изможденно,
Унывает,
К тебе в сердце, в злых утружденно,
Воздыхает.
Ты моя буди един довольна
Часть, о Боже!
Без тебе небо и земля полна
Мне ничто же,
Когда безбожных, иже тя, отца
Всех, не знают,
И лживых богов за тебе, Творца,
Почитают,
Как либо в свете сем суть счастливы,
Погубиши
И в конец чрез гнев зело страшный
Потребиши,—
Буду за сладость тогда едину
Почитати,
Тебе любити и на тя выну
Уповати,
И прославляти твой совет скрытый,
Весьма правый,
И твои хвалы в жизни сей пети,
Боже, славы!
Ты Бог, и мирне иже не дремлешь,
Как Вил глухий,
Егда грешников вскоре отъемлешь
Злобных духи
И хранишь твоих сынов избранных
В злой печали,
Дабы тя, творца всех сих дел странных,
Прославляли.

Феофил Кролик

Epodos consolatoria
ad oden pastoris Pimini sortem gregis sub tempestatem
deplorantis ¹

На горах наших, Пимине, славный
Сединами!
Ни свирелию тебе кто равный,
Ни стадами:
На рожку ль поешь или на сопели
Хвалу Богу,
Стихом ли даешь промежду деды
Радость многу;
Забывше травы, к ней же из млада
Наученны,
Соят и овцы и козлищ стада
Удивленны.
Сенька и Федька когда песнь пели
Пред тобою,
Как немазаные двери скрипели
Ветчиною;
Славному млека и волны зело,
Когдась вору
Лошадей столько в мысли не было
И Егору,
Сколько есть овец в твоей ограде
В летнем зною.
Молоко свежо при твоём стаде
И зимою.
Ты же был горазд и волков бити
Из пицали,
Беда не могла тебе вредити
И печали;
И еще сена у тебя много
Вместо травы;

¹ Песнь утешения на песнь пастуха Пимина, оплакивающего участь стада во время ненастья (лат.).

Есть и хлевина, для дождю злого
 Ту исправи.
Сии запасы твоему стаду
 В зиму люту
И в осень мокру дадут отраду
 И приюту.
А ты сам в теплой сидя хижине,
 Можешь сети
Вязать, или что плесть при лучине,
 Или пети,
Или, милую возвав дружину,
 Промеж дела
Бражку и вино подносъ по чину,
 Не унылый.
Они ти за то будут при делах
 Помогати,
Масло и творог жирный в творилах
 Истискати.
Для чего ж плачешь, чрез пять дней было
 Что ненастье,
На дождь и стужу смотришь уныло
 За несчастье?
Что мокра осень следует лету,
 Той противу
Отъемлет зима останок свету—
 То не диво,
Посльша весну, уж ластовицы
 Появились,
Уж журавли и ины птицы
 Возвратились;
Солнце с барашка уж на близнята
 Преступило,
С матерьми юны в полях ягнята
 Блевают мило;
И славна в горах наших Диана
 Благодатна,
Весны дарами,—цветы венчанна,
 Всем приятна.
Оставя горы, в леса проходит
 С дружиною
И, знатна, красных нимф превосходит
 Лик главою;
На ней черкесский в туле сияет
 Лук; страшливых,
Готова на лов, уж примечает

Зверей дивых,
В коих вертепах щенков выводят
Львы ужасны,
Лютый бабр и барс, где детей плодят,
Пятном красны;
Вскоре ловитвы будет корысти
Разделяти,
Сих зверей кожи вместо монисты
Раздавати;
Она и тебя и твое стадо
Охраняет,
Да не вас льстивых волков зло чадо
Повреждает;
Ты бо ей главу шипковым венцем
Венчал красно,
Да в лике богинь России концем
Светит ясно.
Ты в ее праздник в жертву приносишь
Агнцев белых,
Сыченый братьи медок подносишь
С сотов зрелых,
И ее похвал ты певец славный
На сопели —
Так петь Амфион и Орфей давный
Не умели.
Для чего ж плачешь, чрез пять дней было
Что ненастье?
Уже сияет шестый день мило
В твое счастье!
Сим ныне вёдром буди довольный,
После зноя
Седьмый наступит любого полный
День покоя!
Тогда, богатый Пимине, сидя,
Безопасный,
Под дубом или под кленом, видя
Стада красны,
Висящи от гор и овец кущи
Исполнены,
Вымена млекою тяжки имущи
И раздменны,
Не забудь и нам, пастушкам малым,
Помогати.
Не дай Егора другим нахальым
Нападати:

У меня было мало козляток,
Ты известен,
Сей был моя паствы начаток
Некорыстен,
Но и сих Егор и его други
Отогнали,
Млеко и волну вороги туи
Всю раскрали.
Уж трожды солнце вкрут обежало
Путь свой белый,
Я не имею льготы нимало,
Весь унылый.
Лишен и стада, лишен хижины,
Лишен нивы,
Меж пастушками брожу единый,
Несчастливый;
Ниже в наймиты кто нанимает,
Ни козлятем
На завод бедну кто помогает,
Ни ягнятем!
То праведнейше, нежли в ненастье
Я скучаю,
Плачуц тяжкого сего несчастья
И случаю.
Никто не счастлив, разве сравнится
С тресчастливым,
Или бессчастливым, когда дивится
И плачливым.
Присмотришь токмо моему лиху
И несчастью—
Будешь в печали иметь утеху
И в ненастью.

Стефан Яворский

*

Ты, облеченна в солнце, Дево Богомати,
Да како аз, сень, к тебе дерзну приступати?
Ты—красота, аз—мерзость, в тебе несть порока,
Мене же потопляет бездна скверн глубока.

Ты—благодать, аз—злоба, ты—рай, аз—геенна,
Ты вся еси святого духа исполненна.
Аз диявольского исполнен навету,
Несть убо причастия мне, тме, к тебе, свету.
Обаче с надеждою к тебе приступаю,
Ибо ты всех грешников прибежище знаю.
Не отрини мя, молю тоя ради вины,
Ибо свойство есть быти тернию при крини;
Нощи темной при луне обычно бывати,
Тоже и аз да буду при тебе, о мати!
Змий древле приблизися ко красному раю,
Того приближения к тебе и аз чаю.
О девце, рождшкая всех тварей первенца!
Покрий мя кровом крил ти, недостойна птенца.

СТЯЖАТЕЛЯ СИХ КНИГ ПОСЛЕДНЕЕ КНИГАМ ЦЕЛОВАНИЕ

Книги, мною многожды носимы, грядите,
Свет очию моею, от мене идите!
Идите благосчастно, иных насыщайте,
Сот вап уже прочим ныне искапайте!
Увы мне! око мое от вас устраненно,
Ниже вами может быть к тому насыщенно.
Паче меда и сота вы мне сладши бесте,
С вами жить сладко бяше, горе, яко несте.
Вы богатство, вы слава бесте мне велика,
Вы—рай, любви радость и сладость колика.
Вы мене прославили, вы меня просветили,
Вы мне у лиц высоких милость приобрели.
Но более жить с вами (ах, тяжкое горе!)
Запрещает час смертный и горьких слез море.
Уже мне вечным слепнут очеса сном смерти,
Не к тому дерзну ко вам рук моих простерти.
Иной книги очесам моим не минути,
Уже Бог, хотяй приити, хочет мне разгнуги.
Всяк вся дела своя в сей книзе обрящет,
И по делам всякого своя мзда усрящет.
О книга престрашная, яже всех всецело
Земнородных обличит пред судищем дело!
О сей книзе аз, страстный, егда помышляю,
Трепещу и трясуся, сердцем увядаю.
О Боже милосердый, о щедрот пучино,
Источниче милости, благости вершино!

О дарю веков, небес и земли всесилне,
Смирителю волн морских едине презелне,
Звездоносные круги иже устрояй,
Тя молю, червь ничтожный, зело восклицай:
Призри на мя и впиши в книгу мя животну
Кровию Христа, юже имам в жизнь истотну.
Вы же, вся писания моя и вся книги,
Простите, не суть на вы больш мною вериги.
Людие и братия, вси мя, вси простите,
Мати земле, прости мя, к сему не кляните!
Прими мя в недра своя, земле, тя прошая,
Дух мой Богу предаю, тело ти вручаю.

*

О титулы, пропасти паче вас назвати,
Коль вы многих обыкли людей пожирати!
И что же суть титулы: мрак, тма, ветр и сени,
Пузырь водный, пыщащся скорыя отмены!

Иван Петрович Максимович

*

Сия ли в рождение мое бысть планета,
Да всяк мой день обыдет темных скорбей чета?
Все дни мои повсегда в бедах изнуряю,
Аще и светло себе утро предвещаю.
Но ни един еще день бысть мне просвещенный,
Зане всяк прешедший есть скорбми помраченый.
Чаях частыми житие разделенно быти,
Скорбь радости, радость скорби взаим пременити.
Равно яко же солнце всю тьму прогоняет,
Егда день подсолнечным ясный поставляет,
И яко луна хотяй возбурити море,
Мецет ветры во воды на большое горе,
Сиче мнех, окаянна, моей быти доли,
Еже совершатися всем по моей воли.

Обаче печаль моя толь есть болезненна,
По мужу слезам женским ниже есть сравненна,
Дванадесять месяцев по мужу сетует,
Гроб и дом оплакует, егда удовольствует,
По сих умьшляет жалость низложити
И вретнице на светлы ризы пременити.
Все лета, все месяцы, все дни моей жизни
Исчезают в печалех, в скорбех и в болезни.
Несть средствий на жалость мою и несть закона,
Беда беду рождает весьма нескончона.
В слезах, в въздыханиях, в воплех пребываю
И малейший жизни час в сих аз изнуряю.
Многажды волнение ветр силен возводит,
Но краткое елижды свирепей находит,
Зима с древес листвия люте восхищает,
Но сия паки весна оным привращает.
Часто и въздух движет облака дождевы,
По сих лучи являет светлейшие днени.
Мне же смерть соплетае узы нерешимы
Скорбей, яже не чаю быти разрушимы.
Плачевна не престае брядати цевница,
Перси — гусли, жаль — струны, цевничник — десница.
При сих гуслах и ноци и дни провождаю,
Все жития моего время истоцаю.
О! коль краты тяжесть духа тцяхся сокрушити,
Внегда в недрах глаголы желях утаити!
О! елижды день бяше, весь во скорбех бяше,
Ноци все, яже имех, вопль мой провождаше.
Не стениати елижды имях уветы,
Стенанию запретити прилагах наветы!
В радость разрешити ся совет ваш бысть, друзи,
Абие все решилием веселия узы?
Но егда вопль мой смехом хощу укротити,
И при смеху силен есть вопль мой възшумети,
Множицею желая аз мирно уснути,
Но в слезах утреннюю ноци все минуты.
Аще же заключаю плач в себе крепчае,
То яко море от волн бежит жесточае.
Вы есте свидетели, дебри и потоки,
Удолия и холмы, коль плач мой жестокий
Весте, с въздыханием колико аз брахся,
Но стенанием сердца всегда побеждахся.
И само эхо воплем моим подвиженно
Жалостные отглашать гласы убежденно.
То аз, то оно в воплех и ламентях выну,

Плачемся и стеньем взаим на прему.
Яко пандионийски ответ имут сестры,
Егда своих жалостей считают реестры.
Плачется Прогне, ложа мужем оскверненна,
Рыдает Филомела, девства си лишённа.
Една другую в воплех своих вспомогают,
Обе слезящи жалость свою воспевают.
Тако и Алциона гибель мужа в море
Рыдает, возвышая гласы свои горе,
Или яко горлица, друга си лишённа,
Стеньет непрестанно, многоболезненна.
Сице есть и живот мой на сем основанный,
Да ни един ему день преидет беспечальный.
Повседневно наводят жизни моей борьбы
Непрестанны болезни, непрестанны скорби.
Но яко вопль бысть моим глаголам начало,
Воплем ся и житие дабы окончало.

Антиох Дмитриевич Кантемир

О ЖИЗНИ СПОКОЙНОЙ

О! коль мысли спокойны зрю в тебе, Сенека!
Ей, ты должен быть образ нынешнего века.
Всяк волен тя презирать или подражати—
Я тебе подобну жизнь хочу провождати.
Пусть клянет кто несчастье, а я им доволен,
И когда мя забыли, так остался волен.
Ах! дражайшая воля, с чем тебя сравняти?
Жизнь, так покойну, можно ль несчастьем звати?
Если осталась хотя мала часть наследства,
Живу там, отдаленный, дни текут без бедства;
Когда заря румяна приступит к востоку
И прогонит всю с неба темноту глубоко,
За ней лучи златые солнца воссияют,
Цвет придав всем вещам, их оживотворяют;
Разны птицы под небом лишь любовь запели—
Отложив сон свой спешно, встаю я с постели.
Коли приятно время, иду гулять в поля,
Сто раз в себе размышляю, коль блаженна воля.

Ниже желание чести и богатства мучит,
Покойны во мне чувства все мне не наскучат.
Смотрю ли густы леса, верхи их зелены—
Разность несказанну древ и всякой премены
Исполнила природа обильной рукою,
Дивлюся и говорю тогда сам с собою:
«О, как вся тварь красна есть повсюду доброта!
Боже, неизмерима твоя к нам щедрота!
Неизмерима благость, ты всего начало,
Ты Творец, от тебе все сие быти стало.
Небесное пространство, купно в нем светилы,
Смертным нашим очам и жизни столь милы,
Движение законы от тебя приемлет,
Всяко тело небесно ум наш не объемлет».
Оставя высокие мысли, мне невнятные,
Еще обращу очи на вещи приятны,
Которыми зрение мое веселится,
И чем место здешнее отвсюду красится.
Малы пригорки зрятя, а при них долины;
Различных трав множество, благовонны крины
Там с прочими цветами растут под ногами.
Страна вдали прикрыта темными лесами;
Другая вся отверзста, где стада пасутся
И по лугам зеленым источники выются.
Вокруг жатва золотая места наполняет,
За труды земледельцев та обогащает.
Пройдет довольно время и мысль веселится,
Когда уже надлежит домой возвратиться,
Где все просто, но чисто; пища мне готова;
Говорю что попало, нет коварна слова,
По обеде ту или другую забаву
Найду, приличную мне и моему праву;
Иль, чиня брань животным, оных я стреляю,
Либо при огне книжку покойно читаю.
Знав все непостоянство и лесь всего мира,
Не тужу, что мя счастье оставило сира;
Доволен что есть; впрочем, на что затевати,
Коли известная смерть всех имать пожрати.

*

Почитаю здесь закон, повинуюсь правам;
В прочем волен я живу по своим уставам:
Дух спокоен, ныне жизнь идет без напасти,
Всякий день искоренять участь мои страсти

И взирая на предел, так жизнь учреждаю,
Безмятежно свои дни к концу направляю.
Не скучаю никому, нужды нет взысканий,
Счастлив тем, что сократил дней моих желаний.
Тленность века моего ныне познаваю,
Не желаю, не боюсь, смерти ожидаю.
Когда вы милость свою ко мне неотменно
<Явите>, то я счастлив буду совершенно.

К СТИХАМ СВОИМ

Скучен вам, стихи мои, ящик, десять целых
Где вы лет тоскуете в тени за ключами!
Жадно воли просите, льстите себе сами,
Что примет весело вас всяк, гостей веселых,
И влюбит, свою ища пользу и забаву,
Что многу и вам и мне достанете славу.
Жадно волю просите, и ваши доуки
Нудят меня позволять то, что вредно, знаю,
Нам будет; и, не хотя, вот уж позволяю
Свободу. Когда из рук пойдете уж в руки,
Скоро вы раскаетесь, что сносить не знали
Темноту и что себе лишно вы ласкали.
Славы жадность, знаю я, многим нос разбила;
Пока в вас цвет новости лестный не увянет,
Народ, всегда к новости лаком, честь нас станет,
И умным понравится голой правды сила.
Пал ли тот цвет? большая часть чтецов уж присудит,
Что продерзостный мой ум в вас беспутно блудит.
Бесстройным злословием назовут вас смело,
Хоть гораздо разнится злословие гнусно
От стихов, кои злой нрав пятнают искусно,
Злонравного охраня имя весьма цело.
Меня меж бодливыми причислят быками:
Мало кто склонен смотреть чистыми глазами.
Другие, что в таком я труде упражнялся,
Ни возрасту своему приличном, ни чину,
Хулить станут; годен всяк к похвалке причину
Сыскать, и не пощадят того, кто старался
Прочих похвалки открыть. Станете напрасно
Вы внушать и доводить слогом своим ясно,
Что молодых лет плоды вы не уцербили,
Ни малый мне к делам час важнейшим и нужным,

Что должность моя всегда нашла мя досужным;
Что полезны иногда подобные были
Людям стихи. Лишний час, скажут, иметь трудно,
И стихи писать всегда дело безрассудно.

Зависть, вас пошевели, найдет, что я новых
И древних окрал творцов и что вру по-русски
То, что по-римски давно уж и по-французски
Сказано красивее. Не чудно с готовых
Стихов, чаёт, здравого согласно с законом
Смысла, мерны две строки кончить тем же звоном.

Когда уж иссаленным время ваше пройдет,
Под пылью, мольям на корм кинуты, забыты,
Гнусно лежать станете, в один сверток свиты
Иль с Бовою, иль с Ершом; и наконец дойдет
(Буде пророчества дух служит мне хоть мало)
Вам рок обвертеть собой иль икру, иль сало,
Узнаете вы тогда, что поздно уж сети
Боятся рыбка, когда в сеть уже попалась;
Что, сколь ни сладка своя воля им казалась,
Не без вреда своего презирают дети
Советы отцовские. В речах вы признайте
Последних моих любовь к вам мою. Прощайте.

Василий Кириллович Тредиаковский

ПРОШЕНИЕ ЛЮБВЕ

Покинь, Купидо, стрелы:
Уже мы все не целы,
Но сладко уязвлены
Любовною стрелою
Твоею золотою;
Все любви покорены.

К чему нас ранить больше?
Себя лишь мучишь долгие.
Кто любовью не дышит?
Любовь всем нам не скучит,
Хоть нас тая и мучит.
Ах, сей огонь сладко пьшет!

Соизволь опочинуть
И сайдак свой покинуть:
Мы любви сами ищем.
Ту ища, не устали,
А сласть ее познали,
Вскачь и пеши к той рыщем.

За любовь (не будь дивно)
Не емлем, что противно
Ей над всеми царице:
Та везде светло блещет,
Так что всяк громко плещет,
Видеть рад любовь сице.

Стрел к любви уж не надо:
Воля всех любить рада.
Ах, любовь дорогая!
Любовь язвит едину,
Другой ранен чрез ину.
Буди ненависть злая!

СТИХИ СЕНЕКОВЫ О СМИРЕНИИ

Переведены с латинских

Стой кто хочет на скользкой придворной дороге,
Будь сильным и любимым при царском чертоге;
Старайся иной всяко о высокой чести,
Ищи другой, чтоб выше всех при царе сести;
Пускай сей любит славу и убор богатый,
Палаты высоки, двор полем необъятый,
Слуг стадо, села, замки, суды позлащенные,
Одежду дорогую, власы намащенные,
Той—богатство, веселье, также поступь смелу;
Заживай приятелей сильных на жизнь целу.

Но мне в убогой жизни люб есть покой сладки,
Дом простой, и чин низкий, к тому ж убор гладки;
А компания с музы веселит мя смала,
Покорность уж святою казаться мне стала.
Тако, когда мои дни пробегут без шума
(Приятна во дни, в ночи, сия мне есть дума!),
Простачком и старичком весел приду к гробу,
Оставивши на свете всю светскую злобу.
Тот, кто очень всем знатен в сей жизни бывает,
Часто не знатен себе горько умирает.

*

Душа моя, спрячь всю мою скорбь хоть на время,
Умалыте, мои очи, слезных поток бремя;
Перестань жаловаться на несчастье, мой глас;
Позабудь и ты, сердце, кручину на мал час.
Знаю, что вы в несчасти, и то чрез жестоту,
Варварской и несклонной судьбины в долготу.
Будьте в малой роскоши, хоть и все постыли,
И помните, что долго вы счастливы были.

*

Без любви и без страсти
Все дни суть неприятны:
Вздыхать надо, чтоб сласти
Любовны были знатны.

Чем день всякий провождать,
Ежели без любви жить?
Буде престать угождать,
То что ж надлежит чинить?

Ох, коль жизнь есть несносна,
Кто страсти не имеет!
А душа, к любви косна,
Без потех вся стареет.

Чем день всякий провождать,
Ежели без любви жить?
Буде престать угождать,
То что ж надлежит чинить?

СТИХИ, НАУЧАЮЩИЕ ДОБРОНРАВИЮ ЧЕЛОВЕКА

Отдавай то все творцу, долг что отдавати;
Без рассудка ж ничего ти б не начинать.
Токмо с добрыми людьми в жизни сей дружися;
А таланты чрез твои никогда не льстися.
С мнением других всегда будь согласен прямо;
Никогда в твоём стоять не изволь упрямо.
Внятно слушай, что тебе люди предлагают;
Больше умным не кажись, нежели ты знають.

С тем о том не говори, смыслит кто что мало,
Проста сердца быть тебя речь и все б казалось.
Слово данное держи, было б как ни трудно;
Ничего ж не обещавай вдруг и нерассудно.
Будь услужен, будь и тих, ласков в разговоре;
Всех приятно принимай, был никто б в презоре.
Дерзостно не будь знаком, обходися ж смело;
Не размыслив, не вступай ни в какое дело.
Без корысти всех люби, а прощай без мести;
Низок будь большим, себя ж подлым не бесчести.
Дружен всем старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни с кем сам не зачиная.
Не проведывай никак, что чинят другие;
Просто крой дела твои, чтоб не знали злые.
Рассмотря, давай займы, только ж добровольно;
Если надо наградить, награждай довольно.
И каким бы ни хотел образом ты быть,
Быть без лишка, и себя б в том не позабыти.
Страждет кто твой друг напасть? — Сожалей безмерно;
В друге всяк порок сноси, всё будь другом верно.
Побеждай печаль, как дух оной поддается,
Не вини в той никого, та как и минется.
Учинить старайся мир, ссоры где злодейство;
Инак и не отмщевай, как чрез благодейство.
Жарко не жури людей и хвали не льстивно,
Мерно смейся над людьми, смех терпи взаимно.
Кажда в ремесле своем чти ты без упрямства;
Также ничего не хуль одного для чванства.
Благодетельством твоим худо попрекати;
Лучше оное всегда вовсе забывати.
Нуждну другу помогай, тот хоть и не просит;
Кто дарит не так, как мот, щедра имя носит.
Пылка гнева угащай жар и ненасытность;
Говори добро всегда в чью-либо небытность.
Благодарность бы была в сердце ти природно;
Для забавы хоть играй, только ж благородно.
Мысля, мало говори, обмануть не тщися;
Что б ти ни было дано, тем всегда хвалися.
Должника не мучь, как он к плате неисправен;
Для себя и для него всё будь добронравен.
Ближних счастья твоих не завидуяй цвету;
Вверенное так храни, чтоб не вынесть свету.
Крой, не чваняся ничем, тайну ти искусно,
Презирай по сем, как лгут про тебя что гнусно.

СОНЕТ

Боже мой! твои судьбы правости суть полны!
Изволяешь ты всегда к нам щедротен быти;
Но я тако пред тобой человек зол дольны,
Что уж правде мя твоей трудно есть простити.
Ей! мой Господи! грехи что мои довольны,
То не могут и тобой всяко мук избыти:
Ты в моем блаженстве сам будто бы не вольны,
Вся и милость мя твоя хочет погубити.

Буди же по-твоему, то когда ти славно,
Слезы на мои гневись, очи льют что явно;
Ин греми; рази, пора, противна противный.

Чту причину, что тебя так ожесточает;
Но по месту поразишь каковому, дивный?
Мя всего Христова кровь щедро покрывает.

ЭЛЕГИЯ

Кто толь бедному подаст помощи мне руку?
Кто и может облегчить, ах! сердечну муку?
Мягкосердыя на мя сын богини злится,
Жесточайшим отчасу́ тот мне становится:
Неисцельно поразив в сердце мя стрелою,
Непрестанною любви мучит, ах! бедою.
Сердце равныя ничье не имело страсти,
Не впадало тем ничье в равные напасти:
Без надежды б чье когда лютей жар страдало?
Ах! невинное мое в лютость ту попало.
Прежестокая болезнь всяк час то съедает,
Несравненная печаль как зверь люот терзает;
Мысли, зря смущенный ум, сами все мятутся,
Не велишь хотя слезам, самовольно льются;
Вдруг безмолвствую, и вдруг с стоном воздыхаю,
Сам не вем, чего желать и чего желаю.
Безнадежде, мятеж, горесть и печали,
И несносная тоска ввек на мя напали.
В сем смятении моем что чинить имею?
Сердце рвется, а целить чем то не умею.
Мысль тотчас одну с ума гонит прочь другая,
Разум от меня бежит, страсть же мучит злая.

Внутренний покой никак мне сыскать не можно,
Что б я в помощь ни взывал, все в удаче ложно.
Никому принести нельзя жалобу сердечну:
Купидин мя осудил к молчанию вечну.
Нерассудный и слепой, Купидин пресильный,
И который толь ко мне ныне не умильный!
Я какую тебе мог дать к сему причину,
Что ты вечну напустил на меня кручину?
Ты велишь мне то любить, нельзя что любити,
С света, знатно, ты сего хочешь мя сгонити:
Илидары нет уж, ах! нет уж предрагия!
Больше Илидары зреть не могу младыя!
Прежестока смерть уже ссекла ту косою!
Ранить больше мя по ней что ж любви стрелою?
О, изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Неповинну мне за что кажешь ты немилость?
В преглубокую за что вводишь мя унылость?
Сердце ти мое когда было не покорно?
Оно ты к себе видал быть когда упорно?
Быть готово то всегда, ей, в любовном жаре,
Но к другой бы красоте, а не к Илидаре.
О, изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Что крушиться мне о той, где надежды нету?
Как велишь мне ты любить мертву, без ответу?
И молчу я, и горю, и стражду невольно,
А не может никогда сердце быть довольно:
Илидара век хладна ныне пребывает!
Нагла жара моего та не ощущает!
Обрати во мне сей жар к красоте приличной,
К Илидаре б не горел толь мой необычный.
О, изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
О жар! изва! о и страсть! страсть толь нестерпима!
Наглость о моей любви толь неуголима!
Больше не могу терпеть, ах! весь пропадаю.
Небо! в жизни я пока чуть жив пребываю.
Лучше вовсе умереть, нежели страдати,
И не умирая все, только обмирати.
Но скажи мне, Купидин, ты на что питаешь
Толь сей жар всяк час во мне и воспаменяешь?
Ты не мнишь ли, что, любив ону я живую,
Мог по смерти позабыть мне всегда драгую?
О, изволь от страсти к ней ныне мя избавить!

Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Правда, Илидара как зрилася во свете,
Младости своей была как в прекрасном цвете,
Я любил, могу сказать, ону несравненно,
В мысли ж ныне содержу право незабвенно.
Будь не веришь, Купидин, опишу ту живо,
Та колкое была в жизни всем здесь диво.
О, изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!
Илидара здесь жила вся белейша снега,
А на теле всем ее сама зрилася нега,
Долговатое лицо и румяно было,
Белизною же своей все превосходило.
Будь на белизность зришь лица — то лилен зрятся;
На румяность буде зришь — розы той красятся;
Обе превосходно в ней краски те играли,
Обе несравненно ту в жизни украшали.
Очи светлы у нее, цвета же небесна,
Не было черты в лице, чтоб та не прелестна;
Круглое чело, чтоб мог в оное вселиться
Разум, данный с небеси, и распространиться.
Алость на устах весьма мягкость украшала,
А перловы зубы в ней видеть не мешала;
Черностью ее власы собою подобны,
Паче шелку те рукам мягкостью угодны.
Все б ее перстам иметь с золотом адаманты,
Груди все б ее носить чистые брильянты.
Ни велика, ни мала, схожа на богиню,
Поступью же превзошла всякую княгиню;
Со всего, но и всегда зрилася благородна,
И богам, богиням быть та казалась сродна;
Голос свой имела тих, нрав во всем учтивый,
К добрым добр у ней прием, к злым же был спесивый;
Ласкова и умна речь, сладка и приятна,
Рассудительна, остра, в произносе внятна.
Чист и строен та хотя свой убор носила,
Больше же, однак, собой оный весь красила.
Всяка не могла тогда красота сравниться
Илидаре, о, моей! купно надивиться.
Ум ее мне описать нельзя есть никакю;
Надо равный мне ее возыметь ум всякую.
Как мне словом изъяснить остроту великую
И догадку, что была в ней всегда, толику?
Рассуждение и смысл здрав и преглубокий,
Разум зрел весьма и тверд, мыслями же высокий?

Словом токмо заключаю, что та Илидара
Многих лучше всем была, никому не пара.
Видишь, о ты Купидин! помню как я ону,
Что всю живо описал всяка без урону.
Будь доволен только сим, что ту не забуду,
В гробе затворен пока червям в снедь буду.
О, изволь от страсти к ней ныне мя избавить!
Ту из сердца вынять всю, в мыслях же оставить!

*

В жилище, Господи, твоём
Кто обитает как достойно?
Или святы́й твой дом пристойно
В сельбу кому есть отдаем?
Тому, кто ходит непорочно,
Правдив есть словом, делом точно.

Языком кто своим не льстит,
И кто единовуру другу
Приличну помня сам услугу
Зла не наносит, злу не мстит:
Притом и ближних не ругает
И никого не облыгает.

Лукавнующий всяк пред ним
Презрен во всяко время зрится:
Он честь отдать повсюду щитится
И прославление таким,
Которы страх имеют к Богу
И к Господу любовь премогу.

Клеврету оный своему
Стоит в присяге данной твердо;
Ни не дал в рост немилосердо,
И не винил на мзде к тому.
Сие творящи человеки
Недвижимы пребудут в веки.

СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЯНСКОМУ ЖИТИЮ

Счастливы! в мире без сует живущий,
Как в златый век, да и без врагов;
Плугом отчески поля орущий,
А к тому ж без всяких и долгов.

Не горопится сей в строй по барабану;
Флот и море не страшат его;
Ябед он не знает, ни обману;
Свой палат дом лучше для него.

В нем всегда или он виноградны
Вяжет лозы к тычкам и шестам;
В дни гуляет, те когда изрядны,
По долинам либо по стадам.

Он в иной серпом день очищает
Ветви все негодные с дерев,
Добрый к оным черен прививает,
Смотрит, в хлебе нет ли вредных плев.

Либо мед и сот кладет сам в кади,
В ночь или бывает рыб ловец;
Сам же иногда, волны в дом ради,
Всех обросших он стрижет овец.

Осень как плодом обогатится,
Много яблок, груш и много слив;
О! как полным сердцем веселится,
Их величину, их зря налив.

Что тогда из всех плодов зреяе,
Отбирает разнo по частям:
То шлет в храм к молитве, что честняе;
Приходящим часть хранит гостям.

Часть в подарок сродникам, часть брату;
Благодетель ту б взял, говорит;
Ту несите куму, ту часть свату,
Пусть за ту мне друг благодарит.

Иногда лежит под старым дубом,
Иногда на мягкой там траве;
Нет в нем скверных мыслей зле о грубом:
Что есть дельно, то все в голове.

Быстрые текут между тем речки;
Сладко птички по лесам поют,
Трубят звонко пастухи в рожечки,
С гор ключи струю гремящу льют.

Толь при разном диком сельском шуме
Ненадолго спит вздремавши он;
Что ни было доброго на думе,
Забывает все в глубокий сон.

Но зимою нападут как снеги
И от стужи избы станут греть,
Много и тогда ему там неги:
Начнет род другой забав иметь.

В поле ездит он или с собаки,
Боязливых зайцев в сеть ловя,
То с волками смотрит псовы драки,
То медведя оными травя.

Тешит он себя и лошадьми
И кладет отраву на лисиц,
Давит многих иногда силками,
Иногда стреляет разных птиц.

Часто днями ходит при овине,
При скирдах, то инде, то при льне;
То пролазов смотрит нет ли в тыне,
И что делается на гумне.

Кто ж бы толь в приятной сей забаве
Всех своих печалей не забыл?
Хоть в каких бы кто честях и славе,
Как сея б он жизни не взлюбил?

Буде ж правит весь толь постоянна
Дом жена благословенный с ним,
Сарра коль была или Сусанна,—
То спокойства нет сравненна с сим.

Весь некупленный обед готовит,
Смотрит, пища чтоб вкусна была,
Из живых птиц на жаркое ловит
И другое строит для стола.

А потом светлицу убирает
К мужнему приходу с дел его;
Накормивши деток, наряжает,
Встретить с ними б мужа своего.

Тот, пришед в дом, кушать и садится
За накрытый, набранный свой стол,
Что ж порядочно у ней все зрится,
То причины нет, чтоб был он зол.

Капуны прочь, птицы африкански,
Что и изобрел роскошный смак,
Прочь бургонски вина и шампански,
Дале прочь и ты, густой понтак.

Сытны токмо щи, ломть мягкий хлеба,
Молодой барашек иногда;
Все ж в дому, в чем вся его потреба,
В праздник пиво пьет, а квас всегда.

Насыщаясь кушаньем природным,
Все здорово провождает дни,
Дел от добрых токмо благородным,
Не от платья и не от гульни.

Счастлив, о! весьма излишно,
Жить кому так ныне удалось.
Дай бог! чтоб исчезло все, что пышно,
Всем бы в простоте святой жилось.

ПАСТУШОК ДОВОЛЬНЫЙ

Мал пастух и не богат,
Только ж знает то в нем душка
Сколько счастлив он и рад,
Тем, что есть своя пастушка.

Он трудится день и ночь,
Все труды ему игрушки,
Всяка тягость мнится в мочь
Для любимья пастушки.

С поля идучи домой,
Он спешит к своей избушке,
Что-нибудь несет домой,
То, вошед, дарит пастушке.

О здоровье прежд всего
Спрашивают дружка дружку,
И не больше та его,
Сколько он свою пастушку.

Стол их всяк вточь оценит
С небольшим одной полушкой,
Как же он обильный мнит?
Вкупе ест за ним с пастушкой.

Все его богатство есть,
Весь покой, как на подушке,
Вся приятность, радость, честь
Только в вернейшей пастушке.

В КРАЙНОСТЯХ ТЕРПЕНИЕ ПОЛЬЗУЕТ

*Durum: sed lenius fit patientia
Quidquid corrigere est nefas.*

Horat., lib. I, od. 24¹

Не тела я болезнь стихами исцеляю,
От зол унывший внутрь дух в бодрость восстанавливаю.
Кто в немощь телом впал, врачи того лечат,
Хоть некогда больных лекарством в землю мчат.
Кто ж духом заболел, такому б от Сократа
Долг помощи желать, оставив Гипократа:
Но ныне философ для многих странен есть,
И мудрости прямой едва бывает честь.
Так врачество даю болящим из пиита:
К пиитам и у нас легла дорога бита.
Будь пользуяй пиит, когда увещевать,
И силен сердца скорбь поспешно врачевать.

О! вы, в которых боль по беспокойству духа,
Крушится ль кто из вас от ложна в людях слуха,
Тщеславный ли язвит и жалит где кого,
Прегрубый ли блюет всем зевом на него,
Безумный ли какой ругает безобразно,
От злобы стервенясь иной порочит разно,
Ничтожит ли давно, с презором, гордый ферт,

¹ Тяжко нам. Но терпи. Легче сживаешься // С тем, чего изменить нельзя. Гораций, книга I, ода 24 (лат.).

Чрез сильного ль бедняк несправедливо стерт,
По страсти ль чем тебя и нагло кто обидит,
Без всяких ли причин сверх меры ненавидит,
Иль предпочтен тебе в способности другой,
Или врагом восстал нечаянно друг твой,

Иль ухищренный льстец копает ров лукавно,
На пагубе твоей возвысился б он славно,
Иль в очи, ни при ком, хвалить не престаёт,
Кой за глаза в хулах, при всех, не устаёт,
Иль, словом, страждет кто из вас навет поносный,
И так, что жизни век затем ему не сносный,
А нельзя преречь и от того уйти,
Ни способа отнюдь к спасению найти,—
Послушайте, что вам Гораций предлагает,
Да более дух ваш не презнемогает.
«Как зло вас,—говорит,—с покоем разлучит,
Терпите: всяк, терпя, суровость умягчит».

СОНЕТ

из сея греческия речи: «Στέφει τιμώντας ἀυτήν ἄρετή»,—то
есть: «Добродетель почитающих венчает»

Желает человек блаженства непреложно.
Сему—высокий чин, и сила тем, и честь;
Тот счастья себе в богатстве чая ложно,
Приумножает все, обилие что есть.

Роскошствуя иной сластями, сколько можно,
Не видя ж, ослеплен, какая в оных лесь,
Благополучна мнит себя неосторожно;
И их на всякий час стремится выше взнесть.

Ах! Чувствует он сам тьмы целы недостатка,
И множество свое зрит малым без придатка:
Хотя достиг конца, но мил едва успех.

Иль тщетно дал ему хотения содетель?
О смертный! умудрись: безмерность кажда грех,
А средство всех довольств—едина добродетель.

Михаил Васильевич Ломоносов

ОДА

БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ АННЕ ИОАННОВНЕ НА ПОБЕДУ НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА 1739 ГОДА

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом вниз с холмов стремится.
Лавровы выются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музы́ку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Чрез степь и горы взор прости
И дух свой к тем странам вперид,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вокруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конский пар!
Что ж в том? стремглав без душ валяются.

Крепит Отчества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом?
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.

Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?
То род отверженной рабы,
В горах огнем наполнив рвы,
Металл и пламень в дол бросает,
Где в груд избранный наш народ
Среди врагов, среди болот
Через быстрой ток на огонь дерзает.

За холмы, где паляща хлябь
Дым, пепел, пламень, смерть рыгает,
За Тигр, Стамбул, своих заграбь,
Что камни с берегов сдирает;
Но чтоб орлов сдержать полет,
Таких препон на свете нет.
Им воды, лес, бутры, стремнины,
Глухие степи равен путь.
Где только ветры могут дуть,
Доступят там полки орлины.

Пускай земля как понт трясет,
Пускай везде громады стонут,
Премрачный дым покроет свет,
В крови Молдавски горы тонут;
Но вам не может то вредить,
О россы, вас сам рок покрыть
Желает для счастливой Анны.
Уже ваш к ней усердный жар
Быстро проходит сквозь татар,
И путь отворен вам пространный.

Скрывает луч свой в волны день,
Оставив бой ночным пожарам;
Мурза упал на долгу тень;
Взят купно свет и дух татарам.
Из лыв густых выходит волк
На бледный груп в турецкий полк.
Иной в последни видя зорю,
«Закрой,— кричит,— багряной вид
И купно с ним Магметов стыд;
Спустись поспешно с солнцем к морю».

Что так теснит боязнь мой дух?
Хладнеют жилы, сердце ноет!
Что бьет за странный шум в мой слух?
Пустыня, лес и воздух воет!
В пещеру скрыл свирепство зверь,
Небесная отверзлась дверь,
Над войском облак вдруг развился,
Блеснул горящим вдруг лицом,
Умытым кровию мечем
Гоня врагов, Герой открылся.

Не сей ли при Донских струях
Рассыпал вредны россам стены?
И персы в жаждущих степях
Не сим ли пали пораженны?
Он так к своим взирал врагам,
Как к готским прильывал брегам,
Так сильну возносил десницу;
Так быстрой конь его скакал,
Когда он те поля топтал,
Где зрим всходящу к нам денницу.

Кругом его из облаков
Гремящие перуны блещут,
И, чувствуя приход Петров,
Дубравы и поля трепещут.
Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, сей при вас
Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов поганских.

Герою молвил тут Герой:
«Нетщетен я с тобой трудился,
Нетщетен подвиг мой и твой,
Чтоб россов целой свет страшился.
Через нас предел наш стал широк
На север, запад и восток.
На юге Анна торжествует,
Покрыв своих победой сей».
Свилася мгла, Герои в ней;
Не зрит их око, слух не чуёт.

Крутит река татарску кровь,
Что протекала между ними;
Не смея в бой пуститься вновь,
Местами враг бежит пустыми,
Забыв и меч, и стан, и стыд,
И представляет страшный вид
В крови другов своих лежащих.
Уже, трягнувшись, легкий лист
Страшит его, как ярьй свист
Быстро сквозь воздух ядр летящих.

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Бои́тся собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях грубой,
Коль русская ужасна сила.

Вливаясь в Понт, Дунай ревет
И россов плеску отвечает;
Ярьсь, волнами турка льет,
Что стыд свой за него скрывает.
Он рыщёт, как произженный зверь,
И чаёт, что уже теперь
В последней раз заносит ногу,
И что земля его носить
Не хочет, что не мог покрыть.
Смущает мрак и страх дорогу.

Где ныне похвальба твоя?
Где дерзость? где в бою упорство?
Где злость на северны края?
Стамбул, где наших войск презорство?
Ты лишь своим велел ступить,
Нас тотчас чаял победить;
Яньчар твой свирепо залился,
Как тигр на русский полк скакал.
Но что? внезапно мертв упал,
В крови своей пронзен залился.

Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, агаряне, попрала,
Целуйте руку, что вам страх
Мечем кровавым показала.
Великой Анны грозной взор
Отраду дать просящим скор;
По страшной туче воссияет,
К себе повинность вашу зря.
К своим любовью горя,
Вам казнь и милость обещает.

Златой уже денницы перст
Завесу света вскрыл с звездами;
От востока скачет по сту верст,
Пуская искры конь ноздрями.
Лицем сияет Феб на том.
Он пламенным потряс верхом;
Преславно дело зря, дивится:
«Я мало таковых видал
Побед, коль долго я блистал,
Коль долго круг веков катится».

Как в клуб змия себя крутит,
Шипит, под камень жало кроет,
Орел когда шумя летит
И там парит, где ветер не воеет;
Превыше молний, бурь, снегов
Зверей он видит, рыб, гадбв.
Пред русской так дрожит Орлицей,
Стесняет внутрь Хотин своих.
Но что? в стенах ли может сих
Пред сильной устоять царицей?

Кто скоро толь тебя, Калчак,
Учит российской вдатся власти,
Ключи вручить в подданства знак
И большей избежать напасти?
Правдивой Аннин гнев велит,
Что падших перед ней цадит.
Ее взошли и там оливы,
Где Вислы ток, где славный Рен,
Мечем противник где смирен,
Извергли дух сердца кичливы.

О, как красуются места,
Что иго лютое сбросили
И что на гурках тягота,
Которую от них носили;
И варварские руки те,
Что их держали в тесноте,
В полон уже несут оковы;
Что ноги узами звучат,
Которы для отгнанья стад
Чужи поля топтать готовы.

Не вся твоя тут, Порта, казнь,
Не так тебя смирать достойно,
Но большу нанести боязнь,
Что жить нам не дала спокойно.
Еще высоких мыслей страсть
Претит тебе пред Анной пасть?
Где можешь ты от ней укрыться?
Дамаск, Каир, Алепи сгорит;
Обставят росским флотом Крит;
Евфрат в твоей крови смутится.

Чинит премену что во всем?
Что очи блеском пронизает?
Чистейшим с неба что лучем
И дневну ясность превьщает?
Героев слышу весел клик!
Одеян в славу Аннин лик
Над звездны вечность вносит круги;
И правда, взяв перо злато,
В нетленной книге пишет то,
Велики коль ее заслуги.

Витийство, Пиндар, уст твоих
Тяжчае б Фивы обвинили,
Затем что о победах сих
Они б громчае возгласили,
Как прежде о красе Афин;
Россия как прекрасный крин
Цветет под Анниной державой.
В Китайских чтут ее стенах,
И свет во всех своих концах
Исполнен храбрых россов славой.

Россия, коль счастлива ты
Под сильным Анниным покровом!
Какие видишь красоты
При сем торжествованьи новом!
Военных не страшися бед:
Бежит отгуду бранный вред,
Народ где Анну прославляет.
Пусть злобна зависть яд свой льет,
Пусть свой язык, ярься, грызет;
То наша радость презирает.

Козацких полъ заднестрской тать
Разбит, прогнан, как прах развеян,
Не смеет больше уж топтать,
С пшеницой где покой насеян.
Безбедно едет в путь купец,
И видит край волнам пловец,
Нигде не знал, плавья, препятства.
Красуется велик и мал;
Жить хочет век, кто в гроб желал;
Влекут к тому торжеств изрядства.

Пастух стада гоняет в луг
И лесом без боязни ходит;
Пришед, овец пасет где друг,
С ним песню новую заводит.
Солдатску храбрость хвалит в ней,
И жизни часть блажит своей,
И вечно тишины желает
Местам, где толь спокойно спит;
И ту, что от врагов хранит,
Простым усердьем прославляет.

Любовь России, страх врагов,
Страны полночной Героиня,
Седми пространных морь берегов
Надежда, радость и богиня,
Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот:
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасный стих
В подданства знак твоей державе.

ОДА
НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ
НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ
ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА

Царей и царств земных ограда
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыпlesh щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, золото и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превьше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рай.

Когда на трон она вступила,
Как Вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;

Тебя прияв обლობызала:
«Мне полно тех побед,— сказала,—
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем улаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток».

Божественным устам приличен,
Монархия, сей кроткий глас:
О, коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Чрез яры волны порываает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не держайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.

Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью погранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Али я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоко!
Внушив рыданий наших слух,
Верхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смуцался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,

Приемлет щедрой их рукой.
Ах, если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О, коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превьшает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешают
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава,
О, как тебе благодарит!
Возри на горы превысоки,
Возри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.

Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми Борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но Бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напоет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледецеу стучом
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тцится уступить:
Колумб российский через воды

Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаюсь в рощах ароматных
И плаваю в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски кошием;
Серебро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из гор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

ОДА

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ
ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ,
САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ,
НА ПРЕСЛАВНОЕ ЕЕ ВОШЕСТВИЕ
НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРЕСТОЛ
ИЮНЯ 28 ДНЯ 1762 ГОДА,
В ИЗЪЯВЛЕНИЕ ИСТИННОЙ РАДОСТИ
И ВЕРНОПОДДАННОГО УСЕРДИЯ
ИСКРЕННЕГО ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПРИНОСИТСЯ
ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО РАБА МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА

Внемлите все пределы света
И ведайте, что может Бог!
Воскресла нам Елисавета:
Ликует церковь и чертог.
Она или Екатерина!
Она из обеих одина!
Ее и бодрость и восход
Златой наукам век восставит
И от презрения избавит
Возлюбленный российский род.

Российский род, коль ты ужасен
В полях против своих врагов,
Толь дом твой в недрах безопасен.
Ты вне гроза, ты внутри покров.
Полки сражая, вне воюешь;
Но внутри без крови торжествуешь.

Ты буря там, здесь тишина.
Умеренность тебе в кровь бранну,
В главу, победами венчанну,
От трех в сей век богинь дана.

Петра Великого супруга,
Введенная самим на трон,
Краса и честь земного круга
И слава скиптров и корон,
Прехраброму сему герою
Среди пылающего строю
Дает спасительный совет,
Военно сердце умягчает;
И мир прижав облобызает
Разжженный яростью Магмет.

Елисавета царством мирным
Российские мягчит сердца
И как дыханием зефирным
Взираньем кроткого лица
Вливает благосклонность в нравы,
В войнах не умаляя славы.
Возложенный себе венец
Победой, миром украшает,
Трофеями превозвывает
Державы своя конец.

В сии прискорбны дни природным
Российским истинным сынам
Ослабу духом благородным
Дает Екатерина нам.
Мы, кротости богинь навикнув
И в счастье ими данно вникнув,
Судьбину тщимся отвратить.
Уже для обществу покрова
Согласно всех душа готова
В ней дщерь Петрову возвратить.

Слышал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных?
О стыд, о странный оборот!
Чтоб кровью купленны трофеи
И победителей злодеи
Приобрели в напрасный дар
И данную залогом веру?

В тебе, Россия, нет примеру,
И ныне отвержен удар.

Любовь твоя к Екатерине,
Екатеринина к тебе
Победу даровала ныне;
И Небо верной сей рабе,
Без раздробляющего звуку,
Крепит благословенну руку
На наших буйных сопостат.
О коль видение прекрасно!
О коль мечтание ужасно!
Что смотрит сей, что слышит град?

Не мрак ли облаках развился?
Или открылся гроб Петров?
Он взором смутен пробудился
И произносит глас таков:
«Я мертв терплю несносну рану!
На то ли вселюбезну Анну
В супружество я поручил,
Дабы чрез то моя Россия
Под игом области чужия
Лишилась власти, славы, сил?

На то ль, чтоб все труды несчетны
И приобретенны плоды
Разрушились и были тщетны
И новы возросли беды?
На то ль воздвиг я град священный,
Дабы, врагами населенный,
Россиянам ужасен был
И вместо радостной столицы
Тревожил дальние границы,
Которы я распространил?»

О Тень великая, покойся:
Мы помним тьмы твоих заслуг;
Безмолвна в вечности устройся:
Твой труд меж нами жив вокруг.
Не предадим твоей любви,
Не пощадим последней крови:
Спешим Отечество покрыть
Вослед премудрой героине,
Любезной всем Екатерине,
Любезны ей и верны быть.

Что чаяли вы, Невски музы,
В великий оный громкий час?
«Согласны мыслей всех союзы
Весельи возвышали глас!»
Как звали ревностну присягу?
«Благословенную отвагу!»
Что зрели, как закрылся день?
«Нам здешние брега и волны
Величества, приятства полны
Сквозь тонкую казались тень!»

Среди избраннейших героев,
Между блистающим ружьем,
Среди непобедимых строев
Сверкает красота мечем,
И нежность пола уважает,
И тою храбрость украшает,
Обеими сердца влечет.
Всяк видя, следуя за нею,
Гласит устами и душою:
Так шла на трон Елисавет!»

Гряди, российская отрада,
Гряди, желание сердец,
И буди от врагов ограда,
Поставь опасностям конец;
И оправдай Елисавету,
Всеми доказывая свету,
Что полная триумфов брань
Постыждена поносным миром,
И сопостат, почтен кумиром,
От нас приемлет в жертву дань.

Уже нам дневное светило
Свое пресветлое лице
Всерадостным очам явило
Лучей прекрасных во венце.
Туманы, мраки разгоня
И радость нашу предваря,
Поля, леса, брега живет;
В росе, в струях себя являет.
Ему подобный к нам сияет
Избавившей богини вид.

В удвоенном Петрополь блеске
Торжественный подъемлет шум,
При громком восхищаясь плеске
Отрадой возвышает ум.
Взирая на свою избаву,
На мысль приводит прежню славу.
В церквах, по стогнам, по домам
Несчетно множество народу
Гремящу представляет воду,
Что глас возносит к небесам.

Теперь злоумышленье в яме
За гордость свержено лежит;
Екатерина в божьем храме
С благоговением стоит.
Хвалу на Небо воссылает
И купно сердце всех пылает
О целости ее и нас;
Что Вышний, крепкою десницей
Богиню нам подав царицей,
От гибели невинных спас.

Услышьте, судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготы;
То Бог благословит ваш дом.

О, коль велико, как прославят
Монарха верные раби!
О, коль опасно, как оставят,
От тесноты своей, в скорби!
Внимайте нашему примеру,
Любите их, любите веру.
Она свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякого щита.

А вы, которым здесь Россия
Дает уже от древних лет
Довольство вольности златыя,
Какой в других державах нет,
Храня к своим соседям дружбу,
Позволила по вере службу
Беспрекновенно приносить;
На то ль склонились к вам монархи
И согласились иерархи,
Чтоб древний наш закон вредить,

И вместо чтоб вам быть меж нами
В пределах должности своей,
Считать нас вашими рабами
В противность истины вещей?
Искусство нынешне доводом,
Что было над российским родом
Умышлено от ваших глав
К поправнью нашего закона,
Российского к паденью трона,
К рушению народных прав.

Обширность наших стран измерьте,
Прочтите книги славных дел
И чувствам собственным поверьте,
Не вам подвергнуть наш предел.
Исчислите тьму сильных боев,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя
В суде, в полках, в морях и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святого олтаря.

О, коль монарх благополучен,
Кто знает россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.
Тебя толь счастливу считаем,
Богиня, в коей признаваем
В единой все доброты вдрут,
Щедроты, веру, справедливость,
И с постоянством прозорливость,
И истинный геройский дух.

Осьмнадцать лет ты украшала
Благословенный дом Петров,
Елисавете подражала
В монарших высоте даров.
Освобождая утесненных
И ободряя оскорбленных,
Склонила высоту небес
От злой судьбы тебя избавить,
Над нами царствовать поставить
И отереть нам токи слез.

Науки, ныне торжествуйте:
Взошла Минерва на престол.
Пермесски воды, ликовствуйте,
Шумя крутитесь в злачный дол.
Вы в реки и в моря спешите
И нашу радость возвестите
Лугам, горам и островам:
Скажите, что для просвещенья
Повсюду утвердит ученья,
Создав прекрасны храмы вам.

А ты, о отрасль вождеденна,
Спасенная от сильных рук,
Будь жизнь твоя благословенна,
Прекрасна посреде наук;
Дражайший Павел наш, мужайся,
В объятых рождшей утешайся
И бывши скорби забывай.
Она все бури успокоит;
Щедротой, ревностью устроит
Тебе и нам прекрасный рай.

Герои храбры и усерды,
Которым промысл положил
Приять намерения тверды
Противу беззаконных сил,
В защиту нашей героине
Красуйтесь, веселитесь ныне:
На вас лавровые венцы
В несчетны веки не увянут,
Доколе россы не престанут
Греметь в подсолнечной концы.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 1

Блажен, кто к злым в совет не ходит,
Не хочет грешным в след ступать,
И с тем, кто в пагубу приводит,
В согласных мыслях заседать.

Но волю токмо подвергает
Закону божию во всем
И сердцем оный наблюдает
Во всем течении своем.

Как древо, он распространится,
Что близ текущих вод растет,
Плодом своим обогатится,
И лист его не отпадет.

Он узрит следствия поспешны
В незлобивых своих делах,
Но пагубой смятутся грешны,
Как вихрем восхищенный прах.

И так злодеи не восстанут
Пред вышнего творца на суд,
И праведны не вспомнят
В своем соборе их отнюд.

Господь на праведных взирает
И их в пути своем хранит;
От грешных взор свой отвращает
И злобный путь их погубит.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 14

Господи, кто обитает
В светлом доме выше звезд?
Кто с тобою населяет
Верх священный горних мест?

Тот, кто ходит непорочно,
Правду завсегда хранит
И нелестным сердцем точно
Как языком говорит.

Кто устами льстить не знает,
Ближним не наносит бед,
Хитрых сетей не сплетает,
Чтобы в них увяз сосед.

Презирает всех лукавых,
Хвалит вышнего рабов
И пред ним душою правых
Держится присяжных слов.

В лихву дать серебро стыдится,
Мзды с невинных не берет.
Кто так жить на свете тцится,
Тот веки не падет.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 26

Господь спаситель мне и свет:
Кого я убоюсь?
Господь сам жизнь мою блюдет:
Кого я устрашуся?

Во злобе плоть мою пожрать
Противны устремились.
Но злой совет хотя начать,
Упадши, сокрушились.

Хоть полк против меня восстань:
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань:
На Бога полагаюсь.

Я только от Творца прошу,
Чтоб в храм его вселиться.
И больше в свете не ищю,
Как в оном веселиться.

В селении своем покрыл
Меня он в день печали,
И неподвижно укрепил,
Как злые окружали.

Возвысил он мою главу
Над всех врагов ужасных;
Я, жертву принося, зову
Ему в псалмах согласных.

Услыши, Господи, мой глас,
Когда к тебе взываю,
И сохрани на всякой час:
К тебе я прибегаю.

Ко свету твоего лица
Вперяю взор душевный
И от всещедрого Творца
Приемлю луч вседневный.

От грешного меня раба,
Творец, не отвратися;
Да взыдет пред тебя мольба,
И в гневе укротися.

Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве;
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве.

Настави, Господи, на путь
Святым твоим законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.

Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницей покрывай
От клеветаний ложных.

Я чаю видеть на земли
Всевышнего щедроты
И не лишиться николи
Владычния доброты.

Ты, сердце, духом укрепись,
О госпoде мужайся,
И бедствием не колеблись,
На Бога полагайся.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 34

Суди обидящих, Зиждитель,
И от борющихся со мной
Всегдашний буди покровитель,
Заступник и спаситель мой.

На глас мой ныне преклонися,
Прими оружие и щит,
И мне на помощь ополчися,
Когда противник мне грозит.

Сдержи стремление гонящих,
Ударив пламенным мечем.
Уверь в напастях обстоящих,
Что я в покрытии твоём.

Гонители да постыдятся,
Что ищут зла души моей,
И с срамом вспять да возвратятся,
Смутившись в памяти своей.

Да сильный гнев твой злых восхитит,
Как бурным вихрем легкий прах.
И ангел твой да не защитит
Бегущих, умножая страх.

Да помрачится путь их мглою,
Да будет ползок и разрыт,
И ангел мстящею рукою
Их, вслед гоня, да уstraшит.

Сие гонение ужасно
Да оскорбит за злобу их,
Что, зляся на меня напрасно,
Скрывали мрежу злоб своих.

Глубокий, мрачный ров злодею
В пути да будет сокровен;
Да будет сетию своею,
Что мне поставил, уловлен.

Душа моя возвеселится
О покровителе своём
И радостию ободрится
О заступлении твоём.

С тобою кто себя сравниет?
Все кости, Боже мой, гласят:
Твоя власть сильных сокрушает,
Что бедных растерзать хотят.

Уже свидетели восстали
Неправедные на меня
И, стыд оставив, вопрошали
О том, чего не знаю я.

Наносят мне вражду и злобу,
Чтоб тем мне за добро воздать
И бедный дух мой и утробу
Досадой и тоской терзать.

Но как они ослабевали,
Тогда постом я и мольбой
Смирял себя, дабы восстали
Противники мои в покой.

Как брату своему, я тщился,
Как ближним, так им угождать,
И, сетуя об них, крушился
И слез своих не мог держать.

Они, однако, веселятся,
Как видят близ мою напасть,
И на меня согласно злятся,
Готовя ров, где мне упасть.

Смятенный дух во мне терзают,
Моим паденьем льстя себя;
Смеются, нагло укоряют,
Зубами на меня скрывают.

Доколе, Господи, без гневу
На злость их будешь ты взирать?
Не дай, не дай ты львову чреву
Живот мой до конца пожрать!

Во храме возведу великом
Преславную хвалу твою,
Веселым гласом и языком
При тьмах народа воспою.

Не дай врагам возвеселиться
Неправедной враждой своей,
Не дай презорством возгордиться
И помизанием очей.

Хоть мирные слова вещали
И ласков вид казали вне,
Но в сердце злону умышляли
И сети соплетали мне.

Мне пагубы, конечно, чая,
Все купно стали восклицать,
Смеяться, челюсть расширяя:
«Нам радостно на то взирать!»

Ты видел, Господи, их мерзость:
Отмсти и злобным не стерши,
Отмсти бессовестную дерзость
И от меня не отступи.

Восстани, Господи зиждитель,
Взойди на твой святой престол
И буди нашей при решитель,
Спаси от нестерпимых зол.

Подвигнись правдою святою,
Суди нас, Господи, суди,
Не дай им поругаться мною,
Суди и мне не снисходи.

Не дай им в злобе похвалиться
И мне в ругательство сказать:
«О, как в нас сердце веселится,
Что мы могли его пожрать».

Посрамлены да возьмутся,
Что ради злым моим бедам;
И с верх главы да облекутся
Мои противны в студ и в срам.

Но тем дай вечную награду,
Что оправдать меня хотят;
Взирая на мою отраду,
«Велик Господь наш»,—говорят.

Язык мой правде поучится
И истине святой твоей.
Тобой мой дух возвеселится
Через всё число мне данных дней.

В тебе надежду полагаю,
 Всесильный Господи, всегда,
 К тебе и ныне прибегаю,
 Да век спасуся от студа.

Святою правдою твоею
 Избавь меня от злобных рук,
 Склонись молитвою моею
 И сокруши коварных лук.

Поборник мне и Бог мой буди
 Против стремящихся врагов,
 И брэнной сей и тленной груди
 Стена, защита и покров.

Спаси меня от грешных власти
 И преступивших твой закон,
 Не дай мне в челюсти их впасти,
 Зияючи со всех сторон.

В терпении моем, Зиждитель,
 Ты был от самых юных дней
 Помощник мой и покровитель,
 Пристанище души моей.

От чрева материя тобою
 И от утробы укреплен,
 Тебя превозношу хвалою,
 Усердием к тебе возжжен.

Враги мои чудясь смеются,
 Что я кругом объят бедой,
 Однако мысли не мятутся,
 Когда Господь заступник мой.

Превозносить твою державу
 И воспевать на всякий час
 Великолепие и славу
 От уст да устремится глас.

Во время старости глубокой,
 О Боже мой, не отступи,
 Но крепкой мышцею и высокою
 Увявши члены укрепи.

Враги, которые всечасно
Погибели моей хотят,
Уже о мне единогласно
Между собою говорят:

«Погоним; Бог его оставил;
Кого он может преклонить,
От нас бы кто его избавил?
Теперь пора его губить».

О Боже мой, не удалися,
Покрой меня рукой своей
И помощь ниспослать потщися
Объятой злом душе моей.

Да в вечном сраме погрузятся
Которые мне ищут зла.
Да на главу их обратятся
Коварства, плевые и хула.

Надежду крепку несомненно
В тебе едином положу
И, прославляя беспрерывно,
В псалмах и песнях возглашу.

От уст моих распространится
О истине твоей хвала,
Благодеяний слух промчится
Тобой мне бывших без числа.

Твою я крепость, Вседержитель,
Повсюду стану прославлять;
И, что ты мой был покровитель,
Вовеки буду поминать.

Тобою, Боже, я наставлен
Хвалить тебя от юных лет,
И ныне буди препрославлен
Через весь тобой созданный свет.

Доколе дряхлость обращаться
Не возбранит моим устам,
Твоя в них крепость прославляться
Грядущим будет всем родам.

Твоя держава возвестится
И правда мною до небес.
О Боже, кто тебе сравнится
Великим множеством чудес?

Ты к пропасти меня поставил,
Чтоб я свою погибель зрел;
Но скоро, обратясь, избавил
И от глубоких бездн возвел.

Щедроту ты свою прославил,
Меня утешить восхотел,
И скоро, обратясь, избавил
И от глубоких бездн возвел.

Среди народа велегласно
Поведаю хвалу твою
И на струнах моих всечасно
Твои щедроты воспою.

Уста мои возвеселятся,
Когда возьму голос мой,
И купно чувства наслаются
Души, спасенныя тобой.

Еще язык мой поучится
Твои хвалити правоты,
Коварных сила постыдится,
Которы ищут мне беды.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 103

Благослови душа моя господа, господи боже мой,
возвеличился еси зело.

Да хвалит дух мой и язык
Всесильного творца державу,
Великолешие и славу.
О Боже мой, коль ты велик!

Одеян чудной красотой,
Зарей божественного света,
Ты звезды распростер без счета
Шатру подобно пред тобой.

Покрыв водами высоты,
На легких облаках восходишь,
Крылами ветров шум наводишь,
Когда на них летаешь ты.

И воли твоя послы
Как устремления воздушны,
Всесильным маниям послушны,
Текут, горят, не зная мглы.

Ты землю твердо основал,
И для надежных окрепы
Недвижны положил заклепы
И вечну непреклонность дал.

Ты бездною ее облек,
Ты повелел водам парами
Всходить, сгущаясь над нами,
Где дождь рождается и снег.

Их воля твой единый взгляд,
От запрещенія мутятся
И в тучи, устрашась, теснятся;
Лишь грянет гром твой, вниз шумят.

Восходят горы в высоту;
Крутые ставишь ты стремнины
И стелешь злачные долины,
Угрюмством множа красоту.

Предел верхам их положил,
Чтоб землю скрыть не обратились,
Ничем бы вниз не преклонились,
Кромé твоих безмерных сил.

Из гор в долины льешь ключи
И прохлаждаешь тем от зноя;
Журчат для сладкого покоя,
Между горами текучи.

И напоят всех зверей,
Что окрест сел себя питают;
И ждут ослы, как в жажде тают,
Отрады от руки твоей.

Слетаясь тамо птицы в тень,
Возносят пение и свисты,
Живят вертепы каменисты
И тем проводят жаркий день.

Ты свыше влагу льешь горам,
Плодами землю насаждаешь
И все народы насыщаешь,
Свидетелей твоим делам.

Растишь в полях траву для стад;
Нам разны зелия в потребу
Обильно прилагаешь к хлебу,
Щедрою ко всем богат.

Хлеб силой нашу грудь крепит,
Нам масло члены умягчает;
Вино в печали утешает
И сердце радостью живит.

Древам даешь обильный тук;
Поля венчаешь ими, щедрый.
Насаждены в Ливане кедры
Могуществом всемогущих рук.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 143

Благословен Господь мой Бог,
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый
Сотреть врагов взнесенный рог.

Заступник и спаситель мой,
Покров, и милость, и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.

О Боже, что есть человек,
Что ты ему себя являешь,
И так его ты почитаешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.

Склони, зиждитель, небеса,
Коснись горам, и воздымятся,
Да паки на земли явятся
Твои ужасны чудеса.

И молнией твоей блесни,
Рази от стран гремящих стрелы,
Рассыпь врагов твоих пределы,
Как бурей плевы разжени.

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой;
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.

Вещает ложь язык врагов,
Десница их сильна враждою,
Уста обильны суетою;
Скрывают в сердце злобный ков.

Но я, о Боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно;
Я в десять струн тебе согласно
Псалмы и песни приношу.

Тебе, спасителю царей,
Что крепостью меня прославил,
От лютого меча избавил,
Что враг вознес рукой своей.

Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти,
Их речь полна тщеты, напасти,
Рука их в нас наводит лук.

Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают;
Одеждой дщери их блистают,
Как златом испещренный храм.

Пшеницы полны гумна их,
Несчетно овцы их плодятся,
На тучных пажитях хранятся
Стада в траве волов толстых.

Цела обширность крепких стен,
Везде столпами укрепленных,
Там воля в стогах нет стесненных,
Не знают скорбных там времен.

Счастлива жизнь моих врагов!
Но те светлее веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым Вышний сам покров.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 145

Хвалу всевышнему владыке
Потщися, дух мой воссылатъ;
Я буду петь в гремящем лике
О нем, пока могу дышать.

Никто не уповай во веки
На тщетну власть князей земных:
Их те ж родили человеки,
И нет спасения от них.

Когда с душою разлучатся
И тленна плоть их в прах падет,
Высоки мысли разрушатся
И гордость их и власть минет.

Блажен тот, кто себя вручает
Всевышнему во всех делах
И токмо в помощь призывает
Живущего на небесах.

Несчетно многими звездами
Наполнившего высоту
И непостижными делами
Земли и моря широту,

Творящего на сильных нищу
Поистине в обидах суд,
Дающего голодным пищу,
Когда к нему возопиют.

Господь оковы разрешает
И умудряет он слепцов,
Господь упавших возвышает
И любит праведных рабов.

Господь пришельцев сохраняет
И вдов приемлет и сирот.
Он грешных дерзкий путь скончает,
В Сионе будет в род и род.

ОДА, ВЫБРАННАЯ ИЗ ИОВА,

ГЛАВЫ 38, 39, 40 и 41

О ты, что в горести напрасно
На Бога ропщешь, человек,
Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град блистая
И гласом грома прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распря звал:

Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет;
Когда я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою
В обширности безмерных мест,
Мое величество вещали,
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи?

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглою
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвигнул Океан?

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть,
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветер направить,
Чтоб в пристани его поставить,
И тяготу земли грянуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?

Стремшинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящие по дну?
Отверзлись ли перед тобою
Всегдашнею покрыты мглою
Со страхом смертные врата?
Ты спер ли адовы уста?

Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух огустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясуцим треском
Концы вселенной колебать
И смертным гнев свой возвещать?

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В водах и в пропастях глубоких,
Что в пищу я ему послал.
Толь быстро око ты ли дал?

Возри в леса на Бегемота,
Что мною сотворен с тобой;
Колючий терн его охота
Безвредно попирать ногой.
Как верви сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его сотреть?

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой середине Океана
Он быстрой простирает бег;
Святящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой.

Как жернов сердце он имеет,
И зубы страшный ряд серпов;
Кто руку в них вложить посмеет?
Всегда к сраженью он готов;
На острых камнях возлегает
И твердость оных презирает.
Для крепости великих сил
Считает их за мягкой ил.

Когда ко брани устремится,
То море, как котел, кипит,
Как печь, гортань его дымится,
В пучине след его горит;
Сверкают очи раздражены,
Как уголь, в горниле раскаленный,
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против меня?

Обширного громаду света
Когда устроить я хотел,
Просил ли твоего совета
Для множества толиких дел?
Как персть я взял в начале века,
Дабы создати человека,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе я дал?

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь зиждителеву власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпенье часть.
Он всё на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божии дела открыло.
Мой дух, с веселием внемая;
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу бrenно наше око
Могло, приблизившись, возреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О, коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполнены твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш Господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Льет радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Прости премудрости лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ
ПРИ СЛУЧАЕ ВЕЛИКОГО СЕВЕРНОГО СИЯНИЯ

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мечут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет,
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных гуч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестя,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец?

ПИСЬМО К ЕГО ВЫСОКОРОДИЮ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ

Прекрасны летни дни, сияя на исходе,
Богатство с красотой обильно сыплют в мир;
Надежда радостью кончается в народе;
Натура смертным всем открыла общий пир.
Созрелые плоды древа отягощают
И кажут солнечным румянец свой лучам!
И руку жадную пригостством привлекают;
Что снят своей рукой, тот слаще плод устам.
Сие довольствие и красота всеместна
Не токмо жителям обильнейших полей
Полезной роскошью является прелестна,
Богинь влечет она приятностью своей.
Чертоги светлые, блистание металлов
Оставив, на поля спешит Елисавет;
Ты следуешь за ней, любезный мой Шувалов,
Туда, где ей Цейлон и в севере цветет,
Где хитрость мастерства преодолев природу,
Осенним дням дает весны прекрасной вид
И принуждает вверх скакать высоко воду,
Хотя ей тягость вниз и жидкость течь велит.

Толь многи радости, толь разные утехи
Не могут от тебя Парнасских гор закрыть.
Тебе приятны коль российских муз успехи,
То можно из твоей любви к ним заключить.
Ты будучи в местах, где нежность обитает,
Как взглянешь на поля, как взглянешь на плоды,
Вспомяни, что мой покоя дух не знает,
Вспомяни мое раченье и труды.
Меж стен и при огне лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лете я пишу;
О лете я пишу, а им не наслаждаюсь
И радости в одном мечтании пишу.
Однако лето мне с весною возвратится,
Я оных красотой и в зиму наслажусь,
Когда мой дух твоим приятством ободрится,
Которое взнести я на Парнас потщусь.

*

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатный род препятством не был,
Чтоб внести в Италию стихи эольски
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

*

Ночною темнотою
Покрылась небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,

Приятной перервался
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?»—
Со гневом я вскричал.
«Согрей обмерзло тело,—
Сквозь дверь он отвечал.—
Чего ты утрашился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медливши нимало
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мям,
Я крылья и с кудрями
До сѹха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то,— молвил,— лук,
В дожде, чать, повредился».
И с словом стрѣлил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко рассмеялся
И тотчас заплясал:
«Чего ты испугался?»—
С насмешкою сказал,—
Мой лук еще годится,
И цел и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

РАЗГОВОР С АНАКРЕОНОМ

Анакреон

Ода I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменял
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам
И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Анакреон

Ода XXIII

Когда бы нам возможно
Жизнь было продолжить,
То стал бы я не ложно

Сокровища копить,
Чтоб смерть в мою минуту,
Взяв деньги, отошла
И, за откуп кончину
Отсрочив, жить дала;
Когда же я то знаю,
Что жить положен срок,
На что крушусь, вздыхаю,
Что мзды скопить не мог!
Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать?

Ломоносов

Ответ

Анакреон, ты верно
Великий философ,
Ты делом равномерно
Своих держался слов,
Ты жил по тем законам,
Которые писал,
Смеялся забобонам,
Ты петь любил, плясал;
Хоть в вечность ты глубоко
Не чаял больше быть,
Но славой после року
Ты мог до нас дожить;
Возьмите прочь Сенеку,
Он правила сложил
Не в силу человеку,
И кто по оным жил?

Анакреон

Ода XI

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед»;
Я не тужу нимало,
Еще ль мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;

Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносов

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревости на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от кесаря кинжалом свобожусь».
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввести в республику порядок,
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республике успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград,
Ножем он сам себе был смертный сопостат;
Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
Упряжка славная была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу,

Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

Цвет в очах ее небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шен
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дышают,
В коих прелести играют
И по множеству оград
Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщишь всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить,
Огнь вложи в небесны очи,
Горящих звезд в середине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;

Возвьсь сосцы, млеко обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей.

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;
О, коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать
И повели войнам престать.

* * *

Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на земаю от высоты смотренье;
Или по слепоте без ряду всё течет,
И промыслу с небес во всей вселенной нет.
Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Премену дней, ночей, явления луны,
Признал, что божеской мы силой созданы.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ,
КОГДА Я В 1761 ГОДУ ЕХАЛ ПРОСИТЬ
О ПОДПИСАНИИ ПРИВИЛЕГИИ ДЛЯ АКАДЕМИИ,
БЫВ МНОГО РАЗ ПРЕЖДЕ ЗА ТЕМ ЖЕ

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Александр Петрович Сумароков

НЕДОСТАТОК ИЗОБРАЖЕНИЯ

Трудится тот вотще,
Кто разумом своим лишь разум заражает;
Не стихотворец тот еще,
Кто только мысль изображает,
Холодную имея кровь;
Но стихотворец тот, кто сердце заражает
И чувствие изображает,
Горячую имея кровь.
Царица муз, любовь!
Парнасским жителем назваться я не смею.
Я сладости твои почувствовать умею;
Но, что я чувствую, когда скажу,—солгу,
А точно вымолвить об этом не могу.

ОТВЕТ НА ОДУ
ВАСИЛЬЮ ИВАНОВИЧУ МАЙКОВУ

Витийство лишнее—природе злейший враг;
Брегися сколько можно
Ты, Майков, оного; витийствуй осторожно.
Тебе на верх горы один остался шаг,
Ты будешь на верхах Парнаса неотложно;
Благоуханные рви там себе цветы
И украшай одними
Ими

Свои поэмы ты!
Труды без сих цветов—едины суеты;
Ум здравый всегда гнушается мечты;
Коль нет во чьих стихах приличной простоты,
Ни ясности, ни чистоты,
Так те стихи лишены красоты
И полны пустоты.

Когда булабочка в пузырь надутый резнет,
Вся пышность пузыря в единый миг исчезнет;
Весь воздух выйдет вон из пузыря до дна,
И только кожа останется одна.

СТИХИ ДЮКУ БРАГАНЦЫ

По всей земле питы днесь плодятся,
Но редко истинны питы где роятся;
Не всех на Геликон судьба возводит нас.
Виргилий, и Гомер, и Ариост, и Тасс,
Мильтон и Камознс—сии пиитов предки
Во всей подсолнечной сколь славны, столько редки.

Иной ученый говорит:
«Климат горячий нам писцов таких творит»,—
Но ложно он вещает;
Ведь солнце так, как юг, и север посецает.
Где Вильманштранд, я там во близости рожден,
Как бы Голицыным край Финский побежден;
Пиита ль та страна России обещает?
Не сказывал мне сей весьма холодный край,
Хоть я родился там, и сверх того во мразы:
«От пиитической беги, беги заразы,
И в холоде родясь, на лире не играй!»
Да кто могла из муз когда внести в рассказы
Такое слово мне,

Что наш прикован ум к какой-нибудь стране?
И в прежни веки,
И римляне, и греки,
Ведь были человеки;
Светило солнце то ж, которое зрим и днесь,
И в Португалии и здесь.
Такие ж люди мы над Бельтскими реками,
С такой же головой, с ногами и с руками;
Такие ж души и у нас,
Какие и у вас;
Имеем слух ушей, имеем зренье глаз;
И не климат тебе дал книги в руки,
Но воспитание, да разум и науки,
Ко добродетели и истине любовь;
Дабы ко чести был ты западна народа
И к показанию, что ты достоин рода,
От коего твоя произвелася кровь.

*

Жива ли, Кáршин, ты?
Коль ты жива, всепеаешь
И Муз не забываешь,
Срывающая себе парнасские венцы.
А я стихи читал,
Которы ты слагала;
Ты резво возлетала
На гору, где Пегас крылатый возблистал.
Ум Каршинны возрос
Германии ко чести;
Я то сказал без лести,
Хотя германка ты, а я породой росс.
Германия и мне,
Не бывшу в ней, известна,
Стихов душа всеместна,
Да я ж еще и член в ученой сей стране.
Различных тон музык,
Как автора «Меропь»,
Знаком мне всей Европы,
И столько же знаком германский мне язык.
Я часто въздыхал,
Стихов твоих не видя,
И на Парнасе сидя,
Довольно я о них хвалы твои слышал.

Тобой еще зрят свет—
Пииты не годятся,
Которы не родятся
Со Музами вступить во дружбу и совет.
И лучшие умы
В стихах холодных гнусны,
Сложенья их невкусны,
То знаешь ты и я, и все то <знаем> мы.
В тебе дух бодрый зрю,
Высокость вижу, нежность,
Хороший вкус, прилежность
И жар, которым я, как ты, и сам горю.
Тебя произвела
Средь низости народа
К высоте природа,
И мнится мне, <что> то нам Сафу родила.
Внемли мои слова,
Германска Сафа, ныне:
Воспой Екатерине,
Дабы твои стихи внимала и Нева.

К г. ДМИТРЕВСКОМУ
НА СМЕРТЬ Ф. Г. ВОЛКОВА

Котурна Волкова пресекался часы!
Прости, мой друг, навек, прости, мой друг любезный.
Пролей со мной поток, о Мельпомена, слезный,
Восплачь, и возрыдай, и растрепали волосы!
Мой весь мятется дух, тоска меня терзает,
Пегасов предо мной источник замерзает.
Расинов я театр явил, о Россы, вам,
Богиня! а тебе поставил пышный храм!
В небытие теперь сей храм перенесется,
И основание его уже трясется.
Се смысла моего и тцания плоды,
Се века целого прилежность и труды!
Что, Дмитревский, зачем мы с сей теперь судьбою?!
Расстался Волков наш со мною и с тобою,
И с музами навек. Возри на гроб его;
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Которого, как нас, потомство не забудет!
Переломи кинжал: театра уж не будет.
Простись с отгорженным от драмы и от нас;
Простись с Волковым уже в последний раз,
В последнем как ты с ним игрании прощайся,

И молви, как тогда Оскольду извещался,
Пустив днесь горькие струи из смутных глаз:
«Коликим горестям подвластны человеки!
Прости, любезный друг, прости, мой друг, навеки!»

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Ежели бы можно было
Откупиться мне от смерти,
О стихах бы я не думал,
О богатстве бы я думал.
Стихотворство стихотворца
От могилы не избавит,
А своей он вечной славы
Вечно чувствовать не станет;
Но, стихи дая народу,
Людям делаю забаву,
А богатство собирая,
Им не делаю забавы;
Так богатого почтенней
Многokrатно стихотворец.
Плюну я на всё богатство,
Дай мою, Эрата, лиру,
Буду пети о Кларисе
И гласить ее заразы,
Вкорененные мне в сердце.
Дай, слуга, ты рюмку полную
Виноградного мне соку;
Выпью это за здоровье
Я возлюбленной Кларисы.
Как умру, уж пить не стану
За Кларисино здоровье.
Здравствуй долго, дорогая,
И люби меня, Клариса,
Сколько я люблю Кларису.

*

Негде в маленьком леску,
При потоках речки,
Что бежала по песку,
Стереглись овечки.
Там пастушка с пастухом
На берегу была крутом,
И в струях мелких вод с ним она плескалась.

Зацепила за траву,
Я не знаю точно,
Как упала в мураву,
Вправду иль нарочно.
Пастух ее подымал,
Да и сам туда ж упал,
И в траве он щекотал девку без разбору.

«Не шути так, молодец,—
Девка говорила,—
Дай мне встать пасти овец,—
Много раз твердила,—
Не шути так, молодец,
Дай мне встать пасти овец;
Не шути, не шути, дай пасти мне стадо».

«Закричу»,— стращает вслух.
Дерзкий, не внимает
Никаких речей пастух,
Только обнимает.
А пастушка не кричит,
Хоть стращает, да молчит;
Для чего же не кричит, я того не знаю.

И что сделалось потом,
И того не знаю.
Я не много при таком
Деле примечаю;
Только эхо по реке
Отвечало вдалеке:
Ай, ай, ай!—знать, они дралися.

ПЕСНЯ

Успокой смятенный дух
И крушась не сгорай!
Не тревожь меня пастух,
И в свирель не играй!
Я и так тебя люблю, люблю, мой свет;
Ничего тебя миляй, ничего лучше нет.

Мысли все мои к тебе
Всемигунто хотят;
Сердце отнял ты себе,
Очи к сердцу летят.
Ты из памяти моей не ходишь вон,
Всякую тебя мне ночь представляет и сон.

Но в мечте, не с сей судьбой,
Представляется мне:
Я цалуюся с тобой,
Обнимаюся во сне,
Я во сне тебя в шалаш сама зову
Успокой смятенный дух; будет то наяву!

ГИМН ВЕНЕРЕ

(сафическим стопосложением)

Не противлюсь сильной, богиня, власти;
Отвращай лишь только любви напасти.
Взор прельстив, мой разум ты весь пленила,
Сердце склонила.

Хоть страшимся к жизни прийти мятежной,
Произвольно жертвуем страсти нежной.
Ты пространной всюю вселенной правишь,
Праздности славяшь.

Кои подают от тебя успехи,
Можно ль изъяснити сии утехи;
Всяк об оных ясно хоть ощущает,
Тёмно вещает.

Из сего мне века не сделай слезна,
Паче мне драгая всего любезна;
Я для той единой, лишь кем пылаю,
Жизни желаю.

Дух мой с нею, радуясь, обитает,
Кровь моя возлюбленным взором тает;
Я живу подвластен в такой неволе,
Счастливым боле.

Всё тогда как с ней веселясь бываю,
Удаленный шума, позабываю;
В восхищеньи чувствую жизни сладость,
Крайнюю радость.

Кем горю, я мыслю о ней единой,
И доволен ныне своей судьбиной;
Сердце полно жаром к кому имею,
Тою владею.

СОНЕТ

Не трать, красавица, ты времени напрасно,
Любися; без любви всё в свете суеты,
Жалей и не теряй прелестной красоты;
Чтоб после не тужить, что век прошел несчастно.

Любися в младости, доколе сердце страстно;
Как младость пролетит, ты будешь уж не ты.
Плети себе венки, покамест есть цветы,
Гуляй в садах весной; а осенью—ненастно.

Взгляни когда, взгляни на розовый цветок
Тогда, когда уже завял его листок:
И красота твоя подобно ей завянет.

Не трать своих ты дней, доколь ты не стара,
И знай, что на тебя никто тогда не взглянет,
Когда, как розы сей, пройдет твоя пора.

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Завидны те мне розы,
Которы ты срываешь.
К чему тебе уборы?
Прекрасней быть не можешь!
Хотя не украшайся,
Дурный ты быть не можешь!
Да что в твоём пригожестве,
Когда любви не знаешь
И знать её не хочешь?
На то ль ты мне знакома,
Чтоб я любил так слепо,
А ты б была сурова,
А ты бы презирала
Того, который любит
Тебя всего на свете
И самой жизни боле?

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Пляскою своей, любезна,
Разжигай мое ты сердце;
Пением своим приятным
Умножай мою горячность.
Моему, мой свет, ты взору,
Что ни делаешь, прелестна.
Все любовь мою питает
И мое веселье множит.
Обольщай мои ты очи,
Пой, пляши, играй со мною,
Бей в ладони и, вертяся,
Ты руками подпирайся.
Руки я твои прекрасны
Целовал неоднократно;
Мной бесчисленно целован
Всякой рук твоих и палец.

СТАНС

Могу ли я сказать возлюбленной иначе?
До смерти буду твой, не буду я ничей,
Люблю, дражайшая, тебя я жизни паче;
Ты свет моих очей.

Заразы мя твои прельщая не терзают,
И духа моего они не возмутят,
Колико грудь мою всечасно ни пронзают
И стрелы ни летят.

Из сети твоя я видел неизбежность,
И не хотел от них я более бежать,
Надеясь твою к себе иметь я нежность,
И, сеяв, тщился жать.

Оратель веселясь свою посетит ниву,
Хотя ему еще прямой надежды нет;
Имея бодрость он и думу нелениву,
Со радостью жнет.

С какою радостью я жал ему подобно,
Дождався от тебя мне счастья чреды,
Твои, любезная, во время нам способно
Сладчайшия плоды!

Во восхищении я был тогда толиком,
Что вымолвить того не можно никому,
Ниже Пермесских нимф и Аполлона кликом,
По чувству моему.

Когда взаимный жар нам души услаждает,
Никак того нельзя стихами изразить;
Минуты, как Эрот дыханье побеждает,
Нельзя изобразить.

Колико бы о том пииты ни вещали,
Превзойдет речи их утеха все сия;
Но что с тобою мы горяще ощущали,
То знаю точно я.

*

Другим печальный стих рождает стихотворство,
Когда переходит мысль восторгнута в притворство;
А я действительной терзаюся тоской,
Отъята от меня свобода и покой.
В сей злой, в сей злейший час любовь мой дух тревожит,
И некий лютый гнев сие смятенье множит.
Лечу из мысли в мысль, лечу из страсти в страсть;
Природа над умом приемлет полну власть,
Но тщетен весь мой гнев. Её ли ненавижу?
Она невинна в том, что я её не вижу.
Сержуся, что не зрю; но кто виновен тем?
Причина мне случай в несчастии моем.
Напрасно на неё рождается досада;
Она бы всякий час со мной быть купно рада.
Я верен ей, но что имею из того!
Я днесь от беспокойств терпенья моего,
Лишенный всех забав, ничем не услаждаюсь,
Стараюсь волен быть, и больше побеждаюсь.
В отчаяньи, в тоске, терпя мою беду,
С утра до вечера покойной ночи жду.
Хожу, таская грусть чрез горы, доли, рощи,
И с нетерпением желаю темной нощи;
Брожу по берегам и прехожу леса:
Нечувственна земля, не видны небеса;
Повсюду предо мной моей любезной очи,
Одна она в уме. Дождався тихой ночи,
Глаза хочу сомкнуть во тихие часы,
Сомкну, забудуся. Но ах! ея красы

И очи сомкнуты сквозь веки проникают
И с нежностью мое там имя восклицают.
Проснувся, я ловлю ея пустую тень,
И, осязая мрак, желаю, чтоб был день.
Лишася сладка сна и мояся слезами,
Я суетно ищу любезную глазами.
Бегу без памяти, везде ея ищу,
Бегу во все страны, во всех странах грущу.
Озлюсь, и стану полн лютейшия досады;
Но только вспомяну ея приятны взгляды,
В минуту, я когда сержусь, как лютей лев,
В нежнейшую любовь переходит пущий гнев.

*

Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю,
И гореть опишите, скажите, как терплю;
Останьтесь в ея сердце, смягчите гордый взгляд,
И после прилетите опять ко мне назад;
Но только принесите приятную мне весть,
Скажите, что еще мне любить надежда есть.
Я нрав такой имею, чтоб долго не вздыхать,
Хороших в свете много, другую лязя сыскать.

ИДИЛЛИЯ

Без Филисы очи сиры,
Сиры все сии места;
Отлетайте вы, зефиры,
Без нея страна пуста;
Наступайте вы, морозы,
Увядайте, нежны розы!

Пожелтей, зелено поле,
Не журчите вы, струи,
Не вспевайте ныне боле
Сладких песней, соловьи;
Стонь со мною, эхо, ныне
Всеми минутно в сей пустыне.

С горестью ль часы ты числишь
В отдаленной стороне?
Часто ль ты, ах! часто ль мыслишь,

Дорогая, обо мне?
Тужишь ли, вспоминая,
Как расстались мы, стоня?

В час тот, как ты мыться станешь,
Хоть немного потоскуй,
И когда в потоки взглянешь,
Молви ты у ясных струй:
«Зрима я перед собою,
Но не зрима я тобою».

ПЕСНЯ

Ты сердце полонила,
Надежду подала,
И то переменяла,
Надежду отняла.
Лишайся приязни,
Я всё тобой гублю.
Достоин ли я казни,
Что я тебя люблю?

Я рвусь, изнемогая;
Взгляни на скорбь мою,
Взгляни, моя драгая,
На слезы, кои лью!
Дня светла ненавижу,
С тоскою спать ложусь,
Во сне тебя увижу—
Вскричу и пробужусь.

Терплю болезни люты,
Любовь мою храня;
Сладчайшие минуты
Сокрылись от меня.
Не буду больше числить
Я радостей себе,
Хотя и буду мыслить
Я вечно о тебе.

*

Престанешь ли моей доукой услаждаться?
Могу ли я когда любви твоей дожждаться?
Я день и ночь горю, я мучуся, любя,
И где тебя не зрю, мне скучно без тебя.

Всегда зрю тень твою, и в страсти осязаю,
По всякой день тебя я в мысли лобызая,
Со взором мысль моя твоим сопряжена;
Неисходимо ты мне в сердце вложена.
Мне твой прелестен вид, прелестны разговоры,
И все влечет мои к тебе, драгая, взоры.
К несчастью тебя, суровая, спознав,
Лишился я тобой спокойства и забав,
А сердца твоего смягчить не уповаю;
Тревожусь и мятусь, грущу и унываю,
Я время, мысли, ум и все тобой гублю...
Скажи, драгая, мне: «И я тебя люблю».

ПЕСНЯ

Покорив мое ты сердце,
Перестань его язвити;
Грудь мою прелестным видом
Ты изранила довольно.
Не пора ль мое мученье
Окончати, дорогая,
Не пора ли, дорогая,
Умножать мою надежду?
Обещай мне сделать радость,
Ту сладчайшу сделать радость,
Всею мыслию которой,
Всеми чувствами желаю.

МОСКВЕ

Град русских городов, владычица, прехвальна
Великолешием, богатством, широтой!
Я башен злато зрю, но злато предо мной
Дешевле, нежель то, чем мысль моя печальна.

Мной зришься ты еще в своем прекрасном цвете;
В тебе оставил я, что мне милей всего,
Кто мне любезнее и сердца моего,
В тебе осталася прекраснейшая в свете.

Избранные места России главных чад,
Достоинно я хвалю тебя, великий град,
Тебе примера нет в премномом сем народе!

Но хвален больше ты еще причиной сей,
Что ты жилище, град возлюбленной моей,
В которой все то есть, что лучшее в природе.

ОДА

В разлуке мучая тоской,
Тебя я в мысли лобызая,
И тень трепещущей рукой,
В любви стгорая, осызая,
На миг забавою такой
Я радость получить дерзаю;
Не зрю отрады никакой,
Лишь пуще грудь мою пронзаю,
Лишь больше рушу тем покой
И больше сердце угрызаю;
Пролью потоки слез рекой
И на себе власы терзаю.

Мне рок везде гласит, грубя,
Твои мне очи вспоминая,
На что ни зрю — мне всё, грубя,
Твердит, разлуку проклиная;
Я вздохи, жалобы губя
И больше, что чинить, не зная,
Крушу по всем местам себя,
По всем местам хожу стоная.
Прелестный мне твой вид любя,
Других любить не начиная,
Вецаю: я люблю тебя,
И не пленит никто иная.

Подвержен области твоей,
Во граде я, в лесу и в поле;
Подвержен горести моей,
Везде страдаю в злой неволе;
Лишен уже надежды всей,
Не зрю отрады нютколе.
В мучительной напасти сей
Я жизни не желаю боле.
И ты ко мне любовь имей,
Взгляни сюда, взгляни оттоле;
Хоть капаю слез о мне пролей,
Пожертвуй мне в несчастной доле.

Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?
 Любим и страдаем всякий час,
 Боремся напрасно мы с своей судьбою,
 Нет на свете радостей для нас.
 С лестною надеждой наш покой сокрылся,
 Мысли безмятежные отняв;
 От сердец разжженных случай удалися,
 Удалилось время всех забав.

Зрю ль тебя, не зрю ли, равну грусть имею,
 Равное мучение терплю;
 Уж казать и взором я тебе не смею,
 Ах! ни вздыханьем, как люблю.
 Все любовны знаки в сердце заключены,
 Должно хлад являти—и гореть;
 Мы с тобой, драгая! вечно разлучены,
 Мне тебя осталось только зреть.

Жизнь мою приятно пременял рок в злую,
 Сладость обращена в горесть мне;
 Только ныне в мыслях я тебя целую,
 Говорю с тобою лишь во сне.
 Где любви нашей прежние утехи,
 Где они девалися, мой свет!
 О печально сердце! где твои утехи?
 Все прошло, и уж надежды нет.

Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой,
 Что давно я не видалася с тобой.
 Муж ревнивый не пускает никуда;
 Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
 Говорит он: «Отчего не весела?»
 Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
 Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах, несчастье! ах, несносная беда!
 Что досталась я такому, молода;
 Мне в совете с ним вовеки не живать,
 Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою:
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

ЭЛЕГИЯ

В болезни страдаешь ты... В моем нет сердце мочи
Без крайней горести воззрети на тебя.
Восплачьте вы, мои, восплачьте, смутны очи,
Пустите токи слез горчайших из себя!
Рок лютой, умягчись, ты паче мер ужасен,
Погибни от моих отягощенных дум
И сделай, чтобы страх и трепет был напрасен!
Пронзена грудь моя и расточен весь ум.
О яростны часы! Жестокой время муки!
Я всем терзаюся, что в мысли ни беру.
Стерплю ли я удар должайшия разлуки,
Когда зла смерть... И я, и я тогда умру.
Такою же сражусь, такою же судьбою,
В несносной жалости страдая и стена.
Умру, любезная, умру и я с тобою,
Когда сокроешься ты вечно от меня.

ОТРЫВОК

Взор твой к злополучию сердце мне вспалил,
В самом скором времени рок нас разлучил;
Вдруг от глаз сокрылися все твои красы,
Пременились в горестны, радостны часы.
Никакой веселости больше я не зрел,
Без тебя я в свете быть больше не хотел;
Мысль, тобой плененная, все была с тобой,
Грудь мою терзаючи смертною тоской.

Что мои ни видели очи вкруг себя,
Все воображало мне в горести тебя;
Где с тобою прежде я время провождал,
Сколько я потоков там слезных проливал!
Тамо учинила ты жар в моей крови,
Там открылось таинство нашея любви;
Там мы были в радостях, коих лучше нет,
Тамо разлучилася ты со мной, мой свет.

РОНДО

Не думай ты, чтоб я других ловила
И чью бы грудь я взором уязвила.
Напрасно мне пеняешь ты, грубя;
Я та же все. Не возмущай себя,
Хотя твое я сердце растравила.
Любовь меня еще не изрезвила,
Неверности мне в сердце не вдавила,
И что горю другим я кем, любя,
Не думай ты.

Изменою я мыслей не кривила,
Другим любви я сроду не явила,
Свободу кем и сердце погубя,
Твой страхом дух я тщетно удивила;
Но чтоб любить я стала и тебя,
Не думай ты.

ПЕСНЯ

Позабудь дни жизни сей,
Как о мне вздыхала;
Выдь из памяти моей,
Коль неверна стала.
Гасни пламень мой в крови;
Ах, чего желаю!
Истребляя жар любви,
Больше лишь пылаю.

Правдой принимаю лесть
Я в твоём ответе.
Мне, и льстя, всего что есть
Ты милый на свете.
В то, что ныне ясно зрю,
Сам себе не верю;
День и ночь тобой горю,
Сердцу лицемерю.

За неверность вне себя
Я сердясь бываю,
Но увижу лишь тебя,
Все позабываю.
Я не помню в оный час
Твоя досады,
И во взорах милых глаз
Я ищу отрады.

Только то одно манит,
Сердце подкрепляет:
Мно, пустой меня лишь вид,
Ревность ослепляет.
Нет, не тем теперь моя
Грудь отягощенна;
Зрю неверность ныне я,
Тем душа смущенна.

ДИТИРАМБ

Вижу будущие веки
Дух мой в небо восхищен;
Русских стран играйте реки,
Дальний океан смущен;
В трепет приведен он нами,
В ужас вашими водами.

Ваше суетно препятство,
Ветры, нашим кораблям;
Рассыпается богатство
По твоим, Нева, брегам.
Бедны пред России оком
Запад с Югом и Востоком.

Горы злато изливают,
К нам сокровищи текут;
Степь народы покрывают,
Разны там плоды растут.
Где леса вы непроходны?
Где пустыни вы безводны?

Там, где звери обитали,
Обитают россы днесь;
Там, где птицы не летали,
Градами покрыт край весь.
Где снега вовек не тают,
Там науки процветают.

Тщетно буря возвевает
Дерзкий рев из глубины;
Море новы открывает
Нам среди валов страны.
Наступают россы пышно,
Имя их и тамо слышно.

Очи как ни обратятся,
Вижу страх, и россы тут;
Стены твердые валяются,
Башни гордые падут.
Только солнце где блистает,
Наша слава там летает.

Разверзается мне боле
Высоты небесной вид;
Петр Великий к нам оттоле
Превеселым ликом зрит.
Зри, исполненный утехи,
В мире, Петр, свои успехи!

Основатель нашей славы,
О творец великих дел!
Зри в концы своей державы
И на счастливый предел;
Веселись своей судьбою.
Будем таковы тобою.

Петр Великий просвещает
Вдохновение сие:
«Сбудется,— с верхов вещает,—
Привидение твое.
Трон мой тако вознесется,
И вселенна потрясется».

Воспеваю безопасно,
Вся подсолнечно внемли;
Простирайся велегласно
Речь моя по всей земли!
Я глашу России тайну,
Чсть народа чрезвычайну.

Насыщайся, россов племя,
В оный век ты частью сей.
Зрите предсказанно время,
О, потомки наших дней.
Плеском мир весь пронизайте,
Радуйтесь и восклицайте!

ОДА О ДОБРОДЕТЕЛИ

Все в пустом лишь только цвете,
Что ни видим—суета.
Добродетель, ты на свете
Нам едина красота!
Кто страстям себя вверяет,
Только время он теряет
И ругательство влечет;
В той бесчестие забаве,
Кая не причастна славе;
Счастье с славою течет.

Чувствуют сердца то наши,
Что природа нам дала;
Строги стойки! Не ваши
Проповедую дела.
Я забав не отметаю,
Выше смертных не взлетаю,—
Беззакония бегу;
И когда его где вижу,
Паче смерти ненавижу
И молчати не могу.

Смертным слабости природны,
Трудно сердцу повелеть,
И старания бесплодны
Всю природу одолеть;
А неправда с перва века
Никогда для человека
От судьбины не дана;
Если честность мы имеем,
Побеждать её умеем,—
Не вселится в нас она.

Не с пристрастием, но здраво
Рассуждайте обо всем;
Предпишите оно право,
Утверждайтесь на нем:
Не желай другому доли
Никакой, противу воли,
Тако, будто бы себе.
Беспорочна добродетель,
Совести твоей свидетель,
Правда—судия тебе.

Не люби злодейства; лести,
Сребролюбие гони;
Жертвуй всем, и жизнью,—чести,
Посвящая все ей дни;
К вечности наш век дорога;
Помни ты себя и Бога,
Гласу истины внемли.
Дух не будет вечно в теле;
Возратимся все отселе
Скоро в недра мы земли.

*

Благополучны дни
Нашими временами,
Веселы мы одни,
Хоть нет и женщины с нами;
Честности здесь уставы,
Злобе, вражде конец,
Ищем единой славы
От чистоты сердец.

Гордость, источник бед,
Распрей к нам не приводит,
Споров меж нами нет,
Брань нам и в ум не входит;
Дружба, твои успехи
Увеселяют нас;
Вот наши все утехи,
Благословен сей час.

Мы о делах чужих
Дерзко не рассуждаем,
И во словах своих
Света не повреждаем;
Все тако человеки
Должны себя явить,
Мы золотые веки
Тщимся возобновить.

Ты нас, любовь, прости;
Нимфы твои прекрасны
Стрелы свои внести
В наши пиры не властны;

Ты утех не умножишь
В братстве у нас, любовь,
Только лишь встревожишь
Ревностью дружню кровь.

Только не верь тому,
Что мы твои злодеи.
Сродны ли те уму,
Чистым сердцам затеи?
Мы, приобщая мира
Сладости дар себе,
Только пойдем из пира —
Подданы все тебе.

ОДА

Снимешь ли страстей ты бремя,
Радости подав странам?
Придешь ли, драгое время,
Ты когда обратно к нам?
Скрылись вы от человека,
Времена златого века.

Злобой сердца в притупленьи
Омрачает мысли яд,
Я в сладчайшем иступленьи
Зрю минувший век назад.
Вижу время оно ясно, —
Кое зрелище прекрасно!

Смертных ко открытию взора
Убегает ночи тень,
Солнце всходит, и Аврора
Предваряет красный день.
Только очи лишь воззрели,
Слышу нежный глас свирели.

Тихи ветры повевают,
В рощах гóлосы звенчат.
Птички сладко воспевают,
В берегах струи журчат,
Благовонные цветочки
Растрепляют там листочки.

Были тогда и крины
Красоту свою брегут,
Чисты с гор ключи в долины
Со стремлением бегут.
Роз зефиры бодро ищут,
Соловьи, не дремая, свищут.

ОДА

ГОСУДАРЫНЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ НА ДЕНЬ ЕЕ РОЖДЕНИЯ 1768 ГОДА АПРЕЛЯ 21 ДНЯ

Возьпрайте, струны лиры,
Возбуждает Феб от сна;
Вейте, тихие зефиры,
Возвращается весна.
День предшествует огромный,
Оживляя воздух томный,
Флора, царству твоему;
Как тебе, богиня, крины,
Так дела Екатерины
Счастье Северу всему.

Ты в сей день, императрица,
Зрела в первый раз на свет,
И всевышняя десница
Орошала райский цвет;
Злоба челюсти терзала,
Как судьбина отверзала
Двери во Фортуны храм;
Растворились двери пышны,
В небе восклицанья слышны:
«Россы, дар сей Бог дал вам!»

Бог пречудно помогает
Нам во злейши времена
И с отчаянных слагает
Возложенны бремена;
Тако бурю ненавидя,
Мореплаватель, увидя
Пристань и покойный брег,
Сколько в море он тоскует,
Столько в пристани ликует,
Окончав опасный бег.

Разум мой восторжен ныне,
Любопытствие пленя;
В сердце зря Екатерине,
Извещает он меня,
Что она на троне мыслит,
Как часы владенья числит,
Жертвуя своей судьбе.
Душу зря необычайну,
Я сию, Россия, тайну
Открываю днесь тебе.

Мыслит так о славе трона:
«Мне обширная страна
К исправлению закона
От небес поручена.
Я во дни моей державы
Не ищущу иной забавы,
Кроме счастья людей.
Всё, что можно, в них исправлю,
Пользу им и честь оставаю
Диадиме я своей.

Окияна ветром волны
Вносятся превьше гор;
Мысли, общей пользы полны,—
Нашей высоты подпор;
Скипетр—дело невелико,
Если оного владыко
Благом ставит только блеск;
Царско имя устрашает,
Коль оно не утешает—
Тщетен и народный плеск.

Мне сие в трудах отрада,
Сей хочу я плеск примать,
Что в России все мне чада,
Что в России всем я мать.
О мои любезны дети!
То ласкает мя владети:
Все вы любите меня.
В чем вам польза, то мне славно
Вас и я люблю вам равно,
Должность матери храня».

Се, что сердце в ней находит
В утро, в вечер, в день и в ночь,

На минуту не отходит
Мысль от ней такая прочь.
В нашем ты внемли ответе:
Для тебя мы жить на свете,
Для тебя умереть хотим;
За свою мы мать любезну
В пламень, в пропасти и в бездну,
Яко Курций, полетим.

Ты, Россия, побеждала
Неприятелей своих,
Тверды грады осаждала,
Претворя в пепел их.
Кровь тогда лилась реками,
Дым казался облаками,
Воздух выл, и трясся понт,
Стрелы Зевсовы летали,
Молнии во мгле блистали,
Колебался горизонт.

Соответствуй общей доле,
Сонм достойнейших людей,
И монаршей мудрой воле,—
К наставлению судей.
О, сладчайше упованье!
Соверши скоряй желанье
Наших алчущих сердец:
Украси сию державу,
Вознеси богини славу
Выше солнца наконец!

О ЛЮБЛЕНИИ ДОБРОДЕТЕЛИ

О люты человеки!
Преобратили вы златые веки
В железны времена,
И жизни легкости—в несносны бремена.
Сокроюся в лесах я темных
Или во пропастях подземных,
Уйду от вас и убогу,
Я светской наглости терпеть не могу;
От вас и день и ночь я мучуся и рвуся,
Со львами, с тиграми способней уживуся.

На свете сем живу я, истину храня:
Не трогаю других, не трогай и меня;
Не прикасайся мне, коль я не прикасаюсь,
Хотя и никого не ужасаюсь.
Я всякую себе могу обиду снести,
Но оной не снесу, котору терпит честь.
Я ею совести грызения спасаюсь,
А ежели она кем тронута когда,
Не утрашусь тогда
Я всей природы;
Иду
На всякую беду:
Пускай меня потопят воды,
Иль остры стрелы грудь мою насквозь пронзят,
Пусть молния заблещет,
И изо мрачных туч мя громы поразят,—
Мой дух не вострепещет,
И буду я на смерть без огорченья зреть,
Вспомня то, что мне за истину умереть.
Великий Боже! ты души моей свидетель,
Колико чтит она святую добродетель;
Не гневайся, что мне противен человек,
Которого течет во беззаконьи век.
Мы пленны слабостьми, пороки нам природны,
Но от бесстыдных дел и смертные свободны,
И, ежели хотим,
Бесстыдно жить себе удобно запретим.

ПРОТИВУ ЗЛОДЕЕВ

Ты ямбический стих во цвете
Жестоких к изъясненью дел
Явил, о Архилох, на свете
И первый слогом сим воспел!
Я, зляся, воспую с тобою,
Не в томной нежности стена:
Суровой возглашу трубою...
Трохей, сокройся от меня!
О нравы грубые! О веки!
Доколе будут человеки
Друг друга мучить и губить,
И станут ли когда любить,
Не внемля праву мыслей злобных,
Свой род и всем себе подобных,

Без лести почитая в них
Свой образ и себя самих?
В пустынях диких обитая,
Нравоучений не читая,
Имея меньшие умы,
Свирепы звери, нежель мы,
Друг друга больше почитая,
Хотя не мудро говорят,
Всё нас разумнее творят.
Ни Страшный суд, ни мрачность вечна,
Ни срам, ни мука бесконечна,
Ни совести горящей глас
Не могут воздержати нас.
Злодеи, бойтесь, бойтесь Бога
И всемогущего творца!
Страшится судьи в нем строга,
Когда забыли в нем отца!

ИЗ 35 ПСАЛМА

Скажу, что страха нет в сердцах таких людей,
Которы истине ни в чем не отвечают,
И злодеянием себя не уличают,
И мерзок предо мной злодей.

С утра до вечера они сплетают ложь
И, где не сеяли, снимают тамо жатвы,
Клянутся, никогда не помнят оной клятвы,
Творя злодейство то ж и то ж.

Проснутся в мыслях сих, в сих мыслях и заснут,
И злой привычкою ко аду привлеченны,
Со добродетелью навёки разлученны,
Забыли страшный Божий суд.

Во преисподнюю отверсты им врата,
Туда низверженны падут и не восстанут;
Исчезнет корень их и терния увянут,
Как тень минется суета.

А мы, хранители твоих, о Боже, слов,
Которым памятна твоя велика слава,
И сильная твоя в подсолнечной держава,
Преклонимся под твой покров.

ИЗ 145 ПСАЛМА

Не уповайте на князей,
Они рождены от людей,
И всяк по естеству на свете честию равен;
Земля родит, земля пожрет,
Рожденный всяк, рожден, умрет,
Богат и нищ, презрен и славен.

Тогда исчезнут лести те,
Которы данны суете,
И чем гордились бесстыдно человеки;
Скончаются их кратки дни,
И вечно протекут они,
Как гордые, шумя, текущи быстро реки.

Когда из них изыдет дух,
О них пребудет только слух,
Лежащих у земли бесчувственно в утробе;
Лишатся гордостей своих,
Погибнут помышленья их,
И пышны титулы все сокроются во гробе.

К НЕПРАВЕДНЫМ СУДЬЯМ

О вы, хранители уставов и суда
Для отвращения от общества вреда;
Которы силою и должностно власти
Удобны отвращать и приключать напасти,
И не жалуете невинных поражать!
Случалось ли себе вам то воображать,
Какое тягостно вам кланяться напрасно,
Молитвы принося, как Богу, повсечасно?
Против вас яростью по правости кипеть,
И в сердце то скрывать, сердиться и терпеть?
Иль вы не помните, в ожесточеньи тверды,
Что вышний справедлив, а вы немилосерды?
Иль вы не верите, что Бог неправду мстит
И вам стенование невинных оплатит?
Иль вы забыли то, что время скоротечно,
И что и на земли нам счастье не вечно?

Неправду видит Бог и внемлет бедных стон,
Что вы ни мыслите, о всем известен он,
А что творите вы, так то и люди знают,
Которые от вас отчаянно стонят.

СОНЕТ НА ОТЧАЯНИЕ

Жестокая тоска, отчаяния дочь!
Не вижу лютыя я жизни перемены;
В леса ли я пойду или в луга зелены,
Со мною ты везде и не отходишь прочь.

Пугаюсь всего, погибла сердца мочь.
И дома, где живу, меня стращают стены.
Терзай меня, тоска, и рви мои ты члены,
Лишай меня ума, дух муча день и ночь!

Препровождаю дни единою тоскою;
К чему ж такая жизнь, в которой нет покою,
И можно ли тогда бояться умереть?

Я тщетно в жалобах плоды сыскать желаю;
К тебе, о Боже мой, молитву воссылаю,
Не дай невинного в отчаянии зреть!

ЗРЯЩЕ МЯ БЕЗГЛАСНА

Непреминуемой повержена судьбою,
Безгласна зря меня лежаща пред собою,
Восплачете о мне, знакомые, друзья,
Все сродники мои, все, кем любим был я!

Вчера беседовал я с вами,

И вдруг я смерть узрел перед очами;
Пришел ко мне престрашный смертный час,
Навек лишаюсь вас.

Но приидите все пред вечным расставаньем,
Целуйте мя уже последним целованьем;
Не буду с вами я сообщества иметь,

Ниже беседовати впредь.

Душа престала быть во тленном теле;
Уже отселе

Иду

К нелицемерному суду,

Где вкупе предстоят владыко, раб, царь, воин,
Богат или убог, где равню всяк достоин,
От дел бо только всяк награду получит,
И славу там, и стыд.
Но всех прошу, молю, чтоб очи возносили
К небесной стороне
И чтобы обо мне
Все Господа просили,
Чтоб я не свержен был
По дни от вас моей разлуки
За согрешения мои на место муки,
Но чтобы я вступил
В сие жилище вечно,
Где жизни свет, веселье бесконечно!

ОДА

Долины, Волга, потопяя,
Себя в стремлении влечешь,
Брега различны окропляя,
Поспешно к устью течешь.

Ток видит твой в пути премены,
Противности и блага цепь;
Проходишь ты луга зеленые,
Проходишь и песчану степь.

Век видит наш тому подобно
Различные в пути следы:
То время к радости способно,
Другое нам дает беды.

В Каспийские валы впадаешь,
Преславна мати многих рек,
И тамо в море пропадаешь —
Во вечности и наш так век.

ОДА НА СУЕТУ МИРА

Среди игры, среди забавы,
Среди благополучных дней,
Среди богатства, чести, славы
И в полной радости своей:

Что все сие как дым преходит,
Природа к смерти нас приводит—
Вспоминай, о человек!
Умрешь, хоть смерти ненавидишь,
И все, что ты теперь ни видишь,
Исчезнет от тебя навек.

Покинешь матерню утробу—
Твой первый глас есть горький стон;
И отходя отсель ко гробу—
Отходишь ты стена и вон;
Предписано то смертных части:
Чтоб ты прошел беды, напасти,
И разны мира суеты;
Вкусил бы горесть ты и сладость,
Печаль, утеху, грусть и радость—
И все бы то окончил ты.

Во всем на свете сем премена,
И все непостоянно в нем,
И все составлено из тлена,
Не зрим мы твердости ни в чем.
Пременой естество играет,
Оно дарует, отбирает—
Свет только образ колеса.
Не грянет гром—и ветер недохнет,
Земля падет, вода иссохнет,
И разрушатся небеса.

Зри, как животных гибнут роды,
На собственный свой род воззри;
Воззри на красоты природы,
И коловратность разбери:
Зимой луга покрыты снегом,
Река спрягается со берегом,
Творя из струй крепчайший мост;
Прекрасны благовонны розы
Едины оставляют лозы
И обнаженный только грозд.

Почтем мы жизнь и смерть мечтою,
Что мы ни делаем—то сон;
Живем, родимся с суетою,
Из света с ней выходим вон;

Достигнем роскоши, забавы,
Великолепия и славы,
Пройдем печаль, досаду, страх,
Достигнем крайнего богатства,
Преодолеем все препятства—
И после превратимся в прах.

Оставим лишнее желанье.
О чем излишно нам тужить?
Умерим мы страстей пыланье:
Не вечно нам на свете жить.
От смерти убежать не можно,
Умрети смертным неотложно,
И свет покинуть навсегда.
На свете жизни нет миляе,
И нет на свете смерти зяле,
Но смерть—последняя беда.

НА СУЕТУ ЧЕЛОВЕКА

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Все, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава,
Все только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей.

ИЗ 3—16—63 ПСАЛМОВ

В сих трех псалмах
по начальным литерам грижды
«О Боже, помилуй»

О Боже, Боже мой, внемли мою молитву!
Безмерно множество врагов имею я;
Острыят они язык против меня, как бритву,
Жизнь, Господи, от них смутилася моя.

Единым только ты грусть тяжку уменьшаешь,
Поборствуя, ты щит во слабости моей;
Отрадой ум бодришь и сердце утешаешь,
Мученье отвратить ты можешь доли сей.

Исторгни зубы их, из сей влеча мя муки!
Лукавые сердца томят несчастну грудь;
Услышь моление! к тебе взвожу я руки!
И покровителем моей ты жизни будь!

О Боже, Боже мой! ты злобу ненавидишь,
Божественной твоей она мерзка судьбе;
Открыто все тебе, мое ты сердце видишь,
Желания мои стремятся все к тебе.

Единственно мой дух питается тобою;
Путем иду прямым, и ноги не склизят,
Отврата в кривизну не вижу пред собою:
Меня мои враги безвинно поразят.

Избавь от них меня, ко гибели влекущих,
Лиши, о Господи, их вредных людям сил,
Удари по пути кривом их, яд несущих,
И сделай, чтобы я спокойствие вкусил!

О Боже, Боже мой, спаси меня от злобы,
Бесстыдну прекрати врагов моих ты речь;
Отричь зияющи их лютые утробы!
Желчь носят во сердцах, в устах их—острый меч.

Елико совесть их, грызя, не уличает,
Пылают на меня они всегда как яд;
От лука крепка дух мой стрелы примечает,
Минуту каждую кропит их стрелы яд.

И если б мя тобой спасенье не держало,
Ловила бы всегда мя смерти злой коса;
Увял бы я навек, а сердце бы дрожало,
И до последнего терзало мя часа.

ЖАЛОБА

Во Франции сперва стихи писал мошейник,
И заслужил себе он плутнями ошейник;
Однако королем прощенье получил
И от дурных стихов французов отучил.
А я мошейником в России не слыву
И в честности живу;
Но если я Парнас Российский украшаю
И тщетно в жалобе к Фортуне возглашаю,
Не лучше ль, коль себя всегда в мученье зреть,
Скоряе умереть?
Слаба отрада мне, что слава не увянет,
Которой никогда тень чувствовать не станет.
Какая нужда мне в уме,
Коль только сухари таскаю я в суме?
Начто писателя отличного мне честь,
Коль нечего ни пить, ни есть?

*

Страдай, прискорбный дух, терзайся, грудь моя,
Несчастливее всех людей на свете я!
Я счастья пышного сыскать себе не льстился
И от рождения о нем не суетился,
Спокойствием души одним себе ласкал,
Не злата, не сребра, но Муз одних искал.
Без провозждения я к Музам пробивался
И сквозь дремучий лес к Парнасу прорывался.
Преодолея труд; увидел Геликон;
Как рай моим очам вообразился он.
Эдемским звал его я светлым вертоградом;
А днешь тебя зову, Парнас, я мрачным адом,
Ты мука Фурий мне, не Муз ты мне игра.
О бедоносная, противная гора,
Подпора моя немилосердой части,
Источник и вина всяя моей напасти,
Плачевный вид очам и сердцу моему,
Нанесший горести бесчисленны ему!

Несчастен был тот день, несчастнейша минута,
Когда по строгости и гневу рока люта,
Польстив утехою и славою себе,
Ногою в первый раз коснулся я тебе;
Крылатый мне там конь был несколько упорен,
Но после стал Пегас обуздан и покорен.
Эрата перва мне воспламенила кровь,
Я пел заразы глаз и нежную любовь;
Прелестны взоры мне сей пламень умножали,
Мой взор ко взорам сим, стихи ко мне бежали.
Стал пети я потом потоки, берега,
Стада, и пастухов, и чистые луга.
Ко Мельпомене я впоследствии обратился
И, взяв у ней кинжал, к театру я пустился,
И, Музу лучшую к несчастью полюбя,
Я сей, увы! я сей кинжал вонжу в себя,
И окончаю жизнь я прежнюю забавой,
Довольствуясь одной предбудущею славой,
Которой слышати не буду никогда,
Прожив на свете век, я сетую всегда.
Когда лишился я прекрасной Мельпомены
И стихотворства стал искати перемены,
Делафонтен, Эсоп в уме мне были вид.
Простите вы, Расин, Софокл и Еврипид!
Пускай, Расин, твоя Монима жалко стонет,
Уж нежная любовь ея меня не тронет;
Орестова сестра пусть варвара клянет,
Движения, Софокл, во мне ни мала нет;
С супругом, плача, пусть прощается Альцеста,
Не същдешь, Еврипид, в моем ты сердце места.
Аристофан и Плавт, Теренций, Молиер,
Любимцы Талии и комиков пример,
Едва увидели меня в парнасском цвете.
Но все уж для меня кончается на свете;
Не буду драм писать, не буду притчей пелсть,
И на Парнасе мне противно все, что есть.
Не буду я писать! Но, о несчастна доля!
Во предприятии моя ли в этом воля!
Против хотения мя Музы привлекут
И мне решение другое изрекут.
Хочу оставить Муз—и с Музами прощаюсь,
Прощуся с Музами—и к Музам возвращаюсь.
Любовницею так любовник раздражен,
Который многи дни был ею заражен,
Который покидать навек ее печется

И в самый оный час всем сердцем к ней влечется.
Превредоносна мне, о Музы! ваша власть.
О бесполезная и пагубная страсть,
Которая стихи писать меня учила!
Спокойство от меня ты вечно отлучила.
Но пусть мои стихи презренье мне несут,
И Музы кровь мою, как Фурии, сосут,
Пускай похвалятся надуты оды громки;
А мне хвалу сплетет Европа и потомки.

*

Все меры превзошла теперь моя досада;
Ступайте, Фурии, ступайте вон из ада,
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою!
В сей час, в который я, терзаясь, вопию,
В сей час среди Москвы «Синава» представляют,
И вот как автора достойно прославляют:
«Играйте,—говорят,—во мзду его уму,
Играйте пакостно за груд назло ему».
Сбираются ругать меня враги и други;
Сие ли за мои, Россия, мне услуги!
От стран чужих во мзду имею не сие:
Слезами я крошаю, Вольтер, письмо твое.
Лишенный Муз, лишусь, лишуся я и света.
Екатерина—зри, проснись—Елизавета,
И сердце днесь мое внемлите вместо слов!
Вы мне прибежище, надежда и покров.
От гроба зрит одна, другая зрит от трона:
От них и с небеси мне будет оборона.
О Боже! видишь ты, колика скорбь моя,
Зришь ты, в коиком здесь отчаянии я;
Терпение мое преходит все границы;
Подвигни к жалости ты мысль императрицы!
Избави ею днесь от варварских мя рук,
И от гонителей художеств и наук!
Невежеством они и грубостию полны.
О вы, кропящие Петрополь невки волны!
Сего ли для, ах, Петр, храм Музам основал!
Я суетно на вас, о Музы, уповал!
За груд мой ты, Москва, меня увидишь мертва:
Стихи мои и я—наук злодеям жертва.

СОНЕТ

Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил;
Как рос, в младенчестве влекомый к добру праву,
Со плачем прменял младенческу забаву;
Растя, быв отроком, наукой мучим был.

Возрос, познал себя, влюблялся и любил,
И часто я вкушал любовную отраву;
Я в мужестве хотел имети честь и славу,
Но тщанием тогда я их не получил.

При старости пришли честь, слава и богатство;
Но скорбь мне сделала в довольствии препятство.
Теперь приходит смерть и дух мой гонит вон.

Но как ни горестен был век мой, я стоною,
Что кончается сей долгий страшный сон:
Родился, жил в слезах, в слезах и умираю.

ПОСЛЕДНИЙ ЖИЗНИ ЧАС

Я тленный мой состав расстроенный днесь рушу,
Земля, устроив плоть, отъемлет плоть мою,
А от небес прияв во тленно тело душу,
Я душу небесам обратно отдаю.

Николай Никитич Поповский

НАЧАЛО ЗИМЫ

Ярившийся Борей разверз свой буйный зев,
И дхнул он хладностью на те места прекрасны,
Где Флора, истощив свои труды ужасны,
Пустила по лугам гулять прелестных дев.

Угрюмы облака и тучи вознеслись,
Покрылися поля зеленые снегами
С растущими на них различными цветами
И белизною все с уныньем облеклись.

Пустился с востока лед по невским быстрынам,
Спирался бугры, вода под ним кипела
И, с треском несшись в морской залив, шумела.
Кружатся все струи крестами по холмам.

Живущи по берегам не плещутся в струях,
Красотки по траве и в рощах не гуляют,
Они с рыданием свой жаль усугубляют,
Желая обитать в теплых всегда краях.

Рассталися они с приятностью весны,
Оплакивая все веселие тогдашнее,
С любовниками их собищение всегдашнее,
Которо при струях было во дни красны.

В уныние пришли луга и дрeвеса,
Места те значные, где сборища бывали,
Не видя на себе народа, восстенали,
И уклонились под снегом все леса.

Лишился Тирс пастух веселья своего,
С Кларисою своей прекрасною расстался,
И внутренне в себе слезами обливался,
Сказав: «О время ты несчастья моего!

С поспешностью теки, весну ты возврати,
И ту веселость с ней, которую имели,
Когда мы множество в садах красоток зрели,—
Ты тем любовников страданье прекрати».

ИЗ ГОРАЦИЯ КНИГА I, ОДА XXII

Кто правдой в свете жить радеет,
В худых не виноват делах,
Тот в луке нужды не имеет
К своей защите, ни в стрелах,
Смертельным ядом напоенных,
Что мечет мавр в полях полденных.

Хоть был бы он в местах опасных
От волн, от жара и зверей;
Хотя б на Кавказе, где ясных

Нет дней весенних, ни людей;
Иль где текут Гидаспски воды,
Внесены баснями в прежни годы.

В лесу Савинском раз гуляя,
Я о своей любезной пел
И, скучны мысли разгоняя,
Через пределы перешел;
Внезапно волк ко мне с размаху
Бежит, я обмер весь от страху.

Ни в храброй Давнии доселе
Не видано, чтоб был таков,
Ни в жарком Юбином пределе,
Рождающем свирепых львов;
Узрев меня, вспять обратился,
И безоружного страшился.

Поставь меня в странах бесплодных,
Где нет приятных весны,
От бурь и ветров где холодных
Поля, как камень, скреплены,
Где мраки небо покрывают,
Лучи огнюдь не досягают.

Поставь меня под самым зноем,
Лучи где прямо в землю бьют
И где с умеренным покоем
Жары жить людям не дают;
Но мне и там подаст утехи
Любезной речь и нежны смехи.

КНИГА II, ОДА III

Сноси напасти терпеливо,
Будь духом бодр, о человек!
И не гордись, живя счастливо,
Смерть памятуй и краткий век.

Хотя бедами утесненный
Век будешь с скукой продолжать,
Хотя ты в роце отдаленной
В дни будешь праздничны лежать,

Где тенью дерева густою
При летнем зное холодят,
Одна гоняясь за другою,
Струи в источнике журчат.

Сюда сладчайшие напитки,
Сюда вельи и розы несть,
Покамест рок, лета, избытки
Дозволят жизнь веселу весть.

Оставить время всё приспеет,
Деревни, роцци, пышний дом;
Наследник после овладеет
Твоим и златом и серебром.

Богатым ли или убогим,
Царем иль подлым ты рожден,
Всё то ж, ты будешь роком строгим
Без жалости во гроб сведен.

Всех гонят нас к тому ж пределу,
Своя всем придет череда.
Хоть скоро, хоть не скоро, телу
С душой расстаться навсегда.

КНИГА Ц, ОДА Х

Так должно жить, чтоб не пускаться
Ни внутр морския глубины,
Ни близко с берегом не смыкаться,
Страшася бури и волны.

Кто жить умеренно желает,
Не в гнусной тот избе живет,
Ни гордых он не созидает
Палат, где зависть яд свой льет.

В высокий чаще дуб стремится
Борей; взнесенна до небес,
Громчае башня вниз валится:
В высоки горы бьет Зевес.

В напастях счастья ждет, при счастье
Бойтся бед готовый дух;
Тот бог, что мрачное ненастье
Навел, подаст и ведро вдруг.

Не век судьба нам так же судит
Томиться, как теперь, бедой:
Сам Феб муз часто к пенью нудит,
Ослабив лук свой с тетивой.

Будь сердцем тверд, великодушен,
Когда гроза находит въявь;
Но если ветер весьма послушен,
Надутых парусов убавь.

КНИГА II, ОДА XIV

Увы! проходит век крылатый;
Ни святость может воспятить
Морщин и старости горбатой,
Ни смерти алчной умолить.

Чрез триста жертв всяк день Плутона
Неукротимого моли,
Что свел и сильного Самсона
Во преисподния земли;

Но сколько здесь ни пребываем,
Чрез Стикс всем страшный должно плыть:
Богат ли, царь ли, всеми ль знаем,
Раб, нищ, презрен,—всем там же быть.

Напрасно браней мы страшимся,
Свирепых в море бурь бежим,
В осенний с полдня ветер боимся,
Несущий вред телам людским.

Увидим черны, мутны реки,
И Данаев проклятый род,
И Сизифа, к трудам навеки
Что осужден, конца не ждет.

Оставить землю, дом с женою,
Сады, что сам ты возрастил,
Во гроб не пойдут за тобою;
Коль мало ты владыкой был!

Хранимы питья сто замками
Наследник лучший разочнет:
Вино лить будет под ногами,
Какого в праздник жрец не пьет.

КНИГА II, ОДА XVIII

Не золото и серебро сияет
В моем жилище на стенах;
Не мрамор пол в них украшает,
Не крыльца на резных столбах.

Чужим наследством не владею
Под ложным именем родства;
И слуг насильно не имею,
Из бедности и сиротства.

Но разума и правды много,
Чего же больше мне сего?
Богач, хоть я живу убого,
Знакомства ищет моего.

Я Бога тем не озлобляю,
Чтоб больше мне чего просить;
Друзьям богатым не скупаю;
Доволен тем, чем дано жить.

Летят за днями дни крылаты:
При смерти ты, забыв о том,
Возносишь мраморны палаты,
И, гроб забывши, строишь дом.

Морские глубы засыпаешь
И распыряешь берега;
Ты землю узкою считаешь
И кои есть поля, луга.

Но что? соседние ты села,
О ненасытный, захватил
И собственного их предела
Твоих питомцев уж лишил.

Несчастный муж с детьми, с женою,
В объятии неся богов,
Бежит в слезах, гоним тобою,
Оставив дом своих отцов.

Но нет известнейшей дороги
Богатому, как в мрачный ад;
Что мысли толь имеешь многи?
И ты туда же будешь взят.

Богатым и убогим равен
Ко гробу путь, одна стезя.
Хоть Прометей на вымысл славен,
Харона подкупить нельзя.

Потомство Танталов надменных
Он за Коцитом всё хранит;
Труды снять с нищих отягченных
И званый и не зван спешит.

Андрей Андреевич Нартов

ПОХВАЛА ПЕТЕРБУРГУ

Блаженна ты, страна! где дщерь живет Петрова,
Где храм отверст наук, и к ним пространен вход,
Златые времена уже настали снова,
Прекрасны здесь поля, древа приносят плод.

Пришельцев всех диви ты зданием ужасным,
Кто был зиждитель твой, вспомни ты им всем.
Красуйся ты, о град! и будь всегда прекрасным,
И век хвалися ты, что был построен кем.

Ты морем и землей россианам удобен,
Всяк оком обозри и с ужасом скажи:
Коль ты прекрасен, град! ты Риму стал подобен,
И в сердце ты другим любовь к себе вложи.

Сколь много ты сердцá россиан утешаешь,
Сие старается всяк ясно доказать.
Ты многих царств красой своею превышаешь,
Потцнимся ж мы за то Петру хвалу воздать.

Чтоб слава нам его всечасно вображалась,
Поставим мы ему премного пирамид,
Где б славна жизнь его и мудрость начерталась,
И сим усердия покажем ясный вид.

НА ВСКРЫТИЕ НЕВЫ

Лишь солнце в знак Овна в небесный свод вступив,
То воздух хладный вдруг в приятный пременялся,
И, зноем все места прекрасны озарив,
Спустило тих Зефир, чтоб всюды он промчился.

Летая, он везде бугры снегов обнял
И, растопив их все, пустил ток рек прозрачных,
Он в недро аромат земное нам влияя
И в живность сим привел луга, леса мест злчных.

Ключи уж потекли с журчанием своим,
Шумящим током всю страну здесь орошают.
Какой ужасный взор, о Росс, очам твоим
Петрополь все струи вод ясных напоят!

О вы, места, места, богиня где живет,
Оденьтесь в цветы и зеленью покройтесь:
Диана в вас гулять уж с нимфами придет,
И чистою росой, кусты дерев, омойтесь.

А ты, Нева, красись, с водам соединишь,
Всем странствующим вход пространный открывая,
С великим Нилом ты в разлитии сравнишь,
Скажи: «Блаженна я, град славный протекая.

Я в древни времена в лесах густых текла,
Заросши я травой, осоку здесь имела,
И листья только дров с стремленьем я влекла,
А ныне здоровыми водами я созрела.

Разлитие мое врагов приводит в страх,
Грозит погильею и смертью им всечасно.
Российский флот готов к разбитию их в прах,
И выступить из вод в бой с яростью ужасно.

Но долг кому должна я за сие воздать?
Петру, простершему в трудах монарши руки,
Что при струях моих прекрасный град создать
Велел и насадил полезны в нем науки».

МОЛИТВА

Куда мой взор ни обращаю,
Везде погибель предстоит,
И тьмы врагов я обретаю,
Их злость отвсюду мне грозит.

Уже злодеи мя карают
Отмщением на всякий час
И хищный зев свой разверзают,
Чтоб поглотить в единый раз.

Отверзлись смертные мне двери,
В которые мя враги ведут
И растерзать, как люты звери,
Незлобивого агнца ждут.

О коль мы смертные несчастны,
На свете обитая сем!
Несчисленным бедам подвластны
И в них почти всю жизнь ведем.

На то ли мы на свет родились,
Чтоб нам друг друга погублять?
И с тем ли мы производились,
Чтоб человека умерщвлять?

Не с тем; но быть чтобы в блаженстве
И век златой меж нами весть,
Любовь имети в совершенстве,
Несчастно время вкупе несть.

О Боже, твари всей создатель,
Избавь меня от сих врагов:
Ты благ несчетных нам податель,
Злодейских мя лиши оков.

Сотри их выи горделивы
И будь защитником в бедах;
Коль слезы бедных справедливы,
Ты можешь зреть то в их сердцах.

РАЗЛУЧЕНИЕ С ЛЮБЕЗНОЙ

В поля пойду гулять и в те леса густые,
С любезной где моей в весельях я бывал,
Я там вспомню все мои печали злые,
И вображу себе, как я по ней стонал.

Возрю на те луга, где я терпел мученье,
Пролью потоки там я горьких слез своих,
И здесь оплачу я с прекрасной разлученье,
Что днесь препоною веселостей моих.

Мне жизнь уж не мила, как я ее лишился,
Веселья все забыл я в горестях всегда,
Но вспомню лишь о том, как ею я пленился,
То слезы потекут ручьями вдруг тогда.

Я часто в сих местах, в местах моих плачевных,
С ней сиживал один, и взором льстил себя,
Я был в объятиях любезной повседневных,
И много раз твердил: сколь я люблю тебя.

Но ах, пленяюся я ею повсечасно,
Из мысли век моей она не выдет вон;
А разлучение колико с ней ужасно,
Свидетелем сему наш с нею общий стон.

О бурны ветры, вы печаль мою промчите,
И разнесите вы мой плач по всем местам,
Что буду я навек ей верен, подтвердите,
И будьте вы, слова, отрадою ей там.

ИДИЛЛИЯ НИССА

На травке Тирс один в лачужке

Тогда лежал,
Как рассуждал

О Ниссе там пастушке:

«Ее в селе
У нас красняе
И на земле
Нет, чай, умняе»,—
В себе сказал.

«Ей в славу буду на гудочке
Затем играть
И прибирать
В двойной слова хвал строчке:
Чтоб ею здесь
Мне отдавался
Лесочек весь;
Через то б казался
Ее ж взывать.

Поставлю имя по обету
В разных цветах
На всех деревьях,
Которых краше нету:
Пускай на них
То все читают
В гульбищах сих
И ту желают
Иметь в глазах.

Пушечку легче та летает,
Танцуя в лад;
Всяк видеть рад—
Ту видя лишь узнает:
Уж дива нет
Ни в соловейке,
Когда поет
В своей семейке
Нам Нисса склад.

Мы видим всех цветков белея
Лилею цвет,
Видал ли свет
Где Ниссы веселяе?
Что к соснам кедр,
Она к пастушкам,
Ее дух щедр
К своим подружкам,
Всем добр привет.

На небе как в ночи царица
Луна звездам;
Дней красных нам,

Так Нисса есть зарница:
В ее очах
Два солнца съяют,
В своих лучах
Остро блистают
По сим местам.

Пучек роз нежных невеличек
К венку свяжу,
Вокруг снижу
Душистых ряд гвоздичек —
Вручу тот ей
В дар независтен
При речи сей:
«Хоть некорыстен,
Принять прошу.

Когда б хоть мало побогатей
Себя я зрил,
То б и дарил
Я Ниссу гороватей:
Лент до услуг
Купил бы пуки,
И так бы вслух,
Ей без докуки,
Сам говорил:

«О! Нисса, не желаю в свете
Я ничего,
Опречь сего,
Тебе б всегда быть в цвете,
Мне б только знать,
Что ты здорова
И наряжать
Круг наш готова
В играх его».

Алексей Васильевич Нарышкин

СОНЕТ

Чтоб счастьем, живучи, возможным наслаждаться,
Желая всем добра, на свете всех любя,
Чтоб вредным, слабостью, порокам не поддаться,
Все склонности к добру врожденны погубя,

Чтоб век раскаянья в поступках не дожидаться,
С покоем правого пред всеми зреть себя
И просвещающим учением питаться,
А дружбы к обществу людей не истребя,

Любови, другу жизнь и книгам посвящаяю:
От них прятных дней себе имети чаю,
От них жду вольных дум, покоя и утех.

Один меня в моих пороках исправляет;
Другие подают мне в знаниях успех;
А первая мои все мысли оживляет.

НАДПИСЬ

Прохожий, пожалей: здесь та погребена,
Котора в жизни всех собою удивляла,
Умом и красотой была одарена
И в лучший самый век цветущих дней увяла.

Семен Васильевич Нарышкин

СОНЕТ

Ты, Боже, справедлив, на тя я уповаю,
Внемли глас страждущей к тебе души моей,
К тебе единому в стenanьи прибегаю,
Услыши, защити мя правдою своей!

Страдаю; но за что гоним я так?—не знаю,
Жду правосудия слезам и муке сей.
Но если за дела и в казнь то получаю
И правде мне помочь уже нельзя твоей—

Ты, Боже, милосерд, оставь мне дело злобно,
Тебе ли опустить рабу грех неудобно!
Подвигнись милостью и дай бедам конец.

Щедрота мне твоя едино утешенье,
Она против врагов мне будет укрепление.
Избавь мя, окажи всем, что ты мне отец.

ПОХВАЛА ПАСТУШЬЕЙ ЖИЗНИ

О коль блажен тот, кто в долинах,
В полях, лугах овец пасет;
Хоть нет драгих каменьев в скрынах,
Но всех счастливей он живет!

По барабану встать не тшится,
И свист его пуль не страшит.
Пролить тот крови не стремится,
И в ней пронзен он не лежит.

Его дух совесть не терзает,
Что он невинна обвинил,
И сбор его не обличает,
Что он не право получил.

Сего он в мысли не имеет,
Чтоб хитру сеть на друга сплесть,
Владеть лукавством не умеет,
Не строит жительство в нем лесть.

От страха вздохи не терзают,
Его и мысли не мятут,
В отчаянье не погружают,
Что сверху вниз его спихнут.

Огня свирепа не страшится,
Не прячет он пожитки в ров,
И в жизнь свою он не боится,
Чтоб был украден от воров.

Но дух спокойный он имел,
Не знает скуки никогда;
Любезной сердцем он владея,
Живет в веселье завсегда.

Пасет овец он меж кусточков,
Любуясь на их листки,
Нарвавши сидя из цветочков
Прекрасные плетет венки.

Тут птицы слух его пронзают
Приятным пением своим,
Зефиры тихо повевают,
Верхи дерев шумят над ним.

Ручьи прозрачных вод крутятся,
Долины все в его глазах,
Луга цветами тут красятся,
Зверей наполнено в лесах.

Для коих стрелы он готовит
И, ходя по лесу, бьет их,
Для иных сети он ставит
И ловит тем зверей живых.

Его веселья окружают,
Он всех счастливее сто раз,
Печали сердце не стесняют,
Живет в покое всякий час.

ЭКЛОГА

Уж солнечны лучи всю землю оживляли,
Прекрасные цветы везде произрастали,
Зефир по всякий час уж розу целовал,
И в рощах соловей зарю предвозвещал.
Молчащие зимой свирели раздавались,
Пастушки на луга с стадами собирались.
Один в лугах с своей любезною гуляя;
Другой любовь свою и муку изъявляя,
Иной в отчаяньи надеждою питался,
Другой, несклонну зря, иной красой пленялся.
У всех любовный жар в сердцах был и в крови,
Вся тварь с охотой дать долг тщиался любви;

Один лишь Каридон слез реки испускает,
Он рок свой и себя всечасно проклинает.
Несчастный говорит: «К чему рожден я в свет,
Когда утехи в нем и счастья мне нет?
Затворен от меня путь к сладкому покою,
Наполнена моя часть злейшею бедою.
Не мило стадо мне, постыл я сам себе.
Не вижу я, свирель, утехи и в тебе.
О солнце! для чего несчастна освещаешь?
Иль ты меня в тоске и муке зреть желаешь?
Престаньте вы, ручьи, хотя на час журчать,
И вы свою мне тень, долины, подавать.
А вы, луга, где я с Аминтою видался,
Где взором я ее и речью наслаждался,
Сокройтесь от очей, уже красы в вас нет;
Поблек ваш цвет доброт, а мой померк уж свет.
Аминты нету в вас, она гулять не ходит,
Уже искать меня любовь ее не водит.
О ты, прекрасная! к чему тебе я мил?
К чему тебя и я, несчастный, полюбил?
Я знаю, что о мне ты вздохи испускаешь,
И суетно меня, несчастна, вспоминаешь.
Но если б знала ты, сколь много я грущу!
Я день и ночь себе покоя не същущу,
По всем местам в тоске и муке я бываю,
Я в горести всяк час слез реки проливаю;
Твой взор, прекрасный взор последует за мной
И, множа он любовь, отъемлет весь покой.
Несчастнейшая жизнь, почто мя отягчаешь!
А ты, о смерть! к чему мой век не пресекаешь!
Когда судьбой лишен я той на свете стал,
Что жизни я своей за душу почитал.
Но ах! почто уже я столь отчаеваюсь?
Я, может быть, еще и суетно терзаюсь?
Аминтина краса не может ли чего?
Не может ли отца склонить та своего?
Когда 'ее в слезах увидит пред собою,
И станет преклонять она его мольбою,
Тогда свирепство все он в жалость применит
И все по воле той с охотой учинит.
Откажет жениху и брак тот уничтожит,
Кой сердце рвет мое и дух, ах! мой тревожит.
А ты, что за собой красу хотел иметь,
Которой мне по смерть любовь велит владеть,
Отстань, не приключай ей муки больше лютой,

И дай отраду ей сей счастливой минутой.
Отраду давши ей, меня ты облегчишь,
Жестоких мук и слез навеки свободишь.
О, если б то сбылось, что я воображаю,
Что я себе теперь, несчастный, прорекаю,
Коль счастлив бы тогда был бедный Коридон!
Преобратился бы в веселости мой стон.
Но в сей надежде, что теперь мя обольщает,
Несносное меня отчаянье терзает.
Я знаю, что отец прекрасныя жесток,
И нашей уж любви противиться стал рок;
За скорби и за плач на дочь свою озлится,
И пуще к своему он делу устремится.
За долг почтет тогда он выдать ту скорей,
Чтоб оказать свою отцову власть над ней.
Уже тогда и стон, и плач несилен будет:
Он в зверскости и кровь в тот час свою забудет,
Неволею на брак ее он потащит
И зятю своему невольницей вручит.
И так уж я с тобой, Аминта, разлучуся
И всех утех навек с тобою я липуюся.
Почто, о рок! меня ты в свет производил!
Иль чтоб несчастным всем примером я служил?
О рок! Когда то так... Когда уж то сбылось,
Чем дух мой, томный дух и сердце, ах! рвалось,
Скончай мою ты жизнь, вынь дух из тела мой
И, потуша тем жар, дай вечный мне покой.
Но, может быть, и там ее я не забуду,
Я, может быть, гореть в любви по смерти буду.
Мне знать уж положен судьбой такой предел,
Чтоб, мучась вечно, я огнем любви горел.
Стекитесь хоть вы, о хищны волки, в стадо,
Вот вам оно теперь, а мне уже не надо,
Пожрите вы меня, пожрите вместе с ним
И дайте тем конец несчастиям моим».

Елизавета Васильевна Хераскова

СОНЕТ

К чему желаешь ты, о смертный, долгий век?
Довольно сносишь ты и в кратку жизнь напасти.
Родимся мы в слезах, растем покорны власти.
В младых днях чувствует досаду человек.

Те дни все протекут, как ток быстрейших рек —
Твой дух тревожить вдруг начнут различны страсти,
В мученьи станешь ты другой желати части,
Чтоб рок твою напасть и горесть пересек.

Вдруг старость все твои желанья уничтожит,
К напастям и бедам болезни приумножит:
Она надежду всю со днями унесет.

Весь век наполнен наш мученьем и тоскою,
Ничто нас в жизни сей от бедства не спасет.
О смерть! в тебе одной ищущи себе покою.

НАДЕЖДА

О дар! великий дар, от Бога данный нам,
Надежда, ты наш век плачевный улаждаешь;
Сколь много за тебя мы должны небесам!
Ты всех печалей нас и горестей лишаешь.

Гонимый, страждущий на свете человек,
Который осужден терпеть беды, напасти,
Надеждой улады мучительный свой век,
С терпеньем ждет своей премены лютой части.

Иной жесокою болезнью отягчен,
Котора не дает на час ему покою.
Надеждой льстится он, что будет облегчен,
И, тем ласкаяся, не мучится тоскою.

Влюбясь в несклонную, любовник слезы льет,
В награду за любовь суровость зрит всечасно;
Надежда в горести отраду подает
И льстится тем, что он страдает не напрасно.

Невольник, что на смерть жестоку осужден,
В темнице и в цепях кончины ожидает:
Надеждой льстяся, он, что будет свободен,
Мучительны часы сей мыслью улаждает.

Все наши горести и лютую напасть
Надеждою одной мы только уменьшаем;
Над сердцем и душой она имеет власть,
Мы ею горести и скуку отвращаем.

Алексей Андреевич Ржевский

ОДА

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕМУ ДЕРЖАВНЕЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ
И МИЛОСЕРДОМУ ГОСУДАРЮ,
ИСТИННОМУ ОТЦУ ПОДДАННЫХ,
ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ФЕОДОРОВИЧУ,
САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССИЙСКОМУ.
ПРИНОСИТСЯ В ЗНАК БЛАГОДАРНОСТИ
ЗА БЕСПРИМЕРНОЕ И МИЛОСЕРДОЕ ПОЖАЛОВАНИЕ
ВОЛЬНОСТИЮ РОССИЙСКИХ ДВОРЯН.
СОЧИНЕНА 1762 ГОДУ МАРТА 1 ДНЯ

Ликуйте, россы, ныне
Под щедрым толь судом,
К счастливой мы судьбине,
Россияне, Петром.
О времена драгия!..
Счастливая Россия!
Владелец щедрый твой
Всех славу превьпшает
И век в тебе златой
Им ныне расцветает.

Стремись, усердна муза,
Воспети днесь Петра,
Ищи словам союза,
Сколь власть его щедра.
Возможно ль умолчати,
Чтобы не величати
Монарха россиян?
Ты счастлива стократно,
Что сей предел днесь дан
То пети, что приятно.

Дивясь, я не знаю,
Щедроту пев его,
Монарха ль воспеваю,
Отца ли своего?
Монарх он учрежденьем,
Отец он попеченьем
О подданных своих.
Златые времена!
Имеет обоих
В себе он имена.

Иной себя прославил,
Кровь неповинных лив.
Но славу ты восставил,
Меча не обагрив.
Щедротою одною
Над подданной страню
Героев превзошел.
С мечем не кровавленным
В храм славы ты вошел,
И мил своим плененным.

Ты, вольность даровавши,
Всех вольность погубил
И, всем свободу давши,
Всех ныне нас пленил:
Пленил ты нас любовью.
Своей готовы кровью
Мы то тебе воздать,
Трудом все бесконечным
Мы будем исполнять
С желанием сердечным.

Ко смертоносу ль бою—
Охотно все идем,
Охотно пред тобою
Кровь нашу всю прольем.
Твоим мы повеленьем
Покой не с сожаленьем
Оставим; веселясь,
С врагом пойдем сразиться.
Трудами отягчась,
Мы будем веселиться.

Ко жизни ль мироденной
Рабов определишь?
К науке ль совершенной
Приникнуть повелишь?
Все будет нам приятно,
И будет не превратно
Усердие всегда,
Доколь наш век продлится.
Отныне никогда
Оно не переменится.

Равно как где втекает
Источник, вниз вياءь,
Всечасно умножает
Он воду, там лиясь,
И чем течет он доле,
Тем умножает боле
Он воды у оплот;
Досятнути стремится
Брегов своих высот
И глубже становится.

Так наше возрастает
Усердие к тебе,
Со днями умножает
Любовь оно в себе.
Храня ты добродетель,
Не страхом в нас владетель.
Любовью ты монарх,
Не тот велик бывает,
Которой через страх
Лишь только обладает.

Похвально так владети,
Как ты стал, взяв венец:
Рабы твои суть дети,
А ты нам всем отец!
Твой лавр вовек не свянет,
Доколь блистати станет
На зéмлю солнца свет
И не падет вселенна.
Век слава не падет,
Тобой приобретенна.

И в поздние потомки
Сей слух она промчит,
Делá толико громки
Гласить не замолчит:
Что был такой владетель,
Который добродетель
Всему предпочитал,
Чтоб утвердить блаженство,
России вольность дал
И дал ей благоденство.

Веков услышат круги,
Как нами ты владел:
Всех награждал заслуги,
Зло истреблять радел,
Покою ты чуждался,
И только лишь старался
Восставить век драгой,
И пользу утвердити.
Коль счастливо тобой
Мы начинаем жити!

Когда вещати станут
Позднейшим то родам,
Потомки не престанут
Завидовати нам,
Что счастливой судьбою
Мы правились тобою,
Что ты монарх наш был,
Почто они лишены
Того, как здесь ты жил,
Не в те дни жить рожденны.

Москва днесь въздыхает
Без взора твоего,
И зреть в себе жаелает
Монарха своего.
На очи чтоб взирати
И руку лобызати,
Ей давшу столько благ,
Даров и утешенья,
Боицца коей враг,
Друг чаеа защищенья.

И днесь ты обитаеши
Здесь: правдой на судах,
Любовью пребываеши
Во подданных сердцах.
Но на тебя взирати
И речь твою внимати
Еще приятней нам.
Дай зреть себя на троне
Москвы-реки брегам,
О наш отец, в короне!

Всяк больше взвеселится
От взора твоего,
Пловца, как брег явится
В погибели его.
Мы вход твой препрославим,
Трофей побед поставим
Всех россиян сердец,
Кем ты сужден владети.
Приди, наш царь-отец:
Здесь ждут рабы и дети.

Все б наше окончалось
Желание тогда,
И только б то осталось
Желанье навсегда,
Чтоб вышней было воле
Угодно век твой доле
Продлити в жизни сей;
Но если б жизнь сравнялась
Со щедростью твоей,
То век бы не скончалась.

ОДА 1

Долго ль прельщаться
Нам суетой?
Долго ль гоняться
Тщетно за той?

Мы замечаем,
Время летит;
Но, ах, не знаем,
Смерть как скосит.

Миг умаляет
Здесь бытие
И приближает
То житие,

В коем забудем
Прелести зреть,
В коем не будем
Страсти иметь.

Всякий там станет
Так, как рожден,
И не вспомнит,
Чем он почтен.

Полно нам льститься
Пышностью сей;
Всем нам лишиться
Жизни своей.

Всё то минется,
Всё то пройдет:
Счастье прервется,
Смерть как придет.

ОДА 2, СОБРАННАЯ ИЗ ОДНОСЛОЖНЫХ СЛОВ

Как я стал знать взор твой,
С тех пор мой дух рвет страсть:
С тех пор весь стиб сон мой;
Стал знать с тех пор я власть.

Хоть сплю, твой взор зрю в сне,
И в сне он дух мой рвет:
О коль, ах, мил он мне!
Но что мне в том, мой свет?

Он мил, но я лишь рвусь;
Как рвусь я, ты то знай.
Всяк час я мил быть тщуся;
Ты ж мне хоть вздох в мзду дай.

РОНДО

И всякий так живет, ты думаешь всечасно;
Но худо извинять порок в себе пристрастно.
Хотя бы утонул в пороках злых весь свет,
Неправ и ты, хотя и всякий так живет.

И всякий так живет, вещаешь ты напрасно;
Тем извинять себя безумию причастно.
Та мысль не облегчит, коль сердце совесть рвет:
Один ли только я?—и всякий так живет.

И всякий так живет, о мнение ужасно!
В объятия твои ввергать себя опасно.
Сия жестока мысль в несчастье приведет,
Как станем рассуждать: и всякий так живет.

СТАНС

Прости, Москва, о град, в котором я родился,
В котором в юности я жил и возрастал,
В котором живучи, я много веселился
И где я в первый раз любви подвластен стал.

Любви подвластен стал, и стал лишен покою,
В тебе, в тебе узнал, что прямо есть любить,
А ныне принужден расстаться я с тобою,
Злой рок мне осудил в пустынях жизнь влачить.

Но где, расставшись с тобою, жить ни буду,
Любви не истреблю к тебе я никогда,
Ни на единый час тебя я не забуду,
Ты в памяти моей пребудешь навсегда.

Приятности твои на мысли вображая,
В пустынях буду я по всякий час скучать,
Там стану воздыхать и стану, воздыхая,
Стенящим голосом Кларису воспевать.

СТАНС

Сочинен 1761 года июля 19 дня
по выезде из деревни г... Х...

Прости, приятное теперь уединенье,
Расстался я с тобой,
В тебе я чувствовал прямое утешенье,
Свободу и покой.

Гражданска суета мой дух не возмущала,
Любезна простота
Селян незлобивых меня там утешала
И места красота.

Сколь мило слушать то, как птички воспевают
По рощам меж кустов!
Милая, что люди все без злости пребывают;
Там нет клеветников.

Там злоба с завистью меж них не обитает
И царствует покой.
Единая истина сердцами обладает,
Там век цветет златой.

Там нет насилия, там нет и утеснения
От обидных всем врагов.
В равенстве все живут, от сильных нет грабленья,
Не слышно стону вдов.

Херасков! разлучась со мной, ты там остался,
Где век златой цветет;
А я, жалеючи, мой друг, с тобой расстался,
Чтоб жить, утех где нет.

Играючи мыслями, играть моей душою
Угодно, знать, судьбе.
Ища спокойствия, лишены здесь покою,
Завидую тебе.

ЭЛЕГИЯ

Рок все теперь свершил, надежды больше нет.
Противна стала жизнь, противен стал мне свет.
Почто вступить в сей град желал я повсечасно?
О суетная мысль, желание напрасно!
О град, который я забав жилищем звал,
Ты мне противен днесь, ты мне несносен стал.
Мне мнится, здесь места приятность потеряли,
И все уже в тебе забавы скучны стали.
Тобой я мучуся, смущаюся тобой,
Мой взор скучает днесь и дух страдает мой.
Как сердце в власть мое любви покорилось,
С тех пор уж для меня здесь все переменялось;
С тех пор в тебе часов веселых не видал:
Иль дух мой или ты забавы потерял.
Но нет! места твои приятства наполнены,
Приятные в тебе утехи насажденные,
И всякий в радостях, в утехах здесь живет;
Лишь мне единому в тебе забавы нет.
Всего меня судьба жестокая лишила,
Как хищницу забав увидеть мне судила;
Как хищницу забав и сердца моего,
Которой в свете нет прелестней ничего,
Которая меня терзает и прельщает;
Прельщает красотой, суровостью терзает.
Прелестна, хороша... но что о том вещать?
Довольно, что мила; довольно уж сказать:
Нет мер тому, как я... как я ее люблю,
Нет мер... нет мер и в том, какую грусть терплю.
Мила мне... я люблю... но лъзя ль то изъяснить?
Не знаю, как сказать, могу лишь вообразить.
Она мила... мила... я слов не обретаю,
То точно рассказать, что в сердце ощущаю;
И горести мои подобны страсти сей,
Но вымолвить нельзя, как стражду я от ней.
Тот гласом сладостным печаль свою вспеваает,
Кого несчастье умеренно терзает;
А я, вообразя мой рок, теряю ум,
Лишаюсь памяти, лишаюся всех дум;
Слабеют чувства все, язык мой цепенеет,
Слабеет голос мой и сердце каменеет,
И запекаются стениющие уста;
Но вообразя в мысль ее мне красота,
И чувства мне и глас и муки возвращает,
И в новую опять меня печаль ввергает.
Год цельй, как душа вдалась ей в власть моя;

Но всякий вижу раз вновь прелести в ней я.
Как ни увижусь с ней, питая взор мой страстной,
Мню, что не видывал еще такой прекрасной.
Я мышляю: хоть вчерась с ней день препровождал,
А столько красоты вчерась в ней не видал.
В ней час от часа, зрю, приятность прибывает,
И час от часа к ней любовь моя возрастает.
Год целый уж тому, как взор ее драгой
Похитил все мои забавы и покой;
Но всякий мышляю день, как на неезираю,
Что новую еще я рану получаю,
Что новую еще я чувствую к ней страсть,
И вновь влекут меня несклонности в напасть.
Теперь вещающую она мне вобразилась,
И новая еще приятность в ней открылась.
Я зрю мечтательно ее прекрасный взор,
И слышу мысленно ее я разговор;
Но и мечтательно она меня терзает,
Несклонно говорит, суровый взор кидает.
Исчезни, о мечта, которой мучусь я,
Которой стала жизнь несчастлива моя.
Не выходи из уст, название опасно,
Не воображайся в мысль мою, лице прекрасно;
Лице, которое нарушило покой,
Которое люблю равно с моей душой,
Которое меня по всякий час прельщает,
И дух питает мой, и взор мой утешает.
Ах! что я говорю? мой ум рассеян стал,
Я нечувствительно в беспамятстве сказал.
Стремясь ее забыть, всечасно воображаю;
Стремясь о ней молчать, неволей изрекаю.
Однако оный плач последний будет мой,
Я больше воспевать не стану случай злой;
И град оставляю сей, в котором я родился,
Тот град, в котором я столь много веселился;
Сокроюсь отсель, не буду в сей стране;
Убежищем моим пустыня будет мне.
Оставя навсегда страну сию драгую,
Я жителям вещать лесов часть буду злую.
Прости, любезный град, прости в последний раз:
Не будет больше здесь вовек мой слышен глас.
Но ах! когда сие лишь в мысли воображаю,
Воображением мятусь и обмираю.
Не можно мне себя никак преодолеть,
Не можно мне моей возлюбленной не зреть.

Я только ныне тем единым веселюся,
Как вместе с хищницей души я нахожуся.
Лишь то считаю я утехой моей...
Ах нет... нет... смертный яд я пью утехой сей.
Влеку меня, судьба, неволей дух терзая,
Влеку, рок, слов моих и вздохов не внимая.
Однако хоть меня с ней можешь разлучить,
Хотя не буду зреть, но буду век любить.
Дух будет век страдать, равно как днесь страдает;
Лишь смерть мне возвратит покой мой обещает.
Приди ж скоряе, смерть... увы... лишуся драгой,
Что ж?.. жить?.. мне в жизни нет утехи никакой.
Чего ж теперь желать?.. не знаю; лишь мятуся.
Играй, жестокий рок, я в власть тебе вдаюся;
Сугубь мои беды, сугубь мой тяжкий стон,
И тайны все теперь влеки из сердца вон.
Пусть знают все теперь, как рвусь я и страдаю;
Пусть знает... что сказать?.. я речи повторяю:
Рок все уже свершил, надежды больше нет,
Противна стала жизнь, противен стал мне свет.

ЭЛЕГИЯ

Престрогою судьбою
Я стражду, огорчен,
И ею я с тобою
Навеки разлучен.
Чем боле я прельщаюся,
Тем боле я грущу,
И боле тем лишаюся
Того, чего ищу;
Но боле чем лишаюся
Надежды я судьбой,
Тем боле я прельщаюся,
Любезная, тобой.
Тебе моей не бытьи,
Я знаю, никогда,
Тебя мне не забытьи,
Я знаю, навсегда.
Лице твое прекрасно
Из мысли вон нейдет,
Мечтаяся всечасно,
Покою не дает.

Когда тебя не вижу,
Смущаюсь и грущу,
Я всё возненавижу,
Везде тебя ищу;
Но ежели с тобою
Когда увижусь я,
Представляю, что судьбою
Плачевна жизнь моя:
Весь ум мой возмутится,
И сердце обомрет,
Всё чувство затмится,
В глазах померкнет свет.
Я от тебя скрываюсь;
Но, скрывшись, грущу
И мыслей порываюсь,
Опять тебя ищу.
Опять тебя увижу,
Опять грущу, узря,
Опять возненавижу
Я жизнь, тобой горя.
Нигде мне нет покою,
Я всем его гублю,
Но, мучая тоскою,
Ещё сильней люблю.
Я знаю, что не буду
Утешен я, любя;
Но вечно не забуду,
Любезная, тебя.
Мне то суждено частью,
Чтобы, любя, страдать
И чтоб, терзаясь страстью,
Отрады не видеть.

ПОРТРЕТ

Желать, чтоб день прошел, собраний убежать,
Скучать наедине, с тоской ложиться спать,
Лечь спать, не засыпать, сжимать насильно очи,
Потом желать, чтоб мрак сокрылся темной ночи,
Не спав, с постели встать; а встав, желать уснуть.
Взад и вперед ходить, задуматься, вздохнуть
И с утомленными глазами потягаться,
Спешить во всех делах, опять останавливаться,
Всё делать начиная, не сделать ничего,

Желать; желав, не зная желанья своего.
Что мило, то узреть всечасно торопиться;
Не видя, воздыхать; увидевши, крушиться.
Внимав, что говорят, речей не понимать;
Нескладно говорить, некстати отвечать,
И много говоря, ни слова не сказать;
Идти, чтоб говорить, прийти—и всё молчать.
Волненье чувствовать жестокое в крови:
Се! зрак любовника, несчастного в любви.

АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ ОДЫ

I

О, властитель нежна сердца,
Ты целуй меня стократно,
И еще целуй ты столько,
Столько и еще немного;
Поднеси вина мне рюмку.
Поднеси, опять целуйся,
В жизни пить и целоваться—
Настоящая утеха.
Что мы будем впредь—не знаю;
Как я пью, когда целую—
То бываю очень весел.

2

Когда меня ты видишь
В веселом хочешь духе,
Так дай вина мне рюмку,
Мне дай прекрасну девку—
Тогда я на свирелях,
Тогда на сладкой лире
Приятно заиграю.
Коль нет вина и девки,
Так чем и веселиться!
Кто хочет, мне рассмейся:
Я с девкой и с стаканом
Пляшу и не краснею.

**СОНЕТ,
ЗАКЛЮЧАЮЩИЙ В СЕБЕ ТРИ МЫСЛИ:**

читай весь по порядку, одни первые полустишия и другие полустишия

Вовеки не пленюсь	красавицей иной;
Ты ведай, я тобой	всегда прельщаться стану,
По смерть не пременюсь;	вовек жар будет мой,
Век буду с мыслью той,	доколе не увяну.

Не лестна для меня	иная красота;
Лишь в свете ты одна	мой дух воспламенила.
Скажу я не маня:	свобода отнята—
Та часть тебе дана	о ты, что дух пленила!

Быть ввек противной мне,	измены не брегись,
В сей ты одна стране	со мною век любись.
Мне горесть и беда,	я мучуся тоскою,

Противен мне тот час,	коль нет тебя со мной;
Как зрю твоих взор глаз,	минутой счастлив той,
Смуцаюсь всегда	и весел, коль с тобою.

**СОНЕТ,
СОЧИНЕННЫЙ НА РИФМЫ, НАБРАННЫЕ НАПЕРЕД**

На то ль глаза твои везде меня встречали,
Чтобы, смертельно мне любя тебя, страдать,
Чтоб в горести моей отрады не видать
И чтобы мне сносить жестокие печали?

Прелестные глаза хотя не отвечали,
Что буду жизнь, любя, в утехах провождать,
Я тщился радости себе от время ждаты,
Чтобы несклонности часы с собой промчали;

Но временем узнал, что тщетно я люблю,
Что тщетно для тебя утехи я гублю
И страстью суетной терзаюсь всечасно;

Однако я о том не буду век тужить:
Любить прекрасную приятно и несчастно,
Приятно зреть ее и для нее мне жить.

**СОНЕТ,
ТРИ РАЗНЫЕ СИСТЕМЫ ЗАКЛЮЧАЮЩИЙ:**

читай сперва весь по порядку, потом первые полустихии,
а наконец последние полустихии

Престанем рассуждать:	добра во многом нет.
Не зрим худого здесь,	в том должно согласиться.
Худ, тягостен свет весь,	возможно ль утвердиться?
Нам должно заключать,	что весь исправен свет.

Почтимся рассуждать:	здесь счастье растет,
Мы справедливо днесь	возможем веселиться.
Бед, спор, болезней смесь,—	всё к доброму стремится,
Худым то должно звать,—	безумец изречет.

Худого в свете нет,	здесь утешаться можно.
Невежа изречет:	И счастье есть ложно.
Не смысла, говорит,	нельзя всего хвалить.

Всё должно презирать,	хоть можно утешаться.
В незнании кричит:	Есть, есть что похулить,
Долг иначе рассуждать,	в том должно утверждаться.

**СТИХИ К ДЕВИЦЕ НЕЛИДОВОЙ
НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ОПЕРЕ,
НАЗЫВАЕМОЙ «SERVANTE ET MAITRESSE»¹
РОЛИ СЕРБИНИНОЙ**

Как ты, Нелидова, Сербину представляла,
Ты маску Таалии самой в лице являла,
И, соглашая глас с движением лица,
Приятность с действием и с чувствами взоры,
Пандолфу делая то ласки, то укоры,
Пленила пением и мысли и сердца.
Игра твоя жива, естественна, пристойна;
Ты к зрителям в сердца и к славе путь нашла —
Нелестной славы ты, Нелидова, достойна;
Иль паче всякую хвалу ты превзошла!
Не меньше мы твоей игрою восхищенны,
Как чувствам прельщенны
В нас

¹ «Служанка и госпожа» (фр.).

Приятностью лица и острою глаз.
Естественной игрой ты всех ввела в забвенье:
Всяк действие твое за истину считал;
Всяк зависть ощущал к Пандолфу в то мгновенье,
И всякий в месте быть Пандолфовом желал.

СТИХИ ДЕВИЦЕ БОРЩОВОЙ
НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ОПЕРЕ,
НАЗЫВАЕМОЙ «SERVANTE ET MAITRESSE»
РОЛИ ПАНДОЛФОВОЙ

Борщова, в опере с Нелидовой играя
И ей подобным же талантом обладая,
Подобну похвалу себе приобрела,
И в зрителях сердца ты пением зажгла;
Хоть ролю ты себе противну представляла,
Но тем и более искусство ты являла,
Что нежность лет и пол умела претворить
И несогласность ту искусству покорить.
Всем зрителям своим ты делаю забаву,
Приобрела себе хвалу, и честь, и славу.

Василий Петрович Петров

ОДА НА ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ КАРУСЕЛЬ,
ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
1766 ГОДА

Молчите, шумны плесков грома,
Что слышны в Пиндара устах,
Взмущенны прахом ипподромы,
От коих в Тибра стон брегах,
И вы, позоры Олимпийски,
Вы в равенстве стать с оным низки,
Что нам в зефирны дни открыт
Екатериной державы,
Когда среди утех, забавы
В россиян дух геройства лит.

Я странной слышу рев музыки!
То дух мой нежит и бодрит;
Я разных зрю народов лики!
То взор мой тешит и дивит;
В порфирах Рим, Стамбул, Индия
И славы под венцом Россия
Открыли мыслям тьму отрад!
И зависть, став вдали, чудится,
Что нам толь весел век катится,
Забыла пить змеиный яд.

Отверз Плутон сокровищ недра,
И Пактол златом пролился;
Нагура, что родит всецедра,
Ее краса предстала вся:
Сапфиры, алманты блещут,
Рубин с смарагдом искры мещут
И поражают взор очей.
Низвед зеницы, Феб дивится,
Что в многих толь зеркалах зрится,
И утрает свет лучей.

Убором дорогим покрыты,
Дают мах кони грив на ветр;
Бразды их пеною облиты,
Встает прах вихрем из-под бедр;
На них подвижники избранны
Несутся в путь, песком усталный,
И кровь в предсердии кипит
Душевный дар изнесть на внешность,
Явить нетрепетну поспешность;
Их честь, их царский взор крепит.

Но что за красоты сияют
С гремящих верха колесниц,
Что рук искусством превышают
Диану и ее стрелиц?
Не храбрые ль спартански девы,
Точащи пену вепрей зевы
Презрев, хотят их гнать по мхам?
Природные Российски дщери,
В дозволены вшед чести двери,
Оспорить тщатся лавр мужам.

Подняв главу из теней мрака,
Позорищный услышав шум,
Со устремленьем томна зрака
Стоит во мгле смущенных дум
Бледнеюща Пенгезилея,
Прискорбный дух и вид имея,
Прерывным голосом рекла:
«Все б греки в Илионе пали,
Коль сии б девы их сражали;
Ручьями б кровь их в понт текла.

И тщетно было б то коварство,
Что плел с Уликсом Диомид:
Поднесь стояло б Трои царство
И гордый стен Пергамских вид.
Те стрелы в крови ядовитой
Гнилой бы были им защитой;
Тот грозный в шлеме Ахиллес,
Кем Гектор сам влачен был долу,
От рук прекрасного б здесь полу
Сражен, лег труп, достойный слез».

Сие изрекши, амазонка
Низпала в прежню теней тьму,
И ветра глас движеньем тонка
Кончился в зрелищном шуму.
Там всадники взаим пылают,
И бегом Евра упреждают,
Крутят коней, звучат броньми,
Во рвении, в пыли и в поте
В восторгшей их сердца охоте
Мечем сверкают и локтями.

Герой, во блеск славян одеян,
О, как мой дух к себе влечет!
Коль храбр и чуден вождь индейн,
Коль бодро в подвиге течет!
Но как тот взор мой восхищает,
Кой грозным видом представляет
Пустынного изгнанца плод!
Взглянув на мужество такое,
Себя б самого в сем герое
Ужася чалмоносцев род!

А в том, покрыт что скачет шлемом,
Жив тех героев дух и взгляд,
Которы Ромула со Ремом
Своими праотцами чтят;
Его десница скородвижна,
Видению едва постижна,
И мечет и пронзает вдруг!
Камилл, что был в несчастьи Рима
Стена, врагам непреборима,
Такой имел и взор и дух.

Таков был Декий, что в средину
Ярящихся врагов вскочил,
И Курций, общества судьбину
Своей что смертью отвратил;
Таков в Маркелле вид, проворство,
Когда держал единоборство,
Как галл под ним ревел пронзен;
Так все спешат себя прославить,
Разить медведей, гидр безглавить;
Их в подвиг ум и взор вперен.

Я в восхищении глубоком
Театр войны бескровной зрю,
Бегущих провождая оком,
Я разными страстьми горю:
То дух во мне, боясь, трепещет,
То в радости героям плещет,
Они скорее стрел летят
И рвение в сердцах сутубят
На гласы, что им почесть трубят,
Друг пред другом взять лавр спешат.

Орел когда, томимый гладом,
Шумя на воздухе, парит,
Узревши птиц, летящих стадом,
Вослед за ними гнать горит,
И, вдруг пустясь полетом встречным
И крыл движеньем быстротечным,
Уже их постигает близ
И, алчными усты зияя
И остры когти простирая,
Дает по ним круг вверх и вниз.

Подобный здесь царю пернатых
Полет в героях вижу двух!
Желанием хвалы объятых,
Подвижнических мзды заслуг.
Сияя видом благородным,
Являют вдруг очам народным
Соперничество и родство;
Хребты и выи исклоняя
И сильны мьшцы напрягая,
Взять упрядают торжество.

Так быстро воины Петровы
Скакали в Марсовых полях,
Такие в них сердца орловы,
Такой чела и рук был взмах;
И легка членов преобратность,
Над мыслью деюща понятность;
Когда в жару кровавых сеч
Легали молнией по строю
И безошибочной рукою
Сжинали главы с шведских плеч.

Умолкли труб воинских звуки
И огнедымных коней скок,
Спокоились геройски руки,
Лишь мутный кажет след песок.
Он пылью весь покрыт густою,
Как в летню поле ночь росую,
Как налегает пар водам.
Уже течение скончали,
Уж в новом зрелище предстали
Моим подвижники очам.

Не столь сияют в небе звезды,
Не столь красен денницы исход,
Не столь торжественные въезды
Верх римских в древности высот
Блистательны и пышны были,
Коль мысль и сердце мне пленили
Различны вкупе красоты.
Сиял там воин увязенный,
Здесь девы, потом орошенны,
Всея их выше лепоты.

И се подвижнейших героев
И дев победоносный хор
В чертог вожди приемлют воев,
Судей избраннейших собор.
Там муж, украшен сединою,
Той лавры раздает рукою,
Из коей в бранях гром метал;
Луна от тех метаний тмилась,
Как против солнца ополчилась,
И Понт воли черных встрепетал.

О! как тот лавр зелен, прелестен,
Который лавроносцам дан!
Коль тот герой велик и честен,
Кой от героя увенчан!
Коль славны подвига награды,
Что при очах самой Паллады
Вам, героини, дарены!
Колькратно око ваше взглянет
На мзду, толькратно в мысль предстанет,
И груд, за что вы почтены.

Где ныне роскошь и богатство
Тех стоном растворенных игр?
То с плачем смешано приятство,
Как пленных лев терзал иль тигр?
Те зрелища краснообразны,
Где, от оружия неспраздны
Девиц зря руки и мужей,
Враги рыкать не смеют львами,
Змеиными зиять к нам ртами;
Им страх—утеха наших дней.

Кто мраморны столбы возводит
Туда, где Зевс обик греметь,
В том славы верх своей находит
Египту в дивах преуспеть
Чрез сродную великим пышность,
В порочну подает излишность,
Величие в роскошстве чтя;
Другой, вослед Пигмалиону,
Сияюще мрачит корону,
Себе все жертвой предав.

Сверх многих божеству приличеств,
Екатерина новый путь
Открыла достигать величеств,
Свой дух вливая в верных грудь.
Как солнце в целом светит мире,
Всем виден блеск в ее порфире,
Без ужасу в своих громка,
Без гордости превознесенна,
Без унижения смиренна,
Без всех надмений высока.

Благополучен я стократно,
Что в сем живу златом веку,
Где мал, велик, все безызытно
Щедрот монарших пьют реку.
Я видел Исфм, Олимп, Пифию,
Великолепный Рим, Нимию,
В иных огромности чудес;
Я зрел Демоклов и Феронов,
Которых шумом лирных звонов
Парящий фивянин вознес.

СМЕРТЬ МОЕГО СЫНА

марта 1795 года

Так нет тебя, дитя любезно!
Сомкнул ты очи навсегда
И лег, всем зрелище преслезно,
О, скорбь! о, лютая беда!

Страдалец, мук не заслуживший,
За что ты горьку чапу пил?
Меж человеков ангел живший,
Чем тако небо оскорбил?

Не ты, не ты, отец твой грешен,
Отец несносен твой судьбе.
Затем он был тобой потешен,
Чтоб после плакал о тебе.

Я плачу, глаз не осушая,
И стоном надрываю грудь.
И льзя ль, себя не сокрушая,
Николиньку вспомянуть?

Душа велика в теле малом,
О, как он люту скорбь сносил,
И коим огражден забралом,
Явил в борьбе с ней столько сил?

Не вышла вдоха ни едина,
Боль тцился в сердце запереть.
Седый отец! учиcь у сына,
Как должно мужу умереть.

Расстанься мудрых ты с собором;
Оставь все книги наконец.
В дому твоём, твоим под взором,
Взрастал безграмотный мудрец.

Читай его, и помни вечно,
Как умер он, и как он жил:
Он жизньню своей, конечно,
Тебя и смертью одолжил.

Учиcь быть ему подобен:
Печаль внутрь сердца ты запри;
Живи, как он, правдив, незлобен;
Как он, нетрепетно умри.

О ангел, существо бесплотно,
Предтеча мой во оный свет!
Иду туда, иду охотно,
Куда меня твой взгляд зовет.

Ах!.. ты еще ко мне зриаешь,
В мой одр твой тихий ход клоня!
Ко мне ты руки простираешь,
Объяти силишьcя меня!

Иду, от смертных устанюся;
Теку с поспешностью в твой след:
Да там с тобой соединюся,
Где нет печалей, страхов, бед.

Мы станем тамо наедине
Беседовать, в садах гулять;
Я буду там тебя, мой сыне!
А ты меня увеселять.

За радостью пойдёт радость,
За лирным шумом новый шум;
Со сладостью сплетется сладость:
Плененья чувств, восторги дум!

Но как?.. я грешен, ты невинен;
Я вихрь, ты сладка тишина;
Я буй, ты ангел благочинен —
Часть наша будет ли равна?

Хотя всем милы круги звездны,
И я достигнуть в оны льщусь,
Но меж тобой и мною бездны
Чтобы не пролегли, страшусь.

Ты будешь в цвето<но>сном поле,
Во недрах самого Творца;
Взгляни, дитя, ко мне отголе,
Утешь улыбкою отца.

Утешь его улыбкой тою,
Какой ты тешил здесь его;
Зарею облачен златою
Кинь нань луч блеска твоего.

Ты рад меня одеть всем светом;
Ты рад, моя о иста кровь!
Так в сердце, от родства согретом,
Найду и тамо я любовь!

Когда все ставят твердь защиты
В героях из своей семьи,
И мне врата в Эдем открыты:
Там блещут сынове мои.

Но я доколе пресмыкаюсь,
Болезнен, в брэнном телеси,
Покровом я твоим ласкаюсь:
Сияй мне, сыне, с небеси.

Ты благ, ты ангелом быть стоишь,
Будь страж, хранитель буди мой.
Ты всё во благо мне устроишь,
Души и сердца вождь прямой.

Ты знаешь, в чем моя потреба,
Куда желанье я простер:
Тебе блюсти дано от Неба
Меня, мать, братьев и сестер.

Михаил Иванович Попов

ЛЮБОВНЫЕ ПЕСНИ

*

Как сердце ни скрывает
Мою жестоку страсть,
Взор смутный объявляет
Твою над сердцем власть:
Глаза мои плененны
Всегда к тебе хотят,
И мысли обольщенны
Всегда к тебе летят.

Тебя не отдаляет
И сон от мыслей прочь:
Твой образ обладает
Равно мной в день и в ночь;
Всеночно, дорогая,
Являясь во сне,
Вседневно обольщая,
Ты множишь страсть во мне.

Твой каждый взор вонзает
Стрелу мне в сердце вновь:
Весь ум мой наполняет
Одна к тебе любовь!
А ты то всё хоть знаешь,
И как я рвусь, стена,
Но всё то презираешь —
Не любишь ты меня!

Разлучившись со мною,
 Потужи о мне хоть час;
 Может быть, уже с тобою
 Говорю в последний раз;
 Рок велит тебя лишиться,
 Как ни тяжко то снести,
 И, лишившись, крушиться,
 Плакати, сказав: «Прости!»

Плачь и ты о мне подобно,
 Горести во мзду моей...
 Нет! не мучь мой дух толь злобно
 Ты тоской о мне своей;
 Капля слез твоих мне боле
 Крови моя ручья!
 В беспечальной будь ты доле:
 Пусть один страдаю я.

Если рок, смягчась тоскою,
 Жизнь велит мне продолжать,
 Я увижуся с тобою,
 Буду счастлив и опять;
 Если ж грусть мой век скончает,
 Много ты себя не рви:
 Плач нам жизнь не возвращает;
 Будь счастлива и живи.

Полюбя тебя, смущаюсь
 И не знаю, как сказать,
 Что тобою я прельщаюсь
 И боюсь винным стать.
 Пред тобой когда бываю,
 Весь в смятении сижу,
 Что сказать тогда, не знаю,
 Только на тебя гляжу.

Глядя на тебя, внимаю
 Все слова твоих речей;
 Прелести твои считаю,
 Красоту твоих очей;

И боюсь тогда прервати
Твой приятный разговор,
Чтоб твою не потерять
Тем приязнь и милый взор.

В сем смущеньи пребывая,
Оставляю нужну речь,
И, часы позабывая,
Времени даю претечь;
Вдруг, увидя день минувший,
Принужден сказать «прости!»
И иду потом, вздохнувши,
Неспокойну ночь вести.

*

Достигнувши тобою
Желанья моего,
Не рву уже тоскою
Я сердца своего:
Душа твоя мной страстна,
Моя тебе подвластна;
Коль счастлива ты мной,
Стократно я тобой!

Тебя, мой свет, считаю
Я жизнью своей:
Прекраснее не знаю
Тебя я и милей.
В любви не зря препятства,
В тебе зрю все приятства;
В твою отдавшись власть,
Не знаю, что напасть.

Твой взор не выпускаю
Из мыслей никогда
И в мыслях лобызая
Твой образ навсегда:
Тобою утешаюсь,
Тобою восхищаюсь,
Тебя душой зову,
Тобою и живу.

И с душою разлучуся,
 Свет оставляю навсегда,
 А неверным не явлюся
 Пред тобою никогда;
 Мне и счастье всё и слава—
 Твой один приятный взгляд,
 Без него и жизнь отравя,
 И утехи лютой яд.

Хоть и ведаю, к несчастью
 И к мучению себе,
 Что, прельщенный лютой страстью,
 Неугоден я тебе;
 Но, твоей отдавшись воле
 И заразам милых глаз,
 Вольностью не льщуся боле
 Я по самый смертный час.

Ты ж, котора мной владеешь,
 Принуждая мучась жить,
 Если жалость ты имеешь
 И способна потужить,
 В жизни мною презирая
 И терзая силой всей,
 Хоть по смерти, дорогая,
 Ты о мне уж пожалей.

И, пришед на гроб к несчастну,
 Сей, скажи, меня любил;
 И, меня не видя страстну,
 Он до смерти верен был.
 Я же, страстью грудь терзая,
 В гроб сойду мученьем сим,
 И, в последний раз вздыхая,
 С именем умру твоим.

Не хладно стихотворство
 Мою сплетает речь,
 Не вредное притворство
 Стремится стон извлечь:

Любовью стыд твоя,
Язык мой то вещает,
Что сердце ощущает,
Что чувствует душа.

Душа объята страстью
Ко прелестям твоим,
Подверженная частью
Пожертвовать им
Свободу и любовь:
Прелестна века долю
В твою предать волю,
Имея жарку кровь.

Кровь жарку, распаленну
Приятностью твоей,
И волю полоненну
Тобой души моей;
Всё то соделал ты:
Ты скромность побеждаешь
И тайну исторгаешь
Приятством красоты.

Не случая игрою
Возжглась любовь сия:
Любви твоей мечтою
Воспламенилась я;
Тебя плененна мня,
Тобою полонилась:
Твоею учинилась,
Прельщаясь и стена.

Но стон мой прекратится,
Исчезнет грусть моя,
И в радость превратится
Прискорбна страсть сия,
Коль я тобой была
Когда-нибудь любима
И видами не льстима,
Что днесь тебе мила.

Под тению древесной,
 Меж роз, растущих вокруг,
 С пастушкой прелестной
 Сидел младый пастух:
 Не солнца укрываясь,
 Он с ней туда зашел,
 Любовью утомляясь,
 Открыть ей то хотел.

Меж тем где ни взялся
 Две бабочки сцепясь,
 Вкруг роз и их вились,
 Друг за другом гонясь;
 Потом одна взлетела
 К пастушке на висок,
 Ища подругу, села
 Другая на кусток.

Пастух, на них взирая,
 К их счастью ревновал,
 И, оным подражая,
 Пастушку щекотал,
 Всё ставя то в игрушки,
 За шею и бока;
 Как будто бы с пастушки
 Сгонял он мотылька.

«Ах! станем подражати,—
 Сказал он,—свет мой, им;
 И ревность съединяти
 С гулянием своим;
 И, бегая лесочком,
 Чете подобясь сей,
 Я буду мотылёчком,
 Ты—бабочкой моей».

Пастушка улыбалась,
 Пастух ее лобзал;
 Он млея, она смущалась,
 В обоих жар пылал;
 Потом, вскоча, помчались,
 Как легки ветерки;
 Сцепляясь, свивались
 И стали мотыльки.

Не голубушка в чистом поле воркует,
 Не вечерняя заря луга смочила—
 Молода жена во тереме тоскует,
 Красоту свою слезами помрачила,
 Непрестанно вспоминая мила друга,
 Молодого друга милого, супруга.

«Ты наде́жа, ты наде́жа, друг сердешной!—
 Она вопит тут, и плача и вздыхая,
 Во жестокой своей грусти, неутешной,—
 Мое сердце не змея сосет лихая,
 Не отравя горемьшину иссушает—
 Со тобой, мой свет, разлука сокрушает.

Не постылого с тобой я отпустила,
 Не лихого, не сварлива провожала,
 Провожаючи, рвалася я, не льстила,
 Не обманом слезы горьки проливала—
 Свет очей моих пустила я с тобою,
 Жизнь и смерть мою с твоею головою.

Не неволей ведь меня тебе вручали—
 Ум и разум твой меня тебе вручили;
 И не силой нас с тобою обручали—
 Дружба наша и любовь нас обручили;
 И совет наш увенчали не обеты—
 Увенчали твои ласковы приветы.

Погадай же, мой сердешной друг, подумай,
 Какова теперь печаль моя, надсада!
 Вспомяни о мне, наде́жа моя, вздумай,
 Что жена твоя и жизни уж не рада,
 Что тобою я одним спокойство рушу,—
 Привези ко мне обратно мою душу».

ЭЛЕГИЯ

Едва тебя, мой свет, успела полюбить,
 Уже свирепый рок спешит меня стубить;
 Отъемлет у меня надежду быть с тобою;
 Уже вознес удар сразить меня тоскою...

Ты едешь... едешь прочь! и я тебя лилшусь,
Любя, горя тобой, с тобою разлучусь!
Я рвуся—ты грустишь; я плачу—ты рыдаешь;
И, мучась сам, меня на муки покидаешь.
Лютейший рок! почто всплать нас допустил,
Когда любиться нам спокойно не судил?
Смотри на нашу скорбь, на слезы, на мученье
И, сжалясь, уничтожь ты наше разлученье!
Тронись моей тоской, отчаяньем его
И часть хотя убавь из гнева твоего,
Позволь ему еще со мною здесь остаться;
Дай нашим ты устам еще нацеловаться
И нежных имена любовников носить,
Их тающих сердец приятности вкусить.
Оставь нас сладостей досыта их напиться—
По сем готовы мы и в гроб и разлучиться.

СОНЕТ

О небо! для чего родился человек?
Не для сего ль, чтоб весь он мучился свой век,
Болезни, нищету и злость претерпевая,
Гнушался живота, кончину призывая?

Ах, нет! конечно нам всецедро божество
Не для мучения послало существо,
И разум наш, его преславное творенье,
Не ко вреду нам дан, но в пользу и спасенье.

Сей мир, позорище премудрости небес,
Исполненный всех благ, исполненный чудес,
Устроен нам творцем едемским райским садом;

Но наши глупости, пороки, суета
И умствований злых и гордых пустота
Преобратили нам его из рая адом.

Федор Иванович Дмитриев-Мамонов

ЭПИСТОЛА К КРАСАВИЦАМ

Кому я припишу, красавицы, мой груд?
Кому здесь яблоко вручит Парисов суд?
О вам! которые красую столь прелестны;
Которы в нежности имеют дар небесный.

К дурному завсегда то зло кладут на счет,
Кто нравом есть тяжел и страшный есть урод:
Урод есть свету страх, что всех он ужасает;
Но нежный нрав сердца как хочет обращает.
Нрав ангельский есть всем приличен красотам,
В утеху здесь писал я нежным лишь сердцам.
Законы в свете в сем тому суть все свидетель,
Что истинна любовь есть точно добродетель.
Жестокости в любви нельзя быть никакой,
Кровь нежная душе прилична лишь одной.
Пылает кто к кому любви всей душою,
Там будет верность жить и с честью со всею.
Всем должно то желать, чтоб всякий был любим,
Любови есть всегда нрав зверский нетерпим:
Коль бросясь лютый зверь кого в куски терзает,
Нельзя сказать тогда: он нежность ощущает;
Но слёзы где текут, узря любви предмет,
Возможно всем сказать, что варварства тут нет.
Любовь ведет всех нас к тишайшему всех чувству,
То чувство враг всегда суровости и буйству.
Почтение и тьма усерднейших услуг,
Любови должность есть; не враг Купидо—друг.
В нем есть ли кое зло? Пусть будет свет судьбою!
Пленяйте, красоты, любовью нас своею!
Вы наши суть звезды, блистайте так собой
И зверский нрав людей смягчите красотой.
Красавица моя красавица есть станом;
Красавица лицом,
Красавица умом;
А более всего, красавица и нравом.

ЭПИГРАММА К ПОПУГАЮ

Мой милый попугай, я сам стихи слагаю,
И мысли у себя всегда я почерпаю.
А ты чужим умком всё любишь щеголять,
Так кто у нас умняй не трудно разобрать?
Жестоки зенщики ту шалость в стыд не ставят,
Коль денежек в чужих руках они убавят;
Я нищим таковым так денег бы всем дал,
Когда б лишь к грабежу тем средство я прервал.
Всего те зенщики отечеству вреднее;
А мысли взять других всего, что есть, стыднее.

МАДРИГАЛ

Как ранен в грудь елень стрелу с собою носит,
Стенаньем и очьми у всех отрады просит,
Из глаз текут ручьи и томный взор очей:
Картину жалости являет видеть всей.
Он к всем странам свой взор с страданьем обращает,
И кончить чем напасть, он средств не обретает.
То в роцци, то в поля с стрелою он бежит;
То в слабости он близ текущих вод лежит,
И взор на небеса подьмает утомленный;
Нет помощи нигде, тут гибнет пораженный.
Как в бедстве человек пожаром обложен,
Зрит гибель пред очьми, отвсюда заключен.
Минутами конец свой в бедности считает,
И жаром столь стеснен, что чуть уже дышает.
Вздыхаясь грудь его от мук превыше сил,
Твердит ему то в ум: нельзя, чтоб жив ты был.
Распухнуты глаза, и губы запеченны,
И бледный сей весь зрак, где силы утомленны,
Слабеет; наконец валится умерщвлен.
В ком мука выше сил, не будет тот спасен.
Как нежный цвет в садах, засохнув, увядает,
Листочки и главу на землю опускает.
Ни солнце, ни зефир, ни нежная роса
Не могут то спасти, что смертна жнет коса.
В вид мертвый тот цветок вид нежный пременяет,
Валится там с лозы и вечно исчезает.
Как нежна бабочка, достигнув хладных дней,
Не знает, что зачать в сей бедности своей;
Зря солнечны лучи, спастися упоает;
Но малы в осень дни, и солнце утекает.

Жестока темна ночь со холодною росой
Готовит бабочке конец ее презлой.
Уж крыльшкн она, что быстро так взвевала,
Как летом и весной с приятностью летала,
От холода в слабости едва вздымает их,
И падает мертва, лишась всех сил своих.
Так точно человек любовию страдает,
Когда в мученьях он отрад не ощущает.

Николай Еремеевич Струйский

СТИХИ НА СЕБЯ

Зло присутствие алчной смерти!
Не взирает на препоны,
Кои ей готовит смертный;
Вьмышляет повсечасно,
Как бы той себя избавить.
Зри! присутствие гордой смерти,
Смертный, ты ее уж видишь;
И кащей ее увидит.
Хоть врачу ты отдаешься,
И врачом ты не спасешься.
Иль не мыслишь откупаться?
Но про то и сам ты знаешь,
Что не можно откупиться.
Хоть врачу ты отдаешься,
И врачом ты не спасешься,
Если сам того не знаешь,
Как от оной откупиться.
Но нельзя ли откупиться?..
Попытайся хоть в последний,
Раствори ей все богатство,
Отдавай ей все богатство,
Отдавай до самой крошки.
Но, я вижу, ты стопаешь,
И давать и тут жалеешь,
Не заботься, и не возьмет;
Смерть не так, как ты здесь, алчна;

И не в том богатство числит.
И, не так, как ты алкая,
Здесь богатство собирает.
Тело лишь твое богатством
Смерть, единое, лишь числит.
Смрадное твое лишь тело,
Ты которое измучил
Здесь богатство собирая?
Собирал ты ежечасно,
И не так как смерть однажды?
Изнаурил свое ты тело,
Изнаурил свою тем душу.
Беспокойства сколько принял!
Всё богатство собирая?..
Но на что теперь богатство;
Но на что оно и было?
Ты не мог им обладати,
И оно тобой владело.
В гроб возьми с собой богатство!
Коль жалеешь и при смерти.
Собираешь и пред смертью?..
Собирать чаешь и мертвый?
Нет, не будешь собирать,
Самого тебя за смерть вдруг,
Низложит своей косою,
В мир отдаст червям на жертву;
В рост тебя отдаст на жертву.
Ведь и их она ссекает,
Для чего ж об том тужити,
Коль тебя она ссекает.
Черви пользуют нас смертных,
Черви пользуют нас в жизни,
Иссякают нужны соки,
Коиими их полны нервы.
Исцеляют глас от гнили,
Изгоняют с глаз туманы.
Их не можно унижати,
А особо пред тобою,
Ты, который только в жизни
Мог себя лишь унижати,
Но они тебя, знать, боле,
Коль гнилым твоим составом
И по смерти обладают.
Смерть! возьми мое ты тело,
Без боязни уступаю,

Я богатства не имею,
Я богатство, кое было,
Все вложил душе в богатство,
Хоть душа через богатство
И не станется умнее,
Но души моей коснуться,
Смерть, не можешь ты вовеки.

Михаил Матвеевич Херасков

СТАНС, СОЧИНЕННЫЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ В 1761 ГОДУ

Увидя Невские прекрасные струи,
Которые гласят всегда труды Петровы,
Я чувства собирал и силы все мои,
Чтоб имени его сласти венцы лавровы.
Чем больше к пению охоты я вмещал,
Тем меньше сил к тому в себе я ощущал.

Великие дела велику мысль вперяют,
Но пуще вянет плод, чем жар сильней палит.
Взглянув на небеса, понятие теряют.
А Петр, во ум представ, на части ум делит;
Отчаяя славные дела его исчислить,
Не петь, но, век дивясь, об них век стану мыслить.

ПРИБАСКА

Не пышною славой
Мой дух заражен,
Не злобы отравой
Пишу разожжен;
Не меч и досаду
Мой стих принесет,
Но честным отраду,
Порочным совет.
Со шпагой гоняться
И слабых рубить —
То может назваться

Стихами бранить.
Отечеству должно
Услуги казать,
А глуших возможно
Немножко тазать.
Довольно без брани
Терзаемся мы,
С дурачества дани
Не емлют умы.
Любити друг друга
Велит нам закон,
Друг другу услуга
Смягчает наш стон.
Дар малый природа
Иметь мне дала:
Для пользы народа
К стихам привела.
Тружусь добродетель
В стихах превознестъ,
Того я радетель,
То ставлю за честь.

СОНЕТ И ЭПИТАФИЯ

Я век свой по свету за пищую скитался,
Пристанища себе нигде я не имел,
Везде я странствовал, жил тамо, где хотел,
Чужим я был одет, чужим я и питался.

Убогим сиротой от матери остался,
Но свет, прияв меня, как сына воспитал,
Всяк пищу мне давал, и мною всяк гнушался,
Но я отцами всех на свете почитал.

Всечасно был гоним я в свете роком строгим,
Родился сиротой, живот скончал убогим
И видел множество различных счастья проб.

Как жизнь та ни гнусна, но я об ней жалею,
Я небом был покрыт, а днесь покрыт землею,
Мой дом был целый свет, а ныне тесный гроб.

СТАНС

Все на свете сем преходит,
Постоянного в нем нет;
Солнце утром хоть восходит,
Вечером опять зайдет.

Год в мгновение минется,
Чтоб потом забвенну быть,
И другой опять начнется
С той же скоростью пройти.

Ничего нам вечность люта
Не оставит никогда,
И минутою минута
Истребляется всегда.

День приятный с тем проглянет,
Не сиять другой чтоб раз,
Плодоносный год настанет,
Чтоб окончиться тотчас.

Часть сия для всех едина;
Все на свете идет так.
Жизни первая година
К нашей смерти первый шаг.

Сколько много отлагаем
Мы полезных дел вперед?
Наконец свой век кончаем,
Жить минуты не нашед.

Если жизнь я вображаю,
Ту минуту жизнью чту,
Я в котору пребываю,
А не ту, котору жду.

Для чего же так напрасно
Нам последний дар терять?
Настоящее мы ясно
Только можем разбирать.

Бывший час не возвратится,
Будущему льзя не быть;
В настоящий должно читаться
Человеку в свете жить.

Смертный в жизни представляет
Зеркало тоски и бед;
Лишь родится, он рыдает,
Так как скорбь предузнает.

Слезы в юности всечасно
Без причины отрок льет;
Там учитель занапрасно
Бедного младенца бьет.

Пылка юность повергает
В пучине беды его;
Он любовниц избирает
И не мыслит ничего.

Как возрос, другая лишность
Кратка века часть займет;
Честь, богатство, слава, пышность
Дух колеблет и мятет.

Старика всяк презирает;
Крепость жизни потеряв,
Мучится он и страдает,
Дряхл, задумчив и не здрав.

Мысль мы к мысли прибираем,
Ищем счастья своего,
Наконец все умираем,
Вот родимся для чего.

МОЛИТВА

О праведный судья на свете всех живущих!
Прости, что в помощь тварь зовет себе Творца;
Ты видишь с горних мест людей своих сердца
И слышишь смертных глас, на небо вопиющих.

Мой ум печалей полн, душа изнемогает;
Измученная тварь вздыхает пред тобой,
Лишенная всех утех, терзаема судьбой,
Спасенья от твоей щедроты ожидает.

Взгляни, Творец, взгляни на дух мой кротким оком
И взором просвети печальну грудь мою;
Язык вещает то, что в сердце я таю:
О, как я поражен немилосердным роком!

В смирении мои уста да утвердятся,
Да грудь моя врагам за зло воздаст любовь;
Однако вопиет во мне текуща кровь:
Вещай! враги твои молчаньем не смирятся.

Причину жалобы и слез моих вещаю,
О сердцевице мой! вздыхая и стеля;
Но что ж о том вещать? лишь взглянет на меня,
Узнает, отчего я стон к тебе пуцаю.

Увидит вкруг меня коварства сеть сплетенну,
Лукавства замыслы к погибели моей,
Завистников моих увидит блеск мечей
И руку мщениа над сердцем вознесенну.

Вид дружества прияв, неукротима злоба
Лобзает грудь мою и ту ж терзает грудь,
Ласкаючи меня, к блаженству кажет путь;
Но путь сей есть не тот, то путь есть к дверям гроба.

Ты свят и милосерд, невинность защищаешь,
От взора твоего злы умыслы бегут;
Возри ты на меня, злодеи пропадут,
Гони, потом прости, как всех грехи прощаешь.

* * *

Пространный круг веков подобен Океану,
Который множеством посеян островов;

Пример они годов:

Один оставя брег, к другому я пристану;
Касаясь нескольких в сей жизни берегов,
Прошел кто берег раз, в другой его не тронет,
И век свой так плавает, пока он не потонет.
На бреге, Боже! нам оставленном не быть;
Дай честным счастливо ты к новому пришьльть.

ВРЕМЯ

Лиющаяся река как огненные потоки,
Где гибнут города и горы превысоки;
Текущая в тишине и делающая шум,
О время! я, тебя представляя, трачу ум.

На солнце ли взгляну, где луч оно метало,
Где грело шар земной и жителей питало,
Там ныне пустота, Бореев холодных бег,
И жаркий мечет луч, где был глубокий снег.

Где видели поля, наполнены плодами,
Страны усыпанные где зрели городами;
Там видим прах один, там видим пустоту
Иль видим более дел наших суету.

Трудится человек и жизнь в трудах теряет;
Но время все дела людские пожирает.
Хоть в память мы свою прошедшее берем;
Но память та умрет и с нею мы умрем.

На что именем и славою вноситься,
На что науками и счастьем гордиться.
И титулы и умы удобно время стерть,
Всех обща в свете часть: забвение и смерть.

СТАНСЫ

Только явятся
Солнца красы,
Всем одеваться
Придут часы.
Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

К должности водит
Всякого честь;
Полдень приходит—
Надобно есть.
Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Там разговоры
Нас веселят;
Вести и ссоры

Время делат.
Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Ложь и обманы
Сеет злодей;
Рвут, как тираны,
Люди людей
Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Строги уставы
Мучат нас век;
Денег и славы
Ждет человек.
Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Тот богатится,
Наг тот бредет;
Тот веселится,
Слезы тот льет.
Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Счастье находим,
Счастье губим.
Чем жизнь проводим?
Ходим да спим.
Боже мой, Боже!
То же да то же.

Время, о время!
Что ты? мечта.
Век наш есть бремя,
Все суета.
Боже мой, Боже!
Всякий день то же.

Сколько ни видим
В мире сует,
Не ненавидим—
Любим мы свет.
Боже, о Боже!
Любим и то же.

ЗЛАТО

Злато прельщает
Разумы всех,
Плод возвращает
Слез и утех.

Счастья источник,
Корень всех бед,
В нуждах помощник,
К бедности след.

Многи державы
Им взнесены;
Многие славы
Им лишены.

Страсти любовной
Жар придает
Злато, ток кровной
В варварстве льет.

Смертных спасает,
Смертных губит;
Мир утверждает,
Брани творит.

Злато влияло
В смертных вражду;
Пользою стало
Всем на беду.

Честь им теряем,
Честь достаем;
Им умираем,
Им и живем.

АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ ОДЫ

I. К СВОЕЙ ЛИРЕ

Готовься ныне, лира,
В простом своем уборе
Предстать перед очами
Разумной россиянки.

Что в новом ты уборе,
Того не устыдися;
Ты пой и веселися.
Своею простотою
Ее утетиши боле,
Чем громкими струнами
И пышными словами;
Твои простые чувства,
Бесхитрое пенье
Ее подобно сердцу,
Ее подобно духу.
Она мирскую пышность
Великолепной жизни
Конечно ненавидит.
Когда тебя увидит,
Тобой довольна будет.
А ты, которой ныне
Стихи я посвящаю!
Нестройность их услыша,
За то не рассердися.
И сами в песнях музы
Нередко погрешают.
Без рифм стихи слагаю,
Но то их не лишает
Приятности и силы,
Коль есть в них справедливость.
Других нет правил в свете
Стихи и лиры строить,
Как только чтоб, с забавой
Мешая общу пользу,
Петь внятно и согласно.
Творцом быть славным в свете
Трудов великих стоит;
А пользы в том немного.
Не силюся к вершинам
Парнасским я подняться
И там с Гомером строить
Божественную лиру
Иль пить сладчайший нектар
С Овидием Назоном.
Анакреонта песни,
И простота и сладость,
В восторг меня приводят.
Однако я не льзуся
С ним пением сравняться;

Доволен тем единым,
Когда простым я слогом
Могу воспеть на лире;
Когда могу назваться
Его свирелок эхом;
Доволен паче буду,
Когда тебе приятно
Мое игранье будет.
Часов работа праздных,
Часов, часов немногих;
Нетщательно старанье
Награду всю получит,
Венец себе и славу,
Когда сии ты песни
Прочтешь, прочтешь и скажешь,
Что ими ты довольна.

V. О СУЕТНЫХ ЖЕЛАНИЯХ

В день бурных погоды
Смотрел я с гор высоких
На качущие волны,
На быстрый бег Бореев,
На ярости Нептуна,
Который острогою
Подъемлет влажны горы;
Свирепые тритоны,
Кругом его играя,
Нестройны пели хоры;
Казалось, что и солнце
Свирепостью такою
Стихий непостоянных
Краснело и гнушалось,
И мраком покрывалось.
Но вдруг передо мною
Воды кипящей горы
Корабль бросати стали:
То в ад его сверзали,
То к небу отметали.
Я слышал вопль пловущих,
Я видел их погибель
И суетну заботу,
Их клятвы с водным шумом
Ушам моим касались:

Иные обещались,
Когда их бог избавит,
То он весь свет оставит,
Чтоб жить уединенно;
Иной свое богатство
Сулил Нептуну в жертву,
Коль море укротится.
Но клятвы и моления
Уже бесплодны были,
И волны погубили
Их всех передо мною.
Толико вид плачевный
Меня отвлек от места;
Пошел, я начал мыслить:
«О слабы человеки!
Вы для сует единых
Морям непостоянным
Вверяетесь отважно;
Гоняясь за корыстью,
Гоняетесь за смертью».
Когда я тако мыслил,
Увидел пред собою
Прекрасного еленя:
Златыми он рогами,
Сребристой белизною
Прелестно был украшен.
Пловцов я забываю,
И стрелы я хватаю;
Бегу я за еленем,
А он стрелы быстрые
От глаз моих скрывался,
В лес темный удалялся.
Я с луком и стрелами
Последую еленю;
Но ужас поражает
Мое смущенно сердце!
В лесу я льва сретаю,
Ко мне бегуща прямо
С его кровавым зевом.
Что стрелы тут помогут,
Когда такой соперник
Стоит перед тобою?
Поможет ли бежанье,
Где алчный зверь стремится
На видиму добычу?

Я клял свою охоту
Гоняться за еленем;
А лев уже хватает
Тогда мою одежду;
Последнюю надежду
Теперь употребляю
И стрелы направляю;
По счастью не ошибся
И льва я в сердце ранил.
Лев пал, а я вспомнил
Морских людей судьбину,
И строгости их рока
Переложил я тако:
Не море в том виною,
Не ветер и не звери,
Когда мы погибаем
От их свирепства яра,—
Виновны в том желанья,
Которы нас приводят
За тленностью гоняться.
Кто льстится суетою,
Гоняся за тою,—
Тот на свирепом море
Или на твердом месте
Равно погибнуть может.

VII. ИСТИННОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Приятну жизнь проводит
И счастлив тот безмерно,
Кто много нажил злата,—
Во изобильной жизни
Минуты провождает;
Приятными садами
И сладкими плодами
Он сердце утешает.
Благополучен много,
Кого ведет Фортуна
На вышние степени.
Спокоен тот и счастлив,
Которому судьбина
Дала жену прекрасну.
Благополучен в свете,
Кто славу расширяет
Свою по всей вселенной...

И тот благополучен,
Кто много разумеет;
А всех благополучней,
Кто страсти и желанья
К богатству, к чести, к славе
Преодолеть умеет.
Сразись со мной, Фортуна,
Лишай меня спокойства,—
Тебя преодолею.
А если я устану
Тебе сопротивляться,
Не сделаю игрою
Твоей себя вовеки.
Хоть щит мой расшибется,
Копье себя притупит,
А я и в том несчастьи
Благополучен буду.

IX. ИСКРЕННИЕ ЖЕЛАНИЯ В ДРУЖБЕ

Оставя стены града,
Которы орошает
Москва своим теченьем;
Брега, брега зелены,
Луга, прекрасны рощи,
Усыпанны красами,
Где, кажется, и воздух,
Прельщенный ими, дышит;
Где к чести женска пола
Приятности натуры,
Краса, приятность, прелесть
Сияют в пущей силе;
А ныне как зефиры
Весну предвозвестили,
По рощам нежны птички
И соловьи запели;
Когда сама природа,
С красою их сравняться,
Все прелести собирает;
Когда в часы прохладны
Красавиц многих лики,
Подобно милым нимфам
Дианы и Авроры,
В полях, в лесах гуляют,

И в воздухе амуры,
Взвиваясь над ними,
Их вдвое украшают,
Заразы изоцряют
Сердцам для утешенья,
Которые родились
Пленять и быть плененны,—
Ты, ты сей град оставил,
В уединенье скрылся!
Иль сельские пастушки
Тебе приятней наших?
И игры полевые
Тебе милые наших?
И дикие фауны
С свирелями своими
Тебе приятней стали
Тех песней, песней сладких,
Которы восхищают,
Которы утешают
Сердца и чувства наши?
Внимать уже не будешь,
Не будешь боле слышать
Приятных разговоров...

Но, ах! постойте, музы,
Мой голос удержите,
Перо остановите.
О чем писать дерзаю?
Пишу, пишу я к другу,
Пишу—и возмущаю
Его спокойны мысли,
Его спокойно сердце,
Хотя о постоянстве
Его души уверен;
Но дружеско ль желанье
Вводить другого в слабость,
И в роскошь влечь и в праздность?
Когда мне часть судила
Жить суетно на свете
И дни свои младые
В пустых забавах тратить,
В забавах и желаньях,
В пустом увеселеньи
И в скучном обращеньи,—
На что вводить и друга

В такое ж развлеченье,
Досады и смущенье
И грудь его тем жалить,
Чем грудь моя пронзенна?
Живи уединенно,
Когда тебе приятно,
Живи, мой друг любезный!
Ключи, с горы биоцци,
И чистые потоки,
Леса, поля широки
Твой дух утешат боле,
Чем здешние забавы.
Коль чувствуешь ты сладость
В своем уединеньи;
Простое обращенье
С своими поселяны
Когда тебе приятно;
Прохладная пещера
И тень приятных рощей
Когда тебе утешны;
Коль сердца не терзаешь,
Когда воображаешь
Себе мирскую пышность,
И дни твои спокойно
И тамо протекают,—
Живи, живи в утехах!
Ты счастлив несомненно.
Далеко обитаешь
Огромной света скуки;
Но ты и не зрираешь
На порченные нравы.
Не видно бесполезной
Там роскоши любви,—
Итак, мой друг любезный,
В свободе там живи,
Пока плоды Цереры
Твое покроют поле
И сладкая Помона
Сады твои наполнит;
Между сует и скуки
Я стану только слушать,
Что мне вещают музы,
Что мне вещает сердце.
И музы мне, и сердце
Согласно то вещают:

«Люби, люби науки,
А паче добродетель!
Люби ты общу пользу,
Безумным людям смейся,
Порочных удаляйся,
А злых не опасайся».

Х. О ВАЖНОСТИ СТИХОТВОРСТВА

Когда ни начинаю
Любезну лиру строить
И девять сестр парнасских
Когда ни вобразятя
В уме, к стихам возжженном,
И в сердце, ими пленном,—
Мне слышится всечасно,
Что мне они вещают:
«Не трать, не трать напрасно
Часов младого века
И, духа не имея,
В стихах не упражняйся;
Других путей довольно,
Которые приносят
И сладость, и утехы
На свете человекам.
Оставя Аполлона,
Ступай за Марсом в поле;
Военна бога лавры
Похвальнее, чем наши.
Когда не ощущаешь
К оружию охоты
И звук мечей противен,
Противно ратно поле,—
Взойди, взойди в чертоги,
Где Фемис обитает
И где весы златые
С закрытыми очами
Она в руках имеет;
Внемли ее законам
И с нею беседуй;
Ты обществу полезен,
Себе и миру будешь.
Когда и то не мило—
Проникнути старайся
Во таинства природы;

Будь нужным гражданином
Изобретеньем в поле
Обильнейшия жатвы,
Садов и скотоводства;
Искателем в натуре
Вещей донныне скрытых.
Достичь горы Парнасской
И лавра стихотворна
Охоты не довольно
И прилежанья мало;
К тому потребен разум,
Который чист и светел,
Как ток воды прозрачной
Или стекло прозрачно,
Чтоб всем вещам природы
Изображаться ясно,
Порядочно, согласно;
Потребны остры мысли,
Чтоб связи всей природы
Проникнуть сильны были;
Потребны дух и сердце,
Которы ощущают
Людские страсти точно
И ясно сообщают
Их силу и движенье,
Болезнь изнеможенье.
Способности толики
Писателю потребны,
Что разумы велики
Сей путь переменили,
Когда они узнали
Его велику важность,
И труд, и попеченье.
Но в ком слепая дерзость
Брала отважно силу
И тщетная охота
Которых воспаляла,—
Те стыд плодом имели
И, не дошед Парнаса,
С стихами исчезали.
О музы, горды музы!
Я внемлю ваше слово,
И сердце уж готово
К вам жар мой погасити,—
Но жар мой к стихотворству

Моя охота множит;
А больше оной множит
Прекрасная Ириса.
Сердечно, иль притворно,
Она и стих мой хвалит,
Она того желает,
Чтоб с музами я знался.
Коль вам противно это,—
То мне Ириса будет
И Аполлон и музы.

XI. СИЛА ЛЮБВИ

Сын цитерския богини,
О Эрот, Эрот прекрасный!
Я твои всепеваю стрелы,
Стрелы, коими пронзаешь
Ты сердца и воспаляешь.
Власть твоя на всех простерта:
Ты морями и землею,
Сын Цитеры, обладаешь.
Бесполезно удаляться,
Силиться и противляться
Смертным против стрел Эрота;
Что у нас в сердцах врожденно,
Тем владеет он и правит,
И себя Эрот чем славит,
Терпим то непринужденно.
Нет таких пустыней диких,
Нет таких лесов дремучих,
Нет жилища, нет пещеры,
Нет щитов, ни обороны,
Нет убежища на свете,
Где бы стрел его укрыться.
Крепки стены разрушает,
Тяжки узы разрешает
Сын цитерския богини.
Вы, угрюмы философы,
Сколько смертных ни учите
Слабости бежать любовной,—
Лишь Эрот вселится в очи,
Иль в уста, уста прелестны,
Или в речи, или в разум,—
Тотчас сердце распалится,
Важность мыслей удалится.

Вы, которые смеетесь
Сердцу, страстью воспаленну,
И одну являть суровость
Почитаете за славу!
Вы любви еще не знали,
Или не люди родились.
Ты, о старость хладнокровна!
Не ропщи против любви;
Не ее ты покидаешь,
Но оставлена ты ею.
Если б лъзя изображаться
На сердцах любовным язвам
И студеная кровь ваша
Коль могла бы загореться
От приятностей любовных,—
Вы подобно бы затлелись,
Как во младости горели.
Только в сердце, богу верном,
Только в мыслях просвещенных
Он не смеет воцариться;
И, владея всех сердцами,
Сих сердец Эрот боится.

ХІІІ

Тебе приятны боле
Гремящей лиры песни,
И шум в стихах Бореев
Тебя увеселяет;
Приятный беспорядок,
Отрывки, удивленье,
И слог великолепный,
И мысли восхищенны
Тебя в восторг приводят;
Пленяйся ты как хочешь
Великолепным слогом
И звонкими струнами
Гремящей самой лиры;
Пленяйся ты как хочешь,
Дивись летучим мыслям;
Хвали ты важность слова,
Хвали великость духа,
Который так, как громом,
В стихах пронзает сердце
И, как орел парящий,
До облак взлетает.

Мне тихое вздыханье
Стенящих горлиц мило;
Мне тихие потоки,
Мне роции, мне долины
Приятней лирна гласа.
Украшенна пастушка
Прелестными цветами,
Когда в кругу пастушек
Поет, поет и пляшет,
Милая гремяща хора.
Когда в стихах любовных
Писатель въздыхает;
Когда он то вещает,
Что сердцу воспаленну
Вещати в страсти должно,—
Меня приводит в слезы
И слышать заставляет
Те чувства в нежном сердце,
Которые природны
На свете человекам.
О Музы! если может
Мой дух ваш дар имети,—
То дайте дар подобный,
Каким Анакреона
Вы прежде наградили,
Или каким украшен
Приятный *** [Сумароков].
А если тех не можно,
Не требую иного.

XV. О РАЗУМЕ

На что полезен разум,
Когда всечасно мыслить?
Какие взять дороги,
Чтоб мне обогатиться,
Чтоб жить и веселиться?
Кто малые доходы
От разума имеет,
Великие доходы
С невинных брать умеет
И с разумом незрелым
В чину богатых зреет.
На что потребен разум?

Я вижу Полидора
Без хитрого рассудка,
Без всякия науки,
А может быть, и мыслей,—
Красавицам он нравен
И между ими славен.
На что потребен разум?
Я вижу, что безумных
Разумными считают;
Людей, бесстыдством шумных,
За острых почитают.
На что полезен разум,
Когда поклоны низки,
Когда глубоки иски
Людей приводят к счастью?
На что потребен разум?—
Ненадобен, я чаю.
Сам делаю вопросы,
Я сам и отвечаю;
И думаю, что разум
На то одно потребен,
Чтоб им могли проникнуть,
Кто правил не имеет,
От тех нам удаляться
И, видя их безумство,
Как можно исправляться.
А паче нужен разум,
Чтоб людям от скотины
В сей жизни отменяться
И к Богу возвышаться.

XVIII

Иные строят лиру
Прославиться на свете
И сладкою игрою
Достичь венца парнаска;
Другому стихотворство
К прогнанью скуки служит;
Иной стихи слагает
Пороками ругаться;
А я стихи слагаю
И часто лиру строю,
Чтоб мог моей игрою
Понравиться любезной.

Кто первый был на свете,
Который медь и золото
Преобразил в монеты,
Тот может называться
Всеобщих бед источник:
И зависть и обманы,
И злоба и разбой
Оттоле истекают.
Поля, кипящие кровью
Убитых человек,
Тела, в лесах лежащие,
Мне слышится, вещают:
«Погибли мы за золото!»
В чертогах позлащенных
Богатый веселится
И самым тем крушится,
Что много нажил золота.
Душевна добродетель
Такому неизвестна,
Которому прелестна
Одних очей забава,—
А истинного счастья
Найти не можно в золоте.
Тому причина золото,
Что многи человеки
Друг друга крови жаждут;
Что разумы и чести
Почти всеместно страждут!
И кажется, что золото
Свет солнца помрачило
И ложными лучами
Всех смертных ослепило.
Его прельщенны блеском,
Уже не узнаваем
Ни прелести прямые,
Ни славы, ни достоинств.
Померкли вы, померкли,
О светлые рассудки!
Когда пленило золото
Сердца у человек,
И, кажется, достойным
Лишь то одно почтенно,
Где золото блистает.

Не знаю, я не знаю,
Какая в этом радость,
Тобою кто пленится;
Прямая жизни сладость
Тобой не утвердится.
Но слышу я ответы,
Читателей ответы:
«Коль ты ругаешь злато,
Никто не принуждает,
Живи без злата в свете;
А нам прожить не можно».
Ответ я сей внимаю,
Сам то же рассуждаю
И то лишь утверждаю,
Что тем-то и несчастны
На свете человеки,
Что, видя прелесть ложну
В такой презренной вещи,
Без ней прожить не могут.
А паче тем несчастны,
Что к золоту пристрастны.

ОДЫ ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ

V. ЗЛАТО

Кто хочет, собирай богатства
И сердце златом усладяй;
Я в злате мало зрю приятства;
Корысть другого повреждай.

Куплю ли славу я тобою?
Спокойно ли я стану жить,
Хотя назначено судьбою
С тобой и без тебя тужить?

Не делает мне злато друга,
Не даст ни чести, ни ума;
Оно земного язва круга,
В нем скрыта смерть и злость сама.

Имуций злато век робеет,
Бойтся ближних и всего;
Но тот, кто злата не имеет,
Еще несчастнее того.

Во злате ищем мы спокойства;
Имеv его, страдаем ввек;
Коль чудного на свете свойства,
Коль странных мыслей человек!

VI. К А. А. Р.

В свирели мы с тобою
Играли иногда
И сладостной игрою
Пленялися тогда.

Тогда, среди забавы,
Среди полей, лугов,
Ты, просты видя нравы,
Желал простых стихов.

Там сельские дриады
Плясали вокруг тебя;
Не чувствовал досады
Ты, сельску жизнь любя.

Тебя не утешали
Мирские суеты;
Тебя тогда прельщали
Природы красоты.

Тогда земному кругу
Ты пышность оставял;
Тогда ты мне, как другу,
Все мысли объявлял.

Теперь уже сокрылись
Дриады по лесам;
Места переменились,
Ты стал не тот и сам.

Тебя не в диком поле
Стихи мои найдут,
Пастушки где по воле
Играют и поют.

Не токи ныне ясны
Вокруг тебя шумят,—
Но лики велегласны
Со всех сторон гремят;

Вельможи тамо пышны,
Там хитрые друзья;
Отсюда лести слышны...
Спокойна ль жизнь твоя?

Из двух мне жизней в свете
Котору величать?—
Ты скромн в сем ответе,
Так лучше замолчать.

XVII. ЖЕЛАНИЯ

Желаем, мы всего желаем,
Но где желаний наших край?
Иль мукой жизнь мы представляем,
Иль в ней находим сладкий рай.

В богатстве ли спокойство наше
И в пышных титлах состоит?
Иль там оно сияет краше,
Где в хижине крестьянин спит?

Монах ли мне уединенный
Представит златовидный век?
Или наукой просвещенный,
Полезный свету человек?

Чертоги ль вобразят царевы
Блаженство мира мне сего?
Или, красой цветущи девы!
Вы зрите вкрут себя его?

От Марса ли гремящей славы
Или от Фемисы желать?
Пуститься в роскошь и в забавы
Или в пустыню убежать?

Какими в свете сем следами
Искать спокойствия пойдём?
Не сходствуя ни в чем сердцами,
Мы спорить на пути начнем.

Желанья наши разногласны,
Колико видом разны мы;
Ясней сказать: мы все несчастны—
Имея слабые умы.

XXI. ЗНАТНАЯ ПОРОДА

Не славь высокую породу,
Коль нет рассудка, ни наук;
Какая польза в том народу,
Что ты мужей великих внук?

От Рюрика и Ярослава
Ты можешь род свой произвесть;
Однако то чужая слава,
Чужие имена и честь.

Их прах теперь в земной утробе,
Бесчувствен тамо прах лежит,
И слава их при темном гробе,
Их слава дремлюща сидит.

Раскличь, раскличь вздремавшу славу,
Свои достоинства грубя;
Когда же то неместно нраву,
Так все равно, что нет тебя.

Коль с ними ты себя равняешь
Невежества в своей ночи,
Ты их сиянье заслоняешь,
Как облак солнечны лучи.

Не титла славу нам сплетают,
Не предков наших имена,—
Одни достоинства венчают,
И честь венчает нас одна.

Безумный с мудрым не равняйся
И славных предков позабудь;
Коль разум есть, не величайся,
Заслугой им подобен будь.

Среди огня, в часы кровавы,
Скажи мне: «Так служил мой дед,
Не собственной искал он славы,
Искал отечеству побед».

Будь мужествен ты в ратном поле,
В дни мирны добрый гражданин;
Не чином украшайся боле,
Собою украшай свой чин.

В суде разумным будь судьейю,
Храни во нравах простоту,—
Пленюся славою твоею
И знатным я тебя почту.

АПРЕЛЬ

Дыханьем нежным побежденны,
Седые мразы прочь летят;
От плена их освобожденны,
Потоки вод в берегах шумят.

Полям и роцам обрученна,
Восходит на горы весна,
Зеленой ризой облеченна,
Умильный кажет взор она.

Уготовляя царство лету,
Приблизилось солнце к нам,
Прибавило дневного свету
И жизни хладным сим странам.

Благословенну возвещает
Нам жатву дышащий Зефир,
Натура взор к нам обращает
И новый созидает мир.

Я мысли в вечность погружаю
До первых бытия начал
И всю вселенну вображаю,
Когда Господь ей образ дал.

Невеста будто бы в убранстве,
Является очам земля,
Времян цветущих в постоянстве,
Ликуют реки, лес, поля.

Стадами покровенны горы,
Там реки, зеркало небес;
Там в роцах раздаются хоры
Поющих птиц между древес.

Весна очам изображает
Первоначально жигие,
Творцу вселенной подражает,
Даруя тварям бытие.

Из вечной бездны извлеченна,
Возвеселилась тако тварь,
Земля цветами облеченна:
В селеньи райском твари царь.

Подобной радости вкушенье
Я чувствую в весенни дни,
Вливают в сердце утешенье
И душу веселят они.

Все то же! только мы забыли,
Чем прежних жизнь людей сладка;
Увы! они невинны были;
Невинность в наши дни редка.

Друг другу мы напоминаем
Желаний наших главну цель;
Апрель обманом начинаем,
Едва ль не весь наш век — апрель.

СОНЕТ

Коль буду в жизни я наказан нищетою
И свой убогий век в несчастьи проводить,
Я тем могу свой дух прискорбный веселить,
Что буду ставить все богатство суетою.

Когда покроюсь печалей темнотою,
Терпеньем стану я смущенну мысль крепить;
Чинов коль не добьюсь — не стану я тужить;
Обидел кто меня — я не лишусь покою.

Когда мой дом сгорит или мой скот падет,
Когда имение мое все пропадет, —
Ума я от того еще не потеряю.

Но знаешь ли, о чем безмерно сокрушусь?
Я потеряю все, когда драгой лишусь;
Я счастья в ней ищу, живу и умираю.

ЭЛЕГИЯ

Еще мой жар к тебе, драгая, не потух,
Изображает то мой стих тебе и дух,
Изображается он стоном и тоскою;
Когда увижуся, прекрасная, с тобою,
Чрез торопливые я знать даю слова,
Что страсть, как и была, сильна все такова.
Но ежели бы ты то ведала подробно,
Как и в разлуке я тобой мятусь подобно,
Нигде твоих, мой свет, не забываю глаз,
А их не видючи, вздыхаю по сту раз,
В минуту по сту раз тебя в мысль представляю,
Тобой стесненну грудь тобою оживляю.
Тобой лишаюся веселий и забав,
Ты мне к веселостям даешь одна устав.
Всем сердцем мучусь я, когда с тобой в разлуке;
Увидяся с тобой, бываю в пуще муки;
Не насыщаюся смотреньем на тебя
И в новую напасть ввергаю я себя.
Позабываюся, что я ни начинаю,
О чем хочу сказать, я сам того не знаю.
Как непорядочен и искренен мой стих,
Таков и я во всех намереньях моих.
И если ты когда сии читая строки,
Почувствуешь мои мучения жестоки,
Почувствуешь и им соделаешь конец,
Пресчастливей, тогда слыть буду я творец.

ИДИЛЛИЯ

В те дни, когда со мной моей любезной нет,
И солнце, кажется, дает туманный свет,
Мне пища несладка и вкусом горьки воды,
Неясно думаю, нескладно говорю;
Конечно отняла ты силы у природы,
Что все пременно, я и чувствую и зрю.
Тобою трачу я природы всей утехи;
Но я уже тебе веряюсь без помехи:
И так я стал уж твой и сердцем и душой,
А ты, любезная, природой будь моей.

ПАСТУШКА

Покидает солнце воды
И восходит в высоту,
Ясный день вся природы
Открывает красоту;
Стадо Дафнино пасется
Без пастушки на лугу;
Дафна, сидя на берегу,
Горькими слезами льется.

Поле сладкими плодами
Изобилует всегда,
Месяц с ясными звездами
Не разлучен никогда;
День, вчера который минул,
За собою день влечет;
Все порядочно течет,
А меня пастух покинул.

Отдали печальны мысли,
Утоли плачевный стон,
Постоянства ты не числи
Всей природе без препон;
Поле, полное снегами,
Видим в прежней ли красе?
Дни почти различны все,
Воды бьются с берегами,
Тучи солнце закрывают,
Месяц кроется от звезд,
А любовники невест
Так подобно забывают.

ПЕСЕНКА

Что я прельщен тобой,
Чему тому дивиться,—
Тебе красой родиться
Назначено судьбой.
Прекрасное любить—
Нам сей закон природен,
И так я не свободен
К тебе несклонным быть.

Ты сделана прельщать,
А я рожден прельщаться,
На что же нам стараться
Природу превращать?
Я жертвую красе,
Ты жертвуй жаркой страсти,
Естественныя власти
Свершим уставы все.

ОТВЕТ НА ПЕСЕНКУ

Прекрасное любить
Хоть сердцу и природно;
Однако склонной быть
К кому хочу свободно.
Родятся красоты
Не для неволи в свете.
Мне лъзя в моем ответе
Сказать: не мил мне ты.
Ты мной теряешь власть,
А я тобой не пленна;
Так, знать, не я рожденна
Лечить такую страсть.
Порядка не вреди
Уставленна природой;
Меня оставь с свободой—
Другую победи.
Чувствительны в любви
Несклонности удары;
Ищи себе ты пары
И счастливо живи.

ОТВЕТ НА ВОПРОС

Где сердце у меня,
Ты спрашиваешь смело.
Ответствую, стенья:
Из груди улетело!
Летало на крылах,
Свободой веселилось,
Теперь в твоих очах
Навек остановилось;

Из глаз твоих оно
Не может отлучиться,
Доколь с твоим в одно
Навек соединится.

ЛИНА

Когда б я птичкой был,
Я к той бы полетел,
Котору полюбил,
И близко, близко к ней бы сел;
Коль мог бы я, запел:
«Ты, Лина, хороша,
Ты птичкина душа!»
Мой малый бы носок
Устам ее касался;
Мне б каждый волосок
Силком у ней казался;
Я ножку б увязить
Хотел в силке по воле,
Чтоб с Линой вместе быть
И Лину бы любить
В сладчайшем плене боле.

ОТ Т. Р.

Н-А...НЕ И А-А...НЕ М...ЦКИМ

Я думать начинаю,
Что взыду на Парнас,
Когда хвалы внимаю,
Две Грации, от вас;
Магнитной некой силой
Приобрету венок,
В котором вставлен милой
Усердия цветок;
Вовек не сокрушится,
Мне кажется, мой бюст,
Дыханьем он живится
Прекрасных ваших уст;
Но вы, как Филомелы,
Стыдливы и не смелы,
Вы кроетесь, поя;
Мне голос ваш приятен,
Он издали мне внятен,
Но вас не вижу я.

СТИХИ¹

Если то тебе приятно,
Чтобы я еще любил,
Утро мне отдай обратно:
Мой уж вечер наступил.

Тем, которы лет во цвете,
Тем утечи отдадим.
Два мига живем мы в свете,
Миг рассудку посвятим.

Где забавы на престоле,
Где любовь имеет трон,
Взяв рукой меня отголе
Старость уж выводит вон.

Станем, станем сколько можно
Услаждать наш горький век;
Счастье на свете ложно,—
Всем обманут человек.

Все вокруг меня исчезло,
Игры, нежности, крась;
Сердце пламенно замерзло—
Скучно движутся часы.

Дважды все мы умираем,
Вижу ныне ясно то;
Смерть, когда любовь теряем;
А другая смерть ничто.

Томным шествием приходит
Дружба к помощи моей;
На любовь она походит,
Но огня не вижу в ней.

Дружбой, дружбой восхищаюсь!
Ей теперь иду вослед;
Но слезами обливаюсь,
Что утечи прежней нет.

¹ Подражание французским.

ПРОШЕДШЕЕ

Где прошедшее девалось?
Все, как сон, как сон, прошло;
Только в памяти осталось
Прежнее добро и зло.
Будущего ожидаем;
Что сулит оно, не знаем;
Будущее настанет,—
Где ж оно?—его уж нет!

Все, что в жизни нам ласкает,
Что сердца ни веселит,
Все, как молния, мелькает,
Будто на крылах летит,—
Ах! летит невозвратно;
Как река, проходит мимо,
И реке возврата нет—
К вечности она течет.

Я не тот, кто дней во цвете
На земле существовал;
И не тот, кто жизни в лете
Время числить забывал;
Зимнему подобно хладу,
Старость наших дней отраду
И веселости мертвит;
Уж не тот мой нрав, ни вид.

Те, которы восхищали
Взор мой, женски красоты
Жизни вечером увяли,
Будто утренни цветы;
Те, со мною что родились,
Возрастали, веселились,—
Как трава, тех век пожат,
И в земле они лежат.

В юности моей чинами
Мысли я мои прельщал;
Но, покрытый сединами,
Суетность чинов познал.
Во цветущи дни приятство
Обещало мне богатство:
Вижу в зрелые лета,
Что на свете все тщета!

Все тщета в подлунном мире,
Исключенья смертным нет;
В лаврах, в рубище, в порфире—
Всем оставить должно свет.
Жизнь, как ветерок, провеет;
Все разрушится, истлеет;
Что ни видим, бренно то;
А прошедшее—ничто!

Солнце то же надо мною,
Та же светит мне луна;
Те ж цветы растут весною,
Но скучает мне весна.
Что меня ни утешало,
Время, время все умчало;
Жизни сей кратка стезя,
И продлить ее нельзя.

Что такое есть—родиться?
Что есть наше житие?
Шаг ступить—и возвратиться
В прежнее небытие.
Нет!—когда мы век скончаем,
В жизни будущей встречаем
Наши прежние дела
В книге и добра и зла.

ПСАЛОМ

Коль славен наш Господь в Сионе,
Не может изъяснить язык:
Велик Он в небесах на троне!
В былинках на земли велик!

Везде, Господь, везде ты славен!
В нощи, во дни сияньем равен!

Тебя твой агнец златорунный,
Тебя изображает нам!
Псалтирями десятиструнны
Тебе приносим фимиам!

Прими от нас благодаренье
Как благовонное куренье!

Ты солнцем смертных освещаешь,
Ты любишь, Боже, нас как чад;
Ты нас трапезой насыщаешь
И зиждешь нам в Сионе град;

Ты смертных, Боже, посещаешь,
И плотию Своей питаешь!

О Боже! во Твое селенье
Да взыдут наши голоса!
И наше взыдет умиление
К тебе как утрення роса!

Тебе в сердцах алтарь поставим,
Тебя, Господь, поем и славим!

Василий Иванович Майков

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 81

Бог ста в сонме всех богов,
Посреди же их рассудит,
Обличит своих врагов
И исправиться принудит.

Долго ль будете судить,
Судии, не помня Бога,
И доколе не щадить
Вам смиренна и убога?

Не оставьте до конца
В злых руках страдати нища,
Да не будет он льстеца
Толь препагубного нища.

Не взирайте на людей,
Одаренных счастьем многим,
Долг есть праведных судей:
Всех судить законом строгим.

Прежде должно всей земли
Основанию упасти,
Нежель вы б когда могли
Поработать вашей страсти.

Аз вам рек, что боги вы
И сыны творца вселенны,
И желал, чтоб таковы
Были вы пресовершенны.

Вы ж по образу людей
Иго смертное несете
И, в подобие князей,
Во пороки злы падете.

Боже, ты сие внемли,
Сколь неправды в нас велики;
Воскресни, суди земли
И наследуй меж языки!

ОДА
О СУЕТЕ МИРА,
ПИСАННАЯ К АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ СУМАРОКОВУ

Всё на свете сем превратно,
Всё на свете суета;
Исчезает невозвратно
Всякой вещи красота:
Младость и лица приятство,
Сила, здравие, богатство,
И порфира, и виссон;
Что в очах нам ни блистает,
Всё то, яко воск, растает
И минется, яко сон.

Всякой вещи в свете время,
Всякой мысли есть конец;
Старость — наше тяжко бремя
И мучение сердец:
Только старость овладеет,
Кровь, иссякнув, охладает,
Нежны чувства замрут;
Что нас прежде услаждало,
Что веселие рождало,
То родит болезнь и труд.

Поместятся мысли скучны
Вместо всех веселых дум,
И печали неотлучны
Отягчати будут ум;
Ум во скуке злой потонет,
Сердце томное застонет
И утех не ощутит;
Все затмится пред очами,
Дни покажутся ночами,
Что увижу, всё смутит.

Ах! о время дней кратчайших,
Время, лютей наш тиран!
Воды струй твоих сладчайших
Льются в вечный океан.
Мы тобой себя прельщаем,
Только редко ощущаем,
Сколь ты скоро протечешь,
И что в жизни нам приятно,
Ты с собою невозвратно
Всё во вечность увлечешь.

Время все от нас похитит
И со оным нас самих,
Хоть оно и не насытит
Алчных челюстей своих.
Всё исчезнет то росую;
Время острою косою
Всё ссечет в единый час...
И меня... когда? — не знаю,
Только глас его внимаю,
Сей его внимаю глас:

«Всё, что зрится вам прекрасно,
Всё с собою унесу;
Всё на свете я всечасно
Возмущаю и трясу;
Возведите только взоры:
Где высоки были горы,
Там пропасти земны;
Инде киты обитали,
Острова там ныне стали
Из морския глубины.

Где вселялись рыбы, гады,
Там жилища днесь людей;
Превращаю я и грады
В обиталище зверей;
Горы с места предвигаю,
И потрясши их ввергаю
Во пространные моря;
Солнце, звезды со луною
Протекут не век со мною,
И престанет быть заря».

Всякий шаг нам—шаг ко смерти,
Всякий миг влечет нас к ней,
Всякий глас грозит претерти
Вервь кратчайших наших дней.
Что мы думаем иль пишем,
Говорим иль просто дышим,—
Время между тем течет.
Как сие изрек я слово,
Наступило время ново,
А того уж больше нет.

Свет исполнен злых пороков
И исполнен суеты,
Муз любимец, Сумароков,
Возвести о сем мне ты,
Коль во свете всё прременно,
Всё нетвердо, ломко, тленно,
Сан, богатство, жизнь-мечта,
Чем же Свет нам толь прелестен,
Коль всему конец известен?
Что же в нем не суета?

ОДА
ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ПЛАТОНУ,
АРХИЕПИСКОПУ МОСКОВСКОМУ И КАЛУЖСКОМУ,
АРХИМАНДРИТУ СВЯТОТРОИЦКІЯ ЛАВРЫ
И СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА ЧЛЕНУ,
О БЕССМЕРТИИ ДУШИ
В РАССУЖДЕНИИ БЕСКОНЕЧНЫХ НАШИХ ЖЕЛАНИЙ

О вы! которых мысли лживы
Развратный омрачают свет,
Невольники мирских сует,
Рабы страстей, доколе живы,

Имея к тленности любовь,
Вы мне, безумствуя, речете,
Что жизнь чрез то свою влечете,
Доколе в вас лиется кровь;
Когда ж она престанет литься,
Престанет с нею век ваш длиться;

Что купно с жизнью телесной
Престанет быти и душа,
Сего помыслить, не греша,
Нельзя о вещи неизвестной.
Но я склонюсь на вашу речь:
С теченьем крови жить престану,
И бранным телом я увяну,
Во гроб я должен буду лечь;
Но где ж душа моя вселится,
Когда от тела отделится?

Что движет мыслию мою
В составе тленна естества?
Душа, то искра божества!
Желаю вечности я ею;
На страсти ею восстаю,
И мыслю я, и рассуждаю,
Пороки ею побеждаю
И краткость жизни познаю.
Почто ж во дни мне скоротечны
Даны желанья бесконечны?

Когда я мыслями возлетаю
От сих бедами полных мест
Превыше самых дальних звезд
И Бога в них познать желаю.
Но что? Я, смертен бывши весь,
Коль жизни нет для нас иныя...
Увы, желанья таковые
Возможно ль мне исполнить здесь,
Коль в предприятии толь смелом
Душа моя погибнет с телом?

Создатель ли миров несчетных,
Создатель, Бог мой и Отец,
На тот внушил мне их конец,
Чтоб только я в желаньях тщетных

Мой краткий век препроводил
И в жизни сей границах тесных
Несчастней тварей бессловесных
Желаньями моими был?
Или Творец, меня карая,
Желаньям не поставил края?

Иль существо сие предвечно,
Сложив мой стройный столь орган,
Хотело быть мой тиран,
Желать позволя бесконечно?
Чтоб Бог, податель всех мне благ,
Источник всех существ согласных,
Мне дал желаньев тьму напрасных,
Дабы развеять их, как прах;
И чтобы дух мой по кончине
Исчез, как искра вод в пучине?

Когда же мыслями я вечно
Желаю и по смерти жить,
Почто Творцу в меня вложить
Сие движение сердечно?
Коль смерть была б всему конец,
Несчастливы б были человеки,
Но Бог наш царствует во веки,
Его мы дети, он — отец;
Он любит, милует, покоит,
Он жизнь мне вечную устроит.

А ты, что здраво рассуждаешь,
Платон, хвалы достойный муж,
Бессмертие ты наших душ
Твоим ученьем утверждаешь:
Мне бурю мыслей утиши;
Внимания достойным словом
Представь во бытии мне новом
Бессмертие моей души,
Чтоб я сомнения избегнул
И лживы мысли опровергнул.

ОДА «НАДЕЖДА»

О дар природы милосердой,
Чем мы дышаем и живем,
О друг нам в жизни сей нетвердой,
Надежда, ты нам служишь всем!

С тобою мы свой век проводим,
Ты — чувств пресветлая заря,
С тобою мы пути проходим,
Пустыни, дебри и моря,
Тобою страхи попираем,
Тобою бедства презираем!

До самой смерти от рожденья
У нас ты в сердце возжжена,
Ты горести для услажденья
Судьбою в нас положена.
Хотя препятства мы сретаем
Для исполненья наших нужд,
Тобою мысли мы питаем,
Тобою страх препятств нам чужд,
И, ободренны быв тобою,
С противной боремся судьбою.

Герой и победитель в брани,
Гласимый древле полубог,
Простерги мысль и храбры длани
К победам без тебя б не мог:
Он жизнь свою скончал бы прежде,
Не распротря своих побед,
Но, одолжен своей надежде,
Покрывл трофеями свой след.
Ты входишь в царские чертоги,
Равно как в хижины убоги.

Иные, на концах вселенны
Живя, за быстротию рек,
Двора и счастья удаленны,
Не могут их достигнуть ввек;
Но их надежда не покинет,
И их собой она бодрит,
Доколе краткий век их минет,—
Всегда им счастье сулит.
Без сей же нам приятной жертвы
Мы были б прежде смерти мертвы.

Иные, старостью согбенны,
При дверях гроба уж стоят
И, зря чувств силы погребенны,
Еще жить в свете долго мнят,
И, уже смертью в гроб ведомы,

Богатства тешатся сбирать,
Садят сады и строят дома,
Как будто им не умирать.
Доколе смертный не увянет,
Надежда жить в нем не престанет.

Иной, болезнью удрученный,
Тягча иссохшим телом одр,
С надеждой дух не разлученный
Еще при самой смерти бодр.
Хоть сердце, яко воск, в нем тает,
И с телом смерть уж дух делит,
Надежда дух еще питает
И скорбно сердце веселит,
И посреди сея надежды
Смыкает смерть ослабиши вежды.

О дар прецедрыя природы!
В моем ты сердце обитай
И жизни мне в оставши годы
Из сердца вон не вылетай.
С тобой мне сносны огорченья,
Везде меня препровождай,
С тобой не страшны все мученья,
Ты гордость сердца усладжай.
Ты в жизни нашей нам полезна:
С тобою смертным жизнь любезна.

ОДА «СЧАСТИЕ»

Всех желаний начало,
Счастье, наших цель сердец!
Ты нас, вшедших в свет, встречало,
Ты наш будешь зреть конец;
Что ты есть и где—не знаем,
Но лишь мыслить начинаем—
Мы грядем тебе вослед.
Мы тебя все ищем тщетно
И заходим неприметно
Во пучину лютых бед.

Мы, ища тебя, страдаем
И томимся всякий час,
Но тобой не обладаем,
Хоть всегда ты близко нас.

Или наших душ то свойство,
Чтоб терпели беспокойство,
Не вкушая тя вовек?..
Наших бед не ты причина:
Есть на свете бед пучина,
В коей тонет человек.

Сей, ища тебя, томится:
От него ты прочь бежишь;
Сей не тем путем стремишься,
На котором ты лежишь;
Тот, нашед тебя, не знает
И в твоих руках стенает,
Мысль в пороки углубя;
За иным бежишь ты само—
Он старается упрямо
Убегати от тебя.

Счастье! мы тебя имеем
Завсегда перед собой,
Но владети не умеем,
Сообщаяся с тобой.
Не в могуществе и власти,
Не в высокой самой части,
Не в богатстве, не в чинах,
Не на знатности дорогах
И не в царских ты чертогах,
Но живешь у нас в сердцах.

В самой лучшей смертных части,
Посреди богатств, утех,
Величайшей люди власти
Иногда несчастней тех,
Кто средь хижины убогой,
Добродетелию строгой
Наслаждаяся, живет:
Богачи слез в море тонут,
И цари на тронах стонут,
Коль в сердцах спокойства нет.

Кто ж о счастье ложным слухом
Мысль свою не повредит,
Тот своим великим духом
Счастье сам в себе родит.

Кто себя не беспокоит,
В сердце храм тот счастью строит,
Счастье в нем свой зиждет трон.
Грусть из сердца удалится,
И вовеки не вселится
В нем тщеславцев гордых стон.

Кто счастливей был в сем мире—
Александр иль Диоген?
Александр в венце, в порфире,
Всюду славой окружен;
Царь несчетного народа,
И казалась вся природа
Быть в числе его рабов.
Что ж покой в нем возмущает?
Аристотель возвещает:
Тьмы других ему миров.

Возвещает, как сей воин
И одним не овладел:
Не был вечно он достоин
Внити счастья в предел.
Диогеновы желанья:
Чтоб лучей дневных сиянья
Александр не отвращал,
Пред его вертепом стоя.
Сей мудрец царя-героя
Больше счастья ощущал.

О Херасков! ты свидетель
Можешь верный в том мне быть,
Что хранящим добродетель
Должно счастье служить.
Если малым кто доволен,
Кто не горд, спокоен, волен,
Тот есть счастлив человек.
Кто ж за счастьем стремится,
Тот в пути сем утомится
И не будет счастлив век.

*

Во златой век на Севере
При премудром правлении
Тишиной наслаждался
Всероссийское воинство.

Возгордись, Мустафа-султан
Изменил слово верное
И нарушил с Россией мир,
Посылал свое воинство,
Мнил Россию к ногам поправить.
Посреди лета красного,
При Хотине при городе,
На берегах у Днестра-реки
Не две тучи сходились,
Что сходились две армии—
Со российской турецкая.
Там не грозные молнии—
Возблистало оружие
Православного воинства...

.....

Договоры вы мирные помните
И с Россией союза не рушите.
Что один есть на свете неверный царь:
Он разрушил с Россиею вечный мир,
Раздражил там царицу российскую
И подвиг на себя силу ратную...

ВОЙНА

Какой ужасный ветер наваял
Тебя, кровавая война?
Раздор тебя меж смертных всеял,
И ты Алектой рождена.
Когда исходишь ты из ада,
Побегнет прочь от всех отграда,
И сквозь сгущенных серой гуч
Не светит солнца ясный луч.

Ты яд на землю изливаешь,
Плоды ужасные родишь,
Меж царств союзы разрываешь,
Народы мучишь и вредишь:
Твои советы все суть вредны,
Дела и пагубны, и бедны;
Твой глас колеблет целу твердь,
Твой взор изводит люту смерть.

Ты гонишь ратаев прилежных
К оружию с обильных нив,
Лишаешь мыслей безмятежных,
Сердца их гневом вспламенив;
Наполня ум вражды и злобы,
Ведешь из храмин их во гробы
И из объятий нежных рук
На тысячи несносных мук.

Ты жен с мужьями разлучаешь,
Отцов лишаешь их детей,
Любовниц верных огорчаешь,
Друзей отъемлешь у друзей;
Ты всем несносны скорби деешь,
Младенцев сущих не жалеешь,
Ниже прекраснейших девиц;
Ты санов не щадишь, ни лиц.

Когда ты бранною трубою
Сзываешь войски на поля,
Предвидет смерть перед тобою,
Багрится кровию земля,
Тлетворны ветры вслед тя дуют,
И все стихии вдруг бунтуют,
Разверст там ада зрится зев,
Там все являет божий гнев.

Где ступишь ты, там все стораает
И превращается во прах,
Там тьма безвинных умирает,
Везде отчаянье и страх,
Везде рыдание и слезы,
На пленных тяжкие железы,
На победителях их кровь;
Там страждут дружба и любовь.

Несчастные там жены стонут,
Лишась мужей своих навек,
Мужья, за них сражаясь, тонут
Среди своих кровавых рек.
Сама природа тамо страждет,
Убивством всякий воин жаждет,
Из коих весь составлен строй,
Убийца каждый там герой.

Представь, о древность, мне пред очи
Вселенный спокойный век!
Там в сладком мире дни и ночи
Препровождает человек;
Земля там в части не делится,
Там вся природа веселится,
Бегут оттоль вражда и гнев,
Там с агнцем почивает лев.

Пастух без робости выходит
Со стадом в тучные луга,
Ни в чем он страха не находит,
Ни в ком не зрит себе врага;
Никто плодов не насаждает,
Плоды сама земля рождает,
Рождает тучное пшено,
Для всех обильно и равно,

Там жители земного круга
Едина кажется семья.
Верна супругу там супруга,
Нелицемерны там друзья;
Там нет ни зависти, ни лести;
Сердца, исполненные чести,
Устами правду говорят;
Все право мыслят и творят.

В таком-то были совершенстве
Живущи твари на земли,
В свободе, братстве и равенстве
Счастливу жизнь свою вели.
О жизнь, которой нет примера,
Меж всех была едина вера,
Меж всех единый был закон,
И царствовал над всеми он.

Но, тщетною пленяясь славой,
Неблагодарный человек
И сею лютою отравой
Разрушил сам златый свой век:
Уже его счастливы годы,
Подобно как в пучину воды,
В разверсту вечность протекли
И все спокойство увлекли.

Тогда исторглись злы пороки
Из адския утробы в свет,
Уже везде кровавы токи
Род смертных, злоствуя, лиет,
Любовь и дружба исчезает,
Там сильный слабого терзает,
Там давит бедного богач,
Тиран, не тронут, внемлет плач.

О страх, о лютая премена,
Земля злодействами полна,
Везде кровавые знамена
Несет с победами война,
Спокойство смертных возмущает,
Прекрасны зданья обращает,
Труды премножества людей,
Во обиталище зверей.

Лежат растерзанные члены,
Там труп, а там с главой рука,
И сквозь разрушенные стены
Течет кровавая река;
Несчастный смертных род в ней тонет,
Земля под тяжестью стонет
Возвышенных из трупов гор,
Речет, взводя на небо взор:

«На то ли, Боже, извлеченны
Тобою смертные из тьмы,
Чтоб были так ожесточенны
У них все чувства и умы,
Чтоб кровь сию реками лили
И чтоб зверям подобны были?
Не с тем ты, Боже, создал свет,
Дабы он был исполнен бед.

Ты свят, ты праведен, незлобен,
Ты щедр, ты царствуешь вовек,
Тебе, во всем тебе подобен
Быть должен всякий человек.
Простри свои святые длани,
Смири неправедные брани,
Мятежи скоро утиши
И гордых мышцы сокруши.

Кто ближе всех к тебе душою,
Тому во власть меня вручи,
Да он десницею своею
Сотрет враждующих мечи.
Премудрая Екатерина
Сего достойна лишь едина,
Из смертных равного ей нет.
Вручи во власть ее весь свет!»

Ипполит Федорович Богданович

*

Господь меня блюдет,
Господь и просвещает,
И от юнейших лет
В путь правый наставляет.
С малком закон свой влил
В меня еще в младенстве,
Дабы во благоденстве
Я господа хвалил.

Хоть пагубный предел
Назначен мне врагами,
Мой щит пребудет цел,
Я злость попрю ногами.
Что враг мне сотворит,
Горящий злобным жаром,
Коль крепких сил ударом
Господь его сразит?

Он щедрую простер
Ко мне свою десницу:
Умножил выше мер
Мой скот, мою пшеницу.
Пою тебя всяк час,
Источник благ нетленных!
Внемли из уст ты бранных
Моих хвалений глас.

*

Бедами смертными объят,
Я в бездне ада утопаю;
Еще взвожу ослабший взгляд,
Еще на небо язираю.
Твой суд, о Боже, прав и свят,
Тебя я в помощь призываю:
Возри, как грудь мою теснят
Беды, в которых я страдаю.
Прости, Творец, сию вину,
Что день рождения кляню,
Когда от мук ослабеваю.
Ты сердца видишь глубину:
Хоть в адских пропастях тону,
Но от тебя спасенья чаю.

*

О, Боже! наше ты прибежище и сила,
Защита крепкая и помощь нам в бедах,—
Когда бы нас Твоя десница не хранила,
Давно бы зрели нас враги в своих сетях.

От гласа вышнего вселенна потрясется,
Смутятся и падут противные пред ним;
Но имя праведных тем паче вознесется,
И не прикоснется никакая злоба им.

Величество и власть Творца все твари славят,
Хвалу ему гласят земля и небеса;
Когда б забыли мы, то горы нам представят
Бесчисленны его преславны чудеса.

Он луки и щиты злодейски сокрушает,
Свергает в ярости взнесенный гордых роги;
Но праведных всегда щедротой утешает;
О злость! сомкни уста, защита правым—Бог.

*

О ты, земли и неба царь!
Ты смертным тишину приносишь,—
Доколе злобы не подкосишь,
От коей мучится вся тварь?

Доколе стрел на техне бросишь,
Которы твой сквернят оltарь?
Ты молнии в деснице носишь,—
Ты в злых перунами ударь.
Пусть их советы сокрушатся
И чаемых утех лишатся,
Не зря погибли других;
А правые твой суд узнают,
Когда злодеи восстенают
И ветер прах развеет их.

*

Не стремись, добродетель, напрасно
Людей от неправды унять;
В них пороки плодятся всечасно,
Нельзя их ничем исправлять.

Справедливость не раз без заплаты
Являла несчастны следы,—
Времена, пролетая, крылаты
Влекут и встречают беды.

Упаси, о Всевышний Содетель,
Покрой в непорочных сердцах
Утесненную злом добродетель,
Всели в незаконных твой страх.

ЭКЛОГА

Уже осенние морозы гонят лето,
И поле, зеленью приятно одето,
Теряет прежний вид, теряет все красы;
Проходят радости, проходят те часы,
В которые пастухи средь рощей обитали.
Уже стада ходить на паству перестали
И миновалась приятность прежних дней,
Когда предвозвещал Аврору соловей,
На зыблящихся пел сучках и утешался,
И голос одного по рощам раздавался.
Не летний дождь идет, и не из прежних туч;
Светило с высоты пускает слабый луч.
Холодный дует ветер, зефир уже не веет;
Летит с деревьев лист, и вянет, и желтеет.

Вчера овец погнав уже в последний раз,
Кларису я узрел, о, час, приятный час!
Но лето кончилось и паству пресекает,
И вместе с ним моя свобода утекает.
Клариса день один со мной овец пасла,
Но навсегда мою свободу унесла.
Я чувствую в себе, но что? и сам не знаю.
Кларису я любить сердечно начинаю.
Что думать ни начну, я думаю об ней,
Нейдет Клариса вон из памяти моей.
Люблю, и видеть я хочу ее всечасно:
Расстаться с нею мне... и мыслить то ужасно.
Нельзя изобразить, что я без ней терплю,
Как только, что ее сердечно я люблю.
Приятно чувствовать, и мыслить то приятно,
Ах! если б ей любви желанье было внятно!
Приятней и того мне с нею говорить.
Увидя раз ее, не можно позабыть.
Пойду за нею вслед: она живет у речки;
Скажу, что наши там смешались овечки,
Что в стаде двух иль трех своих не нахожу,
А между тем я ей и более скажу;
И, может быть, найдем другие мы причины,
Чтоб видеться всегда с Кларисой без скотины.

ЭПИГРАММЫ

I

Кто никогда души спокойства не имеет,
То думает: для всех на свете счастье ложно.
Однако лишь ему найти его не можно,
Затем, что он сносить напасти не умеет.

II

Хоть истинного здесь на свете счастья нет,
Но есть такое в нем, что нам приятен свет,
И для чего-нибудь нам сносно в жизни бедство.
Конечно, делает любовь сие нам средство.

Несчастье для него, тот думает, несносно.
 К нему еще оно и не бывало косно.
 Но кто бывал в беде, тот ведает давно,
 Что скорбь проходит так, как счастье, равно.

ОДА ИЗ АНАКРЕОНТА XIV

Уже сие непреборимо:
 Люблю, что должно быть любимо.
 Давно ли мне вещал Эрот,
 Давно ль советовал о этом,
 Когда я был совсем не тот
 И был не тронут сим советом?
 Упрямяца видя пред собой
 И зря мои поступки смелы,
 Он взял тогда свой лук и стрелы
 И вызывал меня на бой.

Я так же был напротив зlobен
 И Ахиллесу был подобен.
 С копьем и в латах со щитом,
 Казалось мне: чтобы сражаться
 Со оным маленьким божком,
 Не нужно боле воружаться.
 Он стрелу первую пустил:
 Но я от оной уклонился;
 Стреляя, щитетно стрел лишился
 И сердца мне не прострелил.

Он яростью кипел презлою
 И, бросаюсь сам ко мне стрелою,
 Грудь слабую мою пронзил.
 Мое, ах! сердце ощущает,
 Что нет к сопротивленью сил;
 Копье меня не защищает,
 И всеу щит имею сей;
 Эроту оный не препона.
 К чему снаружи оборона,
 Когда уже внутри злодей?

СТРАХ ЛЮБВИ

О сильный бог любви!

Желал бы я, чтоб ты сказал моей прекрасной,
Какой безмерный жар я чувствую в крови,
И чтоб ты мне помог в моей любви несчастной;
Но трепещу, ее представя красоты,
Чтоб мой поверенный, мне к горшему несчастью,
Не воспылал, как я, подобною к ней страстью:
Ты скажешь, что не я люблю, а любишь ты.

ОПАСНЫЙ СЛУЧАЙ

Купидо некогда, в присутствии прекрасной,
К своим победам пук ковал любовных стрел;
В тот час ужасный
Работу бога я сего вблизи смотрел.
Он искрами меня со всех сторон осыпал;
Жар в кузнице его вокруг воздух так разжег,
Что в страхе был и сам сей бог.
Уже из рук его разжженный молот выпал;
Хотел от жару наконец
Лететь к красавице любовных стрел кузнец;
Но мимо он огня летел неосторожно:
Сгорели крылья там его,
И дале уж лететь ему не стало можно,
Как лишь до сердца моего.

СТИХИ К КЛИМЕНЕ

*

Тот счастлив, кто богат и кто имеет честь,
Тот счастлив, у кого притом здоровье есть.
Я всё то без тебя, Климена, ненавижу,
Я счастлив в те часы, когда тебя я вижу.

*

Всечасно страсть моя, Климена, возрастает,
Одна ты царствуешь в желаниях моих;
Но, ах! в твоей душе любовь не обитает,
А только лишь она видна в глазах твоих.

Младенец нежный бог не ищет громкой славы;
Он ищет тишины, свободы и забавы,
И любит он летать по счастливым местам.

Его жилище там,

Где царствуют веселья, смехи,

Где игры и утехи

И где присутствуешь, Климена, ты,—
Там все находит он в природе красоты.
Твой милый взгляд ему приятнейшая пища,

Твое желание—закон,

Здесь храм его и трон;

В победах веселится он,

Вдыхаю только я среди его жилища.

*

Климена! научись чувствительно быть.
Никто не избежал любовной страсти,
И все подвержены любовна бога власти.

Климена! научись любить.

Напрасно ты любовь, не зная, оуждаешь:

Узнала бы своей ты цену красоты,

Когда бы в сердце то почувствовала ты,

Что в прочих возбуждаешь.

*

Приятна молодость тебя, Климена, учит,
Что должен нежности ум гордый уступить.
Противяся любви, он только сердце мучит:
Прекрасные на то рождаются, чтоб любить.
Подвергнуться любви нимало не бесславно,
Без оной были бы бесплодны красоты;
Подвергнуться—тебе, я вижу, что не нравно,
Но, быв побеждена, найдешь победу ты.

*

Чтоб счастливым нам быть,
Я буду жить затем, чтоб мне тебя любить;
А ты люби меня затем, чтоб мог я жить.

ОДА В ЧЕСТЬ КРАСОТЕ

Краса нас счастья на самый верх возносит,
И сами боги чтят в созданыи красоту.
О жизнь! когда ты сон, продли сию мечту,
Продлись, о сладкий сон, пока нас смерть не скосит,
И насладиться дай приятностями её,
Пока не обратит их смерть в небытие.

Иль только понимать свои несчастья ясно
Всесильны небеса нас в свет произвели,
И утешенья нет для смертных на земли?
Престанем размышлять о том, что нам ужасно,
Изыщем способы ко облегченью бед,
Оставим по себе мы сладкой жизни след.

Когда мы целый век не можем наслаждаться,
Потщимся хоть продлить приятность сих минут,
Без возвращения которы протекут,
И чтоб раскаяньем впоследок не терзаться,
Пусть наших радостей кратчайшие часы
Составят сладку жизнь, пока цветут красы.

ДРУГАЯ ОДА, С ТЕМИ ЖЕ РИФМАМИ, ПРОТИВ КРАСОТЫ

Тщетно свет всегда возносит,
Тщетно славит красоту:
В ней мы видим лишь .. мечту;
Смерть иль старость ону ... скосит,
Время прелести ее
Обратит в небытие.

Если мы рассмотрим ясно,
Что красы произвели,
Узрим брани на земли
И отмщенье ужасно;
Узрим тысячи там бед,
Где мы их увидим след.

Тщетно чаем ... наслаждаться
Лестным ядом сих минут,
Кои скоро протекут
И принудят нас терзаться
В долгие потом часы
Исчезающей красы.

ИДИЛЛИЯ

(белыми стихами)

На что в полях ни взглянешь
Со мною ты в разлуке,
Ты всем меня вспомянешь,
Любезная пастушка.
Тебе покажет утро
Тоски моей начало;
И днем, когда светило
Луч огненный ниспустит,
Ты, чувствуя жар в полдни,
Представь, что жар подобный
Я чувствую, влюбясь.
Не солнцем я сгораю,
Любовь рождает пламень
В моем плененном сердце;
Любовью я сгораю,
Любя Кларису страстно.

Тебе представит вечер,
Как после паствы стадо
Пойдет назад к покою,
Что в самое то ж время,
От грусти утомившись,
Я в сне ищю покоя.
Ищю его я тщетно;
Печальным воображеньем
Я также в сне терзаюсь.
Я те следы целую,
Где шествовали ноги
Драгой моей пастушки.
Роса тебе представит
Мои в разлуке слезы.
Когда услышишь хоры
Поющих сладко птичек,
Представь себе, Клариса,
Что те поющи птички
Оттуда прилетели,
Где я, с тобой в разлуке,
Грущу и въздыхаю.
Они моих мучений
Свидетелями были,
И жалобы несчастны
Они мои внимали;

Теперь во оных песнях
Мой голос повторяют,
Мои слова вещают,
Что я люблю Кларису,
И вместе ощущают
Они со мною горечь,
Оплакивая вместе
Мою несчастну долю.

Когда зефир повеет,
Его дыханье слыша,
Клариса, ты вспомни,
Что я, как он, вздыхаю.
Но он безмерно счастлив.—
Он, дуж, прохлаждает
Твои красы прелестны,
И, легкостью своею
Всем прелестям касаясь,
Тебя целует нежно,
Всегда благополучен;
А я его несчастней,
Вздыхаю отдаленно,
Верней его и страстней.
Другую он целует
И на другую дует;
Как скоро отлучится,
И сердце всеминутно
Имеет он неверно.
Но я не прменяюсь
С тобою и в разлуке,
Люблю тебя безмерно.

ПЕСНЯ

Пятнадцать мне минуло лет,
Пора теперь мне видеть свет:
В деревне все мои подружки
Разумны стали друг от дружки;
Пора теперь мне видеть свет. 2

Пригожей все меня зовут:
Мне надобно подумать тут,
Как должно в поле обходиться,
Когда пастух придет любиться;
Мне надобно подумать тут. 2

Он скажет: я тебя люблю,
Любовь и я ему явлю,
И те ж ему скажу три слова,
В том нет урона никакова;
Любовь и я ему явлю. 2

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов;
Попросит он любви задаток,—
Что дать? не знаю я ухваток;
Не знаю я любовных слов. 2

Дала б ему я посох свой,—
Мне посох надобен самой;
И, чтоб зверей остерегаться,
С собачкой мне нельзя расстаться;
Мне посох надобен самой. 2

В пустой и скучной стороне
Свирелки также нужны мне;
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада;
Свирелки также нужны мне. 2

Я помню, как была мала,
Пастушка поцелуй дала;
Неужли пастуху в награду,
За прежнюю ему досаду,
Пастушка поцелуй дала? 2

Какая прибыль от того,
Я в том не вижу ничего:
Не станет верить он обману,
Когда любить его не стану;
Я в том не вижу ничего. 2

Любовь, владычица сердец,
Как быть, научит наконец:
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит;
Как быть, научит наконец. 2

Пастушка говорит тогда:
Пускай пастух придет сюда;
Чтоб не было убытка стаду,
Я сердце дам ему в награду;
Пускай пастух придет сюда. 2

ПЕСНЯ

Много роз красивых в лете,
Много беленьких лилей,
Много есть красавиц в свете,
Только нет мне, нет милей,
Только нет милей в примете
Милой, дорогой моей.

Если б сам Амур был с нею,
Он ее бы полюбил;
Позабыл бы он Психею
И себя бы позабыл,—
Счастливы участью своею,
Век остался бы без крыл.

В ней приятны разговоры,
В ней любезна поступь, вид;
Хоть привлечь не щитается взоры,
Взоры всех она пленит;
Хоть нейдет с другими в споры,
Но везде любовь живет.

СТАНС

Без тебя, Темира,
Скучны все часы,
И в блаженствах мира
Нет нигде красы;
Где утехи рая
Я вкушал с тобой,
Без тебя, драгая,
Полны пустотой.

Я в печали таю,
Время погубя,
Если день кончаю,
Не узря тебя;
День с тобой в разлуке
Крадет жизнь мою:
Без тебя я в муке,
А с тобой в раю.

Если я примечу
Твой ко мне возврат,
Сердце рвется встречу,
Упреждая взгляд.
Придешь — оживляешь,
Взглянешь — награтишь,
Молвишь — восхищаешь,
Тронешь — жизнь даришь.

СТАНС

К ДМИТРИЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЛЕВИЦКОМУ

Левицкий! начертав российско божество,
Которым седьм морей покоятся в отраде,
Твоею кистью ты явил в Петровом граде
Бессмертных красоту и смертных торжество.
Желая подражать парнасских сестр союзу,
Воззвал бы я, как ты, себе на помощь музу
Российско божество пером изобразить;
Но Аполлон его ревнует сам хвалить.

СТАНС

К МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ

Творец прехвальной «Россиады»,
Любитель и любимец муз,
Твой глас, под скипетром Паллады,
Удобен множить их союз,

На лире ли когда бряцаешь
Екатериныны дела;
Сердца ты сладко пронизаешь,
Святится праведна хвала.

Желаешь ли ты править нравы,—
Перо твое являет нам
Священны Нумины уставы
За дар счастливым временам.

Пильпай, Федры, Лафонтены
Тебе могли бы подражать.
Во храм ли вступишь Мельпомены,
Ты можешь страсти возбуждать.

Пастушьи ль игры, или смехи,
Иль сельску славись простоту:
Являешь новы в ней утехи,
Поя природы красоту.

Гнушаяся ль когда пороком,
Желаешь добродетель петь:
Твой ум, в течении широком,
Нигде не может укоснеть.
Твоим пленяясь стихотворством
И петь тобою ободрен,
К совету твоему упорством
Мой разум не был отягчен.

Привержен к музе справедливой,
Я чувствовал во времена,
Что стыдно быть бесплодной нивой,
Где пали добры семена.

Но лишь к Парнасу приближаюсь,
Страшусь пиитов я суда;
И в песнях скоро утомляюсь,
И тщетного бегу труда.

Коль судишь ты меня нестрого,
Воспримешь ревность вместо дел;
Хоть петь тебя не мог я много,
Но чувствовал, когда я пел.

СТИХИ К МУЗАМ НА САРСКОЕ СЕЛО

В приятных сих местах,
Оставив некогда сует житейских бремя,
Я с лирой проводил от дел оставше время,
И мысль моя текла свободно во стихах¹.
О Муза! если ты своим небесным даром
Могла животворить тогда мои черты,
Наполни мысль мою подобным ныне жаром,
Чтоб Сарского Села представить красоты;
Великолепие чертогов позлащенных,

¹ Сочинитель, жив в Сарском Селе в 1765 году, сочинил там поэму, известную под титулом «Блаженство народов».

Которых гордый верх скрывается меж туч;
Различный вид гульбищ, садов и роц ступенных,
Где летом проникать не смеет солнца луч.
Екатерине там послушны элементы
Порядок естества стремятся превзойти:
Там новые водам открылися пути
И славных русских дел явились монументы.
В их славу древность там
Себе воздвигла храм
И шипет бытия времен неисчислимых,
Какие видел свет
В теченье наших лет.
При множестве чудес, уму непостижимых,
Представив, Муза, мне приятности садов,
Гульбищи, роци, кринь,
Забыла наконец намеренье стихов
И всюду хочет петь дела Екатерины.

Яков Борисович Княжнин

УТРО

Ода

Небес лазори помраченны
Румянит тихая заря;
Огнем и светом насыщенны
Кони вывозят дней царя.
Бледнеют ночи кровы темны;
Морфей во пропасти подземны
Уносит грезы и мечты;
Главу его венчают маки,
Ему вслед идут сны и мраки
И наступают суеты.

Орел, любимец гордый грома,
Свой к небу правит быстр полет;
Он, кажется, достигнет дома,
Отколь исходит солнца свет.

На нивах перепел стелящий,
На сучьях соловей гремящий
Супруг своих к себе зовут.
Восходом солнца восхищенны,
Цветы и травы оживленны
Приятну утра росу пьют.

Пастух, подъят с утра зарею,
Младой пастушки во очах
Зря ясно, как любим он ею,
Чтоб то же видеть на лугах,
Спешит от ней... Она вздыхает,
На волю ветрам распускает
Нежнейши мягка льна власы.
Зефиры оными играют,
То прячут, то опять являют
Сокровища ее красы.

Натура в ризе испещренной,
Любяща нежну простоту,
С ее красой неухищенной
Свою мешает красоту.
В лугах, цветущих близко стада,
Пастушку ждет ее ограда;
С журчаньем чистого ручья
Пастух свой голос соединяет,
Цветов венками украшает
В ней прелесть жизни своея.

Среди кустов, в тени зеленой
Любовь утехам ставит трон,
От естества не удаленный
Им пишет счастье закон.
Всегда желанья их с ними,
Довольны участью своими
И только счастливы собой,
Собой вселенну заменяют,
Того блаженством не считают,
Чего им не дано судьбой.

К водам и чистым, и прозрачным
На брег, усыпанный песком,
К ловитвам тамо рыб удачным
Идет надежда с рыбаком.
Зефиром зыблемая уда
Манит рыб жадных отовсюда,

И, тяжесть ощутив, рука
Весельем душу восхищает;
Дрожанью уды отвечает
Дрожанье сердца рыбака.

Почтен питатель смертных рода
Ко желтым пажитям спешит;
Чтя труд его, сама природа
Согбенны класы золотит.
Он смертным жизнь с полей собирает
И унижение презирает,
Чем пышность гордая претит
Его полезнейшей заботе;
В священной рук его работе
Блаженство мира состоит.

Как солнце из-за гор выходит
Вам, пастыри, сиять с небес,
В селеньях ваших не находит
Ни страшных горестей, ни слез.
Меж вами игры лишь и смехи
И самы чистые утехи;
Всяк час свирелей слышен глас
И видны граций нежны пляски;
Приятства ваши все без маски,
Натура гонит лесь от вас.

Но, ах! в обитель позлащенну,
Где пагуб нам течет река,
Природу где уничиженну
Терзает гордости рука,
И где величие уныло
Стенет, само себе постыло,
Выводит скорбный день заря:
Там пений радостных не слышно,
С одра златого роскошь пышно
Встает, в полудни утро зря.

Лучами света уstraшенный,
Скупой бледнеет на одре,
С покоем страхом разлученный
Спешит искать души в серебре.
Страшась сокровищ похищенья,
Страшится собствена движенья.

Заклепы твердые открыв,
Свое он злато видит цело;
Но время смерти уж приспело,
Всё тратит, став неволей чив.

Раб счастья вьпо уклоняет
Пред алтарем, где истукан
Честей под игом въздыхает,
Своим величием попраи,
Он в низостях так тверд, как камень;
Он, жадности сердечной пламень
Завесой тцдася лести закрыть,
Явит в досаде смертной радость...
Несчастный! вся его в том сладость,
Что только хочет счастлив быть.

Зараз своих увялость видя,
Жена, привыкшая прельцать,
Дневногo света ненавидя,
Не может горести вмещать.
Бодрит свое уныло чувство,
Рукою хитрости искусство
Ей пишет на лице красы,
Бесчиньем взор ее пылает
И юношество привлекает
Губить дражайшие часы.

В сени священна правды храма
Какая скорпия ползет?
Весов из чаши, полной срама,
Она невинных слезы пьет;
Законов в кривизнах вися,
Сия змея, шипя, клубяся,
Всем очи пестротой мрачит.
То лакомство, взяв правды виды,
Во имя празднаы Фемиды
Кривыми толками звучит.

Для должности и славы мертвы,
Какие тени там сидят? ¹
Своей прегнусной страсти жертвы
В порочном бденьи дни губят.
Фортуна, в выборах слепая,
Бумагой их судьбу бросаю,

¹ Игроки.

Из них невиннейших разит;
Игрою скрыв щедроты льстивы,
Как сфинкс, опустошавший Фивы,
Гаданьем к гибели манит.

Во оном сонме смертных бледных,
Друзей, ведущих вечну прою,
Себе и обществу зловредных,
Каких страшилищей я зрю?
Отчаяние там скрежещет
И ярость пылки взоры мечет,
Нет жалости и чести нет;
Корысть и алчность ими правит,
Коварство люты сети ставит
И златом к бедности влечет.

Скрывая пропасти цветами,
Се како смертные текут
К погибели, котору сами
Себе в безумии плетут!
Сребро им очи ослепляет,
Их гордость в узы уловляет;
Невольники своих страстей
Одну тень счастья хватают,
О камень ногу претыкают,
Свратясь невинности с путей.

Блажен, кто, сам собой владея,
В средине шума бурь мирских
Пристанище в себе имея,
Возможет, презирая их,
Чуждаться пороков лести.
Все мира пышны знаки чести
В очах премудрости прямой—
Прельщение умов незрелых,
Игра младенцев престарелых,
Отрада слабости одной.

СТАНСЫ БОГУ

Источник жизни! благ податель!
К тебе, о Боже! вопию;
И пред тобою, мой создатель!
Мою всю душу пролию.

Премудрости наполни светом
Мою к тебе парящу мысль!
Имущего тебя предметом,
Меня к своим рабам причисль.

К рабам?.. Рабов ты не имеешь:
Отец тебя любящих чад,
Ты благостью одной владеешь,
И власть твоя полна отрад.

Вотще тебя себе подобным
Соделать смертные хотят,
Суровым, грозным, гордым, злобным,
С собою ставя Бога в ряд.

Не верю я сердцам сим диким,
Которы, лютостью одной
Тебя являя нам великим,
Не твой нам кажут образ—свой.

Всяк час ты ложь их обличаешь
Пучиною твоих щедрот
И милостью опровергаешь
Угрюмых мудрецов довод.

Ты кротко солнцу рек: «Навеки,
Блистая, провещай творца;
Да зрят всечасно человеки
Меня в щедроте без конца».

Всяк день то солнце повторяет,
Сей благодсти твоей залог,
И вся природа нам являет,
Что Бог не может быть не Бог.

Лишь только мы, неблагодарны,
Не чувствуя твоих щедрот,
То слабы, то высокопарны,
Крушим страстями свой живот.

Ты, смертным даровав свободу,
К блаженству тьму путей открыл;
Одним веселием природу
Своей ты власти покорил.

А если иногда печали
Дают вкушать нам горький яд,
Не виновен ты, что мы создали
Себе из рая страшный ад.

Не ты виновен, что мы, люди,
Желая все богами быть,
Вздыхая гордо наши груди,
Себя дерзнули позабыть.

Тобой творенны наслаждаться,
Превыше мы себя летим
И мудростью с тобой равняться
В своем безумствии хотим.

Чувствительность! о дар божествен!
Ты нас прямой ведешь к концу,
И крыл твоих полет торжествен
Возносит сердце ко творцу.

Творец! тебя понять не тщуся,
Всем сердцем, как отца, любя;
Кто ты, о том я не крушуся,
С восторгом чувствую тебя.

Ты был, ты есть, ты вечно будешь,—
То небо и земля твердят;
Я есмь, меня не позабудешь,—
Мои все чувства то гласят.

ВЕЧЕР

Заря багряна потухает,
И сребренна луна свой зрак
Сквозь тихий и спокойный мрак
В прекрасной полноте являет.
Се ночь, приятней нежель день,
Заняв от роз благоуханье
И от зефиров въздыханье,
Свою любви угодну тень
На мяжку зелень расстилает
И негу в чувства проливает.

Спеши, Кларина, к сим местам,
Роскошным, тихим и блаженным,
Для нас любовью помраченным;
Спеши к приятным сим кустам,
Где томна вся природа дремлет,
Где сердце лишь мое не спит,
Во всем оно твой образ зрит,
Во всем твой глас любезный внемлет;
И листьев шум, и ропот вод—
Мне всё вещает твой приход.

Любви покорствуя закону,
Почто твоя трепещет грудь?
Иль стыд тебе творит препону?..
Иль путь любви—преступка путь?
Твои горящие ланиты
Румянцем нежных роз покрыты.
Как капля утренней росы
На белых лилиях блистает,
Когда в ней солнца луч играет,
Слеза кропит твои красы.

Уньшьем око отягченно
Едва дерзаешь возводить.
Иль сердце, для любви рожденно,
Любовь возможет устыдить?
Всеобщему покорствуй року,
Уж долг платить пришел твой срок.
Оставь грьзение пороку,
Любовь есть должность, не порок;
Бесчувственность не добродетель,
Верь мне,— весь мир мне в том свидетель.

Любви вселенна ставит пир,
Любовь вселенну оживляет.
Увидь, как легкий здесь зефир
Прекрасну розу лобызает.
Едва успел ее тронуть,
Ее цветущей стала грудь.
Усавьши сладостно журчанье
Меж горящ, тающих в огне;
Зри нежно крылий трепетанье;
Вся тварь тебе пример и мне.

Или, любовь считая пленом,
Гнушаешься ты уз ея?
Иль, гордости смущенна тленом,
Тревожится душа твоя,
Влекума в нежное покорство?
Счастливой быть оставь упорство;
И если рабство нежна страсть —
В толь сладком рабстве вся природа.
Какая ей равна свобода?
Пред нею грусть и трона власть.

Что я, ты чувствуешь ли то же?..
Не видя, алчу зреть тебя;
Узрев, забвение себя,
Стократно памяти дороже,
Объемлет душу, чувства, ум.
В тревоге нежной сладких дум
Душой твои красы лобзаю.
И кровь то мерзнет, то кипит,
И свет от глаз моих бежит,
И сам себя тогда не знаю.

Любви сердечной на вопрос
Улыбкой милой отвечаешь,
И радостных источник слез
Из глаз моих ты извлекаешь.
Коль счастлив я, коль мог тронуть
Твою колеблющую грудь.
Почто ж минуты счастья тратить?
Мы сердцем лишь тогда живем,
Как сердце чувствуем в другом.
Что нам минуты те заплатит?

Иль в пышностях, или в серебре
Мы наше счастье обретаем?
Стенящих на златом ковре,
Веселых в хижинах сретаем.
Я знаю, стоишь ты венца;
Но стоит ли тебя порфира?
Созданье лучшее творца,
Родясь для украшенья мира
И взором смертных утешать,
Тебя что может украшать?

Я не могу тебе представить,
Что гордости возможет льстить,
Ни знатностью тебя прославить,—
Могу лишь вечно я любить.
Не колесницы, не чертоги,
Где смертны кажутся нам боги,
Где низки так суть боги те,—
Даю лишь сердце благородно,
Тиранов чуждо и свободно,
Твоей подвластно красоте.

ВОСПОМИНАНИЕ СТАРИКА

О память прежних дней приятных!
Проникни в томну, слабу мысль
И прежних случаев превратных
Прошедших радостей исчисль.

Когда весна моя блистала,
Сбирал я майские плоды.
Душа, как роза, расцветала!
Не зная, что горесть—что беды.

Бывало—с милою Авророй
Встречал я первый Фебов въезд
И в мысли восхищенной, скорой
Сиял—как искра в куче звезд.

Бывало—разных птичек пенье
И громкий голос соловья,
Шум водопадов, их стремленье
Внимал с живейшим чувством я.

Бывало—пляски, хороводы
Веселых, добрых поселян—
Где без искусства вид природы
Для блага общего им дан—

Меня в младенчестве питали!
Я с ними радости делил,
Резвились—пели и играли,
Кто прожил так, тот прямо жил.

Когда же время злобным взором
Из туч на смертный взглянет род,
Бореи гневные собором
Откроют осени приход;

Когда дождь мелкий, ядовитый
Лишит одежды шумный лес,
И солнце, бросив луч сердитый,
Сокроется среди небес,—

Бывало, несмотря на стужу,
На мрачность всех осенних дней,
Весельем грусть обезоружу,
Не потеряв весны своей.

В спокойном, тихом кабинете,
Меж граций—меж приятных муз—
Забыв, как мучатся в сем свете,
Таскают всех печалей груз,—

Беспечно в книгах зарываясь,
Я с пылким чувством зрел красы,
Поэзией нежною пленяясь,
Я ей лишь посвящал часы.

Или в истории древних веков
Летел—к протекшим временам;
Зрел римлян, египтян и греков,—
Как будто с ними жил я там.

Потом пуцусь гулять по свету,
За книгой обтеку весь мир.
Или—в романах без предмету
Влюблялся в тысячу Пленир.

С живым воображеньем—вольным,
Бывало—как орел, парил;
И, будучи собой довольным,
В себе всё благо находил.

Когда ж мое уединенье
Возьмет унылый, мрачный вид,—
Оставя кабинет, и чтение,
И зданье древних пирамид,—

Скачу на бал богатый, пышный,
Где нектар из сосудов бьет
И где умеренность — гость лишний,
Где роскошь царствует, живет.

Там, с нимфами в кругу резвяся,
Себя Парисом воображал;
И, всеми до одной прельстяся,
Мое всем сердце отдавал.

Бывало, и они смотрели
Из рук прелестных на меня;
Желаали!.. но сказать не смели,
Свои стыдливости кляня!

Куда ж девались прежни силы?
Румяность свежих, алых щек?
На мне вид бледный и унылый;
Мой, видно, красный день протек.

Уж я расстался с розой нежной,
Согбен под тяжестью зимы!
С главою дряхлой, белоснежной
Являю скорбь ужасной тьмы.

О молодость! о дар бесценный!
Почто ты вянешь, как цветок?
Едва мелькнешь — то червь презренный
Твой подъедает корешок.

Болезнь тягчит меня пятою
И жнет моих остаток лет;
Моей мучительной слезою
Себе протаптывает след.

Чтобы привезть скорей ко гробу,
Чтоб слабый дух исторгнуть мой, —
Болезнь! где ты окончишь злобу? —
Увы! — под гробовой доской!

Когда творец лучом блестящим
Природу всю развеселит,
Борейам хладным и шумящим
Сокрыться всем в горах велит;

Когда наместо их зефиры
Начнут прохладно, нежно дуть;
Когда все твари, томны, сиры,
Успеют с радостью вздохнуть,—

На посох свой облокотятся
И с помощью дрожащих ног,
От слабости к земле склонятся,
Иду в небесный я чертог.

Там, сев под липой мрачной, мшистой,
Что в юности со мной росла,
Смотрю на водопад кремнистый—
В нем та же живость, что была.

А мой источник жизни бренной
Сквозь камни с быстротой не бьет,—
Иссох в ущелине подземной,
Единый червь его сосет.

Я слышу птичек хор согласный,
Но сердце слабо к чувствам сим.
Где ты, луч младости прекрасной?
Где ты, зари прелестный сын?

Тебя мои не встретят очи,
Твой блеск сокрыт от стариков!
Померк!—как день в печальной ночи.
Исчез!—в тумане всех веков.

Куда ни обернусь— всё то же;
Всё прежний восприяло вид;
Всё сделалось опять моложе,
Всё той же красотой блеснит.

А человек чуть-чуть вспомянет
Про свой весенний прежний цвет;
Средь осени куда ни взглянет—
Но уж весны он не найдет!

Найдет!—и день он встретит майской,
Проглянет луч на небесах.
Дождусь конца с надеждой райской!
Чрез смерть к бессмертью только шаг.

СТАНСЫ НА СМЕРТЬ

О смерть! предел неизбежный!
Ты, всех преобразая в прах,
Зовешь пред суд необходимый,
Давать отчеты в их делах.

Тебя повсюду мы слетаем,
Тебя нигде мы не уйдем!
Всем вестна ты; но мы не знаем,
Когда, и как, и где умрем.

Тебя счастливцев отдаляет,
Что смертен, забывая то,
Себя до облак возвышает.
Приходишь ты—и он ничто!

Взгляни—несчастный сколько страдает,
С каким восторгом ждет тебя:
Прихода твоего он жаждет
И тем лишь веселит себя.

Ты смертным страждущим отрада,
Надежда к вечности, покой;
За слезы ты одна награда,
Несчастный счастлив лишь тобой.

Но ты свой зрак от тех скрываешь,
Которым ненавистен свет;
Того ж, напротив, поражаясь
Незапно, кто тебя не ждет.

Возрیم на гордого вельможу:
Корысть его один предмет;
Он мыслит: тьмы богатств умножу!—
Как будто б жить миллионы лет.

На высоту взлететь стремится,
Дабы пятою всех попруть;
Пред ним сама Фортуна лъстит
Свое колено преклонять.

Но смерть, котора всё сражает,
Приходит наконец к нему;
Она всю гордость повергает
С высот блестящих в бездны тьму.

Ты свой блаженный век кончаешь,
Исчезло имя вдруг твое;
Богатство, знатность оставляешь,
Преображен в небытие.

Увидьте воина, паряща
На поле ратное с мечом,
Достигнуть славы громкой лстяща,—
Не зрит препоны он ни в чем.

Как злобный тигр, ожесточился
Герой сей на врагов своих;
Но меч в крови лишь обагрился,—
И смерть в местах явилась сих.

Вияся над его главою,
Твердит ему, что краток век,
В деснице с острою косою
Твердит, что он есть человек.

Но гласу он сему не внимлет,
Вся мысль его—врагов разить;
Он жадным оком всё объемяет
И всё желает поглотить.

Врагов разит он без пощады,
Надежда веселит его,
Суля за тьмы побед награды,—
Достиг блаженства он сего.

Уж враг стремглав во бег стремится,
Прося спасенья благ творца;
Душа в герое веселится,
От славы ждет себе венца.

Но выстрел смерть прдевозвещает,
Се лютей, грозный час притек.
Огонь блеснул!—он жизнь кончает,
И лавр его увял навек!

Всё кончилось в одно мгновенье,
Что веком ты приобретаал;
Исполнилось судеб веленье:
Ты был велик—ничто вдруг стал.

Мудрец в трудах свой век проводит,
Бессмертье алчет заслужить:
Он благо мира в том находит,
Чтобы в сердцах потомков жить.

Спокойствием не наслаждаясь,
Ведет в терзаниях каждый день.
Не зрит, что, к гробу приближаясь,
Вдруг исчезает так, как тень.

Что ж в славе той, котора льстила?
Хотя ее ты приобрел...
Но смерть дверь в вечность отворила:
Ты был... и вдруг во гроб снишел.

Уже того не ощущаешь,
Что имя здесь твое гремит.
Ты в мрачном гробе истегаешь,
И славы блеск тебя не льстит.

Все мы, водимы суетою,
В терзаниях кратку жизнь ведем;
И, лестною пленясь мечтою,
Прямого счастья не найдем.

Иной, корыстью обольщенный,
Плывет в пространнйй океан;
Надеждой сладкой упоенный,
Он мнит: достиг дальнейших стран.

Сокровищ Крезовых алкая,
В них зрит всё счастье и покров,
Себе никак не представляя,
Что гибнет он в виду брегов.

Корабль, меж бурных волн несомый,
К спасению лишаь путей,
К хребтам кремнистым быв влекомый,
Сретаеь тысящу смертей!

Со треском мачты вихрь ломает,
Моря примкнулись к небесам.
Ночь мрачну молнья освещает,
Являя ужас лишь очам.

Корабль, как быстр орел, несется,
Срывая пену с грозных вод;
В нем вопль повсюду раздается,
Отчаян весь там смертных род.

Там сын родителя объемлет,
С ним купно хочет умирать;
Со плачем мать дитя приемлет,
Дабы в последний раз лобзать.

С супругой нежный муж прощаясь,
Не в силах скорбь изобразить,
Гласит: «Тебя навек лишаясь,
Иду—чтоб там тебя любить».

Скупой, на глыбы злат взирая,
Трепещет, мучится, стонет;
Корысть, им алчна обладая,
Его на части душу рвет.

Меж тем уже в корабль втекает
Вода; и с нею смерть течет,
Она кормилом управляет,
На дно пучин его влечет.

Всех помощей уже лишился
Предмет разгневанных небес,
Мелькнул меж волн и вдруг сокрылся,
Сокрылся, и навек исчез!—

Вот как в напасть себя ввергаем,
Счастливыми ласкаясь быть.
О смерти мы не размышляем,
Лишь призрак тщимся захватить.

Судьбой своей не быв довольны,
Блаженство лезя ли нам вкушать?
В своих желаньях своевольны,
Мы алчем всё себе прибрать.

О смерть! ты мир весь обтекаешь,
Везде родишь плачевный стон!
Ты жизнь мгновенно отнимаешь!—
Она уйдет, как краткий сон.

Сей сон — мгновенна скоротечность,
Пред вечностию — жизнь ничто.
Смерть нас предводит в бесконечность,
От ней не скроется никто.

Друзья! вы смерть не забывайте,
Она всеобщий наш удел.
Лишь правость духа сохраняйте,
И всяк страшися злобных дел.

Ермил Иванович Костров

ОДА

ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ

АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ

Герой! твоих побед я громом изумлен,
Чудясь, безмолвствовал в забвении приятном;
Но тем же громом я внезапно возбужден,
В восторге зрю себя усердию понятном;
Сорадуясь огню, чем грудь моя горит,
Мне гений лиру дал с улыбкой нежных взоров,
И лира петь велит:
Велик, велик Суворов.

«Правдив сей глас, — твердят враждебные толпы, —
То знает наша грудь, тверда как горный камень;
Но взгляд Суворова — скользят у нас стопы,
И превратится в лед турецких персей пламень.
Единым именем он — молнии удар;
Где он, уже молчат орудий наших звуки,
Нас кроет хладный пар
И сотрясутся руки.

Узря волнуемый его пернатый шлем,
Пагубоносную мы зрим себе комету,
Предтечу бурных туч со пламенным дождем,
Носящих гибель нам, стыд вечный Магомету.
Приблизится она — приблизятся оне,
Расторглись — летят перуны беспрестани.
Вотще визирь в огне
Подъемлет к небу длани.

Вотще возносит он со воплем Аلكоран,
И, видно, наш пророк не в небесах, во аде;
До турок ли ему, он сам себе тиран.
Мы престаем просить глухаго о пощаде;
Мы престаем и, зная, что к нам Суворов строг,
От ядер пушечных не ждем приятных следствий,
И легкостию ног
Спасаемся от бедствий».

Так враг признателен! что ж российские полки?
Их глас, как сонмы вод, шумящ и совокупен:
«Суворов где, там власть всемогущая руки,
Там страха нет сердцам, и самый рок приступен.
В его деснице меч нам светлый облак в день,
Столп огненный в ночи, стремящийся в сопостаты
Смертей различных тень
И молнии крылаты.

Где он, там каждый строй и каждый полк—стена,
Все—твердый адамант, и все единомышлен;
Нам гладок путь—холмов кремнистых крутизна;
Единый миг—и все готовы и послушны.
Пусть Рымник с Кинбурном соплещут славой нам,
Сражены где чалмы—забавная потеха!—
Различно по полям
Катались как для смеха.

Что сих побед вина? герой наш мало спит:
Исполнен к отчеству любви и к богу верь;
Он скор, неутомим, предчувствует, предзрит,
Спокойно зиждет всё, сообразует меры,
Любим подвластными, их попечитель нужд,
Труды являет им как некие забавы;
Корысти подлой чужд,
Ревнитель россам славы.

Коль славно для него и днесь и в поздний век!
Германских вождь полков, с ним лавры разделяя,
Руководителем своим его нарек,
Почтеньем воскрилен и зависть попирая.
Великих свойство душ! достоинства любя,
Кобургский как герой и действует и мыслит,
Возвышенным себя
Чрез униженья числит».

Таков, Суворов, ты под шлемом и с мечем,
Таков, как молнии твои в противных мещешь;
Но ты же с ласковым и радостным лицом
Средь лика чистых муз и песням их соплещешь;
Почтен сединою, средь шума, средь войны
Минуты для наук искусно уловляешь,
С цветами тишины
Ты лавры сопрягаешь.

Герой с героями, при важности бесед
Как рвением пламенным ко благу россов дышишь,
И, мыслями вперед грядущих в связь побед,
Шутя, к младенцам ты, как быть героем, пишешь.
Велик, велик тобой описанный герой;
Но я, коль сердцем я своим не обольщаюсь,
В нем вижу образ твой
И оным восхищаюсь.

О! если б мне твой дух и легкое перо,
Изобразил бы я... Судьба не так решила:
Вития слабый я, усердие лишь быстро,
Усердие быстро — изнемогает сила.
Ты, снисходя мне, граф, доволен оным будь,
Прими, прими мой стих, что сердце мне вещало,
В себе питала грудь,
Усердие начертало.

Услуживый зефир, обрадуй, воскрились,
Неси к Суворову, носи мой голос лирный!
Лобезен, ласков, ты там с громом подружись
И звукам бранных труб вещай приветства мирны.
Лета к нему, не бойсь: приятен им герой;
Премени для него угрюмость разговоров
И повторят с тобой:
Велик, велик Суворов.

ЕГО СИЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ

Под кроткой сению и мирта и олив,
Венчанный лаврами герой, ты опочив,
Летаешь мыслями на бранноносном поле,
Дав полну быстроту воображенья воле.

Почил! но самое спокойствие твое
Ужаснее врагам, чем прочих копие.
Известно им, что ты средь мирных отряды
О средствах думаешь, как рушить тверды грады.
Я, зря тебя, тебе в приличной тишине,
В покое бодрственном, герою в сродном сне,
Осмелюсь возбудить усердной гласом лиры.
По шумных вихрях нам приятнее зефиры.
Дерзну: ты был всегда любитель нежных муз,
С Минервой, с Марсом ты стяжал себе союз.
Позволь, да *Оссиан*, певец, герой, владыка,
Являя во чертах российского языка,
Со именем твоим неробко в свет грядет
И вящшую чрез то хвалу приобретет.
Живописуемы в нем грозны виды браней,
Мечи, сверкаючи лучем из бурных дланей,
Представят в мысль твою, как ты врагов сражал,
Перуном ярости оплоты низвергал.
Враг лести, пьшности и роскоши ленивой,
Заслугам судия неложный и правдивый,
Геройски подвиги за отчество любя,
Прочти его, и в нем увидишь ты себя.

ПИСЬМО К ТВОРЦУ ОДЫ,
СОЧИНЕННОЙ В ПОХВАЛУ ФЕЛИЦЫ,
ЦАРЕВНЕ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ

Певец! которому с улыбкой нежной Муза
Недавно принесла с парнасских гор венок,
Желаю твоего я дружества, союза.
Москва жилище мне, ты Невский пьешь поток,
Но самые пути далеки
И горы, холмы, лес и реки
Усердья моего к тебе не воспятят;
Оно в Петрополь пренесется
И в грудь твою и в слух влетится:
Нетрудно музам всё, что музы восхотят.

Скажи, пожалуй, как без лиры, без скрипицы,
И не седлав притом парнаска бегунца,
Воспел ты сладостно деяния Фелицы
И животворные лучи ее венца?
Ты, видно, Пинда на вершине
И в злачной чистых муз долине

Дорожки все насквозь и улицы прошел;
И чтоб царевну столь прославить,
Утешить, веселить, забавить,
Путь непротоптаный и новый ты обрел.

Обрел, и в бег по нем пускаешься удачно,
Ни пень, ни камень ног твоих не повредил,
Тебе являлось всё, как будто поле злачно,
Нигде кафтаном ты за терн не зацепил.

Царевне похвалы вещая,
Пашей затеи исчисляя,

Ты на гудке гудил и равно важно пел;
Презрев завистных совесть злую,
Пустился ты на удаюю;
Парнас, отвагу зря, венец тебе соплел.

Кораллами власы украшенны имея,
Власы по раменам пущенны со главы,
Бело-румяну грудь с ланитами лелея,
Прелестных лики нимф возникли из Невы;

Поверх зыбей колеблясь нежно,
Тебе внимали все прилежно,

Хваля твоих стихов прекрасну новизну;
И, в знак своей усердной дани,
С восторгом всплескавши в длани,
Пускаются опять в кристальну глубину.

Чрез почту легкую и до Москвы достигла
Фелицы похвала к восторгу всех сердец;
Всех чтущих честь тебе воздать она подвигла,
Все знающие вкус сплели тебе венец.

Читали все ее стократно,

Но слушают охотно, внятно,

Коль кто еще при них начнет ее читать:

Не могут усладить столь духа,

Насытить так же пленна слуха,

Чтоб вновь забавным в ней игрушкам не внимать.

Так сад, кусточками и тенью древ прелестен,
Стоящий на горе над током чистых вод,
Хотя и будет нам совсем уже известен,
Хотя известен в нем по вкусу каждый плод,
Хотя дорожки все знакомы,
Но, тайным чувством влекомы,

Еще охотно мы гулять в него спешим:
Повсюду взоры обращаем,
Увидеть новости желаем,
Хоть взором много раз всё видели своим.

Наш слух почти оглох от громких лирных тонов,
И полно, кажется, за облаки летать,
Чтоб, равновесия не соблюдя законов,
Летя с высот, и рук и ног не изломать:
Хоть сколь ни будем мы стараться
В своем полете возвышаться,
Фелищны дела явятся выше нас.
Ей простота приятна в слоге,
Так лучше нам, по сей дороге
Идя со скромностью, к ней возносить свой глас.

В союзе с нимфами Парнаса обитая,
По звучной арфе я перстами пребежал,
Киргиз-кайсацкую царевну прославляя,
Хвалы холодные лишь только получал;
Стихи мои там каждый славил,
Мне льстил, себя чрез то забавил;
Теперь в забвении лежать имеют честь.
Признаться, видно, что из моды
Уж вывелись парящи оды.
Ты простотой умел себя средь нас вознесты.

Как прежде, ты пиши еще письмо к соседу;
Ты лакомство его умел представить нам,
Как приглашает он чернь жадную к обеду,
К забавам, к роскоши, разлитой по столам;
Или, любя красы природы,
Воспой кристальные нам воды,
Как некогда воспел ты Гребеневский ключ.
Сей ключ, текущий по долине,
Еще любезен мне доньше;
Я жажду утолял... отрад блистал мне луч.

А ты, что предводишь премудрых в славном лике,
Предстательница муз, трудов их судия,
Гремящей внемлюща сладчайшей их музыке,
Тебе достоин честь и похвала сия,
Что, ревностию ты пылая
И все пути изобретая,

Стараетесь вознестъ природный наш язык.
Он важен, сладок и обилен,
Гремящ, высок, текущ и силен,
И в совершении его твой труд велик.

Тобой приглашены, в прехвальный путь вступили
Любители наук со ревностью в сердцах;
И в «Собеседнике» успехи нам явили:
Мы зрим российский слог прекрасен в их трудах.
Скажу, скажу, не обинуюсь:
Минерве ты сообразуясь,
Свое спокойствие на жертву муз несешь,
Отечества драгого слава—
Твоя утеха и забава,
В завидном для мужей ты подвиге течешь.

Фелицы именем любезным, драгоценным,
Фелицы похвалой и славой мудрых дел
Начаток сих трудов явился украшенным
И в радость и в восторг читателей привел.
Благословенно то начало,
Ее где имя воссияло,
И увенчается успехами конец;
Тому, кто так Фелицу славил
И новый вкус стихам восставил,
И честь, и похвала от искренних сердец.

ПРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА ІВ

О славе Творческой нам небеса вещают,
И дело рук его эфирна твердь явит;
День дни и ночи ночь свой голос пресылают,
Премена стройна их Отца веков гласит;
И нет словес, и нет языка,
Где б гласы их, что есть Владыка,
Не возвышались во слышание всем;
В пределы света отдаленны,
Звучат их струны напряженны,
Несется их глагол по всем земли концем.

Он солнцу сень воздвиг во областях эфира;
Оно, как млад жених, весельем полня грудь,
Оставя свой чертог, грядет пред взоры мира,
Ликует, как готов подвижник славы в путь.

Востока край его изводит,
И запад с кротостью исходит
Ему во сретенье грядущу с высоты.
Ему, торжественно текущу,
Везде веселый блеск лиющу,
Что может от его сокрыться теплоты?

В законе Господа пороку быть не можно;
Он новую душе собою жизнь дарит.
Вещание Творца и верно и неложно;
Оно и отроков премудрыми творит.
Веления Господни — сладость;
Они — желанна мыслям радость,
И заповедь его — очам душевным свет.
Господень страх пребудет вечно;
Он чист, зеркало он сердечню;
Неправоты и лжи в судьбах Господних нет.

И злата, и всего, что в свете драгоценно,
Оне любезнее изяществом доброт
И вожденнее их сладость несравненно,
Чем сладость, кою нам лиет и мед и сот.
И я, твой раб, в них поучаюсь,
Благой надеждою питаюсь,
Что в исполненьи их мне мзда твоих даров.
Но кто избегнет преткновений?
Кто чист от всех грехопадений?
Мне, Боже! не вмени неведенья грехов;

И равно волею содеяны моею
Мне беззакония прости и пощади;
Да раб не буду им, но да собой владею,
Ты помощью меня, о Боже! утверди:
Тогда невинен и свободен,
Во всем тебе благоугоден,
Обрящу истинно достоинство души.
Спаситель мой, Творец, Владыка!
Вещанья уст моих, языка
И сердца помыслы ты благостью внуши!

ПУТЬ ЖИЗНИ

Сей жизни наша довольно долог путь;
На нем четырежды нам должно отдохнуть:
Хоть всюду черные там кипарисы зрятя,
Но странники на нем и в день и ночь теснятся.

Покорствуя во всем велениям судьбы,
Не внемля голосу слезящая мольбы,
Избранный смертию возница грубый—время
Влечет по оному несчастно смертных племя.

Родился человек, увидел только свет,
Уже собратиям течет не медля вслед.
Храня обычаи средь малых попечений,
Он должен завтракать в дому предрассуждений.

В полдневный час любовь с улыбкой при пути
Не медлит звать его обедать к ней зайти.
Хозяйка ласкова! коль милы разговоры!
Но средства нет ему расстаться с ней без ссоры.

День к вечеру... и он, чтоб скуки избежать
И мысли мрачные беседой разогнать,
Чтоб лестных для себя исполниться мечтаний,
Он скачет наскоро в гостиницу познаний.

Там видит тысячи противников себе;
Они, все вдруг крича в словесной с ним борьбе,
Угрюмы, пасмурны, хотят с ним вечно драться,
Чтоб лавровый листок не мог ему достаться.

Жалея праведно о глухых сих столпах
И о потерянных для распри той часах,
Он покидает их и вдаль в свой путь стремится,
И в доме дружества он ужинать садится.

Беседу мирную в сем месте полюбя,
Он только что начнет развеселять себя,
Жестокий вдруг к нему возница приступает,
Велит оставить всё, в дорогу понуждает.

Свершилось всё, и он, досадуя, смущен,
Под тягостию бедств умучен и согбен,
Приходит—видит одр себе успокоенья,
Друзья! то смертный гроб—конец его мученья.

СТИХИ
НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ Д. И. Х.

Любимец чистых муз, друг верный Аполлона,
Тебе согласие приятно лирна тона;
Парнас тебе знаком, Кастальски воды пьешь
И славу русского Тюренна ты поешь:
Прочти мои стихи, усердием рожденны!
В сей день, в сей день для нас веселый и бесценный,
Узрел ты в первый раз прекрасный Феба свет
И быть приятелем Парнасу дал обет.
Родители твои веселием взыграли,
И музы на тебя с приятностью взирали;
Любезно было им во грудь твою дышать
И сердце к дружеству с собой образовать:
Оне тебе, оне Расинов дух и лили,
И Андромаху нам тобой оне явили.
Ты ближним счастье, родителям отрада,
Усердные сердца от нас тебе награда.
Возри, как дружество тобой восхищено!
Тобою весело, тобой оно красно.
Желаньем искренним его пылает грудь,
Да счастье всегда тебе стремится в путь!
И та, кем ты пленен, кем сердце столь пылает,
Чтит, любит искренно, нелестно обожает,
Пусть райские всегда утехи зрит с тобой,
Ты ей, она тебе всегда была душой.

СТИХИ К^{xxx}

Дух и сердце полоня,
Иссушила,
Сокрушила
Ты, прекрасная, меня.
Я сказать тебе не смею,
Что давно тобою влею;
От твоих прелестных глаз
И от пламенных зараз
Ум мой страждет,
Сердце жаждет
Утолить огонь в крови;
Вздохом вздох я твой встречаю
И очами изъясняю
Пламень страстных любви;
Хитростью своей руки

Вяжешь хитро кошельки;
Но когда б вязала сетки,
То бы стрелы бросил метки
Сам прелестный Купидон;
И тогда уж не стрелами,
А твоей руки сетями
Уловляя бы смертных он.

К БАБОЧКЕ

Любезна бабочка, не медли, прилетай;
Зовет тебя весна, зовет прекрасный май.
Смотри, уже цветы росую окропились,
Зефиры с ними подружились;
Зефиры нежатся, не будь и ты скромна,
Не будь застенчива, стыдлива,
Непостоянна будь, не будь тверда, верна,—
Так будешь ты всегда счастлива.
Лети и с нежностью гвоздичку поцелуй,
Оставь ее и торжествуй
Над целомудрием и розы и лилеи.
От них пустишь к фиалке в путь,
И незабудочки обнять не забудь,
И так любезные затеи
Всегда переменяй,
В приятных жизнь свою изменах провождай
И знай:
Такие точно бы советы
Я сам себе давал,
Когда бы не видал
Прелестной я Лизеты.

КЛЯТВА

На листочке алой розы
Я старалась начертить
Милу другу в знак угрозы,
Что не буду ввек любить,
Чем бы он меня ни льстил,
Что б<ы> мне ни говорил.
Чуть окончить я успела,
Вдруг повеял ветерок—
Он унес с собой листок,
С ним и клятва улетела.

Николай Петрович Николев

ОДА 7

ИЗ ПСАЛМА 7

ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ, НА ТЯ УПОВАХ...

Господи Боже, мое упованье!
Дай мне защиту от лютых врагов,
Да не похитят в жестоком алканье,
Да не пожруся злой челюстью львов.

Чем привлекаю злодеев я к мести?
Боже! твою ли забыла я боязнь?
Враг ли я правде, противник ли чести?
Буде все тако... готови мне казнь!

Да предаюся я вражеской злобе,
Да поженется душа от врагов;
Пусть я узрюся от оных во гробе,
Пусть повергаюсь в их пагубный ров.

В персть обратится память и слава.
Боже! восстани!—взываю, стена,—
Не преклоняйся, воззри на неправу,
Взглянь гневно к злому гонящу меня.

Сколько ни хочет пожрать меня жадно,
Ты мне спаситель от зева его;
Ты упованье для сердца отрадно,
Сильная помощь от зла моего.

Ты испытуешь сердца и утробы,
Видишь, мой Боже, кто прав и неправ;
Не потерпи же намереню злобы,
Замыслы оной и козни поправ.

Помощь мне в Боге, спасающем правых;
Бог правосуден, в суде терпелив,
Но на упорных, на гордых, лукавых
Он, яко грозный судья, справедлив.

Аще вы сердца исправить не тщитесь,
Скоро подымет оружие Бог;
Лук свой напряжет... вы истребитесь,
Огненны стрелы кто сретить возмог?

Мнящий неправду себя повреждает,
Жнет беззаконье посеявши грех;
Ров мне изрыяй в него ниспадает,
Собственным бедством вершит злой успех.

Боль на его же главу обратится,
Как и неправда ему же в напасть;
Враг мой во злобе как тлен сокрушится,
Дух мой предастся Всевышню во власть.

Господи! правду твою исповедав,
Сердце в служенье тебе приношу;
Силы твои и щедроты я ведав,
Дух мой в моленье к тебе возношу.

ПИСЬМО К ФЕДОРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ КАРИНУ НА КОНЧИНУ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА СУМАРОКОВА

Скрешись, Карин!.. Ах, нет! пролей потоки слезны;
Для благодарных душ они *теперь* любезны.
Стени со мной, стени! нас долг к тому влечет;
Лишились мы, увы!.. кого, кого уж нет?
Карин!.. наставника и друга мы лишены,
Дражайши дни того навеки пресечены,
Который нам прямой к Парнасу путь открыл,
Прославился и нас ко славе поощрил;
Кто, дарования с искусством съединяя,
Магнитом был сердец, к себе их привлекая.
Ах! можно ль, чтобы кто по нем не восстал,
Когда он чувства в бесчувственных рождат?
Какая фурия сыскалась бы меж нами,
Которая б теперь не облилась слезами?
И зависть, ждавшая его кончины злясь,
Неволью пролиет ток слезный устыдясь,
Неволью долг отдаст гонителю пороков.
Но, ах!.. уже ты мертв, бессмертный Сумароков!
Неизбежимой ты сокрыт от нас судьбой;
Ах! дара своего не скрой навек с собой!

Да возродится он!.. О смерть! о люто время!
Какое чувствам вы наложили бремя!
Любовь, обязанность... увы! все стонет в нас,
Во иступлении и Музы и Парнас!
Вторично потеряв Корнелия, Фонтена,
Рыдает Талия и рвется Мельпомена,
Неся во грудь свою кинжал, его любя...
Карин! мой страждет дух; Карин!.. я вне себя.
Ужасно зрелище уму вообразилось,
Стенание твое с моим соединилось;
И сердце оно не может уж снести...
Дрожит рука... падет перо... нет сил!.. прости.

<К ПРИЯТЕЛЮ>

Держись меня, слепого друга,
Я слеп любовью, а честностию зряч,
На мир не угодишь: мир вспылчив и горяч,
И часто истине бывает он палач:
С ним все беда и все прослуга,
Мирская голова упруга,
Ее не сломишь молотком;
Хоть сильная рука Вулкана
Сего ударит истукана,
Он не посетует о том.
На что же попусту трудиться,
Когда не может мир переродиться,
Когда в миру с ним жить нельзя?
Когда в нем Боргии, как Титы,
Богатством, титулами покрыты,
То мир не наша, знать, стезя;
Броди по нем, спесива глупость,
Таскайся, праздность, зависть, скупость;
Чтоб уберечь спокойны дни,
Средь мира будем мы одни.

ЭПИТАФИЯ К ЖИВОМУ

В сем доме погребен под страстию своей
Живущий для нее, умерший для друзей.

ПЕСНЯ

Вечерком румяну зорю
Шла я с грусти посмотреть,
А пришла все к прежню горю,
Что велит мне умереть.

Горе к речке заманило,
Села я на бережок;
Сердце пуще приуныло,
Мутен чистый стал поток.

Я, вздохнувши, тут сказала:
«Лейся, речка, как слеза!»
А сказавши, показала
Полны слез мои глаза.

Струйки чисты зашумели,
Будто сжалась надо мной;
Но утешить не умели,
И осталась я с тоской!

О души моей веселье,
Для кого мне жизнь мила!
Я последне ожерелье
За тебя бы отдала.

А когда б была богатой
И большою госпожой,
Все алмазы были б платой
За свидание с тобой.

Как сокровищи я света
Берегу к тебе любовь;
Ею лишь во мне нагрета
Будто пламенем вся кровь.

Горячее солнца знойна
Сердце к милому горит,
А душа лишь тем покойна,
Что в себе его хранит.

Вас, струйки мои любезны,
Вас прошу в тоске моей!..
Донесите капли слезны
Вы до милого скорей.

Донесите!.. Пусть узнает,
Сколько рвуся я по нем...
Сколько сердце унывает
О сокровище своем!..

Так скажите: «Но с тоскою
Хоть и много видишь слез,
А не все, не все с собою
До тебя поток донес.

Их еще осталось море
Без тебя ей проливать;
А в отраду... в лютом горе,
Дорогого призывать».

Но напрасно в вас, потоки,
Погружаю голос мой;
Вам пути хотя широки,
Стон останется со мной!

Сколько чистых струй ни вьете
Быстрым бегом в берегах,
Слез моих не унесете—
Всё они в моих очах!

ПЕСНЯ

Полно, сизенький, кружиться,
Голубочек, надо мной!
Лучше вдаль тебе пуститься,
Вдаль... туда, где милый мой.

Полети к нему скорее,
Долети к душе моей;
Проворкуй ему жалчее,
Что не вижу ясных дней.

Как листок от ветра бьется,
Бьется сердце так мое,
К другу движется... несется
Горе с ним забыть свое...

Ах! не туча развилася,
Льет не сильный дождь, гроза—
То по друге пролилася
Горькая моя слеза!

Всё я голосом унылым,
Всё, что встречу, то прошу:
Дай увидеться мне с милым!
Для него лишь я дышу.

Для него не умираю,
Горем мучаясь моим;
Не на муки язираю—
На мое свиданье с ним.

Не тяжелы вздохи число,
Их не можно перечесть,
Я о том... о том лишь мыслю,
Чтоб к нему себя донесть.

Он всё то, что в свете мило...
Мило сердцу моему!
Нет его—и всё постыло,
И не рада ничему!

Без того, по ком рыдаю
И кого прошу у всех,
Не найду и не желаю
Ни сокровищ, ни утех.

Чтобы с милым повидаться,
Бурно море препльву;
Чтобы с милым не расстаться,
Смерть я жизнью назову.

Ах, лети и всё до слова,
Голубок, ему скажи;
Возврати мне дорогого,
Душу в теле удержи!

Умереть его дождуся,
Силы все на то сберу;
На него я нагляжуся
И от радости умру.

ПЕСНЯ

Душеньки часок не видя,
Думал, год уж не видал!
Жизнь мою возненавидя,
«Жизнь, прости навек!» — сказал.

Но лишь встретился с душою,
Снова стала жизнь мила;
С новой, с новой красотой
Вся природа процвела.

Милы стали речки снова
И песчаный бережок,
Где душа для дорогого
Опускает поплавок,

Где бежит на уду рыбка
К милой, к милой красоте,
На устах мне чья улыбка
Краше розы на кусте.

Краше розы... ей дивлюся,
Видя нежну, хорошу!
Ей люблюсь, веселюся,
Цвета запахом дышу.

Но не розу я срываю,
На сердечке мысль не та:
Я целую, лобызаю
Душу милую в уста.

Снега личико белее
И румянее зари;
Очи кари дня светлее,
И алмаза не дари...

В взгляде милой я встречаю
Ясна солнышка лучи;
С нею вечно не скучаю,
С ней денек мне и в ночи.

С нею всё забыто мною,
Окромe ее одной;
С ней мне осенью, зимою
Время кажется весной.

О, лужок, лужок зеленой,
Где я с душенькой сажу!
Не прельщаясь переменой,
На нее одну гляжу.

То, любуясь, называю
Жизни душенькой моей,
То цветочки я срываю
И плету веночек ей.

Я плету... она целует,
Что тружуся для нее;
Так словом меня милует:
«Ты сокровище мое!

Жизни ты моей вся сладость,
Жизнь тобой лишь хороша,
Мысли дума — сердца радость,
Душеньки твоей душа.

Не отдам я дорогого
За богатство всех царей;
Счастья не хочу другого,
Ставши душенькой твоей».

Речью, душенька, такую
Вечно, вечно утешай!
Мною ты, а я тобою
Век в любви найдем наш рай.

К МОЕЙ ЛИРЕ

Рондо

Прости, моя любезна лира,
На коей двадцать лет играл
И никогда не похвалял
Гордыни... подлости кумира.
Как в честь гремели ей трубы,
А в славу били барабаны,
Я пел, я пел: «То всё обманы,
Не славят, трусят то рабы,
Страшатся своего кумира».
Прости, моя любезна лира!

Уж больше не коснись тебе;
Весь мир против меня в алчбе;
Я проклят от порочна мира,
Я правдой нагрубил ему,
А без нее и ты мне, лира,
Не служишь больше ни к чему;
Без правды мне и громки лады
Не могут принести отрады.
Пусть лесь берет венцы себе;
Уж больше не коснись тебе.

Не я твои согласны тоны
В угоду лжи употреблю.
Не я тиранов восхваляю,
Чьи слухи услаждают стоны,
А звук... звук рабственных цепей
Всю гармонию составляет,
Чьи души зло увеселяет...
Ах! нет, не мой герой злодей.
Хвалить заставляю лжи законы
Не я твои священны тоны.

Прельстясь корыстью и тщетой,
Пускай поэты развращенны
Бесчестят лиры, посвященны
От бога истине святой;
Пусть лжец за колесом несется,
Берет и титулы и сребро,—
Всё то не есть мое добро,
Когда всё то за ложь дается;
Будь счастлив тем не я, другой,
Прельстясь корыстью и тщетой.

Коль слава льсти одной награда,
Я славы мира не хочу;
Скорей пойду на муки ада,
Скорей умру, чем злым польщу.
Что в жизни, если нет свободы
Мне ближним правдой послужить,
Когда чудовищей природы
Для счастья должен я хвалить?
Нет! слава не достойна взгляда,
Коль слава льсти одной награда.

Хотя и горестно с тобой
Расстаться мне, любезна лира!
Не петь в защиту бедна, сира,
Которых гордый и скупой
Всёдневно накаплиют в царствах;
Но мир оглох, и средства нет,
Чтоб слышан добрый был совет.
Всё погруженно в злых коварствах!
И расстаюсь, мой милый строй,
(Хотя и горестно) с тобой.

Дух приуча к кроваву току,
Мир хочет песен в честь пороку,
Тщеславию, лютою своей;
Забыли люди в нем людей,
Одни грозят, другие давят,
А трети за то их славят,
Алкая мзды, страшася бед,
Целуют их кровавый след,
Друг другу часть дают жестоку,
Дух приуча к кроваву току.

Как может лира быть слышна,
Колико б ни была стройна,
Служаца истине, не миру?
Хоть громкий глас взнесет к эфиру,
Хоть в небесах раздаст свой строй,
Ее мелодия священна
Там примется за звук пустой,
Где ложь высоко помещенна;
Коль лирой правда почтена,
Как может тамо быть слышна?

Не видя цели благодатной
И обций потерявши путь,
Где люди насаждают грудь,
Служа Фортуне коловратной,
Там чувства отданы серебру,
Там стали склонности страстями;
Там, древесам имев с плодами,
Друг друга режут за кору;
Там страждет знатный и незнатной,
Не видя цели благодатной.

И пение твое прерву,
Навек с тобой прощаюсь, лира!
Неправду зря царицей мира,
Не в сновиденьи, наяву,
Не буду нудить лиры милой,
Чтоб в похвалу венца ея
Звенела бы струна твоя.
Пусть царствует коварной силой;
Я правдой лжи не назову
И пение твое прерву.

На что нам спорить с сильным роком,
Коль человек прельщен пороком?
Коль хочет ложь боготворить,
На что нам правду говорить?
Она проходит слухи мимо,
Она несносна для людей;
Ложь—божество у них любимо,
А правде даже ум—злодей;
Он миру служит лжепророком
На что нам спорить с сильным роком?

Коль гнусна лесь есть средство благ,
Так лучше от меня сокройся.
Ах! нет... будь, будь в моих очах,
Лежи на сердце и покойся!
Быв звуком чувства моего,
Глася, что сердце ощущало,
Внимай биению его!
Живое слово не пропало...
Оно в груди, а не в устах,
Коль гнусна лесь есть средство благ.

Хотя порок замкнул уста,
Гласящие ему в улику,
Хоть зависть, гордость и тщета,
Имея в мире часть велику,
Сковали истине язык,—
Но чувствованье всё свободно!
Мир мальй—бог, бог—мир велик;
Он в сердце... спорить с ним бесплодно.
Пой, лира, коль струна чиста,
Хотя порок замкнул уста.

Гавриил Романович Державин

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
«Доколе,— рек,— доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?»

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков».

Не внемлют!— видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны
И также смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет—и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как заак, сечет.

Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник—снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стертъ:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глокает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать,
И быть себя он вечным чаает;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапно похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и грома не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он?—Он там.—Где там?—Не знаем.
Мы только плачем и зываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мягется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех—и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы—гордость, с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите, счастья, прочь возможны,
Вы все премежны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

БОГ

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превичный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог!

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий,—
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый все единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солдцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возжженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры—
Перед тобой—как ночь пред днем.

Как капля в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров,—и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед тобой—ничто.

Ничто!—Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто!—Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я емь—конечно есть и ты!

Ты есть!—природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть—и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь—я раб—я червь—я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел?—безвестен:
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почитать,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

ФЕЛИЦА

Богopodobная цареvна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокоу гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленья:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненья
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мягась житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пицца самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пицешь пред наломом
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд:
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рожицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где все мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, золотой,
С собакой, шугом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к преме,не,
Имея шапку на бекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
Органом и вольнкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За Библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел,—но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесь живет;
Пашей всех роскошь угнетает.—
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Дея Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревуций,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле,—
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь;
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава—
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад;
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отрекалась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто навсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное лебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быть и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья насадками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков, и царей;
Когда ты просветляешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твоих от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрѣл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных поконит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить.

Которого закон, десница
Дают и милости и суд.—
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют?—
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире?—
Послушай, где ты ни живешь,—
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешмета
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицедренья наслажусь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЕ

Предшественница дня золотого,
Весення утрення заря,
Когда из понта голубого
Ведет к нам звездного царя,
Румяный взор свой ослабляет
На чела гор, на лоно вод,
Багряным золотом покрывает
Поля, леса и неба свод.

Крылаты кони по эфиру
Летят и рассекают мрак,
Любезное светило миру
Пресветлый свой возносит зрак;
Бегут толпами тени черны.
Какое зрелище очам!
Там блещет брег в реке зеленый,
Там светят перлы по лугам.

Там степи, как моря, струятся,
Седым волнуясь ковьялем;

Там тучи журавлей стадаются,
Валторн с высот пуская гром;
Там небо всюду лучезарно
Янтарным пламенем блестит,—
Мое так сердце благодарно
К тебе усердием горит.

К тебе усердием, Фелица,
О кроткий ангел во плоти!
Которой разум и десница
Нам кажут к счастью пути.
Когда тебе в нелицемерном
Угодна слоге простота,
Внемли,—но в чувствии безмерном
Мои безмолвствуют уста.

Когда поверх струистой влаги
Благоприятный дунет ветер,
Попутны вострепещут флаги
И ляжет между водных недр
За кораблем серебро грядою,—
Тогда испустят глас пловцы
И с восхищенною душою
Вселенной полетят в концы.

Когда небесный возгорится
В пиите огонь, он будет петь;
Когда от бремя дел случится
И мне свободный час иметь,—
Я праздности оставляю узы,
Игры, беседы, суеты;
Тогда ко мне придут музы,
И лирой возгласишься ты.

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугуновых из пещер;
Ужасные криле расширяя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул—и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листья
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшиися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет:
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет,
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и доли,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом дома,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;
Под звучным крик его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.

Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помьшляет:
Или умрет, иль победит.

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблестать!
Ты не наемник — сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин вождь, бог покровитель;
Твоя геройска грудь твой щит,
Честь мзда твоя, вселенна зритель,
Потомство плесками гремит.

Мужайтесь, росски Ахиллеса,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стикс не погружались,
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Держайте ваших вслед отцов!
И ты спеши скорей, Голицын!
Принести в твой дом с оливой лавр.

Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На мать нежны взоры вскинешь
И в радости не съешь слов.

Когда обильными речами
Потом восторг свой изъявишь,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь;
Геройские дела расскажешь
Ее ты дяди и отца,
И дух и ум его докажешь
И как к себе он влек сердца.

Спеши, супруг, к супруге верной,
Обрадуй ты, утешь ее;
Она задумчива, печальна,
В простой одежде, и, власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе;
И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.

Она к тебе вседневно пишет:
Твердит то славу, то любовь,
То жалостью, то негой дышит,
То страх ее смущает кровь;
То дяде торжества желает,
То жаждет мужниной любви,
Мягнется, борется, вещает:
«Коль долг велит, ты лавры рви!»

В чертоге вкруг ее безмолвном
Не смеют нимфы пошептать;
В восторге только музы томном
Осмелились сей стих бряцать.
Румяна Осень! радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди, желанна весть!—и лира
Любовь и славу воспоет.

ВОДОПАД

Алмазна съшлется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх бутрами;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит,—и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом дров, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся,

Седая пена по берегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоём жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны пораженны?—
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отгорженны?—
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают?—
Как пыль стеклянна ниспадают.

Волк рыщет вокруг тебя и, страх
В ничто вменяя, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет, согласясь с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падающих рец,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Ее страшит вокруг шум, бурь свист
И хрушкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прыдет;
И подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе Природы,
На углу сне, который свис

С утеса гор на яры воды,
Я вижу, некий муж седой
Склонился на руку главой.

Копье, и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, оббитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая золото-рдяной,
Как вечер во заре румяной,—

Сидит—и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает?—
Он также блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

Не зрим ли всякий день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрып подземной?
Не упадет ли в сей зев
С престола царь и друг царев?

Падут,—и вождь непобедимый,
В Сенате Цезарь средь похвал,
В тот миг, желал как диадимы,
Закрыв лице плащом, упал;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды.

Падут,—и несравненный муж
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы,
Пленивший Велизар царей
В темнице пал, лишен очей.

Падут.—И не мечты прельщали,
Когда меня, в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?
Давно ль?—Но, ах! теперь во брани
Мои не мецут молний длани!

Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила».
Он рек—и тихим позабылся сном.
Морфей покрыл его крылом.

Сошла октябрьска ночь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревуция волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой.

Пустыня, взор насупя свой,
Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих трепетна, бледна
Проглядывала вниз луна.

Глядела, и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога,
Как бы с почтеньем познавала
В нем своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Он спал,—и чудотворный сон
Мечты ему являл геройски:
Казалось ему, что он
Непобедимы водит войски;
Что вокруг его перун молчит,
Его лишь мановенья зрит;

Что огнедъшущи за перстом
Ограды вслед его идут;
Что в поле гладком, вокруг отверстом,

По слову одному растут
Полки его из скрытых станов,
Как холмы в море из туманов;

Что только по траве росистой
Ночные знать его шаги;
Что утром пыль, под твердью чистой,
Уж поздно зрят его враги;
Что остротой своих зениц
Блюдет он их, как ястреб птиц;

Что положи чертеж и меры,
Как волхв невидимый, в шатре,
Тем кажет он в долу химеры,
Тем—в тиграх агнцев на горе,
И вдруг решительным умом
На тысячи бросает гром;

Что орлю дерзость, гордость лунну,
У черных и янтарных волн,
Смирил Колхиду златорунну,
И белого царя урон
Рая вечерня пред границей
Отмстил победами сторицей;

Что, как румяной луч зари,
Страну его покрыла слава;
Чужие вожди и цари,
Своя владычица, держава,
И все везде его почли,
Триумфами превознесли;

Что образ, имя и дела
Цветут его средь разных глянцев;
Что верх сребристого чела
В венце из молненных румянцев
Блится в будущих родах,
Отсвечивая в сердцах;

Что зависть, от его сиянья
Свой бледный потупая взор,
Среди безмолвного стенанья
Ползет и ищет токмо нор,
Куда бы от него сокрыться,
И что никто с ним не сравнится.

Он спит — и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрип дерев дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещих глас вдали животных,
И тихий шорох вокруг бесплотных.

Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны,
Как смертну весть, или войну,
С косой в руках, с трубой стоящу,
И слышит он — проснись! — гласящу.

На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отечества он зрел;
И, быв мечтой сей возбужденным,
Вдохнул и, испустя слез дождь,
Вещал: «Знать, умер некий вождь!»

Блажен, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил:
Благословен средь поздних веков
Да будет друг сей человек!

Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!

О! слава, слава в свете сильных!
Ты точно есть сей водопад.
Он вод стремлением обильных

И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

Дивиться вкруг себя людей
Всегда толпами собирает,
Но если он водой своей
Удобно всех не напоет,
Коль рвет брега, и в быстротах
Его нет выгод смертным — ах!

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады крошить,
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет
И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
«Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой».

О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!» —
Вещал сединой муж венчанный
И, в небеса воззрев, умолк.
Умолк — и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

Но кто там идет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.

Чей групп, как на распутии мгла,
Лежит на темном лоне ноши?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к холодной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр—земля, кров—воздух синь,
Чертоги—вкруг пустынные виды?
Не ты ли, счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незашно пал среди степей?

Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был;
Во храме муз друг Аполлона;
На поле Марса вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ—хотя и не в порфире?

Не ты ль, который взвесить смел
Мощь росса, дух Екатерины
И, опершись на них, хотел
Вознести твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,
Пространны области пустыжны
Во грады, в нивы обратил,
Покрыв понт Черный кораблями,
Потряс средю земли громами?

Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг русской силе,
Стихии самые попрать
В Очакове и в Измаиле,
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?

Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,

Но проложил их сам—и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Се ты, которому врата
Торжественные созидали;
Искусство, разум, красота
Недавно лавр и мирт сплетали;
Забавы, роскошь вкрут цвели,
И счастье с славой следом шли.

Се ты, небесного плод дара
Кому едва я посвятил,
В созвучность громкого Пиндара
Мою настроить лиру мнил,
Воспел победу Измаила,
Воспел,—но смерть тебя скосила!

Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;
Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слезы погрузился,
Где бездны разноцветных звезд
Чертог являли райских мест.

Увы!—и грома онемели,
Ревущие тебя вкрут;
Полки твои осиротели,
Наполнили рыданьем слух;
И все, что близ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в полножны войти чуть мог,
Екатерина возрыдала!
Полсвета потряслось за ней
Незапной смертию твоей!

Оливы свежи и зелены
Принес и бросил Мир из рук;
Родства и дружбы вопли, стоны
И муз ахейских жалкий звук
Вокруг Перикла раздается:
Марон по Меценате рвется,

Который почестей в лучах,
Как некий царь, как бы на троне,
На серебро-розовых конях,
На золотарном фазтоне,
Во сонме всадников блистал
И в смертный черный одр упал!

Где слава? Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век;
Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.

Иль нет! — тяжелый некий шар,
На нежном волоске висающий,
В который бурь, громов удар
И молнии небес ярящи
Отвсюду беспрестанно бьют,
И ах! зефиры легки рвут.

Единый час, одно мгновенье
Удобны царствы поразить,
Одно стихиев дуновенье
Гигантов в прах преобразить;
Их ищут места — и не знают:
В пыли героев попирают!

Героев? — Нет! Но их дела
Из мрака и веков блистают;
Нетленна память, похвала
И из развалин вылетают,
Как холмы, гробы их цветут;
Напишется Потемкин труд.

Театр его — был край Эвксина,
Сердца обязанные — храм;
Рука с венцом — Екатерина;
Гремяща слава — фамиям;
Жизнь — жертвенник торжеств и крови,
Гробница ужаса, любви.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной ночью,
Дуная мрачная волна

Сверкает кровью, и сквозь рощи
Вкруг Измаила ветр шумит,
И слышен стон,— что турок мнит?

Дрожит— и во очах сокрытых
Еще ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат.
Мечтаются ему их тени
И росс в крови их по колени!

Дрожит— и обращает взгляд
Он робко на окрестны виды;
Столпы на небесах горят
По суше, по морям Тавриды!
И мнит, в Очакове что вновь
Течет его и мерзнет кровь.

Но в ясный день, средь светлой влаги,
Как ходят рыбы в небесах
И выются полосаты флаги,
Наш флот на вздутых парусах
Вдали белеет на лиманах,—
Какое чувство в россиянах?

Восторг, восторг они,— а страх
И ужас турки ощущают;
Им мох и терны во очах,
Нам лавр и розы расцветают
На мавзолеях у вождей,
Властителей земель, морей.

Под дровом, при заре вечерней,
Задумчиво Любовь сидит,
От цитры ветерок весенний
Ее повсюду голос мчит;
Перлова грудь ее вздыхает,
Геройский образ оживляет.

Поутру солнечным лучом
Как монумент золотой зажжется,
Лежат объяты серны сном
И пар вокруг холмов виется,
Пришедши, старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»

Алцибиадов прах!—И смеет
Червь ползать вкрут его главы?
Взять шлем Ахиллов не робеет,
Нашедши в поле, Фирс?—Увы!
И плоть, и труд копь истлевают,
Что ж нашу славу составляет?

Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир;
Лишь праведника свят кумир.

Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастье доставить свету.

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух, и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи!—и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разжженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща,
О Суна! копь с высот блистать
Ты можешь—и, от зарь горяща,
Кишишь и сеешь дождем
Сапфирным, пурпурным огнем,—

То тихое твое течение—
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремление
И в глубине твоей ясна,

Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,

И без примеса чуждых вод
Поя златые в нивах бреги,
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги—
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое в очах невежд
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинства я чтить,
Которые собою сами
Умели титулы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастье не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает,—
Се образ ложных молвы,
Се глыба грязи позащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны,—
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,

Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осьпь его звездами:
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастья рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских сопостатов,—
Всяк думает, что я Чупятов
В мароккских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный,—
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь—коль мой сияет дух;
Владелец—коль страстьми владею;
Болярин—коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,

Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, второй Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Музия, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносят дани,
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный,
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на все взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных, —
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленых;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащая Цирцея
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней спокойно спишь, — а там?

А там израненный герой,
Как лушь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой, —
В переднюю к тебе пришедший

Принять по службе твой приказ,—
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там—вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его зная прежде друга,
Пришла мольбу свою принести.

А там—на лестничный восход
Приблел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти,—
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,—
Займодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит!—Ты спишь,
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть—слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!»
Злодей, увы!—И грянул гром.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строго

Наследным перлом жен, детей,
В единопущии — блаженство,
Во правосудии — равенство,
Свободу — во узде страстей!

Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает, —
Повелевает же сама.

Сим твердым узлом естества
Коль царство лишь живет счастливым, —
Вельможи! славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться;
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О русский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? —
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камилла,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, маслиной венчанный!

Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносишь орел.

Пари—и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще заря.
Прости твой поздний блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

КЛЮЧ

Седяц, увенчан осокою,
В тени развесистых древес,
На урну облегшись рукою,
Являющий лице небес
Прекрасный вижу я источник.

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Лука пояций, доли злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!

Ты чист—и восхищаешь взоры,
Ты быстр—и утешаешь слух;
Как серна скачуца на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.

Когда в дуги твои серебристы
Глядится красная заря,
Какие пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

Гора в день стадом покровенну
Себя в тебе, любуясь, зрит;
В твоих водах изображенну
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

Багряным брег твой становится,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
Вдали начнет синеться лес,
Туманов море разольется.

О! коль ночью темнотою
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И рощи дремают в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!

Сгорая стихотворства страстью,
К тебе я прихожу, ручей:
Завидую пиита счастью,
Вкусившего воды твоей,
Парнасским лавром увенчанна.

Напой меня, напой тобою,
Да воспую подобно я,
И с чистою твоей струею
Сравнится в песнях мысль моя,
А лирный глас—с твоим стремленьем.

Да честь твоя пройдет все грады,
Как эхо с гор сквозь лес дремуч:
Творца бессмертной Россиады,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.

К ПЕРВОМУ СОСЕДУ

Кого роскошными пирами
На влажных Невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских, златошвейных,
Из глин китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?

Гремит музыка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувства и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,—
И азиатско с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.

В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С младой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в веселье утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.

Ты спишь,—и сон тебе мечтает,
Что век благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вкруг тебя цветы,
Что парка дней твоих не косит,
Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра
И дождь златый к тебе лиется.—
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

Блажен! кто может веселиться
Бесперерывно в жизни сей;
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей:
Там бурны дышат непогоды,
Горам подобно гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли—
Но вихрем пораженны пали,
Теперь корнями вверх лежат.

Непостоянство доля смертных,
В временах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных.
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.

Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя
И ветер благоприятный веять
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы золотые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

КАПНИСТУ

Спокойства просит от небес
Застигнутый в Каспийском море,
Коль скоро ни луны, ни звезд
За тучами не зрит, и вскоре
Ждет корабельщик бед от бурь.
Спокойства просит перс пугливый,
Турк гордый, росс властолюбивый
И в ризе шелковой манжур.

Покою, мой Капнист! покою,
Которого нельзя купить
Казной серебряной, златою
И багрянцей заменить.
Сокровищами всея вселенной
Не может от души смятенной
И самый царь отгнать забот,
Толпящихся вокруг ворот.

Счастливы тот, у кого на стол,
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительские хлеб и соль
Поставлены, и сон приятный

Когда не отнят у кого
Ни страхом, ни стяжаньем подлым:
Кто малым может быть довольным,
Богаче Креза самого.

Так для чего ж в толь краткой жизни
Метаться нам туды, сюды,
В другие земли из отчизны
Скакать от скук или беды
И чуждым солнцем согреваться?
От пепелища удаляться,
От родины своей кто мнит,
Тот самого себя бежит.

Заботы наши и беды
Везде последуют за нами,
На кораблях чрез волны, льды
И конницы за тороками;
Быстрей оленей и погод,
Стадами облаки жenuщих,
Летят они и всюду суццих
Терзают человеков род.

О! будь судьбе твоей послушным,
Престань о будущем вздыхать;
Веселым нравом, равнодушным
Умей и горесть улаждать.
Довольным быть, неприхотливым —
Сие то есть, что быть счастливым;
А совершенных благ в сей век
Вкушать не может человек.

Век Задунайского увял,
Достойный в памяти остаться!
Рымникского печален стал;
Сей муж, рожденный прославляться,
Проводит ныне мрачны дни,—
Чего ж не приключится с нами?
Что мне предписано судьбами,
Тебе откажут в том они.

Когда в Обуховке стремятся
Твоей стада, блея, на лут,
С зеленого холма глядятся
В текущий стеклянный Псел вокруг;

Когда волы и кобылицы,
Четвероместной колесницы
Твоей краса и честь плугов,
Блестят, и сад твой—тьмой плодов;

Когда тебя в темно-зелену,
Подругу в пурпурову шаль
Твою я вижу облеченну,
И прочь бежит от вас печаль;
Как вокруг вас радости и смехи,
Невинны сельские утехи,
И хоры дев поют весну,—
То скука вас не шлет ко сну.

А мне Петрополь населять
Когда велит судьба с Миленой,
К отраде дом дала и сад
Сей жизни скучной, развлеченной,
И некую поэта тень,
Да правду возглашу святую.
Умей презреть и ты златую,
Злословну, площадную чернь.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая;
Хозяйка статная, молодая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давный,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди, и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и серебра,
Мой посети; его богатство—
Приятный только вкус, опрятство

И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравью приправ.

Не чин, не случай и не знатность —
На русский мой простой обед
Я звал одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю
И знаю то, что век наш тень;
Что, лишь младенчество проводим —
Уже ко старости приходим,
И смерть к нам смотрит чрез забор;
Увы! — то как не умудриться
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слышал, слышал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней,
И приголубливает счастье,
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,

Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя золотые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откушать,—
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха,
Но в здравьи и спокойстве духа,—
Умеренность есть лучший пир.

ГОСТИЮ

Сядь, милый гость! здесь на пуховом
Диване мягком отдохни;
В сем тонком пологу перловом
И в зеркалах вокруг, усни;
Вздремли, после стола немножко
Приятно часик похрапеть:
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь.

Случится, что из снов прелестных
Приснится здесь тебе какой;
Хоть клад из облаков небесных
Златой посылается рекой,
Хоть девушки мои домашни
Рукой тебе махнут,—я рад:
Любовные приятны шашни,
А поцелуй в сей жизни—клад.

ЛАСТОЧКА

О домовитая Ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,

Крыльшками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе, простряся, плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы,—
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар, позлащенну,
В чешуйчатом флот там серебре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм;
Но видишь и бури ты черны,
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна,—
Но только лишь придет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостя ты мира:
Не ты ли перната сия?—
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я,—
Восстану,—и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

К САМОМУ СЕБЕ

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работают,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде черт,—
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть, и пить, и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подьячим,
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой музой порезваюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Блажен! кто, удалясь от дел,
Подобно смертным первородным,
Орет отеческий удел
Не откупным трудом—свободным,
На собственных своих волах;

Кого ужасный глас, от сна
На брань, трубы не возбуждает,
Морская не страшит волна,
В суд ябеда не призывает;
И господам не бьет челом,

Но садит он в саду своем
Кусты и овощи цветущи;
Иль диких древ, кривым ножом
Обрезав пни, и плод дающи
Череня прививает к ним.

Иль зрит вдали ходящий скот,
Рыгачий в вьющихся долинах;
Иль перечищенную льет
И прячет патоку в кувшинах,
Или стрижет своих овец.

Но осень как главу в полях,
Гордась, с плодами возвышает—
Как рад, что рвет их на ветвях,
Привитых им,—и посвящает
Дар богу, пурпура красней.

На бреге ли в траве густой,
Под дуб ли древний он ложится,—
В лесу гам птиц, с скалы крутой,
Журча, к нему ручей стремится,
И все наводит сладкий сон.

Когда ж гремящий в тучах бог
Покроет землю всю снегами,
Зверей он ищет след и лог;
Там зайца гонит, травит псами,
Здесь ловит волка в тенета.

Иль тонкие в гумнах силки
На куропаток расставляет,
На рябчиков в кустах пружки,—
О, коль приятно получает
Награду за свои труды!

Но будет ли любовь притом
Со прелестьми ее забыта,
Когда прекрасная лицом
Хозяйка мила, домовита,
Печется о его детях?

Как ею—русских честных жен
По древнему обыкновенью—
Весь быт хозяйский снаряжен:
Дом тепл, чист, светл и к возвращенью
С охоты мужа стол накрыт.

Бутылка доброго вина,
Впрок пива русского варена,
С гренками коновка полна,
Из коей клубом лезет пена,
И стол обеденный готов.

Горшок горячих, добрых щей,
Копченый окорок под дымом;
Обсаженный семьей моей,
Средь коей сам я господином,
И тут-то вкусен мне обед!

А как жаркой еще баран
Младой, к Петрову дню блюденный,
Капусты сочные кочан,
Пирог, груздями начиненный,
И несколько молочных блюд,—

Тогда-то устрицы го-гу,
Всех мушелей заморских грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чем окормляют нас французы,
И уж ничто не вкусно мне.

Меж тем приятно из окна
Зреть карду с тучными волами:
Кобыл, коров, овец полна,
Двор резвыми кишит рабами—
Как весел таковой обед!

Так откупщик вчерась судил,
Сбираясь быть поселянином,—
Но правежом долги лишь сбрил,
Остался паки мецданином,
А ныне деньги отдал в рост.

ЛЕТО

Знойное лето весна увенчала
Розовым, алым по кудрям венцом;
Липова роцца, как жар, возблистала
Вкруг меда листом.

Желтые грозды, сквозь лист продираясь,
Запахом, рдянцем нимф сельских манят;
Травы и нивы, косою озаряясь,
Как волны шумят.

Стекляные реки лучом полудневым,
Жидкому злату подобно, текут;
Кравы и овцы с млеком накопленным
Под кущи бегут.

Сизые враны, орлы быстропарны,
Крылья спустивши, под хвостом сидят;
Тучная роскошь в тени сок прохладный
Пьет, ищет отрад.

Видишь ли, Дмитрев! всего изобилье,
Самое благо быть может нам злом;
Счастье и нега разума крылья
Сплошь дают ярмом.

В доме жив летом, в раю ты небесном,
В славном поместье съзранском с отцом,
Мышляю, ленишься петь в хоре прелестном,
Цвествь муз под венцом.

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

Возьми, египтянка, гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполняя сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Вакханок древних оживи.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Как ночь — с ланит сверкай зарями,
Как вихорь — прах плащом сметай,
Как птица — подлетай крылами,
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледных луны,
Топоча по доскам гробовым,
Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Да вопль твой, звоа! ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Льет повсюду гулы страшны,
А сластолюбиво — любовь.

Жги души, огонь бросай в сердца
От смутлого лица.

Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Как русска дева, пропляши.

Жги души, огонь бросай в сердца
И в нежного певца.

ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в остатке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утренюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходящее,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как выют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамках по стенам золотых блистают лица.
Для воспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в «Вестнике», в газетах иль журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны образцы салфеток, скатертей,
Ковров, и кружев, и вязани.

Где с скотен, пчельников и с птичников, прудов
То в масле, то в сотах зрю золото под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами.

В которой, обзрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с поливкой калач,
А тем лекарствица, в подспорье.

Где также иногда по палкам, по костям
Усатый староста иль скопидом брюхатый
Дают отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине.

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилице я муз
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К дарям, к друзьям моим, иль к небу возношусь,
Иль славаю сельску жизнь на лире;

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе и драки человек.

«Всё суета сует!—я, вздыхая, мню;
Но, бросив взор на блеск светила полудневна:—
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бремению?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля».

Дворовых, между тем, крестьянских рой детей
Сбирается ко мне не для какой науки,
А взять по нескольку баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать,—хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол—и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь—икра, и с голубым пером
Там щука пестрая—прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно все и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здравый.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И лица, воронка и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин,—
Беседа за сладкими шутива.

Но молча вдруг встаем: бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвечных бревен:
За здравье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; скрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемаю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадьб; на свитках грады, царства,
Моря, леса,—лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре люблюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут, горя
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа машину, древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча огонь, толчет и мелет.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Мариной рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царницы;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы,—говорят,—помрем,
Чем у французов быть в подданстве».

Иль в лодке вдоль реки по берегу пещ, верхом
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свиндом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бутрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив,—и, ароматов полн,
Порхает ветер меж нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По кошнам, по снопам, коврам желто-зеленым
И сходит солнышко на нижнюю ступень
К холмам и роцам сине-темным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень:
На бреге Волхова разводим огонь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетями как рыбаки,
Ленивым строим плав, страшат тварь влаги стужом;
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие отлогие берега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музыка духова.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутри дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детям
Блистать: музыкой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет,—
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны тоны
Бегут,—и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гусях под вечер, челом моих седин
Склоняясь, ношусь в мечтах умильных,—

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетащи суть все времени мечтаньи:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум
И всех зефиров повеваньи.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела?—Сокрылось солнце,—тень!..
Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мецет днесь и он перуны.

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет
И днешних и грядущих веков.

Грудь россов утвердил, как стену, он в оппор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-Лау;
Младых вождей расцвел победами там взор
И скрыл орла седого славу.

Так самых светлых звезд блеск меркнет от нощей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спашнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не вспомнянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дул огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный,
Который тощих недр и сводов внутри своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный,

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и сбруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим,
В лесах трясясь, звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым твоим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вокруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны;

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на понижение счастья,
Единой правдою меня в умах людей
 Через Клии воскресишь согласи.

Так, в мраке вечности она своей грубой
Удобна лишь явить то место, где отзвывы
От лиры моя шумящею рекой
 Неслись чрез холмы, доли, нивы.

Ты слышал их,—и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ севера столицы,
Шепнешь вслух страннику, вдали как тихий гром:
 «Здесь Бога жил певец,—Фелиць».

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тиисский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груды нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколией взгляд,
Их усмешка—души лвыны
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

ПАРАШЕ

Белокурая Параша,
Сребро-розова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом!

Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Параша ударяет
В струны, утешая нас.

Встань, пойдем на луг широкой,
Мягкий, скатистый, к прудам;
Там под сенью древ далекой
Сядем, взглянем по струям:

Как, скользя по ним, сверкает
Луч от царских теремов,
Звезды, солнца рассыпает
По теньям между кустов.

Как за серебряной плотицей
Линь золотой по дну бежит;
За прекрасною девицей,
За тобой, Амур летит.

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В службе и в зное меч закалая,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов
С горстью россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом;
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом;
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами!—что воевать?

К ЛИРЕ

Петь Румянцова собирался,
Петь Суворова хотел;
Гром от лиры раздавался,
И со струн огонь летел.
Но завистливой судьбою
Задунайский кончил век;
А Рымникский скрылся тьмою,
Как неславный человек.
Что ж? Приятна ли им будет,
Лира! днесь твоя хвала!
Мир без нас не позабудет
Их бессмертные дела.
Так не надо звучных строев,
Переладим струны вновь;
Петь откажемся героев,
А начнем мы петь любовь.

ВЕНЕЦ БЕССМЕРТИЯ

Беседовал с Анакреоном
В приятном я недавно сне,
Под жарким, светлым небосклоном,
В тени он пальм явился мне.

Хариты вкруг его, эроты,
С братиною златою Вахх,
Вафиль прекрасный—в рощи, гроты
Ходили в розовых венках.

Он дев плясаньем забавлялся,
Тряхнув подчас сам сединой,
На белы груди любовался,
На взор метал их пламень свой.

Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхал;
Огнистыми склонясь устами,
Из кубка мед златый вкушал.

Иль, сидя с юным другом, нежным,
Потрепывал его рукой,
А взором вкруг себя прилежным
Искал красавицы какой.

Цари к себе его просили
Поесть, попить и погостить,
Таланты злата подносили,
Хотели с ним друзьями быть.

Но он покой, любовь, свободу
Чинам, богатству предпочел;
Средь игр, веселий, короводу
С красавицами век провел.

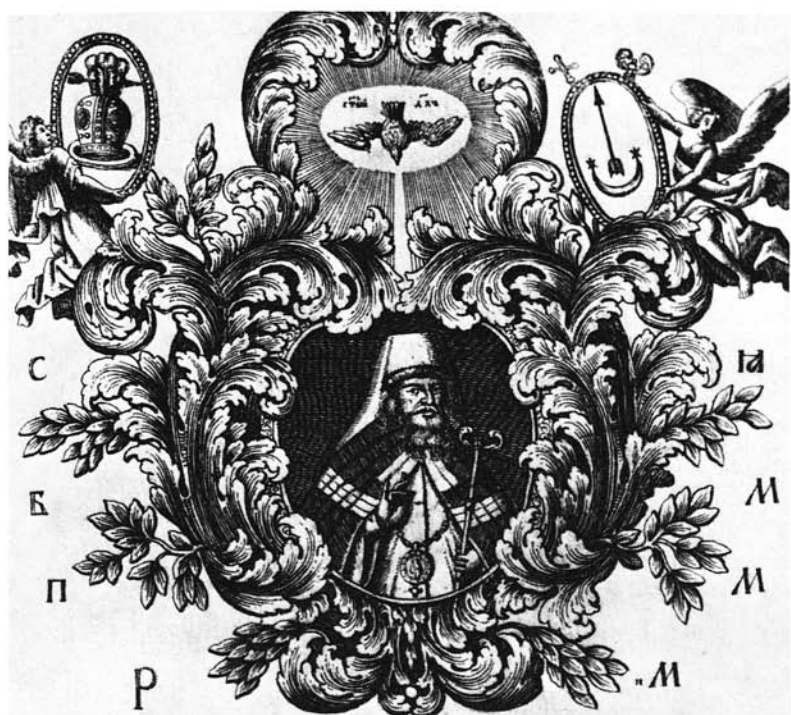
Беседовал, резвился с ними,
Шутил, пел песни и вздыхал,
И шутками себе такими
Венец бессмертия снискал.

Посмейтесь, красоты российски,
Что я в мороз, у камелька,
Так вами, как певец Тиисский,
Дерзнул себе искать венка.

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так!—весь я не умру; но часть меня большая,
От глена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

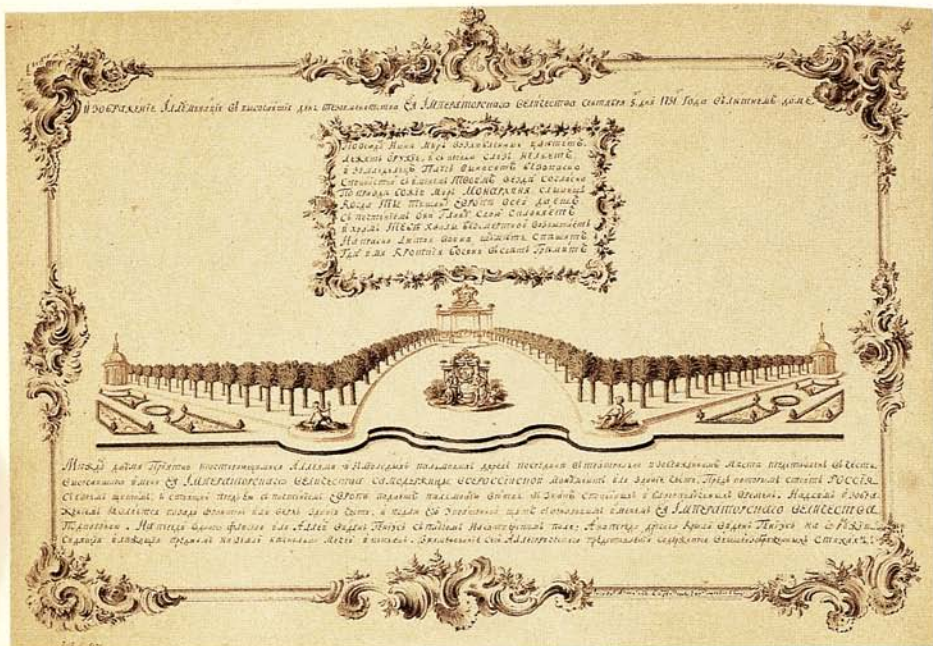

СТО́ЛПЪ ЦРКВЕ ВОСТОЧНАЯ . ИСТИННЫ РЪЗНИТЕЛЬ .
 ВЪ РУССІИ ПАТРІАРША ПРЕСТОЛА ВЛЮСТИТЕЛЬ
 СТЕФАНЪ ЯВО́РСКІЙ ІМЕНА МЪЖЪ ДѢЛОМЪ ИСЛОВОМЪ
 ПАСТЫРЕМЪ ДѢВЕРЫМЪ ОБРАЗА . ЧЕСТЬ . И ЕГОСЛОВІЕМЪ .
 СТѢНЫ ЛИЦА ЕГО ПЛОТИ . МОЖЕШИ ЗДѢ ЗРИТИ .
 ДУМА НЕВОЗМОЖЕ ХИТРОСТЬ ИЗЪЯЗНИ
 СМЕРТЕ НЕИСУЩАНУ ТЫ НАСА ОУЖЪИЛА
 ВГДА СЕГО ПРЪДИЕНА МЪЖА ОУМЕРТВИЛА .

Григорова грав. Зубовъ

И. Ф. Зубов

Портрет Стефана Яворского
 1729. ГРМ

И. Шпекле

Иллюминация

5 сентября 1751 г. в Петербурге. (Стихи М. В. Ломоносова). ГЭ

Неизвестный гравер

Фейерверк 1 января 1736 г. в Петербурге
ГМИИ

А. Матвеев

Автопортрет с женой
1729? ГРМ

В. С. Суходольский

Музыка
1754. ГРМ

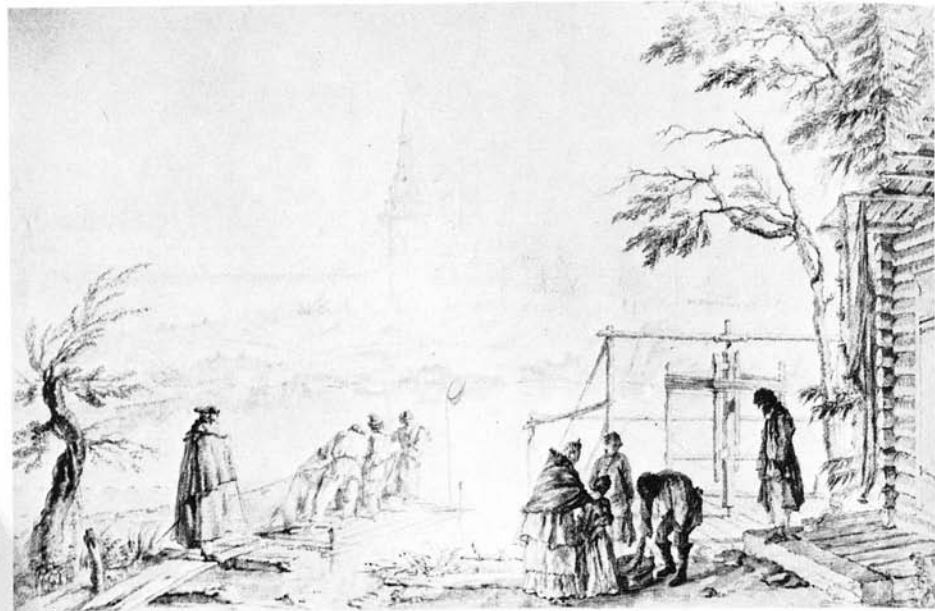
Г. И. Скородумов

Триумф Амура
1778. ГРМ

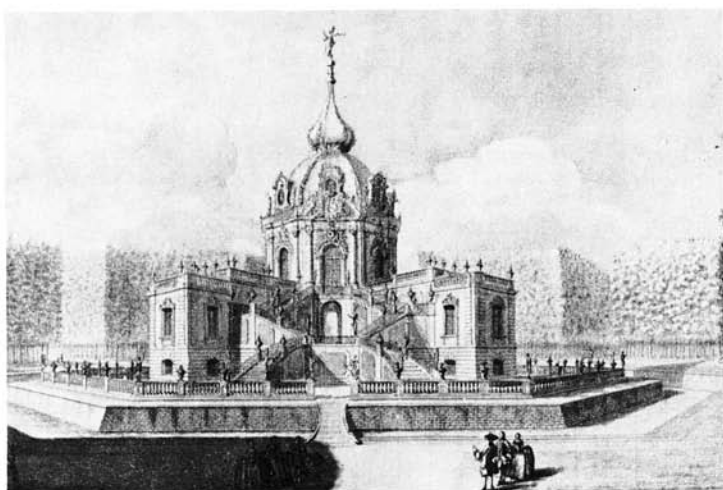
Д. Г. Левицкий

Фелица
1763. ГРМ

И. Девильи, М. И. Махаев

Вид Кремля из-за Замоскворечья
1760-е годы. ГЭ

М. И. Махаев

Охотничий павильон в Царском Селе
1754—1755. ГРМ

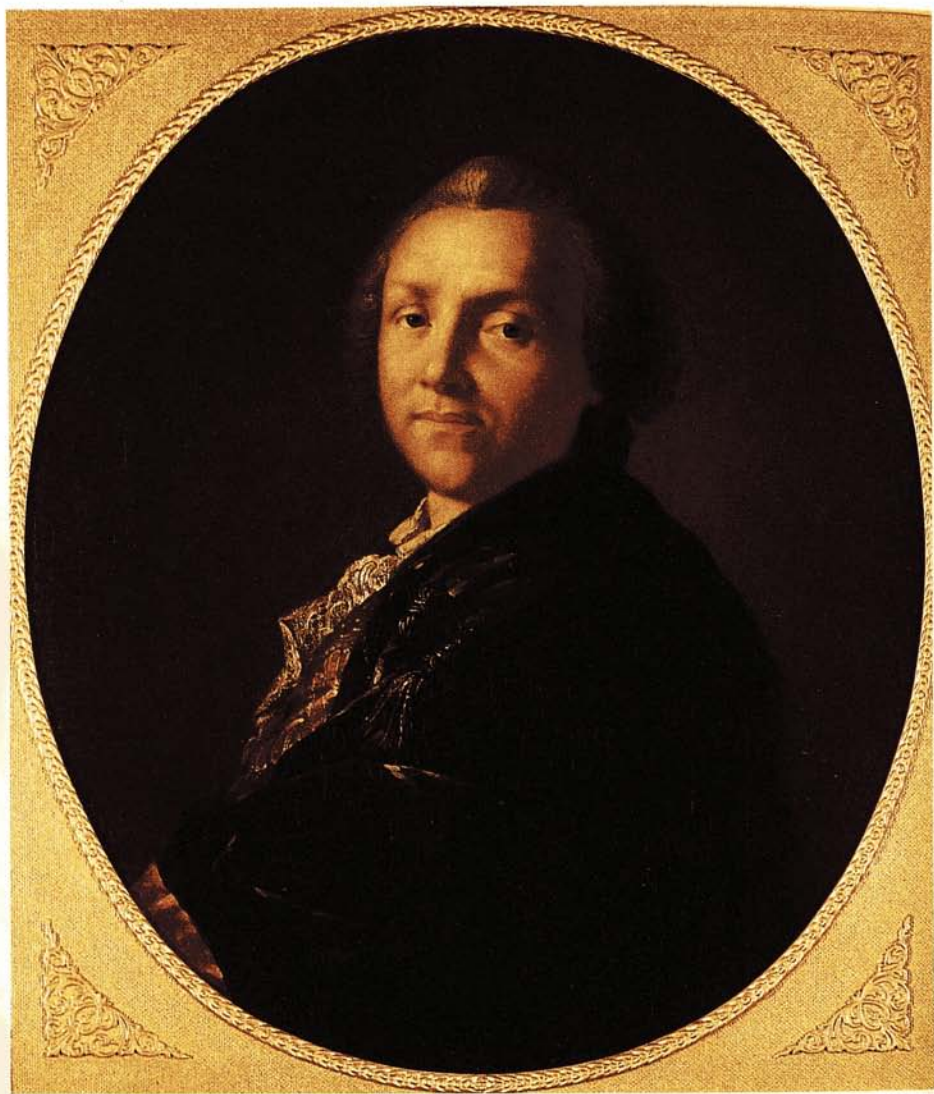
А. П. Лосенко

Пастушеская сцена
1760-е годы. Музей АХ

А. П. Лосенко

Плачущая
1771—1773. ГТГ

А. П. Лосенко

Портрет А. П. Сумарокова
1760. ГРМ

В. Л. Боровиковский

Портрет Г. Р. Державина
1795. ГТГ

АНАКРЕОНИЧЕСКІЯ

Пьесы.

Гравированъ Саундерс

ВЪ ПЕТРОГРАДЪ

1804. ГОДА.

И. Саундерс

Титульный лист Сочинений Г. Р. Державина
1804. ГРМ

СОБРАНИЕ
РАЗНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ
ВЪ СТИХАХЪ И ВЪ ПРОЗѢ

Господина Коллежскаго Совѣтника и Профессора
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.

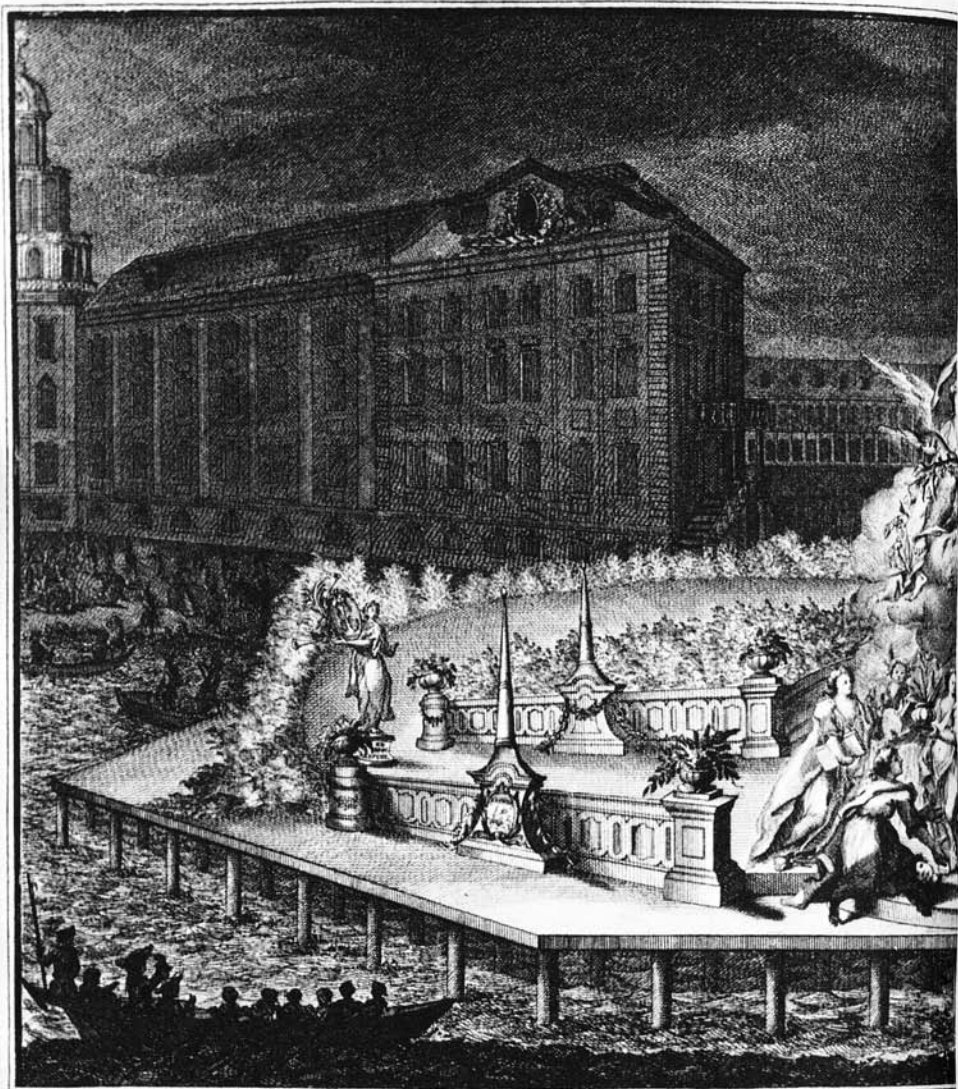
КНИГА ПЕРВАЯ
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ СЪ ПРИСЛАВЛЕНІЯМИ.

Печатано при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ 1757 года.

Титульный лист с виньеткою, гравированной Г. А. Качаловым,

к Собранию разных сочинений... М. В. Ломоносова
1758. БАН

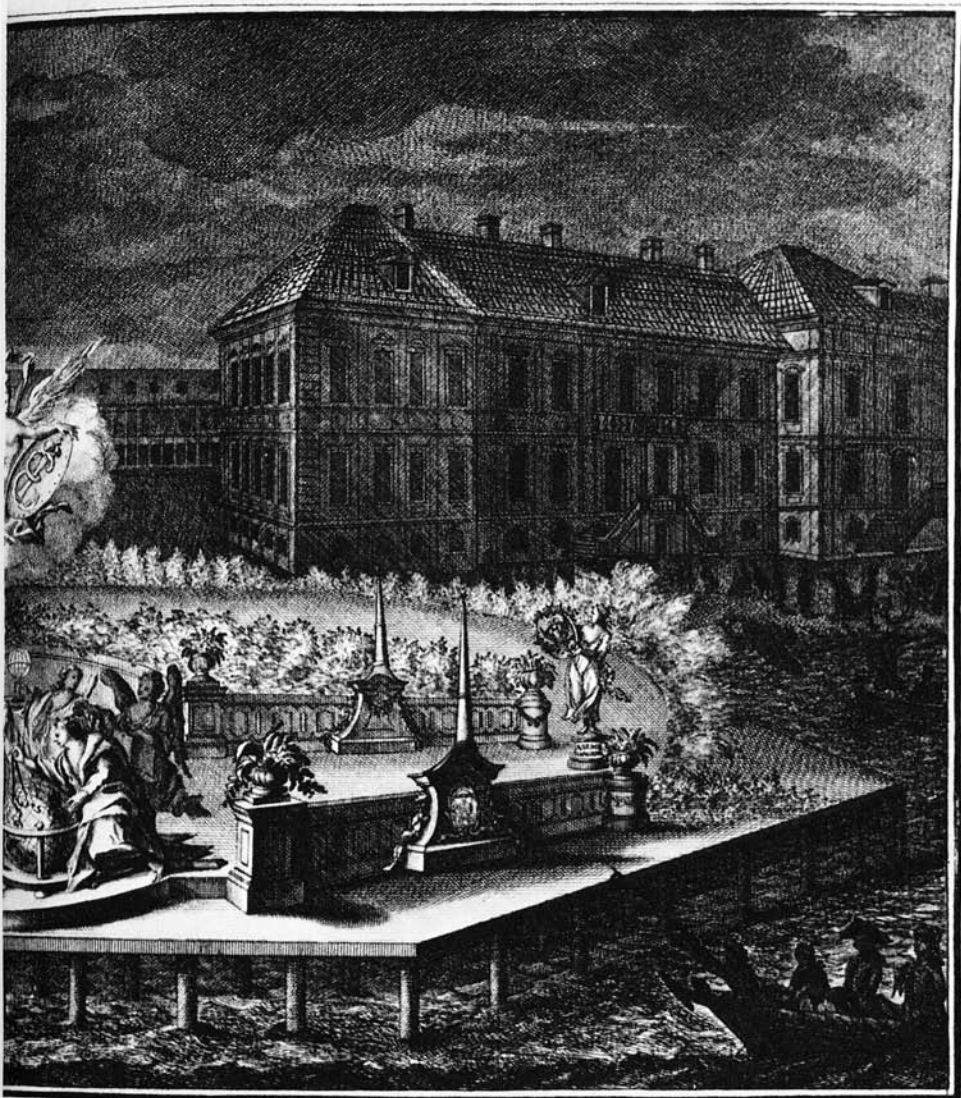
См. в. Словарь прил. Во. Визуи и худож.

*Иллюминация Санктпетербургской Академии Наук
Сентября 6 дня 1750 года предшественная.*

*Славное учие сызменд на свободныя Науки цѣлныи и плодыи показываѣе удерживаѣе
щныи по стѣхъ персей пути къ великому съимхъ дарованю, причаѣе сѣи и сѣ
Защитасѣи щитисѣи имени Ея Императорскаго Величества.*

И. А. Соколов

Иллюминация перед зданием Академии наук
1750. ГРМ

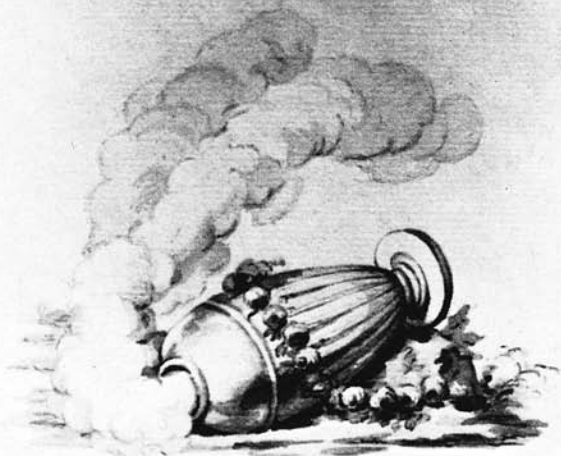

*Idea picturarum artificioso igne collucentium
 quas Academia Scientiarum Petropolitana exhibuit Sept. VI. A.C. MDCCCI.*

*Felicitas flos, spargit atque fructus in liberales disciplinas, quarum cursui
 novum pandit studium: easdem tuetur clypeo, qui AUGUSTE nomine,
 literarum ductibus inter se implicatis inscriptus est.*

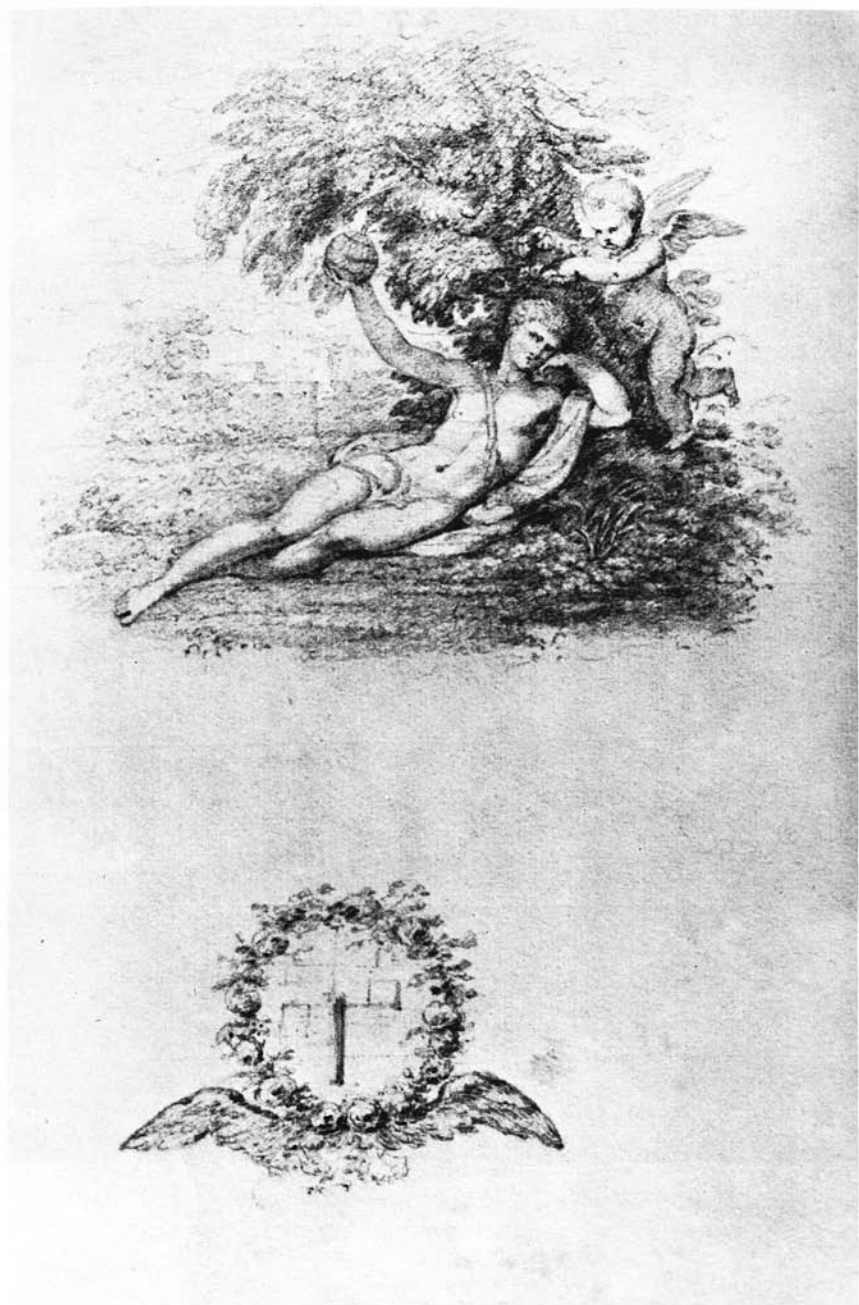

Горючий Ключъ.

А. Е. Егоров

Заставка, концовка к стихотворению Г. Р. Державина «Горючий ключ»
1802. ИРЛИ

А. Е. Егоров

Заставка, концовка к стихотворению Г. Р. Державина «Похвала сельской жизни»
1795. ИРЛИ

Д. Г. Левицкий

Портрет Митрофановых
1790-е годы. ГРМ

С. Ф. Щедрин

Вид на Гатчинский дворец с Серебряного озера
1798. ГРМ

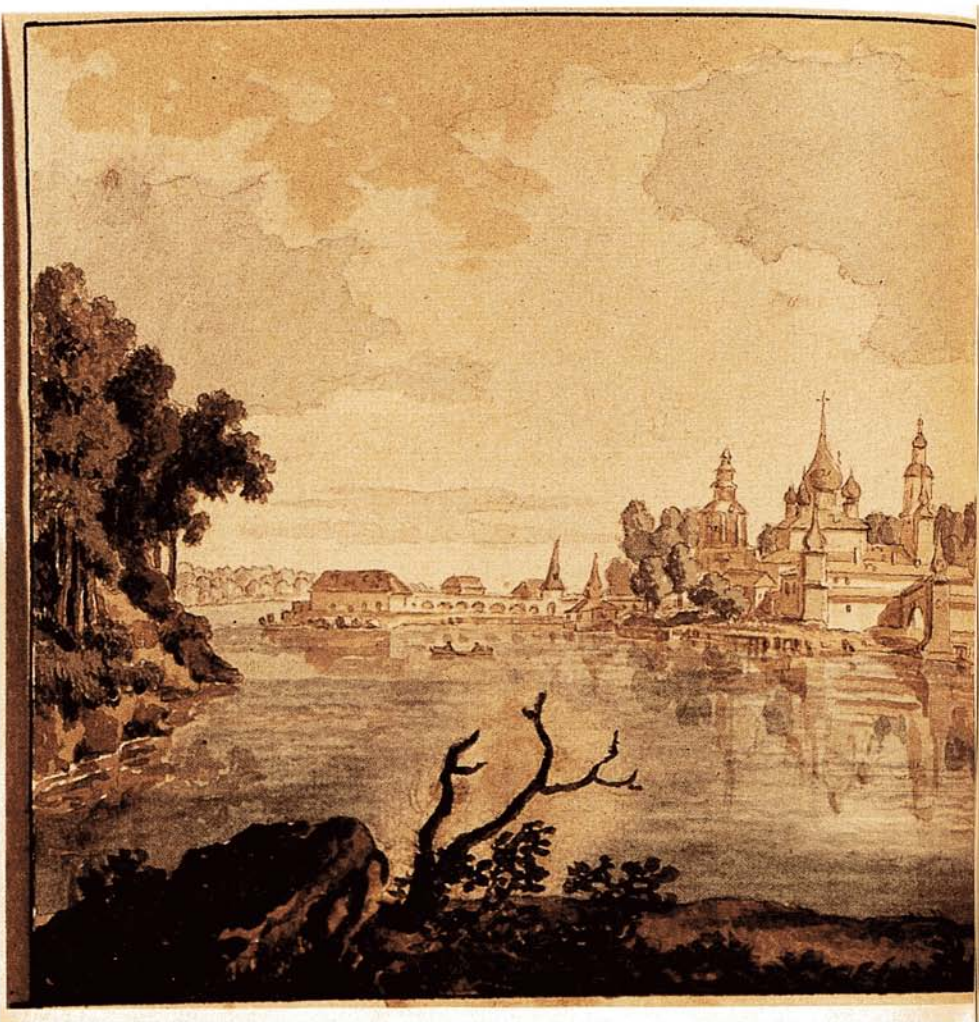
М. М. Иванов

Переход Суворова через Альпы
Начало 1800-х годов. ГРМ

В. Л. Боровиковский

Портрет М. И. Лопухиной
1797. ГТГ

М. М. Иванов

Вид Нидовой пустыни
1784—1785. ГРМ

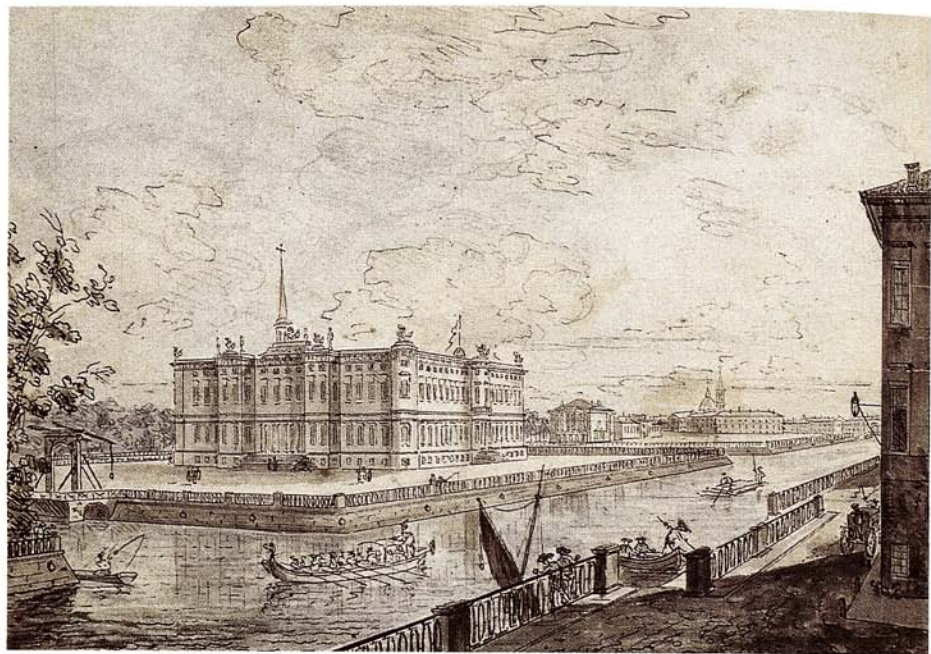
Д. Г. Левцкий

Портрет Е. И. Нелидовой
1773. ГРМ

Д. Г. Левицкий

Портрет Н. С. Борцовой
ГРМ

Ф. Я. Алексеев

Вид Михайловского замка
1790-е годы. ГТГ

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первым я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай.

ЛЕБЕДЬ

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двойком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставляю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах,
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей лоснось близной.

Лечу, парю—и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм он высится главою,
Чтобы услышать Богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод
Народы, света с полукруга,
Составившие россов род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, гуны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом—и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил,
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! оденься терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

ПРИЗНАНИЕ

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел,
Не собой блистал я—Богом;
Вне себя я Бога цел.
Если звуки посвящались
Лиры моея царям,—
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождам—
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух—

Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен,—
Признаюсь, красотою
Был плененным, пел и жен.
Словом: жег любви копь пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

Николай Александрович Львов

1. РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ИДИЛЛИЯ. ВЕЧЕР 1780 года ноября 8

Под тенью миртовых кустов
В прохладе тихого зефира,
Промежду розовых цветов
В траве покоилась Елмира...
Покоилась, и быстрый ток
И шумный ветер в лесу замолк,
Листочки неподвижны стали,
Свирель утихла на лугах,
Не смели птички петь в кустах
И сон Елмиры почитали.

Приятные мечты любовь
Во сне Елмире представляла,
Волнуя ими жарку кровь,
Румянцем щеки украшала;
Улыбкой розы на устах
Пастушкиных изображала.
Лилей прятались в кустах.
Любовной зыблема мечтою,
Прекрасна грудь пастушки сей,
Казалось, будто белизною
Старалась их стыдить своей;
Из-под косынки вырываясь

И с скучным полотном сражаясь,
Стремилась выйти из пелен;
Но сил еще не доставало,
И полотно торжествовало.

Зефиры, сей примета плен,
К свободе красоты приспели,
Свились цепью, зашумели,
Спустились, вокруг Емиры сели
И начали в косынку дуть
Так сильно, что ее сорвали,
Свертели, скомкали, помчали,
Взвились, победу засвистали
И в первый раз открыли грудь.
Увидя, солнце удивилось
Собранию таких красот,
Покрыв стыдом небесный свод,
Свой пламень утушить стремилось
От зависти в прохладе вод,
И темно становиться стало.

Меналк в прохладный этот час
Вблизи Емиры стадо пас,
И стадо в роще отдыхало;
А он задумчиво стоял,
Спокойству вечера внимая,
На стадо и на дол взирая,
Молчанье вздохом он прервал
И, смутный взор омыв слезою:
«О! как вы счастливы!—вещал,—
Мои овечки, предо мною!
Вы неповинны... я влюблен,
Я вас пасу и вас покою,
А сам спокойствия лишен».
Сказал, и в роще раздался
Уныло жалоба сия.

Собачка, трепетно лестяся
Вокруг хозяина ея,
Как будто грусть с ним разделяла
И, как могла, так утешала,
Когда он горестно стенал:
Глядела на него, визжала,
Ложилась перед ним, играла,
Каталась, лаяла, ласкала.

Меналк сей ласке не внимал,
Он грубо прочь собачку гнал
И только страстью занимался.

Елмирой сей пастух горел,
Он много раз ей покушался
Открыть любовь; но все не смел.
Елмира так же оцуцала:
Но что?—того сама не знала.
Когда она ложилась спать,
Тогда в ней сердце трепетало,
Покойно не могла лежать,
Чего-то ей недоставало...
Чего-то сердце то искало...
Льзя ль, кажется, не зная, желать?
Но сердце нимфы сей желало...
Потом, как сон ее объял,
Любовь во сне ей толковала
Ту тайну, чем душа страдала.
Меналк ее растолковал;
И вот как это с ним случилось.

Уж солнце за лес закатилось,
И свет сквозь ветвей чуть блистал,
Меналк, объятый темнотою,
Одумался... и для покою
Овец своих домой погнал;
Собачка путь им пролагала
И тихо перед стадом шла,
Вдруг взлаяла и побежала
Туда, Елмира где спала:
Она следы пастушки знала.
Собака, верности символ,
Она вослед любви бежала,
Меналк за ней поспешно шел.

К кустам, где белое блистало,
Меналк, пришед, оцепенел;
Меналк увидел, что лежало!
Увидел он, что развевало
И с ветром всячески играло
То освященно покрывало,
Которо он вскрывать не смел.
Вся кровь его... Но я напрасно
Стремлюсь восторг сей описать,
Умел я в жизни оцуцать

В молчании движенье страстно,
Но не умел никак сказать.
Тому вообразится живо,
Меналк что, видя, ощутил,
Несчастью, а потом счастливо
Кто горду красоту любил.

Пастух сей робкими стопами
Поближе к нимфе подошел
И между теми же кустами
Тихонько подле сонной сел:
Но чем пастух сей занимался?
Он ветви удалять старался,
Чтоб не прервали сладкий сон,
Которым дух его прельщался,
Которым восхищался он.
Ничто от взора не скрывалось!..
Но вдруг Меналку показалось,
На грудь как нимфы он взирал,
Что розы там пучок лежал,
«Уколется она»,— сказал
И снять цветочек покусился,
Тронул, цветочек не свалился.
Меналк пастушкин сон прервал,
Прелестный взор ее открылся,
Меналк, а не цветок упал.

Упал к ногам пастушки страстной
Влюбленный молодой пастух.
Он описал ей жар несчастной...
Он вспомнил множество заслуг,
Которы нимфа презирала.
Елмира пастуха внимала,
Глядела вкруг себя... молчала...
И голос пастуха затих.
Елмира, слышалось, вздыхала,
И мраком ночь покрыла их.

МУЗЫКА, ИЛИ СЕМИТОНИЯ

Ода

Глагол таинственный небес!
Тебя лишь сердце разумеет;
Событию твоих чудес
Едва рассудок верить смеет.

Музыка властная! пролей
Твой бальзам сладкий и священный
На дни мои уединенны,
На пламенных моих друзей!

Как огонь, влечет, как гром, разит
Закон твоей волшебной власти;
Он чувства нежные родит,
Жестоки умягчает страсти.
Гармония! не глас ли твой
К добру счастливых убеждает,
Несчастливых душу облегчает
Отрадной, теплою слезой?

Когда б подобить смертный мог
Невидимый и несравненный,
Спокойный сладостный восторг,
Чем души в горних упоены,
Он строй согласный звучных тел
И нежных гласов восклицанье,
На душу, на сердца влиянье
Небесным чувством бы почел.

Да будет мне неведом век
Жестокий, холодный, злополучной,
Угрюмый, бедный человек,
Противник власти стройной, звучной;
Блаженства не познает он,
Не встретит друга с восхищеньем,
Сердечным не почитит биеньем
Ни счастья плеск, ни скорби стон.

Не ты ли в век златой с небес,
Богиня нежных душ, спустилась
И, скрывшись от земных очес,
Жизнь смертных усладить склонилась?
Ударил в воздух голос твой
Размером хитрым, неизвестным,
И тем же трепетом небесным
Сердца отзывались на строй.

В весенни роза времена
Хранит красы свои бесценны:
Так часто счастья семена,
В сердцах любовью насаждены,

Скрывает живость юных лет.
Как роза солнцем расцветает,
Твой глас так сердце отворяет,
И огонь любви слезой блеснет.

О сладкогласно божество!
На крыльях радости взвивайся,
Греми победы торжество,
В огромных звуках раздавайся,
Сердца и чувства восхищай!
Но к нам свирелью ниспустися,
Умильной, нежною явися
И к счастью смертных увещай!

ОТПУСКНАЯ ДВУМ ЧИЖИКАМ ПРИ ОТЪЕЗДЕ В ДЕРЕВНЮ К М. А.

Что такое вы поете,
Птички маленькие, мне?
Или вы меня зовете
В гости к радостной весне?

Полно вам сидеть в неволе!
Полетите счастье петь!
След любви за вами в поле;
Вслед и я пуцусь лететь.

Уж на ветви зыблясь, нежной
В поле Флору ждет Зефир;
Некой радостью мятежной
Ожил весь любимый мир.

Уж спешит пастушка страстна
Встретить вёсну в мягкий луг:
Ах! постой, весна прекрасна!
Ждет меня мой милый друг.

Сердце трепетным биеньем
Измеряет каждый миг
И с сердечным восхищеньем
Ждет с тобой нас обоих.

НА УГОЛЬНЫЙ ПОЖАР

Послушай, мать сыра земля,
Ты целый век ничком лежала,
Теперь стеной к звездам восстала,
Но кто тебя воздвигнул?—Я!

Не тронь хоть ты меня, покуда
Заправлю я свои беды,
Посланные от чуда-юда:
От воздуха, огня, воды.

Вода огонь не потушает,
И десять дней горит пожар,
Огонь воды не осушает,
А воздух раздувает жар.

НОВЫЙ XIX ВЕК В РОССИИ

Отколе, исполни спокойный,
Отколь, блестящий новый век,
Отколь, сын вечности достойный,
В короне звездной к нам притек
И воцарился между нами?
По снежным, блещущим коврам
Российским радостным сынам
Послал пути ко всем странам,
Усыпал пухом и звездами?

Успех венчал столетний бег,
Пролегал знакомый путь блестящий,
И холод, всё досель мертвящий,
На труд подвижника возжег.
Огнем ланиты воспалились,
Сверкнула искра на очах,
Стопы на подвиг окрились,
Засела сила в раменах.

Сплеснули витязи руками,
Глухой раздался некий гром,
Друг другу молвили глазами:
«Путь к славе нам пролегал звездами!
Прости и мать, жена и дом!»
Напрасно мать, жена и дети

Терзают их слезами грудь:
Где зрят опаснее им сети,
Там к славе краткий видят путь.
Трещат стези под их стопами;
Объемлет холод их крылами,
Борей взвивает снег столпами;
Но русская кипящая кровь
Огнем их жилы напоет,
Герой летит... Останавливает
Его единая любовь.

Природы все чины страдают
Под бременем ледяных оков;
Одни сердца не замерзают
Российских огненных сынов.
Герой в борьбе с любовью, с славой,
Опасность видит он... но стыд
Любовны узы разрешает,
И узник сетует, вздыхает,
Взирает в поприще и всё позабывает;
Любовью воспален, ко славе он летит:
«В пристанище,— он мнит,— спокоен
Когда б я дожил до конца,
Любовь! то был бы недостоин
Из роз сплетенного венца!»

Былинки вокруг деревья вьются,
И розы с лаврами плетутся
Для пользы общей—общих сил.
Коль роза прелестию цвета
Здесь долу украшает свет,
Под сенью лавра в знойно лето
Надежнее она цветет;
Объемлет мягкими ветвями
И облекает красотами
Своей надежды твердый дом;
Уж покровенную листьями
Не устрасит красу стрелами
Ни молния, ни град, ни гром.

Ты лавр сей непоколебимый,
Надежен, тверд, неустрашимый,
Избранно племя! храбрый рос!
Стремися в путь благословенной,
В путь, славой предков освященной;
Превыше всех племен вселенной

Твой бог главу твою вознес.
Твой жребий — жребий вождественной!
Отважный подвиг — подвиг твой!
И труд твой славен и покой.
Дух мужества — твои все правы,
Стези твои — путь чести, славы;
Везде велик! везде герой!
И в нужде, в роскоши, в покое,
В играх твоих и в ратном строе
Единым сердцем говоря:
«Везде с венцем побед явлюся!
Везде, коль праведно, сражуся
За землю, церковь, за царя».

Исследуй кто россиян свойство,
Труды их, игры, торжества,
Увидит всяк: везде геройство
Под русским титулом удачества.

II. ПОСЛАНИЯ

ГАВРИЛЕ РОМАНОВИЧУ ОТВЕТ

Домашний зодчий ваш
Не мелет ералаш,
Что любит жить он с мужиками.
В совете с правыми душами
жить
Пришлось как-то мне по нраву,
Двенадцать лет я пил отраву,
Которую тебе советую не пить
В том месте, где она все чувства отравляет.
Счастливы, кто этого хмельного не вкушает,
А я, бывало, нет, хоть морщися, да пей.
Блаженны при дворе Фингалы хладнокровны,
Что должность помнят и друзей;
Как дела нет, они спокойны,
А дело есть, так без затей,
Откуда что возьмется:
На столике кое-каком,
На лоскутке кривым пером
Одною правдою прямое сладят дело.

Потом,
Святительско чело покрывши колпаком,
В чулан от людства ускользнувшись,
В тулупе с музой завернувшись,
И там с Кирсаною своей,
Да два-три искренних друзей,
Схватя перо, настроя лиру,
В досаду мудрому безграмотному миру,
И с богом, в добрый час,
Полезли на Парнас;
Но все без судорог, спокойно, равнодушно.
Нет, сердце моему

уму

не так послушно.

Не мог я согласить двух недругов моих,
Мне добрые дела рассудок восхищали,
Дурные и покой и нрав мой отравляли,
И выходило, что из них
Ни первых, ни других
Окончить так, как должно,
Мне было невозможно,
Для должности мне день всегда казался мал,
А если я его не проводил с друзьями,
Для счастья моего я день тот потерял.
А здесь меж мужиками,
Не знаю от чего, я как-то стал умен,
Спокоен мыслями и нравом стал равен,
С надеждою ложусь, с утехой просьшаюсь,
С любовью выхожу, с весельем возвращаюсь,
Благословляючи на встречи стократ
Станицу шумную троих моих ребят,
Которые растут здоровы, сильны, стройны;
Но были ль бы и здесь так дни мои спокойны,
Когда бы не был я на счастья женат?

ЭПИСТОЛА К А. М. БАКУНИНУ ИЗ ПАВЛОВСКОГО, ИЮНЯ 14, 1797

I

ФОРТУНА

Слепой очима, духом зрячий,
Любитель сельской красоты,
Друг истине и мне горячий,
Зачем меня опрыснул ты

Кастальской чистою водою,
Идущего мечты тропою
Лишаешь нужной слепоты,
В которой леший слух прельщает,
Червяк дорогу освящает
До самой поприща меты?

Меня было ошеломило...
Ударясь в стену головой
И став, как надобно, шальной,
Какой-то скользкою тропой
Я шел и долом и горой;
И так было мне любо было
В чаду, в тумане колесить!
За что ни попадя ловить
Ту непосредную, благую
Мадам легучую, нагую,
Пред коей жабой и ужом
Премудрый мир наш суетится;
А зелье перед ним вертится
Без оси беглым колесом
И к сотому остановится
И то на час прямым лицом.
Зовет Фортуной свет ученой
Сию мадам; но тут не тот
(Прости, Господь) у них расчет:
Они морочат мир крещеной!
Поверь мне, друг мой, это черт...
Помилуй, целый век вертится,
А голова не закружится,
Не поведет ей клином рот,
Всё хороша и всех прельщает,
Полсвета в обод загибает,
Полсветом улиду мостит,
И вихрем мир кутит, мутит,
И величает, и страмит,
Народ и грабит, и дарит.
Вчера кто к солнцу возносился,
По милости ж ее явился
Повержен в лужу и лежит;
Лежит и, изумлен, зевает,
Как в грязь попал, не понимает
И думает еще, что спит.
Сторонний умница дивится,
Знакомого узнать боится,

От мараных друзей странится
И думает: не черт их нес;
А завтра там же очутится.
Кольцом и умница кружится,
Затем, что ум и наг и бос.

«Фортуны для богатства жаждут,
В богатстве счастье видит свет.
От счастья бегут и страждут,
И ищут там, его где нет»,—
Я так подумал и очнулся,
Из Тальжни черпнул воды,
Умылся, проглянул, встряхнулся,
Ах батюшки, беды, беды!
Куда меня нелегка сила
В чаду обманом затащила?
Отколь молитвой ни крестом
Никто не может отбожиться,
Лежать в грязи или кружиться
Обязан каждый колесом.

Зачем? Да мне зачем метаться?
Мне шаркать, гнуться и ломаться!

Ты, право, сослепу не в лад определил;
Лишь был бы я здоров и волен,
Я всем богат и всем доволен,
Меня всем Бог благословил:
Женил и дал мне всё благое.
Я счастье прочное, прямое
В себе иль дома находил
И с ним расстаться не намерен!

Я истинно, мой друг, уверен,
Что ежели на нас Фортуны фаворит
(В котором сердце бы не вовсе зачерствело)

В Никольском поглядит,
Как, песенкой свое дневное кончив дело,
Сберемся отдохнуть мы в летний вечерок

Под лишку на лужок,
Домашним бытом окруженны,
Здоровой кучкою детей,
Веселой шайкою нас любящих людей;
Он скажет: «Как они блаженны,
А их удача не кружит!

Мое вертится все, их счастье лежит.
У счастья своего с заботами моими
Стоять я должен на часах;

Как Лыска добрая, их счастье за ними
Гоняется во всех местах,
Усталости не знает,
Работает и припеваает,
А в праздник пляшет как велят,
Не дремлет, как оне и спят!

Ну если б я вздремал, Фортуна бы заснула.
Нет, видно, ты меня, удача, обманула,
Ведь я для счастья тебя, мадам, искал;
А ты меня пустым набатом оглушила,
Дурманом окормила,
Гнилушкой осветила.

Я счастья не вкусил, а сед и дряхл уж стал.
На воина того похож я стал с тобою,
Что трудным ремеслом, войною,
Под старость нажил хлеб;

Но есть его пришел без зуб, без рук и слеп.

И я все приобрел (признаться),
Чем можно счастливым, довольным показаться,
Но чувство потерял, которым наслаждаться
И в неимуществе умеет человек.

Что был мой век?

Туман. Что счастье? Мечта.

Что должность первая из важных? Суета.

Она опасностью мой разум обуяла
И радости прямой к душе не допускала;
Восторг ни каплей слез любви не оросил,
Ни искрой дружба кровь мою не согревала,
Меня всё на всё, я сердце изнасил,
А к добродетели я потерял и веру.

Холодность до того мне сердце облегла,

Что делал только по примеру

Без удовольствия и добрые дела.

Но добрым я рожден и счастливым быть стою.

О православные! я заклинаю вас

Сей добродетелью святою,

Которой вам не чужд, конечно, сладкий глас.

Возьмите что хотите,

Но к человечеству меня вы приютите

И, чувство отворя,

Мне душу отведите,

С природой помирят.

*Быть может, как весна с любовью возвратится,
Чувствительность и я опять приобрету,*

Мой дух унылый оживится

*И сердцу сообщит природу теплоту,
Которой прелести поднесь я вспоминаю!
Я впечатления еще не потерял,
Как в сельской простоте с любовью одною
Я радости обнять не мог моей душою.*

*Мой голос, взгляд и шаг изображал,
Что в сердце, не в уме я счастье питаю.
Теперь хочу вздохнуть; но напротив зеваю
Средь почестей, забав, как будто век не спал».*
Но я разнежился—язык сей непритворной

И в штат не положен придворной;
Там глупость значится под титлом простоты,
Там сеном кормят тех, кто зелень да цветы
Паркетам гравчатым предпочитает.
Придворный вне двора и счастья не знает!
И если б улещать меня он эдак стал,
Вельможа сей шпынем бы, право, показался.
В ответ бы я ему ту басню прочитал,
Которой смысл в душе давно мне начертался:
*«В игольное ушко верблюду не пройтить,
Фортуны детищу с природою не жить»*,

И счастья не вкусить прямого,
Затем что матушка чрезмерно бестолкова,
По матушке пошел и весь их знатный род,
И кто из них счастлив, тот в их семье урод.
Прочти в сей басенке (не говоря дурного),

Как зелье и тогда дела
Свои вела,
Как с счастьем она на пустоши жила.

II

СЧАСТЬЕ И ФОРТУНА

Когда-то с Счастьем жить Фортуна согласилась

И вместе с ним переселилась
В шалаш на бережок реки,
В долину мирную, где воздух ароматной
Одушевляет край обильный, благодатной.

И толкам вопреки
Живут они одни
Не месяц и не год, живут они два дни,
На третий день зевать Фортуна zaczynaет,
Ко Счастью обратясь, зевая, примечает
И говорит: «Смотри, как тесен наш шалаш,
Ни с чем нельзя расположиться,

С моим приданным поместиться
Места нет;
Богатство любит свет,
А знатность любит жить просторно,
Ведь их не в шкаф же положить».
«Неспорно,—
Счастье говорит,—но жить,
Мне кажется, без них бы можно было.
Смотри, как солнышко долину осветило.
Что блеск всей знатности пред ним?
Взгляни ты, как щедра природа к нам дарами:
Для глаз покрыла луг цветами,
Для вкуса клонится к нам целый лес плодами;
На что богатство там, где с нами
Дышат все счастьем одним?
Утехи и покой постель нам постилают
Из роз, и розы обновляют
Всечасно цвет и аромат!»
Фортуна слушала и, слушая, зевала,
Хотелось неотменно ей
Иметь стада людей,
Которых бы она гоняла
Для наполнения пустых больших палат.
Ей блеск и шум служили
И Счастье всякий день будили
Безвременно и без пути.
Хоть им оно и говорило,
Что время есть на всё: плясать,
Гулять, работать и поспать.
Как слушать истину? не тут-то было.
Грем <ели> так, что Счастье уйтить
Принудили решиться,
Чтоб тем раздоры прекратить.
Чему другому быть?
Мне действие сие нечудно:
Фортуне с Счастьем тесно жить,
А Счастью с Фортуной трудно.
Фортуна любит шум, а Счастье — покой.
«Я вижу, мне пора с тобой,—
Сказало Счастье,—Фортуна, разлучиться,
Нет, Счастью только лезя ужиться
В семье с Любовию одной».
Тут, взяв котомочку и подкрепя оборки,
Тихонько Счастье от пышности по горке
Пошло домой...

ТРИ НЕТ

У Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание
начерно к А. М. 1801 октября 1-го

Слуга твой хвилой Львов
Услышать звон колоколов,
Увидеть пузыри и плашки,
Москву-тетеху впопыхах
По тюфильской дорожке
Приплыл на костылях
И у Николы поселился
В Воробине, на тех горах,
Где дом светлейшего затмился,
Живущего в благих делах!

В пустынных, но досель торж <ественных> местах
Унылый некий дух возлег и водворился;
На падших я прилег листьях,
На хладный камень облактился,
Глазами спрашивал, и общий был ответ:
«Нет!»

Сожитель пустоты нечистой
В развалинах бродящий прах
Вещал мне едкостью речистой
Ничто прошедшего и в умственных глазах!
Зачем не он, а я остался?..

Без титла и заслуг
Опять на новый круг
Вдругорядь в тот же свет забрался?
И как в знакомых мне местах
Не вижу много лиц знакомых?
Что это все? Все прах да прах!
Все кучи камней... насекомых!
Иль стал могильник общий... Свет?

«Нет,—
Надежда в сердце отвечала,—
Неведом и конец нам вечности начала;
Доколь сестра моя Любовь
Блаженство смертных согревает,
Не разрушается ничто, не исчезает!
А Старшая сестра дорогу освещает,
Где тлен одушевленный вновь,
Смирненным светом облеченный
И в вечность блага обрученный,
Красы неизреченной,
Бессмертие объемлет он;
Но распростерты длани.

Берет с дел добрых вечны дани
И повергает их Единому пред трон
Неколебимый,
Неописуемый, непостижимый,
Начало вещества и всех веществ конец.
Источник вечных благ и вечности венец
Сияет

И тебе как непреложный свет,
Ступай...» Так как-то сам собой,
Не знаю мой
Ли иль чужой,
Сам выскочил ответ:

«Душа моя туда желает,
А телом бьют челом и говорят, что «Нет»,
Что дальняя, дескать, дорога,
Что здесь кое-какая дружба есть,
Любви и много, много.
Там как-то будущая честь
Добро наличное теперь не заменяет.
Не можно ли повременить
И кой-как ниточки ссучить?
Постой, дай здесь поосмотрюся,
Дай, кой-что сделаю, поправлю, разочтуса,
Иному заплачу, другому дам взаймы.
(Сам только не возьму и ни из чьей сумы.)

А там, как делом надорвуся,
Устану... вдоволь налюблюся,
Поставлю жизни я чертой
«Как скучно будет мне и дома,
Тогда мне этот свет худой».
Постой,
Дорога и в другой
Знакома.
Вечернею порой
Я в путь расположуся,
Сберусь и с силой и с умом,
Да Командиру всех челом
И в чистую отсель отставку попрошуся.
Потом,
Раненько пробудяся,
Оденусь налегке и, Богу помоляся,
С любимыми прощусь
И только что с одной
Женой
Не разлучусь,

Но узел проглочу сердечной...
«Ребятюшки, и здесь уж не гожусь!»—
Скажу, да сам и улетусь,
Встрянуся, встрепещусь,
К Любви превыспренней и вечной
На крыльях радостных взовьюсь
И, легок тем, что не боюсь,
Повыше, чем летал, пуцусь,
Взыграю, закружусь
И сверху засмеюсь.
И пред Христом не усмирюсь—
Приелись, чай, и там уж пресных душ витушки.
Он видит также мой порок,
Как душ смиренных. Прок не прок,
Так, кажется, на что мне четок побрякушки.
Тетехам-студеням в досаду,
В досаду деревяшкам, аду
В том мире поселюсь
И так в век века залюблюсь.
Аминь».

* * *

Вот тебе, мой д<руг>, de la galimathia double¹

Прочитай

Да замарай,

Чтобы тетехи не видали,
Чтоб шелаганы не читали
И чтоб меня не проклинали
В соборе свах и коцунув.
Дай мне пожить еще немного,
Ведь всякому своя дорога,
Чужой за тысячу рублёв
Я перебить не соглашуся
И для того-то не крушуся,
Что, право, не боюся
И строгих и ревизских стай.
Пожалуй, лай!
Слуга ваш Николай
И Львов Никольской
Прошел уже, прошел путь скользкой,
И минуло ему давно пятнадцать лет,
Теперь он дряхл и сед,
Отец пяти детей и диво-т, коль не дед!

¹ Неточн. фр. «du galimatias double» — двойная чушь.

III. ПЕРЕВОДЫ

Ф. Вольтер

*

О Боже, о тебе хотя гласит вся тварь,
Не всеми познан ты, земли и неба царь.
Последни уст моих внемли слова меж стона,
Коль я обманут, то в искании закона,
Хоть сердцем заблужден, но полон я тобой,
От страха вечность зрю, расставшись с суетой,
И мыслить не могу, чтоб Бог, меня создавший,
Чтоб Бог, на дни мои щедроты проливавший,
Как кончатся они, себя ожесточил
И мучиться меня навеки осудил.

Ж.-Б. Руссо

ОДА ГОСПОДИНА РУССО НА НАЧАТИЕ НОВОГО ГОДА,
А СΙΑ НА ОКОНЧАНИЕ ОСЬМНАДЦАТИЛЕТИЯ МОЕГО

1

Светило, мир что освещает,
И брэнну смертных жизнь делит,
И круг воздушный свой кончает
И новый бег зачать спешит.

2

С какою скоростью незнатно
Окончился прошедший тот,
Равно с такою невозвратно
Пройдет и наступивший год.

3

Все кончится, всем управляет
Едино время, бег премен,
И часом, что другой сменяет,
В ничто час каждый обращен.

Лучшайший день, день лета ясна,
 Проходит, к нам не возвратясь,
 Година хлебна и прекрасна,
 Чтобы скончаться, началась.

Коль тщетно смертный помышляет
 Через зданье стен бессмертным стать,
 Та тщетность, их что созидает,
 Не может вечность им придать.

Природы царь, что быть гордится,
 Не может рок сей избежать,
 Здесь мигу начинать родиться,
 Ничто, как умирать зачать.

Почто же в жизни столь кратчайшей
 Заботами себя тягчить?
 Почто терять день проходящий
 Для должного равно пройтись?

Коль смертных может рок плачевной
 Вмиг свет затмить твоим очам,
 Употребим сей миг, толь брэнной,
 Он больше не придет уж к нам.

Достойна плача часть такая!
 Блаженство в жизни кто алкал
 И, счастье в поте созидая,
 Сам чрез себя несчастным стал.

В надеждах льстительных теряет
 Лучшайшу в жизни часть своей,
 Надежде мнимой посвящает
 Именье настоящих дней.

Безумный! ты определяешь
 Себе сам бедственный предмет,
 Ведя жизнь, в бедстве умираешь,
 Жить часу в жизни не нашед.

Не стану я так мыслить ложно,
 Не льстит мя прелесть вся сия,
 Не тот мой час, где жить мне должно,
 Но жизнь мне тот, в котором я.

О днях прошедших помышляю,
 Не ропщу, не жалею сих,
 Вперед которых дожидаю,
 Без страха жду и просьбы их.

Употребим свое стяжанье,
 Которо верно чтим своим,
 Чтоб то вкушати ожиданье
 Владеть нас не лишало им.

Прошедший час ничто уж боле,
 Ты рок имеешь с ним один,
 Но настоящей в нашей воле
 Ему лишь смертный господин.

Сапфо

ПЕРЕВОД ИЗ САПФО 26 МАРТА 1778

Счастливы, кто, быв с тобой, тобою вздыхает,
 Кто слушает слова прекрасных уст твоих,
 Кого улыбкою твой нежный взор прельщает,
 Тот счастливей богов стократ в очах моих.

Вот сей-то прелестью мой страстный дух мутится
 Тогда, когда я зрю тебя перед собой.
 Из жилы в жилу кровь кипящая стремится,
 Теряются слова, язык немеет мой;

Не вижу ничего и вокруг себя внимаю
Один смятенный шум... Я слышу и мятущь,
Дрожу, бледнею, рвусь, хладею, упадаю
И, кажется, с душой моею расстаюсь.

**ПЕСНЬ НОРВЕЖСКОГО ВИТЯЗЯ ГАРАЛЬДА ХРАБРОГО,
ИЗ ДРЕВНЕЙ ИСЛАНДСКОЙ ЛЕТОПИСИ КНИТЛИНГА САГА,
ГОСПОДИНОМ МАЛЛЕТОМ ВЫПИСАННАЯ
И В «ДАТСКОЙ ИСТОРИИ» ПОМЕЩЕННАЯ,
ПЕРЕЛОЖЕНА НА РОССИЙСКИЙ ЯЗЫК
ОБРАЗОМ ДРЕВНЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ
С ПРИМЕРОМ «НЕ ЗВЕЗДА БЛЕСТИТ ДАЛЕЧЕ
ВО ЧИСТОМ ПОЛЕ...»**

Корабли мои объехали Сицилию,
И тогда-то были славны, были громки мы.
Нагруженный мой черный корабль дружиною
Быстро плавал по синю морю, как я хотел.
Так, любя войну, я плавать помышлял всегда;
А меня ни во что ставит девка русская ¹.

Я во младости с дронггеймцами в сраженьи был,
Превосходнее числом их было воинство.
О! куда как был ужасен наш кровавый бой!
Тут рукой моею сильной, молодецкою
Положен на ратном поле молодой их царь;
А меня ни во что ставит девка русская.

Нас шестнадцать только было в корабле одном.
Поднялась тогда на море буря сильная,
Нагруженный наш корабль водой наполнился,
Но мы дружно и поспешно воду вылили,
И я с той поры удачи стал надеяться;
А меня ни во что ставит девка русская.

Не досуж ли, не горазд ли я на восемь рук?
Я умею храбро драться и копьем бросать,
Я веслом владеть умею и добрым конем,
По водам глубоким плавать я навьк давно;
По снегам на лыжах бегать аль не мастер я?
А меня ни во что ставит девка русская.

¹ Можно бы сказать, как в подлиннике: «а меня всё презирает девка русская»; но «презирать», мне показалось, не будет отвечать слогу богатырских лет.

Неужель та девка красная подумает,
Что тогда я сбруей ратной не умел владеть,
Как стоял в земле полуденной под городом,
И в тот день, как с супостатом битву выдержал,
Не поставил богатырской славе памятник?
А меня ни во что ставит девка русская.

Я рожден в земле высокой, во Норвегии,
Там, где из лука стрелять досужи жители;
Но чего мужик боится, я за то взялся:
Корабли водить меж камней по синю морю,
От жилой страны далеко по чужим водам;
А меня ни во что ставит девка русская.

ИЗ АНАКРЕОНА

ОДА I К ЛИРЕ

Я петь хочу Атридов,
Хочу о Кадме петь;
Но струны лиры только
Одну любовь звучат.
Я лиру перестроил,
Вновь струны натянул,
Хотел на ней Иракла
Я подвиги воспеть;
Но лира возглашала
Единую любовь.
Простите впредь, ирон!
Коль лира уж моя
Одну любовь бряцает.

ОДА II К ЖЕНЩИНАМ

Зевес быкам дал роги,
Копыты лошадям;
Он скорый бег дал зайцу,
Льву полный зев зубов,
Способность плавать рыбам,
Он птицам дал полет,
А мужество мужчинам.

Не много, что для жен
Осталось в награжденье.
Что ж дал им?—Красоту
В замену копий, шлемов:
И щит, и огонь, и меч
Красавица сражает.

ОДА III ЛЮБОВЬ

В час полуночный недавно,
Как Воота под рукой
Знак Арктоса обращался,
Как все звания людей
Сна спокойствие вкушали,
Отягченные трудом,
У дверей моих внезапно
Постучал Эрот кольцом.
«Кто,—спросил я,—в дверь стучится
И тревожит сладкий сон?..»
«Отвори,—Любовь сказала,—
Я ребенок, не страшись;
В ночь безмесячную сбился
Я с пути и весь обмок...»
Жаль мне стало, отзыв слыша;
Встав, светильник я зажег;
Отворив же дверь, увидел
Я крылатое дитя,
А при нем и лук, и стрелы.
Я к огню его подвел,
Оттирал ладонью руки,
Мокры кудри выжимал;
Он лишь только обогрелся:
«Ну, посмотрим-ко,—сказал,—
В чем испортилась в погоду
Тетива моя?»—и лук
Вдруг напряг, стрелой ударил
Прямо в сердце он меня;
Сам, вскочив, с улыбкой молвил:
«Веселись, хозяин мой!
Лук еще мой не испорчен,
Сердце он пронзил твое».

ОДА XXVIII
К СВОЕЙ ДЕВУШКЕ

Царь в художестве изящном,
Коиm Родос процветал,
Напиши ты мне в разлуке
Дорогую по словам:
Напиши сперва, художник,
Нежны русые власы;
И когда то воск позволит,
То представь, чтобы они
Обоняние прельщали,
Ипуская аромат;
Чтоб под русыми власами,
Выше полных щек ее,
Так бело, как кость слонова,
Возвышалось чело.
Брови черными дугами
Кистью смелою накинъ,
Не расставь их и не сблизь,
Но так точно, как у ней,
Нечувствительно окончи.
Напиши ее глаза,
Чтобы пламенем блистали,
Чтобы их лазурный цвет
Представляя Паллады зорь;
Но чтоб тут же в них сверкал
Страстно-влажный взгляд Венеры.
Нос и щеки напиши
С розами млеком смешенным;
И приветствием уста
Страстный поцелуй зовущи.
Чтоб ее прекрасну грудь
И двойчатый подбородок
Облетал харит сбор.
Так ты ризой пурпуровой
Стройный стан ее одень,
Чтоб и те красы сквозили...
Полно... Вижу я ее;
Скоро, образ, ты промолвишь!

ОДА LIV
НА СТАРОСТЬ

Я, на юношей взирая,
Становлюся молодцом.
И хоть стар, но поспешаю
В хороводе их плясать.
Подьми меня, Кивелла!
Я иду... подай венок!
Старость прочь!.. плясать я буду
С молодцами молодцом.
Кто подаст мне чару полную
Соку Вакховых плодов,
Тот увидит старикову
Бодрость в пени, играх,
Из речей его забавных
И как пьет еще старик!

ОДА LV
О ЛЮБОВНИКАХ

На бедре, прижженном сталью,
Знают лошадь по тавру;
А парфянина по шапке.
Я ж влюбленного тотчас
По сердечной легкой метке
И на взгляд могу узнать.

ОДА LVI
НА СТАРОСТЬ

И виски уж поседели,
Голова моя бела:
Протекла приятна юность,
Старость по зубам видна.
Мало, мало сладкой жизни
Остается протекать!
Я стоною беспрестанно,
Таргара боюсь, дрожу...
Сколь сия ужасна пропасть
Страшной, мрачной глубины!
Зев ее открыт входящим,
Но из ней исходу нет.

ОДА LX
НА ФРАКИЙСКУЮ КОБЫЛИЦУ

Фракийска юна кобылица,
Что косо смотришь на меня
И так поспешно убегаешь?
Иль мнишь, что не проворен я?
Так знай, что я весьма искусно
Бразды и повод наложу
И под собою обращаться
Заставлю в поприще тебя.
Теперь резва, как лань младая,
На пастве скачешь ты легко,
Затем еще, что не нашелся
Искусный, знающий ездок.

Михаил Никитич Муравьев

ИЗБРАНИЕ СТИХОТВОРЦА

Природа, склонности различные вселяя,
Одну имеет цель, один в виду успех:
По своенравию таланты разделяя,
Путями разными ведет ко счастью всех.

Глас трубный одному на бранном поле сроден,
Победы шумной клик и побежденных стон;
Другому сельский кров и плуг косою угоден
И близко ручейка невозмущенный сон.

Я, блеском обольщен прославившихся россов,
На лире пробуждать хвалебный глас учусь
И за кормой твоей, отважный Ломоносов,
Как малая ладья, в свирепый понт несусь.

СТАНСЫ

Как мрачны небеса явят присутствие ночи
И томные глаза сомкну уже на сон,
То вдруг предстанет мне то ясно перед очи:
Так буду спать, как я из света выйду вон.

Ужаснейший предмет и смертным непонятный!
Трепещет естество, вообразив тот час,
Плачевнейший нам час и паки невозвратный!
Кто знает, далеко ль бываешь ты от нас?

Как буйный вихрь, стремясь из северной пещеры,
Вскрутится и корабль в пучину погрузит,—
Внезапно сей удар, прервав приняты меры,
Нас, мнящих в тишине пребыти, поразит.

О смертный! ты на рок отнюдь не полагайся,
Ты счастьем, но страшись всегда быть несчастлив,
От подлой гордости как можно сберегайся:
Тот низок навсегда, кто мог быть горделив.

А смерть между людей быть разности не знает,
Остра коса ее и ввек не престаёт,
Косящая руки ничто не запинаят,
И всякий день она багряны токи льёт.

СОНЕТ К МУЗАМ

Исчезните, меня пленявшие мечты!
Владычицы мои, а днесь мои врагини!
Мрачатся предо мной все ваши красоты,—
Оставьте ввек меня, пермесские богини!

Нельзя мне прославлять едиными усты
И бога браней гнев, и ваши благостыни,
И не довлеет мне едиными персты
Касатися меча и вашей святыни.

И како мне възпрати на струнах?
Не обитает Феб в воинственных станах,
Здесь нет пермесских вод, ниже коня крылата.

Я к лире не коснусь дымящейся рукой,
Потребны для стихов и время и покой,
А мука мне моя—грудов одна заплата.

Бежит, друзья, бежит невозвратно время;
 Давно ль зефиры здесь смягчали лютый мраз?
 Успело уж взойти в земле зарыто семя,
 Настал и жатвы час.

Отсюда солнышко недавно закатилось,
 И кажется оно сзад этого бугру,
 А завтра посмотри: когда не очутилось
 Не там, где ввечеру?

Проходит скоро год, да скоро возвратится,
 Увядший цвет теперь раскинется весной;
 А смертный человек уж младостью не льстится,
 Бел ставши сединой.

Вотще заржавет меч и возвратится в ножны,
 Вотще от яростных укроемся валов,
 Вотще от непогод мы будем осторожны:
 Все снидем в мрачный ров.

Ах! правда то, друзья, и боле чем желаем.
 Оставим землю, дом и милую жену,
 Погаснут страсти в нас, которыми пылаем,
 И склонимся ко сну.

Сон будет ли тогда иль вечно разбужденье?
 Ах! пусть то будет сон, коль страшно нам восстать!
 Но нет: похощет ли творец свое рожденье
 В сон срамный отметить?

Не дайте вашего, судьбы, мне видеть гнева,
 Коль дней своих еще не скучил я длиной,
 И пусть еще того слаб будет корень древа,
 Что в ров сойдет со мной.

Блажен я, коль главу власы покроют седы,
 Коль доведется мне жезлом стопы блюсти
 И вам, уж старикам, средь тихия беседы,
 Друзья! сказать «прости».

Теперь нам мило то, чтоб буйным вихрем мчиться,
 И псами, и коньми, и полем прельщены,
 А после будет нам противно отлучиться
 На час от тишины.

Однако ж, о судьбы! коль буду я порочен,
О милосердии к вам дланей не простру,
Да рок мой ни на миг не будет мне отсрочен,
Пускай я млад умру.

К ХЕМНИЦЕРУ

Спокойствия пловец желает, бурю видя,
Желает и герой, войну возненавидя,
Спокойству уступить.
Но смутны души их того желают ложно,
Чего ни серебром, ни золотом невозможно
Им, Хемницер, купить!

Мучитель убежать не может от тревоги
Ни в восходящие ко облакам чертоги,
Ни в Алциноев сад;
И целая толпа рабов его смущенных
Не может воспятить вокруг кровов позлащенных
Летающих досад.

С ним горькая тоска беседует всечасно,
И что приятно всем—ему лишь то ужасно:
И дружество, и сон.
Угрызы желчь лиют во снедь его любезну:
Он ярость в чаше пьет и видит тамо бездну,
Где прочи видят трон.

А тихий сон селян смыкает очи томны
И вносит на крылах в их дома неогромны
Ласкающи мечты;
Спокойна их душа подобием природы,
И лучше день один весенняя погоды,
Всей мира суеты.

Блажен, кто, лишь зарей поутру пробуждаем
И в собственной тени зефиром прохлаждаем,
Всходяще солнце зрит!
О, кто меня в страну восхитит вожделенну,
Где на руку главу склонил бы утомленну,
В древесной сени скрыт!

Примите вы меня тогда, сладчайши музы!
И дайте существа проникнуть мне союзы,
Природы вечну связь:

Какою склонностью мираы одушевленны,
К горящим солнцам их согласно устремленны,
Колеблются, катясь.

Я буду петь в свирель у сей волны священной;
Ты будешь спроводять на лире позлащенной
Глас пенья моего;
И пусть придет мой день: ты здесь меня успокоишь
И, может быть, еще слезами удостоишь
Прах друга своего.

Когда ж со Львовым вы пойдете мимо оба
И станут помавать цветочки сверху гроба,
Поколебавшись вдруг,
Я заклинаю вас: постоит! не бежите!
И, в тихом трепете обнявшись, скажите:
«Се здесь лежит наш друг».

К Д***

Твоею возбужден хвалою, воспаяюсь
Охотою вещать;
Ко лире я спешу и жадно устремляюсь
Восторги ощущать.

Лишь струны вдруг ее златые забряцают—
Яснеют небеса,
И воздух сладостны дыханья проникают,
И молкнут древеса.

Лесбийский гражданин ходил в потоках крови
И волны преплывал,
Однако ж чистых муз и с Вакхом мать любви
Муж бранный воспевал.

Разлившаяся река глубокой быстриною
Рвет берег и крутит,
Так Пиндар от очей, взвиваясь стремниною,
С величием летит.

Но кто ему вослед, бессмыслен, направляет
Свой дерзостный полет,
Тот крылья себе из воску составляет
И с шумом в понт падет.

Я, слабый ученик любовника Глицеры,
С трудом собираю сот
И, в мягких утаясь убежищах пещеры,
Склоняюсь от высот.

Там зыблущаясь тень и падающи воды
Прохладу мне дарят,
И с нимфами вдали сатиров хороводы
Прельщают и манят.

Со лирою моей зывают тамо рощи
И Эхо при волнах,
Доколе снидет тень и мрак священной ночи
Умает в тихих снах.

*

Любовник прелести, где я ее найду?
Я чествую ее в творениях природы:
Приемлют сердца дань искусства в их чреду,
Они, что радость льют в мои цветущи годы.
Счастлив, что я могу лить слезы и дрожать,
В Вергильевых стихах учуся знать Дидону,
Душой ответственую Дмитревского я стону
И лъзя ль, Белинду зря, ее не обожать.

ЖЕЛАНИЕ ЗИМЫ

Проникнув из земли, былинка жить не чает
И клонится, томна,
И кажется, сама природа примечает,
Что рушится она.
Вотще ей иногда ласкает день прекрасный,
Чтоб после обмануть;
Она, уж отступясь, свой видит труд напрасный
И хочет отдохнуть.

На листовых цветов их нежны нити стерты,
Объемля стебли, мрут.
Матерых группы древ на землю ниц простерты,
Младой природы труд.
Страдание земли зрит солнце потаенно.
Се суть Борей дни.
Во мрачны облака все небо сокровенно,
И ходят вкруг они.

Приди скорей, зима, и ветров заговоры,
Владычица, низринь;
Меж ними рождена решить их буйны споры,
Ослушных в бездны кинь.
Стели свой нежный пух воздушною тропею,
С зарею иней сей
И с играми спеши со пляшущей толпою,
Со праздностью своей.

Поля их белизной луч солнца заражают,
К себе его сводя;
Воздушны шарики друг друга отражают
И скачут, с ним сходя.
О, как я, восхищен, влеку свое дыханье!
Сверши, зима, сверши!
Лишь крылья ты сплеснешь, пойдет их осязанье
По жилам до души.

Но что? не гласы ль мне сдаются вопиющих?
Не се ли рога звук?
Дианиных подруг, я зрю богинь бегущих,
Златой на раме лук.
Ты медлишь здесь, олень, а рок твой близко ходит;
Оставь свой сладкий мох.
Пугливый житель роцд напрасно след отводит—
Издаст последний вздох.

Любови не совсем отходят в заточенье
И дышат и зимой;
Не та же ль Хлоя днесь и граций ополченье
Опасно ей самой?
Блюди, чтобы на дни мои не ископился
Завистливый Сатурн,
Зима, чтоб твой певец спокоен покупился
Кичливый вздеть котурн.

ТРИ ПЕРВЫЕ СТРОФЫ СОХРАНЕННОЙ ЛОНГИНОМ САФОВОЙ ОДЫ, СЛЕДУЯ Г. БУАЛО

Счастливы, кто близ тебя тобой единой тлеет;
Кто внемлет, восхищен, слова из уст твоих,
Кто сладостно твоей улыбкой щепенеет,
Превысят ли его и боги счастьем их?

Узрю тебя, и огонь тончайший пробегает
Из жилы в жилу вдруг по телу моему;
В порывах сладости душа изнемогает:
Я трачу глас, к лицу прильпясь твоему.

Се облак мглы очей отъемлет представленье,
Я слышать престаю, томлюся, во мрак впад;
Без цвета, задышась, во ужасе, во мленье,
Вдруг трепет пробежит, вокруг сердца станет хлад.

ВРЕМЯ

Постойте, вобразим, друзья, бегуще время:
Недавно упал без силы солнца свет—
Се, в нивах брошенно, проникло в класы семя
И жателя зовет.

Я солнце проводил вчера в вечерни воды.
«Покойся; и тебе приятно в волны лечь»,—
Вещал я; но оно, обшедши антиподы,
Успело день возжечь.

Однако, думал я, покоится мгновенье,
Уже за третий люстр два года я претек;
Счастлива жизнь! увь! ты бросилась в забвенье.
Не сон ли целый век?

Во времени одну занять мы можем точку.
Минута, кою жил, длинная году сна,
И бабочка, чья жизнь привязана к листочку,
Не тесно включена.

Мгновенье каждое имеет цвет особой,
От состояния сердечна занятой.
Он мрачен для того, чье сердце тяжко злобой,
Для доброго—златой.

Все года времена имеют наслажденья—
Во всяком возрасте есть счастье свое.
Но мудрости есть верх искусство соблюденья
Утех на житие.

Раскаянье есть желчь, котора простирает
Во недро времени противну грусть свою.
Но время наконец с сердечной дски стирает
Ржу чуждую сию.

Коль сердце между волн ты спас от сокрушенья,
Пусть будет наконец угодно так судьбе
Дней ясность помрачить, коль много утешенья
Останется в тебе.

НОЧЬ

К приятной тишине склонилась мысль моя,
Медлительней текут мгновенья бытия.
Умолкли голоса, и свет, покрытый тьмою,
Зовет живущих всех ко сладкому покою.
Прохлада, что из недр пространья земли
Восходит вверх, стелясь, и, видима вдали,
Туманом у ручьев и близ кудрявой рощи
Виется в воздухе за колесницей нощи,
Касается до жил и освежает кровь!
Уединение, молчанье и любовь
Владычеством своим объедают тихи сени,
И помахают им согласны с ними тени.
Воображение, полет свой отложив,
Мечтает тихость сцен, со зноем опочив.
Так солнце, утомясь, пред западом блистает,
Пускает кроткий луч и блеск свой отмечает.
Ах! чтоб вечерних зреть пришествие теней,
Что может лучше быть обширности полей?
Приятно мне уйти из кровов позлащенных
В пространство тихое лесов невозмущенных,
Оставив пышный град, где честолюбье бдит,
Где скользок счастья путь, где ров цветами скрыт.
Здесь буду странствовать в кустарниках цветущих
И слушать соловьев, в полночный час поющих;
Или облокочусь на мшистый камень сей,
Что частью в землю врос и частью над ней.
Мне сей цветущий дерн свое представит ложе.
Журчанье ручейка бесперестанно тоже,
Однообразием своим приманит сон.
Стопами тихими ко мне придет он
И распрострет свои над утомленным крылы,
Живитель естества, лиющий в чувства силы.
Не сходят ли уже с сих тонких облаков
Обманчивы мечты и между резвых снов
Надежды и любви, невинности подруги?

Уже смыкаются зениц уставших круги.
Носия с плавностью, стыдливая луна:
Я преселяюся во тёмну область сна.
Уже язык тяжел и косен становится.
Еще кидая взор—и все бежит и тмится.

ЖАЛОБЫ МУЗАМ

О вы, что первые моею страстью были,
Вы, коих я привык внимать прелестный глас,
Простите, Музы, мне, я жауюсь на вас;
Ах! нет, я слезы лью, что вы меня забыли.
Жестоко хлад сносить от друга своего,
А зреть его от вас жесточее всего.
Кто в ваших не был ввек приятностях учащен,
Так тот, лишаясь вас, не может быть несчастен.
Он вашим жаром грудь свою не проникал,
Не трогался до слез и к вам не привыкал.
Так что ему терять? Угрюм, он тем гордится
И, что прельщает всех, тем тронут быть стыдится.
А я... Мой слабый ум! где был ты отлучен,
Сей милой суетой в дни юны омрачен,
Со Федрою вздыхал, Оснельдою прельщался
И Музам, их еще не зная, обещался.
Вы наполняли жизнь, вы, Музы, лишь одне;
Но ваши милости теперь упрёкой мне.
Упрямые! мой ум досада отравляет,
Скажите, что меня днесь с вами разделяет?
Не отвращались вы моих нежнейших лет,
Я льстился, что со мной и дух ваш возрастет.
Но скорые года без пользы прокатились,
С мечтами вы ушли и всяять не возвратились!
Ах! дайте зреть опять, свой дайте зреть возврат,
Вы младости мечты, я в вас паду назад.
Вы легкими меня толпами окружите,
И путь склоните мой, и очи превяжите.
Пусть буду с вами я и буду заблуждать,
Чем медленно идти и хладно рассуждать.
А ты, божественной десницы в нас возженье!
Ты, сила сотворять, пылай, воображенье!
Где я? иль это мной играет сладкий сон?
По рощам днесь меня священным водит он,
По коим и струи прохладные катятся,
И ветры сладостным дыханьем тяготеются...

Но кая всходит вновь заря по высотам?
Не слышится ли ног бегущих топот там?
Находит трепет вдруг, с пресекишимися словами...
Вас, Музы! вас я зрю и пасть лечу пред вами.

РОЩА

Дашь ли свободный мне вход под тихо колеблющихся тени,
Роща!.. Святыни твоей стихотворец нарушить не может.
Прочь, злодейство, отсель! да век неповинного кровью
Древние корни сии обгагрены без мести не буду!
Да не почиет здесь век преломивший темничные узы,
Бледный, несущий злодейства, написанны в образе смутном!
Дай лишь в лоне своем убежище мыслящей Музе;
Скрой в себя ты ее в те полны чувствий мгновенья,
В кои с небес дарованье снисходит и душу колеблет.
Здесь я буду вперед собой наслаждаться и мыслить.
В темной прохладе здесь бодрствовать буду я утренню стражу:
Зритель безмолвный, поникну в явлениях сельския жизни;
Взором внимательным буду шаги спровождать земледельца.
Месяц спускается ниже и, кажется, падает с неба;
Свет вливается в воздух; волны с востока зарделись...
Ах! я видел мгновенье, в которо заря выходила.
Прелестьми юной бессмертной чувства мои обновлены.
Тихая светлость объемлет мою умилившуюся душу
Так, как прозрачное облако, в коем покоится солнце,
Только омывшись в волнах... Но кая внезапная сила
Вдруг вливается в жилы и их трепетать заставляет?
Кажется, ветви беседуют; кажется, некая влага
Воздух собой проникает и землю покоящую будит,
Землю, котора дремала, тенью своей покровенна.
Се содрогается чистой росой пробужденна, и всеми
Сродными ей ощутилось телами ее пробужденье.
Спящи дыханья проснулись: се дня рожденье младого.
Зрите в небесных долинах шествие солнца с востока.
Шествие, жизнь в природу вливающе, кое свершает
Мира картину. Так оживляются души народов,
Если помазанник вечного, если ими любимый
Царь на среду их исходит, величеством кротким одеян.
Зрите лице его чисто, безоблачно и веселящесь
Радостью мира. Счастливы сегодня, счастливы ты, ратай.
Цельный тебе я светлым сей день предвещаю. Мне солнце
Так открывает. Кто солнце назвать осмелится лживым?
Бейте крылами, зефиры, и зной умеряйте биеньем,

Чтоб не тягчил он нагбенных рамен земледельца трудящаясь,
Чтобы к горящим ланитам прохладнее он прикасался...
Се и зефиры томятся и крыльшкком машут единым.
Властвует солнце в природе, и вся природа без действия
Празднует то мгновенье, в кое солнце достигло
Свода небес средоточия. Кончи, о ратай! работу,
Много сегодняшним утром успел ты возделати нивы.
Зри, как, луч отметая, ральное блещет железо.
Се ярмо совлекает со дмящаясь коня земледелец,
Сам уклоняется к зыблемой тени сучистого дуба.
Платом с чела своего отирает струи потовые,
Шляпу бросает и грудью ложится, к земле прижимаясь;
А между тем как покоится плуг, на ниве вонзенный,
Конь, свободен от ужищ, катается, преобращаясь,
Гриву свою на траве расстилая; воздух, сраженный
Ржащего гласом, спустя мгновенье, отвечает против.
Се насыщенный резвостью бодро главу восхищает;
В землю упертый коленом, еще другое копыто
Силится тщетно поставить, чтоб тем подвинуть всю тягость,
И дотоле приподымается, ежели сразу
На ноги вскочит: волосы с выи на спину спадают,
Двигутся ноздри округом, и пар рассыпается в воздух.
Зрелища в поле друг за другом следуют и помрачают
Все взаимно себя. Какая меня ожидает
Там картина вдали? Бугорок, освещенный лучами,
Вдруг покрывается облаком тихо носимого праха.
Или сюда кто-нибудь, отдаленного города житель,
Тенью прельщенный, заходит почить в мгновение зноя?
Пусть он придет, сей путник уставший: здесь мягкие травы,
Здесь и журчащий ручей вливает сон в очи. Здесь нимфы
Шепотом тихим весь вечер прохожего слух удивляют.
Нет, не прохожий идет: это ратая нежна супруга,
Ествы полдневны несущая, ествы, варенные ею,
К этому смуглому юноше, коего первые взоры,
Первы похитить умела желания хитрою лаской,
Узы его на себя наложила она своевольно,
Ставши супругой, быть хочет рабою, любимой им только.
Зрите умильные очи ее, устремленны к супругу,
Столь воображающи живо все то, что сказать она медлит.
Нежность в них изъясляется с робостью, с этим смущеньем,
Кое тем сладостней зреть, чем более скрыть она хочет.
Ах! сей взор награждает его за труд его с лишком
И наперед наслажденье дает его собственну сердцу;
Будто взошли семена, как будто поспела уж жатва.
В черные очи его проникает пламень внезапно,

Руки простерты его: единое их прикасанье
Млеющу вержет на перси к нему; ах! он ощущает
Сердца биенья, которым его ответствует тотчас.
Как заблуждаюсь я, кисти моей поверяя толь много?
Можно ль подслушать супругов и тайны, одним им известны?
Только небесный певец, единый Мильтон то умеет:
Все восхищенья представить, и в самой их страсти безвинны,
И серафимов собор показать Адаму вкруг Еввы.

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

К Афанасью Матвеевичу Брянчанинову

Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных,
Жизнь сельская зовет согласия мои,
В долинах, муравой цветущею устланных,
Где Лухта льет тебе прозрачные струи.
Где ты из терема, куда ни кинешь взоры,
Повсюду мирное свое владенье зришь.
Тебе окружные желтеют жатвой горы,
Поля, где шествуешь, присутствием ты живишь.
Спешат кругом тебя прилежные селяне,
И нимфы вьют тебе венки из васильков.
С зарею восстают восхода солнца ране,
Железом воужась блистающих серпов.
Ах! счастливы стократ, свое копь счастье знают!
Трудятся, суетно свой ум не бременя,
Гуляньем летни дни иль пляской закладывают
И песенки поют у зимнего огня.
Что нужды, что зима? Еще им лето длится,
И счастье годовых не ведает времен.
Работы и забав единый круг катится,
Забавы без угрыз, здоровье без измен.
Такие дни текли вселенныя в начале,
Когда не ведали обманов, ни вражды:
Никто не странствовал знакомой сени дале
И всяк воздельывал отечески бразды.
Не заблуждались смиренные желанья
В исканье пагубных сокровищ и честей,
И связи родственны, и нежны воздыханья,
И нужда добрым быть спасали от страстей.
Так, Брянчанинов, ты проводишь дни спокойны,
Соединяя вкус с любовью простоты:
Из лиры своя изводишь гласы стройны
И наслаждаешься хвалами красоты.

Душою сильною, и жаждой просвещения,
 И прелестью стихов
 Тебя благоволил украсить в час рожденья
 Твой Гений, Ханьков.
 Мне жребий менее сияющий и лестной
 Достался от небес:
 Дни праздны в тишине вкушати неизвестной
 Под тению деревьев.

Товарищи, наставники, друзья,
 О книги! к вам украдываюсь я
 Мгновенье скрыть оставшейся прохлады,
 Вкушая в вас полезные отрады.
 Я наслаждатися меж вами прихожу
 И время течь скоряе обяжу.
 Ах! несмотря, что время скоро мчится,
 Мгновенья есть, когда оно влачится,
 Коль числит их душа, в бездейство впад.
 Единый труд отъемлет скуки хлад.

МИЛОЕ ДИТЯ

Ты мне делаешь приветства,
 Пляшешь весело со мной,
 И во всех забавах детства
 Я всегда товарищ твой.

Ты со мной не умолкаешь,
 Песни мне свои поешь,
 Мне отсутствие попрекаешь
 И со мною в пьальцы пьешь.

Но когда язык отважной
 Станет страсть изображать,
 Вдруг ты сделаешься важной—
 Я не смею продолжать.

О Розана, ты плутовка,
 Ты уж вышла из детей.
 Хладный вид—одна уловка,
 И Амур смеется ей.

ИСТИННАЯ КРАСОТА

Взор сияющ, очи ясны,
Сладок голос уст твоих—
Все черты твои прекрасны,
Нина,—лучше сердце их.

Мы сперва к тебе влекомы
Внешней вида красотой,
Более с тобой знакомы—
Забываем образ твой.

Удивленье наше данью
Добродетелям твоим.
Дух, отверстый состраданью,
Тьмою прелестей ценим.

Разум твой, небесный Гений,
Из стыдящихся ланит,
Сладких гласа наклонений,
Из улыбки говорит.

Крылья время низлагает
У твоих, драгая, ног,
И в объятья прибегает
Твой питомец—нежный бог.

Мнит, что видел он Киприду,
Но Киприду без вины,
Как предстала смертных виду,
Только вышел из волны.

Как весна твоя прекрасна,
Будет осень хороша.
Старость прелестям опасна,
В вечной юности душа.

ОТЪЕЗД

Любови, грации, простите
И за подругою летите,
За Ниной вашей и моей.
Ах, вашей, вашей несомненно,
Затем, что здесь уединенно
Я только слезы лью по ней.

Но вы стократ благополучны:
С своею милой неразлучны,
Как воздух, зыблетесь вкруг,
Как ветер, веете власами,
Ее играете красами,
Как вами — Душенькин супруг.

Играйте осторожно с Ниной
И берегите над стремниной
Раскат ее бегущих ног,
Смотрите козней и препятья,
Чтоб не схватил ее в объятия
Какой-нибудь сокрытый бог.

ПРАВОУЧИТЕЛЬ

Когда бы откупиться
От смерти мы могли,
Льзя было бы скупиться,
Чтоб денежки спасли.
Но бедно иль богато
Коль должно умирать,
На то серебро и злато,
Чтобы его метать.

Премудрость нас приводит
Ко счастью тишиной.
Но к нам она приходит
С жезлом и сединой.
Дней наших половина
Еще не перешла:
Пускай заморски вина
Обходят вкруг стола.

Любовны подлипалы,
Смотрите, как смешно:
Алкид у ног Омфалы
Крутит веретено;
Но Нисы томны взоры,
И Хлои нежна трель,
Аглаи разговоры...
Подайте нам кудель.

Иной бы стал непостоянством
 Тебе, Клариса, попрекать,
 А я гнушаюсь тиранством,
 Красавиц знаю почитать.
 Я уважаю ваше право
 Любить, покуда вам кто мил,
 И, рассуждая очень здраво,
 Не спрашиваю свыше сил.
 Счастлив, кто нес твои оковы,
 Что нужды, месяц или день,
 Пусть пременяет узы новы,
 Твоих красот не найдет тень.
 Где същдет эти своенравья,
 Улыбку, гнев и гордый взор,
 Сии внушения тцеславья,
 Злословья полный разговор?
 Все эти злости, столь любезны,
 Твою непостижиму власть,
 Твои оплошности, полезны
 Рассудок наш и сердце красть.
 Клариса, ставши постоянной,
 Была бы меньше хороша:
 Самой Киприде изваянной
 Недостает еще душа.

Итак, опять убежище готово,
 Где ленисти свободно лъзя дышать.
 Под сень свою, спокойное Берново,
 Позволишь мне из Твери убежать.
 Мне кажется, что древние пенаты,
 Не отягчив морщинами чела,
 Вошедша гостя зрят. Они мне святы,
 Хранители прекрасного села,
 Где тишина не знает грозной бури,
 Где под вечер при пении подруг
 На мураве младая пляшет гури
 И зрителей обворожает круг.
 Не вижу ль в них хозяина почтенна
 Со скромною улыбкой на устах,
 Которому забава драгоценна,

Пускай она и в детских суетах.
Прекрасны дни, увь, одно мгновенье,
Потщимся их остановить с собой.
И наша жизнь — зефира дуновенье:
Нет боле игр за мрачною волной.

Но кто идет из терема знакома
С веселостью и лаской на лице?
Не госпожа ль гостеприимна дома
Гостей своих встречает на крыльце
По древнему российскому поверью
Не из чинов, а прямою душой?
Обряды все оставили мы с Тверью —
Пусть там они, а здесь нехороши.
О мильй друг, чувствительный и нежной,
Сестра моя, ты в руки к ней спешись,
Ты здесь себя в сей жизни безмятежной
Дыханием свободным оживишь.
Ты любишь сень безмолвную Бернова,
И древний дом, и плодоносный сад,
И этот холм, что роци глыбь сосновой,
И мельницы шумящий водопад.
Смиренна Тма, какой своей прослугой
Название ты сие приобрела?
Вияся сей прекрасною округой,
Ты льешь струи прозрачнее стекла.
Иль для того, что, кроясь своенравно
В подножии высокия горы,
Меж берегов струишься плавно,
Маня к себе нимф сельских для игры;
Кидая темь, как плещутся пастушки,
В кустарниках скрываешь пастухов.
Узнавши то, завистные старушки
Сказали: «Тма течет средь сих берегов».

Но мы пойдем в убежище зверинца,
Где наш чудака, как новый Сведенборг,
Внимаючи внушениям мизинца,
Нечаянно почувствовал восторг
И наяву увидел пред собою
Трех нежных нимф в одежде так, как снег,
Воздушною спустившихся тропою, —
Он видел их по травке легкий бег.
Конечно, то живущи здесь дриады
Иль феи здесь свой держат хоровод.

Летайте вокруг, мечтания, отрады,
В охране дров, у падающих вод.
Зачем стеснять пределы воображенья?
Нам мал тот мир, что видим каждый день,
В невидимый мы любим посещение,
Прелестных снов мы осязаем тень.

Где можно спать спокойнее и доле,
О храмина, сокровищница снов?
Здесь, нега, всё твоей послушно воле:
И мягкий пух, и свет уйти готов.
И красота, свежее став покоем,
Пред зеркалом свою улыбку зрит.
Окружена забав и смехов строем,
Любови мать ей пояс свой дарит.

Но, раза два прошедши по аллее,
Не ждет ли нас обремененный стол,
Во светлой сей большой оранжерее
Оставленный гостям на произвол?
Здесь персики румянятся пушисты,
И розы здесь теряют позже цвет,
Там птички вокруг порхают голосисты,
У коих всё, одной свободы нет.
Пускай идет общественная чаша
От одного к другому вокруг стола.
Здоровье пью твое, мой друг Любаша,
Будь счастлива ты столько, как мила.
Пускай тебе божки соимениты
Не изменят, летая за красой,
И ямочки румяных ланиты
Улыбкою украсят образ твой.

УТРО

Тревожится кипяща младость,
И рушится мой сладкий сон.
Опять земле приносит радость
Из волн спешащий Аполлон,
Предвозвещаемый денницей,
С своей горячей колесницей
Поверх является валов.
В востоке злато разлиянно,
И вещество благоуханно
Лится в воздух со цветов.

Княжнин окончил жизнь. Умолкни, Мельпомена,—
 Неутешимые так скорби говорят.
 Но, слава! мертвых друг! ты буди ей замена;
 Пускай уста твои урон ее гласят.
 Пускай почувствуют свою глубокую рану
 Герои, коих ты воздвигнул от теней,
 И кроткий дух творца, подобно Владисану,
 Да снидет воспринять жаления друзей.

*

Здоровье девицы пятнадцати лет,
 Здравие вдовушки в сорок;
 Жеманницы, коей весь день — туалет,
 Смиренницы, с ней ободворок.
 Кубок налей, кланяйся ей,— } *дважды*
 Небось не осердишь виною своей!

Красавицы с ямкой в прелестных щеках,
 И той, что без них восхищает;
 Носящей заразы в двух томных глазах
 И той, что одним убивает.
 Кубок и проч.

Нимфы, что снег превзошла белизной,
 Смуглой, как смоль, будто черной;
 Женщины с тьмою забот за спиной
 И девушки, им непокорной.
 Кубок и проч.

И дюжи, и хлипки — мне все заодно:
 Мягко я сплю на столовье;
 Нальемте мы рюмки с краями равно
 И выпьем сподволь их здоровье.
 Кубок и проч.

*

Мои стихи, мой друг, — осенние листья:
 Родятся блеклые, без живости и цвету,
 И, восхищаемы дыханий злых усты,
 Пренебрегаемы разносятся по свету,

Не чтомые никем. Но дух во мне кипит,
И слезы зависти катятся по ланитам,
Что, указуемый гражданами пнит,
Не достигаю я в сообщество к пнитам,
Биющим верные удары во сердца,
Со въздыханьями влекущим слезы сладки.

СИЛА ГЕНИЯ

Любимцы гения от самой колыбели
Прекрасного заемают нежный вкус,
И видят граций хор, и слышат песни муз.
Тьмой разных он путей ведет их к славной цели
И расточает тьму даров:
И плески множества, и почести дворов,
И душ отменных дружбу.
Дыханьем гения тревожится пнит,
И умствует мудрец, и рвется сибарит
Из рук отчаянной любовницы на службу,
И в двадцать лет уже победой знаменит.
Но менее сердит,
Сей гений резвости влагает в пустомелю,
Который при дворе на службе ту неделю;
С Темирой томною на арфе он звенит,
Внушает сказку Мармонтею
И с Бомарше смешит.
Не может тяжкий труд и хладно размышленье
Мгновенным гения полетам подражать,
И сокровенную печать,
Которая его дает благоволенье,
Нельзя искусству похищать.
Сей огонь божественный, сие одушевленье,
Которое творит
Он, он его своим возлюбленным дарит;
Он обращает им все средства в наставленье.
Вергилиев, Корреджев колорит,
Иль поражающий и живописный вид
Природы дикой, мрачной,
Иль сердце нежное, которо тонко спит
Под дымкою прозрачной,—
Всё служит гению. Малейшие черты
Источником ему бывают красоты,

Но со счастливейшим души образованием,
 Когда бы льстился мирт со лавром соплетать,
 Сердечный терн быть может дара тать;
 Душевно здравие владеет дарованьем.
 Ах! если дух тесним страстей обуреваньем
 И свет покрыт густою тьмой,
 Тогда и гений сам светильник гасит свой.
 Воспитанник его, оставленный и сирой,
 С расстроенною лирой,
 Заросшей странствует тропой.
 Соперник дерзостный Албана
 Иль Тассов ученик,
 Произведет ли он дышащий граций лик
 Или Арמידин сад в середине океана?
 Услышит Духа бурь во песнях Оссиана
 Иль с Юнгом, может быть,
 Он будет слезы лить.
 Но сей покров волшебной,
 Который для него природу одевал,
 Рукою снят враждебной,
 И мир без своего очарованья стал.
 Не будет боле он в сени уединенной,
 У тока чистых вод,
 Взираи, восхищен, на ясный неба свод
 И жить с природою, потерян во вселенной.
 Без нужды воздыхать, возможно ль петь любовь?
 И между тем как томна кровь
 Влачится тягостно меандром,
 Изобразит ли он любимую Леандром,
 Уединенную священницу любви,
 Прекрасну Иро, во крови
 У башни, где вела счастливейшу неволю,
 С возлюбленным своим деящу горьку долю?
 Изобретет ли он волшебный островок
 И посреди его лиющийя поток,
 Над коим зыблются древесные вершины,
 Остановляющий журчание свое
 Для восприятия стыдящийся Лины,
 И шорох листвя, пугающий ее?
 Ах! должно быть природы милым чадом,
 И слышать глас ея,
 И в полноте вкушать всю сладость бытия.
 Коль беден тот, что скорби хладом
 Зрел юности цветы поблекши своя;
 Неосторожно свел две сцены жития,

Со утром сумерки, надежды с сожаленьем,
И, чашу роскоши стремительно пия,
Все выпил радости и вместе с вожделем!
Счастливей юноша! прекрасной Музы друг!

Питомец грации моральной!

Будь доле в обществе небесных сих подруг;
Довольно времени для истины печальной.

Ах! юношества цвет

Уносит резвости, стыдливости, въздыханья,

Как роз благоуханья,

Которые зефир по воздуху лиет.

Не разгоняй сей рой сияющих и звучной

Веселий резвых, легких снов,

Которых общества желал бы философ

В своей пустыне скучной,

Желал бы суетно; меж тем как весь их строй

Сегодня учится в уборной

У Нины непокорной,

Которой рабствует и пастырь и герой.

БОГИНЕ НЕВЫ

Протекай спокойно, плавно,

Горделивая Нева,

Государей зданье славно

И тенисты острова!

Ты с морями сочетаешь

Бурны росски озера

И с почтеньем обтекаешь

Прах Великого Петра.

В недре моря Средиземна

Нимфы славятся твои:

До Пароса и до Лемна

Их промчались струи.

Реки гречески стыдятся,

Вспоминая жребий свой,

Что теперь в их ток глядятся

Бостанжи с кизляр-агой;

Между тем как резвых граций

Повторяешь образ ты,

Повергая дани наций

Пред стопами Красоты.

От Тамизы и от Тага
Стая мчится кораблей,
И твоя им сродна влага
Расстиляется под ней.

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоинных красках
Одеянье скромной спальни
И амуры на часах.

Полон вечер твой прохлады—
Берег движется толпой,
Как волшебной серекады
Глас приносится волной.

Ты велишь сойти туманам—
Зыби кроет тонка тьма,
И любовничьим обманам
Благосклонствуешь сама.

В час, как смертных препроводишь,
Утомленных счастьем их,
Тонким паром ты восходишь
На поверхность вод своих.

Быстрой бегом колесницы
Ты не давишь гладких вод,
И сирены вкруг царицы
Поспешают в хоровод.

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пнит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

К МУЗЕ

На крыльях времени мои прекрасны дни
С собой похитили и смехи, и забавы,
И нежные мечты, и обещанья славы:
Ты, Муза скромная, урон их замени.

Вернее их в своих щедротах,
Отдай мне суеты ребячества; доставь
Еще мне счастье зреть старинны басни въявь

И воздыхать еще о нимфах и эротах.
Кому ты в юности сопутницей была,
Того и в охлажденных летах,
Когда суровый ум дает свои советы,
Ты манием зовешь волшебного жезла
В страны роскошны и прелестны,
Страны, одной тебе известны,
Послушные тебе где льются ручейки,
Где сладостной твоей улыбкой
Яснеют небеса, вздыхают ветерки
И вьется виноград с своей лозою гибкой.
Но где равно, когда нахмуришь бровь,
Во основаниях колеблется природа,
И меркнет свет, и стынет кровь,
И потрясаются столпы небесна свода.
Игры мечтания, которых суета
Имеет более цены и наслажденья,
Чем радости скупых, честолюбивых бденья
И света шумного весь блеск и пустота.
Любимцам, Муза, ты Елизий сотворяешь
И щедро сышлешь вокруг сокровища весны!
Где ты присутствуешь, там счастье водворяешь
И украшаешь все страны.
От греков уклонясь Ионии роскошной,
От сени тайныя, где твой Горацій пел,
Ты посещаешь днесь край западный, полнощной
И зиждешь граций там удел,
Где дики племена вели кровавы ссоры.
Приступна всем равно и смертным и странам,
Не уважаешь ты народов перекоры
И благосклонствуешь враждебным берегам.
Делясь меж Галлии и между Албиона,
Внушаешь Валлеру и Лафонтену ты
Неподражаемы черты,
Которым нет ни правил, ни закона.
Влагаешь чувство красоты
И в резвое дитя мечты
На берегах Авона,
И в гордого певца,
Который убежал из хижины отца
От влажных берегов архангельского града,
Чтоб всюду следовать, дщерь неба, за тобой
И лиру смешивать с военною трубой.
Тобою внушена бессмертна «Россиада»,
Тобою «Душенька». Ты с бардом у Невы

Священны истины вливаешь смертным в уши
Иль водишь сладостно в окрестностях Москвы
За бедной Лизою чувствительные души.
И мне с младенчества ты феею была.

Но благосклоннее сначала,
Ты утро дней моих прилежней посещала.

Или рассеялась густая мгла
И ясный полдень мой своей покрыла тенью?
Иль лавров по следам твоим не соберу
И в песнях не преяду к другому поколенью?
Или я весь умру?

Василий Васильевич Каннист

ОДЫ

ОДА НА РАБСТВО

Приемлю лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней;
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою,
И, соглася с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной;
Отчизны моя любезной
Порабощенье воспою.

А ты, который обладаешь
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злого их навета!
Соделай, да владыки света
Внушат мою нелестну речь,—
Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь поднимают
Тобою им врученный меч.

В печальны мысли погруженный,
Пойду, от людства удаюсь
На холм, древами осененный,
В густую рощу уклонюсь,
Под мрачным, мшистым дубом сяду.
Там моему прискорбну взгляду
Прискорбный всё являет вид:
Ручей там с ревом гору роет,
Унывно ветр меж сосен воет,
Летя с древ, томно лист шумит.

Куда ни обращу зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих;
Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них.

Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастье народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! судьбе угодно было,
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь.

Так древле мира вседержитель
Из мрака словом свет создал.
А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей,
Где нет любезныя свободы
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,
Несчастий полную чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
И зяле смерти жизнь влекут;

Насилия властей страшатся;
Погупя взор, должны стенать;
Подняв главу, воззреть боятся
На жезл, готовый их карать.
В веригах рабства уньвают,
Низвергнуть ига не дерзают,
Обременяющего их,
От страха казни цепенеют
И мыслию насилиу смеют
Роптать против оков своих.

Я вижу их, они исходят
Поспешно из жилищ своих.
Но для чего с собой выводят
Несущих розы дев младых?
Почто, в знак радости народной,
В забаве искренней, свободной
Сей празднуют прискорбный час?
Чей образ лаврами венчают
И за кого днесь воссылают
К Творцу своих молений глас?

Ты зришь, царица! се ликует
Стенящий в узах твой народ.
Се он с восторгом торжествует
Твой громкий на престол восход.
Ярем свой тяжкий кротко сносит
И благ тебе от неба просит,
Из мысли бедство истребя,
А ты его обременяешь:
Ты цепь на руки налагаешь,
Благословящие тебя!

Так мать, забыв природу в гневе,
Дитя, ласкающеся к ней,
Которое носила в чреве,
С досадой гонит прочь с очей,
Улыбке и слезам не внемлет,
В свирепстве от сосцев отъемлет
Невинный, бедственный свой плод,
В страданьи с ним не сострадает
И прежде сиротства ввергает
Его в злосчастие сирот.

Но ты, которая щедроты
Подвластные боготворят,
Коль суд твой, коль твои доброты
И злопреступника щадят,—
Возможно ль, чтоб сама ты ныне
Повергла в жертву злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
И мыслей чужда ты суровых,—
Так что же?—благ не скрыла ль новых
Под мнимым гнетом бедствий сих?

Когда пары и мглу сгущая,
Светило дня свой кроет вид,
Гром, мрачны тучи разрывая,
Небесный свод зажечь грозит,
От громкого перунов треска
И молнии горячей блеска
Мяется трепетна земля,—
Но солнце страх сей отгоняет
И град стуженный растопляет,
Дождем проливши на поля.

Так ты, возлюбленна судьбою,
Царица преданных сердец,
Взложенный вышнего рукою
Носяща с славою венец!
Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твояя лучами,
Как бурным вихрем, разобьешь,
И, к благу бедствие устроая,
Унылых чад твоих покоя,
На жизнь их радости прольешь.

Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериг постыдно сложишь бремя
С отчизны моей драгой.
Тогда—о, лестно упованье!—
Прервется в тех краях стенанье,
Где в первый раз узрел я свет.
Там, вместо воплей и стенаний,
Раздастся шум рукоплесканий
И с счастьем вольность процветет.

Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою;
Тогда, вослед правдивой славы,
С блаженством твоея державы
Твое я имя воспою.

НАГРАДА ПРАВЕДНОГО

Псалом I

Блажен, в совет кто нечестивых
Нейдет, на грешных путь не стал
И на седалище кичливых
Губителей не восседал.

Но всею волей покорится
Закону Бога своего,
И днем и ночью поучится
В заветах праведных его.

Как древо будет насажденно,
Что при истоках вод растет,
Плодом во время отягченно,
И лист его не опадет.

Во всем, что ни творит, успеет.
Не тако грешные, не так:
Но яко прах, что ветер возвеет
С лица земли в пустых степях.

На суд не встанут нечестивы,
Ни грешны к праведным в совет;
Господь бо весть пути правдивы,
А злых в пути погибель ждет.

ВЕЗДЕСУЩНОСТЬ И ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

Псалом 138

Творец миров и человека!
Ты испытал меня, узнал;
И сокровенны издалика
Мои ты мысли угадал.

Все подвиги мои ты знаешь,
Пути мои все видишь ты,
И каждый шаг мой назираешь
Недремно с горней высоты.

В уме рожденное лишь слово
Известно сердцу одному,
Из уст лететь едва готово,
Дошло уж к слуху твоему.

Везде твоя мне зрится сила,
Куда ни обращаюсь я,
И верх главы моей покрыла
Стреγουщая рука твоя.

Высокий стошь и стошь чудесной,
Творец! премудрости твоей
Постичь не может ум мой тесной,
Но, исступлен, дивится ей.

Где скрыться от тебя, не знаю:
Взнесусь над звездны высоты—
На троне там тебя встречаю,
Спущусь во ад—и тамо ты.

Парю ли на крылах денницы
За крайний океана брег—
И тамо длань твоей десницы
Мой быстрый остановит бег.

Я рек: во тьме могу сокрыться,
Но взор твой освещает тень:
Пред ним не может мрак ступить
И воссияет ночь, как день.

Сколь чуден Бог, меня создавший,
Сколь чуден ты в делах своих!
В них луч твоей блистает славы,
Душа моя гласит о них.

Когда еще я не зачался,
Меня уж ты образовал;
И ты, когда я оживлялся,
Из чрева матери приял.

Ты твари зрел не сотворенны,
Как будто б их давно создал,
И всей их жизни дни внесенны
Уж в книге вечности читал.

О, сколь твоя премудрость дивна!
Сколь множество ее плодов!
Как время, цепь их непрерывна,
Число—как тьма морских песков.

И ты ль, Творец! всезрящим оком
Злодейства грешников не зришь
И в гневе праведном, жестоком
Их смертью не паразишь?

Бегите ж, злые! уклонитесь,
Язык ваш остр, как жало змей:
Хулу гласить вы не страшитесь
На Бога в буйности своей.

О Боже мой! ты зришь и видел,
Как дерзостных врагов твоих
Я всей душой возненавидел
И за врагов считал моих.

Изведай, крою ль в сердце злобу?
О Господи! и вождь мне будь.
Смотри, мой путь ведет ли к гробу?
И к вечности скажи мне путь.

ОДА НА СМЕРТЬ ПЛЕНИРЫ

Где от горести унылой,
Где спастись от лютых бед?
Нет в живых Плениры милой!
Милый друг! тебя уж нет!
Где от скорби ни скрываюсь,
Все в мечтах с тобой встречаюсь;
В смертну погруженный сень,
Зрю твой гроб, вопль слышу слезный.
Все в глазах твой вид любезный
Носится, дражайша тень!

Тень дражайшая! смягчися:
Возвратись хотя на час,
Хоть на миг остановися
И подай в последний раз
Белизной блестящу снежной
Руку, что с улыбкой нежной
Простирала к другу ты.
Но, увы! ты отлетаешь,
Дух мой в горесть погружаешь,
В мрак унылой пустоты.

Тщетно слез струя катится,
Не смягчает скорби злой.
В сердце кровь остановится,
Как лишь гроб представляю твой.
В душу мне он ужас сеет.
Все в глазах моих мертвеет.
Каждый милый мне предмет
В виде кажется увялом.
Смерть надгробным покрывалом
От меня скрывает свет.

В рощу ль скроюся густую—
Осень уж ее мертвит,
На жену ль взгляну драгую—
Смертный одр пред ней стоит.
На детей воззрю ли милых—
Вижу в них сирот унылых.
Сам, скитаюсь меж гробов,
Мрачной, кажется, стезею,
Тенью предводим твоею,
Опускаюсь в смертный ров.

Вслед за скорбной сей мечтою
Скорбная летит мечта:
Вижу духом пред собою
Те печальные места,
Где теперь супруг твой страстной,
Удручен судьбой злосчастной,
Медленны часы влачит,
Где, от всех уединенный,
Мрачной мыслью отягченный,
С горестью один сидит.

Там он зрит перед собою
Скорбный вид мгновений тех,
Как, взмахнувши смерть косою,
Вкруг твоей постели всех
Ближних и друзей стеснила,
Как, прощаясь, ты вперила
На него померкший зрак;
К небу взведши взор, вздохнула
И глаза навек сомкнула
На драгих тебе руках.

О! почто же всем любезный,
Всех любящий человек,
Ближним, обществу полезный,
Кончит быстротечный век?
А злодей, как ястреб гладный,
Только крови ближних жадный,
В нечестивый путь течет
Средь утех, увеселений,
Без забот и огорчений
Сладкий, долгий век живет?

На что жизнь? В родах — мученье,
В детстве — раболепства гнет,
В юности — страстей волнение,
В мужестве — груды сует.
Старость — возвращает в детство.
Смерть — рождения наследство.
Вот что жизнь — се нива зол!
Сеет смерть и пожинает,
Землю в гроб преобразует,
Гроб — во мрачный свой престол.

Что ж скорбим, что в свет отселе
Спешно перешел наш друг?
Здесь в ее прекрасном теле
Обитал небесный дух,
Сердце верою дышало,
Каждо чуждой скорби жало
И ее пронзало грудь.
Дружество с любовью нежной
В дебре жизни сей мятежной
Ей прокладывали путь.

Верь, мой друг! и скорбь отрыши,
Верь, что слез твоих предмет
Из сей мрачныя пустыни
В вечный преселилась свет,
Что теперь твоя супруга,
Верх земного темна круга,
На люющих свет кругах,
В радость облачась, играет
И с отрадою взирает
На лежащий в гробе прах.

Верь, что миг тот нам плачевный,
Как померк в ней свет очес,
Очи ей открыл душевны
Зреть незримый свет небес;
В ров как гроб ее спускали,
На воздушных поднимали
Ангелы ее крылах;
Персть как с заступа ссыпалась,
Благодать преизливалась
На нее в златых лучах.

Верь и не скорби душою
О потере дорогой.
Радуйся: небес стезею
Уж она вошла в покой
В радужном венце победы.
Но от горня беседы,
Как взойдет на холм луна,
В ризы скрывшиися нетленны,
Прийдет в час уединенный
Утешать тебя она.

О, сниди, мой друг небесной!
Влей отраду в томну грудь.
К хижине моей безвестной
Ты легко заметишь путь:
Изваянный лик твой милый
Я поставлю над могилой,
Скрывшей прах отца, детей.
Там, сим видом привлеченна,
Снийдешь друга зреть смущенна
И мелькнешь в душе моей.

Гроб, где прежде взор мой бранный
Лишь пустыню находил,
Днесь мне зрится населенный
Сонмами небесных сил.
В них мне будешь ты мечтаться
И пред всеми отличаться
Лунно-видной белизной,
Как сияла между нами
Нежных прелестей чертами
И душевной красотой.

ОДА НА ДРУЖЕСТВО

Любезному брату

В полнощи, в темноте ненастной,
В пустыне дикой и глухой,
Свратясь с пути, прищлец несчастной
Ступает трепетной ногой.
Гонимый и ведомый страхом,
Встречает он пред каждым шагом
Потоки, терн, стремнины, рвы,
Вокруг зверей вой слышит гладный.
Власы подьемлет ужас хладный,
Катится хладный пот с главы.

В толиком бедстве изнуренный,
Отверстый видя смерти зев,
Какой отрадой восхищенный,
Зрит некий свет он меж дерев!
Летит к нему чрез страх, чрез бездны
И льет в восторге токи слезны,
Что к милу Фаросу достиг.
Селенья знаки тут находит.

От томна сердца страх отводит
И бедства забывает вмиг.

Лучом огня, лучом надежды
И дух и чувства он живит.
Дождем проникнуты одежды
Развеса на древах сушит,
Увявши ветви собирает,
Отрадно огнище питает;
И, в страх зверям, кладет кругом
Из хвороста костры зажженны;
При них возлегши, томны члены
Живительным покоит сном.

Такой отрадою сердечной,
Таким восторгом оживет,
Кто в жизни скорбной, скоротечной
Прямого друга обретет.
Сей верный друг, душой избранный,
В дедале жизни сей желанный
Покажет нам ко счастью путь,
Поддержит в горестях падающих,
Противу бед, на нас текущих,
Незыблему подставит грудь.

О дружество, союз священный!
Влиянно небом чувство нам!
И рок не страшен разъяренный
Тобою связанным сердцам.
Они, равно деля напасти,
Утехи, страх, надежду, страсти,
И мысль, и даже бытие,
В едину две души сливают,
Взаимным счастьем удвояют
И жизнь и счастье свое.

Но где, в каком краю забвенном,
О дружество! твой взор блеснит?
В сем мире, злобой развращенном,
Лишь имя нам твое звучит;
И имя уж сие святое
В орудие коварства злое
Пороками обращено:
Личиной, взору смертных милой,

Оно корысти вид постылой
И лезть скрывать принуждено.

Куда, Оресты, вы сокрылись?
Пиладов где теперь найти?
И вас, друзья! ¹ что жизнь стремились
Друг другу в жертву принести,
Что злость мучителя пленили?
Бессильны страхи смерти были
Ваш узел дружества согреть,
Вас дверь не разлучила б ада.
Вам счастье все и вся отрада
Для друга жить и умереть.

Но неужель во всей вселенной
Хоть искры дружбы нет прямой?
Никак: от пышных удаленно
Палат, темницы сей златой,
Скитаясь во изгнании строгом,
В пастушьем шалаше убогом
Склонилось дружество почить;
Там верностью и простотою
Приятно, с сей драгой четою
В безмолвии осталось жить.

Сколь мил мне край уединенный,
Где в юности, о нежный друг!
Взаимным чувством привлеченный,
Пленился дружеством наш дух!
Где вешними сей жизни днями
Росло оно, мужало с нами,
Пока, до зрелости дошед,
Явилось искушенно роком
В преврате случаев жестоком,
Превыше счастья и бед.

Сколько раз ты смерти предавался,
Жизнь друга твоего храня!
Последних хлеба крох лишался,
Чтоб в нищете не зреть меня.
Презрев спокойствие, забавы,
Моих лишь алчешь выгод, славы,

¹ И вас, друзья. Пифий и Дамон великодушным друг за друга жертвовавшим смягчили свирепство Дионисия, тирана сиракузского.

Моей надежды ждешь плодов,
Мои горестями томишься,
На страх, на смерть со мной стремишься,
Вознесть меня иль пасть готов.

Что ж в том?—здоровье, дар бесценный,
И жизни утонченну нить,
На жертву дружбе принесенны,
Ты можешь токмо подкрепить
Под чуждым, кротким небосклоном.
Судьба, не сыта смертных стоном,
Спешит уединить меня.
Покорен будь ей, друг любезной,
Столь горькой, но тебе полезной
Разлуке не противляюсь я.

Оставь—но на кого в разлуке,
Мой друг! меня оставишь ты?
В несносной погруженный скуке,
Везде зря горести, беды,
Нигде, и во вселенной целой,
В глазах моих уж опустелой,
Отрад, спокойствия не найду:
Драгою окружен семьею,
Как странник, я осиротею
И, скорбью удручен, паду.

Кто бальзам мне подаст сердечной,
Стенящему наедине?
Кто в мрак сходящу ночи вечной
Закроет томны вежды мне?
Кто без тебя, супруги страстной,
Тогда вдовы моей несчастной,
Отчаянных сирот моих
Отцом останется, подпорой?
Кто помощи рукою скорой
Осушит слезны токи их?

А ты, мой друг! средь шума круга
Не будешь ли уединен?
Где верного ты сыщешь друга?
Предел дней наших сокровен,
Но жизнь сколь ни кратка, ни брэнна,
Приятность дружества священна
Ее умножит во сто раз.

Чувствительное сердце знает,
Что жизнь должайшу заменяет
Один весельй с другом час.

Итак, да не разлúчит вечно
Черта нас жизни ни одна!
Пожнем плоды любви сердечной,
Пускай отеческа страна,
Котора нас на свет прияла,
Взлелеяла и воспитала,
Воспримет в недра нас свое.
Лежавшие в одной утробе,
Спряжем, в одном возлегши гробе,
И в смерти наше бытие.

Предел, где общий прах наш тленной
От смертных будет сокровен,
Чете, любовью воспаленной,
Навек останется священ.
А скрытый враг, друг лицемерной
Коснутся рукой неверной
Гробнице нашей не дерзнут:
Жестоки совести укоры,
Призраков наших грозны взоры
Оттоль их с страхом отженут.

Но если, верностью плененны,
На гроб наш притекут друзья
Обеты подтвердить священны
Нелестной дружбы своея,—
Сей дружбы их взаимный пламень,
Проникши хладный гроба камень,
Мгновенно оживит наш прах;
И наши тени вознесутся,
Над их главами обоймутся
И възыграют в облаках.

ИЗ ЦИКЛА «АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ ПЕСНИ»

НЕВЕРНОСТЬ

Поля, леса густые!
Спокойствия предел!
Где дни мои златые,
Где я Лизету пел?

Судьбы моей премену
Теперь я вам пою:
Лизетину измену
И верность к ней мою.

В глазах ее всечасно
Любви огонь блистал;
Казалось, так же страстно
И дух ее пылал.
Но взор молодой Лизеты
Стремился лишь пленять.
Ах! как в такие леты
Уметь уж изменять!

Приятны разговоры,
Улыбка, страстный вид
И самые нежны взоры—
Всё в ней притворно льстит.
Но всё в ней прелесть нова!
Ах! пусть она б была
Или не так сурова,
Или не так мила.

Лесок, где я тоскую,
Где счастье зрел мое,
Напомни мне драгую—
Я всё люблю ее.
Ее неверность знаю,
Тьму горестей терплю,
Всечасно ей пеняю,
А всё ее люблю.

НА СМЕРТЬ ЮЛИИ

Уже со тьмою ночи
Простерлась тишина.
Выходит из-за рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Петь скорь, обьявшу дух.
Приди грустить со мною,
Луна, печальных друг!

У холодной сей могилы,
Под тенью древ густых,
Услышь мой вопль унылый
И вздохов стон моих.
Здесь Юли любезной
Прах милый погребен.
Я лить над ним ток слезной
Навеки осужден.

Подобно розе нежной,
Ты, Юлия! цвела.
Ты в жизни сей мятежной
Мне друг, мне все была.
Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать
Иль, скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон:
Слезами омоченной
Немеет лиры звон.
Безмолвною тоскою
Сильный теснится дух:
Приди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг!

КРАСАВИЦЕ

Зачем, как мотылек,
С цветочка на цветок
Анакреон беспечно
Весь век свой пролетал?
«Такой, как ты, конечно,
Он розы не сыскал».

СТАРОСТЬ И МЛАДОСТЬ

Хвалят старое вино,—
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга,—
Правда, сердце он делит,
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

Может быть, за правду эту
Свет и насмеется мне,
Да вольно ж смеяться свету.
Что приятно в старине,
Тем отнюдь я не гнушаюсь:
Скуку и печаль стараюсь
В старом утопить вине.
С старым другом вечно буду
Душу отводить душой,
А с подругой молодой
Свет весь и себя забуду.

Хвалят старое вино,—
Правда, веселит оно.
Выхваляют стара друга,—
Правда, сердце он делит,
Но млада, мила подруга
Мне обоих заменит.

МОТЫЛЕК

Кверху жаворонок вьется,
Над горой летит сокол,
Выше облаков несется
К солнцу дерзостный орел,
Но летает над землею,
С мягкой травки на цветок,
Нежной пылью золотою
Отягченный мотылек.

Так и мне судьбою вечно
Низкий положен предел.
В урне роковой, конечно,
Жребий мой отяжелел.
Случай как ни потрясает
Урну, всё успеха нет;
Как жезлом в ней ни мешает,
Жребий мой на низ падет.

Так и быть,—пусть на вершине
Гордые дубы стоят,
Ветры бурные в долине
Низким лозам не вредят.

Если ж рок и тут озлится,
Что осталось? — терпеть!
Боле счастливый боится,
Чем несчастный, умереть.

РАЗЛУКА

Ясна ночь: небес светила
Ярко в синеве блестят,
Лишь одна луна уныла
Полсокрытый кажет взгляд.
Что ж, луна! зачем закрыла
Полкрасы ты своя?
«Ненавистна тень затмила
Солнце, кем сияю я».

Игр веселость оживила
Дев прекрасных коровод;
Сашенька одна уныла
Горьких слез потоки льет.
Сашенька! зачем же скукой
Ты томишь свой нежный дух?
«Скорбной удален разлукой,
Кем живу, мой милый друг».

Не навеки заграждает
Тень сиянью солнца путь,
И луна уж поспешает
Полным к нам лицом взглянуть.
Сашенька! не будь уныла,
Не томи твой нежный дух:
Ведь не смерть вас разлучила,
Возвратится милый друг.

БОГАТСТВО УБОГОГО

Кто счастья ищет в свете,
Тщеславие любя,
Тот ввек имей в предмете
Лишь одного себя;
Но я лишь рад покою,
Гордыне не служу,
В сей хижине с тобою
Я счастье нахожу.

Купцы в моря глубоко
За золотом пусть плывут,
Цари пусть крови токи
За шаг границы льют,
Но я, не алча кровью
Купить вселенной всей,
Твоей одной любовью
Богаче всех царей.

Хоть хижина убога,
С тобой она мне храм,
Я в ней прошу от Бога
Спокойства только нам.
Но века чтоб прибавить,
О том я не молюсь:
Тебя, мой друг, оставить
И пережить боюсь.

НАПРАСНЫЕ СЛЕЗЫ

Когда на розу взглянешь,
Себя к ней примени;
Пчелу на ней застанешь,
О мне вспомяни:
Она не жалит розы,
Лишь сладкий мед сосет;
К чему ж твой стон и слезы?—
И я б сосал лишь мед.

НЕВОЛЬНАЯ РАЗЛУКА

Что вы, милые цветки!
Так поблекли, приуныли,
Ваши томные листки
Вниз печально опустили?
Ах, что вижу, ручеек,
Кем ваш корень освежался,
Кинув вас, другой лужок
Напоить вдали помчался.

Лиза, друг мой! что же ты
Так печальна, приуныла,
Блеск прелестной красоты
Током слезным помрачила?

Неужель пастух драгой,
Кем твой дух воспламенялся,
Новою пленясь красой,
Навсегда с тобой расстался?

Но, цветки! на ручеек
Не роштите вы напрасно:
Камень, с гор катясь, поток
Отвратил от вас прекрасной.
Посмотрите ж, как ревет,
Как он, пенясь, землю роет,
Скоро камень унесет,
И ваш берег вновь омоет.

Лиза! в горести стена
И терпя несносну муку,
Не рошци ты на меня
За невольную разлуку:
Скоро брошены судьбой
Тяжки цепи я разрушу,
Скоро обоймусь с тобой
И солью с душою душу.

НЕОСТОРОЖНЫЙ МОТЫЛЕК

В прохладный летний вечер темной,
Озябши, легкий мотылек
В чертог Темирин освещенной
Летел на ясный огонек.
Там роза на окне стояла,
С зарею чуть лишь расцвела;
Румянцем, свежестью пленяла
И мотылька к себе звала.

Влекомый запахом приятным,
На розу мотылек взлетел;
Питаясь соком ароматным,
В забвеньи сладостном сидел.
Но вдруг, прельщенный ярким светом,
Помчался с розы мотылек;
Беспечным вкруг огня полетом
Порхал и крылушко прижег.

Еще есть время, мотылец!
Пока совсем ты не сгоришь,
Душистый ждет тебя цветочек,
Лети,—но ты в огонь летишь!
О сердце! равной с ним напасти
Чтоб и тебе не потерпеть,
Беги от милой, пылкой страсти,
Не то—придет и нам гореть.

ИЗ ЦИКЛА «ГОРАЦИАНСКИЕ ОДЫ» ПОДРАЖАНИЯ

ПЕВЦУ ФЕЛИЦЫ

Кн. I, ода XXVI

Доколе музами любим,
Тревоги все, заботы, горе
За ветрами пушу я в море,
«Счастливым путем!»—примолвя им.

Пусть галл Европой потрясает,
Бриганец всех на море бьет,
От рая Пий ключи теряет,—
Да мне до них и нужды нет.

Честей я не служу кумиру,
Ползком я злата не ищу;
Доволен малым,—жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу.

О Муза, друг холмов тенистых,
Любящая Кастальский ток!
Певцу Фелицы свей венки
Из лавров, из цветов душистых.

Я слаб ему хвалу греметь,—
Тебе, сестрам твоим пристойно
Возвысить звонку лиру стройно
И Фебова любимца петь.

ВЕСНА

Кн. I, ода IV

Уж юный май в весенней неге
Спешит, прогнавши зимний хлад,
Суда, осохшие на бреге,
На волны с крутизны скользят,
К загону стадо не теснится,
Не жметя к огоньку пастух,
И инеем не серебрится
Покрывшийся травю луг.

При лунном в рощице сияньи
Сзывает Ладо юных дев.
В прозрачном льняном одеяньи,
Они под плясовый напев,
Сплетяся белыми руками,
Летают, чуть клоня траву,
И мерно легкими стопами
Атласят мяжку мураву.

Вот время первые цветочки
С блестящею росой срывать
И, свив душистые веночки,
Власы красавиц увенчать.
Вот время влюбчивому Лелю,
На место жертвенника, в честь
Из мягких роз постлать постелю,
А в жертву — горлицу принести.

Мой друг! тебя днесь рок ласкает,
Но бледно-тоща смерть ногой
Равно в златую дверь толкает,
Как в двери хижины простой.
Превратна жизнь и скоротечна
Претит достичь нам дальних мет;
За нею ночь нас встретит вечна,
И хлябь земная всех пожрет.

Там злато, знатность напыщенна
Не развлекают твоих очей;
Приятство дружества священна
Души не упоит твоей.
Не будешь виночерпной чашей
В пирах любовь ты воспалить;

В объятьях неги с милой Дашей
Сладчайший всех нектар вкушать.

Спеши ж—в кругу отрад, веселий
Крылатый миг останови:
Брегись, чтоб с ним не улетели
Восторги первья любви.
Лишь раз ее очарованье
Нас может в жизни усладить,—
Увы! прелестно сна мечтанье,
Проснувшись, лъзя ли возвратить?

УТЕШЕНИЕ В ГОРЕСТИ

Кн. II, ода IX

Не вечно ливнем дождь стремится
На пестрое лицо полей;
Не вечно бурями мутится
Поверхность зеркальна морей.
Не ежедневно в круге года
Тягчит верхи Рифейски лед,
В дубравах воег непогода
И вихрь с деревьев листья рвет.

А томный вопль твой мила друга
Не престает из гроба звать!
Светило дня с сафирна круга
Спешит ли в море бег скончать.
Вослед ли золотой денницы
Течет оно на свод небес,—
Ступень бесчувственной гробницы
Ты током орошаешь слез.

Но старец, век тройной проживший,
По Антилохе дорогом
Не век стенал, ток слез проливши,
Не вечно сетовал о нем.
Не вечно юного Троила,
Как пал он в мрачный ада зев,
Крошилась хладная могила
Росою слез троянских дев.

Прерви ж стенанья малодушны,
Прерви, и вместе воспоем
С десницей росса неразлучны
Победы, новой славы гром:

Как быстрый Пад пред ним смирился
И алчна гидра вспять бежит,
Хребет Альпийский преклонился
И галл в ущельях гор дрожит.

ВРЕМЯ

Кн. II, ода XIV

Неприметно утекают
Воскрыленные лета.
Старости не удаляют
Ум ни сердца правота;
И прогнать не могут мимо
Смерти, ввек неумолимой.

Хоть молебны кто всяк день
Петь о многолетстве станет,
Смерть, привязчива, как тень,
На минуту не отстанет.
Все—и раб, и царь с венцом—
Спустимся в подземный дом.

Тщетно кровью обгаренных
Будем убегать полей,
Волн беречься разъяренных
И зараз осенних дней:
К предкам должно преселиться,
Праху с прахом соединиться.

Должно всё оставить здесь:
Дом, роскошную услугу,
Нежную с детьми супругу;
И, из саженных древес,
Ельник лишь один постылый
Нас проводит до могилы.

Все мы так, как тень, пройдем,
А наследник наш богатый,
Цельным капским тороватый,
Век нетронутым вином,
Закутя пиры и балы,
Через край нальет бокалы.

БЕЗЗАБОТНОСТЬ

Кн. II, ода XI

На что нам гальска исполина
Решить затей наугад
Иль ков британца, с кем пучина
И чужды царства нас делят?
На что, покой тревожа сладкой,
В пустых заботах век кружить
И нитку льняну жизни краткой
С кострицей жесткою сучить?

Уж пылакость, молодость отстали,
Ушли давно от нас бегом,
И наши седины прогнали
Любовь игриву с сладким сном.
Недолго свежими цветами
Любезна красится весна;
Не вечно полными лучами
Блестит пременчива луна.

Почто ж на замыслы надмерны,
Которых веком не свершить,
В заботах тратить час неверный,
Готовый всех нас пережить?
Не лучше ль на полянке чистой,
Под тополью роскошной сей
Или под липою тенистой
Нам пить за здравие друзей?

Подайте ж ви́н,—из древня века
Всегда в чести было вино:
Твердят, что сердце человека
Невинно веселит оно.
Скорей шампанское несите.
Покуда пробок вверх не бьет,
И в ручейке прохолодите,
Что с шумом возле нас течет.

ДРУГУ МОЕМУ

Кн. I, ода IX

Взгляни, как, снегом покровенны,
Высоких гор верхи блестят;
Как сосны, инеем нагбенны,
И реки, льдом отягощенны,
В брегах, оцепенев, стоят.

Теперь-то, сидя у камина,
Мороз забыть ты нас заставь;
По старшинству их лет и чина
Вели подать венгерски вина,
А прочее богам оставь.

Метели, бури и морозы
Когда они хотят смирить,
Тогда ни липы, ни березы,
Ни гибки однолетны лозы
Не смеют веткой шевелить.

Что завтра встретится с тобою,
Не беспокойся узнавать,
Минутной пользуйся чертою
И день, отсроченный судьбою,
Учись подарком почитать.

Во младости несуетливой
Без пляски, игр не трать часа,
И плод вкушай любви счастливой,
Покуда старостью брюзгливой
Не посребрятся волоса.

Теперь тебя зовут гулянья,
Театр, концерты, маскарад
И те условенны свиданья,
Где нежны вечерком шептанья
Украдкой о любви твердят;

Где смех невольный открывает
Красотку в темном уголке,
Что в фанты перстенец теряет
И слабо лишь обороняет
На сжатой с нежностью руке.

СУЕТНОСТЬ ЖИЗНИ

Кн. IV, ода VII

Растаял снег, земля открылась,
Позеленела мурава,
Струя кристальна с гор скатилась,
Оделись листьями древа.

Возобновился вид природы,
Впадают реки в берега,
И дев веселы короводы
Уж топчут мягкие луга.

«Не льстись ничем ты вечным в свете»,—
Твердит тебе то год, и час,
И миг, что в молненном полете
Крыло времен несет от нас.

Весна морозы прогоняет,
Спешит за нею лето вслед,
С плодами осень поспешает
И зиму строгую ведет.

Но года круг непостоянный
Стократ возобновит луна,
А ты, в подземный дом изгнанный,
Век будешь прах и тень одна.

Кто весть, угодно ли судьбине
Прибавить к нашей жизни миг?
Что дашь себе, то вырвешь ныне
Из рук наследников скупых.

Когда умрешь и поневоле
Тебя к кладбищу отнесут,
Ни знатный род, ни честь оттоле,
Ни ум тебя не изведут.

Никто не выходил из гроба,
Хоть всяк в него отсель идет.
Бездонна, знать, земли утроба:
Повсюду вход—исхода нет.

ОДА «ЛОМОНОСОВ»

Кн. IV, ода II

Кто росску Пиндару желает
В восторгах пылких подражать,
Вослед Икара тот дерзает
На крыльях восковых летать:
Взнесется к облакам—но вскоре,
Лишь солнца силу ощутит,
Низринется стремглав—и море
Безумца имя возвестит.

Как быстрый ток струи скопленны
Стремит с крутой вершины гор,
Кристаллы льет на брег зеленый,
Дремучий будит шумом бор,—
Так звучной лирой Ломоносов,
Сопровождая громкий стих,
Пленяет слух и души россов
И усладит потомство их.

Творца глаголы повторяя,
На суд ли смертного с ним звал?
«Он, гласом грома прерывая,
Словами небо колебал.
С покрытыя пучины мглою
Хаосный, ленистый туман
Разгнал всесильною рукою
И с суши сдвинул Океан».

Поет ли, как восход денницы,
Минервы шествие на трон?
Коль важно подвиг сей царицы,
Коль громко возглашает он!
«Сам Бог ведет; и кто противу?
Кто ход его остановит?
И океанских вод разливу
Навстречу кто поставит щит?»

Любви ль предел изображает—
Как кисть его оживлена!
Какою прелестью пленяет
Волшебна, райская страна!
«Там мир в полях и над водами,

Там вихрей нет, ни шумных бурь:
Меж бисерными облаками
Сияет золото и лазурь.

Древа листьями помавают
И, нежну ощущая власть,
Друг друга ветвями обнимают,
В бездушных там любовна страсть.
Ручьи вослед ручьям крутятся,
То гонят, то себя манят,
То прямо друг к другу стремятся
И, слившись меж собой, журчат».

За Марсом ли вослед дерзая,
Сражений представляет вид:
«С трофея на трофей ступая,
Российско воинство спешит.
Орлам сим воды, лес, стремнины,
Глухие степи—равен путь:
Нося перун, полки орлины
Парят, где ветер лишь может дуть».

С такою дерзостью чудесной
Изведав неусталость крыл,
Верх облак, в синеве небесной,
Российский сей орел парил.
Но я, как пчелка над землею,
С трудом с цветов сосуща мед,
Я тиху песнь жужжать лишь смею:
Высокий страшен мне полет.

Державин! ты на лире звонкой
Воспой великие дела
Царицы, что победой громкой
Моря и сушу потрясла.
Воспой богов сей дар бесценной,
Дороже коего они
Не могут ниспослать вселенной,
Хоть возвратят золотые дни.

Воспой тот день трикрат счастливый,
Когда на жертвенник побед
Зеленый лавр, обвит оливой,
Она в знак мира вознесет.
Тогда и я, в толпе народа

Участник общего добра,
Во время пышна к храму хода
С восторгом возглашу: ура!

С тобой мы вместе радость нашу
Явим усердным торжеством:
Бесценных ты мастиков чашу
Возжжешь пред мирным божеством.
Чертог твой, яркими звездами
Украшен, ночью возблестит,
И радостными голосами
В нем гимн Астрее возгремит.

А я, помост усыпав храма
Взражденными цветами мной,
Возжгу в нем горстку фимиама
С белейшею лилей свечой
Из воска, что с полянки смежной
Трудолюбивая пчела
За мой о ней надзор прилежной
С избытком в дар мне принесла.

БОГАТОМУ СОСЕДУ

Кн. II, ода XVIII

Парчи и резьбы позлащенны
Не красят дома моего;
Столбы, в Карраре иссеченны,
Преддверий не хранят его.
Алмазами в нем чаш блестящих
Не притекает зреть народ;
И до зари толпа просящих
Меня в сенях моих не ждет.

Но честность, лиры дар небесный,
В удел сей жизни рок мне дал.
Не знатен—знатым я известный,
И нищ—богатым нужен стал.
От неба больше не желаю,
Рожден не алчным, не скупым,
Друзьям могущим не скучаю:
Доволен малым я своим.

Теснятся в вечность дни за днями,
Как в море за волной волна;
То светит полными лучами,
То умаляет круг луна;
А ты, как бледна стена слоняясь,
Гранит распиливать велишь;
Гробницею не занимаясь,
Палаты к небу громоздишь.

Владея целым берегом моря,
Расширить поле чтоб свое,
С несытою пучиной споря,
Теснишь плотинами ее.
Столбы сдвигая порубежны,
Соседов гонишь ты твоих;
И каждый день, чрез нивы смежны
Шагнув, захватываешь их.

Изгнанный старец, муж с женою,
Бежа из родины своей,
Уносят бедность за спиною,
А у груди нагих детей.
Богач! на что ж ты грабишь нища?
И подле груды золотой
Тебе вернее нет жилища,
Как под могилою сырой.

Земля всем смертным без разбора
Готова лоно растворить,
И ненасытной смерти взора
Не можно златом обольстить.
Богатых и счастливых племя
Сечет она, как летний цвет,
И снять придет с несчастных бремя,
Хоть ими призвана, хоть нет.

КРАСОТА

Кн. IV, ода X

Еще до сей поры пленяешь,
Влечешь к себе всех взоры ты
И гордо сердце подкрепляешь
Цветущим блеском красоты.

Но скоро уж, когда с годами
Увянет нежная краса,
Спадет волнистыми шелками
Плеча покрывшая коса.

Когда черты, где свежи розы
Слились с лилейной белизной,
Свирепы ощути морозы,
В морщинах блеск сокроют свой,—

Тогда, с немой упрёкой, грозно
В невинно зеркало взглянув,
Тогда-то, Хлоя, но уж поздно,
Ты скажешь, горестно вздохнув:

«Зачем в приятной я судьбине,
Как ныне, мыслить не могла»,—
Или: «Зачем не та я ныне,
Не та, что в младости была!»

ВОРОЖБА

Кн. I, ода XI

Хлоя! не желай бесплодно,
Любопытствуя, открыть,
Долго ли богам угодно
Нашу жизнь еще продлить?

Ворожкой не занимайся
О предбудущей судьбе,
Принимать равно старайся
Всё, что суждено тебе.

Хоть еще на свете много
Лет нам рок прожить велел,
Хоть с зимою сею строгой
Жизни положен предел,—

Хлоя! жить спешу украдкой,
Смейся, пой, люби, играй
И, по мере жизни краткой,
Цель надежды приближай.

Миг, в который молвим слово,
Улетел уже от нас:
Не считай на утро ново,
А лови летящий час.

СОВЕТ

Кн. II, ода III

В напастях, горести старайся
С великодушием терпеть,
А в счастье не забывайся.
Мой друг! ты должен умереть.

Умрешь, хотя печалься вечно,
Хоть в праздные, веселы дни
Вино ты прийдешь пить беспечно
В гостеприимной дров тени,

Сребриста тополь, ель высока
Где дружны ветви в свод плетут,
С журчаньем где струи потока,
Извившись, торопко текут.

Вели ж там вина, ароматы
И кратковечных роз принести,
Пока нам счастье, дни крылаты
И младость позволяют цвести.

Домы, сады распространены
Покинешь ты, оставя свет,
И клад, годами накопленный,
Наследник алчный твой возьмет.

Хотя богат, породы знатной,
Хоть раб и в хижине живешь,
Хоть царь, но смерти беспощадной
Равно ты жертвою падешь.

Назначен всем предел нам равной;
Всяк жребий вынут наугад,
И в вечну ссылку, поздно ль, рано,
Нам парки всем спешить велят.

ДРУГУ СЕРДЦА

Кн. II, ода VI

Я знаю, друг мой, что за мною
На край бы света ты летел,
Со мной бестрепетной ногою
Гиркански дебри ты б прошел;
И ссылочной Сибири холод,
И средь песков ливийских зной,
Меж лютых кафров жажду, голод
Охотно б претерпел со мной.

Но дай Бог, чтоб на бреге Псола,
Где липы мне шалаши плетут,
В тени зеленого раздола
Был старости моей приют!
Дай Бог, чтоб счастье там прильнуло
К груди, усталой от забот,
И томно сердце отдохнуло
От бурных жизни непогод!

Но ежели свирепством рока
Удела милого липущь,
На тучный брег Салдайска тока,
В Тавриду древню преселюсь,
Где овцы, плененой обвиты,
Красу сребристых нежат рун,
Отколь в кумирах знаменитый
Владимиром сражен Перун.

Земли тот уголок счастливый
Всех боле мест манит мой взор:
Средь леса зреют там оливы,
Мед каплет из ущелья гор.
Там долго ветр весенний веет,
Гнетет недолго зимний хлад,
В долинах, как янтарь, желтеет
Токайский сладкий виноград.

Вот там-то, в рощице тенистой,
Усталой мягкой муравой
Близ тока, из скалы кремнистой
Жемчужной льющегось струей,

Мы сядем отдохнуть с тобою
И дружны соединим сердца.
Там теплой оросишь слезою
Прах милого тебе певца.

Юрий Александрович Нелединский-Мелеуцкий

ГР. А. С. С...Й ЗА УЖИНОМ,
ПРИ ОЖИДАНИИ ПОЛУНОЧИ,
НАКАНУНЕ НОВОГО, 1781 года

Где не знают скуки бремя,
Где веселье на лицах,
Нужно ль замечать там время?
Нужно ль думать о часах?
Старый год пускай проходит;
Из твоих ведь не уводит
Никого он за собой!
Спутники твои—утехи,
Радости, игры и смехи—
Век останутся с тобой.

ТЕМИРЕ

Желал бы целый мир во власти я иметь
На то, чтобы тебя владычицей в нем зреть.
Все для главы твоей слиять в одну короны
И, кроткие прияв из милых уст законы,
Орудьем быть твоих ко подданным щедрот
И видеть, что тобой счастливы весь смертных род.
Жила бы тем душа, горящая тобою,
Что счастье земле дано твоей рукою,
Что в области твоей печальных нет сердец,
Что всем возлюбленны твой скипетр и венец.
Я рай бы видел свой в том, что моя Темира,
Моя владычица—любовь всего и мира!
Пускай, пленясь души и тела красотой,
Всяк из рабов твоих совместник был бы мой,

Любовь к тебе вражды не сеяла б меж нами;
Любили б все тебя согласными сердцами.
Твой жребий есть к себе всех души привлекать;
Одной улыбкою ты счастье можешь дать;
Один твой взгляд, твое едино слово
На всякий раз—для всех благодеянье ново.
В присутствии твоём печалю места нет:
Где ты, там самый мрак преобратится в свет.
Темира, страждущей души успокоенье,
Прими всех чувств моих усердно приношенье.
Нет, смертного в тебе не вижу ничего,
Я в образе твоём зрю бога моего:
Чего бы в нём хотел, в тебе то обретаю
И с ним в душе моей тебя не различаю.

К ТЕМИРЕ

Гонимый гневною судьбою
От мест, которые красуются тобою,
Я, быв, Темира, отлучен
И чувствий без тебя приятных я лишен,
Во всем, что есть прекрасно,
В небытность я твою красот ищю напрасно.
Ни малой искры нет, ни в чём того огня,
Которым воспалял твой милый взор меня.
Что есть прелестного, со всем тебя равняю;
Но токмо то лишь обретаю,
Что... ах!—ни с чем моя Темира не равна!

Когда восходит ночь на сапфирном престоле
И ей сопутствует спокойная луна,
Сиянья тишиной любезна всем она;
Но взора кротостью ты всем любезна боле!

Аврора ясный день когда предвозвестит,
Струю златых лучей обильно проливая,
Природа вся тогда, в утехах утопая,
Восторгом радостным горит.
Меня единого то чувство не коснется.
Средь общей радости я вымошлю стенья:
Милей бывало для меня,
Когда Темира усмехнется.

В приятны утренни часы,
Как днѣ светило на восходе
Живит в проснувшейся природе
Ее бесхитростны красы,
Всю тварь увидя обновленну,
Я уподобил бы тогдашнѣ торжество
Тому, как грусть, твоим отсутствием нанесенну,
Ты гонишь прелестью прихода твоего.
Как солнце, чувство ты сладкое вливаешь;
Подобно как оно, живишь, все украшаешь!
Но звездного цѣря вначалѣ кроткий луч,
В полдневныя часы несносный нам без туч,
Искать против себя защиты заставляет;
И твари всей Отец бичом ее бьвает;
В то время все бежит его лица.
А ты! пришествием восхитивши сердца,
Всех взоров—мыслей всех—став целию одною,
Улыбкой ангельской, поступка тишиною,
Мгновенно усмиришь волнение сердца.
Присутствие твое желаний всех венец!
И в зрѣнии тебя вкушаема отрада,
Небесным чувством стать, лишь твоего ждет взгляда.

Сколь долго б ты в бесѣде ни была:
Где ты, там всякая бесѣда весела;
Там нет мгновения, утѣх чтоб не родило...

И солнце иногда не мило;

А ты всегда мила!

Не зрящему тебя ни в чем нет утешенья.
Темира! томныя влачу я в скуке дни:
Мне стали тягостны они,
И по тебе тоска мне вместо упражненья.

Стыдяся иногда я праздности моей,
Коль обращаюся к забытой мною лире,
И духом вознесясь превьше твари всей,
Плененный красотой, порядком общим в мире,
Хочу воспеть богов!..

Хочу!—но мысль одна все мысли побеждает.
Бессмертных прославлять не обретаю слов,
Коснея к похвалѣ строителей миров;
За сердцем мой язык собою сам вещает:
Та мира божество—кто мир сей украшает.

Без чувства я к предметам всем другим,
Красы твои в душе имея впечатленны.

Нет пищи чувствам здесь моим;
Во мне и хладен дух, и мысли расточенны.
Темиры где не зрю, всё мертво в той стране;
Воображение утасло и простыло;
На что бы ни взглянул, всё для меня постыло,
И лиры уж моей противен голос мне.
Прости, досель любезна лира!
Не мне тобой владеть...
Тебя где нет, Темира,
Что стану там я петь?

ОТРЫВОК ПИСЬМА К АЛ. ВАС. НАРЫШКИНУ, ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ 1782 ГОДА

Покоя мать, ночь темная проходит,
И шествует пролить свой благотворный дар
На часть другую мира.
Вокруг меня вся тварь еще во власти сна;
Но вскоре нежный свет предшественницы солнца
Проникнет до зениц сомкнутых сном очей,
В сей мирный час к тебе, Нарышкин, я пишу!
Ко пробуждению готовятся природы,
Я на тебя склонил мою бродящу мысль.
Тебе, от суеты мирския отчужденну,
Малейши действия приятны естества:
В сей час тебя с собой сидяща вображаю,
И в общей тишине вещей порядку внемля,
Я мню, что мой восторг со мною ты делишь.
Но истинного нет средь градов наслажденья!
Повсюду в них душе и зрению предел.
Взор алчущий вотще нагой природы ищет,
Во всех местах ее насильствуему зрит,
И утомляется, не ощутив отрады.
Такие ль чувства имеет житель сел?
Не тот, которого судьбина угнетая,
И кроме сил всего безжалостно лиша,
Ко услужению подобных осудила...
Но смертный счастливый, в довольстве живший век,
Душой чувствительной, рассудком одаренный,
Сей цену познает естественных красот.
Но нет—вверяся стремлению сердечну,
Картиной счастья, нам чуждого с тобой,
Не стану отравлять твоих я наслаждений.

ПИСЬМО К А. В. САА...У

Влюблен ты, С..., я слышал, не на шутку.
В Климену ль знатную, в простую ли Машутку,
Мне все равно: тому я только рад,
Что тот, который мне пять месяцев назад
Так много насмехался,
Теперь со мной равен и в ту же сеть попался.
Я верю, что в любви различна участь нам,
Что более меня имеешь ты успеха;
Но хоть казался я тебе достойным смеха,
Пускай со стороны нас судят по делам.
Как вел себя прошедшего я лета,
Отчет мне в том подробный трудно дать;
Но вот что я могу сказать
На место точного ответа.

Пять месяцев назад,
Коли б за триста верст приятель мой женился,
На свадьбу, может быть, я б ехать не решился.
Решась, без овощей уж я б не воротился
И с тем в Москву не торопился,
Чтобы поспеть на маскарад¹.

Пять месяцев назад...
Но ты, я слышу, речь мою перебиваешь,
Кричишь: «Пустое все, Нелединский, болтаешь!
Коль хочешь сравнивать себя в делах со мною,
На что ж обиняки! Ты речью мне простою
Скажи, как вел себя пять месяцев назад!»
Оно-то, С..., оно-то мне и трудно.
От упоенного ждать толку безрассудно!
Пять месяцев назад, увы! я, бедный, пил,
Пил чашу горести, безумством поднесенну,
Надеждой никогда отнюдь не подслащенну...
Но старых взбалтывать не надобно дрожжей.
Попей-ко ты, мой друг, попей
Теперь из чаши сей;
Увидим мы тогда... Нет, нет, я заблуждаю!
От слова своего охотно отступаю,
Лишь только б ты мою простил мне простоту,
Что желчи я поднес тому, кто пьет сыту!

¹ В. В. Нащокин женился тогда в Курске, куда А. В. съездил нарочно, чтоб быть на свадьбе, расчел, что поспет воротиться в маскарад. Свадьба была отложена на сутки — он уехал.

Красавицын причет, игры, забавы, смехи
Малейшу от тебя печали гонят тень;
Тебе приносит каждый день
И счастье новое, и новые утехи.
В присутстве красоты, пленен которой дух,
Всем обольщаются и зрение и слух.
Ты обращенны зришь к себе прелестны взоры,
С владычицей души вступаешь в разговоры,
То внемлешь голосу, стыдящу соловья,
То в танцах легкостью ты восхищен ея.
Все, словом, прелести и все дары природы
Себе к отраде зришь ты, собранные в ней,
И наслаждений разны роды
Вмещаешь ты в душе своей,
А я средь скучныя свободы
Картиной участи твоей
Мысль расточенную приятно упражняю
И от твоей приязни ожидаю,
Что не оставишь ты иль прозой, или стихом
Уведомить меня о том,
Что сведать в точности я о тебе желаю.

Про нову страсть твою и люди говорят,
И сам о ней сужу я много наугад:
Но ты мое решишь и прочих толкованьи,
Сказав мне о себе в подробном описаньи.
За подлинно ль ты все то делать в состояньи,
Чего б не стал и я пять месяцев назад.

МОЛИТВА

Предвечный и неизъяснимый!
Всем славимый, непостижимый
Существ премудрейших Творец!
Величие Твое мой разум ужасает;
Но сердцу некий глас всечасно повторяет:
Не бойся, но люби: твой Бог—тебе отец!

Сей глас есть Твой, миров Создатель!
Сей глас, о щедрый благ податель,
Начало к нам твоих щедрот.
Мы, в немощи своей сим гласом ободренны,
Им от презрения самих себя спасенны;
Невкусный без того чтим сладким жизни плод.

К Тебе ль в надежде оскудею!
Тебя ль о чем просить посмею!
Тебя! мне давша бытие
Без просьбы, без заслуг, по благотворной воле!
Весь, Боже, Твой я есмь, и жду во всякой доле,
Что Давший жизнь свершит и счастье мое.

Ты, Господи, мой путь исправишь,
От гибели меня избавишь;
Спасешь создание Свое!
Ты ль Сына Своего, мой Отче, Ты ль отринешь!
Ты ль дело рук Твоих во бездну зол низринешь:
Залог щедрот Твоих—мне бытие мое.

Ты благ, когда я существую.
Отдаться в власть Твою святую
И ум и сердце мне велит.
Несведущ я; Ты мудр. Я слаб, а Ты всемогущ.
Я нуждами стеснен; Ты милостью обилен.
Подвержен я страстям; Ты против их мне щит.

Достойное тебе служенье
Мой долг, удел и наслажденье
Тебя душою всей любить,
Во всем Тебе, Творец, с надеждой покоряться,
Под сильною Твоей десницею смиряться
И сердцем пламенным Тебя благодарить.

СТИХИ НА ЗАДАННЫЕ РИФМЫ

Бывал я молодец, стал мокрая *тряпичка*.
Что прежде было мед, то стало мне *горчица*.
Бывало, поясом свой сделавши *платок*,
Пуститься в плясуны и в зубы взять *свисток*
Довольно, чтоб забыть мне всяко *огорченье*,
А ныне тщетно бы подобное *раченье*.
Ко счастью человек ползет, как будто *рак*:
Ему б идти вперед—он пятится, *дурак*.
Играет смолода, как в быстрой речке *щука*,
А с годами придут заботы, грусть и *скука*.

*

Ах! тошно мне
На своей стороне;
Все уныло,
Все постыло:
Моей милья нет!

Моей милья нет;
Не глядел бы я на свет!
Что, бывало,
Утешало,
О том плачу теперь.

Во любимом леску
Я питаю тоску:
Все листочки
И кусточки
В нем о милой мне твердят.

Представляю себе,
Говорит будто мне;
Забываюсь,
Откликаюсь
Часто на́ голос свой.

Здесь милой нет!
Я пойду за ней вслед;
Где б ни крылась,
Ни таилась,
Сердце скажет мне путь.

Ах! грустно мне
На своей стороне:
Слезы льются,
Не уймутся,
В них отрада моя.

*

Наконец твои обманы,
Нрав притворный, Ниса, твой
Излечили сердца раны,
Возвратили мне покой.

Я свободен стал неложно,
Усмирилась пылака кровь,
И уж чувствую, что можно
Не носить твоих оков.

Сердцу томному к отраде
Не терзаюсь грустью я,
И в притворной уж досаде
Не таится страсть моя.

Имя ли твое вспомнит
Кто в присутствии моем,
Иль хвалить тебя кто станет,
Не тревожусь я ничем.

Я спокойно засыпаю,
Не выдавшись с тобой,
И не первый вображаю,
Пробуждаясь, образ твой.

От тебя не жду смущенья,
Быть с тобою не ищ^у;
Зрю тебя без восхищенья
И, расставшись, не грущу.

Не волнуюсь душою,
Вспомня красоту твою;
О слезах, пролитых мною,
Помышляя, слез не лью.

Ты сама о том посудишь,
Вправду ль страсть я победил:
Даже с тем, кого ты любишь,
О тебе я говорил.

Как со мной ни обходился,
Будь хоть ласкова ко мне,
Хоть по-прежнему гордился,
Ставлю все я наравне.

Уж не могут разговоры,
Голос твой меня трон^уть,
И твои уж ныне взоры
Потеряли к сердцу путь.

Ты красот не потеряла,
И, теперь ты хороша;
Но не та уж Ниса стала,
Кем жила моя душа.

Цепь свою я разрывая,
Только смог не умереть;
Но где твердость есть прямая,
Там чего нельзя стерпеть!

Птичка бедная страдает,
Вольности лишась своей,
И все силы истощает,
Выбиваясь из сетей.

Хоть и перья в них оставит,
Улетит хоть чуть жива,
Но ума себе прибавит —
Впредь не будет такова.

Видя, что воспоминаю
Прежний плен я, Ниса, твой,
Ты помыслишь, что пылаю
И поднесь еще тобой.

Нет! пловец, беды избегший,
Как у пристани стоит,
Об опасности протекшей
С услаждением говорит.

Воин так же после боя,
Где победа лавр дала,
Любит посреди покоя
Вспоминать свои дела.

И невольник, в чувства новы
Скорбь душевну времена,
Кажет с радостью оковы,
Что влачил дотоль стена.

Истину тебе вещаю —
Верь ты мне или не верь, —
Я и ведать не желаю,
Обо мне что мнишь теперь.

Прелестьми гордясь, не льстися
Заменить легко меня:
Нелегко найдешь ты, Ниса,
Кто б так верен был, как я.

Я потерю не такую
Сделал важную в тебе,
Ведь обманщицу другую
Скоро лъзя найти везде.

*

Ты велишь мне равнодушным
Быть, прекрасная, к тебе;
Если хочешь зреть послушным,
Дай другое сердце мне.
Дай мне сердце, чтоб умело,
Знав тебя, свободным быть;
Дай такое, чтоб хотело
Не одной тобою жить.

То, в котором обитает
Образ бесподобный твой,
Сердце, что тобой страдает,
То и движется тобой.
В нем уж чувства нет другого,
И другой в нем жизни нет;
Ты во тьме мученья злого —
Жизнь, отрада мне и свет!

Верность я ль к тебе нарушу?
Первый вздох мой ты взяла!
И что я имею душу,
Ты мне чувствовать дала.
Ты мне душу, ты вложила,
Твой же дар несу тебе;
Но ты жертвы запретила,
Не дозволю их себе.

Лишь не мучь меня, желая,
Чтоб твоим престал я быть;
Чем, в безмолвии страдая,
Чем могу тебя гневить?

Разве чтишь за преступленье
Взор небесный твой узреть,
Им повергнуться в смущенье
И без помощи... терпеть?

*

У кого душевны силы
Истоцилися тоской,
Кто лишь в мрачности могилы
Чаёт обрести покой,
На лице того проглянет
Луч надежды в первый раз
В ту минуту, как настанет
Для него последний час.

Жизнь во мне тобой хранится,
Казнь и благо дней моих!
Дух хоть с телом разлучится,
Буду жив без связи их.
Душу что во мне питало,
Смерть не в силах то сразить;
Сердцу, что тебя вмещало,
Льзя ли не бессмертну быть?

Нет, нельзя тому быть мертву,
Что дышало божеством.
От меня ты применишь жертву
И в сем мире, и в другом.
Тень моя всегда с тобою
Неотступно будет жить,
Окружать тебя собою,
Вдох твой, взоры, мысль ловить,

Насладиться, вникнув тайно
В прелести души твоей...
Если ж будешь хоть случайно
Близ гробницы ты моей,
Самый прах мой содрогнется,
Твой приход в нем жизнь родит,
И тот камень потрясется,
Под которым буду скрыт.

Милая вчера сидела
 Под кустом у ручейка;
 Песенку она запела,
 Я внимал издалека.
 С милою перекикался
 Ближней рощи соловей.
 Голос милой раздавался—
 Отдался душе моей.

Мне зефиры приносили
 Иногда ее слова;
 Иногда слова глушили
 Вкруг шумящи дерева.
 Смолкни всё! Престань мешаться
 Ты, завистный соловей!
 Пусть один в душе раздастся
 Голос милой лишь моей.

Дни счастливы миновались,
 Дни приятны мечты,
 В кои чувства наслаждались,
 Как меня любила ты.

Дней прошедших вспоминанье
 Стало мукой выше сил;
 Тем несноснее страданье,
 Чем счастливее кто был.

Ты клялася быть мне верной,
 Я с восторгом то внимал
 И в любви нелицемерной
 Без боязни утопал.

Зрю теперь, но бесполезно,
 Что вовлек себя в напасть.
 Пролетай, о время слезно!
 Унеси мою ты страсть.

Как ты сладость находила
 В том, чтоб я тебя любил;
 «Дорогой мой!—мне твердила,—
 Ты по смерти мне будешь мил.

Прежде мир наш пременится,
Чем любовница твоя;
Прежде солнца свет затмится,
Чем тебя забуду я».

Всё в природе сохранилось,
Нет премены никакой,
Еще солнце не затмилось.
А уж я... забвен тобой!

*

Полно льститься мне слезами
Непреклонный рок тронуть;
Строгими навек судьбами
Загражден мне к счастью путь.
Без надежды, без отрады
Томну жизнь влача в бедах,
От небес не жду пощады...
Гнев их в милых зрю глазах.

Смерть, прибежище несчастных!
Час последний, милый час!
Ты от бремя зол ужасных
Не спешишь избавить нас.
Ты средь счастья жизнь отъемлешь,
Средь надежд, средь благ разишь,
Стон несчастливых не внемлешь.
Смерть! от них и ты бежишь.

Издыхая, услаждуся,
Вспомня взор, Темира, твой!
С светом, с жизнью разлучуся,
Лишь не с милой мне мечтой.
Пламень, что в себе вмещаю,
Он душа, он жизнь моя:
Им я вечность постигаю,
Им бессмертен буду я.

В беспечальное селенье
С жаром страсти пресеаясь,
Обнаружу упоенье,
Коим жил, тобой пленясь.

В царстве тѣней ту прославлю,
Жизни кто была милей,
И подземный мир заставлю
Бога чтить души моей.

*

Если б ты была на свете
Не милее мне всего,
Я б нашел в твоём совете
Пользу сердца моего.
Стал бы думать о свободе,
Кою потерял, любя.
Но скажи мне, что в природе
Может заменить тебя?

Света ль ложным мне блистаньем,
Златом ли себя прельщать?
Иль, наполня ум мечтаньем,
Славы, почестей искать?
Но с дарами счастья сими
Сердце праздно и мертво.
Под законами твоими
Я хоть чувствую его.

Мне ль пленяться не тобою?
Мне ль иным заняться чем?
Сердцем, разумом, душою —
Ты владеешь мною всем.
Знаешь то сама неложно:
Сколько сердце ни круши,
Жить, равно мне жить не можно
Без тебя, как без души.

*

Выйду я на реченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси мое ты горе,
Быстра реченька, с собой.

Нет! унести с собой не можешь
Лютой горести моей,
Разве грусть мою умножишь,
Разве пиццу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему,
Мысль за мыслью так стремится
Все к предмету одному.

Ноет сердце, занывает,
Страсть мучительну тая.
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть рассею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милый мой им обладает;
Взгляд его—мой весь закон.
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он.

Лучше век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть.
Ах! коль милого забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье—
Жертва другу моему.
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда пошу!
Ты, кем вижу, кем пылаю,
Кем я мыслю и дышу!

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе,
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж то найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь!
И приветствием, хоть ложным,
Ад души моей умерь!

«Гроза нас, Лиза, гонит,
 Сокроемся в кустах».
 От грома воздух стонет;
 Объемлет Лизу страх.
 Сколь муки те ужасны,
 Что терпит нежный дух!
 Как оба вдруг опасны:
 И буря и пастух!

На чем же ей решиться?
 Еще ударил гром!
 От бури чтоб укрыться,
 Идти ль за пастухом?
 То в робости уходит,
 То прибегает вновь,
 То страх к кустам приводит,
 То к ним влечет любовь.

У входа Лиза стоя
 Войти не смеет в лес.
 Стремленья вихрь удвоя,
 Ее куда занес.
 Гром, удалясь, слабеет,
 Он не всегда разит.
 Стрел, что любовь имеет,
 Никто не избежит.

Любовь из туч взирает
 На пленников своих;
 В дни бурны обращает
 Минуты в пользу их.
 Лизета стыд являла,
 Из рожи выйдя той.
 Уж буря перестала,
 Но в ней исчез покой.

Свидетели тоски моей,
 Леса, безмолвью посвященны!
 Утехами прошедших дней
 В глазах моих вы украшенны.

Поньше счастливой мечтой
Всегда средь вас я наслаждаюсь
И чувством радостным питаюсь,
Анюту мысля зреть с собой.

Нет места в темных сих лесах,
Где б не мечтался зрак мне милой.
Всечасно он в моих глазах,
Всегда живет в душе унылой.
От места к месту я спешу,
Где быть любезной воображаю,
Ее отвсюда ожидаю,
У всей природы той прошу.

Что вправду милой нет со мной,
Поверить сам себе не смею.
Вот тут она... вот за горой...
По этой тропке встречусь с нею.
Ищу вокруг каждого куста,
Где с милой мы бывали прежде;
Внимаю в смутной я надежде
И шуму каждого листа.

Журчащие вокруг ручьи!
Всего мне боле в вас отрады;
Анюта прелести свои
Вверяла вам, ища прохлады.
В полдневны летние часы,
Как птички при кустах таятся,
Струи, бывало, к ней теснятся,
Спеша ласкать ее красы.

Лишенному утех прямых,
Отрада мне в их воображеньи,
Для чувствий пламенных моих
Во всех я вижу наслажденьи.
Как после солнца теплоту
Хранит земля средь жарка лета,
Огнем так мильх глаз нагрета,
Душа хранит об них мечту.

О время! быстротой своей
Яви услугу мне полезну:
Скорее достигай тех дней,
В которы мне узреть любезну.

На медленность твою впервой
Ты жалобы мои внимаешь...
Но, время! ты того не знаешь,
Что нет души моей со мной.

*

Зимы дни мрачны исчезают
Весны от светлого лица,
Но прелести весны вкушают
Одни счастливые сердца.

Мое, страдањем удрученно,
Везде все зрит в глубокой тьме.
Как все в природе украшенно,
Тогда нет сил к утехам мне.

К ним нет без той, кем дух страдает,
Нет права сердцу моему.
Для всех цвести все начинается,
А для меня конец всему.

Воспоминания, мне люты,
Я в сердце навсегда ношу
И у протекшия минуты
Утех потерянных прошу.

Лети скорей, несносно время!
Умчи с собою жизнь мою!
Медлительность твоя мне бремя,
Отрад в тебе уж я не зрю.

Уж мысли нет, что представлялась
С утра, все чувства веселя,
И к вечеру возобновлялась,
Назавтре счастье мне суля.

Вновь зеленеючи вершины
Дерев я вижу в сей стране,
И птиц вокруг сея долины
Печальны песни внятны мне.

Ах! в это время насладился
Темиры зреньем я впервой!
Улыбкой милою пленился
И слышал голос дорогой.

Тот голос, кой в кустах зеленых,
Где я у ног ее внимал,
Завидующих и прельщенных
Отсюда птиц к ней привлекал.

Ах! что ту сладость заменяет,
Что прелести любви дают!
Нет! слава также обольщает,
Но нет у ней таких минут.

К чему, взяв мысли величавы,
Хотеть снискать мне титлов честь?
На что, на что желать мне славы,
Коль в жертву некому принести?

Смятение во мне душевно
Нередко возвещает мне,
Что близко место, где вседневно
Я милу зрел наедине.

Случалось часто дожидаться
Мне милой там и не видать...
Ах! пусть опять бы не видаться,
Да только б мог ее я ждать!

Душа моя, лишась желаний,
Пустыней видя целый свет,
Полна о будущем мечтаний,
Но цели никакой ей нет.

Подобно птица над снегами,
Как вид полей ее страшит,
Порхает томными крылами
И, где спокониться, не зрит.

Почто ж напрасно размножаю
В угодность сердцу моему
Те жалобы, о коих знаю,
Что нужны мне лишь одному?

Но что мне в том, чтоб уважали
Бедой безмоцною моей!
Ищу, кто б внял моей печали,
Хоть не брал бы участия в ней.

Прости мне дерзкое роптанье,
 Владычица души моей!
 Мне мило от тебя страданье—
 Утеха, рай моих ты дней!
 Я строгостей, тобой явленных,
 Не помню, взор увидя твой.
 Всех чувствий, от тебя вмещенных,
 Вмещать уж дух не может мой.

В беседах, где с тобой бываю,
 Тебя одну в них вижу я.
 Твой каждый шаг я примечаю,
 Где взор твой, там душа моя.
 И с кем ни молвила б ты слово,
 Читая в милых мне очах,
 Тебе ответствовать готово
 Мое все сердце на устах.

Ты жизнь его... его стихия,
 В тебе, тобой живет оно,
 И в самые минуты злыя
 Тебе одной, тебе дано
 Души жестокое волненье
 Единым взглядом усмирять
 И без надежды утешенье
 В унылы чувства поселять.

О, если бы мог смертный льститься
 Особый дар с небес иметь!
 Хотел бы в мысль твою вселиться,
 Твои желанья все узреть;
 Для них пожертвовать собою
 И тайну ту хранить в себе,
 Чтоб счастлива была ты мною,
 А благодарна лишь судьбе.

Старанья все мои напрасны
 Волненье мыслей усмирить!
 В ком чувства с долгом не согласны,
 Тому нельзя покойну быть.

Где время, время то девалось,
Как сердце дружбою одной
В невинности своей питалось,
Когда вкушала я покой?

Рушитель счастья и свободы!
В тебе как друга зрела я,
Казалось, все красоты природы
Блестали для одной меня.
Я дни приятны провождала
В любезной сладкой тишине.
С зарей утехи я встречала;
Миг каждый приносил их мне.

Теперь бегу дневного света;
Мне век мой тягостен, постыл;
Клянущи мои цветущи лета...
Страшусь узреть того, кто мил!
Страшусь — и, повседневно видя,
Все боле пламенея им,
Все боле долг мой ненавидя,
К напастям лишь влекусь одним.

Летят часы, и дни, и годы,
Неся премен с собою тьму;
По бурях тихи зрим погоды:
Есть время, есть предел всему.
Леса вновь зеленью одеты;
Свободно вновь текут ручьи...
Часы проходят, дни и леты;
Мученья те же всё мои!

СИЛА ДРУЖБЫ

Если б мне когда сказала
Та, кто жизни мне милаей:
«Ты друг розе, я слыхала,
Не терплю я дружбы с ней!
Ты мне мила, ты мной плачешь;
Коль руки моей желаешь,
С розой дружбу разорви:
Вот цена моей любви!»
Я скажу в ответ любезной:
«Коль не буду твой супруг,
Я умру с тоски, конечно,
Но умру я розе друг».

Александр Николаевич Радищев

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мьшц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смянутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет исшел, и ты со мною;
На мьшцах нет моих заклеп;
Свободно могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой—воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон;
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю,—
Вот что есть в обществе закон.

В середине злачных долины,
 Среди тягченных жатвой нив,
 Где нежны процветают крины,
 Средь мирных под сеньми олив,
 Паросска мрамора белее,
 Яснейша днѣ лучей светлее,
 Стоит прозрачный всюду храм;
 Там жертва лжива не курится,
 Там надпись пламенная зрится:
 «Конец невинности бедам».

Оливной ветвию венчанно,
 На твердом камени седѣй,
 Безжалостно и хладнонравно,
 Глухое божество судѣй.
 Белее снега во хламиде,
 И в неизменном всегда виде,
 Зерцало, меч, весы пред ним.
 Тут истина стрежет десную,
 Тут правосудие опшую,—
 Се храм Закона ясно зрим.

Возводит строгие зеницы,
 Льет радость, трепет вкруг себя,
 Равно на все взирает лица,
 Ни ненавѣдя, ни любя.
 Он лести чужд, лицепрѣятства,
 Породы, знатности, богатства,
 Гнушаясь жертвенныхъ гли;
 Родства не знает, ни прѣязни;
 Равно делит и мзду и казни;
 Он образ божий на земли.

И се чудовище ужасно,
 Как гидра, сто имея глав,
 Умильно и в слезахъ всечасно,
 Но полны челюсти отрав,
 Земные власти попирает,
 Главою неба досязает,

Его отчизна там,—гласит;
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум тьмотою
И всюду вея ползкий яд,
Троюкою обнес стеною
Чувствительность природы чад,
Повлек в ярмо порабощенья,
Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
«Закон се божий»,—царь вещает;
«Обман святый,—мудрец зывает,—
Народ давить что ты обрел».

9

Сей был, и есть, и будет вечный
Источник лют рабства оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный Боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, Бог сил, столь уподнился,
Чужим чтоб гласом нам вещал?

10

Возрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства,
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут:
Одна сковать рассудок щитится,
Другая волю стерть стремится,
На пользу общую,—рекут.

11

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где всё ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.

Там нивы запустеют гучны,
Коса и серп там неспоручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшавый,
Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея,
«По воле,—рек,—щажу злодея;
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно—все смятется;
Живешь тогда, велею козь жить».

13

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаясь всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет яд.
Вокруг престола все надменна
Стоят колена преклоненна.
Но мститель, трепещи, грядет.
Он молвит, вольность прорекая,—
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя!

И нощи се завесу лживой
 Со греском мощно разодрав,
 Кичливой власти и строптивой
 Огромный истукан поправ,
 Сковав сторучна исполина,
 Влечет его как гражданина
 К престолу, где народ воссел.
 «Преступник власти, мною данной!
 Вещай, злодей, мною венчаный,
 Против меня восстать как смел?»

Тебя облек я во порфиру
 Равенство в обществе блюсти,
 Вдовицу призирать и сиру,
 От бед невинность чтоб спасти,
 Отцем ей быть чадолобивым,
 Но мстителем непримиримым
 Пороку, лже и клевете;
 Заслуги честью награждати,
 Устройством зло предупреждати,
 Хранити нравы в чистоте.

Покрыл я море кораблями,
 Устроил пристань в берегах,
 Дабы сокровища торгами
 Текли с избытком в городах;
 Златая жатва чтоб бесслезна
 Была оратаю полезна;
 Он мог вещать бы за сохой:
 «Бразды своей я не наемник,
 На пожитях своих не пленник,
 Я благоденствую тобой».

Своих кровей я без пощады
 Гремящую воздвигнул рать;
 Я медны изваял громады,
 Злодеев внешних чтоб карать;
 Тебе велел повиноваться,
 С тобою к славе устремляться;

Для пользы всех мне можно всё;
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

19

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я.
Мечем мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к Богу,
А мной гнушаться восхотел.

20

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.
Тебе сокровицей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести,
Жену, чуждающую чести!
Иль злато Богом ты признал?

21

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись, в Афинах:
«Ирой!» — зевав, могли сказать.

22

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!

Злодействы все скопил в едино,
Да ни единая пройдет мимо
Тебя из казней, супостат.
В меня дерзнул острить ты жало.
Единой смерти за то мало,
Умри! умри же ты стократ!»

23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспал призра́к, и мглу густую
Светильник истины попрал;
Личину, что зовут святою,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж Бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действе распростёрт своем;
Не спасшему от бед нас мнимых,—
Отцу Предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

25

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод,—
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугу́нный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителин, как сам есть Бог!

Сломив опор духовной власти
 И твердой мщениа рукой
 Владычество расторг на части,
 Что лжей воздвигнуто святой;
 Венец трегубый затмевая
 И жезл священный преломляя,
 Проклятий молний утушил;
 Смеяся мнимого прощенья,
 Подъял луч Лютер просвещенья,
 С землею небо помирил.

Как съй всегда в начале века
 На вся простерту мочь явил,
 Себе подобна человека
 Создати с миром положил,
 Пространства из пустыней мрачных
 Исторг—и твердых и прозрачных
 Первейши семена всех тел;
 Разруша, древню смесь покоил;
 Стихиями он все устроил
 И солнцу жизнь давать велел.

И дал превыспренно стремленье
 Скривленному рассудку лжей;
 Внезапу мощно потрясенье
 Поверх земли уж зрится всей;
 В неведомы страны отважно
 Летит Колумб чрез поле влажно;
 Но чудо Галилей творит:
 Возмог, протекши пустотою,
 Зиждательной своей рукою
 Светило дневно утвердить.

Так дух свободы, разоряя
 Вознесшейся неволи гнет,
 В градах и селах пролетая,
 К величию он всех зовет,
 Живит, родит и созидает,
 Препоны на пути не знает,

Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит
И слово собственностью числит,
Невежства что развеет прах.

30

Под дровом, зноем упоенный,
Господне стадо пастырь пас;
Вдруг новым светом озаренный,
Вспрянуv, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится;
Нечуждый вождь брежет свое,—
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

31

Господню волю исполняя,
До востока солнца на полях
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет:
Себе всяк сеет, себе жнет.

32

Исполнив круг дневной работы,
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце, без заботы
В объятиях супружних спит;
Не господя рукой надменна
Ему для казни подаренна,
Невинных жертв чтоб размножал,—
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежный,
Помощницу себе избрал.

33

Он любит, и любим он ею;
Труды—веселье, пот—роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса;

Вершин блаженства достигают;
Горячность их плодом стягчают
Всецедры боги к простоте.
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов что корчит в нагоде.

34

Возри на беспредельно поле,
Где стерша зверство рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится,—
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь—свобода, Вашингтон.

35

Двулична бога храм закрылся,
Свиристество всяк с себя сложил,
Се бог торжеств меж нас явился
И в рог веселий вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает,
Свободы зрится тут держава,—
Награда тут—едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.

36

Сплетясь веселым хороводом,
Различности надменность сняв,
Се паки под лазурным сводом
Естественный встает устав;
Погрязла в тине властна скверность,
Едина личная отменность
Венец возможет восхитить;
Но не пристрастие державну,
Опытностью лишь старцу славну
Его довлеет подарить.

Венец, Пиндару возложенный,
 Художества соткан рукой;
 Венец, наукой соцветенный,
 Носим Невтоновой главой.
 Таков, себе всегда мечтая,
 На крыльях разума взлетая,
 Дух бодр и тверд возможет вся,
 Мир до края вознесется
 И славой новой облечется:
 Предмет его суть мы, не я.

Но страсти, изощряя злобу,
 Враждебный пламенник трясут,
 Кинжал вонзить себе в утробу
 Народы пагубно влекут;
 Отца на сына воздвигают,
 Союзы брачны раздирают,
 В сердца граждан лиют боязнь;
 Рождаются несытна власти
 Алчба, зиждущая напасти,
 Что обществу устроит казнь.

Крутяся вихрем громоносным,
 Обвившись облаком густым,
 Светилом озарясь поносным,
 Сияньем яд прикрыт святым.
 Разя, прельщая, угрожая,
 Иль казнь, иль мзду ниспосылая—
 Се меч, се золото: избирай—
 И сев на камени ехидны,
 Лестей облек в взор милovidный,
 Шлет молнию из края в край.

Так Марий, Сулла, возмудивши
 Спокойство шаткое римлян,
 В сердцах пороки возродивши,
 В наемну рать вместил граждан,
 Ругаясь всем, что есть свято,
 И то, что не было отнято,

У римлян откупить возмог;
Весы златые мзды позорной,
Предательству, убивству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольтив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усьпив,
Чугунный скиптр обвил цветами;
Народы мнили—правят сами,
Но Август вью их давил;
Прикрыл хоть зверство доброю,
Вождаем мягкою душою,—
Но царь когда бесстрастен был!

42

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда;
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзит;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, валясь, раздавит;
Обидой право обновит.

43

Дойдешь до меты совершенства,
В стезях препоны прескочив,
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастных жребий облегчив,
И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность, да скончаешь
Со вечностью ты свой полет:
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится
И власти под ярмом падет.

44

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему вослед стремленью
Некосненно стремглав бежим.

Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борет,
Начало гленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

45

О! вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдите дар благой природы,
В сердцах что Вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас, готова вас слотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лязя претворить.

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попраана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен—
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл.

47

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшавый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенные,
Нам вольность первый прорицал».

И будет, вслед гремящей славы
 Направя бодрственно полет,
 На запад, юг и восток державы
 Своей ширить предел, но нет
 Тебе предела ниотколе,
 В счастливой ты ликуя доле,
 Где ты явишься, там твой трон;
 Отечество мое, отечество драгое,
 На чреслах пояс сил, в покое,
 В окрестность ты даешь закон.

Но дале чем источник власти,
 Слабее членов тем союз,
 Между собой все чужды части,
 Всяк тяжесть ощущает уз.
 Лучу, истекшу от светила,
 Сопутствует и блеск и сила;
 В пространстве он теряет мощь,
 В ключе хотя не угасает,
 Но бег его ослабевает,
 Ползущего глотает ночь.

В тебе, когда союз прервется,
 Столчат мнений крепка власть;
 Когда закона твердь шатнется,
 Блюсти всяк будет свою часть;
 Тогда, растерзанно мгновенно,
 Тогда сложенье твое бrenно,
 Сдрогаясь внутренно, падет,
 Но праха вихри не коснутся,
 Животны семена проснутся,
 Затускло солнце нов даст свет.

Из недр развалины огромной,
 Среди огней, кровавых рек,
 Средь глада, зверства, язвы томной,
 Что лютей дух властей возжег,—
 Возникнут малые светила;
 Незыблемы свои кормила

Украсят дружба венцем,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцем.

52

Но не приспе еще година,
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды!
Встрещат заклепы тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вскатясь горе, потщится пасть,
Да грузным махом вся раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

53

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет.
Приидет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направлена в стезю свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
Развеется в одно мновенье.
О день! избраннейший всех дней!

54

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине —
Рекл... яркий свет пустил свой луч
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
 Я тот же, что и был и буду весь мой век.
 Не скот, не дерево, не раб, но человек!
 Дорогу проложить, где не бывало следу,
 Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
 Чувствительным сердцам и истине я в страх
 В острог Илимский еду.

— Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится,
 Почто безвременно печалью дух крушится?
 Ты бедствен не один! Иной среди утех
 Всесчастлив кажется, но знает ли, что смех
 Улыбка на устах его воссесть не может,
 Змия раскаянья преступно сердце гложет,—
 Властитель мира, царь, он носит в сердце ад.

— Мне пользует ли то? Лишен друзей и чад,
 Скитаться по лесам, в пустынях осужденный,
 Претящей властью отвсюду окруженный,
 На что мне жить, когда мой век стал бесполезен?

— Воспомни прежни дни, когда ты был любезен
 Всем знающим тебя, соотчикам, друзьям,
 Когда во лъстящей мгле являлось все очам,
 Когда во власти был, веселий на престоле;
 Когда рок следовал твоей, казалось, воле,
 Когда один твой взор счастливых сделать мог.

— Блаженством все сие я почитать не мог.
 Богатство, власть моя лишь зависть умножали;
 В одежде дружества злодеи предстояли;
 Вслед честолюбию забот собранье шло;
 Злодейство правый суд и судию кляло;
 Злоречие, нося бесстрастия личину,
 И непорочнейшим делам моим причину
 Коварну, смрадную старалось приписать
 И добродетели порочный вид придать.
 Благодаянию возмездьем огорченье.

— Среди превратности что ж было в утешенье?

— Душа незлобная и сердце непорочно.

— Скончай же жалобы, подъятые бессрочно.
Или в пороки впал и гнусность возлюбил,
Или чувствительность из сердца истребил?

— Душа моя во мне, я тот же, что я был.

— Дела твои с тобой, душа твоя с тобою.
Престань стенать. Кто мог всесилою рукою
И сердце любяще, и душу нежну дать,
К утехам может тот тебя опять воззвать.
А если твоего сна совесть не тревожит
И память прежних дел печаль твою не множит,
То верь, что всем бедам уж близок стал конец.
Закон незыблемый поставил Всеотец,
Чтоб обновление из недр премен рождалось,
Чтоб все крушением в природе обновлялось,
Чтоб смерть давала жизнь и жизнь давала смерть,—
То шествие судьбы возможно ли претерпеть?
На восходящую воззри теперь денницу,
На лучезарную ее зри колесницу:
Из недр густейшей мглы, смертообразна сна,
Возобновленну жизнь земле несет она.

— Се живоносное светило возблистало
И утренни мечты от глаз моих прогнало,
Приятный тихий сон телесность обновил,
И в сердце паки я надежду ощутил.

— Подобно ей печаль в веселье претворится,
Оружьем радости вся горесть низложится,
На крыльях радости умчится скорбь твоя,
Мужайся и будь тверд, с тобой пребуду я.

*

Час преблаженный,
День вождеденный!
Мы оставляем,
Мы покидаем
Илимски горы,
Берлоги, норы!

САФИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежно веют, шумят листьями
Тополы белы.

Ты клялася верною быть вовеки,
Мне богиню ночи дала порукой;
Север холодный дунул один раз крепче,—
Клятва исчезла.

Ах! почто быть клятвопреступной!.. Лучше
Будь всегда жестока, то легче будет
Сердцу. Ты, маня лишь взаимной страстью,
Ввергла в погибель.

Жизнь прерви, о рок! рок суровый, лютый,
Иль вдохни ей верной быть в клятве данной,
Будь блаженна, если ты можешь только
Быть без любви.

ОСЬМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

Урна времен часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возросли
И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекали, в нем исчезает их след.
Но знаменито веки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил наконец корабль, надежды несущий,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастье и добродетель, и вольность пожрал омут ярый,
Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро,
Будешь проклято вовек, ввек удивлением всех,
Крови—в твоей колыбели, припеванье—громы сраженьев,
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб;
Но зри, две вознеслися скалы во среде струй кровавых:
Екатерина и Петр, вечности чада! и росс.
Мрачные тени создади, впереди их солнце;
Блеск лучезарный его твердой скалой отражен.

Там многотысячнолетны растаяли льды заблужденья,
Но зри, стоит еще там лдяный хребет, теремьясь;
Так и они—се воля господня—исчезнут, растая,
Да человечество в хлябь лдяну, трясясь, не падет.
О незабвенно столетие! радостным смертным даруешь
Истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек;
Мудрости смертных столпы разрушив, ты их паки создало;
Царства погibli тобой, как раздробленный корабль;
Царства ты зиждешь; они расцветут и низринутся паки;
Смертный что зиждет, все то рушится, будет все прах.
Но ты творец было мысли: они ж суть творения Бога,
И не погибнут они, хотя бы гбгла земля;
Смело счастливой рукою завесу творенья возвеая,
Скрыту природу сгядев в дальном таилище дел,
Из океана возникли новы народы и земли,
Ноци глубокой из недр новы металлы тобой.
Ты исчисляешь светила, как пастырь играющих агнцев;
Нитью вождения вспять ты призываешь комет;
Луч рассечен тобой света; ты новы солнца воззвало;
Новы луны изо тьмы дальней воззвало пред нас;
Ты побудило упряму природу к рождению чад новых;
Даже летучи пары ты заключило в ярем;
Мольню небесну сманило во узы железны на землю
И на воздушных крылах смертных на небо взнесло.
Мужественно сокрушило железны ты двери призраков,
Идолов свергло к земле, что мир на земле почитал.
Узы прервало, что дух наш тягчили, да к истинам новым
Мольней крылатой парит, глубже и глубже стремясь.
Мощно, велико ты было, столетье! дух веков прежних
Пал пред твоим олтарем ниц и безмолвен, дивясь.
Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада,
Брызжущих пламенный яд чрез многотысячный век,
Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою
Что подавляют цветы счастья и мудрости в нас.
Кровью на жертвеннике еще хищности смертны багрятся,
И человек претворен в люта тигра еще.
Пламенный браней, зри, мычется там на горах и на нивах,
В мирных долинах, в лугах, мечется в бурной волне.
Зри их спутников черных!—ужасны, идут—ах! идут, зри:
(Яко ночные мечты) лютости, буйства, глад, мор!—
Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство народам?
Или погрязнет еще, ах, человечество глубже?
Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
Срини отчаяние! смертный, надейся, Бог жив.
Кто духу бурь повелел истязати бунтующи волны,

Времени держит еще цепь тот всеильной рукой:
Смертных дух бурь не развеет, зане суть лишь твари дневные,
Солнца на восходе цветут, блекнут с закатом они;
Вечна едина премудрость. Победа ее увенчает,
После тревог воззовет, смертных достойный...
Утро столетия нова кроваво еще нам явилось,
Но уже гонит свет дня ночи угрюмую тьму;
Выше и выше лети ко солнцу, орел ты российский,
Свет ты на землю снеси, молнии смертельны оставь.
Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона,
Екатериной, Петром вздвигнут, чтоб счастлив был росс.
Петр и ты, Екатерина! дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений хранитель всегда, Александр, будь у нас...

Семен Сергеевич Бобров

ПРОГУЛКА В СУМЕРКИ,
ИЛИ ВЕЧЕРНЕЕ НАСТАВЛЕНИЕ ЗОРАМУ

Уже в проснувшемся другом земном полшаре
Светило пламенно ночных тьму гонит туч;
А мы из-за лесов едва в сгущенном паре
Зрим умирающий его вечерний луч.

Какая густота подьемлется седая
К горящим небесам с простывших сих полей!
Смотри! почти везде простерлась мгла густая,
И атмосфера вся очреватела ей!

С востока ночь бежит к нам с красными очами;
Воззри сквозь тень на блеск красот ее, Зорам!
Хоть кроет нас она тенистыми крылами,
Но яркие огни, как искры, блещут там.

Не искры то — миры вращаются спокойно,
Которы столько же велики, как земля.
Когда из недр они хаоса вышли стройно,
С тех пор еще текут чрез пламенные поля.

Но нам судьбы гласят, что некогда потонет
Дрожащая земля в пылающих волнах
И брэнна тварь, огнем жегомая, восстонет
Да из коры своей изыдет, сверзя прах.

Увы!—тогда луна, которой луч заемный
По тусклом своде в ночь безоблачну скользит,
Зря судорожну смерть и вздох соседки чермной,
Сама начнет багреть и дым густый явит.

Ах! скроет, скроет тьма прекрасное светило
В те самые часы, когда б с небес оно
Еще в мир страждущий сиянье ниспустило!
Ужель и всем мирам погибнуть суждено?..

Постой, Зорам!—ты ль мнишь, что мир так исчезает?
Не мни!—то действует *все вечная любовь*,
Что грубый с мира тлен сим образом спадает;
Подобно *фениксу* наш мир возникнет вновь.

Но знай, что есть един незримый круг верховный,
Который выше всех явлений сих ночных,
В который существа должны лететь духовны
Сквозь облачны пары на крыльях живых!

ОДА К БЛАНДУЗСКОМУ КЛЮЧУ

Из Горац <ия> с лат <инского>

О ты, Бландузский ключ кипящий,
В блистаньи спорящий с стеклом,
Целебные струи точащий,
Достойный смешан быть с вином!
Заутра пестрыми цветами
Хочу кристалл твой увенчать,
Заутра в жертву пред струями
Хочу козла тебе заклать.

Красуясь первыми рогами
И в силе жар имея свой,
Вотще спешит он за козами
И с спорником вступает в бой;
Он должен кровь свою червлену
С тобой заутра растворить,
И должен влагу он студену
Червеной влагой обагрить.

Хоть Песней звезды горящей
Суровый час и нестершим;
Но ты от силы сей палящей
Под холодной тенью невредим;
Волы под игом утруженны,
Стада, бродящи на полях,
Тобой бывають прохлажденны,
В твоих находят жизнь струях.

Ты будешь славен, ключ счастливый,
Достоин вечныя хвалы,
Как воспою тенисты ивы,
Обросши тощю грудь скалы,
Отколь твои струи прозрачны,
Склонясь серебряной дугой,
С отвагой скачут в доли злачны
И говорят между собой.

К НОВОСТОЛЕТИЮ XIX

Страшна отрасль дней небесных,
Вестник тайнств неизвестных,
Вечности крылатый сын,
Рок носяй миров висящих,
Радуйся!—Будь исполин
Меж веков быстропарящих!
Обнови нам ныне ты
Век *Сивиллин* золотый!

Семен Семенович Пестов

ПЕСНЬ МОЕМУ БЛАЖЕНСТВУ

Блаженство жизни сей вкушает
Не тот, заботится кто век;
Чинов, богатства кто желает,
Тот прямо бедный человек.

Ни чин, ни золото не сильно
Душе спокойствие принесть;
Будь князь, живи во всем обильно,
Но для него химер тьма есть.

Возмнит быть герцогом иль дожем
Иль всей вселенной завладеть,
Но и царями бьв, не можем
Без совести блаженства зреть.

Благополучен тот не лестно,
Творит кто ближнему добро,
Живет кто искренно и честно,
Кто презирает серебро.

Но вяще тот благополучен,
Особой милой кто пленен;
Любя ее, с ней неразлучен,
Которой счастье множит он.

Любовь взаимно их пленяет,
Чтоб благо истинно вкушать,
А добродетель возбуждает,
Чтоб благо прочих совершать.

Такой любви, моя драгая,
Ищу я в прелестях твоих.
Я, добродетель почитая,
В тебе жду блага дней своих.

Твоя душа мной будет править,
Как путем добрым мне идти;
Чтоб счастье здесь себе составить,
Жену такую тот найди.

РОНДО УМЫ

На что у нас умы, коль счастье всем владеет:
Наукам, знаниям—всему учились мы;
Но с знаньем редко кто на свете сем успеет,
А деньги могут всё—на что ж у нас умы?

На что же нам умы?—Лишь к знатному приступишь,
Порист чтоб место дал иль хлеба хоть кромы,—
Без покровителей ни крохи не получишь,
Дурак же все берет—на что ж у нас умы?

На что у нас умы?—Шутов все принимают,
И хлеб везде найдут глупцы, ханжи, кумы;
А кто учился, тех бояра вить не знают,
Когда без них умны—к чему же нам умы?

К чему же нам умы, коль суждено страдати
И в век свой на себе всегда носить сумы,
Чтоб хлеба на обед кой-как себе достати,
А счастье все глупцам—не нужны нам умы.

Нет, нужны нам умы, чтоб дух свой не крушити
И зная, что смертны все так точно, как и мы,
В бедах всех на Творца надежду положить
И в жизни все сносить—так нужны нам умы!

ПЕСНЬ МОЕЙ КРАСАВИЦЕ

Не силой, не дородством
Пленяешь ты сердца.
Сим хвастать превосходством
Есть дело молодца.

Творенье слабо, нежно,
Покорно б должно быть,
Тебе чтоб безмятежно
С умом и с силой жить.

Покорствуй, унижайся
Ты, слабо существо!—
Ах! нет, нет величайся,
Над смертным божество!

Хоть слабо, да прелестно
Ты сильного очам,
Чувствительно и честно
Дая закон умам.

Лишь взглянешь, пред собою
Толпу ты сильных зришь;
Они ждут пред тобою
Исполнить, что велишь.

Лишь ступишь, уж на ножку
Прелестную глядят.
Меж тем все понемножку
Пьют любовный яд.

Сказать лишь хочешь слово,
Молчат, разиня рты;
И сердце их готово
Принять твои черты.

Все речи, разговоры
Глотаем мы, как мед,
Твои прелестны взоры
Всяк с жадностью пьет.

Твои поступки, обхожденье
Сердца к себе влекут.
Когда бы не почтенье!
Открылся б я... Все тут.

Сергей Алексеевич Тучков

ОДА

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Страстями смертный развращенный,
К себе любовью ослепленный
И жаждущий богатств, чинов,
О, как себя ты забываешь!
Еще ли ты, еще ль не знаешь,
Что скоро минет блеск сих снов?

Чего, чего ты ожидаешь?
Почто расторгнуть не дерзаешь
Вокруг себя завесу тьмы?

Мгновенно гром на землю грянет,
Сиять к нам солнце перестанет,
Хаоса в бездну снидем мы.

Спустилось солнце в хладны воды,
Лазурны помрачались своды,
Покрыла землю черна тень;
Свои дела ты оставляешь
И тою мыслью засыпаешь,
Что паки ты увидишь день.

Но алчна смерть уж над тобою
Сверкает острою косою,
Тебя преобращая в прах!
Наместо дел мы продолженья
Или желаний исполненья
Встречаем с днем печаль и страх.

Природа нам напоминает,
Что быстро время угрожает
В ничтожество все обратить,
Что все исчезнет, прекратится,
И нам сие всечасно тцится
Живыми образы явить.

Приятны летни дни проходят,
И за собой они выводят
Угрюмости осенних туч;
Кончаются забавы, неги,
Ниспасть готовы хладны снеги,
И солнце отвращает луч.

Трава и лист в полях желтеет,
Зефир их больше не лелеет,
Пастушки гонят с поль овец;
Из роцдей птички улетают,
Струи кристальны замерзают —
Се нашей жизни образец.

Познать себя лишь начинаем,
Уж силы мужества теряем,
Белеют на главе власы!
В болезнях, в грусти жизнь проводим,
Слабеем, к вечности отходим,
Где гибнут слава и красы.

Доколе, Господи, доколе
 Пребудет зрак твой отвращен?
 Доколе я в несчастной доле
 Тобой остануся забвен?

Доколе положу советы
 Я в сердце и в душе моей!
 Доколе скорби и наветы
 И день и ночь пребудут в ней?

Доколе враг мой вознесется
 Еще, о Господи! над мной?
 Мой глас к тебе да принесется,
 Услышь его, о Боже мой!

Тобою свьше просветяся,
 Да никогда усну во смерть!
 Не дай врагу рещи, гордяся:
 «Возмог я рог его сотерть!»

Стужающи возвеселятся,
 Егда подвигнусь я от них,
 Но мысли ввек не пременятся
 В надежде милостей твоих.

Весельем сердце облечется,
 Что душу спас Господь во мне,
 И имя громко воспоется
 Благодеявша Бога мне!

СОНЕТ ПОБЕДИТЕЛИ БОГАТСТВА

Играйте, потоки, на мягких лугах,
 Птички, взносите вы голос приятно,
 Пойте, пастушки, на красных берегах!
 Прямо счастливей вы нас многократно!—
 Вас не смущают градские мечты,
 Вас не прельщают ни честь, ни богатство,
 Вас украшают весною цветы,
 Вас убегают и лесть и коварство.

Злато не может вспалить вашу кровь,
Вами владеет прямая любовь,
Вами хранятся все права природны,
Вам неизвестно притворными быть,
В свете ж за деньги все можно купить,
Вы злыя власти богатства свободны.

Иван Андреевич Крылов

МОЙ ОТЪЕЗД

Песня

Уже близка минута
Разлуки моя;
Прости, прости, Анюта,
Уж скоро еду я.
Расставшись с тобою,
Расстанусь я с душою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Позволь мне в утешенье
Хоть песенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.
Пусть за меня в разлуке
Она наполнит муки,—
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Моря переплывая,
Меж камней, между гор,
Тебя лишь, дорогая,
Искать мой станет взор.
С кем встречусь, лишь одною
Займу его тобою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Лесок, деревня, поле,
Все вспомнит предо мной
Места, где в тихой доле
Был счастлив я с тобой.

Всё мне тебя представит;
Всё слезы лить заставит;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Вот лес, скажу, унылой,
Где вдруг ты стала зла,
Потом улыбкой милой
Знак к миру мне дала.

Там я с тобой встречался;
Здесь я тобой прельщался;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Предвижу, как в оковы
Сердца к тебе летят;
Сулят утехи новы,
Быть верными сулят.

Увы, зря их мученье,
Их ласки, обоженье,
Увы, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Хоть вспомни, как тобою
Томятся грудь моя,
И что, лишась покою,
Не льдусь надеждой я.

Ах, вспомни все мученье
И это разлученье,—
Мой друг!—Мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

ВЕЧЕР

Не спеши так, солнце красно,
Скрыть за горы светлый взор!
Не тускней ты, небо ясно!
Не черней, высокий бор!
Дайте мне налюбоваться
На весенние цветы.

Ах! не больно ль с тем расстаться,
В чем Анюты красоты,
В чем ее душа блистает!
Здесь ее со мною нет;
И мое так сердце тает,
Как в волнах весенний лед.
Нет ее, и здесь туманом
Расстилается тоска.
Блекнут кудри василька,
И на розане румянном
Виден туск издалика.
Тень одна ее зараз
В сих цветах мне здесь отрадна.
Ночь! не будь ты так досадна,
Не скрывай ее от глаз.
Здесь со мною милой нет,
Но взгляни, как расцветает
В розах сих ее портрет!
Тот же в них огонь алеет,
Та ж румяность в них видна:
Так, *воплнехотя* она,
Давши поцелуй, краснеет.
Ах! но розы ли одни
С нею сходством поражают?
Все цветы—здесь все они
Мне ее изображают.
На который ни взгляну—
Погляжу ли на лилеи:
Нежной Аннушкиной шеи
Вижу в них я белизну.
Погляжу ли, как гордится
Ровным стебельком тюльпан:
И тотчас вообразится
Мне Анютин стройный стан.
Погляжу ль... Но солнце скрылось,
И свернулись все цветы;
Их сияние затмилось,
Ночь их скрyla красоты.
Аннушка, мой друг любезный!
Тускнет, тускнет свод небесный,
Тускнет,—но в груди моей,
Ангел мой! твой вид прелестный
Разгорается сильней.
Сердце вдвое крепче бьется,
И по жилам холод льется,—

Грудь стесненную мою
В ней замерший вздох подьемлет,—
Хладный пот с чела я лью.—
Пламень вкруг меня объемлет,—
Аннушка!—душа моя!
Умираю—гасну я!

СОНЕТ К НИНЕ

Нет мира для меня, хотя и брани нет;
В надежде, в страхе я; в груди то хлад, то пламень;
То вьюсь я в небесах, то вниз лечу, как камень;
То в сердце пустота, то весь в нем замкнут свет.

Та, кем познал мой дух мучения суровы,
Ни быть рабом, ни быть свободным не велит;
Ни послабляет мне, ни тяготит оковы,
Ни смертью не грозит, ни жизни не сулит.

Гляжу, не видя я—и молча призываю;
Ищу погибели—и помощи желаю;
Зову, гоню, кляню, объемлю тень драгой.

Сквозь слезы я смеюсь; в печалях трачу силы;
И жизнь и смерть равно душе моей постылы—
Вот, Нина, до чего я доведен тобой!

К СОЛОВЬЮ

Отчего сей свист унылый,
Житель роцей, друг полей?
Не из города ль, мой милый,
Прилетел ты, соловей?
Не из клетки ль на свободу
Выпорхнул в счастливый час
И, еще силка страшась,
Робко так поешь природу?
Ах! не бойся—и по воле
Веселись, скачи и пей;
Здесь не в городе мы—в поле;
За прекрасный голос свой
В клетке здесь не насидишься
И с подружкой дорогой
За него не разлучишься.

Позабудь людей, друг мой;
Все приманки их — отравы;
Все их умыслы — лукавы.
Здесь питье и корм простой,
Но вкуснее он на ветке,
При свободе чувств своих,
Нежель корм богатый их
В золотой и пышной клетке.

ПОДРАЖАНИЕ 37-МУ ПСАЛМУ

Смягчи, о Боже! гнев твой ярый,
Вины души моей забудь
И молний уклони удары,
В мою направленные грудь!
Престани в тучах, во блистаньях
И в бурных пламенных дыханьях
Являть, колико суд твой строг;
Пролей надежду в грудь унылу,
Яви свою во благе силу
И буди в милостях мне Бог!

Стрелами острыми твоими
Мне сердце все изъязвлено
И, раздираемое ими,
Горит, как в пламени, оно;
Горит, как в пламени, оно;
Свои счисляя преступленьи,
В стыде, болезни, в изумленьи,
Смыкаю я смущенный взор.
Нет предо мною света дневна —
На мне твоя десница гневна,
Хладнее льдов, тягчее гор.

Все скорби на меня зияют
И плоть мою себе делают.
Как воск, во мне так кости тают,
И кровь моя, как острый яд;
Как трость ломка во время зною,
Как ломок лед в реках весною,
Так ломки ноги подо мной.
Все множит мне печалей бремя;
Остановилось само время,
Чтобы продлить мой жребий злой.

В сем зле, как в тревожном море,
Собрав остаток слабый сил,—
В отчаяньи, в надежде, в горе,
К творцу миров я возопил,
Воззвал и сердцем вострепетался;
То луч надежды мне являлся,
То, вспомянув мои вины,
Терял я из очей свет красный:
Меч видел мщенья ужасный
И видел ада глубины.

Вкруг моего собравшись ложа,
С унылой жалостью друзья,
Моей кончины ужас множа,
Казалось, взорами меня
Во гроб холодный провождали;
Притворным плачем мне стужали
Враги сокрыты дней моих;
А я, как мертв, среди смягченья
Лежал без слуха, без движенья
И уст не отверзал своих.

Но в страшную сию минуту,
В сей час, ужасный бытию,
Зря под ногами бездну люту,
А пред очами смерть мою,—
Надеждой на Тебя отрадной,
Как в жар поля росой прохладной,
Мой слабый дух себя питал.
Хоть телом упал я в бездны,
Но духом за пространства звездны
К Тебе с молитвой возлетал.

Нет!—рек я в глубине сердечной,—
Нет, не погибну я, стена;
Исторгнет Бог мой сильный, вечный
Из смертных челюстей меня,
И дух мой не отдаст он аду
Неправедным врагам в отраду;
Их не свершится торжество;
Не посмеется мне их злоба,
Что у дверей ужасных гроба
Помочь бессильно божество.

Творец! Внемли мое моление
И гласу сердца ты внемли:
Хотя ничтожное творенье,
Я прах, не видный на земли;
Но что есть мало, что презренно,
Тобою, Боже, сотворенно?
Прекрасен звездный твой чертог;
Ты в солнцах, ты во громах чуден,—
Но где ты чудесами скуден?—
Ты и в пылинке тот же Бог!

И я к Тебе, надежды полный,
Свой простираю томный глас:
Смири страстей свирепых волны,
В которых духом я погряз!
Мои велики преступления:
Их сердцу страшно исчисленье,—
Но в судии я зрю отца.
Мой страшен грех, но он конечен,—
А ты, мой Бог, ты силен, вечен;
Твоим щедротам нет конца.

Александр Иванович Клушин

РОЗА

В цветущей юности своей
Среди Тюльпанов и Лилей
Гордяся Роза возрастала.
Осанка горда возвещала
В ее унынии самом
Величье пред другим цветком.—
Когда горящее светило
На свод лазурный восходило,
Почтенье робко к ней хранило;
И чтобы стеблей не помять,
Лучи как бисер рассыпало;
Но к ней касаться не дерзало.
Что редко, должно обожать!
Зефиры, тонки волокиты,
Кадриль из всей состава свиты,

Резвились, прыгали пред ней;
На легких крыльях носяся
И счастьем своим гордяся,
В молчаньи удивлялись ей.

Но долго ль процветала Роза?
Едва вечерний час настал,
Бледнел цветок и увядал —
Померк от лютости мороза.
Придет день весны твоей,
Ты к жизни возвратишься снова;
И смерть угрюма и сурова
Тебя не может поглотить —
Твой рок: и умирать и жить!

Но ты где, нежная Темира?
Где? — там! Где там? — безмолвна лира!
Здесь прах; души твоей в нем нет.
Она мертва, а прах живет.

Напрасно приближаюсь к гробу,
Тебя желая воскресить;
И слезны перлы хладну злобу
Бессильны, слабы умолить.
О, если б глас судьбины гневной
Расторг состав мой, век плачевной!
С восторгом пред тобой бы пал
И тонкий прах с твоим смешал.

ВОЗЗВАНИЕ К НОЧИ

Спустись, спокойствия подруга,
С небесного златого круга,
Спустись, любезна Ночь! ко мне
В порфире, вышитой звездами,
Прикрыта мраком, облаками,
На бледно-золотой луне.
Оставь лазурный свод эфира,
Спустись на крыльях зефира,
Рассыпь по роцам, по лугам,
По томным, серебряным струям
Сафир и пурпур драгоценной —
И, в тишине своей священной
Лучи бросая пред собой,
Посеребри луга росой.

Спустишь!—и дланию десницы,
И темным, облачным перстом
Коснися—и мои зеницы
Покрой приятным, легким сном.
Рассыпь вокруг меня мечтанье,
А в душу посели покой;
Представь мне Клою очертанье,
Как луч сияющий меж тьмой.

Представь! скажи ее устами,
Ее небесными глазами,
Ее улыбкой дорогой,
Что я любим, как Клоя мной.
Чтоб взор ее с моим встречался,
Хотел сказать—и отворачался;
Чтоб нежная рука ея
Мою к сердечку прижимала,
Румянец на щеках рождала;
Чтоб Клоя нежно трепетала,
Как трепещу пред нею я.

Потом пушистыми крылами
Ты к Клою на диван махни;
Сон легкий усладя мечтами,
Ей нежно на ушко шепни,
Что я об ней лишь помышляю,
Что сердце ею наполняю,
Что равно всей душой люблю,
Когда я с ней, когда я сплю;
Что все мне Клою представляет,
Что разум только вображает,
В природе каждая черта:
Светило, воздух, огонь, мечта.

Потом, когда тебе возможно,
Легонько, тихо, осторожно,
Представь меня перед нею,
Чтобы средь сна увидел я,
Как русыми ее власами
Зефиры резвятся, шалют,
Передуют их устами
И жадный взор не насладят;
Как розы на щеках возжженных,
Слезинкой иногда смоченных,
С улыбкой нежатся, цветут;

Чтоб на устах ее прелестных
Сиял огонь прелестей небесных;
Чтоб грации вместились тут;
Чтобы я нежно к ним коснулся—
Прилип—и вечно не проснулся.

РОМАНС

Менальк мой без подружки
Грустил и вздыхал;
И тщетно он пастушке
Сердечко предлагал.

Темира не хотела
И слушать ничего;
Любила... но умела
Скрыть слабость от него.

Хоть любят, да играют
Так хитрые сердца;
Хоят... но удаляют
Желаний от конца.

Случилось пастушке
Под кустиком заснуть,
Не о своей подружке,
О милом воздохнуть.

Зефиры дерзновенны,
Вокруг ее резвясь,
Открыли драгоценны
Все прелести для глаз.

Менальк туда несется,
Как легкий ветерок;
Все видит... весь трясется
И мнит сорвать цветок.

Но робок... не коснулся,
Лишь ручки целовал;
Божок его проснулся
И с томностью сказал:

«В твоей, жестокий, воле,
Так прочь отсель поди...
Ах нет!.. ты видел боле;
Останься... не ходи».

Андрей Иванович Бухарский

РОЗА И ЛИЛЕЯ

В саду соперницы одном
Росли и Роза и Лилея.
Зефир чуть веял им крылом,
Почтенье к прелестям имея;
Но был всегда он нерешим,
Которой дать любви цену:
То Роза обладала им,
Колесля чашечку надменну;
То Лилия, нежна, бела,
Его внимание влекла.
Всяк знает, как самолюбивы
Всегда бывают красоты.
Лилея, Роза горделивы
И презирают все цветы;
И даже в ссоре меж собою.—
Но как соперницам двум быть,
Не ссориться и в дружбе жить?—
Нет миру им и нет покою;
И их жилище, райский сад
Померк, зря зависти в них яд.

Амур однажды по дороге
Тем местом милым пролетал;
Обеих видит он в тревоге
И недоволен спором стал.
Он рассудил их беспристрастно,
Не долго слушал и мирил;
Взял их и на лице прекрасно
Анютино пересадил.
Велел им цвести без всякой ссоры,
И вдруг и порознь там блистать,
Пленять приятной смесью взоры
И нежны чувства открывать.

Пчела садится на цветок
И извлекает чистый сок;
Но цвет все так же ароматен,
Пушист, блистающ и приятен.
Так я тебя поцеловал,
Но красоту тем не расстрою,
Роз на устах я не помял:
За что же сердисься ты, Клоя?

Петр Матвеевич Карabanов

ИСКРЕННОСТЬ ПАСТУШКИ

Под тению густою
Близ тихого ручья
Сидела долго я,
Терзаема тоскою.
Вдруг миленький дружок,
Любезный пастушок,
О ком я вздыхала
И страсть открыть желала,
Но не могла открыть,
Пришел поговорить.

Печален, скучен, томен,
Вздохнувши, мне сказал:
«Я долго страсть скрывал,
Не буду больше скромн;
Давно тебя любя,
Соскучил без тебя;
А ты того не знаешь
И здесь себя скрываешь
От взора моего,
Не знаю, для чего».

Ах! как же я смутилась,
Когда он то сказал;
Как он мне жалок стал!
Я тут же б согласилась

Ему за это дать
Себя поцеловать.
Пришел конец мученьям;
Любовным восхищеньям
Наступит скоро час:
Любовь, спрятай ты нас!

И я должна открыться
В мучении своем;
Но только лишь о том
Хотела изъясниться,
Вдруг барин подскочил —
Он зайцев тут травил;
Тихонько к нам подкрался,
Со мной поцеловался;
«Я этого не знал,
Что здесь ты,—он сказал,—

Как ты мила, прекрасна!
Скажи, из нас кого —
Меня или его
Ты век любить согласна?»
Потом сказал другой:
«Пожалуй, светик мой,
Ты с сердцем согласишься,
Того любить склонись,
Кого оно велит,
К кому оно горит».

А барин золотые
Мне горы посулил
И так мне говорил:
«Я камни дорогие
Имею у себя,
Я ими всю тебя
Украшать обещаю;
Я тьмою обладаю
И злата и сребра
И всякого добра.

В одеждах испещренных
Ты станешь щеголять;
Ты будешь разъезжать
В каретах позлащенных
По вотчинам, садам,
По замкам и лугам;

А это все именье
Отдам в твое владенье:
Ты будешь госпожой,
А я любовник твой.

На пиршествах приятных
Мы будем есть и пить
И головы кружить,
Как водится у знатных.
Утехи там рекой
Польются пред тобой:
Захочешь веселиться—
Вдруг музыка явится;
Там станут петь, играть
И много танцевать.

Высокие чертоги
Жилищем будут нам:
Повсюду роскошь там;
Везде приятства многи.
Там живопись блестит,
Там золото горит;
Мы будем жить приятно,
Великолепно, знатно».
А тот, кто был мне мил,
Вот что мне говорил:

«Мое одно именье—
Любви неслестный жар;
Приньми его ты в дар
И в вечное владенье.
И птички, и цветки,
И ленты, и венки
Наместо испещренной
Одежды драгоценной
Я стану приносить
И их тебе дарить.

Ни вотчин нет за мною,
Ни замков, ни садов;
Но я всегда готов
Жить в хижине с тобою.
Ее прохладна тень
Средь лета в жаркий день

К покою призывает;
Хоть пища там бывает
Простая за столом,
Да что мне нужды в том?

Мой весел малый ужин;
Он дружбой припасен
И дружбою красен;
Так нам и бал не нужен:
Свирелка и гобой
И песни тон простой
Тебе приятен будет:
Пастушка не забудет,
Что счастье там живет,
Где пышной жизни нет».

Я это все смекнула,
И барину тотчас
Я сделала отказ,
А пастушку шепнула,
Чтоб он спокоен был
И после посетил
Мое уединенье
И чтобы в награжденье
Таких приятных слов
Принес мне пук цветов.

Федор Модестов

ЛАСТОЧКИ

Как счастье мое в моих руках цветет,
Тогда и стар и млад на двор ко мне течет.
Но как лишь моего цвет счастья завянет,
Тогда уже никто и на окно не взглянет.
Примером ласточки мне ясным могут быть
И истину сию собою подтвердить.
Их зрю в то время я летающих стадами,
Когда лицо земли украсится цветами,
А как сии цветы лишь станут засыхать,
Уже и ни одной из них мне не видеть.

*

Пускай богатые в сей жизни веселятся,
И совесть из судей мешками гонят вон,
Пусть красотой своей тщеславные гордятся,
.....
Однако воля их со временем минется
И с пышной помпою богатство пропадет.
Когда небесный царь во славу облечется
И книгу святости пред ними развернет,
Тогда не спросится сей истине свидетель,
Что как закон его был ими здесь хранен;
Порок поглотит ад, возникнет добродетель,
Там будет за одно с вельможей раб почтен.
Итак, которые в сей жизни веселились,
Те будут из очей горчайши слезы лить;
Но кои всякий час слезами здесь мочились,
Те будут радости небесну чашу пить.
Которые себя в сей жизни возвышали,
Сомнения в том нет, что будут ниже всех;
Но что главу свою пред Богом унижали,
Со лавром там глава превознесется тех.
Алкали кои здесь, те будут пресыщенны,
Но пресыщались что, там будут те алкать.
И словом, будут те всей милости лишены,
Что не умели жизнь в законе сохранять.
О, благодать вечная! о, истина святая!

*

Если хочешь ты спокойно
Жизнь свою препроводить,
Постоянно, благостройно
От напастей сохранить;
То с вельможами не знайся,
Вишен с их стола не ешь,
И в карете опасайся
С ними ехать; иди пеш.
Хоть они сперва и греют
Дружеским тебя лучем,
Но, смотри, рассвирепеют
Неприятельским огнем.
Поднесут ти чашу яда,
Чашу смертных воды,

Ты пропал, бедняк, за гада.
Вот последствие беды!
Тот счастливо управляет
Жизни своея коня,
Кто высоких убегает
И боится как огня.
Что тебе в венце лавровом?—
Так один философ рек!
Если будешь под покровом
Мирным весь вести свой век,
Не посмей на утлом древе
Убо утверждать покой:
Если ветры будут в гневе,
То слетишь ты вниз головой.

Яков Васильевич Орлов

МОИ ЧУВСТВИЯ К ЛАВРСКО-СЕРГИЕВОЙ СЕМИНАРИИ ¹

О Лавра, с Никоном где Сергей почивает,
К тебе мой дух парит, тебя мой глас взывает.
В тебе я жил, в тебе учился жить везде;
Скучал, чтоб не скучать теперь уже нигде.
О, строгость мудрая, предел к поползновенью!
И вольность днесь слаба меня к перемененью.
О, Академский лес! ² Исчез—посечен он,
Но в Лавре есть другой; там есть другой Платон.

¹ Я в сей Семинарии обучался с 1784 года от 9 лет моего возраста до 1794. В сем году был вытребован студентом по Синодскому указу в Санкт-Петербургскую учительскую гимназию, в которой обучался до декабря месяца 1796 года, откуда определен Комиссиею в Нижегородское Главное Народное училище к должности учительской.

² Греческий философ Платон обучал в лесу, называемом Академ, недалеко от Афин; отчего и Академия название свое получила.

ОКТАБРЬ ¹

Октябрь пусть древний звездочет
Чтит гнусным в свете Скорпионом:
Всяк зря теперь ошибку в оном,
Его лишь Девкою зовет.

А ты, о тщетный звездослов ²,
Флегматиков предвозвестивши,
Познай неправду, заблудивший,
На родшихся зря Близнецов.

Природа, изменив закон,
Прелестно лето продолжает;
Зефир еще листы лобзает,
Лишь в гроте стонет Аквилон.

Но се! земля, луга, леса
Вдруг состарелись, побелели;
Как лунь, все зайцы поседели.
Какие в свете чудеса!

Пропало лето через ночь;
Исчезла осень, не бывавши;
Зима седая, днесь наставши,
Борея гонит к нам в полночь.

Барсук, еж, суслик и сурок
В норах глубоких засыпает;
Медведя в лапах жир питает,
Не выходяща из берлог.

И ныне слышен женский глас:
Девицы, сельские подружки,
Ходя к бобылкам ³ в ночевушки,
Ночь украшают без прикрас.

¹ Должно заметить, что в 1797 году сей месяц был до 20-го числа чрезмерно хорош, но после вдруг настала холодная зима.

² Брюс в своем календаре полагает, что в сем месяце рождаются дети флегматического темперамента.

³ В деревнях бобылками называются живущие в домиках своих вдовы или старушки.

Беги от красоты и не смотри глазами,
Где есть красавица: она ведь лепоты
Своей так не дает, а посмотрев очами,
Захочешь душу дать—беги от красоты.

Беги от красоты, ведь, душу подаривши,
Невольником ее быть страстным должен ты,
И красоте ее всего себя вручивши,
Захочешь все отдать—беги от красоты.

Беги от красоты, и, все свое отдавши,
Получишь что от ней за все те суеты?
Не взглянет на тебя, всего тебя обравши,
Захочешь сам отстать—беги от красоты.

Беги от красоты, хотя б сей красотою
И обнадежен был вкусить любви плоды;
Сколь должен мучиться блестящей сей мечтою;
Изноешь только ты—беги от красоты.

*

Что я тебя люблю, молчать мне иль открыться?
Не знаю я теперь, на что мне согласиться.
Пускай и скрою я любовь мою к тебе—
Но что ж, подам же тем я мысли о себе.
Когда, и в первый раз узрев тебя очами,
Все жертвуют тебе нелестными сердцами,
Так мне ли устоять против красы твоей
И мне ли не любить душой тебя своей?
Ведь и во мне не лед—кровь; сердце, а не камень:
Так и не сродно ли питать к тебе мой пламень?
Но пусть бы алмаз со льдом во мне и был,
Но взор твой и тогда его бы растопил,
Твоя бы и тогда речь тонка грудь пронзила,
Как и теперь мой дух собой ты уязвила.
Теперь страдаю я. Болезни ты виной,
И кто же исцелит, кроме тебя одной?

ПЕСЕНКА

На голос: *стонет сизый голубочек*

Едет, едет твой дружочек,
Покидает он тебя.
Роза, миленький цветочек,
Не суши, умерь себя.

Много найдешь сих дружечков,
Он не съест лишь такой;
Посмотри на метелечков,
Как любятся весной.

Ты быть горлицей желаешь,
Перва друга лишь любить;
Ты единого теряешь,
А с другим не хочешь жить?

Горлица, лишась подруга,
Иль с другим не хочет быть?
Стонет жалко, ищет друга,
Зрит другого полюбить.

Полюби меня сердечно,
Я желаю быть твоим;
Пожелай и ты днесь вечно,
Сердце! сердцем быть моим.

*

Что ты, сердце, унываешь?
Что тоскуешь день и ночь?
Ты, конечно, и не знаешь,
Как тоска отходит прочь?

Как зарею день начнется,
Ты начнешь его тоской,
И из глаз моих полетит
Горький, слезный ключ рекой.

Солнце в воды утопает
И уносит ясный день;
Грусть моя не отступает,
Я шатаюсь так, как тень.

Знать, не будешь ты покою,
Сердце, в целый век иметь,
Вечно быть тебе с тоскою,
Вечно рваться и кишеть.

Ах, кого люблю сердечно,
Кто мне в свете больше мил,
Не дождуся я, конечно,
Чтоб тот сам меня любил.

Не дождусь я, чтоб мой милый
На меня когда взглянул
И чтоб, видя дух унылый,
Хоть нарочно бы вздохнул.

Ведь рождаются же такие
В свет жестокие сердца,
Коиx пламени людские
Не тревожат до конца.

Я люблю такой же камень,
Он не тронется ничем,
Самый сильный сердца пламень
Не найдет привета в нем.

Под несчастною родилась,
Знать, планетою на свет,
Кем я сладостно пленилась,
Тот и мучает предмет.

НА ПРОЩАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Настал последний день. Прощаться всяк идет.
К кому? И с кем? — С врагом. На ум то не взойдет.
К тому спешат, живут с кем дружно иль почтенно.
Мируются с тем, живут с кем кротко иль смиренно.
Лобзаются враги, но с тем, чтоб яд вдохнуть
И в преисподнюю друг друга нистолкнуть.

НАДПИСЬ К ШКАПУ КНИЖНОМУ

Хоть здесь любовницы мои заключены,
Но для любовников они отворены.
Душа их хороша, но телом непригожи;
Натуру любящи одни к ним только вхожи.

Не их любовники—они еще дарят
И содержателя лишь тем благодарят.
Коль хочешь ты познать, бери их в дом с распиской,
Без коей уже нет красавицы латинской.

НАДПИСЬ К БИБЛИОТЕКЕ

Когда б ни захотел с учеными мужами
Беседу ты иметь, их пользуясь умами—
Иди в сей храм, толпы ученых здесь мужей;
Душей их пользуясь, сам пользуй ты своей.

Николай Семенович Смирнов

СТИХИ НА ЖИЗНЬ

О вы! которые рождаетесь на свет!
Мой взор на вашу часть с жалением взирает;
И самой смерти злей собранье здешних бед,
В сей жизни человек всечасно умирает.
Из недр ничтожества когда б я мог то знать
И если бы творец мне дал такую волю,
Чтоб сам я мог своей судьбою управлять,—
Не принял жизни б я и презрил смертных долю.

ОТВЕТ С ТЕМИ ЖЕ РИФМАМИ

Не много мудрецов рождается на свет;
Не всякий и мудрец без горести взирает
На брэнну нашу жизнь, цепь вечных зол и бед;
Но в том уверен я, что мудрый умирает
Без страха и забот, и не желает знать,
Правдиво ль то иль ложь, что он имеет волю
Своею волею в сей жизни управлять;
И, мысля так, не чтет блаженством смертных долю.

БЛАГОДАРНОСТЬ

В злато-рубиновой порфире,
В венце из пламенных лучей,
Бряцая на волшебной лире,
Латонин сын из-за морей
Едва свой образ светозарный
Явил, как слезы благодарны,
Напомнив милости твои,
Стезю из сердца проложили
И, заструившись — облегчили
Болезни и тоску мои.

Благотворительность святая,
Любимая Природы дщерь!
Где твой престол? страна какая
Гордится им? — Ни лютей зверь,
Сократу смертный яд разведший;
Ни скот, Ефесский храм сожегший,
Не воскуряли фимиам
Пред утешительницей мира...
Кто ж скажет мне, уныла лира!
Где беломраморный тот храм,

В котором истукан бесценный
Стоит *немногих* божества?
Один лишь смертный тот блаженный,
Кто драгоценней торжества
Души своей ни в чем не знает,
Как если слезы отирает
Несчастливых, их счастливая часть. —
Скажи ж, о мой благотворитель!
Скажи, где ангел твой хранитель?
Позволь пред ним и мне упасть!

Сердечны слезы умиленья,
Которых ток еще течет!
Он примет вас без оскорбленья
И сам вам цену наречет:
Ему любезна благодарность;
Ему притворство и коварность
С дарами смеют ли предстать? —
Теките, слезы драгоценны!
Когда *ему* вы посвященны,
Я рад вас вечно проливать.

*Крепость Усть-Каменогорская,
сентября 24-го 1796*

ДУШИНЬКА

Отрывок

О Душинька моя!

Тебя уж больше нет, и я один остался;
Навеки, Душинька, с тобою я расстался;
Тобой покинут я,
Покинут в горести, к отчаянью и муке!
Лишь только мысль придет о гибельной разлуке,
В глазах померкнет свет,
Стеснится грудь моя, и обольюсь слезами;
Твержу, рыдаючи, что Душиньки уж нет!
Зову тебя к себе я всеми именами,
Что нежность и любовь могли изобрести;
Но, вспомнив, что тебе навек сказал *прости*,
Собой не обладаю
И смерть, отчаянный, в отраду призываю.

О Душинька моя!

Ты мысли все мои одна лишь наполняешь,
Ты душу страждущу на части раздираешь.
Всеместно кажется в глазах мне тень твоя;
Стремлюсь ее обнять; но призрак исчезает—
Он с воздухом из рук дрожащих убегает.
Шелохнет ли листок
Вечерний ветерок,
Иль пгичка вышорхнет из кустика за мною;
Вздрогну и брошуся... Не Душинька ли там?—
Имея чувства все наполнены тобою,
Брожу в тоске по всем местам
И требую тебя в слезах от всей Природы.
Как ветер порывистый в час бурной непогоды
Мутит, крутя с песком, кристаллоподобны воды
И, с пеною клубя, вверх гонит их ручья,
Такие чувствую волненья в сердце я—
В том сердце, что теперь навек осиротело,
Которо божеством одну тебя имело.

О Душинька моя!

Как роза нежная, блистая в полном цвете,
Увяла ты!.. А я?
А я, лишась тебя, еще живу на свете!
Живу лишь для того, чтоб слезы проливать,
Чтоб Душиньку мою всечасно вспоминать.—
В часы, как солнушко, скрываяся за горы,

Вершины их златит
И в мирной тишине природу веселит,
Уныл и горестен, потупя томны взоры,
Задумавшись хожу:
Во всем, что вижу я, спокойствие встречаю;
Лишь только я один его не ощущаю
И одного себя несчастным нахожу.

ПЕСНЯ

на голос: *Для того ль я дождалась?*

Утомится ль рок жестокий
Мучить нежные сердца?
Или бедством нашим вечно
Не увидим мы конца?

Иль на то лишь мы родились,
Чтобы счастья не видать
И, отрад не обретая,
День рожденья проклинать?

Тщетно нежностью взаимной
Вспламенилась я к тебе:
Можно ль двум сердцам несчастным
Воспротивиться судьбе?

Можно ль все ее преграды
Нашей страсти одолеть?
Без надежды осужденны
Мы любовию гореть!

Так! Надежды нет нам боле!..
И на что нам уповать?
Наш удел повсеминутно
Новой смертью умирать!

Преходить из казней в казни
И томиться страстью сей,
Счастье, радость и веселье
Погубя навеки ей.

О, предмет моих стенаний
И виновник горьких слез!—
Луч отрады и блаженства
Навсегда для нас исчез.

Он исчез... Что ж нам осталось?
Нам осталось лишь терпеть...
Нет, взнесясь превьше рока,
Презря бедства, умереть!

ПЕСНЯ

на голос: *Поля, леса густые!*

Во всем пространстве света
Одну тебя ищу;
Где нет тебя, Лизета,
Там плачу и грущу.

Там все меня смущает,
Тревожит и томит;
Все скуку умножает
И душу тяготит.

Но, быв с тобой, робею
И речь начать боюсь;
Взор встретить твой не смею,
Вздыхаю и томлюсь.

Не знал доньше власти
Любви, Лизета, я:
Чужда сей нежной страсти
Была душа моя.

Но лзя ль, тебя узная,
Кому бесстрастным быть?
И, всякий день видая,
Лзя ль сердце сохранить?

Не мни, чтобы, ласкаясь,
Себя я позабыл,
И думал, обольщаясь,
Что мог тебе быть мил.

Я чувствую преграду
Между тобой и мной,
В том только лишь отраду
Я зрел, чтоб быть с тобой.

Я тем лишь утешался,
Что втайне вздыхал;
Тобою занимался
И слезы проливал.

Но, ах! всего лишаясь,
Отрад не нахожу:
С тобою разлучаясь,
Во гроб я нисхожу.

Ты ж, смерть мою узная,
Хоть каплю слез пролей;
Мой пламень вспоминая,
Тогда хоть пожалей!

ПЕСНЯ

На голос: *Велишь себе открыться*

На что, печальна лира!
Велишь любовь мне петь,
Когда моя Пленира
Велит любя терпеть?
Велит молчать, томиться,
В разлуке с нею жить,
Надеждою не льститься
И только слезы лить!

Сперва друзья мы были
С Пленирою моей;
Все радости делили—
Дела и грусть я с ней.
Мы вместе с ней гуляли
По рощам и лугам;
Мы вместе отдыхали
Под старой липой там.

Когда Пленира пела,
Я вместе с нею пел;
Чего она хотела,
И я того ж хотел.
Но, счастье то вкушая,
Сам бед причиной был;
Любви еще не зная,
Я страстно уж любил.

Пленирой грудь томилась:
Люблю! я ей сказал;
Пленира осердилась,
Я всех несчастней стал...
От глаз своих сокрыться
Велела мне совсем;
С душою разлучиться
Велела словом тем.

Неси вздох этот слезной,
Вечерний ветерок!
На грудь к моей любезной,
Под тоненький платок;
А ты, печальна лира!
Дай волю мне стенать;
Мне здесь моя Пленира
Велела жизнь скончать.

Иван Иванович Бахтин

СТАНСЫ

НА СЧАСТИЕ

Один в богатстве счастье ставит,
Другой в чинах его быть мнит;
Победами себя тот славит,
И счастье все лишь в славе чтит.

В науках, в оны углубяся,
Найти блаженство мнит иной;
Иной, от света удаляся,
Вменяет в счастье покой.

Различно всяк из смертных мыслит,
Сильвандр, когда напьется пьян,
Тогда себя блаженным числит:
Верх благ его — с вином стакан.

Леандр за счастье почитает,
Вельможа коль промолвил с ним;
Нарциз же быть счастливым чаает,
Когда любитесь кто им.

А я все счастье поставляю
В одной Констанции моей;
Ей милым только быть желаю,
И нет мне счастья без ней.

Ее внимать мне разговоры,
На свете больше нет утех,
И чтоб ее зреть томны взоры,
Сокровищу мне милее всех.

Не променю ее лобзаний,
На царский скипетр и венец: ¹
Она цель всех моих желаний,
Начало мыслей и конец.

МОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ НА ТЕ ЖЕ РИФМЫ

Я вижу, что тебе несносен этот свет,—
Но мудрый иначе на жизнь сию взирает:
Утехи видя там, где видишь ты тьму бед,
Спокойно он живет, спокойно умирает.
Ты прежде бытия хотел бы много знать
И жребий свой избрать иметь желал бы волю;
На что?.. днесь волею умеи лишь управлять,
И будешь ты блажить стократно смертных долю.

Панкратий Платонович Сумароков

ПЛАЧ И СМЕХ

Когда жестокий *сплин* ² мне ночью спать претит,
То, вставши поутру с тяжелой головою,
Бываю я всегда печален и сердит.
Бранюсь с своей судьбою;
Все бедствия людей я вижу пред собою.
Мне мнится, слышу смертных стон;
Зло лезет мне в глаза тогда со всех сторон.

¹ Десятка четыре лет назад я подлинно так думал; а теперь дивлюся, как не пришло мне тогда на мысль, что ни один царь не согласился бы на мену со мною.

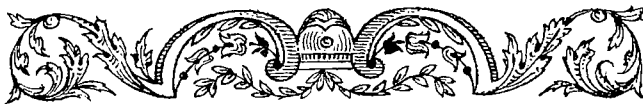
² *Spleen*—известный припадок англичан, которому часто подвергаются и другие люди с чувством.

Явятся предо мной огнем дыша́щи горы,
Страданья, смерть, чума;
И словом, я тогда куда ни взвел бы взоры,
Несчастий и злодейств мне всюду зрится тьма.
Потом изыскиваю средства,
Нельзя ль чем облегчить несносны смертных бедства!
Но видя, что никак нельзя помочь тому
И что напрасно я на то лишь время трачу,
Нахмурюсь и заплачу.

Когда же с умными людьми я где сижу
Иль книгу новую читаю и лежу,
Притом здоров бываю,
Тогда все горести свои позабываю
И ни о чем я не тужу.
Тогда и то себе на память привожу,
Что от драгой моей Климены
Не зрел и, кажется, не буду зреть измены.
И что несчастливой судьбы моей премены
Авось-либо когда-нибудь я и дождусь.
Авось-либо велико дело!
Я без него давно оставил бы сей свет;
Несчастный только им одним лишь и живет,
Скажу я это смело.
Хоть сим *авось-либом* я тщетно, скажут, льщусь,
Но от него всегда я вмиг развеселюсь
И засмеюсь.

К ЧЕЛОВЕКУ

Игрушка счастья и судьбины,
С дурным посредственного смесь,
Кусок одушевленной глины,
Оставь свою смешную спесь!
Почто владыкой ты себя природы ставишь?
Сегодня гордою пятой
Ты землю, презирая, давишь,
Но завтра будешь сам давим землею той.

Иван Борисович Лафинов

ЭЛЕГИЯ

Итак, надежды нет с возлюбленной мне быть?
Нельзя потеряны утехи возвратить?
Иному суждено красой сей восхищаться?
Инаго ей любить, иным—не мной прельщаться?
Увы! Мне слышится глас клятв из уст ея,
Инаго коими любезная моя
В любви и верности с слезами уверяет
И клятвы от него взаимные внимает
В объятиях... Нет! Прочь несносная мечта!
Возможно ль, чтоб была непостоянна та,
Которая меня душой своей считала,
Блаженство лишь в моей любви к ней полагала,
Сокровищем кому один был только я?
Утехи были все не лестны для нея,
Все удовольствия и все щедроты счастья,
Когда я не имел во оных с ней участия.
Но верность такову чем, рок, ты наградила?
В разлуке век стенать ты нам определил!
Ах! Если б не был я толико ей угоден,
Я б жил в спокойствии, и был всегда свободен.
А днесь не будет ввек минуты мне такой,
В которую б я мог восчувствовать покой.
Дражайшая! на что меня ты полюбила?
Почто сей страстный жар несчастному открыла?
На что взаимно мне столь стала ты мила?
На то ль, чтоб жизнь моя столь бедственна была?
Чтоб, разлучась с тобой навеки, дорогая,
Рвался и мучился, тебя вспоминая,
Все множит грусть мою, на что ни погляжу,
Я облегчения нигде не нахожу.
Прошли минуты те, что столь нас веселили,
Мученьи место их горчайши заменили.
И нет стениящу мне, несносну жизнь губя,
Надежды паки зреть, любезная, тебя!
Решилось!.. Навек потеряно все мною:
Утехи, счастье сокрылися с тобою.
Что мне в достоинстве? честь ставая ни во что,

Прах злато предо мной, коль потерял я то,
При чем бы в простоте считался я блаженным,
Без скорби б зрел себя пред всеми униженным.
Теперь хоть кто б меня на трон вселенной взвел,
И в нем бы я своей утехы не нашел.
Внемли, колико ты, драгая, мне любезна!
Внемли, колико мне разлука наша слезна!
К чему уж мне желать на свете больше жить?
Или чтоб в блеске сем горчайши слезы лить?
Злой рок! Лишив меня и счастья и покою,
Умножь жестокости, свершай их надо мною!
Отъеми жизнь! Сего осталось лишь желать
Тому, кто сил лишен печаль одолевать.
А ты, драгая, знай, что и идя к покою,
Я, мысля о тебе, глаза свои закрою.

ЭЛЕГИЯ

О, Боже мой! Что я?.. Что сделалось со мной?
Где делся сладостный души моей покой?
Обрящу ль я его? Нет! Небо раздражено
Судило вечно мне, несчастному, стонать.
Следа надежды нет! Знать, сердце утесненно
Не может никогда спокойствия вкушать.
Что прежде было мне невинным услажденьем,
Все множит грусть мою, все тяготит смущеньем.
Сльжусь воззреть на свет, сльжуся сам себя.
Но кто, злосчастный, кто к сему привел тебя?
Кто хищник твоего покоя стал златаго?
Кто в тартар таковый низверг тебя живаго?
Неужели дерзнешь кого в том клеветать?
Ты должен сам себя в сих муках обвинять,
Жестокость коих всю теперь претерпеваешь.
За собственны дела сию мзду получаешь,
А тем ужаснее твой должен дух скорбеть,
Что в том участника не можешь ты иметь.
Коль от врагов мы зрим несносно утесненье,
То честный всяк подаст нам в скорби утешенье;
Когда же кто виной мучений сам своих,
В том не старается никто уменьшить их,
Но лишь презрением их больше умножает.
Твой дух, преступник злой, твой дух то оцущает.
К кому прибегнешь ты? Отраду где найдешь?
Что к обличению себя изобретешь?

Куда ни обратишь свои смятенны взоры,
Повсюду только зришь язвительны укоры.
Ты всеми поносим, пред всеми мерзок стал,
И тот, кто в жизнь свою тебя отнюдь не знал,
Воззря на образ твой, с презорством тако скажет:
«Преступник этот!.. Так! Его мне вид то кажется:
Взор смутен, потуплен, лица бледнейший цвет,
Его задумчивость, печальны въздыханья
И отвращение от обществ и бесед—
Не знаки ль совести ужасного терзанья?»
Терзанья совести мне, небо, ощущать?!..
Меня? Меня должны все в свете презирать?
Ах! Мне ль сие судьба терпеть определила?
О Боже! Лучше смерть лютейшу в свете снести,
Чем в жизни потерять и счастье и честь!
О, если б власть меня всеильна поразила!
О, если бы земля, разверзшись, пожрала!
Но что я?.. Нет! цена порока превзошла
Желанну мною казнь. Я, Кайну подобясь,
Еще жизнь буду длить средь страха и стыда,
От глаз всех, знающих мои деянья, кроюсь.
Когда же и умру, что будет и тогда?
Неужели порок мученья тем избегнет?
Нет! и по смерти он меня в геенну ввергнет!
Увы! и смертный час приводит в страх меня,
И в жизни не могу узреть отрадна дня!
Се дарованная самим собой мне доля!
Не знал ли я, что нам дана с тем только воля,
Чтоб в жизни всяк не зло, но благо избирал,
Однак, зная точно то, противно поступал?
Вкушай теперь плоды, дух, своего упорства!
Законов Вышнего достойна мзда презорства!
Внемлите, склонные, подобно мне, к грехам!
Познайте участи, определенны нам.
Вы видите пример во мне тому ужасный—
Невинных ваших душ да не вредят соблазны,
Стрегитесь, как огня, бесед и дружеств злых:
Как в адской пропасти, невинность гибнет в них.
Но, о! тогда бы мне так мыслить должно было,
Как зло еще души моей не заразило.
Содеян грех: уж позд раскаяния глас.
Исправлюсь я!.. Но что? Зло все не заглаженно,
До смерти будет то терзать меня всяк час,
Пятно мое вовек не будет измовенно.

Петр Андреевич Слоцов

К СИБИРИ

Дщерь Азии, богато наделенна!
По статным и дородным раменам
Бобровою порфирой облеченна
С собольими хвостами по грудям,
Царевна! серебряный венец носяща
И пестрой насыпью камней блестяща!
Славян наперсница, орд грозных мать,
Сибирь — тебя мне любо вспоминать.

Два века с лишком в вечность упадают,
Твои как ханы белому царю
Покорно пышные чалмы снимают.
Я их преданности благодарю.
Хоть населяют разны дики орды
Кряжей и гор сибирских скаты горды;
Но от Туры до острова Ильи
Живут, как дети мирныя семьи.

Пускай Европа чванится умами,
Пускай гордится блеском тонких дум!
Сибирь — гордися кроткими сердцами!
Что значит самый просвещенный ум?
Подобен дерзновенну исполнцу,
Он зыблет истину, как паутину,
И, разодрав священный занавес,
Бросает молнии против небес.

Ей-богу! там жить лучше, где повязкой
Глаза завешены — не видят вдаль,
Где маракуют часослов с указкой,
Не зная, кто таков Руссо, Рейналь.
Страна моя! тебя я не забуду,
Когда и под сырой землею буду;
Велю, чтоб друг на гробе начертил
Пол-линии: и я в Сибири жил¹.

¹ Аллюзия к известному ландшафту Пусеня: «Et in Arcadia ego». (И я в Аркадии <был> (лат.). — Ред.).

У нас весною любят богомолье,
Притом крестятся все одним крестом;
За то бог дал в землях тако раздолье,
Что о межах судьбе не бьют челом;
Судье крестьянин не ломает шапки;
С женой, с детьми, как кот согнувши лапки,
В тепле катается, как в масле сыр.
Дай бог, чтоб проклажался так весь мир.

За то в гостиницы матушке царице
Пошлем осистых с искрой соболей,
Чтоб в холодной белокаменной столице
Ей в церковь ездить было потеплей.
Она так набожна, благочестива!
И в царском тереме грудолюбива!
В народе — ангел мирный наяву;
В правленьи — солнце в утреннем пару.

Се та, которая весь Север льдистой
Мизинцем держит так, как перстень свой.
Блажите, орды, что в глуши лесистой
Ермак ударил древле булавой.
Хоть сечь его считаете разбоем,
Однак Герой останется Героем,
Ермак, отродье богатырских душ!
Он палицей одной расчистил глушь.

ПОСЛАНИЕ К М. М. СПЕРАНСКОМУ

Пока с холодного пера текут чернила,
Пока кровь дружества при гробе не застыла,
Хочу из дальних стран и из-за гор вещать.
Лишенный счастья, могу еще его желать
Другим! Мой друг! Прими мой стон вместо совета,
Нам к славе, к счастью одна стояла мета!
Тот счастливив, говорят, кому коварный рок
В слезах других подаст ко счастью урок.
К словесности в тебя вдохнула муза склонность,
А философский век доставил мыслям вольность,
К отважным мнениям ты также склонен был,
Чертами смелыми, как я, блистать любил.
Но помни, что тому фортуна изменяет,
Кто остроумию — не времени ласкает.
Не начинай играть Вольтеровым пером,
Читай Вольтера ты, но Кларковым умом.

Россия хоть давно читает вольнодумов,
Но рано ей своих отважить остроумов;
Она благодарит Монтениев, Руссов,
Но сын ее ей враг, когда он философ.
Один и тот же ум и критик и учитель.
Кто в сей стране злодей—в другой тот покровитель.
Не то пишу, чтоб ты невольник был умом:
Народу подлому довлеет быть рабом,
Ты, гордый мыслью, будь тиран предрассуждений,
Понеже разум наш есть цепь опровержений.
Так учит Бель; еще я повторяю: будь смел,
Да только с тем, чтоб свет тебя не разумел,
Не будь писателем, забудь сию отвагу
И мыслей не клади блестящих на бумагу,
Пиши к друзьям, черты красивые бросай,
Пиши о новостях, но лишка не вручай.
Вот завещанье всё: «Носи личину в свете,
А философом будь, запершись в кабинете;
В противном случае в кармане яд имей:
Одну вкушают смерть писатель и злодей!
Ты знаешь, чем от черни отличаться?
Молчать и презирать, такать и насмехаться!
Исследуй склонности и темперамент свой.
Какой он, рассмотри,—печальный иль живой?
Не спорь со мной, ты был чувствителен и страстен,
Утехам, нежности и дружеству подвластен.
Адонис был пастух и знал одну свирель,
Любился также ты, ведь ты же Фонтенель».

.....
.....

Теперь какая жизнь моя? Что я? Раб? Нет,—
Когда захочет он, своей рукой умрет...
Скот? Нет, он будущих ударов не трепещет.
Мертвец? Спокоен он, в нем сердце не скрежещет.
Сижу в стенах, где нет полдневного луча,
Где тает вечная и тусклая свеча.
Я болен, весь опух, и силы ослабели;
Сказал бы более, но слезы одолели.
Я часто жалуясь: почто простой народ
Забыл естественный и дикий жизни род?
Почто он вымыслил гражданские законы
И утвердил почто правительство и троны?
Для счастья, говорят. Для счастья только тех,
Которы рвут с нас дань для балов и потех.

Так меркнет гражданин, как слабый свет в тумане,
Потом теряется, как капля в океане.
Но муза дерзкая, престань о сем блуждать,
Закройтесь, раны, днесь — довольно уж стенать.
Уже плачевну жизнь мою смерть облегчает,
Уже мой труп душа стенища оставляет.
Сокрой его, земля, от плачущих друзей!
Увы! Они не погребут моих костей,
Не узрят, пепел мой лежать где будет,
Забудет дружество, и свет меня забудет!..
Прозябнут былия над кучкою моей.
Вот весь мой памятник! Вот весь мой мавзолей!
Пускай над трупами вельможей ставят башни,
Но из гробниц уже не будут бедным страшны!
Мой друг! Как хартия придет к тебе сия,
Скажи родителям моим, что умер я,
Что я отеческих по смерть держался правил,
Что добродетель, честь всего превыше ставил;
Напомни, что я здесь безвинно был гоним,
Проси прощенья несчастьям моим;
Пусть тень благословят — их сын почит в гробе,
Коль мирны дни его катились в тягость злобе.
Родители мои! Они в седых летах
Останутся одни и будут жить в слезах.
О рок! Со всех сторон ты сердце мне пронзаешь,
Но только ль стрел твоих? Ты, друг мой, понимаешь...
Твоей... боюсь сказать... сестрице возвести,
Что льстился я... Любовь и дружество — прости!

*

Полно, друг, с фортуною считаться
И казать ей философский взор;
Время с рассуждением расстаться,
Если счастье катит на двор.

Лучше с светом в вихрь тебе пуститься
И крутиться по степям честей,
Чем в пустыню с Прологом забиться
И посохнуть с горя без людей.

Ветер веет вам благополучный:
Для чего ж сидеть бы взаперти?
Для чего вдаваться мысли скучной,
Что застигнет буря на пути?

Правильно ты весил света муку,
Тяжесть золотых его щепей;
Но ты взвесил ли монахов скуку
И сочел ли, сколько груза в ней?

Пестра мантия с золатыми рясны
Хоть закроет стать твою и ход,
Но закроет ли глаза невластны
От плутовок—набожных красот,

Кои в церковь с полными грудями
Ходят показаться женихам
И, пред образом курясь духами,
От сердец приемлют фиммиам?

Трудно от зараз их защититься,
Хоть себя крест-накрест огради;
Вечно сердце станет биться,
Панагия хоть и на груди.

Панагия, друг, не крепки латы,
И блестяща митра ведь не шлем,
Ежели шалун амур крылатый
Грянет в архипастырский терем.

Полно, друг мой, мыслями ристаться;
Полно, сидя с книгой, ум копить;
Время, время с пристанью расстаться
И по ветру парус распустить.

Как гальот твой по зыбям помчится,
Так причаль за борт и мой челнок;
Если вал девятый и случится,
То удар мне сбоку, чай, легок.

Федор Петрович Львов

СТАНСЫ

Где ты, мой друг? Куда ты скрылось,
Прекрасно солнце, от очей?
Печалью небо обложилось;
Уже и свет летит с полей.

Восстанет ли заря красиво,
Когда при ней не будешь ты?
И лес о том шумит гневливо,
Что праздну тень дают листья.

Пастух со стадом из дубровы
Спешит от тучи громовой;
Но смел ли б грянуть гром суровый,
Когда бы здесь был образ твой?

Смущенные ручьи грозою,
Смущенны более тоской,
Подняться силятся волною,
Как будто ищут взор драгой.

А камень сей мне вспоминает,
Как ты на нем венки плела:
Легко ль, что камень подтверждает,
Как ты чувствительна была!

Простите мне, места прекрасны,
Что множу вашу я напасть!
Слова переменить несчастны
Препятствует и грусть и страсть.

Слезами струны орошенны
Уныло под рукой звенят;
Душою персты провожденны
Притворну радость обличат.

Хотя б весельми словами
Мог быть унылый дух сокрыт,
Но несомненно пред очами
Откроет правду томный вид.

А если ты, о друг мой милой!
Придешь опять в сей грустный край,
Не грать красот тоской унылой
И страсти тщетной не питай.

Сплети, сплети венки зеленой,
Любимый цвет мой вспомяни
И, окропя слезой бесценной,
На гроб мой брось его — вздохни!

К РЕКЕ ТАЛАЖНЕ

Восторгом сердце упоенно
Трепетет в радости своей.
Журчанье слышу я пременно
И вижу блеск волны твоей,
О речка кроткая, родная!
Питомец твой, тобой вздыхая,
Пришел к тебе с страны чужой.
Постой... Вдохни твоим журчаньем
Согласну речь с твоим блистаньем
И потеки с моей слезой!

Я помню дни мои молодые,
Когда в твоих златых песках
Часы свободы золотые
Текли при радужных струях.
Тогда, о речка дорогая!
Я, сладкой кротостью твоей
Невинный дух мой услаждая,
В подсолнечной с тобой играя,
Пил счастье из твоих зыбей.
Я не забуду век завидный
В твоих зеленых берегах,
Как солнце шар свой златовидный
Купало в голубых волнах.
Тогда, тобою прохлажденный,
Катаясь в аромате трав,
Под шум крылатых мух переменный,
Я спал средь поля и забав.
Я спал в невинных летах, нежных,
Как богатырь в степи какой,
Свободен и без дум мятежных.
Кто мог и чем прервать сон мой?
Мой шлем тогда был воздух синий;
Мой щит—младенца вид невинный,
А члены здоровые—мой конь.
Могла ли страсть питаться мною?
Я так свободен был душою,
Как в ветер на полях огонь.

И ныне, друг мой постоянной,
Ты так же весело журчишь;
И ныне на заре румяной
В рубинах, в золоте горишь.

Луга зелены за тобою
Идут, любуясь красою,
Вослед сверкающим волнам;
Сребристы ивы берегами
Стоят перед тобой рядами:
Подвижный щит твоим водам!
А я—о, грусть! о, рок престранный!—
Едва возрос средь отчих рук,
Лишь мне любви дитя румяный
Дал съпнать лиры сладкий звук,
Предстали страсти мне толпою
И, ослепя меня мечтою,
На разум ополчились мой.
Вострепегало сердце нежно,
И, как за счастьем, безмятежно
Пошел я в мрак за суетой.
Во мраке, где тоска являла
Струею огненный мне путь,
Душа моя прохлад искала!
Свободно думал я вздохнуть,
Где жажда, жар меня снедали!
О, если б в тяжелой сей печали
Хоть капля чистых вод твоих
Уста иссохши прохладила!
Она бы ум мой просветила
Между страстей сражаться злых.
Ты продолжаешь путь свободно
И сквозь леса и по кремням;
Тебе смущать свой ток несродно:
Упор—лишь красота волнам.
Когда ж со всей твоей красою,
Окована самой зимою,
В темнице холодной ты живешь:
И тут на рок ты не пеняешь,
Но под оковами играешь
И к счастью полному течешь.

ДОБРОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Блажен, кто средь частей блестящих
Не принимает их цепей;
Кто в царском тереме богатом,
Не изменяя в лице,
Идет по золотым помостам
Затем лишь, чтоб творить добро!

Того не злато награждает:
Он в сердце ощущает рай!

Подобен он ручью в долине,
Который чист самим собой—
От псов ушед, олень усталый
В нем прохлаждает кровь свою,
И солнце в нем, как огонь, сияет.

Таков и ты, о добрый муж!
Прияв в себя и стон вдовицы,
И слезы молодых сирот,
Ты сам несешь их ко престолу,
От коего склоня стезю,
Златую к ним ты льешь струю.
Когда же, должности исполня,
В своем тулупе голубом
Ты сядешь на диван зеленый
И дух свой, благом восхищенный,
Плениешь гласом лирных струн:
Склоняешь ты с небес перун!
А иногда ты сладко дремлешь
В кругу приятелей твоих,
Как в тихий вечер дуб зеленый,
В водах любуясь голубых!..

Но путь твой грудный пролегает
Между стремнин, где тьма зияет...
Пасть может добрый человек!
Будь тверд и не смущай свой век!
Ты можешь пасть во мненьях светских;
Но счастье твое в тебе,
Как в теле жизнь, в огне блистанье.

Когда проглянет царь миров
На вечер, в снеги облеченный,
Снежинка каждая блистает
Тогда, как бы в ночи звезда!

Когда ж тебя поля и селы
В гостях увидят у себя,
На посохе тогда покоясь
При водопаде в летний день,
Как солнца луч во всякой капле,
Ты в каждом миге дней твоих

Увидишь память дел благих
И смерть с улыбкою ты встретишь!
На крыльях огненных твой дух,
Слезами дружбы отягченный,
Подыметя в свой прежний край;
А память дней твоих полезных,
Несясь по весям, во градах
И в гробе освятит твой прах.

Александр Михайлович Бакунин

ДРУГУ МОЕМУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

Вблизи ручья пустырь в печали
Лежал бесплодно пустырем;
Цветы его не отеняли,
И белоус порос по нем,
Доколь ручей струей живою
Его к добру не растворил—
Пустырь покрылся муравою
И первый цвет произрастил.
Как в сельской он расцвел свободе,
Таков к тебе и провожден,
Прими его, ты друг природе,
А он природою рожден.

РУЧЕЙ

Давно ли здесь по тундре мшистой
Тропинка к гибели влекла,
Висела над струей нечистой
Студеная густая мгла?
Земные недра поглощали
Дерзнувшего в нее войти,
И люты звери расхищали
Погрызшего в своем пути.
Где не было следов живущих,
Был образ смерти начертан,
Там песни соловьев поющих

Плясать нуждаются поселян,
На мураве густой, цветущей
И Лелю можно послужить.
Но что за шум воды текущей?
Ручей ли здесь? Не может быть!
То не ручей, то Лель могущий,
Что образ свой в водах сокрыл,
И гений жизни в ней текущий
Долину мертву оживил.
Две девы на берегу дернистом
В ручье любят себя собой,
В кристалле познакомясь чистом
С невинною своей красой.
Невинности черты святые
Сугубу прелесть им дают,
Колесля кудри завитые,
В восторге радостном поют:
«Теки, ручей, краса природы,
И к счастью путь нам укажи,
Умножь твои прозрачны воды
В удобность нашей госпожи.
Ты мог бы шумным водометом,
Струею воздух рассекать
И, радужным играя светом,
Дождем блестящим упадать,
Ты мог бы гордою рекою
Обширнейший прославить брег
И, пышность предпочтя покою,
Направить к морю быстрый бег;
Но пышность тщетну презираешь,
Для ней ты скуп своей водой
И берега те оживляешь,
Где резвится любовь с тобой.
Стремленьем бурным и напрасным
Ты не гремишь, как водопад,
Что зрелищем своим ужасным
Прохожего тревожит взгляд;
Как дружбы глас, твое журчанье
К тебе издалека влечет;
Отъемлет труд, делит страданье
И в душу сок и силы льет.
Ты на гранит не променяешь
Твоих зеленых берегов,
Где ты, рождая, удваиваешь
Прекрасный вид живых цветов;

Как вихри возмутить ни тщатся
Твой чистый и спокойный взгляд,
К тебе опустятся, смирятся
И на струях твоих скользят.
Но если, зноем изнуренны,
Бегут стада, ты их зовешь,
Журчишь и воды возмущенны
Охотно пользе предаешь.
Во дни печальных премены
Не сократит зима твой ход,
Окостенелы ее члены
Растают в недре твоих вод.
Теки, ручей, краса природы,
И к счастью путь нам укажи,
Умножь твои прозрачны воды
В угодность нашей госпожи».

Болото в Черенчицах было прежде непроходимое— оно высушено—
в доме М<арии> А<лексеевны> жили тогда Лизинька и Дашинька.

ЖАТВА

Заплети волнисту косу,
Платье легкое надень;
Серп возьми, а мне дай косу:
Даша! В поле встретим день.
Спорит свет еще со тьмою,
Но заря уже взошла.
Взглянь, как огненной струею
Весь восток она зажгла.
Все воскресло, оживилось;
Всходит царь веселых дней,
Море золота открылось
С зрелой жатвою полей.
Все, что глаз наш ни окинет,
Мы легко с тобой пожнем;
Лель на миг нас не покинет:
Не устанем мы втроем,
Хлеб себе трудом достанем,
Лишек с бедным разделим
И чужим довольством станем
Веселиться, как своим.
Копит пусть скупой доходы,

Пусть в засеках рожь гноит,
Сам себя лиша свободы,
Над казной своей не спит;
Недостаток и забота
С роскошью от нас ушли:
Ключ златой нам даст работа
Общей житницы — земли.
Так на что же плавить слитки,
Злато в яме хоронить?
Жизни не прибавишь нитки,
Как ее ни золотить.
Кто сохой свой хлеб находит,
Роясь век в земле сырой,
Тот без страха в гроб нисходит:
Он давно знаком с землей.
Скуки, праздности не знает;
Для него болезней нет:
Он на ветке увядает,
Как плоды принесший цвет.
Пусть богач одет парчами,
Пьет вино из чаш златых,
Пусть гордится теремами:
Не найдет покоя в них.
Взглянь на стебли возвышенны:
Что в их колосе пустом?
Те, что скромно наклоненны,
Те обильнее зерном.
Будем же судьбе покорны;
Низкость нам от бури щит:
Ветр ломает дуб нагорный,
По лозам он лишь скользит.
Страшно в ров тому свалиться,
Кто юлит все на скале;
Как паденья нам страшиться?
Близко мы живем к земле.
Но уж полдень наступает;
Прячется под лесом тень;
Нас дуброва призывает
Под свою прохладну сень.
Уберем снопы златые,
Щи горячие нас ждут:
Сдобрят кушанья простые
При здоровье легкий труд.
Пообедав, в нашей воле
Лечь под липовым кустом;

Утро мы тудились в поле.
Сладко час, другой уснем.
Изголовье нам душисто
Из цветов положит Лель
И под тенью ивы мшистой
Приготовил уж постель.
Лель! наш бог и друг сердечной!
Счастьем нас благослови:
Век наш был бы скукой вечной
Без подруги и любви.
О любовь! Останься с нами,
Как минет и юность дней,
Вместо роз над сединами
Ландышны венки нам свей.
В старости любить утешно:
Смерть хотя б пришла в те дни,
Мимо нас пройдет поспешно—
Скажет: молоды они.

НА ПРОДАЮЩИЙСЯ СЕКРЕТ, ЧТОБЫ ХЛЕБ БЕЗ УДОБРЕНИЯ ЗЕМЛИ РОДИЛСЯ

Не имею я охоты
Ново таинство узнать,
Чтобы с поля без работы
Плод стократный собирать—
Нет, работать мне милее,
Мне Бог руки, силу дал,
Даша смотрит веселее,
Чем я больше работал.

НА ВЛЮБЛЕННУЮ СТЫДЛИВУЮ ДЕВУШКУ

Дочь огня и стали чистой,
Искра трут в лесу зажгла
И струей блестящей, быстрой
Всю поверхность обтекла.
Если ветер не повеет,
Вовсе пеплом трут истлеет,
Но не вспыхнет никогда.

Александр Васильевич Аргамаков

К МОСКВЕ

Позлащенными главами
Досязая горних стран
Удовольствия дарами
Утешай своих граждан!
Щедрую для них рукою
Рассыпай цветы отрад;
Но среди торжеств, покою
Обрати ко мне свой взгляд!
Я прощаюся с тобою,
О Москва, любезный град!
Мне тебя оставить должно...
Против воли то моей.
Я оставляю; но как можно,
Возвращусь к тебе скорей,
Возвращусь — опять увижу
Те прелестные места,
Где еще, еще приближу
Ко устам драгой уста;
Где узрю я пламень взоров,
Где ея услышу глас,
Где средь сладких разговоров
Лунный свет застанет нас;
Где опять... Я восхищаюсь,
Все собрав в единый час! —
Ах! но, может быть, прощаюсь
Я с Москвой в последний раз!
Может быть, отсель далёко
Я умру в чужой стране,
Где, зарыв мой труп глубоко,
Все забудут обо мне;
Где никто своей слезою
Не омочит хладный прах;
Где лишь ворон надо мною
Прокричит, нагонит страх.

Я с тобой, Москва, прощаюсь,
Неизвестности злой полн:
Мыслью в будущем теряюсь,
То страшусь, то утешаюсь
Так, как самый малый чёлн
Средь седых кипящих волн.

Птички горько расстаются
С милым гнездушкой своим;
Полетят, но вокруг все вьются,
Опускаются над ним.
Полетят, и с грустью злою
Обращают взор назад:
Горько так и я с тобою
Расстаюсь, милый град!

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ

Играя в хоровод,
Мне девушки сказали:
«Тебе двадцатый год,
А ты всегда в печали,
Задумчив и уныл!
Коль грусти не забудешь,
Поверь, что вечно мил
Красавицам не будешь!
Ты молод и здоров,
Ступай к нам веселиться!
Скучна жизнь стариков;
В их мыслях смерть вертится.
Еще ты будешь стар,
Для грусти будет время;
Любви погаснет жар,
А без любви жизнь — бремя».
Красавицы, в ответ
Скажу вам: тот несчастен,
Кто молод; в двадцать лет
Никто в себе не властен!
Чувствительность сердец
Печали умножает;
А счастливый конец
В любви всегда ль бывает?
Когда б под сединой
Глава моя скрывалась,

Когда бы смерть клюкой
Ко мне в окно стучалась,
Тогда б я счастлив стал,
И весел, и покоен:
Ее, как гостя, б ждал
И был бы так доволен,
Как на море пловец,
Который пристань видит
И ждет, что наконец
На твердый берег снидет.
А я к сему пути
Еще przygotowляюсь;
Не зрю, куда идти,
В излучинах терплюсь.
То вдруг стремясь иду,
То путь прервать желаю;
Но все чего-то жду,
Чего?—и сам не знаю.

МАЛЬЧИК С РОЗОЙ

Разоставши пук соломы,
Я у речки отдыхал,
Где с свободою знакомый
Дух в груди моей питал.
Резвый мальчик торопливо
Прибежал тогда к реке;
Он стучал кремнем в огниво,
Искры сыпал вдалеке.
Вдруг тут искра отделилась,
Ветер дул ее ко мне...
Искра в сердце заронилась,
Стали чувства все в огне.
Я тогда рвался, терзался,
Мальчику отомстить грозил:
Я лил слезы—он смеялся,
Прыгал и кремь хвалил.
Подошел—и розу нежно
Мне с насмешкой показал:
«Успокоить кровь мятежну
Может роза»,—он сказал—
Может роза!—с этим словом
Быстрой молнией исчез;
Я, для чувств в восторге новом,
Мнил, что душу он унес.

Круглый год прошел иль боле,
Как покой я потерял.
Много роз я видел в поле,
Милой розы не сыскал:
Свет и жизнь возненавидел,
Но вчера в сей злой тоске,
Встретя Хлою, я увидел
С розой мальчика в руке.
Мальчик с Хлоею резвился,
Вкруг порхал ее красы:
В розовы уста садился,
То взвевал у ней власы;
Из очей в ручонках малых
Лук с стрелою натягал;
То со щечек нежных, алых,
В ямки спрятавшись, стрелял;
То на грудь ее спускался...
Вдруг лилейну грудь открыл,
Видя розы—замешался,
Из рук розу уронил.—
Я в восторге утопаю,
Мальчик розу простерёт!
Я нашел... я умираю...
Мальчик! мальчик!—ты мой бог!

Дмитрий Осипович Баранов

ДОГОВОР

«Я люблю Венеры сына»,—
Лизе я сказал шутя,
Только с тем, чтоб господина
Променять в нем на дитя.

Милы мне его затей;
Я с ребенком рад играть,
Только с тем, чтобы мне шеи
Вместо палки не седлатъ.

Позволяю Купидону
Иногда и ослепить,
Только с тем, чтоб сверх закону
После за нос не водить.

Пусть бранится он со мною:
От детей и брань мила;
Только с тем, чтоб меж игрою
За любовь она была.

Резвый мальчик! мне в утеху
Смейся, прыгай и шали;
Только с тем, чтобы от смеху
После слезы не текли.

Лиза хмурится и взором
Мне с упреком говорит:
«Ах! кто любит с договором,
Слабо сердце в том горит!»

Мила Лизанька! я то же
Говорил в пятнадцать лет;
Был добрее, хоть моложе,
А теперь — я видел свет!

Платон Петрович Бекетов

ПЕСНЯ ¹

Не свети ты, месяц, ясно
И не мучь мой дух тоской,
Вспоминая мне всечасно,
Что любезной нет со мной!

Вспоминая те минуты,
Что исчезли так, как сон,
Ты сугубишь муки люты,
Извлекаешь тяжкий стон.

¹ Литера *Р* делает произношение слов, а особенно в стихах, весьма жестким; и для того я вздумал написать что-нибудь, избегая совершенно употребления сей литеры. Вот песня, в которой успех соответствовал моему желанию!

Ты свидетель молчаливой
Всех утех моих бывал,
Как в объятиях у милой
В свете все я забывал:

Будь свидетель злой судьбине,
На тоску мою взгляни!
Вздохи слышишь только ныне,
Видишь слезы ты одни.

Как густые затмевают
Облака лучи твои,
Так печали облакают
Дух и мысли все мои.

Видя ты мое мученье,
Как стену я без нее,
Злой печали в облегченье
Хоть во сне яви ее!

Покажи мне вид любезной,
Вид, столь милый для души,
И в всегдашней части слезной
Слезы хоть на час ты осуши!

Федор Матвеевич Брянчанинов

ПЕСНЯ

Свободой наслаждаясь,
Третй века проводил;
Я, ею утешаясь,
Спокоен духом был;
Не знал я бед, напасти,
Не знал я нежной страсти;
Смотрел и не прельщался
Красою никакой...
Вдруг в сети сам попался
К Анюте дорогой!

Нечаянность опасна;
Но как же избежать?
Анюта так прекрасна:
Нельзя не обожать;
Нельзя от страсти скрыться,
Коль искра в сердце тлится.
Любить не преступленье;
Порок сей не велик:
Любовь есть восхищенье—
Влюбиться нужен миг.

Кто смертный не влюблялся,
Кто страстно не вздыхал,
Тот жизнью не прельщался,
Утех не испытал.
Любовь! не ты ль блаженство,
Земное совершенство?
Ты в жизни утешаешь,
Ты в жизни и крушишь;
Минутой услаждаешь,
Минутой и губишь.

Твои законы строги,
Но буду их хранить;
Лишь средство дайте, боги,
Анюте страсть открыть!
Пускай она узнает,
Что сердце ею тает—
И то мне утешенье!
Иных не жду отрад;
Мне будет награжденье
Анюты милой взгляд.

Павел Гаврилович Гагарин

ТОСКА ПО РОДИНЕ

Февралем под вечерочек
У окошка я сидел;
Теплый веял ветерочек;
Я на Немень посмотрел:

Взор на Немень, вздох из сердца
К милой родине послал,
Где любезная осталась,
Где от кровных я отстал.
Гневно Немень перед мною
Ледяные цепи рвет;
Волну гонит он волною
И все далее течет:
Все подале... Я привязан
К незнакомой стороне,
Цепью должности обвязан,
Удален от милых мне!
Тут из глаз слеза, неволью,
Пала в Немень из окна;
Грустно сердцу! сердцу больно!
Мчит мою слезу волна.
Не пойдешь, слеза родная!
Ты на родину ко мне;
Мчит тебя волна лихая
К дальней, к чуждой стороне.
Я от Неменя чужаго
Взор унылый отвратил;
Стал читать письмо роднаго
И окошко затворил.

НЕМЕНЬ

Немень, Немень мой любезный!
Друг тоскующей души!
Дай раздаться песни слезной,
Шумом волн ту не глуши;
Чтобы эхо повторяло
Песнь унылую со мной:
Хоть бы эхо сострадало
Сокрушенному бедой.
На берегах уединенных,
Пеной белой орошенных,
Милых дикою красой,
Ты мне возврати покой.
Дай, дрожащею рукою,
Милый вензель начертать;
Окроплю его слезою:
Те слезы не смей смывать!
Их тебе бы я поверил;

Ты далек от дорогой,
Не туда течешь, назначен
Путь иной тебе судьбой.

Если ж здесь опять драгая
Снова будет обитать,
На берегах твоих гуляя,
Верно, сядет отдыхать;
Погони волну волною,
Шумно их начни струить,
Чтоб, заняв ее собою,
Страсти след моей явить.
Ель столетня, наклоненна
Над твоей висит водой;
Ель увидишь, оживленну
Горлиц страстною четой,
И не в горестной пустыне
Потекут твои струи:
Будет образ тут отныне
Постоянства и любви.

ПРОЩАНИЕ С ЛИТВОЮ

Пример ничтожности земной!
Училище души молодой!
Край, сердцу моему любезный,
Прости надолго! край прелестный!
Уньлой полночи дождусь,
Пойду на холмы отдаленны;
Рукой там слабой обопрусь
На камни, снегом занесенны:
На Вильну милую взгляну,
Взгляну потом и на луну!
Из глаз две слёзы покатятся:
Слезам на камнях оставаться!—
И дам я клятву,—не любить.

ОТ ВОИНА К МИЛОЙ

В чистом поле, под шатрами,
В простоте души живут;
Там не хитрыми словами,
Речи правдою ведут:

Не хитро и я собираюсь
Открывать любовь свою.
Я краснею, запинаюсь,
Говоря: *тебя люблю!*

Я царю клялся душою
За него губить себя;
У тебя прошу тобою
Жить тобой и для тебя.

В летний зной бывал я в поле;
В холод зябнул я зимой;
Не роптал в беспечной доле
Ни на стужу, ни на зной:
Есть от зноя избавленья
У студеного ручья;
И от стужи есть спасенье
Перед пламенем огня;
Где спасенье? чем укрыться?
Коль откажешь ты любить! —
Я не в силах разлюбиться;
Но по силе мне — *не жить.*

ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА И ГОЛУБЫЕ

Лирой громкою иные
Славят сильных на бою;
Очи черны, голубые —
Вам я песенку спою;
И в награду я мечтаю
От любви себе цветок:
Я ногами попираю
Кровью купленный венок.

Я народом не владею,
Я на троны не гляжу;
Участь лучшую имею:
Меж красот судьей сижу.
Сердце страстно разбирает,
Что прелестнее для нас
И что более пленяет:
Голубой иль черный глаз?

Очи черные проворны,
Душу вмиг они язвят;
Голубые ж нежны, томны,
Тихо в плен они манят.
У Венеры взгляд небесный,
Черных глаз огнем горит;
Взор же Грации прелестной,
Томность милая живит.

В глазках черных светит искрой
Да, желанно — иль отказ;
Речью скромной, а не быстрой
Отвечает нежный глаз;
Страсти буйство в глазе черном;
Страсти нежность в голубом;
Мил восторг в глазу проворном;
А чувствительность в другом.

Очи черны, вы прекрасны!
Но — я Лизы не видал:
Взоры Лизины опасны,
Я любовь в них прочитал.
Очи черные, прельщайте
Не меня вы, а других;
Чувства сердца, возглашайте:
Нет прелестней *голубых!*

СЛОВО МИЛАЯ

Глаза в глаза и сердце к сердцу,
Уста к устам, а страстну душу
От друга к другу посылать;
То живу быть, то обмирать!..
В сей миг утехи райской
Как друга называть?
О *Милая!*

Василий Михайлович Жуков

СОНЕТ М. А. А.,
С КОИМ В РАЗЛУКЕ

Тебе, любезный друг, сонет сей посвящаю
И в сих простых стихах хочу лишь то сказать,
Сколь много я тебя люблю и почитаю
И буду навсегда любить и почитать.

Колико я себя несчастливым считаю,
Что розно жизнь с тобой здесь должен провождать!
И с горестью какой о том воспоминаю,
Как тцились мы всегда взаимно угождать.

Как весело свое мы время провождали,
Когда с друзьями нам случалось вместе быть,
Которым сердце мы все наше открывали!

Возможно ль нашего счастливей было жить?
Скажи им, чтоб они меня не забывали;
А я их всей душой всю буду жизнь любить.

Анна Сергеевна Жукова

ЗИМНИЕ ЯВЛЕНИЯ

Уже снега пушисты
Вниз облаком идут;
Замерзли струйки чисты,
И птички не поют.

Прелестна Филомела
Сокрылася от нас;
И землю риза бела
Устлала, как атлас.

Кровь стынет от мороза,
На стеклах зрим цветы;
Где, где? о мила роза!—
Убита хладом ты.

Ветр сильный в роще воеет,
Метелью тмится свет,
В дорожных сердце ноет:
В виду жилища нет.

С усталыми конями
Все идут при возах;
Окружены бедами,—
Мрак ночи множит страх.

Вдали огонь светлеет,
Надежду им дает,
Что скоро их согреет,
К ночлегу приведет.

Путь трудный продолжают
Меж рыхлых, снежных гор;
Жилища достигают
И въехали на двор.

Кругом стола садятся
Горячи щи хлебать;
На лавках все ложатся
В тепле спокойно спать.

Александра Леонтьевна Магницкая

К БЕССМЕРТНОМУ ТВОРЦУ «РОССИАДЫ»

Ты звуки наших лир простыя
Приятною хвалою почтил,
Труд Музы робкия, младыя
Своей улыбкой ободрил;

Когда б имела я священный
Твой дар, с которым воспевал
Ты россиян освобожденных,
Гремел перунами, блистал,—
Тогда б прекрасными стихами,
Тогда б гремящими струнами
Воспела благодарность я;
Но лира не громка моя.
И так позволь, позволь в прелестный,
Лавровый, славный твой венок,
Бессмертный бард, певец почтенный,
Власти усердия цветок!

Наталья Леонтьевна Магницкая

КРАСОТА И СКРОМНОСТЬ

Скромность с гордой Красотой
Вдруг за что-то побранились,
Уступить одна другой
Не хотели, и решились
К богу сильному предстать,
На Олимп идти судиться.
Чтобы более пленять,
Стала Красота рядиться,
Вид свой стройный облекла
Белоснежными волнами;
Русые волосы сплела
Благовонными цветами,
Стан прекрасный обнимал
Пояс, золотом горящий,
На главе венок пылал
Звезд, брильянтами блестящих,
Грудь милайну покрывал
Будто воздух, разливаясь,
Огонь в очах ее блистал.
Нежно, хитро улыбаясь,
Шла победу одержать,
С важным видом горделиво
Шла богов собой пленять.—

Шла застенчиво, стыдливо
Скромность кроткая за ней;
Бело, тонко покрывало
С головы на перси ей,
Колебаясь, ниспадало,
Кудри тихим ветерком,
Льну подобно, развевались,
Украшались венком
И небрежно рассыпались.
Так пришли к богам в чертог,
Пред Юпитера предстали.
«Рассуди нас, сильный бог!»—
Робким голосом сказали.
Красота вещала: «Я
Часто, часто фимиамы
Принимала от тебя,
Ты ходил ко мне во храмы,
Окруженные толпой;
Повели ж, чтоб не дерзала
Скромность спорить впредь со мной».
Скромность робкая молчала.
«Красота! тебе рождать
Я любовь повелеваю;
А тебе ее питать,
Мила Скромность, позволяю»,—
Так решил их царь богов.

ОДА ИЗ АНАКРЕОНА

На гробе вы моем огней не зажигайте;
Цветами мраморных колонн не украшайте,
Не жгите никогда над хладною землей
Мастик, не делайте пустой издержки сей;
Коль вздумаете дать подарок мне приятный,
Покуда здесь живу, спешите дать его.
Кропя мой прах рососою ароматной,
Вы пьяным напоить не можете его;
Что ж выйдет из того? немного разве грязи.
Бесчувствен к роскошам и славе хладный труп.

Сатурн свирепый, грозный в прах
Преобратит сей вид почтенной;
Но лиры звук его бессмертной
В безмерных вечности полях
Промчится быстро, загремит,
Кто был Х***, возвестит.

1796 года
Декабря 28 дня.
Москва

Михаил Леонтьевич Магницкий

СОЛОВЕЙ

Гремит—и в роце раздается
По чистой утренней заре!
Сперва как будто вдалеке
По ветру тонкому несется
Приятный, тихий, нежный свист.
Вдруг постепенно ближе, звонкий,
Великолепный, яркий, громкий,
Пронзающ душу, глас звучит;
Перерывается, в кудрявых свистах вьется,
В раскате гладких трелей льется;
Переливается, журчит,
Томится, исчезает,
Возносится, стремится,
Со щёлком сыплется, дробится,
И в тресках дребезжа течет;
Течет и вдалеке, в глуши лесов теряясь,
Как будто эхом повторяясь,
Из тишины рождается вдруг,
Вновь стонет, свищет, раздаётся—
Весны прекрасной нежный друг!

Лес слушает его безмолвно,
Боятся ветры песнь прервать,
С горы в зарях горящи волны
Лениво мечет водопад.

Не смеют робки персты звоны
На лире возбуждать моей.
О музыка! волшебны тоны!
Прелестный соловей!
Кто смеет подражать тебе?

НОЧЬ
В ДЕРЕВНЕ
1795 ГОДА В АВГУСТЕ

Трудом природа утомлена
Покоится в объятьях сна,
Приятная душе, священная,
В полях простерлась тишина.
Любуется луна собою
В безмолвно льющихся ручьях,
Лес темный дремлет над водою,
Заснуло эхо на горах.

Работой дня изнеможенной
Простой природы добрый сын,
Под кровом хижины смиренной
Простосердечный селянин
Приятно, сладко засыпает.
О, жизнь завидна, век златой!
Он в кротком сне теперь вкушает
Царям — неведомый покой.

Вы, коим горы, бездны темны
Алмазы, золото в дань несут,
Вы, коих пропасти подземны,
Земля и понт законы чтут,
В чертогах, стражей огражденных,
На сотканых из роз одрах,
Средь стен огромных, позлащенных,
Во рдяных блестящих зрях,—

Вы можете ль хоть миг покою
Столь сладостно во сне вкушать?
Покрыты грозной ночи мглою,
Бездушны стены вас страшат.
Всечасно смерти остов бледный
Во тьме косою вам грозит,
Меж тем как раб, ваш раб презренный,
И в шалаше — покойно спит.

Что ж ваше злато драгоценно?
Покой возможно ль вам купить?
Нет! счастье кроткое, небесно
Величья вашего бежит.
Бежит богатств—и оставляет
Сокровищ стражей, Скорбь и Страх.
Бежит чертога—обитают
В презренных вами шалашах.

Свободный воздух, ясный, чистый
Питает грудь его в полях.
Там храм его—лесок тенистый.
Алтарь—одетый холм в цветах.
Там ландыш белый, ароматный,
В честь фимиам ему курит.
Играя с шумом вод, приятный,
Хор соловьев ему гремит.

Поля, цветами испещренны!
Чертоги простоты святой!
Вы, рожицы уединенны,
Где дух в свободе мне драгой
Прямое счастье обретает!
Позвольте мне, чтоб, утомленный
Скитаньем брэнной жизни сей
В предел прелестный ваш, священный
Я при заре вечерних дней
Пришел!—и с дружною священной,
С покойной совестью моей,
В чертоги тишины любезной,
Достиг предела жизни сей.
Не мрамор гордый, золотистый,
Над прахом пусть моим стоит.
Пусть вяз согбенный, вяз тенистый,
Над ним уныло зашумит.

Пусть слава громкими трубами
Мой сон покойный не смутит,
Прохожий теплыми слезами
Пусть хладный прах мой оживит,
Не скажет с страхом, удивленьем:
«Он был великий человек!»
Пусть скажет с дружкой, сожаленьем:
«Был друг людей, был честен век».

ХРАМ ЛЮБВИ

В полях смеющихся, зеленых,
Где вьются светлы ручейки,
Где тихи ветерки играют,
Приятным запахом дыша,—
На холмике, цветочками одетом,
Стоит любви прекрасный храм.
Богатством, золотом не блистает;
Он прост, он без прикрас;
Из бела мрамора составлен
Любви богине в честь.
В нем жертвенник прекрасный
Гирляндю украшен роз:
На нем курятся ароматы,—
И белы голубки под ним сидят;
Целуются, объедаются крылами—
Вокруг порхает маленький Амур;
Шлем веется на нем пернатый,
Звенит в ручонке лук,
И Грации за ним порхают.
А что на жертвеннике там?..
Твой образ, мила Катинька моя!!

ОТДОХНОВЕНИЕ НИМФЫ

Тише, тише, ветерки!
Тише в веточках порхайте!
Тише, резвы ручейки,
Тише лейтесь, играйте!
Там под розовым кустом
Мила Нимфа отдыхает;
Тонким, легким сон крылом
Милу Нимфу обнимает;
Розы алые с улыбкой
Флером тени покрывают,
Преклоняясь с ветки гибкой,
Милу Нимфу лобызают.
Томно эхо чуть вздыхает,
Нимфу чтоб не пробудить;
Птичка в листьях не порхает
И на веточке сидит.
Зефир только повеваает,
Чтобы мушку с ней согнать;

Только крылушком махает,
Чтобы Нимфу прохлаждать.
Маленький Амур прекрасный
В алых розах там сидит,
Сон боясь прервать приятный
Милой Нимфы — чуть дышит:
Лук и стрелы забывает
Средь смеющихся цветов
И с улыбкою взирает
Сквозь трепещущих листков.
Как пух белый поднимает
На голубке ветерок,
Так грудь нежно воздымает
Нимфы милой кроткий вздох.
Кровь румяная играет
В юных розах на щеках,
И невинность расцветает
И смеется на устах.
Мяжки кудри, ниспускаясь,
Вьются нежно на плечах
И, по травке рассыпаясь,
В черных веются волнах. —
Спи сном сладким, ароматным,
Мила Нимфа, средь цветов!
Наслаждайся сном приятным
Средь душистых сих ковров:
Как дочь милую лобзает
Нежна мать на руках,
Да природа вся ласкает
Так тебя на сих цветах.

АНАКРЕОНТИЧЕСКИЙ ОТРЫВОК

Кто приятностью такую,
Кто небесной красотою
Одарил тебя?
Скажи мне, Ниса!

Кто во взоры быстры, нежны
Огнь любви живой, любезный
Столь искусно влаил?
Кто, скажи?

Кто столь кистию живою
Бровь прекрасною дугою,
Кто провел тебе?

Кто сей алостью приятной
Розы юной, ароматной
Расцвел уста?
Кто, Ниса?

Кто лилеи оттеняет,
Кто румянец разливает
На твоих щеках?

Этой ямочкой прекрасной
Поцелуй Амура страстный
Кто изобразил?
Скажи мне!

Жилки по груди кто снежной
Краской голубой, небесной
Кто нарисовал?

Кто рассыпал столь небрежно
Темно-русы кудри нежно
По твоим плечам?
Скажи мне, Ниса!

Ты сказать мне не умеешь,
Ты стыдишься, ты краснеешь!
Верно, Ниса, ты не знаешь
И сама, что ты мила!

К СЕРДЦУ

Что ты тоскуешь,
Бедное сердце?
Томно трепещешь,
Вздохом колеблясь?
Где то приятно
Время златое,
Как ты с весельем
Кротко играло?
Дружбой пылало,
Дружбой священной,
Чистой любовью,

Сладко вздыхало
В тихом восторге?—
Быстро промчались
Дни те блаженны:
Радость, утехи
Мигом исчезли!
Томная горесть,
Мрачная скука
Сердцем владеют.
В чувствах унылых
Вечно томится,
Бедное сердце!
Милых предметов
Нежной любви
Нет с тобою!
Страшны пространства
Их отделяют.—
Бедное сердце!
В горькой разлуке
Будь сиротою,
Дружбы лишленно!
Вздохи унылы,
Слезы горячи
Будут утехой
Бедному сердцу!

ВСЕ ПЕЧАЛЬНО БЕЗ ТЕБЯ

Сердце сохнет, унывает,
Все томится, все вздыхает;
Кровь кипяща *охладела,
Радость жизни отлетела;
Все печально без тебя!

Птички песни прекратили,
Крылья томно опустили;
И на веточках стонают,
И в кусточках воздыхают;
Все печально без тебя!

Тихо воды протекают
И по травке не играют;
Резвый зефир утихает,
В рощах эхо умирает;
Все печально без тебя!

Роза ала увядает,
Лист румяный опадает;
Не играет с ветерками,
Не живится ручейками;
Все печально без тебя!

В поле травка засыхает
И росую не блистает;
Липка тени не бросает,
Лес зеленый унывает;
Все печально без тебя!

И амурь легкоккрылы,
И амурь нежны, милы
По цветочкам не порхают,
Сидя плачут, воздыхают;
Все печально без тебя!

НА КОНЧИНУ КНЯЗЯ ПЕТРА МИХАЙЛОВИЧА ВОЛКОНСКОГО

Мне долг велит—нет силы петь!
Уныло движимы перстами,
Не могут струны зазвенеть,
Смоченны горести слезами.
Давно ль, Волконский, я играл
На них хвалу тебе правдиву?

Давно ль, давно ль в кругу детей,
Для сердца твоего любезных,
В кругу знакомых и друзей,
При тихом вечере почтенных,
Добротами блиставших лет,
Веселием ты наслаждался?

Давно ль?—тебя уж боле нет!
Где радость, смехи обитали,
Там скорбь рекою слезы льет,
Жилище мрачное печали.
Там дети, там друзья твои
Отчаянны и безутешны.

Но ты, живуща в небесах!
Не возмущайся, тень любезна.

Того почтен вовеки прах,
Чья жизнь была честна, полезна,
Тот, тиху смерть вкусив, сойдя
Во гроб, для вечности родится!

ПОСЛАНИЕ

К ДРУГУ МОЕМУ Д. А. К.

Полно томным лиры звоном
Эхо, друг мой, утомлять.
Перестань унылым стоном,
Перестань мой слух терзать.
Что в слезах за утешенье
Бедным смертным в жизни сей?
Ты нашел ли облегченье
В мрачной участи своей
С той поры, как проливаешь
Слезы горькие рекой?
Нет! ты ими скорбь питаешь,
Веселишь рок злобный свой.
Перестань, мой друг! печали
Все мы должны испытать;
Много горестей узнали,
Много должны впредь узнать
И еще, и так до гроба.
Есть ли в свете сем страна,
Где бы правде хитра злоба
Не была предпочтена?
Где б невинность не страдала,
Где б была презренна лесь,
Добродетель не страдала?
Где бы чиста совесть, честь
Блеском злата не затмилась,
Под мечем коварства кровь
Жертв бессильных не дымилась,
Где бы жили мир, любовь?
Нету!—как же в свете счастья,
Как возможно нам желать?
Как под мраком бурь, ненастья
Благовонных роз искать?

Верь, мой друг, что под луною
Смертных сын не будет век
Мирно жить с своей судьбою.

Был ли счастлив человек?
Ах! слезами не смоченной
На земле пылинки нет.
Мир сей горестный, плачевной
Вечно был жилищем бед.
Кто всех меньше злополучен,
Тот и счастлив в жизни сей.
Неизвестен и незвучен
Славой, в хижине своей,
С сердцу мильми друзьями,
Скуки, радости делит.
Не прельщаясь суетами,
Улыбаясь, глядит
На театр забавный мира.
Весел и здоров всегда,
Тихая, приятна лира
Услаждает иногда
Тишину уединенья.
Счастлив, счастлив он стократ,
Если в недрах наслажденья,
В недрах тишины, отрад,
В счастье он не забывает,
Что не все вкушают мир;
Что и бедных заключает
Вместе с ним подлунный мир;
Что тогда ж, как он смеется
В радостном кругу друзей,
Горьких слез река лиется
Из забывших свет очей.
Вот, мой друг, все счастье мира,
Вот приятства жизни сей;
У тебя есть тиха лира,
Верных несколько друзей,
Скромна хижинка, свобода,
Сердце, любящее всех,
И прекрасная природа,
Мать, которая утех
Для тебя не пожалеет.
Для царя, для нас с тобой
Луг ее равно алеет,
Окропляется росой.
Всем любуйся, наслаждайся,
С Грациями по цветам,
Улыбаясь, приближайся
К берегу—а там, а там!

Сделавшись умней, добрее
И увидевшись опять
С милыми, еще живее
И приятнее стократ
Станем снова наслаждаться,
Вечно радуясь, жить,
К совершенству приближаться,
Чтоб еще счастливей быть!

Августа 6 дня

Петр Афанасьевич Пельский

МЕЧТА

На голос: *Je revais et dans mon délire etc.*¹

Мечтой приятной обольщенный,
Я мнил любезной обладать.
Мечта исчезла — пробужденный,
О сладком сне я стал вздыхать.
Так должен я цветущи годы
В слезах, страданьи провождать —
Ужели то закон природы,
Чтоб нежность зло могла рождать?

Не сильны время, отдаленье
Мою к тебе страсть охладить.
Являй мне за любовь презренье,
Я буду все тебя любить.
Пусть самая твоя измена
Тоскою век мой отравит;
Ты всех пленяя собой рожденья,
Я создан век тебя любить.

¹ Я мечтал и в моем восторге и т. д. (фр.).

ГНЕВ ЛЮБОВНИКА

На голос: *Je l'aimais du plus tendre amour etc.*¹

Любовью страстной к ней пылал,
Но мне неверна изменила—
Судьба взаимно ей отомстила:
Соперник мой неверен стал.
Пусть слезы льет пред ним всечасно,
Падет к ногам его напрасно—
Того не будет он внимать.
Пусть знает, сколько то ужасно:
Любить и нравиться престать.

Что я сказал? сие желанье,
Которо гнев лишь мог внушить,
Способно ль сердце подтвердить?
Ах! лестно то воспоминанье,
Любовь как съединяла нас,
Твердит мне сердце всякий час:

Мне ль умножать ее страданье?
Неверная меня пленя,
Хотя надеждой обольстила
И клятвам данным изменила,
Но... будь счастлива без меня.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

В любовь коль дружба обратится,
Прости, спокойство наших дней!
Тоскою жизнь вся отравится,
В любовь где дружба обратится.
Пусть всяк премены сей страшится!
Сердец союз опасен сей—
В любовь где дружба обратится,
Прости, спокойство наших дней!

Любовь коль в дружбу обратится,
Прости, утеха наших дней!
Унынье, томность поселится,
Любовь где в дружбу обратится;
Веселье скукой заменится.

¹ Я любил самой нежной любовью и т. д. (*фр.*).

Страшится премены сей!
Любовь где в дружбу обратится,
Прости, утеха наших дней!

К МОЕМУ СЕРДЦУ

Бедно сердце! ты тоскуешь,
Рвешься и себя крупишь,
Средь забав, утех горюешь—
Отчего ж ты так грустишь?

Понимаю—ты пленилось...
Лиза всех тебе милей!
Подле ней ты сильно билось,
Выскочить хотело к ней.

Если так, то расставаться,
Видно, должно будет нам—
Перестань же ты терзаться,
Лизе я тебя отдам.

Но и Лиза пусть в замену
Сердце мне свое вручит—
Я тогда б за эту цену
По тебе не стал тужить.

А когда не согласится
Лиза на размен такой,
То мне должно удалиться
От нее навек с тобой.

И тогда-то, сердце страстно,
Будешь вдвое тосковать,
Будешь смерти ждать всечасно
Тяжки бедства окончать.

НЕОСТОРОЖНАЯ КЛЯТВА

Мне столько о любви твердили,
Об ней за столько говорили,
Что я поклялся не любить,
Врагом ее остаться вечно
И навсегда свободным быть—

Храня спокойствие сердечно,
Жить без оков; но я скучал
И к счастью стези искал.
Ходил я разными путями,
Но ни один к нему не вел;
Водим чужими был следами,
Но все его я не нашел,
Как вдруг прекрасный мальчик, милой,
Ко мне с улыбкой подошел
И мне не постижимой силой
Он за собой меня повел.
«Ступай,—сказал он,—сей тропую:
Вожатого там същещь ты.
Кто счастья ищет не со мною,
Тот идет лишь пустой мечть».
Я мальчику повиновался;
Пошел стезей, куда вела;
По ней я с Нисой повстречался:
Она мне руку подала...
Я съединил ее с моею...
В том мальчике Любовь узнал;
Простился с клятвою своею
И через Нису счастлив стал.

Екатерина Сергеевна Урусова

УЕДИНЕННЫЕ ЧАСЫ

О часы уединенья!
Не спешите протекать;
Сила вашего теченья
Сладость мне дает вкушать.
От сует я удалилась,
Тишиною оградилась,
В сердце чувствую покой.
Музы, зря мою свободу,
Пить велят Кастальску воду
И беседуют со мной.

Чувство, сердце, воображенье,
Музы! к вам обращено,

И мое уединенье
Ваши днесь оживлено.
Мной забвенны пышность, слава;
Мира целого забава
Тщетность мне одну явит;
К ним душа не пригвожденна;
Ими мысль не зараженна;
Блеск их сердца не пленит.

Долго я утех искала
Среди сладостей мирских;
Но, увы! не обретала,
А теряла только их
И сама узрела ясно,
Что искала лишь напрасно,
Их искала там, где нет!
Наконец, все скучно стало;
Сердце мне мое сказала,
Где спокойствие живет.

К жизни тихой, безмятежной
Указало сердце путь
И велело в дружбе нежной
Мне спокойство почерпнуть.
Гласу сердца я внимаю;
Жизни сладость заключаю
В дружестве и в тишине —
И со мной коль чисты музы
Утвердят свои союзы,
Жизнь утехой будет мне.

Григорий Александрович Хованский

ИДИЛЛИЯ
МИЛОНОВА ПТИЧКА

Аврора солнцу путь цветами устилала
И утренней росой природу оживляла,
Зефиры легкие, резвяся меж кустов,
Бросали аромат на воздух из цветов;

Приятно ручейки струистые журчали,
И птички, пробудясь, по веточкам порхали.
Внимая песням их, встречал зарю Милон,
И вздумал дар принести прелестной Клое он,
Невинный дар любви.— К одной подкравшись птичке,
Не знаю, к соловью, к чижу или к синичке,
Но знаю только то, что он ее поймал.
От радости тогда в нем дух вострепета:
«Какие перушки прекрасные имеешь!
А петь еще сто раз прекраснее умеешь!
Ах, как ты счастлива!— Ту станешь веселить,
Которая меня навек могла пленить.
А чтоб подарок мой был более любезен,
Я думаю, мой труд не будет бесполезен,
Когда тотчас домой за клеткою схожу
И птичку милую я в клетку посажу.
А если выпущу ее неосторожно?..
Нет, нет, ее мне взять с собою невозможно.
Докуда ворочусь, пожалуй, подожди
И под моей меж тем ты шляпой посиди».
Так сделал, как сказал, и вмиг домой пустился.
Дорогою Милон вот так надеждой льстился:
«Я птички даром ведь, о Клоя! не отдам,
Лукава Клоюшка, не промах я и сам,
От поцелуя ты со мной не отвертишься,
А ежели не то, так птички ты лишишься.
Откажет ли она?— Не верю я тому.
Как сердцу будет то приятно моему,
Нельзя, чтобы на то не согласилась Клоя,
Я стану приставать и ей не дам покоя;
Когда же поцелуй один захочет дать,
Спроворю я у ней четыре или пять».
Меж тем он, клетку взяв, туда уж воротился,
Где с птичкой поцелуй его под шляпой крылся;
Но что ж?— Погибло все.— Несчастливый Милон!
Надежду опроверг со шляпой Аквилон,
И птичка милая, которая там сидела,
И с поцелуями на волю улетела!

ПОХИЩЕННЫЙ ПЕРСИК АНАКРЕОНТИЧЕСКИЕ СТИШКИ

Я персик посадил
И сам его взрастил;
Помона б им гордилась,

Венера б им прельстилась.
Для милой я своей
Берег подарок сей,
Награды ожидая
И ею дух питая;
Но кто-то на беду
Ночной порой в саду,
Воришка очень смелый,
Спроворил персик спелый.
Однако ж я потом
Узнал о плуте том:
Украден он Лизетой;
С плутовкой милой этой
Эрот, сердечный вор,
Составил заговор.
Лизета и не знает,
Сколь кражу ни скрывает,
Что все ее винит.
Хотя она молчит,
Но должно ей признаться;
Нет средства оправдаться,
Нельзя сказать ей *нет!*
Плода я вижу цвет
На щечке белоснежной;
На коже я нежной
Зрю персика пушок;
Приятность, круглость щек
Его же вид являет,
И грудь изображает,
Под тонкой пеленой,
Прекрасный персик мой.
Сколь дух плода приятен,
Столь запах ароматен
Дыхания в устах;
И в ангельских очах
Мою плутовку видно;
Но то лишь мне обидно
(В том вся моя беда),
Что косточку плода
Лизета в сердце скрыла,
И тем ожесточила
Чувствительность свою,
По ней я слезы лью,
Вздыхаю повсечасно;
Но, ах! люблю напрасно.

ПОСЛАНИЕ К ПРИЯТЕЛЮ НА СЛУЧАЙ ПОМОЛВКИ

Недавно ты на лире
Приятно, томно пел,
Что был один ты в мире,
Что друга не имел;
Но жалобу в Цитеру
Зефир твою принёс
И милую Венеру
Тронул до самых слёз.
Венера Купидону
Велела тот же час
Лететь ко Аполлону
С Зефиром на Парнас,
Чтоб о тебе спросили
Подробно у него
И ей бы доложили.
Не мешкав ничего,
Божок в Олимп пустился—
Зефир за ним летал,—
К Венере возвратился
И вот что ей сказал:
«Я был на Геликонс,
Тебе принес поклон.
Среди всех Муз на троне
Был занят Аполлон;
Но я лишь появился,
Он Музам петь велел,
Учтиво поклонился,
С улыбкой подошел,
Тотчас вручил творенья
Мне смертного того,
Которого моления
До слуха твоего
Дошли через Зефира.
Прочтя их до конца,
Сказал я: «Эта лира—
Известного творца;
О нем таки я точно
Хотел поговорить,
И прислан я нарочно
О смертном сем спросить».—
«О бог любви прелестный!»—
Сказал мне Аполлон,—

Писатель он известный;
Любезен Музам он.
Хотя немного пишет;
Но все, что ни писал,
То все любовью дышит,
Достойно все похвал».
Такие слыша речи
От сына нежна мать,
Божку колчан за плечи
Велела привязать,
И тотчас приказала
В Москву направить путь.
«Пронзи,—она сказала,—
Его и Клон грудь».
Венерино веленье
Божок исполнил вдруг—
Прими ты поздравленье
И будь счастлив, мой друг!

ПЕСНЯ

на голос: *Весел я тогда бываю...*

Пусть, кто хочет, пишет оды
Или критику на моды—
Я—так песенку пою
Про голубушку свою.

Пусть богатый веселится,
Пусть богатством он гордится—
Я—так песенку пою
Про голубушку свою.

Пусть чинов, кто хочет, ищет
И по крыльцам барским рыщет—
Я—так песенку пою
Про голубушку свою.

Пусть военный побеждает,
А философ рассуждает—
Я—так песенку пою
Про голубушку свою.

Пусть игрок в бостон играет,
Время жизни убивает—
Я—так песенку пою
Про голубушку свою.

Пусть всяк делает, что хочет;
Пусть хоть плачет, пусть хохочет—
Я—так песенку пою
Про голубушку свою.

ПЕСНЯ

Ах! луга, луга зеленые!
Где так часто я гулял;
Где веселий миллионы
С милой Аннушкой вкушал!

Лес дремучий, лес тенистый,
Что от зною нас скрывал!
Ручеек прозрачный, чистый,
Что по камушкам журчал!

О места, что столько милы
Мне казались прежде с ней!
Стали вы теперь унылы;
Нет уж мне приятных дней!

Лишь она мне изменила,
Изменило все мне вдруг;
Вид природа пременяла,
И поблек зеленый луг.

Ручеек, что быстро лился
Меж цветущих берегов,
Уж теперь остановился;
Нет вокруг его цветов.

Птички прежде сладко пели,
Вили гнездушки в лесах,
Но теперь все улетели;
Я один лишь здесь в слезах.

Листья со деревьев упали;
Нет нигде ни в чем отрад!
Мрачны дни зимы настали,
Рай мне стал ужасный ад.

Анонимное
ЛЮБОВНЫЙ ДОГОВОР

Если склонность ту имеешь,
Чтоб всегда меня любить,
То почто ж открыть не смеешь?
Только с тем, чтоб не губить,
Я свободу потеряю.
Была верна ты чтоб век,
Сердце я тебе вверяю.
Знай, что страстен человек:
Красотою ты прелестна,
И питай нежнейшу страсть,
Будь в словах своих нелестна,
Отдаюсь в твою я власть...

ОДА АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ
АМУР СПЯЩИЙ

Красавицы суровы!
Доколь не стынет кровь,
Злословить вы готовы
И поносить любовь.

Рекла прекрасна Клоя
С улыбкой на устах:
«Я не лишусь покоя,
Не буду век в цепях.

Рабынею Амура
Не буду вечно я,
Нимало я не дура,
Мила мне честь моя.

Божок сей самовластный
Свободы вмиг лишит;
Пусть мальчик он прекрасный,
Меня он не прельстит.

Как ранить он удобен!
Его тшусть убежать,
Амур лукав и злобен—
Не буду с ним играть».

Хвалы сплетая воле,
Пошла нарвать цветов
Прелестна Клоя в поле
Для сделанья венков.

Где розы расцветали,
Амур там спал; цветы
Красавицу прельщали—
«Совсем, Амур, не ты».

Лишь на дитя взглянула,—
«Как он хорош!—рекла,—
Ужалит,—воздохнула,—
Его тотчас пчела».

Амур, вскоча, стрелою
Ей сделал много зла,
И не дитя, а Клою
Ужала пчела.

О ЧТЕНИИ

Плачевный человек! средь бедствий и скорбей,
Среди сует мирских, как червь, в вселенной сей
Ежеминутному волнению подвержен,
К чему ты более здесь должен быть привержен?
Богатство для тебя оковы или плен,
Нередко в чести ты унижен и презрен,
Все состояния твои, как тень, премежны,
Все удовольствия твои несовершенны.
Забавы, роскоши и услажденья чувств
Суть ветви вредные порочнейших распуств,
Нередко самая прискорбна добродетель.
В сих крайностях чего ты должен быть содетель?

Прибегни к чтению!—Что мертвые друзья
Гласят, сим может быть счастлива жизнь твоя.
Пусть слаб дарами ты, премудрое создание,
Пределен ум в тебе, и царствует незнанье:

Но чтение книг тебя, как солнце, озарит
И добрых дел твоих златый откроет вид.

Цари, правители подвластного народа,
В нем узрят, для чего дана им власть, свобода.
Рабы, послушники и верный церкви сын
Через то найдет в себе величество и чин;
Муж, отрок, юноша, девица, дряхла старость
Там узрят, в чем их мир, довольство, счастье, радость.
Друзья, союзники, соотчичи, чужой—
Лишь к мертвым прилепись—как управлять собой
Обряцешь знание пред всеми драгоценно
И действия души умножишь совершенно.

В вас память процветет,

Рассудок возрастет.

Понятием в концы вселенной прелетите,
Постигните весь свет и разум укрепите.
Как скуку истребить и страсти укротить?
Как счастье обрести? великодушным быть?
Как отворотить порок? ко благу прилепиться?
Как жить с подобными? собой не возноситься?—
Сие откроет вам не оживленная тварь,
Откроет всем равно, кто будь хоть раб, хоть царь.
Совет подобных нам бывает лицемерен,
Но чтения глагол всегда нежив и верен;
Похвально, к чтению себя кто приучил,
Нельзя, чтоб пользы в нем какой не получил.

НЕУДАЧНАЯ ЖЕНИТЬБА

Я жизнь свою клянусь и сам собой скучаю,
Несчастный жребий свой себе коль представляю:
Лишился вольности в цветущих я летах;
Теперь влачу свою жизнь в скуке, суетах.
Куда ты от меня, о молодость, сокрылась?
Почто навек со мной ты, вольность, разлучилась?
Приятность, нежности исчезли все во мне,
Я обитаю днесь в супружеской стране.
Супружество! о, сколь для смертных ты опасно!
Но сердце днесь мое тебе уже подвластно.
Определение нельзя прейти небес.
О жизнь супружеска, достойна многих слез!
Ты счастье в себе супругов заключаешь,
Равно и бедствий всех причину бываешь.

Не знавший свойств твоих тобой себя ласкал;
Но чувствую, что век золотой я потерял,
Взирая на себя, себе я удивляюсь,
Что добровольно сам в оковы заключаюсь.
Оковы тяжкие надлежит мне носить.
О рок! к чему довел? что должен я творить?

Известно мне, что брак есть тайна освященна,
И та бывает лишь чета одна блаженна,
Которая во всем покорена уму.
Я, к огорчению лютейшу моему,
Сего сладчайшего покоя не вкушаю
И, вольность потеряв, свой жребий проклиная.

Супружество не что, взаимный как совет,
Сих самых главных свойств когда в супругах нет,
Тогда супружество единое мученье,
Болезнь претяжкая и сильно огорченье.
Беднее соглашусь на свете всех я быть,
Но лишь в супруестве с четой спокойно жить
И чтобы навсегда спокойство процветало.

О! бедства напротив великого начало,
Когда супружники согласия не хранят,
Любовью к другу друг взаимной не горят;
Когда раздор межд их жилище утверждает,
Междоусобие престол свой поставляет,
Какого от сего успеха ожидать?
И можно ль тишину с спокойствием вкушать?
Несчастливыми вовек супругами считаю
Тех, коих в таком я виде обретаю.

О ветви гибкие! внемлите вы глас мой,
Чтобы вам в целый век вкушать драгой покой:
Вступая в брак, себя вы золотом не прельщайте,
Наружною красой супруги не ласкайте—
Она обманчива, а золото глеч и прах,
Все исчезает вдруг, блеснув раз во глазах.
Проникни в внутренность избранного предмета,
Дабы красой была тебе и цела света,
Чтоб разум красоту наружну возвышал,
Счастлив тот, такову супругу кто избрал!
Здесь тишина и мир с согласьем пребывает,
И Вышний свыше сам чету благословляет.

РОНДО

Нет правды в мире сем! торгуют все лукавством,
Обманы царствуют и хитра злость во всем;
Нет сердца чистого, всяк заражен коварством,
Покрыты маской все; нет правды в мире сем.

Нет правды в мире сем! всяк друга угнетает,
Несчастья других бывает всяк творцем,
Всяк ближнего добро лукавством похищает,
Одни грабители! нет правды в мире сем!

Нет правды в мире сем! прошли златые веки,
В которы каждый был несчастному отцем,
Обыкли ныне все к лукавству человеки,
Изгнана простота; нет правды в мире сем.

Нет правды в мире сем, ужасная премена!
Всяк глупым чтит того, кто чист и прост во всем,
Друзьям ныне от друзей ж готовится измена,
И чтится за ничто. Нет правды в мире сем.

Нет правды в мире сем, все в свете сем превратно;
И те, которых власть простерта надо всем,
Поправ святой закон, толкуют все развратно;
Так истину хранят! нет правды в мире сем.

Нет правды в мире сем, неправда обитает,
Всяк человек есть ложь, и в сердце всяк своим
Коварством ближнему сеть хитро соплетает
И тщится уловить. Нет правды в мире сем.

Нет правды в мире сем, о Боже милосердый!
Твоей я помощи святой ищю во всем;
Надежды в смертных нет, сей род жестокосердый;
Ты буди мой покров! нет правды в мире сем.

НА МНОГИЕ И СБИВЧИВЫЕ МИНЕРВИНЫ ВОПРОСЫ СКОРЫЕ И ОСТРЫЕ КУПИДОНОВЫ ОТВЕТЫ

«Что за дитя?»—«Любовь!»—«Родитель кто?»—«Венера!»—
«Когда рожден?»—«Весной!»—«Где храм тебе?»—«Сердца!»—
«Питает кто тебя? Какая в пище мера?»—
«Питомец юношей!»—«Мне пища два сосца!»—

«Какие именем?»—«Довольство, расточенье!»
«Всегдашнее твое какое упражненье?»—
«Забавы, праздность, брань, главнейшее—порок!»—
«Зачем ты вооружен и всех язвить жесток?»—
«Отрада мучимых иметь себе подобных!»—
«Но много ль случаев, к вреду сему способных?»—
«Лишь два: бывает кто когда иль глуп иль пьян!»—
«Во что и сколько ты даешь нам сильных ран?»—
«Одну,
Чрез очи нежные в сердечну глубину».

ЛЮБОВЬ

Когда нас новыми лучами
Приходит солнце озарять:
Твоими, Купидон, стрелами
Летишь сердца ты поражать.

Какой в нас сильный жар вливает
Прекрасно утро ясных дней!
Аврора слезы проливает;
Амуры же смеются ей.

ЧЕЛОВЕК, УДОВОЛЬСТВИЕ И ПЕЧАЛЬ

Чел.: Какое личико!—Любезное дитя!

Скажи мне, как зовут тебя?

Удов.: Я Удовольствие.

Чел.: А ты, что за творенье?

Как туча, на челе твоём тоска, смущенье.

Печ.: Печаль, покорная слуга твоя.

Чел.: Ах! отвязкися прочь! (*К Удов.*) Прекрасное дитя!

Нельзя ль тебе навек со мною подружиться?

(*К Печ.*) А ты.. угодно ль распроститься?

Удов.: Нет, друг, сему не быть;

Коль хочешь ты со мною жить,

Так не изволь моей подружкой гнушаться.

Чел.: Ты шутишь! может ли то статься,

Чтоб две соперницы могли всё жить в ладах?

Удов.: Однако положено так, друг мой, в небесах;

Мне вечно должно быть с Печалью нераздельной;

Поближе подойди—союз наш неременной

Увидишь тотчас сам.

Напрасно человек противится судьбам;

Мы ходим всё одна ведь за другою;

Где я, тут и Печаль за мною.

НА ПРИСОВОКУПЛЕНИЕ ПОДЕРЖАННОГО НЕВТОНА К МОИМ КНИГАМ

Глава семнадцатого веку,
Невтон — почтенный старичок!
В мою, заморский гостенёк!
Добро пожаловать библиотеку.
Замучили, замучили тебя;
Но ты любил покой, как слышно.

Сосни в сем шкафе кабинета,
Тебя я пальцем не троню;
И разве в праздник опажну
Крылом нахальные тенета.
Пусть дышит в Пантеоне сем твой ум,
А в Вестминстере глеет череп!

Ты все, бывало, знал на свете,
Ты знал затмений чудеса
И, пролетая небеса
На философском самолете,
Ты знал почти вселенныя рубеж;
Но знал ли ты рубеж свой жизни?

Вот точка, где астроном с трубкой
Не больше видит, как и всяк.
Спроси его, когда и как
Лихой Сатурн упругой губкой
Со дски согрет линей дней его? —
На аспидной доске не сметит.

К чему же надрывать мне почки
Над выкладкой кривых линей;
Когда и с алгеброй ясней
Нельзя знать любопытной точки?
Кто хочет — с неба звезды тот хватай;
А я — оставил скучный грифель.

К чему бы мять мне логарифмы,
Коль банкиром быть не могу
И миллионов нет в долгу?
Не лучше ль строить звучны рифмы?
И вместо, чтоб считать нулей ряды,
Считать на лире перстом стопы?

Минерва не дала таланта
Парик профессорский носить
И бровь на небо заносить;
Так Муза—сверх простого банта
На шляпу—вось наколет мне венки,
Чтоб презирать ливрею умниц.

К МАРИИ МАГДАЛИНЕ,
ПИСАННОЙ СУХИМИ КРАСКАМИ К. П. С...

Величие со красотою
Тебя, святая! знаменуют;
Дух зрит с смиренной простотою—
Мирские страсти не бушуют.
Лице, взведенное горé,
Является земному оку,
И в каждой вижу я черте
Уньные, печаль глубоко:
Покрыли часть чела волосы,
Потух в очах огонь блестящий,
И капли слезных росы
Сдувает ветер, вокруг шумящий.
Ланиты, как заря, горят,
Душевной скорбию вспаленны;
Запекшиися уста молчат,
Немою грустью растворенны.
Достойна ты была стоять
При живоносном, вечном древе;
Какие небеса не внять
Могли мольбам твоим во гневе?
Ах! кто под бременем грехов,
Во умиленьи духа страстном,
Не скажет взором вместо слов:
«Моли и обо мне, несчастном!»

РАЗДЕЛ
АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ОДА

Пышность и слава—
Гордый, тебе;
Радость, забава,
Счастье—мне.
Горы златые—
Крезус, тебе;
Взоры драгие
Миленькой—мне.

Лавры, трофеи—
Воин, тебе;
Розы, лилеи,
Мирточки—мне.
Скипетр, порфира,
Трон—царь, тебе;
Мне... мне—Пленира,
Милая мне.

РОМАНС

Из-за гор луна сребриста
Смотрит пристально на луг;
Травка злачна и пушиста
Ароматы льет вокруг.
Зрак луны прелестный, милый
Новый блеск дает цветам,
Эха голос лишь унылый
В мраке ноци слышен там.

Алвин бродит меж кустами,
Грусть снедает дух его,
Он дрожащими устами
Произносит: «Нет ее!
Ах! почто же я остался
Жизнь несносную влачить?
Для того ль я с ней свидался,
Чтоб в несчастье вечно жить?»

Пусть же гроб сей тесный, мрачный
Будет храминой моей!
Пусть свидетель месяц ясный
Будет страшной сцены сей!»
Произнес сие—подъемлет
Алвин руки к небесам,
Смертный хлад его объемлет—
Ветер воет по кустам.

Уж золотый кинжал сверкает
Нежна Алвина в руках,
Вдруг им сердце поражает;
Кровь струится на листьях.
Эхо громко застонало;
Зрак луны сокрылся вдруг,
В дебри, в роци пробежало—
Все умолкло—умер друг!

Вот, друзья мои любезны,
Вот вам аглинска любовь!
Пусть они льют токи слезны,
Расточают тщетно кровь!
Ах! им, видно, неприятно
В дружбе милым изменять;
Но нам, россы! нам нескладно
Страсти кровью омывать!

НАДПИСЬ
МОЕМУ ДРУГУ, ЛЮБИТЕЛЮ ЛИТЕРАТУРЫ

Ты вкусы всех, мой друг, и чувства съединяешь,
Но славу всю другим охотно разделяешь.
Живи ты в скромности, живи ты в простоте;
Твой долг полезным быть, без знати жить в труде.

Николай Михайлович Карамзин

К МИЛОСТИ¹

Что может быть тебя святее,
О Милость, дочь благих небес?
Что краше в мире, что милее?
Кто может без сердечных слез,
Без радости и восхищенья,
Без сладкого в крови волненья
Взирать на прелести твои?

Какая ночь не озарится
От солнечных твоих очей?
Какой мятеж не укротится
Одной улыбкою твоей?
Речешь, и грома немеют;
Где ступишь, там цветы алеют
И с неба льется благодать.

¹ Писано в царствование Екатерины.

Любовь твои стопы лобзает
И нежной Матерью зовет;
Любовь тебя на трон венчает
И скиптр в десницу подает.
Текут, текут земные роды,
Как с гор высоких быстры воды,
Под сень державы твоея.

Блажен, блажен народ, живущий
В пространной области твоей!
Блажен певец, тебя поющий
В жару, в огне души своей!
Доколе Милостию будешь,
Доколе права не забудешь,
С которым человек рожден;

Доколе гражданин довольный
Без страха может засыпать
И дети—подданные вольны
По мыслям жизнь располагать,
Везде Природой наслаждаться,
Везде наукой украшаться
И славить прелести твои;

Доколе злоба, дщерь Тифона,
Пребудет в мрак удалена
От светло-золотого трона;
Доколе правда не страшна
И чистый сердцем не боится
В своих желаниях открыться
Тебе, владычице души;

Доколе всем даешь свободу
И света не темнишь в умах;
Пока доверенность к народу
Видна во всех твоих делах,—
Доколе будешь свято чтима,
От подданных боготворима
И славима из рода в род.

Спокойствие твоей державы
Ничто не может возмутить;
Для чад твоих нет большей славы,
Как верность к Матери хранить.
Там трон вовек не потрясется,
Где он любовью брежется
И где на троне—ты сидишь.

ОТВЕТ МОЕМУ ПРИЯТЕЛЮ,
КОТОРЫЙ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ Я НАПИСАЛ ПОХВАЛЬНУЮ ОДУ
ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНЕ

Мне ли славить тихой лирой
Ту, которая порфирой
Скоро весь обнимет свет?
Лишь безумец зажигает
Свечку там, где Феб сияет.
Бедный чижик не дерзнет
Петь гремящей Зевса славы:
Он любовь одну поет;
С нею в рощице живет.

Блеск Российския державы
Очи бранные слепит:
Там на первом в свете троне,
В лучезарнейшей короне
Мать отечества сидит,
Правит царств земных судьбами,
Правит миром и сердцами,
Скиптром счастье дарит,
Взором бури укрощает,
Словом милость изливает
И улыбкой всё живит.
Что Богине наши оды?
Что Великой песнь моя?
Ей певцы—ее народы,
Похвала—дела ея;
Им дивяся, умолкаю
И хвалить позабываю.

ТАЦИТ

Тацит велик; но Рим, описанный Тацитом,
Достоин ли пера его?
В сем Риме, некогда геройством знаменитом,
Кроме убийц и жертв не вижу ничего.
Жалеть об нем не должно:
Он стоил лютых бед несчастья своего,
Терпя, чего терпеть без подлости не можно!

ПОЭЗИЯ
(СОЧИНЕНА В 1787 ГОДУ)

Die Lieder der göttlichen Harfenspieler
schallen mit Macht, wie besecelend.

*Klopstok*¹

Едва был создан мир огромный, велелепный,
Явился человек, прекраснейшая тварь,
Предмет любви Творца, любовью рожденный;
Явился—весь сей мир приветствует его,
В восторге и любви, единою улыбкой.
Узрев собор красот и чувствуя себя,
Сей гордый мира царь почувствовал и Бога,
Причину бытия—толь живо ощутил
Величие Творца, его премудрость, благость,
Что сердце у него в гимн нежный излилось,
Стремясь лететь к Отцу... Поэзия святая!
Се ты в устах его, в источнике своем,
В высокой простоте! Поэзия святая!
Благословляю я рождение твое!

Когда ты, человек, в невинности сердечной,
Как роза цвел в раю, Поэзия тебе
Утехой была. Ты пел свое блаженство,
Ты пел Творца его. Сам Бог тебе внимал,
Внимал, благословляя твои святые гимны:
Гармония была душою гимнов сих—
И часто ангелы в небесных мелодіях,
На лирах золотых, хвалили песнь твою.
Ты пал, о человек! Поэзия упала;
Но дщерь небес еще сияла лепотой,
Когда несчастный, вдруг раскаяся в грехе,
Молитвы воспевал—сидя на бережку
Журчащего ручья и слезы проливая,
В унынии, в тоске тебя вспоминал,
Тебя, эдемский сад! Почасту мудрый старец,
Среди сынов своих, внимающих ему,
Согласно, важно пел таинственные песни
И юных научал преданиям отцев.

¹ Песни божественных арфистов звучат как одухотворенные. Клопшток (нем.).

Бывало иногда, что ангел ниспускался
На землю, как эфир, и смертных наставляя
В Поэзии святой, небесною рукою
Настроив лиры им —

Живее чувства выражались,
Звучнее песни раздавались,
Быстрее мчались к Творцу.

Столетия текли и в вечность погружались —
Поэзия всегда отрадою была
Невинных, чистых душ. Число их уменьшалось;
Но гимн Царю Царей вовек не умолкал —
И в самый страшный день, когда пылало небо
И бурные моря кипели на земли,
Среди пучин и бездн, с невиннейшим семейством
(Когда погибло все) Поэзия спаслась.
Святой язык небес нередко унижался,
И смертные, забыв великого Отца,
Хвалили вещество, бездушные планеты!
Но был избранный род, который в чистоте
Поэзию хранил и ею просвещался.
Так славный, мудрый бард, древнейший из певцов,
Со всею красотой священной сей науки
Воспел, как мир истек из воли Божества.
Так оный муж святой, в грядущее проникший,
Пел миру часть его. Так царственный поэт,
Родившись пастухом, но в духе просвещенный,
Играл хвалы Творцу и песнию своей
Народы восхищал. Так в храме Соломона
Гремела БОГУ песнь!

Во всех, во всех странах Поэзия святая
Наставницей людей, их счастьем была;
Везде она сердца любовью согревала.
Мудрец, Натуру зная, познав ее Творца
И слыша глас его и в громах и в зефирах,
В лесах и на водах, на арфе подражал
Аккордам Божества, и глас сего поэта
Всегда был Божий глас!

Орфей, фракийский муж, которого вся древность
Едва не Богом чтит, Поэзией смягчил
Сердца лесных людей, воздвигнул Богу храмы
И диких научил Всесильному служить.

Он пел им красоту Натуры, мирозданья;
Он пел им тот закон, который в естестве
Разумным оком зрим; он пел им человека,
Достоинство его и важный сан; он пел,

И звери дикие сбегались,
И птицы стаями слетались
Внимать гармонии его;
И реки с шумом устремлялись,
И ветры быстро обрацались
Туда, где мчался глас его.

Омир в стихах своих описывал героев—
И пылкий юный грек, вникая в песнь его,
В восторге восклицал: *я буду Ахиллесом!*
Я кровь свою пролью, за Грецию умру!
Дивиться ли теперь геройству Александра?
Омира он читал, Омира он любил.—
Софокл и Эврипид учили на театре,
Как душу возвышать и полубогом быть.
Бион и Теокрит и Мосхос воспевали
Приятность сельских сцен, и слушатели их
Плеялись красотой Природы без искусства,
Приятностью села. Когда Омир поет,
Всяк воин, всяк герой; внимая Теокриту,
Оружие кладут—герой теперь пастух!
Поэзии сердца, все чувства—всё подвластно.

Как Сириус блестит светлее прочих звезд,
Так Августов поэт, так пастырь Мантуанский
Сиял в тебе, о Рим! среди твоих певцев.
Он пел, и всякий мнил, что слышит глас Омира;
Он пел, и всякий мнил, что сельский Теокрит
Еще не умирал или воскрес в сем барде.
Овидий воспевал начало всех вещей,
Златый блаженный век, серебряный и медный,
Железный, наконец, несчастный, страшный век,
Когда Гиганты, род надменный и безумный,
Собрав громады гор, хотели вознестись
К престолу Божества; но тот, кто громом правит,
Погреб их в сих горах¹.

¹ Сочинитель говорит только о тех поэтах, которые наиболее трогали и занимали его душу в то время, как сия пиеса была сочиняема.

Британия есть мать поэтов величайших.
Древнейший бард ее, Фингалов мрачный сын,
Оплакивал друзей, героев, в битве падших,
И тени их к себе из гроба вызывал.
Как шум морских валов, носяся по пустыням
Далеко от берегов, уныние в сердцах
Внимающих родит,—так песни Оссиана,
Нежнейшую тоску вливая в томный дух,
Настроивают нас к печальным представлениям;
Но скорбь сия мила и сладостна душе.
Велик ты, Оссиан, велик, неподражаем!

Шекспир, Натуры друг! Кто лучше твоего
Познал сердца людей? Чья кисть с таким искусством
Живописала их? Во глубине души
Нашел ты ключ ко всем великим тайнам рока
И светом своего бессмертного ума,
Как солнцем, озарил пути ночные в жизни!
«Все башни, коих верх скрывается от глаз
В тумане облаков; огромные чертоги
И всякий гордый храм исчезнут, как мечта—
В течение веков и места их не същжем»,—
Но ты, великий муж, пребудешь незабвен¹.—
Мильтон, высокий дух, в гремящих страшных песнях
Описывает нам бунт, гибель Сатаны;
Он душу веселит, когда поет Адама,
Живущего в раю; но, голос ниспустив,
Вдруг слезы из очей ручьями извлекает,
Когда поет его, подпадного греху.

О Йонг, несчастных друг, несчастных утешитель!
Ты бальзам в сердце льешь, сушишь источник слез,
И, с смертию дружа, дружишь ты нас и с жизнью!—

Природу возлюбив, Природу рассмотрев
И выикнув в круг времен, в тончайшие их тени,
Нам Томсон возгласил Природы красоту,
Приятности времен. Натуры сын любезный,

¹ Сам Шекспир сказал:

The cloud cap'd towers, the gorgeous palaces,
The solemn temples, the great globe itself,
Yea, all which it inherits, shall dissolve,
And, like the baseless fabric of a vision,
Leave not a wreck behind.

Какая священная меланхолия вдохнула в него сии стихи?

О Томсон! ввек тебя я буду прославлять!
Ты выучил меня Природой наслаждаться
И в мрачности лесов хвалить Творца ее!

Альпийский Теокрит, славнейший песнопевец!
Еще друзья твои в печали слезы льют —
Еще зеленый мох не виден на могиле,
Скрывающей твой прах! В восторге пел ты нам
Невинность, простоту, пастушеские нравы
И нежные сердца свирелью восхищал.
Сию слезу мою, текущую толь быстро,
Я в жертву приношу тебе, Астреин друг!
Сердечную слезу, и вздох, и песнь поэта,
Любившего тебя, прими, благослови,
О дух, блаженный дух, здесь в Геснере блиставший! ¹

Несяся на крылах превыспренних орлов,
Которые певцев божественныя славы
Мчат в вышние миры, да тому почерпнут
Для гимна своего, певец избранный Клопшток
Вознесся выше всех, и там, на небесах,
Был тайнам научен, и той великой тайне,
Как Бог стал человек. Потом воспел он нам
Начало и конец Мессинных страданий,
Спасение людей. Он богом вдохновен —
Кто сердцем всем еще привязан к плоти, к миру,
Того язык немей, и песней толь святых
Не оскверняй хвалою; но вы, святые мужи,
В которых уже глас земных страстей умолк,
В которых мрака нет! вы чувствуете цену
Того, что Клопшток пел, и можете одни,
Во глубине сердец, хвалить сего поэта!
Так старец, отходя в блаженнейшую жизнь,
В восторге произнес: *о Клопшток несравненный!* ²
Еще великий муж собою красит мир —
Еще великий дух земли сей не оставил.
Но нет! он в небесах уже давно живет —
Здесь тень мы зрим сего священного поэта.

¹ Сии стихи прибавлены после.

² Я читал об этом в одном немецком журнале.

О россы! век грядет, в который и у вас
Поэзия начнет сиять, как солнце в полдень.
Исчезла нощи мгла—уже Авроры свет
В **** блестит, и скоро все народы
На север притекут светильник возжигать,
Как в баснях Прометей тек к огненному Фебу,
Чтоб хладный, темный мир согреть и осветить.

Доколе мир стоит, доколе человеки
Жить будут на земле, дотоле дщерь небес,
Поэзия, для душ чистейших благом будет,
Доколе я дышу, дотоле буду петь,
Поэзию хвалить и ею утешаться.
Когда ж умру, засну и снова пробужусь,—

Тогда, в восторгах погружаясь
И вечно, вечно наслаждаясь,
Я буду гимны петь Творцу,
Тебе, мой Бог, Господь всеильный,
Тебе, любви источник дивный,
Узрев там все лицом к лицу!

К БЕДНОМУ ПОЭТУ

Престань, мой друг, поэт унылый!
Ропгать на скудный жребий свой
И знай, что бедность и покой
Еще быть могут сердцу милы.
Фортуна-мачеха тебя,
За что-то очень невлюбя,
Пустой сумою наградила
И в мир с клюкою отпустила;
Но, истинно родная мать,
Природа любит награждать
Несчастных пасынков Фортуны:
Дает им ум, сердечный жар,
Искусство петь, чудесный дар
Вливать огонь в златые струны,
Сердца гармонией пленять.
Ты сей бесценный дар имеешь;
Стихами чистыми умеешь
Любовь и дружбу прославлять;
Как птичка в белом свете волен,
Не знаешь клетки, ни оков—

Чего же больше? будь доволен;
Вздыхать, роптать есть страсть глушцов.

Взгляни на солнце, свод небесный,
На свежий луг, для глаз прелестный;
Смотри на быструю реку,
Летающую с серебристой пеной
По светло-желтому песку;
Смотри на лес густой, зеленый
И слушай песни соловья.
Поэт! Натура вся твоя.
В ее любезном сердцу лоне
Ты царь на велепном троне.
Оставь другим носить венец:
Гордися, нежных чувств певец,
Венком, из нежных роз сплетенным,
Тобой от Граций полученным!
Тебе никто не хочет льстить:
Что нужды? кто в душе спокоен,
Кто истинной хвалы достоин,
Тому не скучно век прожить
Без шума, без льстецов коварных.
Не можешь ты чинов давать,
Но можешь зернами питать
Семейство птичек благодарных;
Они хвалу тебе споют
Гораздо лучше стиходеев,
Тиранов слуха, лже-Орфеев,
Которых музы в одах лгут
Нескладно-пышными словами.
Мой друг! существенность бедна:
Играй в душе своей мечтами,
Иначе будет жизнь скучна.
Не Крез с мешками, сундуками
Здесь может веселее жить,
Но тот, кто в бедности умеет
Себя богатством веселить;
Кто дар воображать имеет
В кармане тысячу рублей,
Копейки в доме не имея.
Поэт есть хитрый чародей:
Его живая мысль, как фея,
Творит красавиц из цветка;
На сосне розы производит,
В крапиве нежный мирт находит

И строит замки из песка.
Лукуллы в неге утонченной
Напрасно вкус свой притупленный
Хотят чем новым усладить.
Сатрап с Лаисою зевает;
Платок ей бросив, засыпает.
Их жребий: дни считать, не жить;
Душа их в роскоши истлела,
Подобно камню онемела
Для чувства радостей земных.
Избыток благ и наслажденья
Есть хладный гроб воображенья;
В мечтах, в желаниях своих
Мы только счастливы бываем;
Надежда—золото для нас,
Призрак любезнейший для глаз,
В котором счастье лобызаем.

Не сытому хвалить обед,
За коим Нимфы, Ганимед
Гостям амвросию разносят,
И не в объятиях Лизет
Певцы красавиц превозносят;
Все лучше кажется вдали.
Сухими фигами питаюсь,
Но в мыслях царски наслаждаясь
Дарами моря и земли,
Зови к себе в стихах игривых
Друзей любезных и счастливых
На сладкий и роскошный пир;
Сбери красоток несравненных,
Веселым чувством оживленных;
Вели им с нежным звуком лир
Петь в громком и приятном хоре,
Летать, подобно Терсихоре,
При плеске радостных гостей,
И милой ласкою своей,
Умильным, сладострастным взором,
Немым, но внятным разговором
Сердца к тому приготавливать,
Чего... в стихах нельзя сказать.
Или, подобно Дон-Кихоту,
Имея к рыцарству охоту,
В шишак и панцирь нарядись,
На борзого коня садись,

Ищи опасных приключений,
Волшебных замков и сражений,
Чтоб добрым принципам помогать
Принцесс от уз освободить.
Или, Платонов воскрешая
И с ними ум свой изощряя,
Закон республикам давай
И землю в небо превращай,
Или... но как все то исчислить,
Что может стихотворец мыслить
В укромной хижинке своей?

Мудрец, который знал людей,
Сказал, что мир стоит обманом;
Мы все, мой друг, лжецы:
Простые люди, мудрецы;
Непроницаемым туманом
Покрыта истина для нас.
Кто может вымышлять приятно,
Стихами, прозой,— в добрый час!
Лишь только б было вероятно.
Что есть поэт? искусный лжец:
Ему и слава и венец!

ПОСЛАНИЕ

К АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ПЛЕЩЕЕВУ

Мой друг! вступая в шумный свет
С любезной, искренней душою,
В весеннем цвете юных лет,
Ты хочешь с Музою моею
В свободный час поговорить
О том, чего все ищут в свете;
Что вечно у людей в предмете;
О чем позволено судить
Ученым, мудрым и невежде,—
Богатым в золотой одежде
И бедным в рубище худом,—
На тронах, славой окруженных,
И в сельских хижинах смиренных;
Что в каждом климате земном
Надежду смертных составляет,
Сердца всечасно обольщает,
Но, ах!.. незримо ни в одном!

О счастья слово. Удалимся
Под ветви сих зеленых ив;
Прохладой чувства освежив,
Мы там беседой насладимся
В любезной музам тишине¹.

Мой друг! поверишь ли ты мне,
Чтоб десять тысяч было мнений,
Ученых философских прений
В архивах древности седой²
О средствах жить счастливо в свете,
О средствах обрести покой?
Но точно так, мой друг; в сем счете
Ошибки нет. Фалес, Хилон,
Питтак, Эпименид, Критон—
Бионы, Симмии, Стильпоны,
Эскины, Эрми, Зеноны,
В лицее, в храмах и садах,
На бочках, темных чердаках
О благе вышнем говорили
И смертных к счастью манили
Своею... нищенской клюкой,
Клянясь священной бородой,
Что плод земного совершенства
В саду их мудрости растет;
Что в нем нетленный цвет блаженства,
Как роза пышная, цветет.
Слова казались прекрасны,
Но только были несогласны.
Один кричал: ступай туда!
Другой: нет, нет, поди сюда!
Что ж греки делали? Смеялись,
Ученой распрей забавлялись,
А счастье... называли сном!
И в наши времена о том
Бывает много шуму, спору.
Немало новых гордецов,
Которым часто без разбору
Дают название мудрецов;
Они нам также обещают
Открыть прямой ко счастью след;

¹ Сии стихи писаны в самом деле под тению ив.

² Десять тысяч!! Читатель может сомневаться в верности счета; но один из древних же авторов пишет, что их было точно десять тысяч.

В глаза же счастья не знают;
Живут, как все, под игом бед;
Живут, и горькими слезами
Судьбе тихонько платят сами
За право умниками сыть,
О счастья в книгах говорить!

Престанем льстить себя мечтою,
Искать блаженства под луною!
Скорее, друг мой, ты найдешь
Чудесный философский камень,
Чем век без горя проживешь.
Япетов сын эфирный пламень
Похитил для людей с небес,
Но счастья к ним он не принес:
Оно в удел нам не досталось
И там, с Юпитером, осталось.
Вздыхай, тужи; но пользы нет!
Судьбы рекли: «Да будет свет
Жилищем призраков, сует,
Немногих благ и многих бед!»
Рекли—и Суеты спустились
На землю шумною толпой:
Герои в латы нарядились,
Пленяся Славы красотой;
Мечем махнули, полетели
В забаву умерщвлять людей;
Одни престолов захотели,
Другие самых олтарей;
Одни шумящими рулями
Рассекли пену дальних вод;
Другие мощными руками
Отверзли в землю темный ход,
Чтоб взять пригоршни светлой пыли!..
Мечты всем головы вскружили,
А горесть врезалась в сердца.
Народов сильных победитель
И стран бесчисленных властитель
Под блеском светлого венца
В душевном мраке унывает
И часто сам того не знает,
На что величия желал
И кровью лавры омочал!
Смельчак, Америку открывший,
Пути ко счастью не открыл;

Индейцев в цепи заключивший,
Цепями сам окован был,
Провел и кончил жизнь в страданье—
А сей вздыхающий скелет,
Который богом чтит стяжанье,
Среди богатств в тоске живет!..
Но кто, мой друг, в морской пучине
Глазами волны перечтет?
И кто представит нам в картине
Ничтожность всех земных сует?

Что ж делать нам? Ужель сокрыться
В пустыню Муромских лесов,
В какой-нибудь безвестный кров,
И с миром навсегда проститься,
Когда, к несчастью, мир таков?
Увы! Анахорет не будет
В пустыне счастливее нас!
Хотя земное и забудет,
Хотя умолкнет страсти глас
В его душе уединенной,
Безмолвным мраком огражденной;
Но сердце станет унывать,
В груди холодной тосковать,
Не зная, чем ему заняться.
Тогда пустынною явятся
Химеры, адские мечты,
Плоды душевной пустоты!
Чудовищ грозных миллионы,
Змей летучие, драконы,
Над ним крылами зашумят
И страхом ум его затмят...¹
В тоске он жизнь свою скончает!

Каков ни есть подлунный свет,
Хотя блаженства в оном нет;
Хотя в нем горесть обитает,—
Но мы для света рождены,
Душей, умом одарены
И должны в нем, мой друг, остаться.
Чем можно, будем наслаждаться,
Как можно менее тужить,
Как можно лучше, тише жить,

¹ Многие пустышники, как известно, сходили с ума в уединении.

Без всяких суетных желаний,
Пустых, блестящих ожиданий;
Но что приятное найдем,
То с радостью себе возьмем.
В лесах унылых и дремучих
Бывает краше анемон,
Когда украдкой выдет он
Один среди песков сыпучих,
Во тьме густой, в печальной мгле
Сверкнет луч солнца веселее:
Добра немного на земле,
Но есть оно — и тем милее
Ему быть должно для сердец.
Кто малым может быть доволен,
Не скован в чувствах, духом волен,
Не есть чинов, богатства льстец;
Душею так же прям, как станом;
Не ищет благ за океаном
И с моря кораблей не ждет,
Шумящих ветров не робеет,
Под солнцем домик свой имеет,
В сей день для дня сего живет
И мысли вдале не простирает;
Кто смотрит прямо всем в глаза;
Кому несчастного слеза
Отравы в пищу не вливает;
Кому работа не трудна,
Прогулка в поле не скучна
И отдых в знойный час любезен;
Кто ближним иногда полезен
Рукой своей или умом;
Кто может быть приятным другом,
Любимым, счастливым супругом
И добрым милых чад отцом;
Кто муз от скуки призывает
И нежных граций, спутниц их;
Стихами, прозой забавляет
Себя, домашних и чужих;
От сердца чистого смеется
(Смеяться, право, не грешно!)
Над всем, что кажется смешно,
Тот в мире с миром уживется
И дней своих не прекратит
Железом острым или ядом;
Тому сей мир не будет адом;

Тот путь свой розой одветит
Среди колючих жизни терний,
Отраду в горестях найдет,
С улыбкой встретит час вечерний
И в полночь тихим сном заснет.

ПЕСНЬ МИРА

Мир блаженный, чадо неба,
К нам с оливою летит,
И венец светлее Феба
На главе его блестит.
Он в дыхании Зефира
Ниспускается в наш край
И от горных стран эфира
В тьму низносит светлый рай.

Хор

Бури, громы умолкают;
Тучи черны исчезают;
Исчезает, как призра́к,
Ужас бледный, дым и мрак.

Все в Природе оживает;
Свет проник в густую тень:
Пышно роза расцветает,
Как весной в красный день;
Луг пушится, зеленеет,
Клас сребрится вдалеке,
Плод златый на древе зреет,
Ба́льзам веет в ветерке.

Хор

Миллионы, веселитесь,
Миллионы, обнимитесь,
Как объе́млет брата брат!
Лобызайтесь все стократ!

Птички снова прилетают
В наши ро́щи и леса;
Снова в песнях прославляют
Мир, свободу, небеса.
Агне́ц тигра не боится
И гуляет с ним в лугах;

Всё творение дружится,
На земле и на водах.

Хор

Миллионы да ликуют!
Миллионы торжествуют!
Век Астреин, оживи!
С целым миром мы в любви!

В рощах слышны звуки лиры;
На берегах кристальных вод
Нимфы, Фауны, Сатиры
Составляют хоровод.
И Силен неутомимый
Громким голосом поет;
Пляшет с Нимфою любимой
И к веселью всех зовет.

Хор

Пойте, пойте духа радость!..
Лейте, лейте в сердце сладость!..
Век Астреин, оживи!
С целым миром мы в любви!

Музы, Грации, сплетая
Цепь из лавров и лилей,
Ею крылья обвивая
Бога тихих, райских дней,
Нежно все его ласкают
С видом счастливой любви
И в восторге восклицают:
«Вечно с нами, Мир, живи!»

Хор

Вечно с нами, Мир прелестный,
Вечно с нами, сын небесный,
Вечно с нами обитай
И блаженством нас питай!

Полно нам губить друг друга,
Сирым слезы проливать!
И печальная супруга
Да престанет горевать!
Долго смертные не знали,
Что блаженство есть любовь;

Счастья в хищности искали,
И лилась реками кровь.

Хор

Смертный ныне просветился
И ко дружбе обратился,
Век Астреин, оживи!
С целым миром мы в любви!

Цепь составьте, миллионы,
Дети одного отца!
Вам даны одни законы,
Вам даны одни сердца!
Братски, нежно обнимитесь
И клянитесь—любить!
Чувством, мыслью клянитесь:
Вечно, вечно в мире жить!

Хор

Мы клянемся все сердечно
В мире с братьями жить вечно!
Отче! слышишь клятву чад!
Мы твердим ее стократ.

К СОЛОВЬЮ

Пой во мраке тихой рощи,
Нежный, кроткий соловей!
Пой при свете лунной ночи!
Глас твой мил душе моей.

Но почто ж рекой катятся
Слезы из моих очей,
Чувства ноют и томятся
От гармонии твоей?
Ах! я вспомнил незабвенных,
В недрах хладных земли
Хищной смертью заключенных;
Их могилы заросли
Все высокою травюю.
Я остался сиротою...
Я остался в горе жить,
Тосковать и слезы лить!..
С кем теперь мне наслаждаться
Нежной песнью твоей?

С кем Природой утешаться?
Всё печально без друзей!
С ними дух наш умирает,
Радость жизни отлетает;
Сердцу скучно одному:
Свет—пустыня, мрак ему.

Скоро ль песню свою,
О любезный соловей!
Над могилою моею
Будешь ты пленять людей?

ОСЕНЬ

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

Поле и сад опустели;
Сегуют холмы;
Пение в рощах умолкло—
Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
В горних пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.

Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.

Странник печальный, утешься!
Вянет Природа
Только на малое время;
Всё оживится,

Всё обновится весною;
С гордой улыбкой
Снова Природа восстанет
В брачной одежде.

Смертный, ах! вянет навеки!
Старец весною
Чувствует хладную зиму
Ветхия жизни.

КЛАДБИЩЕ

Один голос

Страшно в могиле, хладной и темной!
Ветры здесь воют, гробы трясутся,
Белые кости стучат.

Другой голос

Тихо в могиле, мягкой, покойной,
Ветры здесь веют; спящим прохладно;
Травки, цветочки растут.

Первый

Червь кровоглавый точит умерших,
В черепах желтых жабы гнездятся,
Змии в крапиве шишат.

Второй

Крепок сон мертвых, сладостен, кроток;
В гробе нет бури; нежные птички
Песнь на могиле поют.

Первый

Там обитают черные враны,
Алчные птицы; хищные звери
С ревом копают в земле.

Второй

Маленький кролик в травке зеленой
С милой подружкой там отдыхает;
Голубь на веточке спит.

Первый

Сырость со мглою, густо мешаясь,
Плавают тамо в воздухе душном;
Древо без листьев стоит.

Второй

Тамо струится в воздухе светлом
Пар благовонный синих фиалок,
Белых яминов, лилей.

Первый

Странник боится мертвой юдоли;
Ужас и трепет чувствуя в сердце,
Мимо кладбища спешит.

Второй

Странник усталый видит обитель
Вечного мира—посох бросая,
Там остается навек.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ Г. А. ХОВАНСКОГО

декабря 1, 1796

Друзья! Хованского не стало!
Увы! нам в гробе всем лежать;
На всех грозитя смерти жало:
Лишь тронет, должно умирать!

Иной сидел в золотой короне,
Как Бог, величием сиял,—
Взгляни... венец лежит на троне,
Но венценосец прахом стал.

Гроза земли, людей губитель,
Как Зевс яряся в бурной мгле,
Взывал: «Я мира победитель!»
Но пуля в лоб—герой в земле.

Нарцисс гордился красотою
И жизнь любовью украшал;
Но вдруг скелет махнул косою...
Прости любовь! Нарцисс уял.

Другой сидел над сундуками,
От вора золото стерел;
Но, ах! за крепкими замками
Себя от смерти не сберет!

Она и в пору и не в пору
Велит нам дом переменять;
Младенцев, старцев без разбору
Спешит за гроб переселять.

Блажен, кто, жизнь свою кончая,
Еще надеждою живет
И, мир покойно оставляя,
Без страха в темный путь идет!

Друзья! так умер наш приятель.
Он верил, что есть Бог сердец;
Он верил, что миров создатель
И здесь, и там для нас Отец.

Чего же под Его покровом
Бояться добрым в смертный час?
И там, и там, в жилище новом,
Найдутся радости для нас.—

Ничем Хованский не был славен;
Он был... лишь добрый человек,
В беседах дружеских забавен
И прожил без злодеев век.

Писал стихи, но не пасквили;
Писал, но зависти не знал;
Его немногие хвалили,
Он всех охотно прославлял.

Богатства Крезов не имея,
Он добрым сердцем был богат;
Чем мог, делился не жалея;
Отдать последнее был рад.

Друзья! пойдем с душой унылой
Ему печальный долг воздать:
Поплакать над его могилой.
Нам также будет умирать!

СТИХИ
НА СКОРОПОСТИЖНУЮ СМЕРТЬ
ПЕТРА АФАНАСЬЕВИЧА ПЕЛЬСКОГО¹

Вчера в моем уединеньи
Я с ним о жизни рассуждал,
О нашем горе, утешеньи;
Вчера с друзьями он гулял
По рощам мирным в вечер ясный;
Глазами солнце проводил
На запад тихий и прекрасный
И виды сельские хвалил!..
Следы его еще не скрылись
На сих коврах травы густой;
Еще цветки не распрямились,
Измятые его ногой,—
Но он навек от нас сокрылся!..
Едва вздохнул—и вдруг исчез!
С детьми, с друзьями не простился!
Мы плачем—он не видит слез!..
Ах! в гробе мертвые спокойны!
Их время горевать прошло...
Смерть только для живых есть зло;
Могилы зависти достойны—
Ничтожество не страшно в них!..
Наш друг был весел для других
Умом, любезностью своею,
Но тайно мучился душею...
Ах! он умел боготворить
Свою любовницу-супругу!²
Оплакав милую подругу,
Кто может в жизни счастлив быть?
Я видел Пельского в жилище
Усопших, посреди могил:
Он там рекою слезы лил!..
Там было и его гульбище,
Равно прелестное для нас,
Равно любивших и любимых,
Ко гробу сердцем приводимых!..
Там тихий из-под камня глас
Ему вещал ли в утешенье,

¹ 9 мая он обедал у меня в деревне и провел вечер...

² Она скончалась в прошлом году.

Что сам он скоро отдохнет
От жизни, в коей счастья нет?..
Где радость есть приготовленье
К утратам и печалям вновь;
Увы! где самая любовь,
Нежнейших душ соединенье,
Готовит только сожаленье
И гаснет навсегда в слезах,
Там есть ли в благах совершенство?..
Мечта прелестная, блаженство!
Мелькая в сердце и в глазах,
Ты нас желаньем утомляешь —
Приводишь к гробовой доске,
Над прахом милых исчезаешь
И сердце предаешь тоске!

Теперь супруги неразлучны;
В могиле' участь их одна:
Покоятся в жилище сна
Или уже благополучны
Чистейшим новым бытием!..
А мы, во странствии своем
Еще томимые сомненьем,
Печалью, страхом и мученьем,
Свой путь с терпением свершим!
Надежда смертных утешает,
Что мир другой нас ожидает:
Сей свет пустыня перед ним!
Там все, кого мы здесь любили,
С кем в юности приятно жили;
Там, там *собрание веков*,
Мужей великих, мудрецов,
Которых в летописях славим!..
И с теми, коих здесь оставим,
Мы разлучимся лишь на час.
Земля гостиница для нас!

ЭПИТАФИИ

Одна нежная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двулетней дочери ее. Я предложил ей на выбор следующие пять эпитафий; она выбрала последнюю и приказала вырезать ее на гробе.

1

Небесная душа на небо возвратилась,
К источнику всего, в объятия Отца.

Пороком здесь она еще не омрачилась;
Невинностью своей пленяла все сердца.

2

И на земле она, как ангел, улыбалась:
Что ж там, на небесах?

3

В объятиях земли покойся, милый прах!
Небесная душа, ликуй на небесах!

4

Едва блеснула в ней небесная душа,
И к Солнцу всех миров поспешно возвратилась.

5

Покойся, милый прах, до радостного утра!

ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Братья, рюмки наливайте!
Лейся через край вино!
Всё до капли выпивайте!
Осушайте в рюмках дно!

Мы живем в печальном мире;
Всякий горе испытал,
В бедном рубище, в порфире,—
Но и радость бог нам дал.

Он вино нам дал на радость,
Говорит святой мудрец:
Старец в нем находит младость,
Бедный—горестям конец.

Кто всё плачет, всё вздыхает,
Вечно смотрит сентябрем,—
Тот науки жить не знает
И не видит света днем.

Всё печальное забудем,
Что смущало в жизни нас;
Петь и радоваться будем
В сей приятный, сладкий час!

Да светлеет сердце наше,
Да сияет в нем покой,
Как вино сияет в чаше,
Осребряемо луной!

СТРАННОСТЬ ЛЮБВИ, ИЛИ БЕССОННИЦА

Кто для сердца всех страшнее?
Кто на свете всех милее?
Знаю: милая моя!

«Кто же милая твоя?»—
Я стыжусь; мне, право, больно
Странность чувств моих открыть
И предметом шуток быть.
Сердце в выборе не вольно!..
Что сказать? Она... она...
Ах! нимало не важна
И талантов за собою
Не имеет никаких;
Не блистает острою,
И движеньем глаз своих
Не умеет изъясняться;
Не умеет восхищаться
Аполлоновым огнем;
Философов не читает
И в невежестве своем
Всю ученость презирает.
Знайте также, что она
Не Венера красотою—
Так худа, бледна собою,
Так эфирна и томна,
Что без жалости не можно
Бросить взора на нее.
Странно!.. я люблю ее!..
«Что ж такое думать должно?
Уверяют старики
(В этом деле знатоки),
Что любовь любовь рождает,—
Сердце нравится любя:
Может быть, она пленяет
Жаром чувств своих тебя;
Может быть, она на свете
Не имеет ничего
Для души своей в предмете,

Кроме сердца твоего?
Ах! любовь и страсть такая
Есть небесная, святая!
Ум блестящий, красота
Перед нею суета».

Нет!.. К чему теперь скрываться?
Лучше искренно признаться
Вам, любезные друзья,
Что жестокая моя
Нежной, страстной не бывала
И с любовью на меня
Глаз своих не устремляла.
Нет в ее душе огня!
Тщетно пламенем пылаю—
В милом сердце лед, не кровь!
Так, как Эхо¹, иссыхаю—
Нет ответа на любовь!
Очарован я тобою,
Бог, играющий судьбою,
Бог коварный—Купидон!
Ядовитою стрелою
Ты лишил меня покою,
Как ужасен твой закон,
Мудрых мудрости лишая
И ученых кабинет
В жалкий Бедлам² превращая,
Где безумие живет!
Счастливы, кто не знает страсти!
Счастливы хладный человек,
Не любивший весь свой век!..
Я завидую сей части
И с Титанией люблю
Всем насмешникам в забаву!..³
По небесному уставу
Днем зеваю, ночь не сплю.

¹ То есть Нимфа, которая от любви к Нарциссу превратилась—в ничто и которой вздохи слышим мы иногда в лесах и пустынях и называем—эхом.

² Дом сумасшедших в Лондоне.

³ Любопытные могут прочитать третье действие, вторую сцену Шекспировой пьесы «Midsummer-night's dream» <Сон в летнюю ночь>.

РАИСА

Древняя баллада

Во тьме ночной ярилась буря;
Сверкал на небе грозный луч,
Гремели громы в черных гучах,
И сильный дождь в лесу шумел.

Нигде не видно было жизни;
Сокрылось все под верный кров.
Раиса, бедная Раиса,
Скиталась в темноте одна.

Нося отчаяние в сердце,
Она не чувствует грозы,
И бури страшный вой не может
Ее стенаний заглушить.

Она бледна, как лист увядший,
Как мертвый цвет, уста ее;
Глаза покрыты томным мраком,
Но сильно бьется сердце в ней.

С ее открытой белой груди,
Язвимою ветвями дерев,
Текут ручьи кипящей крови
На зелень влажных земли.

Над морем гордо возвышался
Хребет гранитных горы;
Между стремнин, по камням острым
Раиса всходит на него.

(Тут бездна яростно кипела
При блеске огненных лучей;
Громады волн неслися с ревом,
Грозя всю землю потопить.)

Она взирает, умолкает;
Но скоро жалкий стон ея
Смешался вновь с шумящей бурей:
«Увы! увы! погибла я!

Кронид, Кронид, жестокий, милый!
Куда ушел ты от меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

Кронид, поди ко мне! Забуду,
Забуду все, прощу тебя!—
Но ты нейдешь к Раисе бедной!..
Почто тебя узнала я?

Отец и мать меня любили,
И я любила нежно их;
В невинных радостях, в забавах
Часы и дни мои текли.

Когда ж явился ты, как ангел,
И с нежным вздохом мне сказал:
«Люблю, люблю тебя, Раиса!»—
Забыла я отца и мать.

В восторге, с трепетом сердечным
И с пламенной слезой любви
В твои объятия упала
И сердце отдала тебе.

Душа моя в твою вселилась,
В тебе жила, дышала я;
В твоих глазах свет солнца зрела;
Ты был мне образ Божества.

Почто я жизни не лишилась
В объятиях твоей любви?
Не зрела б я твоей измены,
И счастлив был бы мой конец.

Но рок судил, чтоб ты другую
Раисе верной предпочел;
Чтоб ты меня навек оставил,
Когда сном крепким я спала,

Когда мечтала о Крониде
И мнила обнимать его!
Увы! я воздух обнимала...
Уже далеко был Кронид!

Мечта исчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчал;
Искала взором, но не зрела
Тебя нигде перед собой.

На холм высокий я спешила...
Несчастливая!.. Кронид вдали
Бежал от глаз моих с Людмилой!
Без чувств тогда упала я.

С сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу везде, зову Крониду—
Но ты не хочешь мне внимать.

Теперь злосчастливая Раиса
Звала тебя в последний раз...
Душа моя покоя жаждет...
Прости!.. Будь счастлив без меня!»

Сказав сии слова, Раиса
Низверглась в море. Грянул гром:
Сим небо возвестило гибель
Тому, кто погубил ее.

ПЕСНЯ

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой лстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

Любил я резвую Пленуру,
Любил веселую Темиру,
Любил и сердцем и душой.
Они шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я—я слезы лил рекой!

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой лстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

Мне горы золота сулили;
«Надейся!»—взором говорили.
Пришло к развязке наконец...
И что ж? мне двери указали!
«Учись знать шутку, друг!»—сказали.
Они смеются!.. я глупец!

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?
Тот век несчастлив будет с вами,
Кто любит прямо, не словами,
Вам мило головы кружить,
Играть невинными сердцами,
Дарить нас рабством и цепями
И только для тщеславья жить.

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

Ах! лучше по лесам скитаться,
С лапландцами в снегу валяться
И плавать в лодке по морям,
Чем быть плаксивым Селадоном,
Твердить увы печальным тоном
И век служить потехой вам!

Нет, полно, полно! впредь не буду
Себя пустой надеждой льстить
И вас, красавицы, забуду.
Нет, нет! что прибыли любить?

НЕПОСТОЯНСТВО

Пусть счастье коловратно—
Нельзя не знать того;
Но мы еще стократно
Превратнее его.

Всё нового желаем,
От старого бежим
И счастье презираем,
Когда знакомы с ним.

Любя во всем измену,
Позволим же любить
И счастью перемену,
Чтоб нам, неверным, мстить!

НАДПИСЬ К ДАМСКОЙ ТАБАКЕРКЕ,
НА КОТОРОЙ ИЗОБРАЖЕНЫ МРАМОРНЫЙ СТОЛП И
ЦВЕТOK

Любезное глазам как цвет весенний тленно;
Любезное душе как мрамор неизменно.

НАДПИСИ ' НА СТАТУЮ КУПИДОНА

1

НА ГОЛОВУ

Где трудится голова,
Там труда для сердца мало;
Там любви и не бывало;
Там любовь — одни слова.

2

НА ГЛАЗНУЮ ПОВЯЗКУ

Любовь слепа для света
И, кроме своего бесценного предмета,
Не видит ничего.

3

НА СЕРДЦЕ

Любовь — анатомист: где сердце у тебя,
Узнаешь, полюби.

4

НА ПАЛЕЦ, КОТОРЫМ КУПИДОН ГРОЗИТ

Награда скромности готова:
Будь счастлив — но ни слова!

5

НА РУКУ

Не верь любовнику, когда его рука
Дерзка.

¹ Сочинитель сих надписей увидел в одном доме мраморного Амура и с позволения хозяйки исписал его карандашом с головы до ног.

НА КРЫЛО

Амур летает для того,
 Чтоб милую найти для сердца своего.
 Нашедши, крылья оставляет—
 Уже ему в них нужды нет,—
 Летать позабывает
 И с милою живет.

7

НА СТРЕЛУ, КОТОРУЮ АМУР БЕРЕТ В РУКУ

Страшиться: прострелю!
 Но вы от раны не умрете;
 Лишь томно взглянете, вздохнете
 И скажете: *люблю!*

8

НА НОГУ

Когда любовь без ног, как надобно идти
 От друга милого, сказав ему: *прости!*

9

НА СПИНУ

Стою всегда лицом к красавцам молодым,
 Спиную к старикам седым.

БЕРЕГ

После бури и волнения,
 Всех опасностей пути,
 Мореходцам нет сомненья
 В пристань мирную войти.

Пусть она и неизвестна!
 Пусть ее на карте нет!
 Мысль, надежда им прелестна
 Там избавиться от бед.

Если ж взором открывают
 На берегу друзей, родных,
 О *блаженство!* восклицают
 И летят в объятья их.

Жизнь! ты море и волнение!
Смерть! ты пристань и покой!
Будет там соединенье
Разлученных здесь волной.

Вижу, вижу... вы маните
Нас к таинственным брегам!..
Тени милые! храните
Место подле вас друзьям!

Иван Иванович Дмитриев

ЕРМАК

Какое зрелище пред очи
Представила ты, Древность, мне?
Под ризою угрюмой ночи,
При бледной в облаках луне,
Я зрю Иртыш: крутит, сверкает,
Шумит и пеной подмывает
Высокий берег и крутой;
На нем два мужа изнуренны,
Как тени, в аде заключенны,
Сидят, склонясь на длань главой;
Единый млад, другой с брадой
Седою и до чресл висящей;
На каждом вижу я наряд,
Во ужас сердце приводящий!
С булатных шлемов их висят
Со всех сторон хвосты змеины
И веют крылья совины;
Одежда из звериных кож;
Вся грудь обвешана ремнями,
Железом ржавым и кремнями;
На поясе широкий нож;
А при стопах их два тимпана
И два поверженны копья;
То два сибирские шамана,
И их слова внимаю я.

Старец

Шуми, Иртыш, реви ты с нами
И вторь плачевным голосам!
Навек отвержены богами!
О, горе нам!

Младый

О, горе нам!
О, страшная для нас невзгода!

Старец

О ты, которая венец
Поддерживали три народа¹,
Гремевши мира по коней—
О сильна, древняя держава!
О мать нескольких племен!
Прошла твоя, исчезла слава!
Сибирь! и ты познала плен!

Младый

Твои народы расточены,
Как вихрем возмятенный прах,
И сам Кучум², гроза вселенны,
Твой царь, погиб в чужих песках!

Старец

Священные твои шаманы
Скитаются в глуши лесов.
На то ль судили вы, шайтаны³,
Достигнуть белых мне власов,
Чтоб я, столетний ваш служитель,
Стенал и в прахе, бывши зритель
Паденья тысяч ваших чад?

Младый

И от кого ж, о боги! пали?

¹ Татары, остяки и вогуличи.

² Кучум из царства своего ушел к калмыкам и убит ими.

³ Сибирские кумиры.

Старец

От горсти русских!.. Мор и глад!
Почто Сибирь вы не пожрали?
Ах, лучше б трус, потоп иль гром
Всемоцны на нее послали,
Чем быть поправной Ермаком!

Младый

Бичем и ужасом Природы!..
Кляните вы его всяк час,
Сибирски горы, холмы, воды:
Он вечный мрак простер на вас!

Старец

Он шел как столп, огнем палящий,
Как лютый мраз, все вкрут мертвящий!
Куда стрелу ни посылал—
Повсюду жизнь пред ней бледнела
И страшна смерть вослед летела.

Младый

И царский брат пред ним упал.

Старец

Я зрел с ним бой Мегмета-Кула¹,
Сибирских стран богатыря:
Рассьшав стрелы все из тула
И вящим жаром возгоря,
Извлек он саблю смертоносну.
«Дай лучше смерть, чем жизнь поносну
Влачить мне в плене!»—он сказал—
И вмиг на Ермака напал.
Ужасный вид! они сразились!
Их сабли молнией блестят,
Удары тяжкие творят
И обе разом сокрушились.
Они в ручной вступили бой:
Грудь с грудью и рука с рукой;
От вопля их дубровы воют;
Они стопами землю роют;
Уже с них сылет пот, как град;

¹ Царский брат, которого Ермак пленил и отослал к царю Иоанну Васильевичу; от него произошли князья Сибирские.

Уже в них сердце страшно бьется,
И ребра обих трещат;
То сей, то оный на бок гнется;
Крутятся, и—Ермак сломил!
«Ты мой теперь!—он возопил,—
И все отныне мне подвластно!»

Младый

Сбылось пророчество ужасно!
Пленил, поправ Сибирь Ермак!..
Но что? ужели стон сердечный
Гонимых будет...

Старец

Вечный! вечный!
Внемли, мой сын: вчера во мрак
Глухих лесов я углубился
И тамо с пламенной душой
Над жертвою богам молился.
Вдруг ветер восстал и поднял вой;
С деревьев листья полетели;
Столетни кедры заскрышели,
И вихрь заклятых сери унес!
Я пал и слышу глас с небес:
«Неукротим, ужасен Рача¹,
Когда казнит вселенну он.
Сибирь, отвергши мой закон!
Пребудь вовек, стоная, плача,
Рабьней белого царя!
Да светлая тебе заря
И черна ночь в цепях застанет;
А слава грозна Ермака
И чад его вовек не вянет
И будет под луной громка!»
Умолкнул глас, и гром трикратно
Протек по бурным небесам...
Увы! погибли невозвратно!
О, горе нам!

¹ Главный остяцкий идол. Кучум, родившийся в магометанской вере, частью уговорил, частью принудил большую половину Сибири верить Алкорану.

О, горе нам!—

Потом, с глубоким сердца вздохом
 Восстав с камней, обросших мохом,
 И сняв орудия с земли,
 Они вдоль берега потекли
 И вскоре скрылися в тумане.

Мир праху твоему, Ермак!
 Да увенчают россияне
 Из золота вылитый твой зрак,
 Из ребр Сибири источенна
 Твоим булатным копьём!
 Но что я рек, о тень забвенна!
 Что рек в усердии моем?
 Где обелиск твой?—Мы не знаем,
 Где даже прах твой был зарыт.
 Увы! он вепрем попираем,
 Или остяк по нем бежит
 За ланью быстрой и рогатой,
 Прицелясь к ней стрелой пернатой.
 Но будь утешен ты, герой!
 Парящий стихотворства гений
 Всяк день, с Авророю златой,
 В часы божественных явлений,
 Над прахом плавает твоим
 И сладку песнь гласит над ним:

«Великий! Где б ты ни родился,
 Хотя бы в варварских веках—
 Твой подвиг жизни совершился;
 Хотя б исчез твой самый прах;
 Хотя б сыны твои, потомки,
 Забыв деянья предка громки,
 Скитались в дебрях и лесах
 И жили с алчными волками,—
 Но ты, великий человек,
 Пойдешь в ряду с полубогами
 Из рода в род, из века в век;
 И славы луч твоей затмится,
 Когда померкнет солнца свет,
 Со треском небо развалится
 И время на косу падет!»

К ВОЛГЕ

Конец благополучну бегу!
Спускайте, други, паруса!
А ты, принесшая ко брегу,
О Волга! рек, озер краса,
Глава, царица, честь и слава,
О Волга пышна, величава!
Прости!.. Но прежде удостой
Склонить свое вниманье к лире
Певца, незнаемого в мире,
Но воспоенного тобой!

Исполнены мои обеты;
Свершилось то, чего желал
Еще в младенческие леты,
Когда я руки простирал
К тебе из отческа кущи,
Взирая на суда, бегущи
На быстрых белых парусах!
Свершилось, и блажу судьбину:
Великолепну зрел картину!
И я был на твоих волнах!

То нежным ветерком лобзаем,
То ревом бури и валов
Под черной тучей оглушаем
И отзывом твоих берегов,
Я плыл, скакал, летел стрелою—
Там видел горы над собою
И спрашивал: который век
Застал их в молодости сундик?
Здесь мимо городов цветущих
И диких пустыней я тек.

Там веси, нивы благодатны,
Стада и кущи рыбарей,
Цветы и травы ароматны,
Растущи средь твоих зыбей,
Влекли попеременно взоры;
А там сирен пернатых хоры,
Под тень кусточков уклонясь,
Пространство пеньем оглашали—
И два сайгака им внимали
С крутых стремнин, не шевелясь.

Там кормчий, руку простирая
Чрез лес дремучий на курган,
Вещал, спутников сзывая:
«Здесь Разинов был, други, стан!»
Вещал и в думу погрузился;
Холодный пот по нем разлился
И перст на воздухе дрожал.
А твой певец в сии мгновенья,
На крыльях воображенья,
В протекших временах летал.

Летал, и будто сквозь тумана
Я видел твой веселый ток
Под ратью грозна Иоанна;
И видел Астрахани рок.
Вотще ордынцы безотрадны
Бегут на холмы виноградны
И сыплют стрелы по судам:
Бесстрашный росс на брег ступает,
И гордо царство упадает
Со трепетом к его стопам.

Я слышал Каспия седаго
Пророческий, громовый глас:
«Страшитесь, персы, рока злаго!
Идет, идет царь сил на вас!
Его и Юг и Норд трепещет;
Он тысящью перуны мечет,
Затмил Луну и Льва сразил!..
Внемлите шум: се волжски волны
Несут его, гордьни полны!
Увы, Дербент!.. идет царь сил!»

Прорек, и хлынули реками
У бога воды из очес;
Вдруг море вздулося буграми,
И влажный Каспий в них исчез.
О, как ты, Волга, ликовала!
С каким восторгом поднимала
Победоносного царя!
В сию минуту пред тобою
Казались малою рекою
И Бельт, и Каспий, все моря!

Но страннику ль тебя прославить?
Он токмо в искренних стихах
Смиренну дань хотел оставить
На счастливых твоих брегах.
О, если б я внушен был Фебом,
Ты первую б рекой под небом,
Знатнейшей Гангеса была!
Ты б славою своей затмила
Величие Евфрата, Нила
И всю вселенну протекла.

ПОДРАЖАНИЕ ОДЕ ГОРАЦИЯ

(книга III, ода I)

Служитель муз, хочю я истины воспеть
В стихах, не слыханных доньше:
Феб движет,— прочь, враги святые!
А вы, о юноши!.. внимать, благоговеть!

Царям подвластен мир, цари подвластны Богу,
Тому, кто с облачных высот
Гигантам в ад отверз дорогу,
Кто манием бровей колеблет неба свод.

Владей во всей земле ты рудами златыми,
А ты народов будь отцом;
Хвались ты предками своими,
А вы талантами, геройством и умом,—

Умрете все! закон судьбины непреложен.
Кто б ни был— мал или велик,
Пред смертью всяк равно ничтожен;
В сосуде роковом нет жребиям отлик!

За царскою ль себя трапезой насыпает,
Пернатым внемлет ли весной,
Ко сну ль главу на пух склоняет—
Злодей всегда зрит меч, висящий над собой.

Сон сладкий только дан оратаям в отраду;
Он любит их смиренный кров,
Тенистой рощицы прохладу,
Цветы и злак долин, журчанье ручейков.

Пусть грозный океан клокочет над валами;
Пусть буря черными крылами
При блеске молний воспумит—
Мудрец на брань стихий спокойно с берега зрит.

Один громадами стесняет рыб и давит,
Казною пропасти бутит
И на зыбях чертоги ставит—
Но где он от забот, печали будет скрыт!

Безумец! ты бежишь от совести напрасно:
Тиран твой сердца в глубине;
Она с тобою повсечасно
Летит на корабле и скачет на коне.

Что ж пурпур, аромат и мраморы фригийски?
К чему фалернское вино?
Почто вносить мне обелиски,
Когда спокойствия мне с ними не дано?

Нет! злату не бывать души моей кумиром;
Мои желанья: скромно жить,
Не с завистью—с сердечным миром,
И счастье в уголку сабинском находить.

К ЛИРЕ

О ты, котора утешала
Меня в мои спокойны дни,
Священну дружбу воспевала,
Любовь и радости одни,—
Забудь твой глас, о нежна лира!
Иль повторяй единый стон!
Отъемлет жизнь мою Пленира—
Исчезло счастье, как сон!

Тверди по всякую минуту
Темирину над сердцем власть,
Ее ко мне жестокость люту,
Мою к ней пламенную страсть!
Но, ах! ты тем не успокоишь
Мою растерзанную грудь;
Лишь торжество ее удвоишь,
Нет, лучше ты безгласна будь!

Молчи, доколь судьбы во гневе
Устремлены меня карать,
Виси на кипарисном древе,—
Не буду на тебя взирать —
Виси, безмолвствуя, доколе
Мой искренний, любезный друг
На Марсовом пребудет поле...
Увы! и он смущает дух!

Когда войны погаснет пламень,
Быть может, что младый герой,
Спеша ко мне, увидит камень,
Не омочен ничьей слезой;
Увидит в прахе тут висящу,
Любезна лира, и тебя,
Расстроенную и молчащу,—
Восстонет он, меня любя!

Восстонет и смягчит слезою
Засохши струны он твои,
Потом дрожащею рукою
Страданья возвестит мои.
Он скажет: «Доримон был вреден
Себе лишь только самому,
Он ветрен был, несчастлив, беден,
Но друг всегда был друг ему».

Я

Умен ли я, никем еще в том не уверен;
Пороков не терплю, а в слабостях умерен;
Немножко мотоват, немножко я болтлив;
Немножко лгу, но лгу не ко вреду другого,
Немножко и колю, но не от сердца злого,
Немножко слаб в любви, немножко в ней стыдлив
И пред любовницей немножко боязлив.
Но кто без слабостей? Итак, надеюсь я,
Что вы, мои друзья,
Не будете меня за них судить строго.
Немножко дурен я, но вас люблю я много.

НОЧЬ

В черной мантии волнистой,
С цветом маковым в руках
И в короне серебристой—
В тонких, белых облаках—
Потихоньку к нам спустилась
Тишины подруга, ночь,
Вечера и теней дочь.
Лишь на земаю появилась,
Все покрыла темнотою.
Шум, тревога улетели,
Не поладив с тишиной.
Замолчали тут свирели.
Птички песен не поют.
Спят зефиры, дремлют рощи.
Ручейки чуть-чуть текут.

Милый спутник тихой ночи,
Сон слетел за нею вслед.
Нежною своей рукою
Манит от трудов к покою
И рекой обильной льет
Усьшленья нектар сладкой.

Из-за облачка украдкой
Смотрит скромная луна.
Серебро свое она
То в заснувший луг бросает
Сквозь березовых листов,
То лучем своим играет
Со струями ручейков.

Я не сплю—и наслаждаюсь
Ночи сладкой тишиной
И природою прельщаюсь.
Клоя, друг любезный мой!
Ах! зачем я не с тобой
Ночи сладостью питаюсь?
Ах! зачем тебя здесь нет?
Ночь была б еще милее,
И луна тогда б щедрее
Рассыпала тихий свет.
Сокрываясь в лесочке
Иль качаясь на кусточке,
Песнею тебя своей
Забавлял бы соловей.

Приходи, мой друг сердечной,
Приходи в луга сии!
В здешней жизни скоротечной
Услаждай ты дни мои,
Дружбой услаждай своею!
Кто в сем мире одарен
Дружелюбною душою,
Тот и в горестях блажен.

ЭЛЕГИЯ

Возьмите, боги, жизнь, которую вы мне дали!
Довольно с юных лет я втайне вздыхал;
Но вечно горести, все новые печали!..
Конец терпению!.. Я мучиться устал.

Рожденный всех любить без хитрости, без злобы,
Далек от пышности и почестей мирских,
Я счастье полагал во счастья родных—
И что же?—только их я обнимаю гробы!
Увы! и этой мне отрады не иметь!
Любезный, мильй брат, ты в сердце лишь остался,
Не буду твоего и праха даже зреть:
Далеко от своей ты родины скончался.
Супруга, мать, сестры тебя всечасно ждут,
А ты последнее дыханье выпускаешь;
Ни стону вокруг тебя, ни вздохам не внимаешь,
И холодной рукой во гроб тебя кладут.
О, тягостный удар, невозвратима трата!
Что в сердце мне теперь? Одна любовь лишь брата
Могла в него бальсам успокоенья лить;
И брата больше нет—ах! полно, полно жить!

К ГАВРИИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ ¹

Бард безымянный! тебя ль не узнаю?
Орлий издавна знаком мне полет.
Я не в отчизне, в Москве обитаю,
В жилище сует.

¹ Это был ответ на стихи, присланные в «Вестник Европы». Почтенный автор их, не подписавший своего имени, думал, что я в деревне, и пенял мне за мою лень.

Тщетно поэту искать вдохновений
Тамо, где вороны глушат соловьев;
Тщетно в дубравах здесь бродит мой гений
Близ светлых ручьев.

Тамо встречает на каждом он шаге
Рдяных сатиров и вакховых жриц¹,
Скачущих с вошлем и плеском в отваге
Вкруг древних гробниц.

Гул их *эвое*² несется вдоль рощи,
Гонит пернатых скрываться в кустах;
Даже далече наводит средь ночи
На путника страх.

О песнопевец! один ты способен
Петь и под шумом сердитых валов,
Как и при ниве—себе лишь подобен—
Языком богов!

СТАНСЫ К Н. М. КАРАМЗИНУ

«Прочь от нас Катон, Сенека,
Прочь, утрюмый Эпиктет!
Без утех для человека
Пуст, несносен был бы свет.

Младость дважды не бывает.
Счастлив тот, который в ней
Путь цветами устилает,
Не предвидя грозных дней».

Так мою настроя лиру
И призвав одну из Муз,
Дружбу, сердце и Темиру,
С ними пел я мой союз.

Пел, не думая о славе,
Не искав ничьих похвал:
Лишь друзей моих к забаве
Лиру я с стены снимал.

¹ Здесь описаны цыгане и цыганки, которые во все лето промышляют в Марьиной роще песнями и пляскою.

² Эвое, или эван, был употребительный припев вакханок, при отправлении их оргий. Это примечание для детей, не знающих еще мифологии.

Все в глазах моих играло,
Я в волшебной был стране:
Солнце ярче луч бросало
И казалось Фебом мне.

В рощё ль голос разольется
Сладкопевца соловья:
Сердце вмиг во мне забьется—
Филомелу вспомню я.

С нею вместе унываю
И доволен, что грущу!..
Но почто я вспоминаю
То, чего уж не същу?

Утро дней моих затмилось
И опять не расцветет;
Сердце с счастьем простилось
И мечтой весенних лет.

Резвый нежных муз питомец,
Друг и смехов и утех,
Ныне им как незнакомец
И собой путает всех.

Осужден к несносной скуке
Грусть в самом себе таить—
Ах! и с другом быть в разлуке,
И от дружбы слезы лить!..

О любимый сын природы,
Нежный, милый наш певец!
Скоро ль отческие воды
Нас увидят наконец?

Скоро ль мы на Волгу кинем
Радостный, сыновний взор,
Всех родных своих обнимем
И составим братский хор?

С нами то же, что со цветом:
Был—и нет его чрез день,
Ах, уклонимся ж хоть летом¹
Древ домашних мы под тень.

¹ То есть в лето жизни нашей.

Скажем им: «Древа! примите
Вы усталых пришлецов
И с приязнью обнимите
В них друзей и земляков!

Было время, что играли
Здесь под тенью мы густой—
Вы цветете... мы увяли!
Дайте старости покой».

ОДА
П. П. Б.

Пускай тщеславный предается
Морским изменчивым волнам,
На полных парусах несется
К искомому счастью иль к бедам;
Бекетов! малым кто доволен,
Тому век бедным не бывать!
Он больше счастлив, больше волен,
Чем толь завидуема знать,
Котора от косога взгляда—
В алмазах, в золоте кругом
И на диване парчевом—
Внутрь сердца терпит муки ада.

Перуны чаще шлют удары
К вершинам неприступных гор
И с большей силой вихри яры
Колеблют дуб, страшаций взор.
Под низкой кровлей безопасней,
Спокойнее, мой милый, жить:
Чем выше башня, тем ужасней
Ее паденье должно быть.
Мудрец в бедах ждет лучшей части
И тем свой подкрепляет дух;
А в счастья сторожит свой слух,
Не крадутся ль к нему напасти.

Угрюмый север наш морозы,
Снег, иней, мглу низводит к нам;
Но и у нас прелестны розы
Цветут, алеют по лугам.
Теперь мы томными очами

С унынием на все глядим,
А завтра, может быть, и сами
С весельем дружбу заключим.
Всегда ль бог Пинда¹ с грозным луком?
Нередко светлый Аполлон,
Прервав златяги лиры сон,
Пленяет оной сладким звуком.

ПОСЛАНИЕ К АРКАДИЮ ИВАНОВИЧУ ТОЛБУТИНУ

Друг изящного в природе
И судья а-ла козак,
Поперек идущий моде,
Неприятель всяких врак;
Муз и музыки любитель,
Голубков, дроздов гонитель,
Грубый скиф по бороде,
Нежный Орозман душою,
Не по светскому покрою,
Одинаковый везде;
Не ханжа и не ласкатель,
О любезный созерцатель
В банях бабьей красоты!
Плюнь на светски суеты,
О поклонниче Заиры!
И склонись на голос лиры,
Почитающей тебя.
Дай увидеть мне себя
На свободе, в чистом поле;
Сделай честь ты хлебу-соли
Нового в лесу жильца.
Покажись — и хоры птичек,
Соловьев, дроздов, синичек,
Все, увидя мудреца,
Встрепенувшись крылами,
Громко-звонко запоют
И мне весточку дадут,
Что Аркадий милый с нами!

¹ Гомер говорит, что Аполлоновы стрелы производили смертоносную язву в греческом стане.

К А.Г.С...й
НА ВЫЗОВ ЕЕ НАПИСАТЬ СТИХИ

Ах! когда бы в древни веки
Я с тобой, Климена, жил!
Например, мы были б греки;
Как бы я тебя хвалил!

Под румяным, ясным небом
В благовонии цветов,
Оживленных кротким Фебом,
Между миртовых кустов —

Посреди тебя с супругом
Сел бы твой Анакреон,
И, своим упрощен другом,
Стал бы лиру строить он.

Вы б и гости замолчали,
Чтоб идеи мне скопить,
И малютки б перестали
Пестру бабочку ловить.

Как в саду твоём порхала
В мае пчелка по цветам,
Так рука б моя летала
Резвой лиры по струнам.

Там бы каждый мне цветочек
К пеню мысли подавал:
Милый, скромный василечек
Твой бы нрав изображал;

Я твою бы милость
И стыдливость применил
К нежной розе; а невинность
С белой лилией сравнил.

Ты б растрогалась, вскочила —
Я уверен точно в том —
И певца бы наградила
Поцелуем и венком.

Но, увь! мой ум мечтает;
Сколь далек я от Афин!
Здесь не Флора обитает,
А Мороз, Бореев сын!

Здесь и самым Аполлоном
Не согрелся бы иной;
Гости заняты *бостоном*
Иль немецкою войной.

СТИХИ

На игру господина Геслера, славного органиста

О Геслер! где ты взял волшебное искусство?
Ты смертному даешь какое хочешь чувство!
Иль Гений над тобой невидимо парит
И с каждою струной твоею говорит?

Сердца томного биенье!
Что вещаешь мне в сей час?
Отчего в крови волнение,
Слезы капают из глаз?
Звук приятный и унылой!
Ты ль сему виною стал?
Ах! когда в глазах у милой
Я судьбу мою читал,
Сердце так же млело, билось,
Унывало, веселилось
И летело на уста!..

Но что! Иль Феб, или мечта

Играет надо мною?

Внезапу все покрылось тьмою!

Слышу лишь топот бурных коней,
Слышу гром с треском ядер возжженных,
Свист стрел каленных, звуки мечей,
Вопли разящих, стон пораженных,
Тысящей фурий слышу я рев:
Прочь, прочь ты, жалость! смерть без пощады!
Ад ли разинул алчный свой зев?..

Увы! то одного отца несчастны чады,
То братия, забыв ко ближнему любовь,
То низши ангелы лиют друг друга кровь,
Дышат геенною, природу попирают

И злобой тигров превьшают!

О смертны! о позор и ужас естества!

Вы ль это—дело рук и образ Божества!

Ах, не шли гонцов ко граду,

Верна, милая жена!

Погаси свою лампаду—

Ты навек уже одна!
Не напрасно предвещали
И тебе, нежнейша мать,
Сны ужасные печали:
Перестань уж сына ждать!
Перестань! Уж он страдает
С лютой смертию в борьбе:
Томным взглядом подзывает
Друга нежного к себе
И с последнею слезою
«Друг,—вещает,—не тоскуй!
Дай проститься... Бог с тобою!
Бедну матерь... поцелуй!»...

Сокройся от меня, терзательна картина,
Юдоль печалей, мук! о, бедствующий мир!
Но чей я внимаю глас, сладчайший лебедина,
Нежнейший томных арф, стройнейший громких лир?
О, коль величествен! я с оным возвышаюсь!

Восторжен! к тверди восхищаюсь!
Уже над тучами парю!
Что чувствую и что я зрю?
Я солнца зрю незаходимы!
Зрю солнца солнцев горний храм!
Там светодарны херувимы
Бряцают по златым струнам,
В восторге распростерши крылы,
И движут стройные светилы.
О, непостижность! что со мной?
Где смертного несовершенства?
Я в море плаваю блаженства!
Я вне себя!—Стой, Геслер! стой!
Лишаюсь сил, изнемогаю!..
И лиру—пред тобой бросаю.

ЭКСПРОМТ

(На игру г-на Дица)

Что слышу, Диц! смычок, тобой одушевленный,
Поет, и говорит, и движет всех сердца!
О сын Гармонии! достоин ты венца
И можешь презирать язык обыкновенный¹.

¹ Это сказано было в то время, когда г. Диц перестал говорить, но не переставал восхищать свою скрипкую.

Стонет сизый голубочек,
 Стонет он и день и ночь;
 Миленький его дружок
 Отлетел надолго прочь.

Он уж боле не воркует
 И пшенички не клюет;
 Все тоскует, все тоскует
 И тихонько слезы льет.

С нежной ветки на другую
 Перепархивает он
 И подружку дорогую
 Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее... увы! но тщетно,
 Знать, судил ему так рок!
 Сохнет, сохнет неприметно
 Страстный, верный голубок.

Он ко травке прилегает;
 Носик в перья завернул;
 Уж не стонет, не вздыхает;
 Голубок... навек уснул!

Вдруг голубка прилетела,
 Приуныв, издалека,
 Над своим любезным села,
 Будит, будит голубка;

Плачет, стонет, сердцем ноя,
 Ходит милого вокруг—
 Но... увы! прелестна Хлоя!
 Не проснется милый друг!

К Ф. М. ДУБЕНСКОМУ,
 СОЧИНИВШЕМУ МУЗЫКУ НА ПЕСНЮ ГОЛУБОК

Нежный ученик Орфея!
 Сколь меня ты одолжил!
 Ты, смычком его владея,
 Голубка мне возвратил.

Бедный сизый Голубочек
Долго всеми был забвен;
Лишь друзей моих веночек
Голубку был посвящен.

Вдруг навяли зефиры,
Где лежал он, на лужок,
Глас твоей волшебной лиры —
И воскреснул Голубок!

Он вспорхнул и очутился
Милой Грации в руках:
На клавир ее спустился
И запрыгал на струнах.

Я глядел и сомневался,
Точно ль он передо мной:
Мне пригожей показался
И милей Голубчик мой!

ГОЛУБОК

(Подражание Анакреону)

Прекрасный голубчик! Скажи мне, отколе,
Куда и к кому ты столь быстро летишь?
Душист ты, как роза, цветущая в поле;
Кого ты, голубчик, кого веселишь?

Голубок

Я служу Анакреону,
А любезный сей певец
Получил меня в награду
От Венеры за стихи.
С той минуты, как ты видишь,
Письма я его ношу
И теперь лечу к Батиллу,
Кто пленяет всех сердца.
Господин мой обещает
Скоро дать свободу мне;
Но, хотя бы то и сделал,
Я останусь все при нем.
Что за радость мне летати
По полям и по горам,
Укрываться на деревьях

И питаться чем-нибудь,
Если я во всем доволен,
Хлеб кляю всегда из рук
Самого Анакреона
И вино с ним вместе пью?
Пью за ним из той же чаши,
А насытись им, вспрыгну
На его тотчас я темя
И тихохонько кружусь;
А потом его крылами
Я своими обойму
И, слегка спустясь на лиру,
Забываюся и сплю.

*

Ах! когда б я прежде знала,
Что любовь родит беды:
Веселясь бы не встречала
Полуночныя звезды!
Не лила б от всех украдкой
Золотого я кольца;
Не была б в надежде сладкой
Видеть милого льстеца!

К удалению удара
В лютой злой моей судьбе
Я слила б из воска яра¹
Легки крыльшки себе
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нежно, нежно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потом бы улетела
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы села
На дороге я большой;
Возрыдала б, возопила:
Добры люди! как мне быть?
Я неверного любила...
Научите не любить.

¹ Эта песня есть точное подражание старинной простонародной песне.

Тише, ласточка болтлива!
 Тише, тише; полно петь!
 Ты с зарею вновь счастлива,—
 Ах! а мне пришло терпеть.
 Я расстаться должен с милой
 На заре, к моим слезам...
 О луна! твой свет унылой
 Краше солнышка был нам!

Тише, ласточка болтлива!
 Тише, тише; полно петь!
 Ты с зарею вновь счастлива,—
 Ах! а мне пришло терпеть.
 Знать, и сонная мечтала
 О любви ты своей:
 Ты к утехам рано встала,
 А я—к горести моей!

Тише, ласточка болтлива!
 Тише, тише; полно петь!
 Ты с зарею вновь счастлива,—
 Ах! а мне пришло терпеть.
 О, когда б и ты имела
 Участь, равную со мной!
 Ты б молчала, а не пела
 И встречала день с тоской.

НАСЛАЖДЕНИЕ

Всяк в своих желаньях волен,
 Лавры! вас я не ищущу;
 Я и мирточкой доволен,
 Коль от милой получу.

Будь мудрец светилом мира,
 Будь герой вселенной страх,—
 Рано ль, поздно ли, Темира,
 Всяк истлеет, будет прах!

Розы ль дышат над могилой
 Иль полынь на ней растет,—
 Все равно, о друг мой милой!
 В прахе чувства уя нет.

Прочь же, скука! прочь, забота!
Вспламеняй, любовь, ты нас!
Дни текут без поворота;
Дорог, дорог каждый час!

Может быть, в сию минуту,
Милый друг, всесильный рок
Посылает парку люту
Дней моих прервати ток.

Ах! почто же медлить боле
И с тоскою ждать конца?
Насладимся мы, доколе
Бьются в нас еще сердца.

*

Без друга и без милой
Брожу я по лугам;
Брожу с душой унылой
Один по берегам.
Там те же все встречаю
Кусточки и цветки;
Но, ах! не облегчаю
Ничем моей тоски!

Срываю я цветочек
И в мыслях говорю:
«Кому сплести веночек?
Кого им подарю?»
Со вздохом тут катится
Из сердца слезный ток
И из руки валится
Увядший в ней цветок.

Во времена счастливы,
Бывало, в жаркий день,
Развесистые ивы!
Иду я к вам под тень.
Пошлете ль днесь отраду
Вы сердцу моему?
Ах! сладко и прохладу
Вкушать не одному!

Все, все постыло в мире!
И персты уж мои
Не движутся на лире,
Лишь слез текут струи.
Престань же петь, несчастный!
И лиру ты разбей;
Не слышен голос страстный
Душе души твоей!

*

Видел славный я дворец
Нашей матушки-царицы;
Видел я ее венец
И златые колесницы.

«Все прекрасно!» — я сказал
И в шалаш мой путь направил:
Там меня мой ангел ждал,
Там я Лизаньку оставил.

Лиза, рай всех чувств моих!
Мы не знатны, не велики;
Но в объятиях твоих
Меньше ль счастлив я владыки?

Царь один веселий час
Миллионом покупает;
А природа их для нас
Вечно даром расточает.

Пусть певцы не будут плесть
Мне похвал кудрявым складом:
Ах! сравню ли я их лесть
Милой Лизы с нежным взглядом?

Эрмитаж мой — огород,
Скипетр — посох; а Лизета —
Моя слава, мой народ
И всего блаженство света!

РУЧЕЕК

Любовны утешенья
Минутами летят,
Любовные мученья
Веками тяготят.

Как был любим Анютой
У сих прозрачных вод,
Казался день минутой;
А ныне день как год.

Ужели позабыла,
Вдруг став ты жестока́,
Что прежде говорила,
Сидев у ручейка?

«Ручей доколе станет
В берегах своих журчать,
Анюта не престанет
Любви к тебе питать».

Но ручеек все льется,
По камешкам шумит;
Жестокая ж смеется,
Не то уж говорит.

Любовны утешенья
Минутами летят,
Любовные мученья
Веками тяготят.

*

Всех цветочков боле
Розу я любил;
Ею только в поле
Взор мой веселил.

С каждым днем милее
Мне она была;
С каждым днем алее,
Все как вновь цвела.

Но на счастье прочно
Всяк надежду кинь:
К розе, как нарочно,
Привилась польнь.

Роза не увяла —
Тот же самый цвет;
Но не та уж стала:
Аромата нет!..

Хлоя! как ужасен
Этот нам урок!
Сколь, увы! опасен
Для красы порок!

*

Други! время скоротечно,
И не видишь, как летит!
Молодыми быть не вечно;
Старость вмиг нас посетит.
Что же делать? Так и быть!
В ожиданьи будем пить.

Пусть арак ума убавит
Между нас у остряков!
Он сердца зато заставит
Говорить без колких слов.
Лучший способ дружно жить —
Меньше врать, а больше пить.

Посмотрите, как уныла
Вся Природа на земли;
Осень роцци обнажила;
Ах! и розы отцвели.
Как же грусть нам усладить?
Чаще пунш с араком пить.

О арак, арак чудесный!
Ты весну нам возвратил;
Ты согрел, как май прелестный,
Щеки розами покрыл.
Чем же нам тебя почитать?
Вдвое, втрое больше пить.

Куда мне, сердце страстно,
 Куда с тобой бежать?
 Здесь должен я всечасно
 Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняют,
 Что я всегда уныл:
 Увы! они не знают,
 Таков ли прежде был.

Ах! некогда на лире
 И я, резвясь, играл;
 И я путь скромный в мире
 Цветами устилал!

О, грустно вспоминанье!
 Не медлим ни часа,
 Пойдем сокрыть стенанье
 В дремучие леса!

Там горестью глубокой
 Никто не укорит;
 Ни имени жестокой
 При мне не повторит.

Пушкай один с тобою
 Я буду горевать
 И непрестанно Хлою
 Винить и обожать.

Юность! юность! веселись,
 Веселись, пока цветешь,
 Пой, пляши, люби, резвись!
 Ах! и ты как тень пройдешь!

Други! Матери-Природы
 Слышите ль приятный глас?
 Составляйте ж хороводы,
 Пойте, ваш доколе час.

В жизнь однажды срок утехам,
Пролетя, не придут вновь!
Дайте руку играм, смехам,
Призовите и любовь.

А певца, который с вами
Уж резвиться устарел,
Увенчайте хоть цветами,
Чтоб еще он вам пропел.

Юность! юность! веселись,
Веселись, пока цветешь.
Пой, пляши, люби, резвись!
Ах, и ты как тень пройдешь!

*

О любезный! о мой милой!
Где ты власть небесну взял?
Ты своей волшебной силой
Нову жизнь и душу дал.

Прочь, печали и напасти!
Прочь, заботы! вас уж нет:
Покорся нежной страсти,
Я гляжу на новый свет.

Всё в нем лучше, веселее,
Всё об милом говорит;
Даже солнышко светлее
Для меня теперь горит;

Даже я сама кажуся,
Милый, лучше от тебя;
Величаюся, горжуся,
Больше чувствую себя;

Лучше, кажется, играю
И приятнее пою;
Всё мне рай, и всем питаю
Страсть, любовь к тебе мою,

Страсть, навеки воспаленну!
Что скажу я наконец?..
Ты украсил всю вселенну,
Ты мой ангел, мой творец!

ПЕСНЯ

Ты клялась мне, ты божилась,
Что и рок не властен в том,
Чтоб ко мне ты пременялась
И вздохнула о другом.

Но увы! я вижу ясно
Обольщение мое:
Ты твердишь любовь всечасно,
А я чувствую ее.

Ты лишь клятвы вымышляешь,
А я в сердце их храню;
Ты терзаешь, умерщвляешь,
А я все тебя люблю!

К ПОРТРЕТУ ДРЕВНЕГО РУССКОГО ИСТОРИКА НЕСТОРА

Постигнув с юных лет тщету и скоротечность,
Сей инок житие пустынное избрал,
И, кроясь от живых, он взором обнимал
Минувшее и вечность.

В.А.В...у

Здесь тихая могила
Прах юности взяла;
Любовь его сразила,
А дружба погребла.

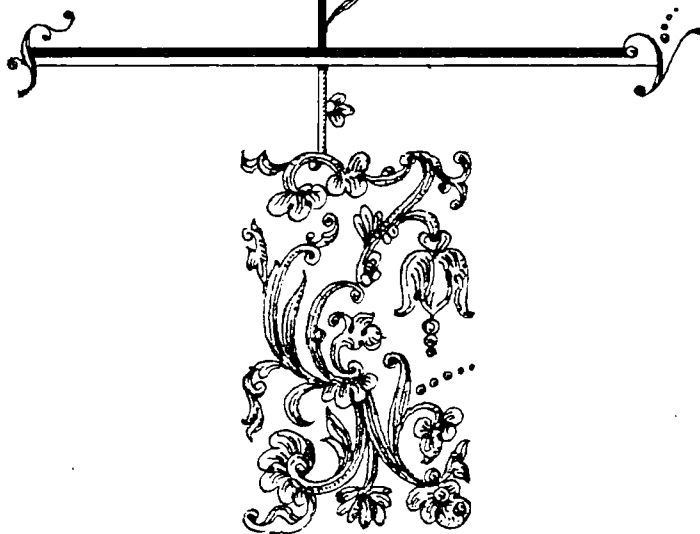
НАДПИСЬ К АМУРУ

Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно;
А иначе навек несчастливо оно.

НАДПИСЬ К АМУРУ

Открыт, как истина; без крыл, как постоянство;
Оружие его в невинности одной;
Дитя, но всех сердца он брал в свое подданство,—
Таков был, говорят, сын Лады в век златой!
Где ж ныне он? Увы! нам это неизвестно;
Мы только чтим его и ищем повсеместно.

КОММЕН
ТАРИИ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

астоящий сборник включает сравнительно небольшую часть лирических стихотворений, созданных русскими поэтами в XVIII веке. Он знакомит читателя не только с вершинными явлениями века, но и с произведениями мало известных авторов. Составители просмотрели многочисленные книжные издания, журналы и сборники, стремясь отобрать стихотворения, наиболее совершенные в художественном отношении, наиболее характерные для эпохи, дающие представление о метрических особенностях русского стиха XVIII века, а также о разнообразии и развитии лирических жанров и форм.

Стихотворения печатаются по авторам. В композиции тома учитывался и хронологический принцип, и значимость творчества того или иного поэта, и общность, существовавшая между литераторами, близкими по направлению и сотрудничавшими в одних и тех же журналах; произведения каждого автора расположены в основном по жанрово-тематическому принципу. Это позволяет получить более целостное представление об индивидуальности каждого поэта.

В большинстве своем тексты печатаются по последней прижитенной публикации, в ряде случаев — по современным авторитетным в текстологическом отношении изданиям (тексты Феофана Прокоповича, А. Н. Радищева, Г. Р. Державина, И. А. Крылова и др.); отдельные стихотворения печатаются по рукописи (тексты А. М. Бакунина, некоторые стихотворения М. Н. Муравьева). Публикация первой редакции при наличии последующей обусловлена особыми обстоятельствами («Ода на карусель» В. П. Петрова).

В комментариях указывается первая публикация и источник текста. Если им является первая публикация, это специально не оговаривается. Дата стихотворения указывается в том случае, если она не совпадает со временем первой публикации.

Орфография и пунктуация XVIII века приближены к современной, в основном в соответствии с принципами, принятыми в «Библиотеке поэта».

С произведениями русской лирики XVIII века в более полном объеме можно познакомиться по изданиям, приведенным в Условных сокращениях, а также по следующим изданиям:

Русская поэзия XVIII века. Вступ. статья и составление Г. П. Макогоненко. Примеч. П. А. Орлова. М., 1972 (Библиотека всемирной литературы).

Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.—Л., 1966 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Ломоносов М. В. Избр. произведения. Вступ. статья, составление, примеч. А. А. Морозова. Подготовка текста М. П. Лепехина и А. А. Морозова. Л., 1986 (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

Сумароков А. П. Избр. произведения. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Херасков М. М. Избр. произведения. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. В. Западова. Л., 1961 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аониды—Аониды, или Собрание разных новых стихотворений.

Богданович, 1957—Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. И. З. Сермана. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Державин, 1957—Державин Г. Р. Стихотворения. Вступ. статья, подготовка текста и общая редакция Д. Д. Благого. Примеч. В. А. Западова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Дмитриев, 1805—Дмитриев И. И. Соч. и переводы. М., 1805, ч. 3.

Дмитриев, 1810—Дмитриев И. И. Соч. и переводы. Изд. 3-е. М., 1810, ч. 1—3.

Дмитриев, 1818—Дмитриев И. И. Соч. Изд. 5-е, исправленное и умноженное. М., 1818, ч. 1—3.

Дмитриев, 1823—Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева. Изд. 6-е, исправленное и уменьшенное. СПб., 1823, ч. 1—2.

Ежемесячные сочинения—Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие (1756—1757); Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие (1758).

Иппокрена—Иппокрена, или Утехи любословия.

Иртыш—Иртыш, превращающийся в Иппокрену.

Кантемир, 1956—Кантемир А. Собр. стихотв. Вступ. статья Ф. Я. Приймы. Подготовка текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Капнист, 1796—Сочинения Василия Капниста. СПб., 1796.

Капнист, 1806—Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806.

Капнист, 1960—Капнист В. В. Собрание сочинений в 2-х томах. Вступ. статья и примеч. Д. С. Бабкина. М.—Л., 1960.

Капнист, 1973—Капнист В. В. Избр. произв. Вступ. статья Г. В. Ермаковой-Битнер. Подготовка текста и примечания Г. В. Ермаковой-Битнер и Д. С. Бабкина. Л., 1973 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Карамзин, 1820—Карамзин Н. М. Соч. Изд. 3-е. М., 1820, т. 1.

Княжнин, 1961—Княжнин Я. Б. Избр. произв. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л., 1961 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Крылов, 1847—Крылов И. А. Полн. собр. соч. Пб., 1847, т. 2.

Крылов, 1946—Крылов И. А. Полн. собр. соч., т. 3. Басни. Стихотворения. Письма. Редакция Д. Д. Благого. Подготовка текста и примеч. Г. А. Гуковского. М., 1946.

Ломоносов, ИП—Ломоносов М. В. Избр. произв. Л., 1986 (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

Ломоносов, ПСС—Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 1—10. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950—1959; т. 11. Л., Наука, 1984.

Ломоносов, 1751—Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михайла Ломоносова, книга первая. СПб., 1751.

Ломоносов, 1757—Собрание разных сочинений в стихах и прозе господина коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова, книга первая. М., 1757.

Ломоносов, 1759—Собрание разных сочинений в стихах и прозе господина коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова, книга вторая, в которой содержится

Краткого руководства к красноречию разделение первое, состоящее из Риторики, второе издание с сочинительскими исправлениями. М., 1759.

Ломоносов, 1784—Полное собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова. СПб., 1784—1786, т. 1—6.

Майков, 1966—Майков В. И. Избр. соч. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. В. Западова. М.—Л., 1966 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Муравьев, 1819—1820—Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. СПб., 1819—1820, т. 1—3.

Муравьев, 1967—Муравьев М. Н. Стихотворения. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. И. Кулаковой. Л., 1967 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Нелединский, 1850—Нелединский-Мелецкий Ю. А. Соч. СПб., 1850.

Поэты XVIII века—Поэты XVIII века. Вступ. статья Г. П. Макогоненко. Биографические справки И. З. Сермана. Составление Г. П. Макогоненко и И. З. Сермана. Подготовка текста Н. Д. Кочетковой и Г. С. Татищевой. Л., 1972, т. 1—2 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Поэты 1790—1810—Поэты 1790—1810-х годов. Вступ. статья и составление Ю. М. Лотмана. Подготовка текста М. Г. Альтшуллера. Вступ. заметки, биографические справки и примеч. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Приятное и полезное—Приятное и полезное препровождение времени.

Радищев, 1975—Радищев А. Н. Стихотворения. Вступ. статья, подготовка текста и примеч. В. А. Западова. Л., 1975 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Риторика, 1748—Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится Риторика, показывающая общие правила общего красноречия, то есть Оратории и Поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки трудами Михаила Ломоносова, императорской Академии наук и Исторического собрания члена, химии профессора. СПб., 1748.

Рус. поэзия—Русская поэзия. Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1893—1901. Вып. 1—7.

Собеседник—Собеседник любителей русского слова.

Сумароков, 1781—Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781, т. 1—10.

Тредиаковский, 1963—Тредиаковский В. К. Избр. произв. Вступ. статья и подготовка текста Л. И. Тимофеева. Примеч. Я. М. Строчкова. М.—Л., 1963 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Феофан Прокопович, 1961—Феофан Прокопович. Соч. Под ред. И. П. Еремина. М.—Л., 1961.

ГПБ—Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ—Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

Феофан Прокопович (1681—1736)

Феофан Прокопович был самым ярким и образованным литератором первой трети XVIII в. Он учился в Киеве, затем в Польше, Италии и Германии, где воспринял идеи рационализма и раннего Просвещения. В 1704 г. он возвратился в Киев и стал преподавать поэтику и риторику, резко выступив против схоластики и напыщенности в поэзии и красноречии. Уже в 1706 г. на него обратил внимание Петр I, после чего началось быстрое возвышение Феофана сначала в Киеве, а с 1716 г. в Петербурге. Включившись в преобразовательную деятельность Петра I, Феофан стал его ближайшим сотрудником, причем не только в сфере церковных реформ: кроме богословских трактатов, которые он писал, будучи архиепископом и вице-президентом Синода, он составлял законодательные документы, работал над педагогическими и историческими сочинениями, редактировал переводы и писал к ним предисловия. Жестокий политик и блестящий полемист, он умело объяснял и обосновывал в многочисленных проповедях политику Петра I. Именно таким он предстает в стихотворении Г. Р. Державина «На изображение Феофана» (1777):

Российской церкви столп, совета мудрый муж,
Философ, богослов, историк, пастырь душ.
Витийством слов его доднесь Россия блещет;
Петровым похвалам вселенна совосплещет.

Но Феофан-поэт в XVIII в. был почти неизвестен: при жизни опубликовано всего одно его стихотворение, самое большое по объему и в трех языковых версиях (на русском, латинском и польском языках)—«Епиникион, то есть песнь победная» о Полтавской битве (1709), которое положило начало русской победной оды. В дальнейшем бурная и богатая политическими событиями жизнь Феофана не оставляла времени для занятий поэзией, поэтому его поэтическое наследие очень невелико, хотя и разнообразно. Он писал стихи от случая к случаю, преимущественно для небольшого круга друзей и не предназначал их для печати. Феофан отдавал предпочтение эпиграмме и элегии и одновременно одним из первых использовал в поэзии приемы и мотивы народных песен, недаром ряд его стихотворений, в которых особенно сильно выражено личное чувство, был положен на музыку, и они часто встречаются в рукописных песенниках XVIII в., но без имени автора.

Публикуемые в настоящем издании стихотворения относятся к концу 1720-х— началу 1730-х гг. После смерти Петра I положение Феофана пошатнулось, и он оказался почти не у дел, оставшись без своего державного покровителя, смерть которого искренне оплакивал. Проникновенно-интимный характер переложений псалмов и элегий Феофана Прокоповича ставит их автора выше других поэтов Петровской эпохи.

Плачет пастушок в долгом ненастьи (стр. 25).— Курганов Н. Книга письменник. СПб., 1777, с. 304 (без имени автора); печ. по кн.: *Феофан Прокопович, 1961*, с. 216. Датируется январем 1730 г. Элегия, написанная от имени «пастушка», т. е. самого Феофана, духовного пастыря (А. Д. Кантемир в одном из своих сочинений даже пояснил: «Пастыри душ — попы и архиереи»,— *Кантемир, 1956*, с. 115), отразила пессимистические настроения автора в тяжелое для него пятилетие после смерти Петра I («Прошел день пятый, а вод дождевных нет отмены»).

В стихотворениях Феофана Прокоповича встречаются рифмы, отражающие украинскую норму произношения буквы «ять» как «и»: видно — многобедно, отмены — кручины и проч.

«О суетный человек, рабе неключимый...» (стр. 26).— Курганов Н. Российская универсальная грамматика. СПб., 1769, с. 299. Печ. по кн.: *Феофан Прокопович, 1961*, с. 225—226.

«Всяк себе в помощь вышняго предавай...» (стр. 26).— Там же, с. 298 (в сокращении, без имени автора). Печ. по кн.: *Феофан Прокопович, 1961*, с. 224, с исправлением в строке 18 «примрак» на «призрак». Переложение 90-го псалма.

«Кто крепок на Бога уповая...» (стр. 27).— Там же, с. 296. Печ. по кн.: *Феофан Прокопович, 1961*, с. 225.

Metaphrasis ps. 36 (стр. 28).— Кантемир А. Д. Соч., письма и избр. перев. СПб., 1867, т. 1, с. 288. Печ. по кн.: *Кантемир, 1956*, с. 252, с добавлением пропущенного 40-го стиха, указанного Т. Е. Автухович, ею же установлено, что автором этого и следующего переложения был не Кантемир, а Феофан Прокопович, см.: Автухович Т. Е. Об авторстве «Metaphrasis ps. 36» и «Metaphrasis ps. 72».— Русская литература XVIII в. в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986, с. 154—160.

Переложения 36 и 72 псалмов написаны во второй половине 1730 г., после воцарения Анны Иоанновны, которой Феофан оказал активную помощь в преодолении аристократической оппозиции, стремившейся ограничить императорскую власть. Значительно дополняя в некоторых местах текст псалмопевца, Феофан Прокопович развивает идею непрочности несправедливых успехов, подразумевая крах замыслов «верховников» (членов Верховного тайного совета).

...вдовицы с Сидонской Сарепты...— В Библии рассказывается о бедной вдове из г. Сарепты, которая кормила пророка Илию во время засухи, и запасы ее не оскудевали.

Metaphrasis ps. 72 (стр. 31).— Там же, с. 291. Печ. по кн.: *Кантемир, 1956*, 255. Начало стихотворения — парафраз фрагмента «Скорбных элегий» Овидия (I, 7). Этот же отрывок Феофан точно перевел в своей «Поэтике» (см.: *Феофан Прокопович, 1961*, с. 494).

Вил — славянская форма имени финикийского бога Бэла, которая употреблена, по мнению З. И. Гершковича, в значении: идол, истукан (*Кантемир, 1956*, с. 477).

Феофил Кролик (ум. 1732)

Выходец с Украины, учился в Киево-Могилянской академии, затем преподавал в московской Славяно-греко-латинской академии. В 1716—1721 гг. жил в Праге и по поручению Петра I переводил на русский язык «Исторический универсальный словарь» Л. Морери. По возвращении в Россию был переводчиком при Синоде.

Феофил Кролик был близок к Феофану Прокоповичу и считался с его единомышленником; в 1730 г. и Феофан и Феофил написали приветственные стихи на появление первой сатиры А. Кантемира.

Epodos consolatoria... (стр. 35).— Летописи русской литературы и древности, т. 5. М., 1863, с. 38. Печ. по кн.: *Кантемир, 1956*, с. 261. Ряд чтений исправлен по спискам XVIII в. (ГПБ, собр. С.-Петербургской духовной академии, № А.IV.8, л. 125—129, и ГИБ, Q.XIV.6, л. 101 об.—103). В рукописных сборниках XVIII в. и во всех последующих изданиях стихотворение подписано именем Кантемира, однако анализ содержания, учитывающий языковые и стилистические особенности, позволяет переатрибутировать это стихотворение Феофилу Кролику.

Стихотворение написано весной 1730 г., возможно в мае, в ответ на элегию Феофана Прокоповича «Плачет пастушок в долгом ненастьи» (см. с. 25 наст. изд.) и выдержано в стилистике элегии с прямыми к ней отсылками. Поскольку Феофан под «пастушком» в элегии подразумевает себя, то в обращении к нему Феофил Кролик обыгрывает значение имени Пимен («пастух», «пастырь»). *Сенька и Федька*.— Имеются в виду президент Синода Стефан Яворский (см. с. 652 наст. изд.) и вице-президент Синода Феодосий Яновский, противники Феофана Прокоповича в делах церковного управления. *И Егору...*— Ростовский епископ Георгий Дашков. Его страсть к лошадам осмеяна в латинских стихотворениях Прокоповича. *Солнце с барашка уж на близнята // Преступило...*— Весной солнце вступает в созвездие Близнецов из созвездия Овна. *Бабр*— тигр. *Ты бо ей главу щипковым венцом // Вечал красю*.— Под Дианой подразумевается императрица Анна Иоанновна; 28 апреля 1730 г. Феофан Прокопович первенствовал в церемонии ее коронования (возложил венец) и произнес приветственную речь. *Для чего жс плачешь, чрез пять дней было // Что ненастье? Уже сияет шестой день мило...*— Феофил имеет в виду слова из элегии Феофана «Прошел день пятый, а вод дождевных нет отмены», то есть тяжелое для него пятилетие после смерти Петра I. После восшествия на престол Анны Иоанновны положение Феофана упрочилось. *Уж трожды солнце вкруг обжало*.— Далее Феофил описывает собственные невзгоды: к 1727 г. он был исключен из состава Синода, уволен из архимандритов московского Чудова монастыря и остался без места и службы.

Стефан Яворский (1658—1722)

Стефан (в миру Симеон) Яворский, уроженец Правобережной Украины, получил блестящее богословское образование в Киево-Могилянской коллегии и иезуитских коллегиях Львова, Люблина, Познани и Вильны. С 1689 г. преподавал в Киево-Могилянской коллегии. В 1700 г. оказался в Москве, был замечен Петром I и назначен митрополитом рязанским и муромским, после смерти патриарха Адриана поставлен местоблюстителем патриаршего престола, а впоследствии первым президентом Синода (1721).

Среди обширного литературного наследия Стефана Яворского — публициста, оратора, философа, богослова — поэзия занимает довольно скромное по объему место, хотя современники еще в Киево-Могилянской академии высоко ценили его как поэта. Поэтическое творчество Яворского сформировалось под влиянием латинской и польско-украинской поэзии барокко XVII в. Основные жанры (он свободно писал стихи на латинском, польском и славянском языках) — панегирики, геральдические стихотворения, эпитафии, стихи на случай.

«Ты, облеченна в солнце, Дево Богомати...» (стр. 38).— Prokorowicz T. De arte poetica libri III. Mohiloviae, 1786, p. 185 (в сокращении и без имени автора). В настоящем издании стихотворение впервые издается полностью по рукописи XVIII в.: ГПБ, О. XIV. 2, л. 94—94 об. Стихотворение написано до 1705 г. и выражено в характерной для барокко стилистике контрастов, выделенных лексически («красота» — «мерзость», «благодать» — «злоба») — и синтаксически.

Стажателя сих книг последнее книгам целование (стр. 39).— Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. правительствующего Синода, т. 3. Приложение. Стлб. IV. СПб., 1878. Печ. по более исправной публикации в кн.: Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Кисв, 1914, с. LXVI.

В августе 1721 г. Яворский, обладавший одной из лучших библиотек того времени, составил каталог своих книг для передачи Нежинскому Благочинскому монастырю, которому предпослал написанную на латыни элегию к библиотеке (впервые напечатана в кн.: Prokorowicz T. Miscellanea sacra Vratislaviae, 1744, p. 216—217). В XVIII в. элегия неоднократно переводилась на русский язык прозой и стихами (силлабическими и силлабо-тоническими). Публикуемый анонимный силлабический перевод выполнен до 1728 г.

«О титулы, пропасти паче вас назвати...» (стр. 40).— Описание документов и дел, хранящихся в архиве св. правительствующего Синода, т. 3. Приложение. Стлб. V. Написано в 1720—1721 гг., когда Яворский являлся лишь номинальным главой русской держки, а фактическая власть сосредоточилась в руках вице-президента Синода Феофана Прокоповича. Яворский, исповедовавший принцип «хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался», всю жизнь после отъезда из Киева тяготился своим высоким положением и мечтал о монашеской келье, где бы он мог предаться литературным занятиям.

Оригинал на латинском языке, публикуется по анонимному переводу, выполненному до 1728 г.

И. П. Максимович (ум. 1732)

Иван Петрович Максимович, племянник необычайно плодовитого, но малоталанливово писателя и поэта начала XVIII в. митрополита Иоанна Максимовича, был близок к гетману И. С. Мазепе и вместе с ним после Полтавской битвы бежал в Турцию. С 1714 г. до самой смерти жил в Москве и занимался переводами, составлением латинско-русского словаря, а затем и редакторской работой в Московской синодальной типографии. В 1718 г. он перевел с латыни сборник элгий бельгийского поэта XVII в. Германа Гуго «Желания благоговейные», в котором с характерным для барокко смешением библиейских (из «Песни Песней») и античных образов изображено стремление христианской души к небесной отчизне. В настоящем издании публикуется перевод одной элгии.

«Сия ли в рождение мое бысть планета...» (стр. 40).— Николаев С. П. Литературные занятия Ивана Максимовича.— Труды Отдела древнерусской литературы, т. 40. Л., 1985, с. 395.

А. Д. Кантемир (1709—1744)

Князь Антиох Дмитриевич Кантемир, сын молдавского господаря, попал в Россию в 1711 г. Получил прекрасное домашнее образование, обучаясь у профессоров московской Славяно-греко-латинской академии и Академии наук в Петербурге. К середине 1720-х гг. относятся его первые литературные опыты, сначала это были переводы, затем песни и эпиграммы, а с 1729 г. он начал писать сатиры. Тогда же Кантемир сближается с «ученой дружиной» (Феофан Прокопович, В. Н. Татищев и др.) и в 1730 г. вместе с Прокоповичем активно противостоит попыткам Тайного Верховного Совета ограничить императорскую власть. Хотя Кантемир и способствовал воцарению Анны Иоанновны, он был мало отличен новой императрицей, не удалось ему воплотить и свои замыслы (в частности, стать президентом Академии наук). Вскоре его отношения с двором испортились, и в 1731 г. он был назначен послом в Лондон, а затем в Париж (1738 г.), где выказал немалое дипломатическое дарование. За границей Кантемир много писал, переводил, редактировал свои сочинения, но увидеть их изданными ему уже не пришлось, равно как и вернуться на родину.

Славу Кантемиру создали сатиры, его самое знаменитое и совершенное творение, и Кантемир-сатирик несколько затмевает Кантемира-лирика. Однако отраженные в немногих лирических стихотворениях Кантемира горадианские мотивы, апология разумного и умеренного бытия, а также размышления о творчестве оказались со временем созвучны развитию философской поэзии XVIII в.

О жизни спокойной (стр. 42).— Глаголева Т. Материалы для полного собрания сочинений кн. А. Д. Кантемира.— Известия отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук, 1906, т. II, кн. 2, с. 118—119. Для настоящего издания текст выверен по единственному списку (ГИБ, собр. Вяземского, F.CXXIX, л. 80 об.—81),

внесен ряд исправлений и одна конъектура («повождати» в 4-м стихе исправлено на «провождати»). *Сенека*—Лудий Анней Сенека, римский философ и писатель I в. В стоической философии Сенеки умеренность и внутренняя независимость занимали одно из основных мест. ...*чина брань животным*...—то есть охотясь. ...*леть*...—коварство, обольщение.

«Почитаю здесь закон, повинуюсь правам...» (стр. 43).—Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы, т. 2. СПб., 1868, с. 95. Стихотворение завершает 11 философских писем Кантемира, которым в первом издании дано заглавие «Письма о природе и человеке». Когда было создано это произведение, в значительной своей части восходящее к труду французского писателя Ф. Фенелона, неизвестно.

К стихам своим (стр. 44).—Кантемир А. Сатиры и другие стихотворческие сочинения. СПб., 1762, с. 160. Печ. по более исправной публикации в кн.: *Кантемир, 1956*, с. 216. По словам самого Кантемира, это стихотворение «сочинено в Париже в начале 1743 года в подражание 20 письма Горациева, книга I». *Гнуся лежать станете, в один сверток сваты*//*Иль с Бового, иль с Ершом*...—Размышляя о возможном забвении своих сатир, Кантемир сравнивает их с популярными в XVIII в. рукописными повестями о Бове-королевиче и Ерше Ершовиче, с чтением низших слоев общества.

В. К. Тредиаковский (1703—1769)

Василий Кириллович Тредиаковский родился в Астрахани в семье священника. Прочувшись несколько лет в местной школе капуцинских монахов, он бежал в Москву, в Славяно-греко-латинскую академию, а в начале 1726 г. самовольно отправился за границу — сначала в Голландию, а затем во Францию, где слушал лекции в Сорбонне и Парижском университете. По возвращении в Россию в 1730 г. Тредиаковский издал перевод аллегорического романа П. Тальмана «Езда в остров Любви», имевший бурный успех и ставший первой литературной сенсацией новой русской литературы. Вскоре Тредиаковский был принят в Академию наук в Петербурге (1732), где прослужил до 1759 г., став в 1745 г. первым русским академиком. После отставки бедствовал и умер в нищете, осмеянный современниками и не во всем понятый потомками.

Литературное наследие Тредиаковского — поэта, переводчика, теоретика литературы и смелого экспериментатора в поэзии — огромно, и первое в нем по роли место занимает поэтическое творчество, включающее такие значительные произведения, как философская поэма «Феоптия» (1753), стихотворное переложение Псалтыри (1753), «Тилемахида» (1766) и многие другие. Лирическое наследие Тредиаковского в основном представлено в книге «Езда в остров Любви» и в «Собрании сочинений и переводов как стихами, так и прозою» (1752). Если в первой книге даны образцы светской, преимущественно любовной лирики на обновленном самим Тредиаковским поэтическом языке, то в «Собрании сочинений и переводов», выпущенном вместе со вторым изданием знаменитого «Нового и краткого способа к сложению российских стихов», поэт представил в своих образцах почти все лирические жанры с обстоятельным литературоведческим комментарием.

Прошение любви (стр. 45).—Езда в остров Любви.—Преведена с французского на русский чрез студента Василия Тредиаковского. СПб., 1730, с. 179. Печатается с исправлением в первом стихе 4-й строфы («буду» исправлено на «будь»). Вторую часть этой книги составили оригинальные произведения Тредиаковского — «Стихи на разные случаи». *Прошение любви* — прошение к любви. ...*не емлем*...—не принимаем.

Стихи Сенековы о смирении (стр. 46).—Там же, с. 183. ...*суды полаганы*...—то есть сосуды. ...*заживай*...—приобретай.

«Душа моя, спрячь всю мою скорбь хоть на время...» (стр. 47).—Там же. Печатается по 2-му изд. (1778), с. 2.

«Без любви и без страсти...» (стр. 47).—Там же, с. 94. *Косна* — медлительна.

Стихи, научающие добронравию человека (стр. 47).—Новый и краткий способ к сложению российских стихов. СПб., 1735, с. 27. Перевод с французского стихотворения Ф. Фенелона (1651—1715).

Сонет (стр. 49).— Там же, с. 31. Перевод сонета французского писателя Ж.-В. Барро (1602—1673).

Элегия (стр. 49).— Там же, с. 53. *Сын богини*—Купидон (*Купидин*), сын Венеры (греч. миф.). *...нагла жара...*—порывистого жара страсти. *...описал всяка без урону...*—поэтическая инверсия: описал без всякого урона (ничего не упустил).

«В жилище, Господи, твоём...» (стр. 52).— Неизданные тексты В. К. Тредиаковского (подгот. текста и примеч. А. Б. Шишкина).— Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976, с. 9. Переложение 14 псалма. *В сельбу*—в поселение. *Не облыгает*—не клеветает.

Строфы похвальные поселянскому житию (стр. 52).— Сочинения и переводы как стихами, так и прозой, ч. 2. СПб., 1752, с. 183. Вольное подражание II эподу Горация, значительно расширенное и отчасти русифицированное Тредиаковским. В стихотворении много характерных для поэтического стиля Тредиаковского латинизированных инверсий: «свой палат дом лучше для него» (вместо: «свой дом для него лучше палат»), «он в иной серпом день очищает» (вместо: «он в иной день очищает серпом») и ряд других. *Сарра коль была или Сусанна*—добродетельные библейские героини, чьи имена стали нарицательными.

Пастушок довольный (стр. 55).— Шишкин А. Б. К истории работы В. К.¹ Тредиаковского над «Сочинениями» (Неизданные материалы).— Русская литература, 1982, № 3, с. 142. Это буколическое стихотворение предназначалось автором для 2-й части «Сочинений и переводов» (1752), но в издание не было включено.

В крайностях терпение пользует (стр. 56).— Ежемесячные сочинения, 1755, февраль, с. 139. *Пользуяй питт*—врачующий поэт.

Сонет (стр. 57).— Трудолюбивая пчела, 1759, март, с. 187.

М. В. Ломоносов

(1711—1765)

Сын состоятельного рыбака деревни Денисовки Куростровской волости Холмогорского уезда Архангельской губернии. Грамоте обучился у местного дьячка, которому помогал на клиросе, выполняя обязанности тещи. Именно здесь, в храме, на страницах Апостола, Псалтири, Ломоносов увидел ту величественную гармонию слова, которая позже станет отличительной чертой его поэзии. В «Предисловии о пользе книг церковных в Российской языке» (1758) Ломоносов писал: «...всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и собственной пользе воспоследует: 1) По важности освященного места Церкви Божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особое почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит. 2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от пождых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога. 3) Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова неслепости, входящие к нам из чужих языков...»

«Вратами учености» Ломоносова явились «Грамматика» Мелетия Смотрицкого и «Арифметика» Леонтия Магницкого—в предисловии к последней автор поместил силлабические стихи. По всей видимости, это были первые поэтические строки, прочитанные Ломоносовым. Настоящее же знакомство с поэзией произошло, когда в его руки попала «Псалтирь рифмовторная» Симеона Полоцкого (М., 1680)—вершина отечественного силлабического стихосложения.

Тайно уйдя в 1730 г. из дома в Москву для продолжения образования, Ломоносов с 1731 по 1735 г. обучался в Славяно-греко-латинской академии. Там, овладев латынью, он прослушал курсы пиитики и риторики (т. е. теории литературы и искусства красноречия) и познакомился с рекомендуемыми образцами для подражания—Овидием, Вергилием, Горацием, другими авторами; примеры из них Ломоносов и сам позднее использовал в качестве иллюстрации в своих руководствах, а к переводам из них

неоднократно возвращался на протяжении всей жизни. В числе наиболее способных учеников Ломоносов в 1735 г. для дальнейшего образования был отправлен в Петербургскую Академию наук. Там произошел переворот в поэтических представлениях Ломоносова — приобретает в 1736 г. книгу В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению Российских стихов» (СПб., 1735), он ознакомился с принципами нового, силлабо-топического стихосложения.

В 1736—1740 гг. Ломоносов был командирован Академией наук в Саксонию для обучения горному делу. Там его внимание привлекли не только успехи немецкой химии и металлургии, но и немецкая литература. Наиболее авторитетный труд того времени — «Подробное руководство к красноречию» И. Готшета (1736) был внимательно изучен Ломоносовым, однако содержащееся в нем требование сугубой точности и однозначности поэтического слова не нашло отражения в последующем поэтическом творчестве Ломоносова. Напротив, значительное влияние на него оказала поэзия позднего немецкого барокко, переживавшая в 1730-е гг. эпоху своего расцвета. Влияние их чувствуется уже в первой оде Ломоносова, посвященной взятию Хотина в 1739 г. Ода, с которой, по словам Белинского, «по всей справедливости должно считать начало русской литературы», по дипломатическим соображениям напечатана не была и увидела свет лишь в 1751 г.

По возвращении в Россию в 1741 г. Ломоносов занимался самыми разнообразными исследованиями в Академии наук, где и прослужил два с половиной десятилетия, оставшиеся ему до кончины. В современном нам сознании его деятельность этого периода прежде всего ассоциируется со сделанными им гениальными открытиями, причем некоторые (наличие атмосферы на Венере, предположения об электрической природе северных сияний и о сущности процессов, протекающих на поверхности Солнца) получили свое подтверждение лишь в XIX—XX вв. Однако для своих современников Ломоносов был прежде всего поэт, причем не только выдающийся поэт, но и поэт, высочайше таковым признанный. Для Ломоносова, гениального русского ученого, поэзия являлась основной служебной обязанностью сразу же по возвращении из-за границы. Начиная с 1741 г. он почти ежегодно на протяжении полутора десятилетий пишет оды к различным придворным праздникам — «дням восшествия на престол», «дням тезоименитства» и т. д. Однообразие заранее известных сюжетов приводило к тому, что Ломоносов заготавливал оды впрок, посвящая высвободившееся время иной поэзии (прежде всего духовной) и научным занятиям. Помимо похвальных од Ломоносов также сочинял похвальные надписи, помещавшиеся на транспарантах во время придворных праздников, сопровождавшихся фейерверками и иллюминацией, а также торжества по случаю спуска кораблей, установки статуй, маскарадов и т. п. Даже после утверждения Ломоносова в 1745 г. профессором химии поэзия не перестала являться его основной обязанностью в отношении чрезвычайно благоволившей к нему императрицы Елизаветы Петровны. В свою же очередь и Ломоносов с большим уважением относился к дочери боготворимого им Петра Великого, видя в ней продолжательницу его дел и вкладывая в посвященные ей оды всю мощь своего таланта.

Помимо занятий поэзией и химией, Ломоносов в 1748 г. напечатал «Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится Риторика», а позднее создал и научно обоснованную «Российскую грамматику» (1755). В 1750-е гг. Ломоносов увлечается одновременно как стеклотелесом и опытами по производству мозаики, так и отечественной историей, в частности вопросом происхождения Руси, выступив в 1758 г. составленный по летописям 1-й том «Древней российской истории». В это же время он принимает деятельное участие в создании гимназии и университета при Академии наук, а также Московского университета. В 1758 г. Ломоносов возглавил Географический департамент, однако важнейшие из задуманных им экспедиций были осуществлены лишь после его смерти. «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятий, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник», — так писал Пушкин.

По его же словам, Ломоносов «открывает нам истинные источники нашего поэтического языка». Всего лишь пять лет прошло от сочиненных в Славяно-греко-латинской академии силлабических «Стихов на туясок» до приложенного к оде

на взятие Хотина «Письма о правилах российского стихотворства» (1739), где Ломоносов изложил основной принцип русского стихосложения: «...русские стихи надлежит сочинять по природного нашего языка свойству; а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить».

Во всех своих начинаниях Ломоносов считал себя продолжателем дел Петра Великого. Вяземский справедливо заметил, что лира Ломоносова была «отголоском полтавских пушек». Однако едва ли правомерно сводить все заслуги Ломоносова перед русской поэзией к реформе стихосложения. Именно в стихии созидания, а не в стихии разрушения и состоит отличие в реформационной деятельности Ломоносова и Петра Великого. Именно объединяющее начало было главенствующим не только в личности самого Ломоносова, но и в поэзии «Петра Великого русской литературы» (Белинский). Прекрасное знание памятников традиционной русской письменности в сочетании со знакомством с последними достижениями европейской науки о литературе и создали то своеобразие лирики Ломоносова, которым она во многом определила дальнейшее развитие русской поэзии. Влияние ломоносовской традиции можно видеть в столь несовместимых явлениях русской литературы, как выросшая из его переложений псалмов поэзия сектантов и восходящая к «Гимну бороде» фривольная антиклерикальная сатира. Отголоски ломоносовской лиры слышны в столь различных голосах, как в выросшей из его од духовных философской лирике Тютчева и Мандельштама, Заболоцкого и Чижевского, так и в генетически восходящей к одам похвальным советской торжественной версификации 1920—1970-х гг.

Ломоносов был не только поэтом, не только теоретиком литературы, но и текстологом — первое собрание стихотворений Ломоносова было подготовлено им самим: Собрание разных сочинений в стихах и в прозе Михаила Ломоносова, книга первая. СПб., 1751. В этом издании им был заново уточнен текст многих стихотворений, как напечатанных ранее, так и оставшихся до того времени в рукописях. Публикуемые в настоящем издании стихотворения Ломоносова, как принято, печатаются по последнему прижизненному изданию его стихотворений, корректура которого была просмотрена им самим: Собрание разных стихотворений в стихах и прозе господина коллежского советника и профессора Михаила Ломоносова, книга первая. М., 1757. Стихотворения, вошедшие в качестве примеров в «Риторику», были помещены во 2-м томе этого издания. Не вошедшие в это издание произведения публикуются по первому изданию. С исчерпывающей для настоящего времени полнотой все произведения Ломоносова собраны в Полном собрании сочинений в 11-ти томах, изданном Академией наук СССР в 1950—1984 гг. Заново выверенные тексты важнейших стихотворных произведений Ломоносова с указанием вариантов даны в его «Избранных произведениях», вышедших в 1986 г. в 3-м издании Большой серии «Библиотеки поэта».

Ода блаженные памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года (стр. 58).— *Ломоносов, 1751*, с. 157.— Печ.: *Ломоносов, 1757*, с. 142 (с исправлением опечатки в ст. 17: кастильской). Датируется между началом сентября (получение известия о победе) и серединой декабря (отправление в Петербург) 1739 г.; название дано не ранее 17 октября 1740 г. Написано во Фрейберге после получения известия о взятии русскими войсками 19 августа 1739 г. турецкой крепости Хотин. Ломоносов через Г. Юнкера передал оду Академии наук в Петербург, приложив «Письмо о правилах российского стихотворства». Ода напечатана на была, очевидно, ввиду торжеств по поводу ратификации мирного договора с Турцией. Отрывки из оды Ломоносов включил в оставшееся в рукописи «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия» (1744) и в «Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика» (СПб., 1748). В 1751 г. Ломоносов переработал оду и, сохранив, а иногда и усилив метафорический стиль, упорядочил синтаксис, устранил инверсии и ввел ряд новых сравнений.

Верх горы высокой— Парнас, куда ведет автора поэтический восторг; одновременно соотносится и с положением турецкого лагеря. *Ключ*—Кастальский ключ у подножия

Парнаса; родник поэтического вдохновения. *Чистых сестр музыку.*—Сестр—сестер; здесь: муз. *Пермесский жар*—вдохновение; Пермес—река в Беотии, на берегах которой обитали музы. *Род отверженной рабы*—т. е. род библейской Агари. Ломоносов переносит это название на турок и татар. *За Тигр, Стамбул своих захрабь.*—Стамбул—здесь обозначает всю Турецкую державу (*Порту*). Ломоносов предлагает ей убрать свои полчища в глубь Малой Азии (*за Тигр*). *Скрывает луч свой в волны день...*—Русские войска заняли турецкие позиции в седьмом часу вечера. Отступая, турки сожгли свой лагерь. *Герой*—Петр I. Далее Ломоносов вспоминает Азовский поход (1697), Персидский поход (1722) и войну со шведами (*готфами*). *Смиритель стран Казанских*—Иван Грозный. *Каспийски воды.*—Намек на взятие Астрахани Иваном Грозным. *Селим*—здесь: условное имя для обозначения восточного властелина. *Луна*—полумесяц, эмблема Турции. *Стесняет внутрь Хотин своих.*—После разгрома турецкого лагеря при деревне Ставучаны турки укрылись в Хотине. *Калчак*—турецкий паша, комендант крепости Хотин, вручивший русскому командованию ключи от крепости в знак капитуляции. *Где Выслы ток.*—Намек на взятие в 1734 г. русскими войсками Данцига на Висле, после чего они стали двигаться к Рейну (*Рен*). *Дамаск, Каир, Алепп*—торговые города, принадлежавшие в то время Турции. *Тяжчае б Фивы обвинили.*—По преданию, древнегреческий поэт Пиндар (ок. 518—442 до н. э.) вызвал парскания в своем родном городе Фивах за восхваление мужества афинян. *В Китайских чтут ее стенах.*—28 апреля 1732 г. в Москву прибыло китайское посольство, принятое Анной Иоанновной и завершившее ее в стремлении к нерушимой дружбе с Россией. *Заднестрской тать*—орды татар, опустошавшие своими набегами украинские казачьи селения. *Седми пространных морь*—морья, омывающие берега России: Мурманское (Баренцево), Белое, Балтийское, Камчатское (Охотское), Каспийское, Охотское и Черное.

Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года (стр. 65).—Отд. изд.: СПб., 1747.—Печ.: Ломоносов, 1757, с. 73. Датируется концом 1747 г. (не ранее 13 августа, когда в Академическом собрании был оглашен новый устав и утверждены новые штаты Академии наук, с которыми в оде Ломоносов связывал надежды на успешное развитие наук в России). В этой оде Ломоносов настойчиво славит мир (*возлюбленную тишину*), так как в это время западные державы стремились втянуть Россию в войну на стороне Австрии, Англии и Голландии против Франции и Пруссии. *Войне поставила конец.*—Вступив на престол, Елизавета начала мирные переговоры со Швецией. *Крест несла.*—Явившись в казармы Преображенского полка, Елизавета привела к присяге гренадеров. *Отпоржен роком.*—Петр I умер в год открытия Петербургской Академии наук. *Севана.*—Намек на французскую Академию наук в Париже. *Почувствуют и камни силу.*—Ломоносов доказывал, что Россия не менее богата минералами, чем теплые страны (Индия и др.). *Манжуры*—Маньчжурская династия. *Колумб российский*—Витус Беринг (1681—1741). *Верхи Рифейски*—Урал. *Науки юношей питают...*—Для этой строфы Ломоносов переложил в стихи отрывок из речи Цицерона в защиту поэта Архия.

Ода императрице Екатерине Алексеевне на ее восшествие на престол июня 28 дня 1762 года (стр. 71).—Отд. изд.: СПб., 1762.—Печ. по этому изд. Датируется временем с 28 июня (вступление на престол Екатерины II) по 8 июля (направление оды в печать) 1762 г. Используя слова Манифеста Екатерины II, упрекавшей свергнутого ею Петра III в том, что он «законы в государстве все пренебрег», Ломоносов выступил в защиту национальных интересов России и русского народа. Обигрывая слова Манифеста о том, что царствование Петра III грозило «переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона», Ломоносов поставил вопрос о роли иноземцев, попирающих права русского народа и не считающихся с его нуждами и традициями. Ода была воспринята Екатериной II, стремившейся к сближению с Европой, как непрощеный совет, и Ломоносова обошли наградами по случаю коронационных торжеств, а через полгода едва не уволили в «вечную» отставку. *Три богини*—Екатерина I, Елизавета и Екатерина II. *Дает спасительный совет.*—Речь идет о Прутском походе Петра I, когда будущая Екатерина I якобы подала ему совет заключить мир с Турцией. *Магмет.*—Здесь: условное изображение Турции. *Слышал*

ли кто из в свет рожденных...—Ломоносов выражает негодование по поводу заключения Петром III 24 апреля 1762 года мира с Пруссией накануне ее капитуляции. *Сверкает красота мечем.*—При совершении государственного переворота Екатерина II явилась во дворец во главе присягнувших ей гвардейских полков.

Переложения псалмов (стр. 78).—*Риторика, 1748*, с. 51, 264 (псалмы 14, 145); *Ломоносов, 1751*, с. 5 (псалмы 1, 26, 34, 70); *Ломоносов, 1784*, с. 43 (псалом 103); Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев, каждый одну сложи особливо. СПб., 1744.—Печ.: *Ломоносов, 1757*, с. 5 (кроме псама 103); псалом 103 печ.: *Ломоносов, ПСС*, т. 8, с. 228, где он опубликован по автографу. Датируются 1743—1751 гг.

В 1743 г. Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков решили испытать свои силы в «преложении» 143 псалма и доказать справедливость мнения каждого о переводе псалма: Ломоносов и Сумароков отстаивали преимущество ямбических стоп над хорейскими, Тредиаковский же считал, что дело не в метрике, а в «изображении», «речи», поэта. Результаты состязания были опубликованы в 1744 г. отдельной книжкой без указания имен поэтов; предисловие написал Тредиаковский.

Для Сумарокова переложение псалма 143 явилось эпизодом в его творчестве; Тредиаковский переложил стихами всю Псалтирь; Ломоносов в 1743—1751 гг. постоянно возвращался к Псалтири, но полностью «преложить» ее не рискнул. Так, непереверденными остались последние 19 строк 103 псалма (интересно, что и Симеон Полоцкий в «Рифмовторной псалтири» не перевел этих же 19 строк); 27 января 1749 г. он писал В. Н. Татищеву: «Совет о предложении псалмов мне весьма приятен, и сам я давно к тому охоту имею, однако две вещи препятствуют: первое—недосуги... Второе—опасение, ибо я не смею дать в предложении другого разума, нежели какой псаломские стихи в переводе имеют. Так, принявшись предлагать на стихи прекрасный псалом 103, для того покинул, что многие нашел в переводе погрешности...» Не стремясь выдерживать единообразные размеры, «преложение» 14 псалма Ломоносов написал хореем. «Преложение» 14 и 15 псалмов Ломоносов включил в *Риторику, 1748* в качестве примеров «увеличительного распространения слова» (§ 59) и «разделительного силлогизма» (§ 273). В «преложениях» псалмов личные переживания Ломоносова на фоне характерных в барочной поэзии размышлений о тленности суетного мира перерастают в политическую лирику, послужив образцом дальнейших аналогичных использований псалмодической поэзии у поэтов-декабристов.

О да, выбранная из Иова, главы 38, 39, 40, 41 (стр. 91).—*Ломоносов, 1751*, с. 35.—Печ.: *Ломоносов, 1757*, с. 27. Датируется между 1743 и 1751 гг. Вольное переложение отдельных строк из библейской книги Иова.

Драма Иова, который осмеливается свободно и без страха обращаться к богу, ниспославшему ему тяжкие испытания, была особенно близка Ломоносову, подвергавшемуся в 1740-е гг. постоянным нападкам в Академии наук. «Во всем Ветхом завете нет другого образа, который вызывал бы такое доверие и такое чувство облегчения, как Иов, потому, что все в нем так человечно» (С. Кьеркегор).

Утреннее размышление о Божием величестве (стр. 94).—*Ломоносов, 1751*, с. 41.—Печ.: *Ломоносов, 1757*, с. 32. Традиционно датируется 1743 г. (то есть одновременно с «Вечерним размышлением»); на основании метрических особенностей данного стихотворения В. М. Жирмунский выдвинул гипотезу о его написании в 1749—1751 гг.

Горящий вечно Океан...—Ломоносов предвосхищает здесь современные наблюдения фотосферы Солнца; в XVIII в. наблюдать происходящие на поверхности Солнца процессы астрономы не могли.

Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния (стр. 95).—*Риторика, 1748*, с. 252.—Печ.: *Ломоносов, 1757*, с. 34. Датируется 1743 г., но возможна доработка в 1747 г. для *Риторики*.

Там разных множество светов.—Мысль о множественности обитаемых миров Ломоносов пытался обосновать также в своем сочинении «Явление Венеры на Солнце...» (СПб., 1761). *С полных стран встает заря!*—северное сияние. *Как может быть, чтоб мерзлый пар!* / *Среди зимы роздал пожар?*—Учитель Ломоносова, выдающийся физик и философ

Христиан Вольф, полагал, что причину северных сияний следует искать в образующихся в недрах земли «тонких испарениях», в том числе селитряных и сернистых, возгорающихся в небе. Эта малоубедительная теория и вызвала иронический вопрос Ломоносова. *Иль тучных гор верхи горят...*—После необычайного по распространению северного сияния 17 марта 1716 г. группа бреславльских ученых выступила с гипотезой, что северные сияния не что иное, как отражение огней исландского вулкана Геклы в морских северных льдах при их передвижении. *И гладки волны бьют в эфир.*—Ломоносов выдвинул гипотезу об электрической природе северных сияний, подтвержденную лишь в самом конце XIX в.

Письмо к его высокоородию Ивану Ивановичу Шувалову (стр. 96).—*Ломоносов, 1748*, с. 311.—Печ. по этому изданию. Датируется 13 августа 1750 г.

Меж стен и при огне...—Ломоносов говорит о своей работе в химической лаборатории Академии наук, открытой в октябре 1748 г.

«Я знак бессмертия себе воздвигнул...» (стр. 97).—*Риторика, 1748*.—Печ.: *Ломоносов, 1759*, с. 179. Предположительно датируется 1747 г. Переложение тридцатой оды Горация; в дальнейшем тему разрабатывали Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, В. Я. Брюсов и др. В «Риторике» (§ 268) приводился в качестве примера энтимемы (неполного силлогизма).

Авфид—река в южной Италии, на родине Горация. *Давнус*—Давн, легендарный царь Апулии, родины Горация. *Стихи эольски*.—Эолийские стихи считались образцом древнегреческой лирики; в латинской поэзии разрабатывались Горацием. *Апейской лирой*.—Алкей—древнегреческий лирик VII в. до н. э.; писал на эолийском диалекте. *Дельфийским лавром*.—В Дельфах находился главный храм Аполлона, священным деревом которого считался лавр.

«Ночную темнотою...» (стр. 97).—*Риторика, 1748*.—Печ.: *Ломоносов, 1759*. Приблизительно датируется 1747 г. В «Риторике» приведено как пример из Анакреона.

Разговор с Анакреоном (стр. 99).—Российский Парнас, СПб., 1771, ч. 1, с. 26.—Печ. по этому изданию. Датируется предположительно не ранее второй половины 1758 г. и не позднее 31 октября 1764 г. (чтение «Разговора» С. А. Порошиным наследнику престола Павлу Петровичу). Состоит из перевода четырех од, приписываемых Анакреону; на каждую из этих од Ломоносов отвечал оригинальным стихотворением, причем в двух случаях в своих ответах пародировал греческие оригиналы (по одному из сборников переводов анакреонтической поэзии на французский язык начала XVIII в.). *Ода I*.—Переведена Ломоносовым еще в студенческие годы как ода «К лире». *Кадм*—легендарный основатель города Фив. *Ода XXIII*.—В греческом подлиннике названа «К сребролюбцу». *Сенека Люций* (3 до н. э.—65 н. э.)—римский философ-стоик. *Ода XI*.—В греческом подлиннике названа «К самому себе». *Катон Младший* (95—46 до н. э.)—римский политический деятель; сторонник демократической республики, покопчивший самобийством ввиду неизбежности победы Юлия Цезаря (*Кесарь*), стремившегося установить императорскую власть. *Зерном твоей отпала дух*.—По преданию, Анакреон умер, подавившись сухой виноградиной. *Упряжка*.—В письме Г. Н. Теплову от 30 января 1761 г. Ломоносов отмечал как черту своего характера «благородную упрямку и смелость в преодолении всех препятствий к распространению наук в отечестве». *Ода XXVIII*.—В греческом подлиннике названа «К девушке». *Мастер в живописстве первой*—Апелес (IV в. до н. э.). *И повели войнам престать*.—Намек на Семилетнюю войну (1756—1763 гг.).

«Я долго размышляла и долго был в сомненье...» (стр. 103).—Ломоносов М. В. Явление Венеры на Солнце, наблюдаемое в Санкт-Петербургской Академии наук мая 26 дня 1761 года. СПб., 1761.—Печ. по этому изданию. Датируется концом мая или июнем 1761 г. Вольное переложение первых одиннадцати строк сатиры римского поэта Клавдия «Против Руфина», причем Ломоносов существенно изменил смысл переработанных им строк, ибо Клавдий, «наблюдая человеческие дела, торжество злых и угнетение благочестивых», приходил к мысли, что «божество или не существует, или не заботится о нас» (*Ломоносов, ПСС*, т. 8, с. 1125).

Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф, в 1761 году (стр. 104).—Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в прозе

некоторых российских писателей, 1784, ч. XI, с. 150.— Печ. по этому изданию. Датируется летом 1761 г. Вольное переложение анакреонтического стихотворения «К цикаде». Последняя строка отсутствует в оригинале.

А. П. Сумароков (1717—1777)

Александр Петрович Сумароков принадлежал к выдвинувшейся при Петре I ветви потомственной дворянской фамилии. Он получил образование в «шляхетской академии» — Сухопутном кадетском корпусе; здесь же написал первые стихотворения, рукоюясь «Новым и кратким способом к сложению российских стихов» Третьяковского. В начале 1740-х гг. литературные занятия сблизили Сумарокова с вернувшимся из-за границы Ломоносовым. Сумароков сразу же принял предложенную Ломоносовым силлабо-тоническую систему русского стихосложения. Оба поэта участвуют в поэтических состязаниях, объединяются в литературных полемиках, в спорах решают вопросы создания нового литературного языка и стиля. После смерти Ломоносова Сумароков с признательностью вспоминал о тех временах, когда они «всегда согласны были и друг от друга советы принимали, ругаясь несмысленным писцам».

Однако, если Ломоносов и Третьяковский были учеными тружениками, Сумароков принадлежал совсем к иному кругу: с 1743 г. — генераль-адъютант А. Г. Разумовского, брата фаворита Елизаветы Петровны, с 1745 г. — начальник канцелярии привилегированной Лейб-компанской (кавалергардской) роты, с 1756 г. — директор Российского придворного театра. Светский кавалер и автор любовных песен-романсов, навсегда давший театру и создатель первых оригинальных пьес для «кавалерских» спектаклей, Сумароков выступил как выразитель культурных навыков и устремлений послепетровского поколения дворянской интеллигенции. В основном это было столичное дворянство, воспитанное на правилах сословной чести, обладавшее навыками светского общепития. Оно училось в школе немецкого образца, но в еще большей степени было захвачено французским влиянием, господствовавшим в Европе XVIII в. Сумарокову удалось выразить формировавшееся в этой среде мироощущение независимого частного человека. Если Ломоносов и Третьяковский разрабатывали в лирике преимущественно жанр официальной оды, то Сумароков начал с любовной лирики (до 1755 г. он написал всего несколько од). Широкую известность получили его песни (всего их более полутора сотен), заменившие старые канты и вызвавшие массу подражаний. Ломоносов, не одобрявший легкой поэзии, раздраженно замечал, что «вся молодежь, то есть пажы, коллежские юнкера, кадеты и гвардии капралы так ему последуют, что он перед многими из них сам на ученика походит». В 1755 г. в журнале «Ежемесячные сочинения» появились первые элегии Сумарокова, надолго определившие этот жанр как любовный по преимуществу. Здесь же, а потом в своем собственном журнале «Трудолюбивая пчела» (1759) он запечатлел большое количество малых стихотворений, в том числе сонеты, рондо, стансы, триолеты. Сумароков постепенно вывел из области теоретических рассуждений в широкую практику все многообразие лирических форм европейского классицизма, вплоть до новейших. Например, он разработал жанр анакреонтической оды, дав толчок развитию русской анакреонтики. Изящество формы Сумароков считал обязательным для малых лирических жанров. Исключительно разнообразны ритмика и строфика его стихотворений; точность и отточенность выражения мыслей и эмоций были его поэтической программой. По замечанию Пушкина, «Сумароков лучше знал русский язык, нежели Ломоносов».

Самым существенным в стихах Сумарокова, с точки зрения дальнейшего развития русской лирики, было стремление к искренности и конкретизации лирического переживания. В ранней «эпистоле», посвященной задачам поэзии, он писал: «Хладен будет стих, и весь твой плач — притворство, // Когда ты говорит едино стихотворство... Коль хочешь ты писать, то прежде ты влюбись». На фоне в целом довольно декларативной поэзии XVIII в. в его стихах появляется живое личное чувство. Это особенно заметно в стихотворениях, где он касается драматических эпизодов своей писательской биографии, в стихотворных обращениях к друзьям, в переложениях из Псалтыри, которые под его пером превращались в глубоко личную молитву страдающего человека.

Недостаток изображения (стр. 104).—Трудолюбивая пчела, 1759, август, с. 482.

Ответ на оду Василью Ивановичу Майкову (стр. 105).—В брошюре: Майков В. И. Ода о вкусе А. П. Сумарокову. СПб., 1776, с. 4; одновременно в журнале «Собрание разных сочинений и новостей», 1776, май, с. 12. О Майкове см. с. 674—675 наст. изд.

Стихи Дюку Браганцы (стр. 105).—В брошюре: Сумароков А. П. Уведомление.—Эпиграмма.—Дюку Браганцы. СПб., 1774, с. 4. Стихотворение обращено к Дону Хуану, герцогу Браганца (1719—1806), члену португальской королевской семьи и основателю Португальской Академии наук, известному также своими поэтическими сочинениями. Путешествуя по Европе, он в 1774 г. посетил Россию. Сумароков в стихотворении подвергает критике так называемую «климатологическую» теорию происхождения гениальных художников. Согласно ей живость воображения свойственна народам жарких стран; жители Севера обладают вялым темпераментом. *Вильманштранд* (ныне Лаппеенранта в Финляндии)—город на Карельском перешейке, отвоенном при Петре I у шведов фельдмаршалом М. М. Голицыным; близ Вильманштранда квартировал полк отца Сумарокова. *Бельтские реки*—впадающие в Каспийское море (Бельт); в том числе Нева, в устье которой расположен Петербург.

«Жива ли, Каршин, ты?» (стр. 106).—*Сумароков, 1781*, т. 8, с. 175, по не вполне исправной рукописи (конъектуры даны в ломаных скобках). Обращено к Анне-Луизе Карш (1722—1791), немецкой поэтессе, по происхождению дочери деревенского кабатчика. В начале 1760-х гг. ее импровизации пользовались успехом в салонах Берлина; первый сборник ее стихотворений появился в Германии в 1764 г.; ряд ее стихотворений обращен к Фридриху II Прусскому. *Член в ученой сей стране*—с 1756 г. Сумароков был членом Лейпцигского литературного общества. «*Меропя*»—трагедия Вольтера. *Хвалы твои*—в данном случае, в смысле «похвалы тебе». *Тобой зрит свет*—«на твоём примере свет видит». *Сафо* (Сафо, VII—VI вв. до н. э.)—древнегреческая поэтесса.

К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова (стр. 107).—Свободные часы, 1763, апрель, с. 243. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Разные стихотворения. СПб., 1769, с. 204. *Волков* Федор Григорьевич—основатель первой русской драматической труппы, скончался в Москве 5 апреля 1763 г.; *Дмитревский* Иван Афанасьевич (1734—1821)—пресмыкн Волкова в качестве ведущего актера труппы; и с тем и с другим Сумароков сблизился, когда заведовал Российским театром в Петербурге. Последнее выступление Волкова (роль Оскольда) вместе с Дмитревским (роль Ростислава) состоялось в трагедии Сумарокова «Семира» 29 января 1763 г.; заключительные два стиха стихотворения являются автоцитатой из «Семиры» (слова Ростислава, обращенные к Оскольду). *Котурна Волкова*—то есть трагического актера (котурн, особый вид обуви, символ трагического театра). *Пегасов ... источник*—Иппокрена, мифологический источник поэтического вдохновения. *Богиня*—то есть Мельпомена, муза трагической поэзии.

Ода анакреонтическая («Ежели бы можно было...») (стр. 108).—*Сумароков, 1781*, т. 2, с. 224. Подражание эпикурейской поэзии, связанной с именем древнегреческого поэта Анакреонта (Анакреона, ок. 570—487 гг. до н. э.). В русской силлабо-тонической поэзии подражания Сумарокова представляют один из первых опытов белого (безрифменного) стиха.

«Негде в маленьком леску...» (стр. 108).—Чулков М. Д. Собрание разных песен, т. 1. СПб., 1770, с. 85 (без указания автора). Печ. по: *Сумароков, 1781*, т. 8, с. 258.

Песня («Успокой смятенный дух...») (стр. 109).—Трудолюбивая пчела, 1759, ноябрь, с. 702.

Гимн Венере (стр. 110).—Ежемесячные сочинения, 1755, июль, с. 69. Стихотворение воспроизводит размер и строфику од древнегреческой поэтессы Сафо, однако в отличие от образца Сумароков вводит в стих рифму.

Сонет («Не трать, красавица...») (стр. 111).—Там же, июнь, с. 534.

Ода анакреонтическая («Завидны те мне розы...») (стр. 111).—Там же, июль, с. 71.

Ода анакреонтическая («Пляскою своей, любезна...») (стр. 112).— Там же, с. 70.

Станс («Могу ли я сказать...») (стр. 112).— *Сумароков, 1781*, т. 9, с. 99. *Оратель* оратай, пахарь. *Пермские нимфы*— музы.

«Другим печальный стих рождает стихотворство...» (стр. 113).— Трудодобивая пчела, 1759, сентябрь, с. 535. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Элегии любовные. СПб., 1774, с. 5.

«Летите мои вздохи...» (стр. 114).— *Сумароков, 1781*, т. 8, с. 253.

Идиллия («Без Филисы очи сиры...») (стр. 114).— Трудодобивая пчела, 1759, июнь, с. 382.

Песня («Ты сердце полонила...») (стр. 115).— Праздное время, 1760, 26 августа, с. 140.

«Престанешь ли моей докукой услаждаться...» (стр. 115).— Трудодобивая пчела, 1759, июль. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Элегии любовные. СПб., 1774, с. 13.

Песня («Покорив мое ты сердце...») (стр. 116).— *Сумароков, 1781*, т. 8, с. 179.

Москве (стр. 116).— Ежемесячные сочинения, 1755, апрель, с. 356, в подборке переводов Сумарокова под заглавием: «Павла Флеминга, знатного немецкого стихотворца, который был в Москве в 1634 и в 1636 годах при Голштинском посольстве, три сонета, по-русски переведенные. Сонет 3, когда, отправляясь в Персию, по выезде из Москвы увидел издалека ее башни».

Ода («В разлуке мучася тоской...») (стр. 117).— Трудодобивая пчела, 1759, май, с. 285.

«Мы друг друга любим...» (стр. 118).— Там же, ноябрь, с. 681.

«Не грусти, мой свет!..» (стр. 118).— Чулков М. Д. Собрание разных песен, т. 1. СПб., 1770, с. 139. Печ. по: *Сумароков, 1781*, т. 8, с. 260.

Элегия («В болезни страждешь ты...») (стр. 119).— Праздное время, 1760, 19 августа, с. 125. Стихотворение написано в связи с болезнью первой жены поэта, Иоганны Христофоровны Балиор.

Отрывок («Взор твой к злополучию...») (стр. 119).— *Сумароков, 1781*, с. 235.

Рондо («Не думай ты...») (стр. 120).— Трудодобивая пчела, 1759, ноябрь, с. 703.

Песня («Позабудь дни жизни сей...») (стр. 120).— Там же, с. 682.

Дитирамб (стр. 121).— Ежемесячные сочинения, 1755, июль, с. 66. Стихотворение, возможно, является откликом на торжественное собрание в Академии наук 26 апреля 1755 г., посвященное памяти Петра I, на котором М. В. Ломоносов читал свое «Слово похвальное... Петру Великому».

Ода о добродетели (стр. 123).— Трудодобивая пчела, 1759, ноябрь, с. 699. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Духовные стихотворения. СПб., 1774, с. 210 (раздел «Некоторые духовные сочинения»).

«Благополучны дни...» (стр. 124).— *Сумароков, 1781*, т. 8, с. 173. Вероятно, одна из самых ранних русских масонских песен (в середине 1750-х гг. Сумароков состоял членом петербургской масонской ложи).

Ода («Снимешь ли страстей ты бремя...») (стр. 125).— *Сумароков, 1781*, т. 2, с. 212.

Ода... Екатерине Второй... (стр. 126).— Отд.: СПб., 1768. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Оды торжественные. СПб., 1774, с. 65. Стихотворение отражает надежды Сумарокова на либерализацию общественной жизни, связанные с восшествием Екатерины II и созывом ею Комиссии для сочинения проекта Нового уложения (свода законов) в 1767 г. *Отчаянный*— здесь: находящийся в отчаянии. *Курций*— юноша, по преданию пожертвовавший собой, бросившись в пропасть, чтобы укротить гнев богов на римский народ.

О люблении добродетели (стр. 128).— Сумароков А. П. Разные стихотворения. СПб., 1769, с. 46. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Стихотворения духовные. СПб., 1774, с. 214 (раздел «Некоторые духовные сочинения»).

Противу злодеев (стр. 129).— Праздное время, 1760, 2 сентября, с. 153. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Стихотворения духовные. СПб., 1774, с. 216 (раздел «Некоторые духовные сочинения»). *Архилох* (VII в. до н. э.)— древнегреческий поэт; сму

приписывалось изобретение особого литературного жанра «ямбов», резких обличительных стихотворений. *Трохеи* — хорей, стихотворный размер, применявшийся в XVIII в. в основном в любовных песнях и анакреонтической лирике.

Из 35 псалма (стр. 130).—Сумароков А. П. Стихотворения духовные. СПб., 1774, с. 31.

Из 145 псалма (стр. 131).—Там же, с. 158.

К неправедным судьям (стр. 131).—Трудолюбивая пчела, 1759, май, с. 282. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Стихотворения духовные. СПб., 1774, с. 215 (раздел «Некоторые духовные сочинения»).

Сонет. На отчаяние (стр. 132).—Сумароков А. П. Разные стихотворения. СПб., 1769, с. 63. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Стихотворения духовные. СПб., 1774, с. 222 (раздел «Некоторые духовные сочинения»).

Зряще мя безгласна (стр. 132).—Праздное время, 1760, 11 марта, с. 163. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Стихотворения духовные. СПб., 1774, с. 201 (раздел «Некоторые духовные сочинения»). Представляет поэтическое переложение песнопений из православного чина погребения.

Ода («Долины, Волга, потопляя...») (Стр. 133).—Там же, с. 161.

Ода на суету мира (стр. 133).—Свободные часы, 1763, март, с. 172 (под заглавием «Ода к М. М. Хераскову»). Печ. по сб.: Сумароков А. П. Стихотворения духовные. СПб., 1774, с. 207 (раздел «Некоторые духовные сочинения»). О Хераскове см. на с. 672 наст. изд. *Свет только образ колеса* — «колесо Фортуны» в поэтическом употреблении было символом превратности судьбы.

На суету человека (стр. 135).—Трудолюбивая пчела, 1759, август, с. 480 (под заглавием «Часы»); также в сб.: Сумароков А. П. Разные стихотворения. СПб., 1769, с. 57 (под заглавием «СТИШКИ на суету мира»). Печ. по сб.: Сумароков А. П. Стихотворения духовные. СПб., 1774, с. 217 (раздел «Некоторые духовные сочинения»).

Из 3—16—63 псалмов (стр. 136).—Сумароков А. П. Стихотворения духовные. СПб., 1774, с. 225 (раздел «Некоторые духовные сочинения»).

Жалоба (стр. 137).—*Сумароков, 1781*, т. 9, с. 237. Стихотворение имеет автобиографический характер: последние годы жизни Сумарокова прошли в одинокой бедности. *Мошеиник* (мошенник).—Имеется в виду судьба французского поэта Франсуа Вийона (1431—1463), приговоренного за разбой к повешению, но помилованного королем. Этот же сюжет использован в притче Сумарокова «Первый пиит» (там же, т. 7, с. 329).

«Страдай прискорбный дух...» (стр. 137).—Отд. изд.: СПб., 1768. Печ. по сб.: Сумароков А. П. Разные стихотворения. СПб., 1769, с. 210. Стихотворение вызвано запретом на постановку в августе 1768 г. трагедии Сумарокова «Вышеслав» и комедии «Лихоимец». Сумароков описывает в нем свой творческий путь и тяготение к разным поэтическим жанрам в определенные периоды жизни: от любовных песен и элегий (*Эрата* — муза любовной поэзии) к описательной поэзии (идиллии и эклоги), затем к трагедии (*Мельпомена* — муза трагической поэзии и театра), басням, комедиям (*Талия* — муза комедии).

«Все меры превзошла теперь моя досада...» (стр. 139).—*Сумароков, 1781*, т. 9, с. 93. Печ. по сб.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 133. Стихотворение было приложено к отправленной Сумароковым 1 февраля 1770 г. жалобе Екатерине II на московского главнокомандующего П. С. Салтыкова, приказавшего играть не подготовленную актерами трагедию Сумарокова «Синав и Трувор». *Вольтер, письмо твое* — письмо Вольтера к Сумарокову от 26 февраля 1769 г. с похвалами в адрес произведений русского драматурга (текст см.: *Сумароков, 1781*, т. 4, с. 57).

Сонет («Когда вступил я в свет...») (стр. 140).—Ежемесячные сочинения, 1755, июнь, с. 534. В стихотворении использован сюжет, широко распространенный в средневековой европейской литературе.

Последний жизни час (стр. 140).—Сумароков А. П. Стихотворения духовные. СПб., 1774, с. 219 (раздел «Некоторые духовные сочинения»).

Родился в семье священника церкви Василия Блаженного в Москве. Обучался в Славяно-греко-латинской академии, а затем в Московском университете. С особым успехом занимался «словесными науками» под руководством Ломоносова, сделавшись его лучшим учеником в поэзии. Ломоносов высоко отзывался о Поповском, считая, что он «в состоянии искусством своим в чистоте российского штиля и стихотворства приносить Академии наук честь и пользу» (*Ломоносов, ПСС*, т. 9, с. 634). По окончании университета Поповский там же вел преподавательскую деятельность; с 1756 г.—профессор красноречия. Вопреки обычаю читать лекции по-латыни, стал ратовать за преподавание на русском языке.

Из оригинальных стихов Поповского особенно интересна эклога «Начало зимы», содержащая одну из первых развернутых пейзажных зарисовок в русской поэзии. В своих торжественных одах поэт следовал традиции Ломоносова. Основную часть поэтического наследия Поповского составляют переводы, замечательные для своего времени по звучности стиха и выразительности языка. Переводы Поповского из Горация («Искусство поэзии» и оды) в художественном отношении превосходят многие позднейшие переводы. В XVIII в. очень ценился также осуществленный Поповским стихотворный перевод поэмы английского просветителя А. Поупа «Опыт о человеке», оказавший несомненное воздействие на развитие русской философской лирики. В «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новиков сообщал, что Поповский перед смертью сжег часть своих произведений, «почитая недовольно исправными к изданию в свет». Здесь же о Поповском говорилось: «Стихотворство его чисто и плавно, а изображения просты, ясны, приятны и превосходны» (Новиков Н. И. *Избранные сочинения*. М.—Л., 1951, с. 336—337).

Начало зимы (стр. 140).—*Поэты XVIII века*, т. 1, с. 78.—Отрывок из не сохранившейся полностью эклоги, написанной зимой 1750/51 г. 8 мая Ломоносов послал стихотворение И. И. Шувалову, сообщая при этом, что в эклоге «не поправила ни единого слова». ...с поспешностью текы, весну ты возврати...—Иносказательное пожелание Шувалову, которым в это время была недовольна императрица Елизавета Петровна, получить ее прежнюю милость. Символика «зимы» и «весны», «ночи» и «дня» и т. п., обозначавшая разные периоды придворной политики, широко использовалась в поэзии XVIII в.

Из Горация (стр. 141).—Публикуется пять из десяти известных переведенных Поповским од Горация Квинта Флакка (65—8 до н. э.), древнеримского поэта, к творчеству которого русские авторы обращались на протяжении всего XVIII в.: Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов, Муравьев, Капнист, Державин, Дмитриев и многие другие.

«Кто правдой в свете жить радует...» (Книга I, ода XXII).—Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам, переведено с латинского языка Николаем Поповским. СПб., 1753, с. 25. *Гидаспки воды*.—Гидасп—древнегреческое название реки Джелам в Индии. *Савинский лес*—лес в имени Горация Сабинум. *Давния*—Дауния, область в Апулии (на территории Италии), откуда в Рим приходили храбрые воины. *Юбин предел*—Нумидия, древняя страна в северной Африке, на территории Алжира. *Юба* (Гв. до н. э.)—царь Нумидии.

«Сноси напасти терпеливо...» (Книга II, ода III).—Полезное увеселение, 1760, № 2, с. 76.

«Так должно жить, чтоб не пускаться...» (Книга II, ода X).—Там же, с. 77.

«Увы! проходит век крылатый...» (Книга II, ода XIV).—Там же, с. 79.

«Не злато и серебро сияет...» (Книга II, ода XVII).—Там же, № 6, с. 252, с подписью: Н. П. *Хоть Прометей на вымысл славен...*—Попавший в ад Прометей тщетно пытался подкупить Харона, перевозчика, переправлявшего души умерших через реки подземного царства, чтобы тот отвез его обратно на землю. *Потомство Танталов*.—Имеются в виду греки, вождем которых в Троянской войне был Агамемнон, правнук Тантала. *Кочит* (греч. миф.)—одна из рек в подземном царстве.

Сын сподвижника Петра I, механика А. К. Нартова. Обучался в университете при Академии наук, затем в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Был на военной службе; с 1766 г. служил в Монетном департаменте, с 1777 г. стал его вице-президентом, с 1796 г. — президентом Берг-коллегии. С 1750-х гг. выступал в печати как автор стихов и переводчик многочисленных пьес (преимущественно французских). Был почетным членом Академии наук и президентом Российской академии.

Для традиционных одических тем (прославление Петра I и Петербурга) Нартов использовал более камерные формы, избегая давать стихам жанровые определения. Его излюбленная форма — стансы: шести- или четырехстопные ямбические четверостишия, в которых каждая строфа логически завершена.

Похвала Петербургу (стр. 146).— Ежемесячные сочинения, 1756, декабрь, с. 551. Подпись: А. Н. *Дщерь Петрова* — Елизавета Петровна (1709—1761), императрица в 1741—1761 гг. *И с ужасом скажи...* — здесь: и, потрясенный, скажи... *...Ты Риму стал подобен...* — Сопоставляя Петербург с Римом, Нартов следовал уже сложившейся традиции в русской литературе, начатой Феофаном Прокоповичем (его «Слово похвальное в день рождения... великого князя Петра Петровича», 1716).

На вскрытие Невы (стр. 147).— Там же, 1757, апрель, с. 382. Подпись: А. Н. *Знак Овна* — один из знаков Зодиака, по времени года соответствующий марту — апрелю. Молитва (стр. 148).— Полезное увеселение, 1760, май, № 21, с. 206.

Разлучение с любезной (стр. 149).— Ежемесячные сочинения, 1757, январь, с. 95. Подпись: А. Н.

Идиллия. Нисса (стр. 149).— Там же, 1757, март, с. 283. Без подписи.

А. В. Нарышкин (1742—1800)

Происходил из старинного боярского рода. Начал службу камер-юнкером, затем служил при графе Г. Г. Орлове. Участвовал в работе Комиссии по составлению нового Уложения; занимал ряд видных постов; с 1785 г. — сенатор.

Литературная деятельность Нарышкина относится в основном к 1760-м гг. Ему принадлежат стихотворения разных жанров (оды, элегии, притчи и др.). Участвовал в предпринятом Екатериной II переводе романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Велизер» («Велизарий»), перевел несколько статей из французской «Энциклопедии». Был членом Российской академии.

Тематически его стихи близки лирике М. М. Хераскова и других поэтов, сотрудничавших в журналах «Полезное увеселение» и «Свободные часы». В пространных стихотворных «Письмах», которыми Нарышкин обменивался с А. А. Ржевским, содержались рассуждения о суетности жизни и первостепенной ценности добродетели. Н. И. Новиков писал, что стихи Нарышкина «весьма много похваляются за чистоту слога, нежность и хорошие изображения» (Новиков Н. И. Избр. соч. М.—Л., 1951, с. 329).

Сонет («Чтоб счастьем живучи возможным наслаждаться...») (стр. 152).— Полезное увеселение, 1761, № 12, с. 233.

Надпись («Прохожий, пожалей: здесь та погребена...») (стр. 152).— Там же, 1761, № 4, с. 124. Подпись: А. Н.

Брат А. В. Нарышкина. Служил в Сенате, затем стал вице-президентом Берг-коллегии. Участвовал в работе Комиссии по составлению нового Уложения. Печатал свои оригинальные и переводные стихи в журналах 1750—1760-х гг. Перевел с французского ряд прозаических произведений, в том числе статьи из «Энциклопедии». Отдельными изданиями вышли его большие по объему стихотворные «эпистолы», обращенные к Екатерине II.

Сонет («Ты, Боже, справедлив, на ты я уповаю...») (стр. 152).—Полезное увеселение, 1760, июнь, № 23, с. 235, с подписью: С... Н...

Похвала пастушьей жизни (стр. 153).—Ежемесячные сочинения, 1756, сентябрь, с. 283, с подписью: С. Н.

Эклога («Уж солнечны лучи всю землю оживляли...») (стр. 154).—Там же, 1758, август, с. 188, с подписью: С... Н...

Е. В. Хераскова (урожденная Херонова) (1737—1809)

Жена М. М. Хераскова. С 1760-х гг. выступала в печати как автор стихов и как переводчица. Многие современники с похвалой отзывались о ее сочинениях. И. И. Дмитриев вспоминал о супругах Херасковых: «Елизавета Васильевна ... умела пленить нашего поэта своею любезностию, которую она сохранила до самой смерти, и талантом своим в поэзии» (Дмитриев И. И. Соч., т. 2. СПб., 1893, с. 56). Н. И. Новиков писал: «Слог ее чист, текущ, приятен и заключает в себе особливые красоты» (Новиков Н. И. Избр. соч. М.—Л., 1951, с. 360).

Сонет («К чему желаешь ты, о смертный, долгий век?...») (стр. 157).—Полезное увеселение, 1761, июнь, № 22, с. 191, подпись: Е. Х.

Надежда (стр. 157).—Там же, 1761, декабрь, № 22, подпись: Е. Х.

А. А. Ржевский (1737—1804)

Происходил из старинного дворянского рода. Был на военной службе, затем перешел в штатскую. В 1767 г. был избран депутатом Комиссии по составлению нового Уложения. Занимал ряд ответственных и почетных постов: вице-директор Академии наук, президент Медицинской коллегии, сенатор. Состоял членом масонских лож. Будучи членом Российской академии, принимал участие в работе над созданием словаря русского языка.

Поэтическая деятельность Ржевского развивалась под непосредственным влиянием А. П. Сумарокова, с которым он был хорошо знаком. «Я вас начал почитать почти с ребячества, я видел ваши ласки ко мне с тех же пор»,—писал Ржевский Сумарокову в 1769 г. (Отечественные записки, 1858, № 2). Ржевский выступил в печати в конце 1750-х гг., большее количество его стихотворений появилось в 1760-е гг. в журналах М. М. Хераскова «Полезное увеселение» и «Свободные часы», где он сотрудничал одновременно с А. В. и С. В. Нарышкиными, В. И. Майковым, И. Ф. Богдановичем (позднее, в 1783 г., Ржевский на свой счет издал знаменитую поэму Богдановича «Душенька»). Выступая как последователь Сумарокова, он использовал и одический опыт М. В. Ломоносова. Обращаясь к самым разным стихотворным жанрам и формам (ода, элегия, рондо, станс, сонет и т. д.), Ржевский свободно экспериментировал: многие

из его стихов и сейчас поражают своей изощренностью и ритмическим разнообразием. Даже некоторые хвалебные оды Ржевского не вполне традиционны по форме (например, он использует не 4-стопный, а 3-стопный ямб). Еще более необычны его стихи с произвольной тематикой, названные им одами, написанные дактилическими размерами и даже спондеем (спондей — двухсложная стопа, в которой оба слога ударные). Предлагаая читателю разные способы прочтения своих сонетов, Ржевский вовлекал его в остроумную игру идеями, внушая представление о неоднозначности любого утверждения.

Ода... императору Петру Феодоровичу... (стр. 158).—Полезное увеселение, 1762, март, с. 108. *Петр Феодорович* — Петр III, русский император (1761—1762). Одним из указов, изданных Петром III за его недолгое царствование, был знаменитый Указ о вольности дворянства от 18 февраля 1762 г., дававший дворянам ряд привилегий, в частности освобождавший их от обязательной службы. Ржевский, как и многие другие его современники, очень скоро разочаровался в деятельности Петра III и принял участие в дворцовом перевороте 28 июня 1762 г., выступив на стороне Екатерины II.

Ода 1 («Долго ль прельщаться...») (стр. 163).—Полезное увеселение, 1761, апрель, № 13, с. 113. Ода первая по порядку в журнальной подборке из двух од (см. ниже).

Ода 2, собранная из односложных слов («Как я стал знать взор твой...») (стр. 163).—Полезное увеселение, 1761, апрель, № 13, с. 114.

Рондо (стр. 164).—Там же, 1761, май, № 18, с. 154.

Станс («Прости, Москва, о град, в котором я родился...») (стр. 164).—Там же, 1761, сентябрь, № 10, с. 96. *В пустынях* — здесь: в уединении, в отдаленном от Москвы месте.

Станс («Прости, приятно теперь уединенье...») (стр. 165).—Полезное увеселение, 1761, август, № 6, с. 54. *Херасков М. М.* — см. коммент. на с. 672.

Элегия («Рок всё теперь свершил, надежды больше нет...») (стр. 166).—Полезное увеселение, 1760, ноябрь, № 20, с. 185.

Элегия («Престрогую судьбою...») (стр. 168).—Свободные часы, 1763, апрель, с. 203.

Портрет (стр. 169).—Там же, 1763, июнь, с. 358.

Анакреонтические оды (стр. 170).—Там же, 1763, август, с. 421.

Сонет, заключающий в себе три мысли... («Веки не пленю красотой иной...») (стр. 171).—Полезное увеселение, 1761, май, № 18, с. 153.

Сонет, сочиненный на рифмы, набранные наперед («На то ль глаза твои везде меня встречали...») (стр. 171).—Там же, 1761, декабрь, № 24, с. 235.

Сонет, три разные системы заключающий... («Престанем рассуждать: добра во многом нет...») (стр. 172).—Полезное увеселение, 1762, март, с. 119.

Стихи к девице Нелидовой... (стр. 172).—Отд. изд. (СПб., 1773) и Санкт-Петербургские ведомости, 1773, 29 ноября. Написано по случаю спектакля, поставленного воспитанницами Смольного института по опере Г.-Б. Перголези «Служанка-госпожа» во французском переводе П. де Борана. Главные роли (Сербини и Пандолфа) исполняли Екатерина Ивановна Нелидова (1757—1839), впоследствии известная фаворитка Павла I, и Наталья Семеновна Борщова (1758—1843). Их портреты в театральных костюмах были сделаны Д. Г. Левицким.

Стихи девице Борщовой... (стр. 173).—Отд. изд. (СПб., 1773) и Санкт-Петербургские ведомости, 1773, 29 ноября.

В. П. Петров (1736—1799)

Сын священника, рано остался сиротой и рос в крайней бедности. В 1752—1761 гг. обучался в Московской Славяно-греко-латинской академии; в 1761—1767 гг. преподавал в ней. Постоянно занимаясь самообразованием, Петров стал одним из наиболее

разносторонне образованных людей своего времени: он хорошо знал классические и современные языки, изучал богословие и медицину, интересовался естественными науками. С 1761 г. Петров дружил с Г. А. Потемкиным и Н. Н. Бантыш-Каменским; написанная по совету последнего для Н. В. Репнина в 1766 г. «Ода на карусель» чрезвычайно понравилась Екатерине II. Петров был щедро награжден, вызван ко двору и назначен переводчиком при кабинете ее императорского величества и личным чтцом императрицы (с 1768 по 1780 г.). В 1772—1774 г. был командирован «для усовершенствования в науках» в Лондон; на обратном пути посетил Францию, Италию, Германию. С 1780 г. — в отставке с чином надворного советника; жил в деревне, раз в год приезжая в Москву для того, чтобы узнать литературные и научные новости.

Если первые стихотворные опыты Петрова имели подражательный характер, то «Ода на карусель» явилась вехой в истории русской поэзии: в ней Петров сумел соединить торжественность Ломоносова с нарочитой архаизацией поэтической лексики и причудливым словорасположением Тредиаковского. Необычность исканий Петрова на фоне засилья эпигонов сумароковского направления, а также его неожиданное возвышение вызвали неприязнь многих современных ему писателей, что нашло отражение в пародиях и критических отзывах. Мнение Екатерины II по своему «карманному стихотворце» как о преемнике Ломоносова, почти равном ему по таланту, вызвало насмешливый отзыв Новикова. Кроме многочисленных од, лишь отдельные из которых графетны по отношению друг к другу, Петров писал сатирические стихи и дидактические послания, занимаясь переводами (Вергилий, Мильтон). Главным своим трудом Петров считал стихотворный перевод «Энеиды». В глазах современников положение придворного поэта, усугубленное ревностным отношением к своим обязанностям самого Петрова (так, выйдя в отставку, он регулярно посылал Екатерине II свои оды, далеко не всегда печатаемые), заслонило как новаторский характер его поэзии, так и его несомненное поэтическое мастерство — его «Оду на карусель» можно рассматривать как связующее звено между одическим творчеством Ломоносова и Державина. С относительной полнотой стихотворения Петрова были изданы его вдовой и детьми (Сочинения, ч. I—3. М., 1811).

Ода на великолепный карусель... (стр. 173).— Отд. изд.: М., 1766. В 1782 г. ода была существенно переработана (*Поэты XVIII века*, т. I. Л., 1972, с. 326). Датируется июлем—августом 1766 г. Написано по случаю костюмированного придворного праздника — «карусели». Петров находился в то время в Москве и создал оду, основываясь на описании, опубликованном в «Прибавлении к Московским ведомостям» 7 июля 1766 г. *Пактол* — река в Малой Азии, по преданию, богатая золотым песком. *Стрелницы* — девушки с луками, традиционно изображаемые в свите Дианы. *Оспорить щитом лавр мужам*. — То есть пытаются оспаривать у мужчин лавровые венки. *Пергамские стены* — стены Трои. *Те стрелы в крови ядовитой...* — У Одиссея стрелы были отравлены (греч. миф.). *Герой, во блеск славян одет* — генерал-майор граф И. П. Салтыков (1730—1805), возглавлявший на карусели славянскую кадрили (отряд). *Пустынного изгнанца плод* — участник карусели, одетый турком; турки (*чалмоносцы*) считали себя потомками Изамаила, изгнанного в пустыню его отцом Авраамом. *Камилл* Марк Фурий (ум. 365 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель. *Декий* (Деций) Публий Мус (ум. 340 до н. э.) — римский полководец; смерть его во время боя с племенем латинов позволила римлянам одержать победу. *Курий* Марк (ум. 362 до н. э.) — отважный юноша, бросившийся в пропасть и спасший этим Рим. Традиционный для поэзии Ломоносова пример самоотверженности. *Маркелл* (Марцелл) Марк Клавдий (268—208 до н. э.) — римский полководец; в 222 г. в битве с галлами убил их вождя и выиграл сражение. *Там муж украшен сединою*. — Главным судьей карусели был назначен фельдмаршал Б. Х. Миних (1683—1767). *Луна от тех мечтаний тмилась*. — Речь идет об одержанных под командованием Миниха победах над турками в 1739 г. (взятие Очакова, Хотина). *Паллада* — здесь: Екатерина II. *Тех стоном растворенных игр*. — Речь идет о цирковых представлениях (играх) в Древней Греции. *Исфм, Олимп, Пифия, Нимея* — названия мест,

где проходили состязания, воспетые Пиндаром (*фивянин*); последний прославил победителей игр *Демокла, Ферона, Диагора*.

Смерть моего сына (стр. 179).— Сочинения В. Петрова, ч. 3, СПб., 1811, с. 300. Датируется 1795 г. Написано в связи с кончиной сына Петрова—Николая.

М. И. Попов (1742—ок. 1790)

Происходил из купцов. С 1757 г. был актером Придворного театра в Петербурге. В 1765 г. поступил в Московский университет; познакомился с Н. И. Новиковым, принял участие в его сатирическом журнале «Трутень» (1769), а также в журнале М. Д. Чулкова «И то и се». В 1767 г. стал секретарем в Комиссии для сочинения нового Уложения, где числился вплоть до 1780 г. Литературная деятельность Попова разнообразна: ему принадлежит, в частности, первая русская комическая опера («Аннота»), беллетристическое произведение «Славенские древности», прозаический перевод поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» и др. Как и для М. Д. Чулкова, для Попова характерен постоянный интерес к русскому фольклору. В сочинении «Описание древнего славенского языческого баснословия» (1768) Попов пытался воссоздать славянскую мифологию.

В истории русской лирики Попов остался прежде всего как автор песен, имевших большую популярность в XVIII—начале XIX в. В 1765 г. он издал свой первый сборник: «Песни, сочиненные Михайлом Поповым», затем в 1768 г. последовало 2-е издание: «Песни, вновь исправленные и умноженные. Сочинение Михайла Попова», где прежние песни были расположены в иной последовательности и дополнены новыми. Наконец, с некоторыми изменениями они были включены в книгу «Досути, или Собрание сочинений и переводов Михайла Попова» (СПб., 1772, ч. 1—2). Уже после смерти поэта вышел готовившийся им сборник «Российская Эрата, или Выбор наилучших новейших российских песен...» (СПб., 1792, ч. 1—3), куда вошли народные песни и сочиненные Поповым. В предисловии к этому сборнику он писал: «...Любовная песня есть род малая поэмы, в которой описывается некоторое приключение или страсть любящего; но описание сие должно быть кратко, живо, просто, но благородно, ни лирическая пышности, ни комическая низости не имеющее; чтоб огонь его умножал свой пламень постепенно и оканчивался острым и решительным падением».

Любовные песни (стр. 182).— Песни... СПб., 1765. Печ. по кн.: Досути..., ч. 1. СПб., 1772, с. 53. Публикуется 8 песен из подборки, составляющей 21 песню.

Элегия («Едва тебя, мой свет, успела полюбить...») (стр. 188).— И то и се, 1769, № 12. Без подписи. Печ. по кн.: Досути..., ч. 1, с. 81.

Сонет («О небо! для чего родился человек?») (стр. 189).— И то и се, 1769, № 12. Без подписи. Печ. по кн.: Досути..., ч. 1, с. 19.

Ф. И. Дмитриев-Мамонов (1727—1805)

Происходил из одного из древнейших в России дворянских родов. Племянник гвардии капитана Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова (старшего), дядя которого был женат на племяннице Петра I, Прасковье Иоанновне, сестре императрицы Анны Иоанновны. С ранних лет рос сиротой, получил домашнее образование. Служил в Нарвском пехотном полку (с 1762 г. — полковник). При подавлении чумного бунта в Москве в 1771 г., попытавшись спасти захваченного бунтовщиками архиепископа Амвросия (Зергис-Каменского), получил тяжелую черепно-мозговую травму. По болезни вышел в отставку с чином бригадира и жил в Москве, занимаясь составлением коллекции из самых разнообразных предметов, которую попытался сделать общедоступным

музеем. Ввиду многочисленных толков о странностях в поведении Дмитриева-Мамонова, а также по жалобе жены, возмущенной неимоверными тратами мужа, указом Екатерины II он был в 1779 г. лишен права распоряжаться своим имуществом, а имения его были взяты в опеку. Впоследствии почти безвыездно жил в своем смоленском имении Баранов, всецело посвятив себя литературным (переводы Овидия и др.) и научным (примитивные космогонические построения) занятиям.

Главным своим произведением Дмитриев-Мамонов считал «аллегорию» «Дворянин-философ» (1769) — дидактическое сочинение об уединенно живущем дворянине, размышляющем в своем поместье над устройством Солнечной системы; толчком к ее созданию, вероятно, послужил «Микромегас» Вольтера. Собственно литературная деятельность Дмитриева-Мамонова («Поэма Любовь», 1771; перевод «Любви Психи и Купидона» Ж. Лафонтена, 1769) не привлекала внимания современников. Удивление вызывали лишь способы саморекламы Дмитриева-Мамонова: изготовлением им медали со своим портретом, выпуск своих сочинений непременно цельногравированными изданиями в лист, а также содержание ряда «почитателей», ранее литературным трудом не занимавшихся, но бодро слагавших в его честь издаваемые им «оды», «эпистолы», «панегирики» — неумело переделанные в честь «покровителя» переделки псалмов Ломоносова и «Оды на карусель» Петрова. Историки литературы традиционно видели в Дмитриеве-Мамонове лишь графомана, не замечая, что его литературная продукция представляет собой достаточно стройную и последовательную систему. Так, его более чем двадцатилетнее затворничество в Баранове полностью соответствует канону идеального жития «дворянина-философа», описанного в одноименной аллегории 1769 г.

Эпистола к красавицам (стр. 190). — Поэма Любовь. М., 1771, с. 61. Датируется не позднее 1771 г. В этом стихотворении, представляющем самостоятельный фрагмент «поэмы», речь идет о знаменитом суде Париса (*князь из Иллиона*). *Сад измыслен в Геспериде*. — Сад Гесперид (греч. миф.).

Эпиграмма к попугаю (стр. 191). — Поэма Любовь, с. 80. Датируется не позднее 1771 г.

Мадригал (стр. 191). — Поэма Любовь, с. 77. Датируется не позднее 1771 г.

Н. Е. Струйский (1749 — 1796)

Происходил из старинного дворянского рода. В 1763—1771 гг. одновременно с Г. Р. Державиным служил в Преображенском полку, откуда вышел в отставку с чином прапорщика, поселился в своем имении Рузаевка Пензенской губернии (ныне — Мордовской АССР) и всецело посвятил себя стихотворству. В верхнем этаже своего дома Струйский устроил кабинет, названный им Парнасом, где проводил целые дни за сложением од и «эротид» (так Струйский называл стихотворения любовной тематики); посторонние в этот кабинет не допускались. В 1788 г. завел в Рузаевке одну из лучших в России по уровню полиграфического оборудования типографий, где крепостные печатали исключительно его собственные стихи; часть тиража «Блафона» (1791) — гравюры, изображающей плафон залы в усадьбе Струйского с его пояснениями — была отпечатана на шелку. Как поэт, Струйский находился под сильным влиянием Сумарокова («Апология к потомству от Николая Струйского, или Начертание о свойстве права Александра Петровича Сумарокова...». СПб., 1784), чьи трагедии он заставлял крепостных выучивать наизусть под угрозы расправы. Известие о кончине Екатерины II произвело на Струйского такое впечатление, что у него случился паралич, он заболел горячкой и скончался. Струйский приходился дедом поэтам А. П. Полежаеву и Д. Ю. Струйскому (псевдоним: Триуанный).

Стихи на себя (стр. 192). — Сочинения Николая Струйского. СПб., 1790, с. 147.

Сын знатного валашского боярина, переселившегося в Россию, родился в Переяславле на Полтавщине. Образование получил в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, куда был принят 30 декабря 1743 г. и откуда в 1751 г. был выпущен в пехотный полк подпоручиком. В 1755 г. Херасков перешел на статскую службу и был зачислен в Коммерц-коллегию, но уже через несколько месяцев уехал в Москву, где с июля 1756 г. приступил к исполнению должности асессора в незадолго до того (1755) открытом университете. Круг обязанностей Хераскова быстро расширялся: помимо надзора за студентами, что предполагала его должность, в его ведение были переданы университетская библиотека (1756), типография (1757), минералогический кабинет (1759) и театр (1761), а также было поручено наблюдение за Московской синодальной типографией (1758). Он организовал издание при университете журналов «Полезное увеселение» (1760—1762) и «Свободные часы» (1763); вокруг них объединилась большая группа молодых литераторов, главным образом поэтов из числа студентов (И. Ф. Богданович, А. Г. Карин, Д. И. и П. И. Фонвизины, В. Д. Санковский и др.) и не принадлежавших к университету лиц (В. И. Майков, А. А. Ржевский, В. Г. Рубан и др.); дом Хераскова стал центром литературной жизни Москвы. С 10 июня 1761 г. Херасков замещал ушедшего в долговременный отпуск директора университета и через два года, 13 июня 1763 г., был официально назначен на этот пост, на котором самым значительным в общественном смысле из проведенных им мероприятий был переход преподавания с латинского и немецкого языков на русский (1768). В 1770 г. Херасков был определен вице-президентом Берг-коллегии (управления казенных горных заводов) и переехал в Петербург; там вокруг него также образовался литературный кружок, издававший журнал «Вечера» (1772—1773), в котором участвовали и некоторые бывшие сотрудники «Полезного увеселения» и «Свободных часов» (В. И. Майков, А. А. Ржевский, И. Ф. Богданович). Под покровительством Хераскова приобщался в эти годы к поэтическому творчеству юный М. Н. Муравьев. В 1775 г. Херасков был уволен в отставку без сохранения жалованья, но эта явная опала, вызванная невыясненными причинами, длилась недолго, и уже 28 июня 1778 г. он вступил в должность куратора Московского университета. Его важнейшими просветительскими начинаниями, сыгравшими огромную роль в общественной и культурной жизни России, были учреждение при университете Благородного пансиона, где учились многие выдающиеся люди, и передача университетской типографии в аренду Н. И. Новикову на десять лет. Продолжал функционировать салон Херасковых, через который проходили уже молодые писатели нового поколения, в том числе Н. М. Карамзин. Гонения и репрессии 1780—1790-х гг. не коснулись непосредственно Хераскова, хотя он занимал видное место среди масонов и активно им содействовал. В 1802 г. он вышел в отставку.

В творчестве Хераскова отчетливо прослеживается движение от классицизма к сентиментализму. Главными его произведениями были эпические поэмы. Он был плодовитым драматургом, написавшим и переведшим 20 трагедий, комедий и «слезных драм»; его перу принадлежит и несколько романов, философско-нравоучительных, политических, любовно-авантюрных, в которых через масонскую символику раскрывалась история человеческой души.

Расцвет лирического творчества Хераскова пришелся на 1760-е гг. В «Полезном увеселении» и «Свободных часах» он напечатал около 190 стихотворений и в это же десятилетие выпустил несколько сборников («Новые оды», 1762; «Нравоучительные басни», 1764; «Философические оды или песни», 1769). Его лирика по преимуществу нравоучительная, но очень разнообразная в жанровом отношении. Ее основные мотивы и темы: бренность земного существования, ничтожество человека и бессилие разума, проповедь добродетелей, противопоставление развратного города скромной сельской жизни. Поэт многократно возвращается к одним и тем же темам, экспериментируя в разных жанрах и стихотворных размерах. Отказавшись от высокого одического слога Ломоносова, он стремится к гладкой, разговорной легкости стиха. Ранняя любовная

лирика Хераскова часто несет следы поэтической условности и штампов. Херасков написал также большое число од и стихотворений на различные официальные случаи.

Станс, сочиненный в Санкт-Петербурге в 1761 году (стр. 194).—Полезное увеселение, 1761, май, № 19, с. 168. Подпись: М. Х.

Прибаска («Не пышною славою...») (стр. 194).—Полезное увеселение, 1761, август, № 8, с. 72. Подпись: М. Х.

Сонет и эпитафия (стр. 195).—Ежемесячные сочинения, 1755, август, с. 166. Подпись: М. Х.

Станс («Все на свете сем преходит...») (стр. 196).—Полезное увеселение, 1760, январь, № 1, с. 15. Подпись: Сочинения Михаила Хераскова.

Станс г. Руссо (стр. 197).—Полезное увеселение, 1760, январь, № 4, с. 63. Подпись: М. Х. Перевод стихотворения французского поэта Жана-Батиста Руссо (Rousseau, 1670—1741) «Stances».

Молитва (стр. 197).—Полезное увеселение, 1760, июнь, № 21, с. 208. Подпись: М. Х.

«Пространный круг веков подобен Океану...» (стр. 198).—Полезное увеселение, 1761, январь, № 1, с. 1. Подпись: М. Х.

Время (стр. 199).—Полезное увеселение, 1761, ноябрь, № 20, с. 179. Подпись: М. Х. *...я, тебя представляя, трачу ум.*—Представляя тебя, я теряю разум, то есть мой разум неспособен тебя представить.

Стансы («Только явятся...») (стр. 199).—Полезное увеселение, 1761, июнь, № 22, с. 186. Подпись: М. Х.

Злато (стр. 201).—Полезное увеселение, 1760, апрель, № 16, с. 161. Подпись: М. Х.

Анакреонтические оды (стр. 201).—Херасков М. М. Новые оды. М., 1762. Печ. по кн.: Херасков М. М. Творения, ч. 7. М., 1800, с. 229, 245, 253, 258, 264, 269, 275, 281, 289, 305. (В дальнейшем: *Херасков М. М. Творения.*)

I. К своей лире. *...В простом своем уборе...*—В нерифмованных стихах, написанных четырехстопным хоресом и трехстопным ямбом, как закрепилось в поэтической практике сумароковской школы на рубеже 1750—1760-х гг. *...перед очами Разумной россиянки.*—«Новые оды» были посвящены Екатерине Романовне Дашковой (1743—1810). *...Конечно ненавидит.*—Ненавидит вас, «до конца». Ср. в этом значении в стихотворении «Идиллия».

V. О светлых желаниях. *...за тою...*—за тленностью.

IX. Искренние желания в дружбе.—В первом издании ода имела подзаголовок: «К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому>». *Безумным людям*—безрассудным, глупым, неразумным.

X. О важности стихотворства. *...девять сестр парнаских...*—музы. *...остры мысли...*—острый, пронизывательный ум.

XIII. «Гебе приятны более...» *...Гремящей лиры песни...*—оды Ломоносова, которым Херасков и его единомышленники противопоставляли поэзию Сумарокова. *Удивление*—риторические вопросы.

XV. О разуме. *...глубоки искн...*—тайные искательства, проницательство. *Отменяться*—отличаться.

XXV. О злате. *...достойным||Лишь то одно почитению...*—лишь то почитается достойным...

Оды нравоучительные (стр. 216).—Херасков М. М. Философические оды или песни. М., 1769. Печ. по кн.: *Херасков М. М. Творения*, с. 327, 329, 353, 361.

VI. К А. А. Р.—Стихотворение посвящено А. А. Ржевскому (см. коммент. на с. 667). *Но лики велегласны. Со всех сторон гремят...*—гремят торжественные хоры (имеется в виду обстановка столничной жизни).

Апрель (стр. 220).—Собеседник любителей российского слова, 1783, ч. 1, с. 58. Подпись: М. Х.

Сонет («Коль буду в жизни я наказан нищетою...») (стр. 221).—Полезное увеселение, 1760, июль, № 2, с. 17. Подпись: М. Х.

Элегия (стр. 222).—Полезное увеселение, 1761, июль, № 26, с. 224. Подпись: М. Х.

Идиллия (стр. 222).—Полезное увеселение. 1761, декабрь, № 22, с. 208. Подпись: М. Х. *Конечно* — полностью, целиком.

Пастушка (стр. 223).—Свободные часы, 1763, февраль, с. 92. Подпись: М. Х.

Песенка (стр. 223).—Свободные часы, 1763, апрель, с. 252. Подпись: М. Х.

Преображать — изменять.

Ответ на песенку (стр. 224).—Свободные часы, 1763, апрель, с. 252.

Подпись: М. Х.

Ответ на вопрос (стр. 224).—*Аониды*, 1796, ч. I, с. 82. Подпись: Х.

Лица (стр. 225).—*Аониды*, 1796, ч. I, с. 83 (под заглавием: «Птичка»). Подпись: Х. Печ. по кн.: *Херасков М. М. Творения*, с. 398. Пунктуация строки 7 — по первой публикации.

От Т. Р. Н-л...не и А-л...не М...цким (стр. 225).—Приятное и полезное, 1797, ч. 13, с. 208. Т. Р.—творец «Россиады», то есть Херасков. Стихотворение служит ответом Н. Л. и А. Л. Магницким, напечатавшим в этом же журнале хвалебные стихи Хераскову (см. с. 549 и коммент.). *Магнитной некой силой*.—Обыгрывается фамилия Магницких. *Усердия цветок*.—Цитата из стихотворения А. Л. Магницкой (см. с. 549). *Мой бюст... вовек не сокрушится*.—Речь идет о стихотворении Н. Л. Магницкой (см. с. 000).

Стихи. Подражание французским («Если то тебе приятно...») (стр. 226).—Модное ежемесечно издание, 1779, ч. 2, май, с. 107—108. Печ. по: *Херасков М. М. Творения*, с. 390. Перевод стансов Вольтера «К г-же дю Шатле» («A Madame du Châtelet», 1741).

Прошедшее (стр. 227).—Вестник Европы, 1806, март, № 6, с. 104. Подпись: М. Х-в.

Псалом (стр. 228).—Печ. по кн.: Избранные псалмы св. царя и пророка Давида, переложенные стихотворною речью известными русскими поэтами. М., 1895, с. 65. Переложение псалма 64. Это лирическое стихотворение Хераскова пользовалось особенно большой и длительной популярностью. ...в Сионе...—Название холма, на котором располагался древний Иерусалим, означает также в библейской фразеологии царство божие; согласно Апокалипсису, после Страшного суда праведники будут жить вместе с богом в «святом граде». ...твой агнец златорунный...—В христианском учении «агнец божий» символизирует Иисуса Христа, принесшего себя в жертву и искупившего грехи людей. *Псалтирями десятиструны*...—Псалтырь (или псалтерион) — древнееврейский многострунный музыкальный инструмент.

В. И. Майков (1728—1778)

Родился в Ярославской губернии в семье отставного военного и сам служил (с 1747 г.) в Семеновском полку, который нес караул в петербургских и пригородных дворцах.

В Петербурге Майков сблизился с актерами и драматургами (А. П. Сумароковым, И. П. Елагиним), ближе сошелся с известным актером Ф. Г. Волковым, сценическая карьера которого началась в Ярославле при материальной поддержке отца В. И. Майкова.

В 1761 г. Майков вышел в отставку и поселился в Москве. Здесь он стал членом общества литераторов, объединившихся вокруг М. М. Хераскова и его журнала «Полезное увеселение» (см. коммент. на с. 671). Общение с талантливыми поэтами, драматургами, актерами продолжилось и в Петербурге, куда переехал Майков, назначенный на должность прокурора Военной коллегии.

Литературную известность В. И. Майкову принесли пародийные поэмы «Игрок ломбера» (1763) и, особенно, «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771), о которой восторженно отзывался А. С. Пушкин.

В лирических стихотворениях Майкова сказалось влияние торжественной лирики М. В. Ломоносова. Главное достоинство поэзии Майков видел в чистоте, ясности слога и глубоко содержании — «разума богатстве». А. П. Сумароков, высоко ценивший поэзию Майкова, считал, что тот близок к совершенству: «Тебе на верь горы один остался шаг». (См.: Ирои-комическая поэма. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1933, с. 91.)

Многие лирические произведения Майкова обращены к его друзьям-литераторам и являются как бы продолжением их разговоров о литературе и о жизни. Главный мотив, подчеркнутый Майковым в его переложениях псалмов — выражение надежды человека, связанной с упованием на бога.

Последние годы жизни поэт провел в Москве, где служил в Оружейной конторе, ведавшей царскими драгоценностями и убранством Кремля.

Переложение псалма 81 (стр. 229).— Разные стихотворения Василия Майкова. Кн. I. СПб., 1773, с. 16. Этот псалом позднее переложил Г. Р. Державин под названием «Властителям и судиям» (см. коммент. к с. 296). ...*наследуй меж языки* — то есть царствуй между народами.

Ода о суете мира, писанная к Александру Петровичу Сумарокову (стр. 230).— Собрание новостей, 1775, декабрь, с. 39. Печ. по кн.: *Майков, 1966*, с. 39. Майков высоко ценил Сумарокова, считал его своим учителем в поэзии. Ода написана в то время, когда Майков стал членом религиозного масонского общества, и содержит характерные масонские тезисы о скоротечности земного существования.

Ода преосвященному Платону... (стр. 232).— Опыт трудов Вольного российского собрания при Императорском Московском университете, 1778, ч. 4, с. 299. Платон (Левшин П. Е., см. коммент. к с. 506) был одним из учителей Павла Петровича, наследника престола. Высокообразованный человек, Платон поддерживал знакомство со многими писателями.

Ода «Надежда» (стр. 234).— Сочинения и переводы В. И. Майкова. С портретом автора, со статьею о его жизни и сочинениях и примечаниями Л. Н. Майкова. Редакция издания П. А. Ефремова. СПб., 1867, с. 526.

Ода «Счастье» (стр. 236).— Утренний свет, ч. I. СПб., 1777, с. 159. В примечании указано, что она «писана к его превосходительству Михаилу Матвеевичу Хераскову». ...*Александр иль Диоген*...— По легенде Александр Македонский спросил греческого философа Диогена, жившего в бочке и привыкшего довольствоваться малым, нет ли у него какой-либо просьбы, на что философ ответил: «Не заслоняй мне солнца». В моралистической литературе XVIII в. Александр и Диоген часто противопоставлялись. *Аристотель* (384—322 до н. э.)— греческий философ, воспитатель Александра Македонского. ...*Тьмы других ему миров* — то есть не завоеванные еще страны.

«Во златой век на Севере...» (стр. 238).— Сочинения и переводы В. И. Майкова, с. 502. Печ. по кн.: *Майков, 1966*, с. 296. Датируется по содержанию 1769 г., временем первой летней кампании русско-турецкой войны, 29 августа 1769 г. генерал-аншеф князь А. М. Голицын, командуя русской армией, разбил войска виэиря Молдаванжи и взял крепость Хотин. Написано «русским размером» в подражание народным стихам. Событиям русско-турецкой войны Майков посвятил более двадцати стихотворений. *Мустафа-султан* — Мустафа III (1717—1774), султан Турции с 1757 г.

Война (стр. 239).— Вечера, ч. 2, 1773, с. 91. Стихотворение написано в связи с польскими событиями 1768—1769 гг., когда Россия ввела в Польшу войска, чтобы прекратить ужасы «мятежей» — польскую гражданскую войну. Это единственное произведение в поэзии XVIII в., в котором изображаются, иногда с натуралистическими подробностями, картины разрушений и бедствий, причиняемых оружием. Майков призывает поляков прекратить «неправедные брани» и подчиниться русской императрице.

Родился на Украине, в небогатой дворянской семье. С детства полюбил поэзию, увлекшись сочинениями М. В. Ломоносова.

В 15-летнем возрасте познакомился с М. М. Херасковым и, поселившись в его доме, начал заниматься переводами с французского и немецкого языка. В журнале Хераскова «Полезное увеселение» были впервые напечатаны стихи Богдановича.

С 1763 г. И. Ф. Богданович служил переводчиком Иностранной коллегии в Петербурге. В это время он сблизился с группой дворян-либералов, возглавляемой Н. И. Паниным, воспитателем будущего императора Павла I. Вскоре Богданович занялся журналистской деятельностью. Он редактировал «Санкт-Петербургские ведомости», издавал журнал «Собрание новостей», в котором высказался о необходимости смягчения крепостного права и уничтожения барщины.

Необычайный успех имела поэма Богдановича «Душенька», после издания которой (1783) он снискал благосклонность Екатерины II. Впоследствии Богданович написал множество салонно-развлекательных пьесок, балетных либретто и порицал любые выпады против официальной правительственной политики.

С 1780 г. до выхода в отставку (1796) Богданович служил в Государственном архиве, а затем поселился в Сумах, в семье брата. Намрение поэта жениться на молодой девушке поссорило его с родственниками. Свадьба не состоялась. Свои последние годы Богданович провел в Курске, живя на небольшую пенсию.

В лирических стихотворениях Богдановича сквозь привычные стихотворные формы проступает личность поэта. Образ несчастного страдающего человека, а не ветхозаветного пророка ощущается и в таком строго регламентированном жанре, как переложении псалмов. Стремясь выразить в поэзии свои чувства и мысли, Богданович пробует силы в различных лирических жанрах, многие стихотворения по несколько раз перерабатывает.

Лирика Богдановича была одним из шагов к созданию русской романтической поэзии.

«Господь меня блюдет...» (стр. 243).—Полезное увеселение, 1760, декабрь, № 25, с. 226 (с подзаголовком «Ода. Из псалма 22»). В дальнейшем Богданович переработал стихотворение, стремясь более точно воспроизвести стиль библейской поэзии. Печ. по изд.: *Лира*, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя. СПб., 1773, с. 83 (далее: *Лира*).

«Бедами смертными объят...» (стр. 244).—Полезное увеселение, 1761, апрель, № 16, с. 141 (под названием «Сонет»). Позднее Богданович изменил окончание стихотворения и поместил его в разделе «Оды духовные из разных псалмов Давыдовых». Печ. по изд.: *Лира*, с. 88.

«О, Боже! наше ты прибежище и сила...» (стр. 244).—Полезное увеселение, 1761, сентябрь, № 9, с. 77. При следующей публикации (1773) Богданович опустил три строфы, в которых смерть изображалась как вечное блаженство и избавление человека от земных страданий. Стихотворение является подражанием 89-му псалму. Печ. по изд.: *Лира*, с. 85.

«О ты, земли и неба царь!..» (стр. 244).—Полезное увеселение, 1761, сентябрь, № 9, с. 78 (под названием «Сонет»). Печ. по изд.: *Лира*, с. 89.

«Не стремись, добродетель, напрасно...» (дактилическими стихами) (стр. 245).—Полезное увеселение, 1761, октябрь, № 14, с. 126 (под названием «Станс»). Позднее Богданович переработал стихотворение и сократил его, опустив 6 строф, детализировавших обобщенные мысли, выраженные в окончательном варианте. Печ. по изд.: *Лира*, с. 86.

Эклога (стр. 245).—Полезное увеселение, 1761, октябрь, № 14, с. 125. При следующей перепечатке автор заменил имя героини Пелиса на Кларису. Печ. по изд.: *Лира*, с. 49.

Эпиграммы I—III (стр. 246).—Полезное увеселение, 1761, октябрь, 16, с. 144.

Ода из Анакреона XIV (стр. 247).—Ползное увеселение, 1761, декабрь, № 24, с. 240. *Эрот* — в греческой мифологии — бог любви. *Ахиллес* герой Троянской войны. О подвигах Ахиллеса рассказывается в поэмах Гомера.

Страх любви (стр. 248).—Невинное упражнение, 1763, № 3, с. 113 (под названием «Мадригал»). Печ. по изд.: *Лира*, с. 53.

Опасный случай (стр. 248).—Невинное упражнение, 1763, № 3, с. 114 (под названием «Басня»). Печ. по изд.: *Лира*, с. 64. *Купидо* — Купидон, бог любви у римлян.

Стихи к Климене (стр. 248).—Цикл стихотворений, посвященных Климене, Богданович составил из произведений, не имевших общего адресата и напечатанных в разное время. Мадригал «Тот счастлив, кто богат...» — Невинное упражнение, 1763, № 4, с. 206. «Всечасно страсть моя, Климена, возрастает...» и «Приятна молодость тебя, Климена, учти...» составляли одно стихотворение. — Невинное упражнение, 1763, № 5, с. 203. «Чтоб счастливым нам быть...» — Невинное упражнение, 1763, № 6, с. 300. «Младенец, нежный бог...» — Печ. по изд.: *Лира*, с. 51.

Ода в честь красоте. Другая ода, с теми же рифмами, против красоты (стр. 250).—Невинное упражнение, 1763, № 6, с. 298. Печ. по изд.: *Лира*, с. 70—71. Писать стихи на заданные рифмы было для поэтов XVIII в. своеобразной словесной игрой. До Богдановича стихи на одни и те же рифмы, но с противоположным смыслом писал А. А. Ржевский (см. с. 171). Авторские отточия в тексте стихотворения подчеркивают повторяющиеся рифмы.

Идиллия (стр. 251).—Невинное упражнение, 1763, № 6, с. 302 (под названием «Разлука. Анакреонтовыми стихами»). Печ. по кн.: Сочинения Ипполита Федоровича Богдановича, ч. III, М., 1810, с. 37. Далее: *Соч. Богдановича*.

Песня («Пятнадцать мне минуло лет...») (стр. 252).—*Лира*, с. 75. Цифра 2 указывает, что при пении последний стих каждой строфы должен повторяться. В 1790-е годы это стихотворение включалось в рукописные песенники.

Песня («Много роз красивых в лете...») (стр. 254).—Новые ежемесячные сочинения, ч. 8, 1786, с. 68. Печ. по кн.: *Соч. Богдановича*, ч. III, с. 37. *Амур* и *Психея* — о любви Амура, сына Афродиты, и Психеи рассказывается в греческой мифологии, а также в «Метаморфозах, или Золотом осле» Апулея.

Станс («Без тебя, Темира...») (стр. 254).—Новые ежемесячные сочинения, 1790, № 2, с. 21.

Станс к Дмитрию Григорьевичу Левицкому (стр. 255).—Собеседник любителей Российского слова, ч. 4, 1783, с. 31. Стихотворение написано в связи с завершением Д. Г. Левицким (ок. 1735—1822) работы над портретом Екатерины II — «законодательницы», которую и называет «российским божеством» Богданович. Печ. по кн.: *Соч. Богдановича*, ч. II, с. 217.

Станс к Михаилу Матвеевичу Хераскову (стр. 255).—Собеседник любителей Российского слова, ч. 13, 1784, с. 3. Этот станс ответ на строки из стихотворения М. М. Хераскова «Ее сиятельству княгине Екатерине Романовне Дашковой» (Собеседник любителей Российского слова, ч. 6, 1783), в котором автор одобрительно отозвался о поэме Богдановича «Душенька» и дал ему некоторые советы. Печ. по кн.: *Соч. Богдановича*, ч. II, М., с. 211. *Паллада* — Афина Паллада, в греческой мифологии покровительница мирного труда, наук, богиня плодородия. *Священны Нумыны уставы...* — В романе Хераскова «Нума Помпилий, или Провлетающий Рим» (1768) изображен идеальный просвещенный монарх Нума Помпилий. *Пильпай, Федры, Лафонтены...* — Пильпай, или Видпай — легендарный древнеиндийский составитель сборника басен. Федр (I в. н. э.) — римский баснописец. Лафонтен — французский поэт XVIII в., автор басен и сказок. *Во храм ли вступишь Мельпомена...* — Мельпомена (греч. «поющая») — муза трагедии. Иносказательно, в том числе и здесь театр вообще.

Стихи к музам на Сарское Село (стр. 256).—*Соч. Богдановича*, ч. II, с. 186. Написано, по-видимому, в 1790-е гг.

Сын псковского вице-губернатора. Учился в гимназии при Академии наук, затем служил переводчиком, сначала на гражданской службе, потом на военной.

В 1773 г. Княжнина судили за растрату казенных денег. Он был «скован в ножные желез» и ожидал смертной казни. Приговор был смягчен благодаря заступничеству графа К. Г. Разумовского, напомнившего императрице, что половину денег Княжнин смог возвратить, а оставшуюся сумму готов внести за него поручик Ф. Шиловский. Княжнин был лишен чина, дворянского звания, имения и исключен со службы. Чин капитана и должность были возвращены ему через четыре года. С 1778 г. до конца жизни Княжнин служил секретарем при видном сапожнике, попечителе просветительских и воспитательных учреждений И. И. Бецком.

Расцвет литературной деятельности Княжнина приходится на конец 1770-х — 1780-е гг., когда «расстроены обстоятельства», казалось, были позади и на сцене с большим успехом шли его трагедии, комедии и комические оперы. Княжнин в эти годы находится на вершине славы. В его доме собираются писатели, артисты, любители литературы и театра. Он женится на поэтессе Екатерине Александровне Сумароковой, дочери известного писателя. В 1783 г. его избирают в члены Российской академии.

В лирических произведениях Княжнин воспевает любовь, утверждает превосходство «благородного сердца», живущего повседневными заботами, над теми, кто, подавшись мирской суете, упивается ласкью и богатствами. Он создает поэтические образы, удивляющие своей простотой и выразительностью.

Умер он внезапно — вскоре после запрещения к постановке его тираноборческой трагедии «Вадим Новгородский». В обществе возникла версия, что смерть Княжнина была следствием пыток, учиненных над ним в тайной канцелярии.

Утро (стр. 257).— Академические известия, ч. 1, 1779, с. 301, без подписи. Печ. по кн.: Собрание сочинений Якова Княжнина, изд. 1-е, т. 4. СПб., 1787, с. 160. Далее: *Собр. соч. Коши вывозят дней царя...*— Согласно греческой мифологии, бог солнца Феб выезжал на колеснице. *Сфинкс, опустошавший Фивы...*— Легендарное крылатое чудовище с львиным туловищем и головой женщины. Сфинкс обитал близ Фив на скале и убивал путников, которые не могли разгадать загадку.

Стансы Богу (стр. 261).— Санкт-Петербургский вестник, 1780, № 6, с. 83, без подписи. Печ. по кн.: *Собр. соч.*, т. 4, с. 157. Н. А. Добролюбов считал, что «по теплоте чувства и по чисто христианскому взгляду на бога, единственно как на высочайшую любовь», это стихотворение стоит «гораздо выше знаменитой оды Державина», то есть оды «Бог» (Добролюбов Н. А. *Собр. соч.*, т. 1. М.—Л., 1961, с. 251).

Вечер (стр. 263).— Зеркало света, ч. 5, 1787, с. 513, без подписи. Печ. по кн.: *Собр. соч.*, т. 4, с. 245.

Воспоминание старика (стр. 266).— *Собр. соч.*, изд. 2-е, т. 5. М., 1803, с. 241. Написано около 1790 г. *Себя Парисом воображал.*— Греческий миф о суде Париса, который должен был вручить одной из богинь яблоко с надписью «прекраснейшей», послужил темой для многих литературных произведений. ...*смотрели из рук*— то есть из-под руки.

Стансы на смерть (стр. 270).— *Собр. соч.*, изд. 2-е, т. 5. М., 1803, с. 236. Написано около 1790 г. *Сокровищ Крезовых акая...*— мечтая уподобиться лидийскому царю Крезу (VI в. до н. э.), считавшемуся одним из богатейших людей древности. Имя Креза стало нарицательным.

Е. И. Костров (1755—1790)

Происходил из экономических (монастырских) крестьян. Обучался в Вятской семинарии, в Московской Славяно-греко-латинской академии и в Московском университете, где и продолжал потом служить. Пользовался поддержкой М. М. Хераскова,

который, по словам А. С. Пушкина, «очень уважал Кострова и предпочитал его талант своему собственному». В рассказах современников и позднейших поколений запечатлелся облик Кострова — одаренного и благородного человека, лишенного всякой житейской расчетливости, но подверженного пагубной страсти к вину. Умер в большой бедности.

Выступать в печати со стихами начал с 1773 г. Литературную известность поэту принес его стихотворный перевод «Илиады» Гомера. Прозой Костров перевел «Песни Оссиана» и ряд других произведений, в том числе книгу Апулея «Превращения, или Золотой осел». Сотрудничал в журналах «Собеседник любителей российского слова», «Зеркало света», «Приятное и полезное препровождение времени» и др. Костров был знаком с Н. М. Карамзиным, И. И. Дмитриевым, Н. П. Николаевым, Д. П. Хвостовым и многими другими литераторами. В написанных им многочисленных одах следовал преимущественно ломоносовской традиции, которая нашла отражение и в переводе «Илиады». В то же время Костров оценил «прекрасну новизну» Г. Р. Державина, как свидетельствует его «Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы...». Обращаясь к любовной тематике, создал ряд изящных стихотворений, близких «легкой поэзии», культивировавшейся сентименталистами. Однако более устойчивым было тяготение Кострова к высокой лирике, лучшими образцами которой можно считать его стихи, посвященные А. В. Суворову. В ответ на одно из стихотворений Кострова, прославлявших Суворова, полководец ответил ему собственным стихотворным посланием, в котором высоко отозвался о нем, назвав его «изящнейшим пиитом» (Суворов А. В. Письма. М., 1986, с. 293).

Ода его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому (стр. 274).— Полное собрание всех сочинений и переводов в стихах г. Кострова, ч. 1. СПб., 1802, с. 146. Датируется 1789 г.— годом победы Суворова над турецкой армией на рке Рымник в Валахии и присвоением полководцу титула графа Рымникского. *Кинбурн* — крепость в Черном море, где русские войска под командованием Суворова разбили турецкий десант. *Кобургский... герой* — Кобург-Заальфельд Ф.-И. (1737—1815), принц и герцог саксонский, командующий австрийским корпусом, выступившим вместе с войсками Суворова во время русско-турецкой войны в 1789 г.

Его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому (стр. 276).— Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века. Галльские стихотворения, переведены с французского Е. Костровым, ч. 1 (Посвящение). М., 1792. В «Поэма Оссиана», созданных Дж. Макферсоном (1736—1796) на основе шотландского фольклора и приписанных им легендарному барду Оссиану, значительное место занимают описания ратных подвигов. Перевод Кострова, посвященный Суворову, сделан, по свидетельству современника, любимым чтением полководца и «был с ним во всех походах» (Фукс Е. Собрание разных сочинений. СПб., 1827, с. 101). *Под краткой сеню и мирта и олив...*— Имеется в виду завершение русско-турецкой войны в 1791 г.

Письмо к творцу оды... (стр. 277).— Собеседник, ч. 10, 1783, с. 25. Подпись: Ер. Костр. Обращено к Г. Р. Державину, автору оды «Фелица» (см. коммент. на с. 682). *Парнаасский безумец* — Пегас. *Через почту легкую*.— В то время разграничивалась «легкая почта» — письма и самые маленькие посылки (бандероли) и «тяжелая почта» — перевозка денег, вещей и людей. *По звучной арфе я перстами прелегал, || Киркижайсающую царицу прославляя*.— Костров написал несколько похвальных од Екатерине II. *Пиши еще письмо к соседу*.— Имеется в виду стихотворение Державина «К первому соседу» (см. с. 330). *Как некогда воспел ты Гребеневский ключ*.— Речь идет о стихотворении Державина «Ключ» (см. с. 329). *Предстательница муз* — Е. Р. Дашкова (1743—1810), по инициативе которой была создана Российская академия; первый президент этой академии. *Старайтесь возвестить природный наш язык...*— В Российской академии главное внимание уделялось изучению русского языка, одним из ее самых основных трудов была работа над «Словарем академии Российской». *Тобой приглашены... в Собеседнике успехи нам явили*.— Предприняв издание журнала «Собеседник любителей российского слова» (1783—1784), Дашкова привлекла к участию в нем крупнейших писателей того времени: Г. Р. Державина, Д. И. Фонвизина, Я. Б. Княжнина, В. В. Капниста и др.

Преложение псалма 18 (стр. 280).— Аониды, кн. 1, 1796, с. 199.

Путь жизни (стр. 281).— Полн. собр. всех сочинений..., ч. 1. СПб., 1802, с. 189. Перевод стихотворения английского поэта А. Поупа (1688—1744). *Кинариси* — символ печали и смерти.

Стихи на день рождения Д. И. Х. (стр. 283).— Приятное и полезное, 1795, ч. 7, с. 189. Стихи посвящены поэту Дмитрию Ивановичу Хвостову, который был женат на племяннице Суворова, служил под его началом и хорошо был знаком с Костровым. Хвостов прославился как графоман, автор многочисленных достаточно бездарных стихов и драматических произведений. ...*И славу русского Тюренина ты поешь...*— Тюренин г. де ла Тур д'Оверн (1611—1675) — прославленный французский полководец. *Российский Тюрени* — А. В. Суворов, победы которого Хвостов воспевал в своих стихах. ...*Тебе... Расинов дух и лили, и Андромаху нам тобой оне явили.*— Хвостов перевел трагедию Ж. Расина «Андромаха», издав ее в 1794 г. на свой собственный счет.

Стихи к*** (стр. 283).— Лекарство от скуки и забот, 1786, ч. 1, № 24, с. 256, без подписи.

К бабочке (стр. 284).— Полн. собр. всех сочинений, ч. 1, с. 200.

Клятва (стр. 284).— Зеркало света, 1786, ч. 3, № 50, с. 326, без подписи.

Н. П. Николаев (1758—1815)

Родился в дворянской семье, был в родстве с Е. Р. Дашковой, которая приняла участие в его воспитании. В конце 1770-х гг. начал военную службу, но вскоре у него ухудшилось зрение, и он вышел в отставку. Даже почти совсем ослепнув, продолжал литературную деятельность. Значителен вклад Николаева в русскую драматургию XVIII в. (комическая опера «Розана и Любим», трагедия «Сорена и Замир» и целый ряд других пьес). Поэтическое творчество Николаева, начавшееся с отроческих лет и продолжавшееся всю жизнь, связано с самыми разными жанрами и темами. Многочисленны его духовные оды — переложения псалмов, молитв и т. д. Не меньше внимания поэт уделял одам торжественным, преимущественно хвалебным, а также философско-нравоучительным. Особое место среди стихов Николаева занимают шуточные оды («Ода российским солдатам на взятие Очакова» и др.). В обширном «Лиро-дидактическом послании Е. Р. Дашковой» Николаев развивал свои литературно-эстетические взгляды, в частности, восторженно отзываясь о творчестве М. В. Ломоносова. Значительный интерес представляют стихотворные дружеские послания Николаева, отражающие некоторые стороны его частной жизни (например, его слепота, деревенский быт и др.). Современники больше всего ценили песни Николаева. Его «высокая поэзия» неоднократно вызвала насмешки со стороны Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. Николаев, в свою очередь, вел с ними полемику. В поддержку Николаева выступали И. А. Крылов и А. И. Клушин. С 1792 г. Николаев был членом Российской академии, позднее избран почетным членом Общества любителей словесности при Московском университете и Беседы любителей русского слова.

Основная часть произведений Николаева вошла в его «Творении» (М., 1795—1798, ч. 1—5).

Ода 7 из псалма 7 (стр. 285).— Николаев Н. П. Творении, ч. 1. М., 1795, с. 11.

Письмо к Федору Григорьевичу Карину на кончину Александра Петровича Сумарокова (стр. 286).— Отд. изд.: М., 1777, под загл.: Письмо к Федору Григорьевичу Карину на преставление Александра Петровича Сумарокова, из подмосковной 5-го октября. После «Письма» помещена «Эпитафия», в конце подпись: Н. Н. Печ. по кн.: Творении, ч. 4. М., 1797, с. 102. *Карин* Ф. Г. (ок. 1740—1799/1800) — писатель и переводчик, возглавивший в 1770-е годы литературный кружок, куда входили Николаев, Д. П. Горчаков, Д. И. Хвостов — поэты, высоко чтившие А. П. Сумарокова. На «Письмо...» Николаева Карин ответил весьма пространством «Письмом к Николаю Петровичу Николаеву о преобразителях российского языка на случай преставления Александра Петровича Сумарокова» (отд. изд.: М., 1778). *Вторично потеряв*

Корнелия, Фонтена, // Рыдает Талия и рвется Мельпомена.—Сумароков уподобляется прославленным французским авторам: П. Корнелию (1606—1684) и Ж. Лафонтену (1621—1695); имеется в виду прежде всего драматургическое творчество Сумарокова, автора комедий (*Талия*—муза комедии) и трагедий (*Мельпомена*—муза трагедии).

〈К приятелю〉 (стр. 287).—*Творениш*, ч. 5. М., 1798, с. 107. Помещено после стихотворения «К приятелю» («Что мною ты, а я тобой любим...») под загл.: К тому же. *Вулкан* (римск. миф.)—бог огня. *Когда в нем Боргии, как Титы, Богатством, титлами покрыты...*—Боргии—Борджа (Борджиа), аристократическое семейство в Италии XV—XVI вв., удерживавшее власть с помощью убийств, подкупов и т. д. В данном случае речь идет о безнравственных людях, пользующихся почестями и благами наравне с подлинными героями Добродетели, подобными Титу Флавию Веспасиану (39—81), римскому императору, славившемуся своим милосердием.

Эпитафия к живому (стр. 287).—*Творениш*, ч. 5, с. 34.

Песня («Вечерком румяну зорю...») (стр. 288).—Московский журнал, 1792, ч. 7, с. 277, под заглавием: Русская песня, сочиненная в подмосковной, в сельце Усладе, по просьбе дворовой девушки, прозившем Швей-Горемыка, живописцем, прозванным Сердце. Подпись: Н. Н. Печ. по кн.: *Творениш*, ч. 5, с. 204.

Песня («Полю, сизенький, кружиться...») (стр. 289).—Санкт-Петербургский Меркурий, 1793, август, с. 96, с подзаголовком: На голос: *Виду я на реченьку...* Прислана из Москвы. Подпись: Н. Н. Печ. по кн.: *Творениш*, ч. 5, с. 213.

Песня («Душеньки часок не видя...») (стр. 291).—Там же, с. 200.

К моей лире. Рондо (стр. 292).—Там же, с. 163. *Пусть лжец за колесом несетя*—имеется в виду колесо Фортуны.

Г. Р. Державин (1743—1816)

Сын небогатых дворян, Державин получил первоначальное образование в Казанской гимназии (1759—1762). Еще до окончания своего обучения в гимназии он был записан солдатом в Преображенский полк, для службы в котором приехал весной 1762 г. в Петербург. К этому времени относятся его первые опыты в сочинении стихов и переводах. После получения офицерского звания Державин находится в составе войск, участвовавших в подавлении восстания Пугачева (1773—1775). Первый сборник стихотворений Державина «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае» (СПб., 1776) носил в целом несамостоятельный характер. В нем молодой поэт стремился подражать Ломоносову, но, как сам он признавался позднее, попытки эти были неудачны. С конца 1770-х гг. Державин входит в литературный кружок Н. А. Львова, в составе которого были также И. И. Хемницер и В. В. Капнист. Культ естественности выражения чувства, ориентация на богатства народно-поэтических форм словоупотребления, отсутствие приверженности к жанровым канонам отражали основные направления творческих исканий львовского кружка. Благодаря советам и поддержке своих более образованных друзей, Державин находит собственный путь в поэзии. Мерилом высшей ценности в системе поэтического мирозерцания Державина становится просто человек как неповторимая индивидуальность во всем богатстве личных вкусов и пристрастий. В державинской лирике стилистически закрепленная витийственность риторических пантегриков Ломоносова сменилась простотой непосредственного авторского самовыражения. Никакой предмет окружающей действительности не утрачивает в глазах Державина своей ценности в качестве потенциального источника вдохновения. У него становится поэтической темой быт, а в поэтический словарь свободно начинают входить простонародные выражения, фразеологизмы и поговорки. Отсюда же проистекало особое пристрастие Державина к красочным и сочным описаниям предметно воспринимаемого мира, которыми пестрят лучшие произведения поэта.

Новая манера поэтического мышления ярко воплотилась в таких оригинальных стихотворениях 1778—1779 гг., как «Ключ», «На смерть князя Мещерского» и «Стихи на рождение

в Севере порфиородного отрока». (В эти годы Державин служит в Сенате под начальством генерал-прокурора князя А. А. Вяземского.) Широкая известность приходит к поэту после сочинения им в 1782 г. знаменитой оды «Фелица». Ода поразила современников необычным для данного жанра тоном и чрезвычайно понравилась Екатерине II. Императрица хотела видеть в Державине нового придворного певца ее славы и щедро наградила поэта. Близость ко двору помогает понять создание Державиным в последующее десятилетие целого ряда стихотворений официального характера, таких, например, как ода «Водопад», посвященная Г. А. Потемкину, или ода «На взятие Измаила», воспевавшая победу русской армии в войне с Турцией. Пришедшая к поэту известность сказалась на его служебном положении. Весной 1784 г. Державин назначается губернатором в Олонец, а с декабря 1785 г. занимает такую же должность в Тамбове. Однако его ревностная борьба за справедливость против коррупции и злоупотреблений вызвала ярость местных чиновников. На Державина посыпались в Петербург доносы, и в середине 1788 г. ему пришлось покинуть губернаторский пост, едва не подвергнувшись наказанию. С 1791 по 1793 г. Державин исполняет должность личного секретаря Екатерины II, но и здесь независимый нрав поэта вызывает неудовольствие императрицы. Он отстраняется от службы при дворе и уходит в отставку, получив чин сенатора. В период правления императора Павла I (1796—1801) положение Державина было неустойчивым. После вступления на престол Александра I Державина в 1802 г. назначают министром юстиции, но уже через год он уходит в отставку. С этого времени Державин живет в Петербурге как частное лицо, проводя каждое лето в имении Званка Новгородской губернии. Жизнь свою в имении Державин изобразил в программном произведении тех лет, послании «Евгению. Жизнь Званская» (1807). Литературная деятельность Державина в эти годы не затухает. Он много пишет, в частности, в 1808 г. составляет комментарий к своим стихотворениям: «Объяснения на сочинения Державина относительно темных мест, в них находящихся, собственных имен, иносказаний и двусмысленных речений, которых подлинная мысль автору только известна...» (опубликованы в наиболее полном виде в 3-м томе «Сочинений Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота» (СПб., 1868). В дальнейшем: *Объяснения*, с указанием страниц этого издания). Будучи членом литературного общества «Беседа любителей русского слова», он регулярно посещает его заседания. Незадолго до смерти, 8 января 1815 г., Державин в качестве почетного гостя присутствует на экзамене в Царскосельском лицее, на котором юный Пушкин читал свои «Воспоминания в Царском Селе».

Властителем и судиям (стр. 296).—Зеркало света, 1787, № 53, с. 1, под заглавием «Ода. Извлечена из псалма 81». Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 92. Сочинение первой редакции относится к 1780 г. В переработанном виде эта редакция должна была появиться в журнале «С.-Петербургский вестник» того же года, но сатирические инвективы против земных властителей помешали публикации оды. Стихотворение было опубликовано после третьей переработки.

На смерть князя Мещерского (стр. 297).—СПб. вестник, 1779, № 9, с. 175, под заглавием «Ода на смерть к. М. к***». Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 85. Написано после получения известия о смерти А. И. Мещерского (1779), петербургского богача и хлебосола. Стихотворение обращено к С. В. Перфильеву (1734—1793), другу Мещерского. *Глагол время! металл звон!*—бой часов, знаменующий ход времени. *Где пиришеств раздавались лик...*—Здесь: лик—в значении хор певцов. (Сравни в церк.-слав.: ликовать—оглашать воздух гласами радости.)

Бог (стр. 299).—*Собеседник*, 1784, ч. 13, с. 125. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 114. Начало работы над одой относится к 1780 г., завершена—в марте 1784 г. Стихотворение получило широкую известность и неоднократно переводилось на многие языки. *Без лиц, в трех лицах божества!*—«Автор, кроме богословского православной нашей веры понятия, разумел тут три лица метафизические; то есть: бесконечное пространство, непрерывную жизнь и в движении вещества и несокпачаемое течение времени, которое Бог в себе совмещает» (*Объяснения*, с. 593).

Фелица (стр. 302).—*Собеседник*, 1783, ч. 1, с. 5 (без указания автора, под заглавием: «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге. Переведена с арабского языка. 1782»). Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 97. Сочинена

в 1782 г. Название оды, обращенной к Екатерине II, как и найденное автором художественное решение, были подсказаны Державину сочинением самой императрицы — аллегорической «Сказкой о царевиче Хлоре», написанной ею для внука Александра Павловича в 1781 г. В сказке дочь киргизского хана Фелица (от лат. *felix* — счастливый) помогает царевичу Хлору взойти на гору, где растет роза без шипов, символизирующая добродетель. *Читаешь, пишешь пред наолом...* — Имеются в виду литературные и законодательные занятия Екатерины II. Наолой (црк.-слав. аполой) — высокий столик со скошенным верхом, типа конторки. *К духам в собрание не везжаешь...* и далее. — Речь идет о масонских собраниях, к которым Екатерина относилась подозрительно. *А я, проспавши до полудня...* — В этой и последующих строфах содержатся скрытые намеки на вельмож из окружения Екатерины: Г. А. Потемкина — свосправного и могущественного фаворита, любившего роскошь, пиры и увеселения; гр. А. Г. Орлова, увлекавшегося конными скачками и кулачными боями; П. И. Панина, любившего псовую охоту; С. К. Нарышкина, зашедшего у себя роговой оркестр. *Между лентяем и брюзгой...* — Лентяй и Брюзга — отрицательные персонажи в сказке о царевиче Хлоре. «Сколько известно, разумела она под первым кн. Потемкина, а под другим кн. Вяземского, потому что первый вел ленивую и роскошную жизнь, а второй часто брюзжал, когда у него, как управляющего казной, денег требовали» (*Объяснения*, с. 599). *Что отрелась и мудрой сызть...* — Екатерина дважды отказалась принять титулы «Премудрой», «Великой», «Матери Отечества», которые в 1767 г. ей поднесли Сенат и законодательная комиссия, а в 1779 г. — петербургское дворянство. *Там свадоб штовских не парят...* и далее. — Имеются в виду нравы, господствовавшие при дворе во времена правления Анны Иоанновны, в частности, известная свадьба шута, князя М. А. Голицына, и калмычки Бужениновой в построенном для этого специально ледяном доме в 1740 г. *Который брани усмирил...* — «Сей куплет относится на мирное тогдашнее время, по окончании первой турецкой войны в России процветавшее, когда многие человеколюбивые сделаны были императрицею учреждения, как-то: воспитательный дом, больницы и прочие» (*Объяснения*, с. 600). *Который даровал свободу...* — Имеются в виду многочисленные указы Екатерины, расширявшие права дворянства и других социальных слоев России.

Благодарность Фелице (стр. 308). — Собеседник, 1783, ч. 2, с. 142. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 104. Стихотворение — ответ на подарок Екатерины II за сочинение «Фелицы».

Осень во время осады Очакова (стр. 309). — Тамбов, 1788, под заглавием «Осень в селе Зубриловке». Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 121. Стихотворение сочинено в ноябре 1788 г. в период осады турецкой крепости Очаков и обращено к князю С. Ф. Голицыну, участвовавшему в осаде под командованием Г. А. Потемкина. *Летает и темнит луну...* — то есть побеждает турок. *Хотя вы в Стиксе не погружались...* — Иносказательное прославление бесстрашия солдат. Согласно древнегреческому мифу, богиня Фетида, чтобы сделать неуязвимым своего сына Ахилла, будущего героя Троянской войны, погружала его в воды Стикса, реки подземного царства. *Твоя супруга златовласа...* — жена князя С. Ф. Голицына, В. В. Голицына, приходившаяся племянницей Потемкину.

Водопад (стр. 312). — Державин Г. Р. Сочинения, ч. 1. М., 1798, с. 312. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 178. Замысел оды возник под впечатлением смерти видного государственного деятеля, фаворита Екатерины II, князя Г. А. Потемкина (ум. 5 октября 1791 г.). Стихотворение неоднократно перерабатывалось. Заключительная редакция относится к 1794 г. В параллель к Потемкину в оде выведен образ фельдмаршала П. А. Румянцева (1725—1796), выдающегося полководца, прославившегося блестящими победами над турками. *Алмаза сыплется гора...* — Следует описание водопада Кивач в Карелии, который Державин видел, когда был губернатором в Олонечкой губернии. *Стук слышен млатов по ветрам...* — Имеется в виду шум Кончезерского железодельного завода, находившегося в нескольких верстах от водопада. *Я вижу, некий муж седой...* — Эти стихи и последующие строфы посвящены П. А. Румянцеву. *Пленивший Велизар царей...* — Велизарий (ок. 504—565 гг.) — византийский полководец; обвиненный в участии в заговоре, согласно легенде, был ослеплен в тюрьме. *В вене из молненных румянцев...* — Зашифрованный намек на фамилию П. А. Румянцева. *Смирил Колхиду златоруну...* —

Имеется в виду «усмирение Крыма» в ходе русско-турецких войн. Называя Крым Кохлидой, Державин не точен. Кохлидой, где, согласно древнегреческой мифологии, хранилось золотое руно волшебного барана, называлось черноморское побережье Кавказа. *Чей труп, как на распутьи мгла...*— Речь идет о смерти Г. А. Потемкина, скончавшегося внезапно ночью в степи по пути из Ясс в Николаев. *Великолепный князь Тавриды...*— За присоединение Крыма к России Потемкин получил титул князя Таврического. *Воспел победу Измаила.*— Державин имеет в виду сочиненную им оду «На взятие Измаила» (1791), посвященную взятию русской армией этой турецкой крепости. *Марон по Меценату рвется...*— Как разъяснил сам Державин, «Марон, или Virgilius, славный писатель латинский, в эклогах своих прославлял Мецената, любимца Августа, а г. Петров (В. П. Петров (1736—1799)— поэт-одописец.— Ю. С.), переводивший Virgilius на русский язык, писал элегию на смерть кн. Потемкина, который его покровительствовал, как Меценат Virgilius» (*Объяснения*, с. 641). *Вкруг гроба Вейсмана лежат...*— Генерал-майор русской армии О. Вейсман фон Вейсенштейн, отличившийся в русско-турецкой войне 1768—1774 гг., павший в бою за Дунаем, был похоронен в Измаиле. *Нашедши в поле, Фирс...*— Фирс (или Тирсис)— персонаж поэмы Гомера «Илиада», трусливый воин, бравшийся спорить с Ахиллом. Согласно объяснению Державина, упоминанием Фирса поэт хотел выразить «отношение к кн. Зубову (последнему фавориту императрицы.— Ю. С.), который, счастьем приобретши его (Потемкина.— Ю. С.) власть, осуждал иногда дела кн. Потемкина, но при восторжении на престол императора Павла показал, что сам не имел великой души» (*Объяснения*, с. 642). *И ты, о водопадов мать!*— Пример иносказания Державина: «Относится сие к императрице, которая делала водопады, то есть сильных людей, и блистала чрез них военными делами и победами» (*Объяснения*, с. 642).

Вельможа (стр. 324).— Державин Г. Р. Сочинения, ч. I. М., 1798, с. 285. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 211. Ода сочинена в 1794 г., когда Державин был удален от двора, и обращена к полководцу П. А. Румянцеву, находившемуся также в опале. В текст оды перешли фрагменты более раннего стихотворения «На знатность» (1774). *Кумир, поставленный в позор...*— то есть выставленный на всеобщее обозрение. *Перлы царские*— персидский жемчуг. *Калисула! твой конь в Сенате...*— Согласно сообщениям историков, римский император Калигула (12—41 гг.) провозгласил в Сенате своего коня консулом. *Он только хлопает ушами...*— «Автор, присутствуя тогда в Сенате, видел многих своих товарищей без всяких способностей, которые, слушая дело, подобно ослам, хлопали только ушами» (*Объяснения*, с. 633). *Всяк думает, что я Чупятов...*— то есть кичащийся мифическими заслугами. Гжатский купец В. А. Чупятов, оказавшийся банкротом, симулировал сумасшествие, появляясь на улицах Петербурга в лентах и фальшивых орденах, якобы присланных ему из Марокко. *А ты, второй Сардапал!*— имя легендарного ассирийского царя, отличавшегося неумеренным пристрастием к роскоши и сладострастию. Из объяснений Державина к этой и последующим строфам следует, что в этих стихах содержались намеки на образ жизни отдельных вельмож екатерининского двора— Г. А. Потемкина, П. А. Зубова, А. А. Безбородко и др. *Токай*— область в Венгрии, известная производством высококачественных вин; *Левант*— название в XVIII веке ближневосточных стран, занимавших территорию нынешних Ливана и Сирии. *С тобой лежал Цирцея...*— Цирцея— мифологическая волшебница, очаровывавшая спутников Одиссея и самого героя. В литературном обиходе это имя стало синонимом обольстительницы. *А там израильтянин герой.*— «...Многие седые заслуженные генералы у кн. Потемкина и гр. Безбородко и у прочих вельмож сживали часто несколько часов в передней между их людей, покуда они проснутся и выйдут в публику» (*Объяснения*, с. 635). *А там вдова стоит в сенях.*— Державин в *Объяснениях* (с. 635) указывает на вдову полковника Костоголова, оказывавшего многие услуги Потемкину. После смерти мужа вдове нередко приходилось искать покровительства временщика, в ожидании его выезда выстаивая часами на лестнице с младенцем на руках. *Здесь дал бесстрашный Долгоруков...*— Имеется в виду сенатор кн. Я. Ф. Долгоруков (1639—1720), неоднократно с достоинством отстаивавший свое мнение перед Петром I. *Того я славного Камилла...*— В этой и последующих строфах прославляется полководец П. А. Румянцеv; его Державин уподобляет

римскому консулу Камиллу, «который, когда не было в нем нужды, слагал с себя сие достоинство и жил в деревне. Сравнение сие относится к гр. Румянцеву-Задунайскому...» (*Объяснения*, с. 635).

Ключ (стр. 329).—СПб-ский вестник, 1779, № 10. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 83. Появление стихотворения связано с завершением в 1779 г. поэтом М. М. Херасковым своей героической эпопеи «Россиада». В оформлении замысла Державин ориентируется на 13 оду из III книги од римского поэта Горация («К источнику Бандузии»). *Священный Гребеневский ключ*...—Имеется в виду ключ, протекавший в подмосковном имении Хераскова, селе Гребенево, который Державин уподобляет Кастальскому ключу, символизировавшему в античной мифологии поэтическое вдохновение. *Поил водой ты стихотворства*.—Этот стих вызвал ироническое замечание П. А. Вяземского: «Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державиным без умысла в оде «Ключ». Вода стихотворства, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное» (Альм. «Северные цветы на 1827 г.», с. 127).

К первому соседу (стр. 330).—СПб-ский вестник, 1780, № 8, под заглавием «Ода к соседу моему господину N». Позднее незначительно перерабатывалась. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 90. Обращено к богатому купцу М. С. Голикову (ум. 1788 г.), взявшему винные откупа в Москве и Петербурге и за недозволенные торговые операции посаженному в начале 1780-х годов в тюрьму. Голиков был известен в Петербурге своей роскошной жизнью. *В вертепе мраморном*—то есть в гроте, беседке. *Твоя уж Пенелопа в скаже // Ковер не будет распускать*...—«Пенелопа, супруга Улисса (Одиссея.—Ю. С.), царя Итакского, которая во время десятилетней его отлучки под Троею обеспокоивана была женихами, (<...> храня к нему верность, день ото дня отлагая, обнадежила их, что тотчас коль скоро дотчет ковер, то выйдет за них за кого-нибудь замуж, а между тем что в день наткала, то в ночь распускала, дабы через то продлить время, покуда возвратится ее супруг. К Голикову же сие сравнение относится потому, что он был сибирский житель и, поехав в Петербург для снятия откупа, оставил жену, обнадеживая ее, что скоро возвратится» (*Объяснения*, с. 632).

Капнисту (стр. 332).—Державин Г. Р. Сочинения, ч. 2. СПб., 1808, с. 93. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 248. Датируется апрелем 1797 г. Обращено к другу Державина В. В. Капнисту, находившемуся в январе 1797 г. в Петербурге и уехавшему в феврале в свое имение Обуховку. Подражание 16-й оде II книги од Горация. *Век Задунайского уявл*...—П. А. Румянцев-Задунайский умер в 1796 г. *Рымишского печален стал*...—А. В. Суворов-Рымникский с момента воцарения Павла I в 1796 г. был сослан в ссылку в свое имение, село Кончанское. *Когда велит судьба с Милеюй*...—Имеется в виду вторая жена поэта, Д. А. Державина (урожд. Дьякова), сестра жены В. В. Капниста.

Приглашение к обеду (стр. 334).—Державин Г. Р. Сочинения. М., 1798, с. 371. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 223. Сочинено в 1795 г. В основе содержания реальное приглашение на обед к автору вельмож и покровителей поэта—И. И. Шувалова, А. А. Безбородко и П. А. Зубова. *Каймак*—густая сметана или вареные сливки. *Приди, мой благодетель давний*...—В рукописи этот стих относился к И. И. Шувалову, и соответственно следующий читался: «Гворец чрез тридцать лет добра». При публикации Державин отнес этот стих на счет вельможи А. А. Безбородко, переменив цифру лет в последующем стихе на «двадцать». *А если ты, иль кто друи*...—«Был зван между прочими любимец императрицы князь Зубов и общал присеять, но пред обедом прислал сказать, что его государыня удержала; то сей куплет и относится к нему» (*Объяснения*, с. 632).

Гостю (стр. 336).—Державин Г. Р. Анакреонтические песни. СПб., 1804, с. 80. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 228. Сочинено в 1795 г. и посвящено другу Державина, литератору и переводчику П. Л. Вельяминову, посетившему поэта в его доме.

Ласточка (стр. 336).—Московский журнал, 1792, № 12. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 207. Первоначальная редакция не имела двух последних стихов. В середине 1794 г. стихотворение подверглось доработке. В окончательной редакции посвящено памяти первой жены поэта, Е. Я. Бастидон, скончавшейся 15 июля 1794 г. и неоднократно упоминавшейся в стихах Державина под именем Пленеры.

К самому себе (стр. 338).—Державин Г. Р. Анакреонтические песни, с. 52. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 273. Сочинено в 1798 г. Поводом к написанию стихотворения послужили безуспешные попытки Державина противостоять казнокрадству и беззакониям, творившимся в Межевом департаменте со стороны генерал-прокуроров А. В. Куракина, князя П. В. Лопухина и казначея Васильева против государственных крестьян, о чем поэт подробно рассказал в своих «Записках» («Сочинения» Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 6. СПб., 1871, с. 744—745).

Похвала сельской жизни (стр. 338).—Державин Г. Р. Сочинения, ч. 2. СПб., 1808, с. 70. Печ. по кн.: *Державин, 1975*, с. 270. Сочинено в 1798 г. Подражание 2-му эподу Горация. В рукописи стихотворение имело название: «Горация похвала сельской жизни, соображенная с российскими нравами». ...*Петрову дню блюденный*...—В Пстров день, 29 июня, на который приходилось разговенье после поста, в деревнях принято было резать отборных баранов. ...*устрицы го-гу*...—Сорт устриц. «Охотники до устриц и дичи любят с запахом оные кушать, что называется по-французски го-гу, или высокого вкуса» (*haut-gout*.—Ю. С.) (*Объяснения*, с. 667). *Мушель* (нем.)—раковина, моллюск. *Зреть карду с тучными волами*...—«Кардой называется в понизовых провинциях зимняя загорода для скота, куда в красный день выпускают скотину» (*Объяснения*, с. 667).

Лето (стр. 340).—Вестник Европы, 1805, № 18. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 299. Стихотворение сочинено летом 1804 г. в имении Званка и обращено к другу Державина И. И. Дмитриеву. Державин полагал, что Дмитриев находится в своем сызранском поместье, но последний был в это время в Москве и ответил стихотворным посланием «К Гавриилу Романовичу Державину» («Бард безымянный! тебя ль не узнаю...»), опубликованным в октябрьском номере «Вестника Европы» за 1805 г. (см. с. 626 наст. изд.).

Цыганская пляска (стр. 341).—Вестник Европы, 1805, № 22. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 306. Создание стихотворения связано с ответным посланием И. И. Дмитриева Державину (см. с. 626 наст. изд.), в котором автор сетовал, «что московские цыганки мешают ему криками своими в Мариной роще упражняться в стихотворении» (*Объяснения*, с. 718). *Возьми, ешитянка, гитару*...—Державин разделял распространенное в XVIII в. мнение, что древние потомки цыган были выходцами из Египта. *Да вопль твой, звоа!*...—«Известный припев или восклицание древних вакханок при их пьянственных играх» (*Объяснения*, с. 718). *И в нежного певца*.—Намек на И. И. Дмитриева, который «упражнялся в песнях нежного рода, в баснях и сказках» (*Объяснения*, с. 718).

Евгению. Жизнь Званская (стр. 342).—Вестник Европы, 1807, № 16. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 326. Начато в мае 1807 г. под названием «Жизнь моя на Званке». Завершено в июле того же года и посвящено другу поэта, епископу Старорусскому Евгению (Е. А. Болховитинову) (1767—1837), жившему в 1804—1808 гг. в Хутыньском монастыре недалеко от Званки. Уделявший много времени истории и археологии, а также литературе, Евгений в июне посетил Державина в его имении. ...*пар... манжурской иль левантской*...—«Манжурский, т. е. запах чайный; левантский—кофейный, т. е. первый родится в Китае, а второй в Аравии и доставляется чрез торг левантский» (*Объяснения*, с. 707). ...в «Вестнике»...—в журнале «Вестник Европы». *И с Флакком Пиндаром, богов восседши в пире*...—Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.), римский поэт; Пиндар (ок. 518—ок. 442 до н. э.)—древнегреческий поэт, известный своими хвалебными одами. *Иль в зеркало времен, качая головой*...—«Зеркало времен здесь называется история» (*Объяснения*, с. 108). *Блестят и жучки в епанечках*.—«Т. е. посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом, делают красоту сочинения» (*Объяснения*, с. 708). ...*тщмы вруж веретен Мариной рукой прядутся*.—Императрица Мария Федоровна выписала из Англии прядильную машину, на которой один человек более нежале на сто веретенка может прядть» (*Объяснения*, с. 709). *Здесь тихогрома с струн*...—Тихогром—перевод слова «фортепиано» (*forte*—сильно, *piano*—тихо). *Темифу ивалю под Пултуском, Прейси-Лау*...—Державин уподобляет Наполеона восточному завоевателю XIV в. Тамсерлану и напоминает о сражениях русских войск с Наполеоном под Пултуском (1806) и Прейсиш-Эйлау (1807). *И скрыл орла седого славу*.—Державин имеет

в виду замену главнокомандующего русскими войсками в кампании 1805—1807 гг. графа М. Ф. Каменского генералом А. А. Беннигсеном. *...взойдешь на холм тот страшный...*— Согласно легенде, хоам близ дома Державина в Званке скрывал могилу новгородского волхва, от которого и произошло название реки Волхов. *Чрез Клии воскресши согласья...*— Клио— муза истории. Державин имеет в виду подготавливавшийся Евгением исторический словарь русских писателей.

Русские девушки (стр. 349).— Державин Г. Р. Анакреонтические песни, с. 93. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 280. Сочинено весной 1799 г. *Певец Тишский*— древнегреческий поэт-лирик Анакреон (ок. 570—487 до н. э.). *Бычок*— крестьянский танец.

Параше (стр. 350).— Державин Г. Р. Анакреонтические песни, с. 82. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 275. По свидетельству Державина, стихотворение сочинено в 1793 г. как шуточный отклик на ухаживания П. А. Нилова, сына приятеля поэта, за Прасковьей Михайловной Бакуниной, свойственницей Державина (*Объяснения*, с. 716).

Снигирь (стр. 350).— Друг просвещения, 1805, № 6, под названием «К снигирю. По кончине князя Суворова». Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 283. Стихотворение посвящено смерти А. В. Суворова, скончавшегося 6 мая 1800 г. «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился в дом, то, услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа» (*Объяснения*, с. 677). *С кем мы пойдем войной на Гиену?*— «Гиена, алейший африканский зверь, под коей здесь разумеется революционный дух Франции» (*Объяснения*, с. 677). В 1799 г. Суворов командовал русско-австрийскими войсками на территории Италии, действовавшими против французских революционных армий.

К лире (стр. 351).— Державин Г. Р. Анакреонтические песни, с. 51. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 253. Сочинено в 1797 г. вскоре после смерти П. А. Румянцева. Стихотворение—вольная переработка 1-й оды Анакреона «К лире». *А Рымниакский скрывается тмюю...*— Имеется в виду А. В. Суворов, находившийся в первые годы царствования Павла I в ссылке в своем имении.

Венец бессмертия (стр. 351).— Державин Г. Р. Анакреонтические песни, с. 153. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 277. Сочинено ок. 1798 г. Посвященное древнегреческому поэту Анакреону, стихотворение в составе «Анакреонтических песен» Державина имело программный смысл. *Вафилъ прекрасный—в роши, зреты...*— Вафилъ (Вафила)— «легендарный» друг Анакреона: прекрасный юноша, упоминаемый в ряде стихотворений, приписывавшихся поэту. *Таланты злата подносили...*— Талант— денежная единица в Древней Греции. *Певец Тишский*—то есть Анакреон.

Памятник (стр. 352).— Приятное и полезное препровождение времени, 1795, ч. 7, под названием «К Музе. Подражание Горацию». Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 233. Созданное в 1795 г. стихотворение представляет собой вольную переработку 30-й оды III книги Горация («К Мельпомене»), являясь продолжением традиции, начатой М. В. Ломоносовым, давшим свой перевод этой оды в «Риторике». Как отмечал Н. Г. Чернышевский, Державин видоизменил смысл Горациевой оды, подчеркнув в качестве своей заслуги как поэта умение говорить правду народу и царям. В этом Державин явился предшественником Пушкина (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 137).

Лебедь (стр. 353).— Державин Г. Р. Сочинения, т. 2. СПб., 1808, с. 315. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 303. Время создания—1804 г. Стихотворение является подражанием 20-й оде II книги Горация («К Меденату»). *Не задержусь в вратах мытарства...*—«...В греко-российской церкви мытарства, или заставы, из духов состоящие, где умершие души должны дать отчет в злых и добрых своих делах добрым и злым духам...» (*Объяснения*, с. 711). *Средь звезд не превращусь я в прах...*—«Средь звезд и орленов совсем не сгнию так, как другие» (*Объяснения*, с. 711). *Чтобы услышать Богу песнь.*—Как замечал сам Державин, здесь имелась в виду сочиненная им ода «Бог».

Признание (стр. 354).— Державин Г. Р. Сочинения, ч. 3. СПб., 1808, с. 208. Печ. по кн.: *Державин, 1957*, с. 342. Сочинено в 1808 г. в имени Званка. Державин придавал этому стихотворению программное значение, истолковав его как «Объяснение на все свои сочинения» (*Объяснения*, с. 722).

В 1770 г. начал службу в Преображенском полку, где вскоре состоялось его знакомство с Г. Р. Державиным и В. В. Капнистом. В 1776 г. принят в Коллегию иностранных дел, за время службы здесь побывал с дипломатическими поручениями в Англии, Испании, Франции, Италии и других странах. В 1782 г. перешел в Главное управление почт; числясь при этом учреждении до 1797 г., Н. А. Львов выполнял самые разнообразные поручения (архитектурное проектирование, разыскания каменного угля и т. д.); затем он возглавил созданные по его инициативе школы земнобитного строения.

Первые известные литературные опыты относятся к 1771 г.: обучаясь в кадетской роте Измайловского полка, издавал совместно с Н. Осиповым, П. и Н. Ермолаевыми рукописный журнал «Труды четырех разумных общников». Впервые его стихи были анонимно напечатаны в 1779 г. в журнале «Санкт-Петербургский вестник». В первой части «Собеседника любителей русского слова» в 1783 г. появляется без подписи «Идиллия. Вечер». В 1790 г. напечатаны «Русские песни с их голосами», собранные Н. А. Львовым, а в 1794 г. — «Стихотворение Анакреона Тийского», в предисловии к которому поэт выразил свое понимание задач художественного творчества и перевода. Несколько сентименталистских стихотворений опубликовано в «Аонидах» Н. М. Карамзина. Особенный интерес представляют дружеские послания Н. А. Львова 1790-х гг., не предназначавшиеся автором для печати.

Литературная деятельность Н. А. Львова неотделима от львовско-державинского содружества, историю которого можно условно разделить на два периода. В 1770-е гг. ядро кружка составляли Г. Р. Державин, И. И. Хемницер, В. В. Капнист, Н. А. Львов, его двоюродный брат Ф. П. Львов и в течение некоторого времени М. Н. Муравьев. В 1790-е гг. членами кружка стали И. М. Муравьев, А. А. Мусин-Пушкин, А. М. Бакунин, А. Н. Оленин. Совместными силами в это время готовились к публикации «Басни и сказки» И. И. Хемницера (1799) и «Стихотворения Державина» (работа не была завершена).

В кружке Н. А. Львов был признанным «гением вкуса», что позволило ему стать своеобразным теоретиком содружества, стремящимся в своих произведениях к преодолению жанровой инерции, отталкиванию от традиционных форм, поиску индивидуально-стилистических решений. Произведения поэта можно поэтому условно разделить на две группы — предназначавшиеся для широкой аудитории (в силу чего они подвергались более тщательной литературной обработке) и адресованные узкому кругу друзей и родственников поэта. Из второй группы наиболее интересны послания Н. А. Львова — в них с поразительной творческой смелостью варьируются высокая, низкая и диалектная лексика, чередуются планы повествования и т. д. Все это способствовало созданию неповторимого образа раскрепощенной авторской индивидуальности, преодолению литературных стереотипов конца XVIII столетия.

Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8-го (стр. 355). — Собеседник, ч. I, 1783, с. 28—32. Авторство установлено в 1927 г. Б. И. Копланом. Точность даты в заглавии предполагает, видимо, автобиографическую аллюзию.

Музыка, или Семитония. Ода (стр. 358). — *Аонида*, кн. I. М., 1796, с. 32. Подпись: «Н. Л.». Печ. по кн.: *Поэты XVIII века*, т. 2, с. 223—224.

Отпускная двум чижикам при отъезде в деревню к М. А. (стр. 360). — *Аонида*, кн. I, 1796, с. 262. Подпись: «Н. Л.». Печ. по кн.: *Поэты XVIII века*, т. 2, с. 225—226. М. А. — Мария Алексеевна Львова (1755—1807), жена поэта.

На угольный пожар (стр. 361). — XVIII век, сб. 3. М.—Л., 1958, с. 519—520 (публикация А. Ю. Вейса). Печ. по кн.: *Поэты XVIII века*, т. 2, с. 247. В 1786 г. Н. А. Львовым были открыты месторождения каменного угля, не уступавшего по своим качествам привозным сортам. Несмотря на очевидную выгодность разработок, императорский указ, в котором повелевалось оказывать Н. А. Львову всяческое содействие

со стороны государственных учреждений, был дан лишь 24 августа 1798 г. Однако когда осенью 1799 г. в Петербург прибыла на барках большая партия каменного угля, никто не согласился приобрести его. Было отказано и в месте для выгрузки — уголь был ссыпан на даче Н. А. Львова около Александро-Невского монастыря, где вскоре вспыхнул пожар. Это происшествие, принесшее поэту колоссальные убытки и служебные неприятности, стало поводом написания стихотворения.

Новый XIX век в России (стр. 361).— *Поэты XVIII века*, т. 2, с. 253—255.

Гавриле Романовичу ответ (стр. 363).— Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота, т. I. СПб., 1864, с. 519—520. Ответное послание на стихотворение «К Н. А. Львову» (1792) Г. Р. Державина. *Домашний зодиачь ваш.*— Известен неосуществленный проект дома Г. Р. Державина, выполненный Н. А. Львовым в конце 1780-х гг. *Двенадцать лет я шла отраву.*— В 1779—1780 гг. Екатерина II впервые обратила внимание на архитектурный талант Н. А. Львова, после чего он был приближен ко двору. *Фингал*— главный герой поэмы Оссиана, литературной мистификации английского поэта Д. Макферсона (1736—1796). *Что должность помнят и друзья и т. д.*— Сатирический портрет царедворца, в минуты праздности нечуждого стихотворства, возможно, метит в А. В. Храповицкого (1749—1801), автора арий для комических опер Екатерины II и ее стат-секретаря.

Эпистола к А. М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797 (стр. 364).— В отрывках: Артамонова З. Неизданные стихи Н. А. Львова.— В кн.: Лит. наследство, № 9-10. М.—Л., 1933, с. 271. Печ. по кн.: *Поэты XVIII века*, т. 2, с. 236—242. *Бакунин Александр Михайлович*—поэт, друг Н. А. Львова (см. коммент. на с. 706). *Слепой очима, духом зрячий...*—Зрение А. М. Бакунина было весьма слабо. *Мадам летучую, нагую...*—Картина изменчивости Фортуны перекаликается со знаменитой одой Г. Р. Державина «На счастье» (1789). *Тальжня*—речка, протекавшая через новоторжские владения Львовых. *Никольское*—или Черенчицы, небогатое (70 душ крестьян) имение Н. А. Львова в Новоторжском уезде Тверской губернии.

Три нет... (стр. 370).— Впервые со значительными пропусками в кн.: Глумов А. Н. А. Львов. М., 1980, с. 170—172. Публикуется по рукописи: ГПБ, ф. 247, т. 37, л. 75, об.-77, об. Адресовано А. М. Бакунину. Написание вызвано посещением места, где предполагалось строительство дворца А. А. Безбородко (проект Д. Кваренти) и создание обширного парка (план Н. А. Львова). 7 июня 1798 г. состоялась торжественная закладка дома, за ней последовал фейерверк. Начатые работы прервала внезапная смерть А. А. Безбородко (6 апреля 1799 г.), бывшего в течение многих лет покровителем Н. А. Львова. *Тюфийской дорожке*—то есть от деревни Тюфии под Москвой, где находилась школа земасбитного строения, руководимая Н. А. Львовым. *Дом светлейшего*—то есть дворец светлейшего князя А. А. Безбородко, строившийся в Москве на берегу Яузы. *Львов Никольской*—обычная подпись поэта в шуточных посланиях, связанная с его любимым поместьем Никольское-Черенчицы.

«О Боже, о тебе хотя гласит вся тварь...» (стр. 373).— Впервые опубликовано П. Р. Заборовым в кн.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 г. Л., 1976, с. 84. Написано 8 декабря 1772 г. Является переводом заключительного восьмистишия поэмы «Естественный закон» (1752), так называемой «Молитвы» Ф. Вольтера, оказавшейся в центре внимания русских поэтов XVIII в. Ее переводили Г. Р. Державин, А. Н. Радищев, И. М. Опочинин и др.

Ода господина Руссо... (стр. 373).— Печ. по рук.: Львов Н. А. Путевая тетрадь № 1.— *ИРЛИ*, 1б. 470/С. IVб. 20. Л. 69—70, об. Датировано 4 марта 1774 г. Почти буквальный перевод оды «Sur un commencement d'année» Ж.-Б. Руссо.

Перевод из Сапфо 26 марта 1778 (стр. 375).— Печ. по рук.: Львов Н. А. Путевая тетрадь № 1.— *ИРЛИ*, л. 38. Ода Сапфо дошла до нас в VIII главе позднеантичного трактата «О возвышенном» Псевдо-Лонгина. В составе этого памятника ее перевел Н. Буало (1636—1711), теоретик французского классицизма, именно к его труду неоднократно обращались русские поэты XVIII в. Стихотворение было известно Н. А. Львову с начала 1770-х гг., ибо оно в переводе Н. П. Осипова вошло в 1771 г. в рукописный журнал «Труды разумных общников». 23 марта 1778 г. Н. А. Львов

закончил первую редакцию (см.: Глумов А. Н. А. Львов. М., 1980, с. 28), с учетом пометок И. И. Хемницера стихотворение было завершено 28 марта 1778 г. Вскоре после этого себе в дневники его переносит М. Н. Муравьев, создавший свой перевод этой оды, опубликованный в октябре 1778 г.

Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго... (стр. 376).—Отдельное издание с текстом стихотворения на русском и французском языках (СПб., 1793). Печ. по кн.: *Поэты XVIII века*, т. 2, с. 211—212. «Песнь»—стихотворное переложение одного из старейших памятников скандинавской литературы; источником текста для Н. А. Львова стал французский перевод, почерпнутый из второго издания «Истории Дании» П.-А. Малле: Mallet P. H. Histoire de Dannemarc. Genève. V. 1—6. 1763. К этому произведению в конце XVIII—начале XIX в. неоднократно обращались русские литераторы—известны как прозаические (Ф. Моисеенко—1777; Г. Л. Байко—1778), так и поэтические его переводы (И. Ф. Богданович—1810; К. Н. Батюшков—1816). *Гаральд Храбрый* (1015—1066)—король Норвегии (с 1047 г.), женившийся в 1045 г. на дочери великого князя киевского Ярослава Мудрого (978—1054) Елизавете. *Дронтеймунд*—житель Дронтейма, северной области Норвегии.

Из Анакреона (стр. 377).—Печ. по кн.: Стихотворение Анакреона Тийского. СПб., 1794, с. 5, 7, 9, 111—115, 229, 231, 233, 241. По своему культурному значению книга, подготовленная Н. А. Львовым, намного превосходит аналогичные издания П. Е. Струйского (1788), И. В. Виноградова (1792), Н. Ф. Эмина (1795), И. И. Мартынова (1802) и т. д. Предисловие Н. А. Львова суммировало размышления о задачах поэтического творчества и перевода, о месте художника в общественной жизни. Главные достоинства стихов Анакреона заключаются, по его мнению, в «приятной философии, каждого человека состояниис усаждающей» (с. IV), а также в «яснительной истине и простоте мыслей, таком чистом и волшебном языке, который останется предметом отчаяния для всех подражателей его» (с. V—VI). Как высшее воплощение эстетических принципов античности Анакреон противопоставляется поэтам нового времени—Ф. Петрарка, Г.-А. Шолье, К.-Ж. Дора, С. Геснер изменили простоте и истине, прельстившись декоративными эффектами.

Греческого языка Н. А. Львов не знал, поэтому в своей работе он использовал подстрочник, сделанный неизвестным лицом, а также переводы Анакреона на европейские языки. Несколко раз русского поэта консультировал греческий просветитель архиепископ Евгений Буларис (1715—1806), живший с 1775 г. в России. В качестве своих источников Н. А. Львов назвал 11 западноевропейских переводов, в действительности он использовал лишь 8—А. Дасье, И.-Б. Лонжепьера, А. Лафосса, Ф. Гакона, Ж.-Ж. Мутонне де Клерфона, И.-Х.-Ф. Майнеке, П. Роали, И.-Б. Бодониуса. Все они восходят к опубликованной в 1554 г. Анри Этьеном (1528—1598) анакреонтее, включающей как подлинниые оды древнегреческого поэта Анакреона (VI—V вв. до н. э.), так и позднеантичные подражания.

Ода I. Знаменитая подражательная ода, переводилась М. В. Ломоносовым. *Ат-риды*—мифические потомки Атрея, к которому возводили свою генеалогию царские роды Древней Греции. *Кадм*—легендарный основатель Фив, сын Агенора, брат Европы, похищенной Зевсом.

Ода II, подражательная. Несмотря на то что Евгений Буларис советовал, сообразуясь с подлинником, определить главное качество мужчин как «благоразумие», Н. А. Львов, следуя европейской традиции, переводит «мужество», не решаясь обидеть женщин: «...как русскому объявить войну лучшей части света, отказав ей (суровой, однако) дар благоразумия!» (с. 67).

Ода III, подражательная, переводилась М. В. Ломоносовым. *Воот, Арктос*.—«Северного полюса созвездие Большая медведица называлась у греков Арктос; последующие за оным именовались: Воот и Арктофилас, то есть страж медведицы. Анакреон не мог лучше означеновать полночи, как обращением Арктоса; поелику созвездие сие начинает обращаться около арктического полюса по окончании половины течения своего, т. е. в полночь» (с. 69—70). *Прямо в сердце*.—«В греческом сказано прямо в печенку. Древние полагали, что престол любви должен быть в печенке. В последующие времена

переместили оный в сердце. А в наш просвещенный век многие думают, что он в уме...» (с. 70).

Ода XXVIII, подражательная, переводилась М. В. Ломоносовым, в примечаниях Н. А. Львов так оценил труд своего предшественника: «Он во многих местах отступил, инде прибавил по причине той, что писал стихами с рифмами; и между его и моим переводом выходит только та, по мнению моему, разница, что мой перевод к подлиннику ближе, а его лучше» (с. 171). При переводе этой оды проявилось стремление Н. А. Львова несколько «акклиматизировать» оригинал, в подлиннике говорится о черных волосах девушки, у русского поэта — о русых. *Родос* — остров в Эгейском море.

Ода LIV, подражательная. *Кивелла* — «...была одна из приятельниц Анакреоновых, а не Кивелла, щедрая земли богиня; ту Анакреон не вызывал бы, кажется, на пляску» (с. 272).

Ода LV, подражательная. Переводилась А. С. Пушкиным («Узнают коней ретивых...»). *Парфяне* — народ, господствовавший в Передней Азии с III в. до н. э. по III в. н. э.

Оды LVI, LX — подлинники оды Анакреона, переводившиеся также А. С. Пушкиным.

М. Н. Муравьев (1757—1807)

Родился в состоятельной дворянской семье, в 1768 г. поступил в гимназию при Московском университете, где проучился несколько месяцев. В октябре 1772 г. становится солдатом лейб-гвардии Измайловского полка, весьма скоро начинает тяготиться военной службой.

В 1773—1775 гг. выходит 7 книг М. Н. Муравьева (стихи, басни и т. д.). Молодому литератору покровительствуют В. И. Майков, М. М. Херасков, Н. И. Новиков, Я. Б. Княжнин, в середине 1770-х он знакомится с Н. А. Львовым, И. И. Хемницером, В. В. Капнистом и несколько позже с Г. Р. Державиным. В биографии поэта 1770—1780-е гг. — период напряженных творческих поисков и самообразования.

В ноябре 1785 г. Муравьев назначен «кавалером» великого князя Константина, а вскоре становится наставником его старшего брата Александра, будущего императора. В феврале 1796 г., когда воспитание великих князей было окончено, поэт получил отставку в чине бригадира. В 1800 г. он становится сенатором, в 1801-м — статс-секретарем у принятии прошений, в 1803-м — товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета. Стихи Муравьева, испытавшие значительное влияние лирики Горация, стали одним из ранних явлений русского преромантизма, во многом предвосхитив достижения Н. М. Карамзина, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина.

Произведения Муравьева, кроме особо отмеченных случаев, печ. по кн.: *Муравьев, 1967*.

Избрание стихотворца (стр. 381).— *Муравьев, 1819—1820*, т. I, с. 16. Написано, видимо, в первой половине 1770-х гг.

Стансы (стр. 381).— Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михаила Муравьева. СПб., 1775, с. 22. В наст. изд. печатается ранняя, более совершенная в художественном отношении редакция. Стихотворение было переработано в начале 1800-х гг.

Сонет к Музам (стр. 382).— Там же, с. 28.

«Бежит, друзья, бежит невозвратно время...» (стр. 383).— *Муравьев, 1967*, с. 129. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 30, л. 4. Входит в рук. сборник 1776 г.

К Хемницеру (стр. 384).— *Муравьев, 1819—1820*, т. I, с. 55. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 54, л. 35-об. *Хемницер Иван Иванович* (1745—1784) — поэт и баснописец.

Львов Николай Александрович — см. коммент. на с. 688. *Алициев сад* — роскошный сад царя Алицины (Алкиноя), приютившего Одиссея после кораблекрушения. Стихотворение входит в рук. сборник 1776 г.

К Д*** (стр. 385). — *Муравьев, 1967*, с. 155. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 30, л. 5. Обращено к актеру и драматургу Ивану Афанасьевичу Дмитревскому (1734—1821), с которым поэт познакомился в 1776 г. *Лесбийский гражданин*. — Имеется в виду древнегреческий поэт Алкей (VII—VI вв. до н. э.). *Пиндар* — греческий поэт, автор торжественных гимнов (518—ок. 422 до н. э.). *Любовника Глицеры* — то есть римского поэта Горация (65 до н. э.—8 до н. э.). Стихотворение входит в рук. сборник 1776 г.

«Любовник прелести, где я ее найду?..» (стр. 386). — Санкт-Петербургский вестник, 1778, ч. 1, с. 176.

Желание зимы (стр. 386). — Там же, ч. 2, с. 403.

Три первые строфы сохраненной Лонгином Сафовой оды... (стр. 387). — Там же, с. 402. В позднеантичном трактате «О возвышенном», приписываемом Лонгину, приведены цитаты из античных поэтов, в том числе из Саффо. Поэт пользовался переводом трактата на французский язык, выполненным Н. Буало.

Время (стр. 388). — Собеседник, 1783, ч. 2, с. 130. *Антиподы* — жители противоположной части земного шара. *Люстр* — пятилетие.

Ночь (стр. 389). — *Муравьев, 1819—1820*, т. 1, с. 28. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 54, л. 27. Работа над стихотворением длилась в 1770—1780-е гг.

Жалобы Музам (стр. 390). — Опыт трудов Вольного российского собрания при Московском университете, ч. 4. М., 1778, с. 290. *Федра* — героиня одноименной трагедии французского драматурга-классициста Ж. Расина. *Оселлда* — героиня трагедии А. П. Сумарокова «Хорев».

Роща (стр. 391). — Там же, с. 295. Написано в 1777 г. *Только небесный певец...* — Имеется в виду английский поэт Дж. Мильтон (1608—1674).

Сельская жизнь (стр. 393). — *Муравьев, 1819—1820*, т. 1, с. 20. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 54, л. 14. Написано в 1770-е гг. *Брянчанинов А. М.* — родственник Муравьева, литератор (ум. 1786). *Лухта* — река в имении Брянчанинова Фомино около Вологды.

«Душою сильною, и жаждой просвещения...» (стр. 394). — *Муравьев, 1967*, с. 195. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 30, л. 12. Восьмистишие является начальным фрагментом незавершенного стихотворения. Написано в 1770-е гг. *Ханыков Василий Васильевич* (1759—1839) — литератор, друг М. Н. Муравьева.

«Товарищи, наставники, друзья...» (стр. 394). — *Муравьев, 1967*, с. 182. Написано в 1779 г.

Милое дитя (стр. 394). — Жинкин Н. М. М. Н. Муравьев. — Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, 1913, кн. I, с. 285. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 58, л. 2-об. Входит в рук. сборник «легких стихотворений» (нач. 1780-х гг.)

Истинная красота (стр. 395). — *Муравьев, 1967*, с. 224. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 58, л. 2. Входит в рук. сборник «легких стихотворений» (нач. 1780-х гг.)

Отъезд (стр. 395). — *Муравьев, 1967*, с. 215. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 58, л. 3-об. *Душенькин супруг* — Амур, персонаж поэмы И. Ф. Богдановича «Душенька». Входит в рук. сборник «легких стихотворений» (нач. 1780-х гг.)

Нравоучитель (стр. 396). — Жинкин Н. М. М. Н. Муравьев, с. 288 (выходные сведения в коммент. к с. 394). Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 58, л. 4. Входит в рук. сборник «легких стихотворений» (нач. 1780-х гг.)

«Иной бы стал непостоянством...» (стр. 397). — *Муравьев, 1967*, с. 213. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 57, л. 7.

«Итак, опять убежище готово...» (стр. 397). — *Муравьев, 1967*, с. 199. Печ. по рук.: ГПБ, ф. 499, № 55, л. 1. *Берново* — имение в Старичком уезде, принадлежавшее И. П. и А. Ф. Вульфам, родственникам поэта. *Гури* — по мусульманским представлениям, юные девы, обитающие в раю. *Сестра моя* — Федосья Никитична Муравьева (род. 1760), в замужестве Лупина. *Сведенборг Э.* (1688—1772) шведский религиозный писатель. *Божок соименный* — Амур.

Утро (стр. 399).— *Муравьев, 1967*, с. 202.

Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина (стр. 400).— Отд. изд. (СПб., 1791). Я. Б. Княжнин (см. коммент. на с. 678) скончался 4 января 1791 г. *Владислав*—герой одноименной трагедии Княжнина.

«Здоровье девицы пятнадцати лет...» (стр. 400). Шеридан Р.-Б. Школа злословия. Перевод И. М. Муравьева. СПб., 1794, с. 74, с пометой: «Песня. Перевод из Шеридана». Имя переводчика установлено по автографу Л. И. Кулаковой. «Мои стихи, мой друг,—осенние листы...» (стр. 400).— *Муравьев, 1967*, с. 245. Время написания неизвестно.

Сила гения (стр. 401).— *Антиды*, М., 1792, кн. 2, с. 121. *Мармонтель Ж.-Ф.* (1723—1799), *Бомарше П.-О.* (1732-1799) — французские писатели. *Вергилий*— римский поэт (70—19 до н. э.). *Корреджо А.* (ок. 1489—1534) — живописец, представитель Высокого итальянского Возрождения. *Албан*—Льбани Ф. (1578—1660), итальянский художник. *Тассо* Торквато (1544—1595) — итальянский поэт эпохи Возрождения. *Песни Оссиана*.— См. коммент. к с. 276. *Юнг Эдуард* (1683—1765) — английский поэт-сентименталист. *Сад Армииды*.— В поэме Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» волебница Армида увозит рыцаря Ринальдо на острова, где среди прекрасных садов он позабыл о цели, которой посвятил себя. *Меандры* — изгибы речного русла.

Богине Невы (стр. 403).— *Антиды*, кн. 2. М., 1797, с. 130, с подписью: «М. Мрвн». *Парос и Лемнос* — острова в Эгейском море. *Бостанжи, кизляр-ага* — турецкие придворные чины. *И амуры на часах* — процитировано К. Н. Батюшковым в стихотворении «Ложный страх». *Взъявь богиню благосклонну...* — Эти стихи парафразированы в I главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

К Музе (стр. 404).— *Муравьев, 1819 1820*, т. 1, с. 64. *Июлия* — часть Древней Греции. *Валлеф Э.* (1605—1687) — английский поэт. *Лафонтен Ж.* (1621—1695) — французский поэт-классицист. «*Россияда*» — эпическая поэма М. М. Хераскова (1779). «*Душинка*» — поэма И. Богдановича (1783). *Гордый певец* — М. В. Ломоносов. *Бард у Невы* — Г. Р. Державин. *Бедная Лиза* — главная героиня повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза».

В. В. Капнист (1758—1823)

Потомок греческих переселенцев, бежавших в начале XVIII в. в Россию из Турции. Вырос в обеспеченной дворянской семье, получил дома хорошее начальное образование. В 1771 г. начал службу в лейб-гвардии Измайловском полку в Петербурге, в 1773 г. переведен в Преображенский полк, где, видимо, состоялось его первое знакомство с Г. Р. Державиным и Н. А. Львовым, а через них вскоре с И. И. Хемницером и М. Н. Муравьевым. Длголетняя дружба с этими поэтами, составившими вскоре львовско-державинский кружок, способствовала формированию эстетических воззрений Капниста, стала источником многих его творческих замыслов.

В 1775 г. Капнист оставляет военную службу; живя в Петербурге, он все большее внимание уделяет литературному творчеству. После женитьбы (1781) и недолгого исполнения обязанностей контролера в Главном почтовом управлении (1782—1783) поэт переселяется в родовое имение Обуховка Миргородского уезда, откуда он часто наезжает в Петербург и Киев.

По эстетическим воззрениям Капнист в течение всей своей жизни был близок классицистам: в стихах он более всего ценит ясность мысли, точность выражений, следование духу античных авторов и т. д. Однако в своем творчестве он во многом обновлял классицистическую традицию — так, в своих одах он впервые коснулся злободневных и нелицеприятных для русского самодержавия тем. Как большой мастер показал себя поэт в легких анакреонтических стихотворениях 1790-х гг.; однако его наиболее замечательным художественным достижением стали подражания Горацию. В них сделана попытка запечатлеть черты русского быта, имеющего, по мнению поэта, непреходящее значение, увидеть вечное в национальном.

Капнист—в первую очередь лирический поэт, перу которого, помимо многочисленных стихотворений, принадлежат и драматические произведения. Так, «Ябеда» Капниста признана одним из высших достижений отечественной комедииографии. Произведения поэта печ. по кн.: *Капнист, 1973*, с учетом прижизненных публикаций.

Ода на рабство (стр. 406).—*Капнист, 1806*, с. 37. Написана в связи с закрепощением крестьян Киевского, Черниговского и Новгород-Северского наместничеств по указу Екатерины II от 3 мая 1783 г., из-за цензурных запретов была опубликована лишь в начале XIX в.

Награда праведного (стр. 410).—*Капнист, 1960*, т. I, с. 154. Черновые наброски и первая редакция на бумаге 1792 г.

Вездесущность и промысл божий (стр. 411).—*Капнист, 1806*, с. 18.

Ода на смерть Плениры (стр. 413).—Там же, с. 121. *Пленира*—первая жена Г. Р. Державина Екатерина Яковлевна Басгидон, скончалась 15 июля 1794 г.

Ода на дружество (стр. 416).—*Капнист, 1796*, с. 133. Посвящена брату поэта Петру Васильевичу Капнисту. *Фарос*—остров возле Александрии, известный своим маяком. *Дедал*—лабиринт по имени мифического строителя лабиринта Дедала. *Пифий* и *Дамон*—точнее Финтий и Дамон, согласно античной легенде, верные друзья.

Неверность (стр. 420).—Собрание наилучших российских песен, издаваемое Ф. Мейером, ч. 5. СПб., 1781, с. 9. Без подписи и заглавия. Стихотворение является подражанием песне Ж.-Ф. Лагарпа (1739—1803).

На смерть Юлии (стр. 421).—Чтение для вкуса, разума и чувствований, ч. 5. М., 1792, с. 12. Без подписи.

Красавице (стр. 422).—*Капнист, 1796*, с. 165. Посвящено жене Н. А. Львова—М. А. Львовой (1755—1807).

Старость и младость (стр. 422).—*Капнист, 1796*, с. 156.

Мотылек (стр. 423).—*Аониды, 1796*, кн. 1, с. 60.

Разлука (стр. 424).—*Капнист, 1796*, с. 154.

Богатство убогого (стр. 424).—*Аониды, 1797*, кн. 2, с. 376. С заглавием: «Другу моему».

Напрасные слезы (стр. 425).—*Капнист, 1806*, с. 235.

Невольная разлука (стр. 425).—Там же, с. 233.

Неосторожный мотылек (стр. 426).—Там же, с. 229.

Певцу Фелицы (стр. 427).—Там же, с. 200. Написано в ответ на послание Г. Р. Державина «Капнисту» (1797). *От рая Пий ключи терлет...*—В 1796—1797 гг. при вступлении наполеоновских войск в Италию Пий VI (папа римский в 1775—1799 гг.) вынужден былступить французам Болонью и Феррару. *Сестрам твоим*—музам.

Весна (стр. 428).—*Аониды, 1798—1799*, кн. 3, с. 17. Под заглавием: «Подражание Горациевой IV оде». *Даша*—Дарья Алексеевна, урожденная Дьякова (1767—1842), вторая жена Г. Р. Державина, свояченица В. В. Капниста и Н. А. Львова.

Утешение в горести (стр. 429).—*Капнист, 1806*, с. 175. *Рифейски*—Уральские. *Старец, век тройной проживший, по Антилохе... сетовал...*—«знаменитый Нестор... Антилох—сын его, под Троею был он убит. Защищая отца своего» (примечание В. В. Капниста). *Троил*—сын троянского царя Приама, убитый Ахиллом. *Пад*—древнее название реки По в Северной Италии. *Хребет Альпийский преклонился...*—Имеется в виду героический переход А. В. Суворова через Альпы в 1799 г.

Время (стр. 430).—Там же, с. 185. Стих «Закуты пиры и балы» парафразирован в «Пире во время чумы» А. С. Пушкина («И заварив пиры и балы...»). *Ельнич...* *проводит до могилы...*—Имеется в виду обычай разбрасывать словые ветки во время похоронной процессии. *Капское*—вино с острова Капри.

Беззаботность (стр. 431).—Там же, с. 187.

Другу моему (стр. 432).—Там же, с. 205. Исследователями отмечено влияние этого стихотворения на «Зимнее утро» А. С. Пушкина и «Первый снег» П. А. Вяземского.

Суетность жизни (стр. 433).— Там же, с. 173.

Ода «Ломоносов» (стр. 434).— Там же, с. 215. Стихи, взятые в кавычки (строфы 3—7),— близкий к тексту пересказ либо цитаты строк из ломоносовских произведений. В строфах 3—4—парафраз ст. 7—8, 30—32 из «Оды, выбранной из Иова»; в строфах 5—6—цитата из «Оды на день брачного сочетания их имп. высочеств государя великого князя Петра Федоровича и государыни великия княгини Екатерины Алексеевны 1745 года»; в строфе 7—парафраз стихов 55—60 из «Оды блаженных памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года».

Богатому соседу (стр. 436).— Там же, с. 222. *Каррара*—славившийся мрамором город в Северной Италии.

Красота (стр. 437).— Там же, с. 203.

Ворожба (стр. 438).— Там же, с. 170.

Совет (стр. 439).— Там же, с. 179.

Другу сердца (стр. 440).— Там же, с. 193. *Гиркански дебри*.— Гирканией римляне называли земли у южного побережья Каспийского моря. *На бреге Псола*.— У реки Псел в Миргородском повете Полтавской губернии находилась Обуховка, вотчина Капнистов. *Салдайская тока*—по всей вероятности, имеется в виду река Салгир в Крыму. *Владимиром сражен Перун*...—Имеется в виду крещение Руси в 988 г. Владимиром.

Ю. А. Нелединский-Мелецкий (1752—1828)

Принадлежал по происхождению и связям к высшей русской аристократии, получил прекрасное домашнее образование. С 1764 г. жил в Петербурге у своей бабушки А. И. Куракиной в окружении юных родственников из знатных семей, товарищем его игр бывал великий князь Павел Петрович.

В 1769—1770 гг. Нелединский учился в Страсбургском университете. Участник русско-турецкой войны 1768—1774 гг. В 1785 г. оставляет военную службу с чином полковника, в сентябре 1786 г. назначен директором открытого в Москве Главного народного училища. В 1780-х гг. сближается с М. М. Херасковым и И. П. Дмитриевым, а затем и с Н. М. Карамзиным.

В 1796 г. Павел назначил поэта секретарем у принятия прошений с чином действительного статского советника, а в 1800-м—сенатором с чином тайного советника. В заключительный период служебной деятельности (1807—1823) занимал необременительные высокооплачиваемые должности.

Литературный успех поэту принесла любовная лирика, в первую очередь песни. В этом жанре Нелединский сумел создать оригинальные художественные миниатюры, умело используя фольклорные мотивы. Утонченный психологизм, внимание к жизни чувствительного сердца, мастерское владение стихом принесли его лирическим произведениям заслуженный успех у широкой аудитории—сначала они распространялись в списках и лишь затем были опубликованы в сентименталистских изданиях. Именно песни Нелединского, по мнению А. С. Пушкина и П. А. Вяземского, обновили русскую лирику конца XVIII столетия, значительно способствовали совершенствованию литературного языка.

Кроме особо оговоренных случаев стихи Нелединского-Мелецкого печ. по кн.: *Поэты XVIII века*, т. 2.

Гр. А. С. С...й... (стр. 441).— *Нелединский*, 1850, с. 121. Адресат не установлен.

Темире (стр. 441).— Там же, с. 76. Датируется по письму к Д. П. Головиной от 1 декабря 1792 г., в котором было послано стихотворение.

К Темире (стр. 442).— *Антида*. Кн. 1. М., 1796, с. 62, под заглавием: «Послание к Темире» и подписью: «Ю. Н. М.» Печ. по кн.: *Нелединский*, 1850, с. 78.

Отрывок из письма к Ал. Вас. Нарышкину... (стр. 444).— *Нелединский, 1850*, с. 82. Печ. по кн.: *Рус. поэзия*, вып. VII, с. 22.

Письмо А. В. Сал...у (стр. 445).— *Нелединский, 1850*, с. 107. С пометой после заглавия: «Писано из Нежина в Москву, 1783 года в апреле». Адресовано А. В. Салтыкову.

Молитва (стр. 446).— Там же, с. 41. печ. по кн.: *Рус. поэзия*, вып. VII, с. 17. Написано в 1787 г. Нестандартность трактовки главной темы стала причиной запрещения стихотворения духовной цензурой при жизни поэта.

Стихи на заданные рифмы (стр. 447).— Новые ежемесячные сочинения, 1787, № 5, с. 53. Без подписи.

«Ах! тошно мне...» (стр. 448).— Новый русский песенник. 1791, ч. 2, с. 65. Другая редакция, без подписи.

«Наконец твой обман...» (стр. 448).— Московский журнал, 1792, № 1, с. 5, под заглавием: «Ниса. Вольное подражание итальянской песне из Метастазия» — и с подписью: «Ю. Н. М.» Подражание П. Метастазю (1698—1782).

«Ты велишь мне равнодушным...» (стр. 451).— Чтение для вкуса, разума и чувствований, 1792, ч. VIII, с. 195, под заглавием: «Песня» и с подписью: «Ю. Н. М.»

«У кого душевные силы...» (стр. 452).— Московский журнал, 1792, ч. VIII, с. 235, под заглавием: «Песня» — и с подписью: «Ю. Н. М.»

«Милая вчера сидела...» (стр. 453).— Магазин общепользных знаний и изобретений, 1795, № 8. Нотное приложение. Под заглавием: «Песня» и без подписи.

«Дни счастливы миновались...» (стр. 453).— Карманный песенник. 1796, ч. I, с. 8. Без подписи.

«Полно льститься мне слезами...» (стр. 454).— Там же, 1796, ч. I, с. 12. Без подписи.

«Если б ты была на свете...» (стр. 455).— Там же, 1796, ч. I, с. 14. Без подписи.

«Выйду я на реченьку...» (стр. 455).— Там же, с. 17. Без подписи. Два первых стиха заимствованы из народной песни.

«Гроза нас, Лиза, гонит...» (стр. 457).— Там же, с. 54. Без подписи. Перевод стихотворения французского поэта Фабра д'Эглантена (1755—1794).

«Свидетели тоски моей...» (стр. 457).— Там же, с. 65. Без подписи.

«Зимы дни мрачны исчезают...» (стр. 459).— Там же, с. 69. Без подписи. Перевод из Ж.-Ф. Лагарпа (1739—1808).

«Прости мне дерзкое роптанье...» (стр. 461).— Там же, с. 73. Без подписи.

«Старанья все мои напрасны...» (стр. 461).— *Нелединский, 1850*, с. 21—23.

Сила дружбы (стр. 462).— Там же, с. 122.

А. Н. Радищев (1749—1802)

Родился в дворянской семье. Первоначальное образование получил дома — в деревне, затем в Москве, где занимался на дому с преподавателями Московского университета. В 1762 г. Радищева приняли в Пажеский корпус в Петербурге, откуда в 1767 г. он был послан в Лейпцигский университет. Вернувшись в Россию в 1771 г., служил в Сенате, в Коммерц-коллегии, наконец в Петербургской таможне (в 1790 г. — управляющий таможней). В мае 1790 г. в домашней типографии Радищев анонимно напечатал «Путешествие из Петербурга в Москву», над которым работал в 1780-е гг. Крамольное сочинение дошло до Екатерины II, и уже в июне начато было следствие. Радищева арестовали и приговорили к смертной казни, которая была заменена десятилетней ссылкой в Сибирь в Илимский острог. После смерти Екатерины II писатель получил разрешение послаться в имение отца в Калужской губернии. В 1801 г. при Александре I Радищев смог вернуться в Петербург и даже принял участие в работе

Комиссии для составления полного собрания законов. Но, не встретив поддержки своим идеям, он покончил самоубийством.

Кроме «Путешествия», Радищеву принадлежат произведения самых разных жанров: публицистическое «Письмо другу, жительствующему в Тобольске», «Житие Федора Васильевича Ушакова», сочетающее элементы жизнеописания и мемуаров; психологический этюд «Дневник одной недели»; философский трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» и многие другие. Стихи он писал на протяжении всей жизни. Для Радищева-поэта характерно постоянное стремление к обновлению традиционных жанров, форм, мотивов, а также ритмические эксперименты. Все это проявилось и в написанных им поэмах, и в его лирике. Вместе с тем Радищев опирался на опыт своих предшественников, прежде всего М. В. Ломоносова. В «Слове о Ломоносове», завершающем «Путешествие», Радищев с присущей ему бескомпромиссностью возражал против «общего обычая ласкати царям», но здесь же исключительно высоко оценивал роль Ломоносова как «насадителя российского слова», говорил о «бесчисленных красотах» и «благогласии» его стихов. Высокий стиль Радищева отличает намеренной затрудненностью языка: обилие архаизмов, инверсий, трудные для произношения созвучия. Все это было связано с представлением поэта о соответствии словесного оформления смыслу стиха: важная мысль должна остановить на себе внимание читателя. Этот существенный для него принцип поэт обосновывал на примере стиха из оды «Вольность»: «Во свет рабства тьму претвори». Признавая, что этот стих «туг и труден на изречение», Радищев объяснял: «...Иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия».

Для лирики Радищева характерно органичное соединение гражданственных тем и автобиографических мотивов. Ряд его стихотворений, написанных на пути в ссылку и в ссылке, можно рассматривать как своего рода лирический дневник, в котором отразилась личная трагическая судьба автора. Радищевская поэзия привлекла к себе внимание и современников (например, П. А. Словцова — см. с. 705), и последующих поколений (лирика декабристов, «Вольность» А. С. Пушкина и т. д.).

Вольность. Ода (стр. 463).—Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790, с. 356 (в сокращении и частичном пересказе). Печ. по кн.: *Радищев, 1975*, с. 56 (здесь в примечаниях тщательно исследована творческая история стихотворения, с учетом всех известных публикаций и списков). Датируется 1783 г. **Брут** Марк Юний (85—42 до н. э.)—один из участников убийства Юлия Цезаря. **Тель** Вильгельм (XIV в.)—герой швейцарской легенды, убийца наместника-тирана. **Зерцало**—установленная в судах трехгранная призма, на которой было начертано напоминание судьям строго соблюдать законы. **Меч, весы**—символы правосудия. **Гнушная жертвенная тли**—то есть тленных, презренных подношений. **Право мщениое природы**—право мщения, основанное на естественном чувстве самосохранения. **Медны... громады**—пушки. **Господь**—здесь: господин. **В отличность знак изобретенный**—орден. **Кромвель О.** (1599—1658)—деятель английской революции XVII в. **Карл I** (1600—1649)—английский король (1625—1649), казненный в результате революции. **Сломив опор духовной власти...**—Речь идет о главном деятеле немецкой Реформации М. Лютере (1483—1546). **Венец трегубый**—тиара, корона римского папы. **Жезл священный**— посох священнослужителей высших рангов. **Молний**—молнии. **Мнимое прощенье**—индальгенция. **Как сый всегда...**—Речь идет о боге—творце мира. **Десятина**—налог в пользу церкви. **Стерша зверство рать**—рать, уничтожившая деспотизм. **Вашингтон Дж.** (1732—1799)—главнокомандующий американцев во время их войны за независимость с Англией (1776—1783), первый президент Североамериканских Соединенных Штатов. **Двулична бога храм закрылся**—то есть прекратились войны; древнеримский бог Янус изображался с двумя лицами; двери его храма были открыты во время войны. **Пиндар** (ок. 518—442 или 438 до н. э.)—древнегреческий поэт-лирик. **Невтонова глава.**—Невтон—Ньютон И. (1643—1727). **Марий Гай** (ок. 157—86 до н. э.) и **Сулла Луций Корнелий** (138—78 до н. э.)—древнеримские политические деятели, злоупотреблявшие властью. **Весы златые мзды позорной...**—Речь идет

о тиранической политике Суллы, по приказу которого подвергались казни те, кто помогал осужденным, и награждались убийцы. *Август* Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 г. до н. э.—14 г. н. э.), римский император, принявший имя Август. *К тебе душа моя вспалена...*—Речь идет о республике Североамериканских Соединенных Штатов; позднее отношение Радищева к ней изменилось, так как не оправдались его надежды на уничтожение там рабства негров. *Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл...*—Пересказ обращения к Америке французского просветителя Г.-Т.-Ф. Рейналя. *Величеством, что здесь я пел...*—то есть вольностью. *Стражу к словеси пристаиват...*—Речь идет о цензуре. *Смертность*—здесь: человечество, люди.

«Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?» (стр. 478)—Живописец. Еженедельный журнал Н. И. Новикова. СПб., 1864, с. 347, под заглавием, данным П. А. Ефремовым: «Ответ г-на Радищева, во время проезда его через Тобольск, любопытствующему узнать о нем». Печ. по кн.: *Радищев, 1975*, с. 76. Датируется ориентировочно началом 1791 г.

«Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится...» (стр. 478)—Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева, ч. 1, М., 1806, с. 171, под заглавием: «Послание». Печ. по кн.: *Радищев, 1975*, с. 76. Датируется ориентировочно началом 1791 г.

«Час преблаженный...» (стр. 479)—Русский вестник, 1858, т. 18, декабрь, кн. 1, с. 416. Печ. по кн.: *Радищев, 1975*, с. 124. Датируется серединой января 1797 г.

Сафические строфы (стр. 480)—Иппокрена, 1801, ч. 10, с. 288. Печ. по кн.: *Радищев, 1975*, с. 162. Вольное переложение 15-го эпода Горация.

Оснадцатое столетие (стр. 480)—Собрание оставшихся сочинений..., с. 179. Печ. по кн.: *Радищев, 1975*, с. 180. Датируется 1801—1802 гг. *Из океана возникли...*—Речь идет о географических открытиях XVIII в. *Нитью воздешия влпать...*—Имеются в виду труды Э. Галлея, высчитавшего орбиты комет; далее говорится о других достижениях астрономии XVIII в. *Луч расщепил твой света...*—Речь идет об открытиях И. Ньютона в области оптики. *Молотю небесу смалшило...*—Громоотвод был изобретен Б. Франклином в середине столетия. *И на воздушных крылах...*—Первый воздушный шар братьев Монгольфье был запущен в 1783 г.

С. С. Бобров (1765—1810)

Родился в семье священника. Учился в духовной семинарии, затем в Московском университете. Служил в канцелярии Сената в Петербурге, с 1791 г.—в Черноморском адмиралтейском управлении, в 1800-е гг.— снова в Петербурге, в Адмиралтейств-Коллегии, позже в Комиссии для составления полного собрания законов.

Выступал в печати с середины 1780-х годов. Был участником Общества друзей словесных наук, созданного петербургскими литераторами около 1784 г. (сюда входили также С. С. Пестов, С. А. Тучков (см. коммент. на с. 699) и другие писатели, во многом находившиеся под влиянием Н. И. Новикова и его кружка, в котором интерес к просветительским идеям сочетался с нравственно-религиозными исканиями). Как и другие члены Общества, Бобров сотрудничал в журнале «Беседующий гражданин» (1789).

Наиболее известное и замечательное произведение Боброва — поэма «Таврида». Для его лирики характерна натурфилософская проблематика, космические образы, архаизация и намеренная затрудненность слога, противостоявшая поэтическому языку септимпесталистов и сближавшая его с А. Н. Радищевым. В 1804 г. в Петербурге вышел сборник «Рассвет полночи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфирносных, браноносных и мирных героев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов Семена Боброва» (ч. 1—4). В 1807 г. Бобров стал членом Вольного общества словесности, наук и художеств.

Многие младшие современники, карамзинисты, проионизировали над Бобровым и его творчеством. В частности, П. А. Вяземский написал на него эпиграмму «К портрету Бибриса»:

Нет спора, что Бибрис богов языком пел,
Из смертных бо никто его не разумел.

Однако Г. Р. Державин, позднее В. К. Кюхельбекер, А. С. Грибоедов и др. ценили поэзию Боброва. Серьезный интерес к ней проявлял и А. С. Пушкин.

Прогулка в сумерки, или Вечернее наставление Зораму (стр. 482).— Покоящийся трудолюбец, 1785, ч. 4, с. 138, под заглавием: «Ночное размышление». Печ. по кн.: Бобров. Рассвет полночи... ч. 3. СПб., 1804, с. 10. *И атмосфера вся очреватела ей*—то есть воздух наполнился густой мглой.

Ода к Бландузскому ключу (стр. 483).—Зеркало света, 1787, ч. 5, № 87, с. 564. Печ. по кн.: Бобров. Рассвет полночи..., ч. 3, с. 120. Перевод оды Горация (книга III, ода 13). *Бландузский ключ*—источник Бандузии, на родине Горация в Южной Италии. *Песня звезда*—Сириус, главная звезда созвездия Большого Пса.

К новостолетию XIX (стр. 484).—Бобров. Рассвет полночи..., ч. 1, с. 11. *Век Сивиллин*—то есть древние времена Сивилл—легендарных пророчиц.

С. С. Пестов (1763—1827)

Учился в Московском университетском благородном пансионе, затем в Московском университете. Служил в Сенате в Петербурге, был на штатской службе в Курске, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Херсоне. Поэтическое творчество Пестова относится к 1780-м гг.—времени его участия в петербургском Обществе друзей словесных наук.

Песнь моему блаженству (стр. 484).—Беседующий гражданин, 1789, ч. 2, июль, с. 294.

Рондо. Умы (стр. 485).—Беседующий гражданин, 1789, ч. 2, июнь, с. 200. *Порист чтоб место дал иль хлеба хоть кромы...*—Порист—условное имя, собирательный образ скупого богача.

Песнь. Моей красавице (стр. 486).—Там же, ч. 3, сентябрь, с. 95.

С. А. Тучков (1767—1839)

Происходил из старинного дворянского рода. Вспоминая о детстве, рассказывал, как служившие с его отцом молодые офицеры «приносили с собою разные сочинения и читали оные вслух один другому». Из этих сочинений Тучкову особенно нравились стихи Ломоносова и масонские песни. В юности поступил на военную службу; начиная с русско-шведской войны (1789—1790), участвовал во всех последующих, включая Отечественную войну 1812 года (уже в чине генерал-лейтенанта).

Был одним из учредителей и деятельных членов Общества друзей словесных наук, помещая стихи в журнале «Беседующий гражданин». Впоследствии они вошли в издания: «Собрание сочинений и переводов в стихах С. Тучкова» (М., 1797) и «Сочинения и переводы С. Тучкова» (ч. 1—4. СПб., 1816—1817). Стихи Тучкова имеют преимущественно нравственно-философскую направленность. Присущее ему свободомыслие, отчасти проявившееся в лирике, нашло яркое выражение в его «Записках» (изд. в 1908 г.), где смело порицается тираническое правление. Здесь же Тучков упоминал о А. Н. Радищеве, с которым был знаком и во многом идейно близок. В 1820-е годы, находясь в Молдавии, встречался с А. С. Пушкиным (они оба были членами кишиневской масонской ложи «Овидий»).

Ода. Человеческая жизнь (стр. 487).—Беседующий гражданин, 1789, ч. 1, апрель, с. 388. Печ. по кн.: Сочинения и переводы С. Тучкова. СПб., 1817, ч. 4, с. 27.

Преложение псалма 12 («Доколе, Господи, доколе...») (стр. 489).—Беседующий гражданин, 1789, ч. 2, июнь, с. 127. Печ. по кн.: Сочинения и переводы, ч. 4, с. 3.

Сонет. Победители богатства (стр. 489).—Беседующий гражданин, 1789, ч. 3, сентябрь, с. 10. Подпись: С... Т... Печ. по кн.: Сочинения и переводы, ч. 4, с. 47.

Родился в семье армейского офицера. Рано потеряв отца, подростком поступил на службу. Был мелким чиновником. С 1782 г. жил в Петербурге. С начала 1780-х гг. выступал как драматург (комическая опера «Кофейница» и целый ряд других пьес). В 1789 г. издавал журнал «Почта духов»; в 1792 г. совместно с А. И. Клушиным (см. с. 700), П. А. Плавильщиковым и И. А. Дмитриевским организовал частную типографию, где печатались журналы «Зритель» (1792) и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793). Здесь появились лучшие прозаические произведения Крылова и довольно многочисленные стихи, принадлежавшие как ему, так и А. И. Клушину, А. И. Бухарскому (см. с. 701) и др. В 1800-е гг. Крылов вновь обратился к театру (шутно-трагедия «Трумф» и др.). В 1809 г. вышла первая книга его басен. С 1812 г. писатель служил в Публичной библиотеке, участвуя в литературной жизни прежде всего как баснописец. Был членом «Беседы любителей русского слова».

Лирика Крылова относится преимущественно к 1790-м гг. Во многом он ориентировался на творчество Г. Р. Державина, но по-своему использовал и опыт литературных противников — сентименталистов (прежде всего Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, с которыми полемизировал в своих журналах). Крылова привлекала нравственно-философская проблематика, получившая отражение в его обширных стихотворных посланиях и особенно в переложениях псалмов, проникнутых пафосом негодования на «неправедных врагов» и верой в торжество справедливости. Любовные стихи Крылова, прежде всего диал, посвященный Анюте («Мой отъезд», «Вечер» и др.), отчасти открывают «жизнь сердца» насмешливого сатирика. Мемуарист П. В. Алабин рассказывал о том, что эти стихи были обращены к А. А. Константиновой, дальней родственнице М. В. Ломоносова, на которой Крылов не смог жениться из-за своей бедности. В семье Раевских-Волконских сохранилось предание о том, что Крылов сватался не к ней, а к Е. А. Константиновой. Однако исследователи считают, что оснований говорить о реальном прототипе образа Анюты нет (см.: И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982, с. 43—47, 373).

В лирике Крылова вполне проявилось присущее ему замечательное владение словом. В его камерную лирику органично входят разговорные слова и обороты — здесь начинает формироваться стихотворный язык будущего прославленного баснописца.

Мой отъезд. Песня (стр. 490).— Санкт-Петербургский Меркурий, 1793, ч. 4, декабрь, с. 205. Печ. по кн.: *Крылов, 1946*, с. 259. Вольный перевод песни П. Мстаццино «La Partenza».

Вечер (стр. 491).— *Аониды*, 1796, кн. 1, с. 160, подпись: И. К-въ. Печ. по кн.: *Крылов, 1946*, с. 262.

Сонет к Нине (стр. 493).— *Крылов, 1847*, с. 96. Печ. по кн.: *Крылов, 1946*, с. 296. Датируется 1790-ми гг. Перевод сонета Ф. Петрарки «Rase non trovo e non ho da far guetta».

К соловью (стр. 493).— *Крылов, 1847*, с. 102. Печ. по кн.: *Крылов, 1946*, с. 297.

Подражание 37-му псалму (стр. 394).— *Аониды*, 1796, кн. 1, с. 34, под заглавием: «Вольное подражание псалму: Господи, да не яростию твоею и проч.»; с подписью: И. К-въ. Печ. по кн.: *Крылов, 1946*, с. 266.

А. И. Клушин (1763—1804)

Происходил из обедневшего дворянского рода. Служил в Орловской провинциальной канцелярии, затем был на военной службе. С 1788 г. жил в Петербурге; поступил в Комиссию о строении дорог. Совместно с И. А. Крыловым и П. А. Плавильщиковым издавал журналы «Зритель» (1792) и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793). Литературная известность Клушина связана прежде всего с его драматургией (комедии

«Смех и горе», «Алхимист» и др.). По своим литературным взглядам Клушин протівостоял Н. М. Карамзину и П. И. Дмитриеву, но в его лирике (так же как в повести «Несчастный М-в») заметно влияние сентиментализма.

Роза (стр. 496).—Зритель, 1792, август, с. 322.

Воззвание к Ночи (стр. 497).—Санкт-Петербургский Меркурий, 1793, ч. 1, январь, с. 10. Подпись: А. Кл.

Романс («Меняльк мой без подружки...») (стр. 499).—Зритель, 1792, февраль, с. 59, без подписи. Авторство Клушина указано в оглавлении.

А. И. Бухарский (1761—1833)

Происходил из обедневшего дворянского рода. До 1788 г. был на военной службе; с 1796 г.—в штатской (вначале в Петербурге, затем в Вильно). Выступал как драматург; по литературным и театральным интересам был близок к П. А. Крылову, А. И. Клушину, П. А. Плавильщикову; сотрудничал в их журналах (см. коммент. на с. 700) Бухарскому принадлежат и традиционные оды на военные победы, и дружеские послания, и антологические стихи (переложения из греческой поэзии с французских переводов), и галантные любовные стихотворения.

Роза и Лилея (стр. 500).—Зритель, 1792, сентябрь, с. 23, с подписью: А... Б... Авторство Бухарского указано в содержании.

К Клое (стр. 501).—Санкт-Петербургский Меркурий, 1793, ч. 4, октябрь, с. 47.

П. М. Карabanов (1765—1829)

Происходил из старинного дворянского рода. Обучался в Тверской и Троицкой Лаврской семинариях, с 1782 г.—в Московском университете. Служил в придворном ведомств. В печати начал выступать с середины 1780-х гг. Карabanову принадлежат многочисленные оригинальные и переводные стихотворения разных жанров. Его оды в основном достаточно традиционны; интереснее стихотворения более камерного характера. Г. Р. Державин находил в его стихах «сладкогласие». Карabanов был членом Российской академии. В 1800-е гг. сблизился с «архаистами», затем стал членом Беседы любителей русского слова. Все основные произведения Карabanова вошли в его сборник «Стихотворения нравственные, лирические, любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе» (СПб., 1801), пересзданный в составе «Сочинений и переводов Петра Карabanова...» (М., 1812, ч. 1—2).

Искренность пастушки (стр. 501).—Лекарство от скуки и забот, 1786, ч. 1, № 9, с. 107, под заглавием: «Сердца приобретаются искренностию». Без подписи. Печ. по кн.: Сочинения и переводы Петра Карabanова. М., 1812, ч. 1, с. 180. Текст стихотворения использован в либретто оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама».

Ф. Модестов

Сведения о Модестове очень скудны. Известно, что он учился в Тверской семинарии, когда тверским архиепископом был Арсений Верецагин (то есть с 1775 по 1783 г.), поощрявший литературные занятия семинаристов. Модестову принадлежат басни и лирические стихи, выделяющиеся на фоне массовой семинарской поэзии. Без указания источника (очевидно, по рукописи) эти стихи были опубликованы в XIX в. историком Тверской семинарии В. Колосовым.

Ласточки (стр. 504).—Колосов В. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889, с. 184. Датируется, как и последующие стихи, 1775-м—началом 1780-х гг.
«Пускай богатые в сей жизни веселятся...» (стр. 505).—Там же, с. 184.
«Если хочешь ты спокойно...» (стр. 505).—Там же, с. 186.

Я. В. Орлов (1779—1819)

Сын священника Переяславской епархии. Обучался в Троицкой Лаврской семинарии, затем в Санкт-Петербургской учительской семинарии. Преподавал в Нижегородском главном народном училище. С 1809 г. стал преподавателем, позднее — профессором Санкт-Петербургской духовной академии. В Нижнем Новгороде выпустил сборник стихов и прозы «Мое отдохновение для отдыха другим» (1799). Несмотря на несколько архаичный для этого времени язык, стихи Орлова не лишены лиризма и отличаются достаточно индивидуальным почерком. К 1800-м гг. относится ряд его исторических сочинений. Орлов был членом Вольного общества любителей российской словесности.

Мои чувства к Лаврско-Сергиевой семинарии (стр. 506).—Орлов Я. В. Мое отдохновение для отдыха другим. Нижний Новгород, 1799, с. 36. В содержании под заглавием: «Мои чувства к Троицкой Сергиевой семинарии». *Никон* (ум. 1426) — ученик Сергия Радонежского (см. ниже), после его смерти стал игуменом Троицкой обители. *Сергий Радонежский* (в миру Варфоломей Кириллович; 1315 или 1319—1392) — церковный и политический деятель, основавший около 1335 г. Троицкую обитель. *Академский лес*, *Академ* — Академия, местность в Древней Греции, названная по имени мифического афинского героя Академоса, расположенная недалеко от Афин. Здесь были посажены деревья, а среди аллей построены алтари и святилища разных божеств. В Академии проводил беседы с учениками философ Платон (427—347 до н. э.). *Другой Платон* — Платон (Левшин) (1737—1812), проповедник и писатель; с 1761 г. ректор Троице-Сергиевой семинарии, с 1766 г. — архимандрит Троице-Сергиевой лавры.

Октябрь (стр. 507).—Там же, с. 81. В содержании под заглавием: «Октябрь месяц». *Октябрь пусть древний звездочет...* — Октябрьским созвездием считался прежде Скорпион, затем Дева. *Брюс Я. В.* (1670—1735) — один из сподвижников Петра I, впоследствии генерал-фельдмаршал. Брюсу приписывалось создание «Календаря», содержащего разные предсказания. «Брюсов календарь», состоявший из шести отдельных листов, впервые появился в 1709—1715 гг. В XVIII и даже в XIX в. календарь переиздавался, распространялся в списках и пользовался большой популярностью.

Рондо («Беги от красоты и не смотри глазами...») (стр. 508).—Там же, с. 86.
«Что я тебя люблю, молчать мне иль открыться?» (стр. 508).—Там же, с. 105. В содержании под заглавием: «Открыться ль в любви?»

Песенка («Едет, едет твой дружок...») (стр. 509).—Там же, с. 108. В содержании под заглавием: «Песенка на прощание с другом». *Стонет сильный голубочек* — песня И. И. Дмитриева (см. с. 634).

«Что ты, сердце, унываешь...» (стр. 509).—Там же, с. 183. В содержании под заглавием: «Стихи. Грусть по дружке».

На прощательный день (стр. 510).—Там же, с. 107.

Надпись к шкапу книжному (стр. 510).—Там же, с. 182. В содержании под заглавием: «Надпись, бывшая на книжном моем шкапе».

Надпись к библиотеке (стр. 511).—Там же, с. 182.

Н. С. Смирнов (1767—1800)

Родился в семье крепостного — управляющего именьями князей Голицыных. Получил хорошее домашнее образование, знал несколько иностранных языков. Стремясь избавиться от крепостной неволи, чтобы поступить в университет, в 1785 г. пытался бежать

за границу, но был пойман. Во время следствия он признавался: «...Беспрепятственные в желаниях моих препоны учинили тогдашнюю мою жизнь совершенно мне постылою, и унижающее имя холопа представляло мне рабство тяжелою цепью, меня угнетающею» (Исторический архив. М.—Л., 1950, т. 5, с. 291). Вначале Смирнова приговорили к повешению, затем в связи с отменой смертной казни было решено дать ему 10 ударов кнутом, вырезать ноздри, заклеить и отправить на каторгу. Екатерина II «помилвала» Смирнова, и он был отправлен в Сибирь в солдаты. С 1788 г. преподавал в солдатских училищах в Тобольске. В 1797 г. переведен на Иркутскую казенную фабрику.

Литературные интересы Смирнова были связаны преимущественно с русским и европейским сентиментализмом (сочинения Карамзина, С. Геснера, «Страдания юного Вертера» И. Гете, «Поэмы Оссиана» и т. д.). Любимым его автором был английский автор Э. Юнг, одну из поэм которого он перевел («Смерть Нардиссы»). Юнгианские мотивы скорби и меланхолии стали ведущими и в его собственном творчестве, как в прозе, так и в поэзии. Вместе с тем лирика Смирнова сохраняет глубоко личный характер, отражая трагическое мировоззрение человека, который с основанием мог сказать: «И самой смерти злей собрание здешних бед».

В 1790-е годы сотрудничал в журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», общаясь с кругом тобольских литераторов (И. И. Бахтиным, П. П. Сумароковым и др.— см. ниже), и посылал свои произведения в Москву, где они печатались в журнале «Приятное и полезное препровождение времени».

Стихи на жизнь (стр. 511).— *Иртыш*, 1790, № 1, с. 62, под заглавием: «Стихи на смерть», с подписью: Н. С. Печ. по изд.: Приятное и полезное, 1795, ч. 8, с. 34. В том же номере журнала «Иртыш» И. И. Бахтин ответил Смирнову стихотворением «Мое возражение...» (см. с. 518).

Ответ с теми же рифмами (стр. 511).— *Поэты 1790—1810*, с. 196.

Благодарность (стр. 512).— Приятное и полезное, 1795, ч. 8, с. 226, с подписью: Даурец Номохон (Смирнов упоминал, что «Номохон» означает по-монгольски «смирный»; «Даурец» — от слова Даурия, одно из мест службы Смирнова в Сибири, недалеко от границы с Монголией). *Латонин сын* — Аполлон (греч. миф.). ...*Зверь // Сократу смертный яд разведший...* — Древнегреческий философ Сократ (ок. 469—399 до н. э.) был обвинен афинянами в безбожии и вредной государствену деятельности; его осудили выпить чашу со смертным ядом. В русской литературе XVIII в. образ невинно осужденного мудреца Сократа очень популярен. Для Смирнова этот образ имел и автобиографический смысл. *Скот, Эфесский храм сожегший* — Герострат. ...*Истукан... немногих божества...* — Речь идет о благотворительности, которую чтут немногие.

Душинька. Отрывок (стр. 513).— Приятное и полезное, 1795, ч. 6, с. 7, с подписью: Даурец Номохон. И по заглавию, и по избранному размеру (разностопный ямб) стихотворение соотносится с поэмой И. Ф. Богдановича «Душинька».

Песня («Утомится ль рок жестокий...») (стр. 514).— *Иртыш*, 1790, январь, с. 57, с подписью: Н. С.

Песня («Во всем пространстве света...») (стр. 515).— Там же, с. 59, с подписью: Н. С.

Песня («На что, печальна лира!...») (стр. 516).— Приятное и полезное, 1795, ч. 7, с. 297, с подписью: Даурец Номохон.

И. И. Бахтин (1755 или 1756—1818)

Происходил из небогатой дворянской семьи. Начав военную службу, скоро перешел в штатскую. В 1780-е гг. служил в Сибири — в Тобольске и Перми — стряпчим, затем губернским прокурором. В 1789—1791 гг. деятельно сотрудничал в сибирском журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», общаясь с Н. С. Смирновым, П. П. Сумаро-

ковым и др. С 1797 г. жил в Петербурге. В 1803 г. назначен в Харьков губернатором Слободской Украины, в 1814 г. вернулся в Петербург.

Для большинства произведений Бахтина характерна сатирическая направленность (эпиграммы, притчи, стихотворные сказки и др.). Публикуемые стихи — немногочисленные образцы его лирики. Несколько переработав тексты, Бахтин включил свои сочинения 1780—1790-х гг. в сборник «И я автор, или Разные мелкие стихотворения» (СПб., 1816).

Стансы. На счастье (стр. 517).— *Иртыш*, 1789, сентябрь, с. 14, под заглавием: «Стансы»; подпись: Ив. Бахт. Печ. по кн.: Бахтин И. И. И я автор. СПб., 1816, с. 12.

Мое возражение... (стр. 518).— *Иртыш*, 1790, январь, с. 62. Подпись: Ив. Бахт. Печ. по кн.: Бахтин И. И. И я автор, с. 45. Отклик на стихотворение Н. С. Смирнова «Стихи на жизнь» (см. с. 511).

П. П. Сумароков (1765—1814)

Внучатный племянник А. П. Сумарокова. Родился во Владимире, детство провел в деревне, с 1777 г. жил в Москве; получил основательное домашнее образование. В службу вступил в Преображенский полк, где сблизился с Н. М. Карамзиным. Первым выступлением в печати явились несколько сатирических стихотворений в «Лекарстве от скуки и забот» (1786). По обвинению в подделке ассигнации в 1787 г. Сумароков был лишен дворянства и сослан на 20 лет в Тобольск. Благодаря покровительству губернатора А. В. Алябьева там он пользовался полной свободой и принимал активное участие в издании первого русского провинциального журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789—1791), продолжением которого являлась «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (1793—1794). В дальнейшем Сумароков печатал свои стихотворения в журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Аонида». По восшествии на престол Александра I Сумароков был амнистирован, а в 1802 г. ему было возвращено дворянское звание. Переехав в Москву, он в 1802—1804 гг. редактировал «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», а в 1804—1806 гг. — «Вестник Европы». После 1808 г. жил в своем имении Купеево Тульской губернии, занимаясь составлением лечебников.

Плач и смех (стр. 518).— *Приятное и полезное*, 1795, ч. 7, с. 29. Печ. по кн.: Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов Пан(кратия) Сум(арокова), ч. 1. М., 1799, с. 153. Датируется между 1788 и 1795 гг. Вольный перевод первых двух строф сатиры Вольтера «Jean qui pleure et qui rit».

К человеку (стр. 519).— Журнал приятного, любопытного и забавного чтения, 1802, ч. 1, № 3, с. 211. Печ. по кн.: Собрание некоторых сочинений..., ч. 2. М., 1802, с. 72. Датируется не позднее 1802 г.

И. Б. Лафинов (ок. 1767—1810)

Родился в Москве в семье священника. Учился в Славяно-греко-латинской академии, откуда в ноябре 1786 г. был переведен в открывшуюся С.-Петербургскую учительскую семинарию. С марта 1789 г. преподавал в Тобольском главном народном училище. Лафинов был одним из самых активных сотрудников издававшегося при училище журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену».

Элегия («Итак, надежды нет с возлюбленной мне быть?..») (стр. 520).— *Иртыш*, 1789, октябрь, с. 48.

Элегия («О, Боже мой! Что я?.. Что сделалось со мной?..») (стр. 521).— Там же, ноябрь, с. 27.

Родился на Урале в семье заводского священника. Учился в Тобольской духовной семинарии, откуда был направлен в Петербург в Главную Александро-Невскую семинарию. Завязавшая здесь дружба Словцова с М. М. Сперанским 1772—1830, впоследствии видным государственным деятелем, продолжалась в течение всей жизни. С 1792 г. Словцов преподавал философию и риторику в Тобольской семинарии. Произносившиеся им проповеди в Тобольском соборе были проникнуты вольнодумством и послужили причиной ареста. Он был сослан в Валаамский монастырь на Ладожском озере. Затем жил в Петербурге под надзором, преподавал в Александро-Невской семинарии. В 1808 г. Словцова вновь арестовали по ложному обвинению и отправили в Сибирь. С 1815 г. он был директором иркутской гимназии, затем инспектором учебных заведений Сибири. Ему принадлежит ряд трудов по истории края: «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году» (1834), «Историческое обозрение Сибири» (ч. 1—2, 1838—1844) и др.

Поэтическое творчество Словцова относится к 1780—1790-м гг. и отчасти переключается с гражданской поэзии А. Н. Радищева (ода Словцова «Древность» первоначально даже приписывалась Радищеву). Продолжая традиции русской философской лирики, стихи Словцова отличаются самобытностью, колоритным, хотя и несколько затрудненным слогом. Из написанных им стихотворений Словцов напечатал немногие; большинство сохранилось в рукописях, в частности в стихотворных сборниках, составленных семинаристами конца XVIII—начала XIX в.

К Сибири (стр. 523).—Муза, 1796, ч. 1, с. 100, подпись: NN. Написано в 1782 г. в связи с учреждением Тобольского наместничества. *Тура* река, берущая начало в родных местах Словцова. *Часослов*—сборник молитв и песнопений для ежедневных церковных служб. *Рейналь Г.-Т.-Ф.* (1713—1796) французский историк и публицист. *Пусель*—Пуссен Н. (1594—1665), французский художник, автор картин «Аркадские пастухи». Выражение «И я в Аркадии родился» было широко распространено в европейской литературе с XVII в.; в XVIII в. оно встречается и в русских переводах, например в переводе драмы Х.-Ф. Вейсе «Аркадский памятник», осуществленном Н. М. Карамзиным (1789).

Послание к М. М. Сперанскому (стр. 524).—Русская старина, 1905, № 8, с. 400 (отрывок). Печ. по кн.: *Поэты 1790—1810*, с. 208. Написано в 1794 г. в Валаамском монастыре. М. М. Сперанский в это время преподавал в Александро-Невской семинарии. *Кларковым умом*.—Кларк С. (1675—1729) английский философ. *Монтень М.* (1533—1592), французский писатель и философ. *Тиран предрасуждений* критик предрассудков. *Бель*—Бейль П. (1647—1706), французский философ. *Такать* поддакивать. *Адонис*—финикийский бог природы, изображавшийся в виде прекрасного юноши. *Фонтенель Б.* (1657—1757)—французский философ и писатель, автор галантных стихов и пасторалей.

«Полно, друг, с фортуною считаться...» стр. 526. Русская старина, 1872, № 1, с. 81. Печ. по изд.: Русская старина, 1872, № 3, с. 169. В письме М. М. Сперанскому от 27 февраля 1796 г. тексту стихотворения предшествуют слова: «Дополнение к вчерашнему разговору». Темой «разговора» было обсуждение дальнейшей судьбы Сперанского, в то время prefecta Александро-Невской семинарии: ему предлагалось или принять монашество, или поступить на светскую службу в генерал-прокурорскую канцелярию. Он выбрал последнее, может быть, не без влияния Словцова. Спустя 17 лет, быстро сделав блестящую карьеру и став ближайшим советником Александра I, а затем внезапно подвергнувшись опалу, сосланный Сперанский в письме к Словцову в 1813 г. написал ответное послание «Нельзя с фортуною не считаться...» (Владимирские епархиальные ведомости, 1882, № 5. Часть неофициальная, с. 121). *Пролог*—сборник житий святых и поучений, расположенных по месяцам и дням года.

Двоюродный брат поэта и архитектора Н. А. Львова, отец композитора А. Ф. Львова. Родился в дворянской семье, располагавшей скромным материальным достатком. Службу начал в 1778 г. в лейб-гвардии Преображенском полку. Активный участник львовско-державинского литературного кружка в 1780—1790-е гг. (см. коммент. на с. 688).

Стансы (стр. 527).—Московский журнал, 1791, ч. 3, с. 4—6, с подписью: «NN» и припиской: «Сообщены из Петербурга».

К реке Талажне (стр. 529).—Там же, 1791, ч. 4, с. 124—127, с припиской: «Сочинено в селе Арпачеве NN». *Талажня*—река в новоторжском имении Ф. П. Львова Арпачеве.

Доброму человеку (стр. 530).—Там же, 1792, ч. 8, с. 202—204, с подписью: «NN» и припиской: «Из Петербурга». Посвящено Г. Р. Державину. *Притяв в себя и стан вдовицы...*—Парафразированы стихи оды Державина «Вельможа». *Сладко дремleshь...*—Мемуаристами отмечена способность Державина порой дремать в кругу гостей. *Но счастье твое в тебе...*—Парафраз стиха из оды «На смерть князя Мещерского». *При водопаде...*—Намек на оду Державина «Водопад».

А. М. Бакунин (1768—1854)

Родился в состоятельной дворянской семье. В 1781 г. назначен актуариусом Коллегии иностранных дел и отправлен в Турни; в 1780-е гг. учился на философском факультете Падуанского университета, что не препятствовало его служебному продвижению (в 1784 г.—переводчик, в 1787 г.—коллежский ассессор). В 1790 г. вышел в отставку и возвратился в Петербург. Пошатнувшееся благосостояние семьи вынудило его удалиться в Прямухино и заняться хозяйством. В этом имении А. М. Бакунина, где он фактически безвыездно прожил до своей смерти, в 1830-е гг. частыми гостями бывали В. Г. Белинский, Н. В. Станкевич, В. П. Боткин, И. С. Тургенев, дружившие с сыном поэта Михаилом, впоследствии известным анархистом-революционером.

В 1790-е гг. А. М. Бакунин участник львовско-державинского литературного кружка. Данная подборка повторяет композицию рукописного сборника (*ИРЛИ*, ф. 16, оп. 2, 'ед. хр. 1, 9 л.), подаренного поэтом Н. А. Львову в 1799 г. Опущено лишь стихотворение «На свадьбу Федора и Надежды», а «Жатва» дана в поздней авторской редакции.

Другу моему Николаю Александровичу (стр. 532).—Посвящено Н. А. Львову (см. коммент. на с. 688), родственнику А. М. Бакунина и соседу по имениям в Новоторжском уезде.

Ручей (стр. 532).—*Мария Алексеевна*—М. А. Львова (1755—1807), жена Н. А. Львова. *Лизышка и Дашышка*—дворянские девушки Львовых, славившиеся исполнением русских плясок, их воспевал Г. Р. Державин, рисовал В. А. Боровиковский.

Жатва (стр. 534). В 1814 г. Державин послал это стихотворение В. П. Панаеву (1792—1859) как образец идеаллии. Печ. по первой публикации в воспоминаниях В. П. Панаева (Братчина, ч. 1. СПб., 1859, с. 112—116).

А. В. Аргамаков (1776—1833)

Происходил из старинного дворянского рода; племянник Д. П. Фонвизина. Учился в Московском университетском благородном пансионе. С 1797 г. служил в Преображенском полку. Будучи плац-майором Михайловского замка в Петербурге, в 1801 г. принял участие в заговоре против Павла I: провел заговорщиков в кабинет императора.

Стихи Аргамакова пользовались успехом у его товарищей по полку, в котором было немало любителей поэзии. В 1794—1795 гг. он сотрудничал в «Приятном и полезном препровождении времени». В последующие годы он перестал писать стихи, но ранее созданные его произведения встречаются в альбомах 1800-х гг.

К Москве (стр. 537).— *Приятное и полезное*, 1794, ч. 4, с. 117, с подписью: «Алекс... Аргам...»

Ода анакреонтическая («Играя в хоровод...») (стр. 538). Там же, с. 360, с подписью: «Алекс... Аргам...»

Мальчик с розой (стр. 539).— Там же, 1795, ч. 8, с. 299, с подписью: «Ал. Арг.».

Д. О. Баранов (1773—1834)

Учился в Московском университетском Благородном пансионе. Был на военной службе, затем перешел в штатскую; стал сенатором. Творчество Баранова относится преимущественно к концу 1780-х—1800-м годам. Ему принадлежат как лирические стихи, так и сатирические, перевод поэмы Вольтера «Любовь нынешнего света» и др. В 1830-е годы был знаком с А. С. Пушкиным, который приветствовал его избрание в члены Российской академии в 1833 г.

Договор (стр. 540).— *Аониды*, 1798—1799, кн. 3, с. 25.

П. П. Бекетов (1761—1836)

Происходил из древнего дворянского рода; двоюродный брат П. И. Дмитриева (см. коммент. на с. 715—716), вместе с ним учился в пансионах в Казани, затем в Симбирске. Оставив службу (сначала военную, затем штатскую), в 1801 г. основал в Москве типографию, где издавал произведения крупнейших писателей XVIII в. (П. Ф. Богдановича, Д. И. Фонвизина, И. И. Дмитриева, Н. М. Карамзина и др.). Выступал в печати как поэт и переводчик. В стихах Бекетова заметно влияние Дмитриева.

Песня («Не свети ты, месяц, ясно...») (стр. 541).— *Приятное и полезное*, 1794, ч. 4, с. 91, с подписью: «Пл... Бе...»

Ф. М. Брянчанинов (род. в 1765)

Сыл обер-секретаря Сената; был на военной службе. Выйдя в отставку в 1787 г., поселился в Ярославской губернии, стал служить в земском суде, затем сделался заседателем Ярославского приказа общественного призрения. Писал для узкого круга родных и друзей. Публикуемое стихотворение—единственное, попавшее в печать.

Песня («Свободой наслаждаюсь...») (стр. 542).— *Аониды*, 1798—1799, кн. 3, с. 240.

П. Г. Гагарин (1777—1850)

Происходил из княжеского рода. В 1793 г. назначен флигель-адъютантом в штаб Н. В. Репнина, в 1794 г. отправлен с ним в Литву. Впоследствии благодаря женитбе на фаворитке Павла I А. П. Лопухиной быстро продвигался по службе, стал генерал-

адьютапом. В 1810-е годы принимал участие в деятельности петербургских масонских лож.

С 1790-х гг. публиковал свои прозаические переводы и стихи, в которых нашли отражение некоторые автобиографические мотивы. В переработанном виде многие из этих стихов вошли в анонимно изданный сборник Гагарина «Эротические стихотворения» (СПб., 1811). Сборник выдержан в традициях сентиментализма («эротические» в XVIII в. означало: посвященные любовной теме).

Тоска по родине (стр. 543).— *Приятное и полезное*, 1795, ч. 5, с. 308, с подписью: К. П. Г. и пометой: Гродно, 9 декабря 1794. Тексту предшествуют слова: «На голос: Стонет сизый голубочек», то есть на мотив песни И. И. Дмитриева. Печ. по кн.: <Гагарин П. Г.> Эротические стихотворения. СПб., 1811, с. 34.

Немень (стр. 544).— *Приятное и полезное*, 1795, ч. 7, с. 80, под заглавием: «Неман», с подписью: К. П. Г. и пометой: «На голос: Волга, реченька глубока». Печ. по кн.: <Гагарин П. Г.> Эротические стихотворения, с. 43.

Прощание с Литвою (стр. 545).— <Гагарин П. Г.> Эротические стихотворения, с. 53.

От вониа к милой (стр. 545).— *Лониды*, 1798—1799, кн. 3, с. 275, под заглавием: «Вони своей милой», с подписью: К. П. Ггрн. Печ. по кн.: <Гагарин П. Г.> Эротические стихотворения, с. 57.

Черные глаза и голубые (стр. 546).— *Приятное и полезное*, 1794, ч. с. 29. Печ. по кн.: <Гагарин П. Г.> Эротические стихотворения, с. 13.

Слово *Милая* (стр. 547).— <Гагарин П. Г.> Эротические стихотворения, с. 2.

В. М. Жуков (1764—1799)

Происходил из дворянской семьи. После недолгой военной службы стал секретарем русского посольства в Лондоне, затем служил в Копенгагене. Вернулся в Россию в 1786 г. Стихи Жукова, публиковавшиеся в 1790-е гг., посвящены философско-правоучительным, любовным, а также сатирическим темам. Был дружен с поэтом П. М. Долгоруким, который писал о Жукове: «Мы с ним видались очень часто, он посещал дом наш и был в нем короток, любил стихи, большой энтузиаст был Вел... и сходство наших вкусов связало наше дружество. <...> Он умер еще молод и мог бы быть полезен обществу смертных в разном смысле» (Долгорукий П. М. Календы моего сердца. М., 1874, с. 204—205). Пораженный его скоростижной смертью, Долгорукий написал стихи «На кончину В. М. Жукова» (Долгорукий П. М. Бытие сердца моего. М., 1802, с. 28—29).

Сонет М. А. А., с коим в разлуке (стр. 548).— *Приятное и полезное*, 1797, ч. 14, с. 272, с подписью: В. Ж.

А. С. Жукова (урожденная Бутурлина, ум. ок. 1799)

Жена В. М. Жукова. Среди стихотворений Жуковой есть как оригинальные, так и подражания и переводы. Творчество имеет преимущественно камерный характер.

Зимние явления (стр. 548).— *Иппокрена*, 1799, ч. 2, с. 29, подпись: А. Ж.

А. Л. Магницкая (в замужестве Оболенская, ум. 1846)

Сестра М. Л. и Н. Л. Магницких (см. далее). Стихи, публиковавшиеся в конце 1790-х годов, проникнуты преимущественно сентименталистскими мотивами.

К бессмертному творцу «Роесиады» (стр. 549). *Приятное и полезное*, 1797, ч. 13, с. 176. *Творец Россиады*—М. М. Херасков, который, познакомившись со стихами А. Л. и Н. Л. Магницких, одобрил их опыты. Польщенные его «приятною хвалой», сестры высказали ему признательность в своих стихах, на которые Херасков в свою очередь ответил посланием «От Т. Р. Н...не и А...не М...дким» (см. с. 225. По рассказам современников, повтессы «в ту же минуту полетели к Хераскову сами и с личною за себя благодарностию» (Макаров М. Н. Материалы для истории русских женщин-авторов. Дамский журнал, 1830, ч. 30, № 18).

Н. Л. Магницкая

Сестра М. А. и А. Л. Магницких. В конце 1790-х гг. опубликовала стихи и участвовала в «союзном» переводе «Писем об Италии» Ш. Дюпати, предпринятом несколькими дамами: Н. Л. и А. Л. Магницкими, Е. В. Щербатовой и М. А. Боске. В стихах Н. Л. Магницкой нашло отражение сентименталистское восприятие античности.

Красота и Скромность (стр. 550).—*Приятное и полезное*, 1798, ч. 17, с. 223. Ода. Из Анакреона (стр. 551).— Там же, 1798, ч. 17, с. 272.

К бюсту М... М... Х... (стр. 552).— Там же, 1797, ч. 13, с. 113. См. коммент. к с. 549.

М. Л. Магницкий (1778—1844)

Происходил из дворянской семьи внук Л. Ф. Магницкого, автора «Арифметики», по которой обучался М. В. Ломоносов. С золотой медалью закончил Московский университетский Благородный пансион. Был на военной службе, затем на дипломатической. В 1800-е гг. сблизился с М. М. Сперанским, в 1812 г., вместе с ним попав в немилость, выслан в Вологду. Был вице-губернатором в Воронеже, затем губернатором в Симбирске. Назначенный в 1819 г. попечителем Казанского университета, Магницкий взялся за его реорганизацию, приобретя печальную известность обскуранта «гасителя». Последние годы жизни провел в Одессе. Поэтическая деятельность Магницкого относится преимущественно к 1790-м гг. Он писал традиционные оды и многочисленные стихи, выдержанные в духе сентиментализма. Именно последние имели у современников большой успех. Так, в своих записях 1790-х гг. М. Н. Муравьев называл Магницкого среди «новых удачных стихотворцев» наряду с Н. М. Карамзиным и И. И. Дмитриевым. А. Т. Болотов вспоминал, что Магницкий «славился своими стихотворениями» Болотов А. Т. Памятник претекших времен. М., 1875, с. 45.

Соловей (стр. 552). *Аониды*, 1797, кн. 2, с. 68.

Ночь в деревне. 1795 года в августе (стр. 553). *Приятное и полезное*, 1797, ч. 16, с. 332.

Храм любви (стр. 555). Там же, 1794, ч. 4, с. 320. Подпись: М. М.

Отдохновение Нимфы (стр. 555).— Там же, 1795, ч. 6, с. 390.

Анакреонтический отрывок (стр. 556).— Там же, 1796, ч. 9, с. 175.

К сердцу (стр. 557). Там же, 1795, ч. 6, с. 194. Подпись: С. Петербург) М-ло М-цкой.

Все печально без тебя (стр. 558). Там же, 1795, ч. 6, с. 66. Подпись: М. М.

На кончину князя Петра Михайловича Волконского (стр. 559). Там же, 1797, ч. 16, с. 395.

Послание к другу моему Д. А. К. (стр. 560). Там же, 1797, ч. 16, с. 298.

Сын директора Московской синодальной типографии. Обучался в Московском университете, затем был директором училищ в Москве и цензором. В 1790—начале 1800-х гг. выступал в печати как переводчик, в частности перевел антиклерикальный роман А.-Ж. Дюлорана «Кум Матвей...» М., 1803). Современники связывали внезапную смерть Пельского с постигшими его неприятностями из-за публикации этого «сочинения чрезвычайно дерзкого». Пельский был дружен с Карамзиным, который написал стихи на его кончину см. с. 604. Стихи Пельского, близкие традициям сентиментализма и публиковавшиеся в «Аонидах» Карамзина, вошли в несколько переработанном виде в посмертно изданный сборник поэта «Мое кое-что, или Сборник мелких сочинений и переводов в стихах и прозе» М., 1803).

Стихотворения, публикуемые в наст. изд., в сборнике входят в раздел «Песни», впервые они напечатаны в 1797 г., во 2-й книге «Аониды», с подписью: «П. П.», «Мечта» под заглавием «Песня», «Любовь и дружба» — с подзаголовком «Триолеть».

В наст. изд. стихотворения печатаются по сборнику «Мое кое-что».

Е. С. Урусова (р. 1747)

Княжна, дочь вологодского губернатора, двоюродная сестра М. М. Хераскова. С 1811 г. почетный член Беседы любителей русского слова. Выступала в печати с 1770-х гг. Помещала стихотворения в «Аонидах», в журналах «Новости», «Иппокрена, или Утехи любословия» и др.

Уединенные часы (стр. 565).—*Аониды*, 1796, кн. 1, с. 135, подпись: К. К. У-а.

Г. А. Хованский (1770—1796)

Происходил из древнего рода, князь. Обучался в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, затем был на военной службе. Выступать в печати стал с конца 1780-х гг. Написал несколько традиционных од, но преимущественное внимание уделял «легкой поэзии». «Изданием сочинителя» был издан сборник Хованского «Мое праздное время, или Собрание некоторых мелких сочинений и переводов в стихах» (СПб., 1793). Почти все эти произведения вошли в следующий сборник Хованского, дополненный и новыми стихами — «Жертва музам, или Собрание разных сочинений, подражаний и переводов в стихах» (М., 1795).

Идиллия Милонова птичка (стр. 566).—*Зритель*, 1792, № 7, с. 233. Печ. по кн.: Хованский Г. А. Жертва музам. М., 1795, с. 115.

Похищенный персик. Анакреонтические стишки (стр. 567. *Приятное и полезное*, 1795, ч. 6, с. 12, под заглавием: «Похищенный персик. Анакреонтические стихи»). Печ. по кн.: Хованский Г. А. Жертва музам, с. 100.

Послание к приятелю на случай помолвки (стр. 569. — *Приятное и полезное*, 1795, ч. 7, с. 23, под заглавием: «Послание к Хлоину другу. На случай помолвки»). Печ. по кн.: Хованский Г. А. Жертва музам, с. 86.

Песня («Пусть кто хочет пишет оды...») (стр. 570).— *Аониды*, 1796, кн. 1, с. 125.
Песня («Ах, луга, луга зелены...») (стр. 571).— *Приятное и полезное*, 1795, ч. 5, с. 146, под заглавием: «Песенка». Печ. по кн.: Хованский Г. А. Жертва музам, с. 144.

Анонимное

Любовный договор (стр. 572).— *Доброе намерение*, 1764, декабрь, с. 533.
Ода анакреонтическая. Амур спящий (стр. 572).— *Лекарство от скуки и забот*, 1786, ч. 1, № 23, с. 246.
О чтении (стр. 573).— *Дело от безделья*, 1792, ч. 3, с. 185.
Неудачная женитьба (стр. 574).— *Проходные часы*, 1793, ч. 1, с. 226.
Рондо (стр. 576).— Там же, ч. 2, с. 105.
На многие и сбивчивые Минервины вопросы скорые и острые
Купидоновы ответы (стр. 576).— Там же, ч. 2, с. 314.
Любовь (стр. 577).— *Муза*, 1796, ч. 2, с. 88.
Человек, Удовольствие и Печаль (стр. 577).— Там же, ч. 3, с. 14.
Подпись: М.
На присовокупление подержанного Невтона к моим книгам (стр. 578).— Там же, ч. 4, с. 89. Подпись: —.
К Марии Магдалине, писанной сухими красками К. П. С... (стр. 579).— *Приятное и полезное*, 1795, ч. 6, с. 383. Подпись: В. п. с.
Раздел. Анакреонтическая ода (стр. 579).— Там же, 1795, ч. 8, с. 295.
Подпись: С. К.
Романс («Из-за гор луна сребриста...») (стр. 580).— Там же, 1798, ч. 19, с. 287.
Надпись моему другу, любителю литературы (стр. 581).— Там же, 1798, ч. 20, с. 316.

Н. М. Карамзин (1766—1826)

Родился недалеко от Симбирска в дворянской семье. Воспитывался дома, затем в Москве в пансионе университетского профессора И. М. Шадена. В 1783 г. приехал в Петербург и начал службу в Преображенском полку. Выйдя на следующий год в отставку, он больше не служил, но постоянно занимался литературной деятельностью. В 1784 г. в Москве сблизился с масонским кружком Н. И. Новикова, что способствовало развитию интереса писателя к нравственным и психологическим проблемам. Вместе с тем религиозно-мистические устремления, характерные для многих масонов, остались чужды Карамзину. Несмотря на разрыв с кружком, в 1792 г. Карамзин выступил со стихотворением «К Милости» в защиту Новикова и его сподвижников, подвергнутых в это время правительственным репрессиям.

Первые публикации стихов Карамзина появились в издававшемся Новиковым журнале «Детское чтение для сердца и разума» в 1789 г. Вскоре после своего путешествия по странам Европы (1789—1790) Карамзин стал издавать «Московский журнал» (1791—1792), принесящий ему литературную известность и знаменовавший расцвет русского сентиментализма. К сотрудничеству в журнале писатель привлек крупнейших современных поэтов: Хераскова, Державина, Дмитриева, с которым Карамзина связывала тесная дружба на протяжении всей жизни. В «Московском журнале» публиковались «Письма русского путешественника», повести (в том числе знаменитая «Бедная Лиза»), многочисленные рецензии и статьи Карамзина. Среди его стихов, появившихся на страницах журнала, было программное стихотворение «Поэзия», баллада «Раиса», открывавшая

для русской лирики этот новый жанр, упоминавшееся стихотворение «К Милости», «Песнь мира» и многие другие, свидетельствующие о глубине и разнообразии его поэтического творчества. Альманах Карамзина «Аглая» (1794—1795) явился новым типом издания, в котором произведения разных жанров (принадлежавшие в основном самому автору) объединены общим замыслом. Включенные в альманах стихи («К соловью» и др.) проникнуты элегической настроенностью и глубоко соотносятся с напечатанной здесь же лирической прозой Карамзина («Цветок на гроб моего Алатона», «Сиерра-Морена» и др.). В 1794 г. вышел первый сборник сочинений писателя — «Мои безделки», вслед за которым появилась книга Дмитрисва «И мои безделки» (см. коммент. на с. 715). Значительным событием в истории русской лирики было предпринятое Карамзиным издание «Лониды» (кн. 1—3, 1796—1799). В этой первой антологии отечественной поэзии значительное место заняли произведения самого Карамзина. Свои позднейшие стихи он публиковал в издававшемся им в 1802—1803 гг. «Вестнике Европы».

В поэтическом творчестве Карамзина можно выделить несколько излюбленных тем. Прежде всего это темы, связанные с нравственно-философской проблематикой (она оказалась наиболее близка непосредственному преемнику Карамзина — Жуковскому): размышления о человеческом счастье («Послание к Александру Алексеевичу Плещееву»), о творчестве («Поэзия», «К бедному поэту»), о смерти, о жизни умерших в памяти близких и друзей («Кладбище», стихи, написанные в связи со смертью собратьев по перу — поэтов Г. А. Хованского и П. А. Пельского — см. о них с. 710). Обращаясь к любовной лирике, Карамзин нередко придавал ей изящную шутовщину, характерную для «легкой поэзии» («Странность любви, или Бессонница», «Непостоянство» и др.). Образцами галантного остроумия и светской любезности были его поэтические «мелочи», как, например, «Надписи на статую Купидона», написанные экспромтом, в гостях.

Назначенный в 1803 г. историографом, Карамзин посвятил себя всецело работе над «Историей государства Российского». В 1803—1804 гг. вышел в свет «Сочинения» Карамзина (т. 1—8); 2-е изд. — 1814 г.; 3-е изд. — 1820 г. (т. 1—9). У читателей начала XIX в. проза Карамзина пользовалась большим признанием и популярностью, чем его стихи. Тем интереснее свидетельство мемуариста С. П. Жихарева, который, споря с «архаистами», будущими участниками Беседы любителей русского слова, писал в 1807 г.: «...Карамзиным восхищается один только Гаврила Романович (Державин. — Н. К.) и стоит за него горюю; прочие же про него или молчат, или говорят, что пишут изряднохонько прозою, между тем как наш Карамзин заслуживает уважения и за свои стихотворения, в которых язык превосходный и много чувства» (Жихарев С. П. Записки современника. М.—Л., 1955, с. 438).

Будучи почетным членом «Арзамаса», Карамзин сам не принимал участия в полемике «арзамасцев» с «архаистами», но с вниманием и интересом относился к творчеству своих младших современников — В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина, которые чтили его и многому учились у него. В «Речи о влиянии легкой поэзии на язык» (1816) Батюшков, в частности, отметил «стихотворения Карамзина, исполненные чувства, образец ясности и стройности мыслей».

К Милости (стр. 581). — Московский журнал, 1792, ч. 6, с. 117, подпись: «Ц. Ы». Печ. по кн.: Карамзин, 1820, с. 15. Датируется апрелем 1792 г.; возможно, и несколько позже, но после ареста Н. И. Новикова в конце апреля 1792 г. и не позднее мая, когда уже вышел майский выпуск «Московского журнала». Публикация стихотворения именно в это время явилась благородным и смелым поступком Карамзина: стремясь смягчить участь друзей, подвергнутых правительственным репрессиям, писатель рисковал навлечь гонения и на себя. Первоначальный текст подвергся автоцензуре, как свидетельствует письмо А. А. Петрова к Карамзину от 19 июля 1792 г. Петров писал другу: «Пожалуйста, пришли стихи «К Милости», как они сперва были написаны. Я не покажу их никому, если то нужно» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984, с. 511). *Тифон* (греч. миф.) — один из гигантов, чудовище со змеиными головами, изрыгающими пламя.

Ответ моему приятелю... (стр. 583).— *Аониды*, 1796, кн. 1, с. 28, без подписи. Печ. по кн.: Карамзин, 1820, с. 80. Датируется 1793 г. *Бедный чижик не дерзнет // Петь сменящей Зевса славы...*— Образ использован И. А. Крыловым в басне «Чиж и Еж», в которой, подобно Карамзину, баснописец отказывается писать хвалебные стихи монарху.

Тацит (стр. 583).— *Аониды*, 1798—1799, кн. 3, с. 260, без подписи. Печ. по кн.: Карамзин, 1820, с. 184. Датируется 1797 г. *Тацит* Кай Корнелий (55—120 — римский историк, резко осудивший деспотизм и падение нравов в Риме. Стихотворение, написанное во время правления Павла I, озаглавленное проявлениями деспотизма и ужесточением цензуры, содержало явные политические аллюзии.

Поэзия (стр. 584).— Детское чтение для сердца и разума, 1789, ч. 17, с. 200 (отрывок); Московский журнал, 1792, ч. 7, с. 260, без подписи. Печ. по изд.: Московский журнал, 1803, ч. 7 (2-е изд.), с. 263. Датируется 1787—1791 гг. ...*С невиннейшим семейством // (Когда погибло все) // Поэзия сплелась.*— Имеется в виду библейская легенда о спасении Ноя и его семьи во время всемирного потопа. *Славный, мудрый бард, древнейший из певцов... востел, как мир истек из воли божества...*— Имеется в виду библейский пророк Моисей, легендарный автор первых пяти книг Ветхого завета, в которых повествуется о начале мира. *Онъй муж святыи, в грядущее проникший, // Пел миру часть его...*— Иоанн Богослов, один из 12-ти апостолов, которого считают автором «Откровения» (Апокалипсиса), завершающего Новый завет и повествующего о грядущих судьбах мира. *Царственный поэт, родившись пастухом... песню своей народы восхищал...*— Давид, по библейскому преданию, царь Израильско-Иудейского царства, был пастухом и отличался игрой на гуслях; царь Саул приблизил его к себе, и Давид стал затем его преемником. Давид считается автором Псалтири, самой поэтической книги Библии, постоянно привлекавшей к себе внимание русских авторов XVIII в. *В храме Соломона // Гремела Богу песнь!*— Соломон (X в. до н. э.)— царь Израильско-Иудейского царства, сын и преемник Давида; считается автором трех книг Ветхого завета: Притчи, Екклесиаст и Песнь Песней. *Орфей*— мифический поэт, очаровывавший пением и игрой на лире не только людей, но зверей, деревья и камни. *Омир*— Гомер. *Александр*— Александр Македонский. *Софокл* (ок. 496—406 до н. э.) и *Эврипид* (Еврипид; ок. 480—406 до н. э.)— древнегреческие драматурги, авторы трагедий. *Бион Смирнский* (II в. до н. э.), *Теокрит* (Феокрит; ок. 305—240 до н. э.), *Мосхос* (Мосх, Сиракузский, II в. до н. э.)— древнегреческие поэты-идиллики. *Августов поэт... пастырь. Мантуанский*— древнеримский поэт Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.); жил во времена императора Августа; происходил из окрестностей Мантуи. *Овидий* Публий Назон (43 до н. э.—17 н. э.)— древнеримский поэт. *Фингалов мрачный сын*— Оссиан, полубог-бард (III в. н. э.). «Поэмы Оссиана», созданные в XVIII в. на основе шотландского фольклора Д. Макферсоном и вызвавшие широкий интерес как в европейской, так и в русской литературе, считались тогда подлинными произведениями древнего певца Оссиана. Карамзину принадлежат два перевода из Оссиана: поэма «Картон» и «Сельские песни». *Шекспир, Натуры друг!*— Глубокий интерес Карамзина к Шекспиру свидетельствовал о новизне его эстетических оценок и вкусов: еще Сумароков считал Шекспира «непросвещенным». Карамзин впервые перевел на русский язык трагедию Шекспира «Юлий Цезарь» (М., 1787). «*Все ваши, коих верх...*»—вольный перевод отрывка из пьесы Шекспира «Буря», английский текст которого Карамзин привел в своем собственном примечании. *Мильтон* Д. (1608—1674)— английский поэт, автор знаменитых эпических поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай». *Йонг*— Юнг Э. (1683—1765), английский поэт, автор очень популярной в XVIII в. поэмы «Жалоба, или Ночные размышления о жизни и смерти и бессмертии». *Томсон* Д. (1700—1748)— английский поэт, автор поэмы «Времена года», заключительную часть которой («Гимн») перевел Карамзин. *Альпийский Теокрит*— Геснер С. (1730—1788); швейцарский писатель, автор многочисленных идиллий, одну из которых («Деревянная нога») перевел Карамзин. *Астрейн друг...*— Астрей (греч. миф.)— дочь Зевса и Фемиды; легендарное время ее благотельного правления на земле называли «золотым веком». Называя Геснера другом Астрей, Карамзин выражает одну из излюбленных просветителями XVIII в. идей о пользе общения государя с философами и поэтами. *Клопшток* Ф.-Г. (1724—1803)— немецкий поэт, автор эпической поэмы «Мессиада», высоко ценившейся

в кружке Новикова. ...В*** блестят...— Очевидно, имеется в виду или Херасков, или Державин, наиболее известные и чтимые поэты того времени. В письме к швейцарскому писателю и философу И.-К. Лафатеру в 1787 г. Карамзин назвал Хераскова «первым и лучшим» из «поэтов, заслуживающих быть читанными» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984, с. 469).

К бедному поэту (стр. 589).— *Аониды*, 1797, кн. 2, с. 35, без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 65. Датируется 1796 г. Лукулл Луциус Лидиниус (ок. 117—ок. 56 до н.э.)—римский консул, известный своим широким образом жизни. *Лаиса* (V в. до н.э.)—греческая гетера; здесь нарицательное имя. *Ганимед* (греч. миф.)—прекрасный юноша, которого, Зевс взял на Олимп и сделал виночерпием. *Платон* (427—347 до н.э.)—древнегреческий философ, к утопическим идеям которого Карамзин проявлял постоянный интерес. }

Посаение к Александру Алексеичу Плещееву (стр. 592).— *Аониды*, 1796, кн. 1, с. 17, под загл.: «Послание к А. А. П.»; без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 73. Датируется 1794 г. *Плещеев А. А.*—сын друзей Карамзина А. А. и А. И. Плещеевых, которым были посвящены «Письма русского путешественника». *Фалес... Зенон*—древнегреческие философы. *Эпименид*—критский философ и поэт. *Чудесный философский камень*—алхимическое средство превращения металлов в золото. Интерес к алхимии проявляли многие масоны—члены новиковского кружка. *Япетов сын*—Прометей (греч. миф.). *Смельчак, Америку открывший... Индейцев в цепи заключивший. Цепями сам океан был...*—Х. Колумб (1451—1506), который после открытия Америки вел войну против американских индейцев, но по назначении нового правителя был арестован, закован в цепи и отправлен в Испанию.

Песнь мира (стр. 597).—Московский журнал, 1792, ч. 5, с. 153, без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 31. Написано по поводу заключенного в декабре 1791 г. мира с Турцией. В стихотворении использованы мотивы и образы гимна «К радости» Ф. Шиллера.

К словью (стр. 599).—Аглая, 1794, кн. 1, с. 31, без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 46. Написано в 1793 г.

Осень (стр. 600).—Московский журнал, 1791, ч. 4, с. 11, без подписи; воспроизведена ритмическая схема стихотворения, написанного редко употреблявшимся тогда размером—двухстопным и одностопным дактилем с хорейскими окончаниями:

— у — — — — —
— у — — — — —

Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 34. Написано в Женеве в 1789 г.

Кладбище (стр. 601).—Московский журнал, 1792, ч. 7, с. 109, под заглавием: «Могилы»; без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 18. Вольный перевод стихотворения немецкого поэта Л. Козегартена (1758—1818) «Des Grabes Furchtbarkeit und Lieblichkeit».

На смерть князя Г. А. Хованского (стр. 602).— *Аониды*, 1797, кн. 2, с. 116. Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 63. О Г. А. Хованском см. коммент. на с. 709.

Стихи на скоропостижную смерть Петра Афанасьевича Пельского (стр. 604).—Вестник Европы, 1803, № 11, с. 210. Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 235. О П. А. Пельском см. коммент. на с. 710.

Эпитафии (стр. 605).—Московский журнал, 1792, ч. 7, с. 7, без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 26. По поводу этих эпитафий А. А. Петров писал Карамзину 19 июля 1792 г.: «Из надписей твоих последняя, то есть: «Покойся, милый прах, до радостного утра!»—нравится мне отменно, как в сравнении с прочими, так и сама по себе. Я поцеловал бы за нее сочинителя, хотя весьма не охотник целоваться. Она проста, нежна, коротка и учтива к прохожему, потому что не допускает его до труда думать, что бы сказать, узнавши, кто погребен под монументом. И. И. Д(митриеву) нравится она также больше прочих» (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984, с. 511).

Веселый час (стр. 606).—Московский журнал, 1791, ч. 3, с. 238. Под заглавием: «Песня веселых», без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 29.

Странность любви, или Бессонница (стр. 607).—Мои безделки. М., 1794, ч. 2, с. 201. Печ. по кн.: *Карамзин*, 1820, с. 55. Написано в 1793 г. *Аполлонов огонь*—любовь.

Раиса. Древняя баллада (стр. 609).—Московский журнал, 1791, ч. 4, с. 118, без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин, 1820*, с. 22.

Песня («Нет, полно, полно! впредь не буду...») (стр. 611).—*Аонида*, 1796, кн. 1, с. 56, без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин, 1820*, с. 90. Написано в 1795 г. *Селадон*—герой романа «Астрея» д'Юрфе (1568—1625); нарицательное имя нежного любовника.

Непостоянство (стр. 612).—*Аонида*, 1798—1799, кн. 3, с. 257, без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин, 1820*, с. 182. Написано в 1795 г.

Надпись к дамской табакерке... (стр. 613).—Мои безделки. М., 1797, ч. 2, с. 276. Печ. по кн.: *Карамзин, 1820*, с. 141. Написано в 1795 г. В XVIII в. широко распространилась светская мода нюхать табак. Табакерки, особенно дамские, имели изящную форму, украшались рисунками, нередко драгоценностями.

Надписи на статую Купидона (стр. 613).—*Аонида*, 1798—1799, кн. 3, с. 104. Печ. по кн.: *Карамзин, 1820*, с. 174. Написано в 1796 г.

Берег (стр. 614).—Вестник Европы, 1802, № 19, с. 186, без подписи. Печ. по кн.: *Карамзин, 1820*, с. 229. Написано в связи со смертью первой жены—Елизаветы Ивановны Карамзиной (урожденной Протасовой).

И. И. Дмитриев (1760—1837)

Родился недалеко от Симбирска в дворянской семье. Учился в частных пансионах сперва в Казани, затем в Симбирске. С 1774 г. служил в Петербурге в Семеновском полку. В 1796 г. вышел в отставку в чине полковника. Вскоре поступил на штатскую службу, заняв высокие посты: был обер-прокурором Сената, затем министром юстиции. В 1814 г., окончательно оставив службу, переехал в Москву, где провел последние годы жизни.

Как поэт в печати начал выступать с 1777 г. Важным стимулом для развития творчества Дмитриева стало его общение с Карамзиным и Державиным. Дружба с Карамзиным, завязавшаяся после их встречи в Петербурге в 1783 г., продолжалась всю жизнь. Находясь в разных городах, они вели регулярную переписку (сохранились письма Карамзина к Дмитриеву—изданы в 1866 г.). С произведениями Державина Дмитриев познакомился еще в 1770-е гг., а с 1790 г. стал бывать у него в доме. Важным этапом в поэтической биографии Дмитриева было сотрудничество в «Московском журнале» (1791—1792), издававшемся Карамзиным. Здесь напечатано более сорока стихотворений поэта (песни, стихотворные сказки, басни и др.). Многие из них приобрели широкую популярность, особенно песни «Стонет сизый голубочек...».

В 1794 г., который Дмитриев называл своим «лучшим пиитическим годом», он создал стихотворения «Ермак» и «К Волге». Поэт обратился здесь к героико-патриотическим темам, характерным для «высокой» одической лирики, но разработал их совершенно по-новому, отказавшись от привычных канонов жанра. «Ермак»,—писал П. А. Вяземский,—мрачная и угрюмая картина, в коей поэзия та же живопись (...). Драматическое движение, данное сему произведению, есть опыт новый и мастерской» (Вяземский П. А. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева.—В кн.: Вяземский П. А. Сочинения в 2-х тт., т. 2. М., 1982, с. 63). Интересно и стихотворение «К Волге», по-своему воссоздающее образ родной реки—устойчивый мотив русской пейзажной лирики. Вслед за сборником Карамзина «Мои безделки» Дмитриев выпустил свой стихотворный сборник под названием «И мои безделки» (1795)—издание нового типа, призванное прежде всего отразить авторскую индивидуальность. Самое заглавие, противостоящее обычным «сочинениям» или «творениям», достаточно произвольная композиция, наконец, маленький изящный формат книги—все это подчеркивало камерный характер издания, все это было необычно и смело для того времени.

В 1796 г. поэт издал «Карманный песенник», включавший тексты песен, созданных литераторами (самим Дмитриевым, Карамзиным, Нелединским-Мелетцким, Капнистом и др.), и подлинных народных песен. «Литературные» песни приобрели благодаря этому новое бытование: многие из них заучивались наизусть и входили в репертуар исполнителей-непрофессионалов; их пели в семейном и дружеском кругу, переписывали в альбомы; на «голос» (мотив) этих популярных песен сочинялись новые тексты. Песни Дмитриева, как и его современников, стоят, таким образом, у истоков русского романса XIX в. На слова Дмитриева писали музыку А. Н. Верстовский, Ф. М. Дубянский и другие композиторы.

При жизни Дмитриева вышло шесть изданий его стихотворных произведений (М., 1803—1805, ч. 1—3; изд. 6-е. СПб., 1823, ч. 1—2). Изменяя состав и расположение стихов в этих изданиях, поэт следовал преимущественно жанровому принципу, хотя в одном и том же произведении у него нередко совмещались черты оды и элегии, идиллии и песни и т. д.

С 1810 г. поэтическая деятельность Дмитриева почти прекратилась, но он продолжал участвовать в литературной жизни, общаясь и ведя обширную переписку с многими писателями разных поколений: Херасковым, Жуковским, Вяземским, Гнедичем, Батюшковым, Пушкиным и др. Был избран почетным членом «Арзамаса», а также ряда прочих научных и литературных обществ. Мемуары Дмитриева («Взгляд на мою жизнь») содержат интереснейшие рассказы о писателях-современниках (Карамзине, Державине, Фонвизине и многих других), о литературном быте эпохи. Здесь же мемуарист достаточно критически оценивает свое собственное поэтическое творчество, полагая, что в его стихах «более живости, украшений, чем глубокомыслия и силы». «Истинная поэзия», по мнению Дмитриева, «пронизает во глубину сердец; наблюдает сокровенные их изгибы и живописует страсти; держась всегда нравственной цели, воспламеняет к добродетели, ко всему изящному и высокому, воспекает доблести обреченных к бессмертию» (Сочинения, СПб., 1893, т. 2, с. 66).

Ермак (стр. 615).—Дмитриев. И мои безделки. М., 1795, с. 32. Печ. по кн.: *Дмитриев, 1823*, ч. 1, с. 12. Кучум (ум. ок. 1600)—сибирский хан, чьи войска в 1581 г. были разбиты Ермаком.

К Волге (стр. 620).—Дмитриев. И мои безделки, с. 9. Печ. по кн.: *Дмитриев, 1823*, ч. 1, с. 29. *Под ратью грозна Иоанна...*—Речь идет о присоединении Астраханского ханства к России в 1556 г. при Иване IV. *Идет, идет царь сил на вас...*—Имеется в виду Петр I, ведший войну с Персией. *Луна и Лев*—гербы Турции и Персии. *Дербент*—центр ханства, управлявшегося султаном, которого назначали персидские шахи. *Гангес*—Ганг.

Подражание оде Горация (книга III, ода I) (стр. 622).—*Дмитриев, 1805*, ч. 3, с. 84, под заглавием: «Вольный перевод из Горация». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1823*, ч. 1, с. 36.

К лире (стр. 623).—Московский журнал, 1791, ч. 4, с. 122, подпись: «И». ...*Виси на кипарисном древе...*—Кипарис—символ печали.

Я (стр. 624).—Московский журнал, 1791, ч. 1, с. 280, подпись: «И».

Ночь (стр. 625).—Муза, 1796, ч. 2, с. 141, подпись: «—ъ».

Элегия (стр. 626).—*Аониды*, 1798—1799, кн. 3, с. 36, подпись: «Д—въ».

К Гавриилу Романовичу Державину (стр. 626).—Вестник Европы, 1805, ч. 23, с. 202, под заглавием: «Ответ сочинителю стихов под названием Лето, папечатанных в осмнадцатом номере «Вестника Европы»; подпись: «***». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 1, с. 38.

Стансы к Н. М. Карамзину (стр. 627).—Дмитриев. И мои безделки, с. 119, под заглавием: «Стансы к Н... М... К***». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1823*, ч. 1, с. 100. Написано в 1793 г.; первоначальный текст переработан по замечаниям Карамзина, который в письме к Дмитриеву критически оговорился о некоторых строфах стихотворения и, в частности, писал: «...мне не нравятся первые два стиха потому, что связь их слаба или неразительна». Катон Младший Марк Порций (95—46 до н. э.) и Сенека Люций Анней (ум. 65 до н. э.)—древнеримские государственные деятели, отличавшиеся

твердостью характера; оба покончили самоубийством. *Эпиктет* I в. до н. э. древнеримский философ-стоик.

Ода П. П. Б. (стр. 629).—Дмитриев. II мои безделки, с. 47. *П.П.Б.* П. П. Бекетов; см. о нем коммент на с. 707.

Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину стр. 630. Русский архив, 1863, № 12, с. 894. Написано во второй половине 1790-х годов. *Орозман* герой трагедии Вольтера «Заира».

К А. Г. С...й на вызов ее написать стихи (стр. 631. *Приятное и полезное*, 1794, ч. 2, с. 140, под заглавием: «К одной госпоже на вызов написать ей стихи»; подпись: «ъ»). Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 90. Обращено к Анне Григорьевне Севериной, жене сослуживца Дмитриева по Семеновскому полку П. И. Северина.

Стихи на игру господина Геслера... (стр. 632).—Дмитриев. II мои безделки, с. 42. *Геслер* Иоганн Вильгельм 1747—1822)—исмудский композитор, органист и пианист; с 1792 г. жил в России.

Экспромт (*На игру г-на Дица*) (стр. 633). *Апиды*, 1798—1799, кн. 3, с. 114, под заглавием: «Стихи на игру Дица»; подпись: «**». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 60. *Диц* Фердинанд (1742—1798)—венский скрипач и композитор; с 1771 г. жил в России.

«Стонет сизый голубочек...» (стр. 634.—Московский журнал, 1792, ч. 6, с. 217, под заглавием: «Сизый голубочек»). Подпись: «И». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1823*, ч. 1, с. 110; под общим заглавием «Песни».

К Ф. М. Дубенскому... (стр. 634). Дмитриев. II мои безделки, с. 3, под заглавием: «К Ф. М. Д., сочинившему голос на сию песню». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1823*, ч. 1, с. 108. *Дубленский* Федор Михайлович 1760—1796—русский композитор и скрипач, музыку на слова песни «Стонет сизый голубочек...» написал в 1793 г.

Голубок (*Подражание Анакреону*) (стр. 635).—Московский журнал, 1792, ч. 8, с. 197. Подпись: «И».

«Ах, когда б я прежде знала...» (стр. 636).—Московский журнал, 1792, ч. 7, с. 275, под заглавием: «Бабушкина песня». Подпись: «И». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1823*, ч. 1, с. 117; под общим заглавием: «Песни».

«Тише, ласточка болтлива...» (стр. 637).—Московский журнал, 1792, ч. 8, с. 210, под заглавием: «Песня». Подпись: «И». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 20; в разделе «Песни».

Наслаждение (стр. 637).—Московский журнал, 1792, ч. 8, с. 209. Подпись «И». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 34.

«Без друга и без милой...» (стр. 638).—Дмитриев. II мои безделки, с. 131, под заглавием: «Разлука». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 18.

«Видел славный я дворец...» (стр. 639). *Приятное и полезное*, 1794, ч. 1, с. 299. Подпись: «Б»; с примечанием издателя (В. С. Подшивалова: «Вот и оригинал той песни, которой многие подражали! Любезный сочинитель хочет остаться неизвестным; но его знают!») Печ. по кн.: *Дмитриев, 1823*, ч. 1, с. 112, под общим заглавием: «Песни».

Эрмитаж—мой огород...—Эрмитаж (фр.) уединение, отшельничество. Поэт обыгрывает значение этого слова, противопоставляя свой «шалаш» царским покоем; Эрмитаж как музей был основан Екатериной II в 1764 г.

Ручеек (стр. 640).—*Приятное и полезное*, 1794, ч. 1, с. 200. Подпись: « въ».

«Всех цветочков боле...» (стр. 640).—Дмитриев. II мои безделки, с. 202, под заглавием: «К Хлою». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1823*, ч. 1, с. 119, под общим заглавием: «Песни».

«Други! время скоротечно...» стр. 641. Дмитриев. II мои безделки, с. 164, под заглавием: «Похвала Араку». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 16, в разделе «Песни».

«Куда мне, сердце страстно...» (стр. 642. Дмитриев. II мои безделки, с. 233. Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 24, в разделе «Песни».

«Юность! юность! всёслися...» (стр. 642. Дмитриев. II мои безделки, с. 206, под заглавием: «К юности». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 17, в разделе «Песни».

«О любезный, о мой милой...» стр. 643. *Приятное и полезное*, 1795, ч. 6, с. 9. Подпись: «ъ»; с примечанием издателя В. С. Подшивалова: «Мы не почитаем

за нужное объявлять, кто писал сию песню. Читатели и без нас это отгадают <...>». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 15 в разделе «Песни».

Песня («Ты клялась мне, ты божилась...» (стр. 644. Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен. <Сост. П. И. Дмитриев.> М., 1796, ч. 1, с. 48, без подписи. Печ. по изд.: *Аонида, 1798—1799*, кн. 3, с. 214. Подпись: «—въ».

К портрету древнего русского историка Нестора (стр. 644).—Дмитриев, 1803, ч. 2, с. 116. Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 1, с. 114, в разделе «Надписи». *Нстор* 1050-е гг.—нач. XII в.)—монах Киево-Печерского монастыря, предполагаемый автор «Повести временных лет».

В. А. В...у (стр. 644. *Аонида, 1798—1799*, кн. 3, с. 35, под заглавием «Надгробие». Подпись: «Д въ». Печ. по кн.: *Дмитриев, 1823*, ч. 1, с. 138, под общим заглавием «Эпитафии». В. А. В... В. А. Воейков.

Надпись к Амуру «Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно...» (стр. 644). *Дмитриев, 1810*, ч. 2, с. 70. Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 66. Датируется 1798 г. Перевод надписи французского поэта Гишара (1731—1811): «Inscription pour un Amour prêt à lancer une flèche».

Надпись к Амуру «Открыт, как истина; без крыл, как постоянство...» (стр. 644. *Дмитриев, 1805*, ч. 3, с. 69. Печ. по кн.: *Дмитриев, 1818*, ч. 2, с. 66. Предположительно датируется 1798 г.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Абие — тотчас, немедленно; внезапно, вдруг; опять, снова.

Агнец — ягненок.

Аз — я; название буквы «а» в церковно-славянской азбуке.

Аки — как, как будто, словно.

Алкать — жаждать, страстно желать.

Анахорет — пустынный, отшельник.

Аспид — ядовитая змея.

Аще — если, хотя; несмотря на то что.

Багряница — см. порфира.

Бешимет, *бешимет* — татарская стеганая одежда.

Блажить — прославлять.

Бо — ибо, потому что.

Брань — битва, сражение, война.

Братина — деревянный ковш, чаша.

Буй — отважный, смелый, дерзкий.

Буить — заваливать яму, ров камнем или землей.

Василиск — дракон, змей.

Вежды — веки.

Велегласно — громогласно.

Велепный — прекрасный, великолепный.

Вем, *весть*, *весте* — знаю, знает, знаете.

Вепрь — кабан.

Вервь — веревка, нить.

Вержет (глагол 3-го лица ед. числа) — бросает.

Вертеп — пещера.

Вертоград — сад.

Вестно — известно.

Весь — деревня, село.

Виссон — тонкая шелковая ткань, употреблявшаяся для царских одеяний.

Внегда — когда.

Внити — войти.

Водомет — фонтан.

Воспрепятствовать — отвратить.

Восхищать — возносить.

Вотще — напрасно, тщетно.

Вретище — грубая одежда из дерюги.

Всток — восток.

Вьну — всегда, во всякое время, непременно.

Вья — шея.

Вьяше — больше.

Гальот — военный парусный корабль.

Геенна — ад, преисподняя.

Глагол — слово, речь.

Глаголати — говорить.

Дебелый — толстый, плотный.

Денница — утренняя заря.

Десница — правая рука, символ власти.

Диадима — царский венец.

Длань — рука, ладонь.

Днесь — ныне, теперь.

Довель — долженствовать.

Дондеже — пока; до тех пор пока.

Другорядь — другой раз.

Дска — доска.

Егда — когда.

Еже — какой, какое; который, которое; что.

Елень — олень.

Елико — сколько.

Епанечка — женская шубейка без рукавов.

Жаль — печаль, грусть, плач.

Женущий — гонящий.

Живот — жизнь.

Жолна — дятел.

Забобоны — суеверия, предрассудки.

Закон — религия.

Зане — так как, потому что.

Запихать — препятствовать.

Зараза — соблазн, привлекательный предмет.

Зело — очень, весьма, сильно.

Зельный — сильный, выраженный в сильной степени.

Зеница — глаз, зрачок.

Зенщик — насмешник.

Зиждитель — создатель, творец.

Злачный — плодородный, богатый.

Зрак — взгляд; образ.

Иже — который, какой.

Ии — то, и, же.

Инде — где-нибудь, в другом месте.

Ирой — герой.

Истинный — сущий, истинный.

Каймак — сливки с топленого молока.

Кивот — божница, застекленный шкафчик для икон.

Ков — заговор, коварный замысел.

Колико — сколько.

Кочовка — высокая деревянная кружка.

Коровод — хоровод.

Кострица — жесткая кора растений, годных для пряхи льна.

Крин — лилия.

Кумир — статуя, бюст.

Кутно — вместе.

Куща — шалаш, хижина.

Ламенты — жалобы.

Ланиты — щеки.

Ласкать — угождать, лстить.

Лепота — красота.

Лепта — мелкая греческая монета.

Лик — хор, сонм; ликование; группа, собрание людей.

Липец — мед с липового цвета.

Лихва — нажива, корысть, прибыль.

Ловитва — охота.

Лыва — низменное заливное место; неглубокие овраги, покрытые кустарником.

Льзя — можно.

Матерый — большой, толстый.

Мзда — награда, плата.

Мета — цель.

Мрежа (мережа) — рыболовная сеть.

Муся — мозаика.

Мя — меня.

Нань — на него.

Несть — нет.

Ниже — даже не, и не, ни.

Николи — никогда.

Обаче — но, однако, впрочем, вопреки тому.

Оратай, оратель — пахарь.

Орать — пахать.

Осистый — пушистый.

Отженя — отгоняя, отдаляя.

Отлика — отличие, награда.

Пахи — снова, опять.

Панагия — нагрудное украшение на праздничной одежде архиерея, нагрудный икона.

Перлы — жемчуг.

Перловый — жемчужный.

Перси — грудь.

Перст — палец.

Персть — пыль, земной прах.

Перун — гром.

Пламенишк — факел.

Плевы — сорняки; перен.: сплетни, вздорные выдумки.

Подсолнечная — вселенная.

Позор, позорище — зрелище, обозрение.

Помавать — колебаться, помахивать, маячить.

Помизание — знак глазами, подмигивание.

Понеме — потому что, так как; хотя, даже.

Поносный — оскорбительный, позорный.

Понт — море.

Понтак — род французского вина.

Порфира — парадная царская одежда — багряный плащ, отделанный горностаем.

Презор, презорство — презрение, пренебрежение, надменность.

Препона — препятствие.

Претить — препятствовать, запрещать.

Пря — спор, битва.

Раздменный — раздутый.

Разженить — разогнать.

Рамена — плечи.
Ратай — пахарь.
Раченье — старанье.
Риза — длинное одеяние; облачение священника.
Ристаться — состязаться.
Рог — перен.: сила, могущество, гордыня.
Рясна — ожерелье, подвески.

Сайдак — чехол для лука.
Сафирный — сапфирный, голубой.
Се — вот, это, сейчас.
Сень — тень, защита, покров.
Сиче — так.
Скорпия — скорпион.
Скудельный — глиняный; перен.: бранный, непрочный.
Случай — фавор.
Смак — вкус.
Снидет — сойдет.
Собор — собрание.
Создавший — создавший.
Соние — свидение.
Сонм — собрание.
Сопель — дудка, свирель.
Сретенье — встреча.
Сретать, сретить — встречать, встретить.
Стезя — путь.
Стогна — площадь.
Студ — стыд.
Стужать — досажать, тревожить.
Съй — сущий.

Газать — журить, бранить.
Талант золота — древнегреческая крупная денежная единица.
Тать — вор, разбойник.
Творило — сосуд, в котором что-либо разводится.
Ти — тебе.
Токмо — только.
Торока — ремешки у задней луки седла.
Трус — землетрясение.
Туж — животный жир; перен.: все, что утучняет, удобряет землю.
Тул — колчан.
Туне — втуне, тщетно.
Тя — тебя.

Убо — итак, так; непереводаемая усиленная частица.
Уда — удочка.
Удолия — луга, долины.
Ужища — удила.

Хлябь — водная бездна, водоворот.

Цевница — свирель, дудка.
Цитра — струнный музыкальный инструмент.

Часть — участь, судьба.
Чаять — надеяться, ждать.
Чело — лоб.
Червленьый, чермный — багряный, темно-красного цвета.
Чивый — щедрый.
Чресла — бедра.
Чудиться — удивляться.

Шалаган — шалопай, бездельник, повеса.
Шипковый — розовый.
Шпънь — шут, насмешник.

Юже — которую, какую.

Ябеда — сутяжничество, ведение судебных дел на основе ложных показаний.
Яже — которая, какая.
Язык — народ, племя.
Ярый — расплавленный, горячий, бурлящий.
Яко — как, так как, чтобы.

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

- Кочеткова Н. Д.* — А. В. Аргамаков, Д. О. Баранов, И. И. Бахтин, П. П. Бекетов, С. С. Бобров, Ф. М. Брянчанинов, А. И. Бухарский, П. Г. Гагарин, И. И. Дмитриев, В. М. Жуков, А. С. Жукова, П. М. Карабанов, Н. М. Карамзин, А. И. Клушин, Е. И. Костров, И. А. Крылов, А. Л. Магницкая, Н. Л. Магницкая, М. Л. Магницкий, Ф. Модестов, А. А. Нартов, А. В. Нарышкин, С. В. Нарышкин, Н. П. Николев, Я. В. Орлов, П. А. Пельский, С. С. Пестов, М. И. Попов, Н. Н. Поповский, А. Н. Радищев, А. А. Ржевский, П. А. Словцов, Н. С. Смирнов, С. А. Тучков, Е. С. Урусова, Г. А. Хованский.
- Кукушкина Е. Д.* — И. Ф. Богданович, Я. Б. Княжнин, В. И. Майков.
- Лаппо-Данилевский К. Ю.* — А. М. Бакунин, В. В. Капнист, Н. А. Львов, Ф. П. Львов, М. Н. Муравьев, Ю. А. Нелединский-Мелецкий.
- Лепехин М. П.* — Ф. И. Дмитриев-Мамонов, М. В. Ломоносов, В. П. Петров, Н. Е. Струйский, П. П. Сумароков.
- Николаев С. И.* — А. Д. Кантемир, Феофил Кролик, И. Максимович, Феофан Прокопович, В. К. Тредиаковский, Стефан Яворский.
- Рак В. Д.* — И. Б. Лафинов, М. М. Херасков.
- Стенник Ю. В.* — Г. Р. Державин.
- Степанов В. П.* — А. П. Сумароков.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Д. Кочеткова. Русская лирика XVIII века 5

ЛИРИКА

Феофан Прокопович

	Стр. текста	Стр. коммент.
Плачет пастушок в долгом несчастии.....	25	651
«О суетный человек, рабе неключимый...».....	26	651
«Всяк себе в помощь вышняго предавай...».....	26	651
«Кто крепок на Бога уповая...».....	27	651
Metaphrasis ps. 36.....	28	651
Metaphrasis ps. 72.....	31	651

Феофил Кролик

Epodos consolatoria... ..	35	651
---------------------------	----	-----

Стефан Яворский

«Ты, облеченна в солнце, Дево Богомати...».....	38	652
Стяжателя сих книг последнее книгам целование.....	39	652
«О титулы, пропасти паче вас назвати...».....	40	653

И. П. Максимович

«Сия ли в рождение мое бысть планета...».....	40	653
---	----	-----

А. Д. Кантемир

О жизни спокойной.....	42	653
«Почитаю здесь закон, повинуюсь правам...».....	43	654
К стихам своим.....	44	654

В. К. Тредиаковский

Прошение любви.....	45	654
Стихи Сенековы о смирении.....	46	654
«Душа моя, спрячь всю мою скорбь лоть на время...».....	47	654
«Без любви и без страсти...».....	47	654
Стихи, научающие доброправию человека.....	47	654
Сонет.....	49	655
Элегия.....	49	655
«В жилище, Господи, твоём...».....	52	655
Строфы похвальные поселянскому житию.....	52	655
Пастушок довольный.....	55	655

В крайностях терпение пользуется.....	56	655
Сонет.....	57	655

М. В. Ломоносов

Ода... имп. Анне Иоанновне... 1739 года.....	58	657
Ода на день вошествия... имп. Елисаветы Петровны... 1747 года.....	65	658
Ода... имп. Екатерине Алексеевне... 1762 года.....	71	658
Преложение псалма 1.....	78	659
Преложение псалма 14.....	78	659
Преложение псалма 26.....	79	659
Преложение псалма 34.....	80	659
Преложение псалма 70.....	84	659
Преложение псалма 103.....	86	659
Преложение псалма 143.....	88	659
Преложение псалма 145.....	90	659
Ода, выбранная из Нова.....	91	659
Утреннее размышление о Божием величестве.....	94	659
Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния.....	95	659
Письмо к его высокоородию Ивану Ивановичу Шувалову.....	96	660
«Я знак бессмертия себе воздвигнул.».....	97	660
«Ночною темнотою покрылись небеса.».....	97	660
Разговор с Анакреоном.....	99	660
«Я долго размышлял.».....	103	660
Стихи, сочиненные по дороге в Петергоф... в 1761 году.....	104	661

А. П. Сумароков

Недостаток изображения.....	104	662
Ответ на оду Василью Ивановичу Майкову.....	105	662
Стихи дюку Браганцы.....	105	662
«Жива ли, Каршин, ты?..».....	106	662
К г. Дмитревскому на смерть Ф. Г. Волкова.....	107	662
Ода анакреонтическая («Ежели бы можно было...».).....	108	662
«Негде в маленьком леску...».....	108	662
Песня («Успокой смятенный дух...».).....	109	662
Гимн Венере (сафическим стопосложением).....	110	662
Сонет («Не трать, красавица, ты времени напрасно...».).....	111	662
Ода анакреонтическая («Завидны те мне розы...».).....	111	662
Ода анакреонтическая («Пляскою своей, любезна...».).....	112	663
Станс («Могу ли я сказать возлюбленной иначе?..».).....	112	663
«Другим печальный стих рождает стихотворство...».....	113	663
«Летите, мои вздохи, вы к той, кого люблю...».....	114	663
Идиллия («Без Филасы очи сиры...».).....	114	663
Песня («Ты сердце полонила...».).....	115	663
«Престанешь ли моей доукой услаждаться...».....	115	663
Песня («Покорив мое ты сердце...».).....	116	663
Москве.....	116	663
Ода («В разлуке мучася тоской...».).....	117	663
«Мы друг друга любим, что ж нам в том с тобою?..».....	118	663
«Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой...».....	118	663
Элегия («В болезни страдаешь ты... В моем нет сердце мочи...».).....	119	663
Отрывок («Взор твой к злополучию сердце мне вспалил...».).....	119	663
Рондо («Не думай ты, чтоб я других ловила...».).....	120	663
Песня («Позабудь дни жизни сей...».).....	120	663
Дитирамб.....	121	663

Ода о добродетели.....	123	663
«Благополучны дни...».....	124	663
Ода («Снимешь ли страстей ты время...»).....	125	663
Ода государыне Екатерине Второй на день ее рождения 1768 года апреля 21 дня.....	126	663
О люблении добродетели.....	128	663
Противу злодеев.....	129	663
Из 35 псалма («Скажу, что страха нет в сердцах таких людей...»).....	130	664
Из 145 псалма («Не уповайте на князей...»).....	131	664
К неправедным судьям.....	131	664
Сонет на отчаяние.....	132	664
Зряще мя безгласна.....	132	664
Ода («Долины, Волга, потопляя...»).....	133	664
Ода на суету мира.....	133	664
На суету человека.....	135	664
Из 3—16—63 псалмов.....	136	664
Жалоба.....	137	664
«Страдай, прискорбный дух, терзайся, грудь моя...».....	137	664
«Все меры превзошла теперь моя досада...».....	139	664
Сонет («Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил...»).....	140	664
Последний жизни час.....	140	664

Н. Н. Поповский

Начало зимы.....	140	665
Из Горация		
«Кто правдой в свете жить радеет...» (Книга I, ода XXII).....	141	665
«Сиюси напасти терпеливо...» (Книга II, ода III).....	142	665
«Так должно жить, чтобы не пускаться...» (Книга II, ода X).....	143	665
«Увы! проходит век крылатый...» (Книга II, ода XIV).....	144	665
«Не золото и серебро сияет...» (Книга II, ода XVIII).....	145	665

А. А. Нартов

Похвала Петербургу.....	146	666
На вскрытие Невы.....	147	666
Молитва.....	148	666
Разлучение с любезной.....	149	666
Идиллия. Нисса.....	149	666

А. В. Нарышкин

Сонет («Чтоб счастьем, живучи, возможным наслаждаться...»).....	152	666
Надпись («Прохожий, пожалей: здесь та погребена...»).....	152	666

С. В. Нарышкин

Сонет («Ты, Боже, справедлив, на ты я уповаю...»).....	152	667
Похвала пастушеской жизни.....	153	667
Эклога («Уж солнечны лучи всю землю оживляли...»).....	154	667

Е. В. Хераскова

Сонет («К чему желасшь ты, о смертный, долгий век?»).....	157	667
Надежда.....	157	667

А. А. Ржевский

Ода.. императору Петру Федоровичу.....	158	668
Ода 1 («Долго ль прельщаться...»).....	163	668
Ода 2, собранная из односложных слов («Как я стал знать взор твой...»).....	163	668

Рондо («И всякий так живет, ты думаешь всечасно...»)	164	668
Станс («Прости, Москва, о град, в котором я родился...»)	164	668
Станс («Прости, приятное теперь уединенье...»)	165	668
Элегия («Рок все теперь свершил, надежды больше нет...»)	166	668
Элегия («Престрогию судьбою...»)	168	668
Портрет	169	668
Анакреонтические оды		
1. «О, властитель нежна сердца...»	170	668
2. «Когда меня ты видишь...»	170	668
Сонет, заключающий в себе три мысли... («Вовски не пленюсь красавицей иной...»)	171	668
Сонет, сочиненный на рифмы, набранные наперед («На то ль глаза твои езде меня встречали...»)	171	668
Сонет, три разные системы заключающий... («Престанем рассуждать: добра во многом нет...»)	172	668
Стихи к девице Нелидовой	172	668
Стихи девице Борщовой	173	668

В. П. Петров

Ода на великолепный карусель	173	669
Смерть моего сына	179	670

М. И. Попов

Любовные песни

«Как сердце ни скрывает...»	182	670
«Разлучившись со мною...»	183	670
«Полюбя тебя, смущаюсь...»	183	670
«Достигнувши тобою...»	184	670
«И с душою разлучуся...»	185	670
«Не хладно стихотворство...»	185	670
«Под тению древесной...»	187	670
«Не голубушка в чистом поле воркует...»	188	670
Элегия («Едва тебя, мой свет, успела полюбить...»)	188	670
Сонет («О небо! для чего родился человек?..»)	189	670

Ф. И. Дмитриев-Мамонов

Эпистола к красавицам	190	671
Эпиграмма к попугаю	191	671
Мадригал	191	671

Н. Е. Струйский

Стихи на себя	192	671
---------------	-----	-----

М. М. Херасков

Станс, сочиненный в Санкт-Петербурге в 1761 году	194	673
Прибаска («Не пышною славою...»)	194	673
Сонет и эпитафия	195	673
Станс («Все на свете сем преходит...»)	196	673
Станс г. Руссо	197	673
Молитва	197	673
«Пространный круг веков подобен Океану...»	198	673
Время	199	673
Стансы («Только лягутся...»)	199	673
Злато	201	673

Анакреонтические оды

I. К своей лире.....	201	673
V. О суетных желаниях.....	203	673
VII. Истинное благополучие.....	205	673
IX. Искренние желания в дружбе.....	206	673
X. О важности стихотворства.....	209	673
XI. Сила любви.....	211	673
XIII. «Тебе приятны болс...».....	212	673
XV. О разуме.....	213	673
XVIII. «Пные строят лиру...».....	214	673
XXV. О злате.....	215	673

Оды нравоучительные

V. Злато.....	216	673
VI. К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому>.....	217	673
XVII. Желания.....	218	673
XXI. Знатная порода.....	219	673

Апрель.....

Сонет («Коль буду в жизни я наказан нищетою...».....)	221	673
Элегия («Еще мой жар к тебе, драгая, не потух...».....)	222	673
Идиллия («В те дни, когда со мной моей любимой нет...».....)	222	674
Пастушка.....	223	674
Песенка («Что я ирельщел тобой...».....)	223	674
Ответ на песенку («Прекрасное любить...».....)	224	674
Ответ на вопрос «Где сердце у меня...».....	224	674
Лири.....	225	674
От Т. Р. Н-а...не и А-а...не М...цким.....	225	674
Стихи («Если то тебе приятно...».....)	226	674
Прошедшее.....	227	674
Псалом.....	228	674

В. И. Майков

Переложение псалма 81.....	229	675
Ода о суете мира, писанная к Александру Петровичу Сумарокову.....	230	675
Ода просвященному Платону.....	232	675
Ода «Надежда».....	231	675
Ода «Счастье».....	236	675
«Во златой век на Севере...».....	238	675
Война.....	239	675

И. Ф. Богданович

«Господь меня блюдет...».....	243	676
«Бедами смертными объят...».....	244	676
«О Боже! наше ты прибщище и сила...».....	244	676
«О ты, земли и неба царь!».....	244	676
«Не стремись, добродетель, напрасно...».....	245	676
Эклога.....	245	676
Эпиграммы I III.....	246	676
Ода из Анакреонта XIV.....	247	677
Страх любви.....	248	677
Опасный случай.....	248	677
Стихи к Канменю.....	248	677
Ода в честь красоте.....	250	677
Другая ода, с теми же рифмами, против красоты.....	250	677
Идиллия.....	251	677
Песня «Пятнадцать мне минуло лет...».....	252	677

Песня («Много роз красивых в лете...»)	254	677
Станс («Без тебя, Темира...»)	254	677
Станс к Дмитрию Григорьевичу Левидкому	255	677
Станс к Михаилу Матвеевичу Хераскову	255	677
Стихи к музам на Сарское село	256	677

Я. Б. Князич

Утро	257	678
Стансы Богу	261	678
Вечер	263	678
Воспоминание старика	266	678
Стансы на смерть	270	678

Е. И. Костров

Ода сго сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову- Рымникскому	274	679
Его сиятельству графу Александру Васильевичу Суворову- Рымникскому	276	679
Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевне киргиз-кайсацкой	277	679
Преложение псалма 18	280	680
Путь жизни	281	680
Стихи на день рождения Д. И. Х.	283	680
Стихи к***	283	680
К бабочке	284	680
Клятва	284	680

Н. П. Николев

Ода 7 из псалма 7	285	680
Письмо к Федору Григорьевичу Карину на кончину Александра Петровича Сумарокова	286	680
〈К приятелю〉	287	680
Эпитафия к живому	287	681
Песня («Вечерком румяну зорю...»)	288	681
Песня («Полно, сизенький, кружиться...»)	289	681
Песня («Душеньки часок не видя...»)	291	681
К моей лире. <i>Рондо</i>	292	681

Г. Р. Державин

Властителям и судиям	296	682
На смерть князя Мещерского	297	682
Бог	299	682
Фелица	302	682
Благодарность Фелице	308	683
Осень во время осады Очакова	309	683
Водопад	312	683
Вельможа	324	684
Ключ	329	685
К первому соседу	330	685
Капнисту	332	685
Приглашение к обеду	334	685
Гостю	336	685
Ласточка	336	685
К самому себе	338	686
Похвала сельской жизни	338	686

Лето.....	340	686
Цыганская пляска.....	341	686
Евгению. Жизнь Званская.....	342	686
Русские девушки.....	349	687
Параше.....	350	687
Снигирь.....	350	687
К лире.....	351	687
Венец бессмертия.....	351	687
Памятник.....	352	687
Лебедь.....	353	687
Признание.....	354	687

Н. А. Львов

I. Разные стихотворения

Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8.....	355	688
Музыка, или Семитония. Ода.....	358	688
Отпускная двум чижикам при отъезде в деревню к М. А.....	360	688
На угольный пожар.....	361	688
Новый XIX век в России.....	361	689

II. Послания

Гавриле Романовичу ответ.....	363	689
Эпистола к А. М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797		
I. Фортуна.....	364	689
II. Счастье и Фортуна.....	368	689
Три нет.....	370	689

III. Переводы

«О Боже, о тебе хотя гласит вся тварь...».....	373	689
Ода господина Руссо на начатие нового года, а сия на окончание осямнадцатилетия моего.....	373	689
Перевод из Сафо 26 марта 1778.....	375	689
Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго.....	376	690
Из Анакреона		
Ода I. К лире.....	377	690
Ода II. К женщинам.....	377	690
Ода III. Любовь.....	378	690
Ода XXVIII. К своей девушке.....	379	691
Ода LIV. На старость.....	380	691
Ода LV. О любовниках.....	380	691
Ода LVI. На старость.....	380	691
Ода LX. На фракийскую кобылицу.....	381	691

М. Н. Муравьев

Избрание стихотворца.....	381	691
Стансы.....	381	691
Сонет к Музам.....	382	691
«Бежит, друзья, бежит невозвратно время...».....	383	691
К Хемницеру.....	384	691
К Д***.....	385	692
«Любовник прелести, где я ее найду?».....	386	692
Желание зимы.....	386	692
Три первые строфы сохраненной Лонгином Сафовой оды.....	387	692
Время.....	388	692
Ночь.....	389	692

Жалобы Музам	390	692
Роца	391	692
Сельская жизнь	393	692
«Душою сильною и жаждой просвещения...»	394	692
«Товарищи, наставники, друзья...»	394	692
Милосе дитя	394	692
Истинная красота	395	692
Отъезд	395	692
Нравоучитель	396	692
«Иной бы стал непостоянством...»	397	692
«Итак, опять убежище готово...»	397	692
Утро	399	693
Стихи на кончину Якова Борисовича Княжнина	400	693
«Здоровье девицы пятнадцати лет...»	400	693
«Мои стихи, мой друг, — осенние листья...»	400	693
Сила гения	401	693
Богине Невы	403	693
К Музе	404	693

В. В. Капнист

Оды		
Ода на рабство	406	694
Награда праведного	410	694
Вездесущность и промысл божий	411	694
Ода на смерть Пасниры	413	694
Ода на дружество	416	694
Из цикла «Анакреонтические песни»		
Неверность	420	694
На смерть Юлии	421	694
Красавице	422	694
Старость и младость	422	694
Мотылек	423	694
Разлука	424	694
Богатство убогого	424	694
Напрасные слезы	425	694
Невольная разлука	425	694
Неосторожный мотылек	426	694
Из цикла «Горацианские оды»		
Певцу Фелицы	427	694
Весна	428	694
Утешение в горести	429	694
Время	430	694
Беззаботность	431	694
Другу моему	432	694
Суетность жизни	433	695
Ода «Ломоносов»	434	695
Богатому соседу	436	695
Красота	437	695
Ворожба	438	695
Совет	439	695
Другу сердца	440	695

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

Гр. А. С. С...й	441	695
Темирс	441	695

К Темире.....	442	695
Отрывок письма к Ал. Вас. Нарышкину.....	444	696
Письмо к А. В. Салтыкову.....	445	696
Молитва.....	446	696
Стихи на заданные рифмы.....	447	696
«Ах! тошно мне...».....	448	696
«Наконец твои обманы...».....	448	696
«Ты велишь мне равнодушным...».....	451	696
«У кого душевные силы...».....	452	696
«Милая вчера сидела...».....	453	696
«Дни счастливы миновались...».....	453	696
«Полю льститься мне слезами...».....	454	696
«Если б ты была на свете...».....	455	696
«Ввиду я на реченьку...».....	455	696
«Гроза нас, Лиза, гонит...».....	457	696
«Свидетели тоски моей...».....	457	696
«Зимы дни мрачны исчезают...».....	459	696
«Прости мне дерзкое роптанье...».....	461	696
«Старанья все мои напрасны...».....	461	696
Сила дружбы.....	462	696

А. Н. Радищев

Вольность. Ода.....	463	697
«Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?...».....	478	698
« Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится...».....	478	698
«Час преблаженный...».....	479	698
Сафичские строфы.....	480	698
Осьмнадцатое столетие.....	480	698

С. С. Бобров

Прогулка в сумерки, или Вечернее наставление Зораму.....	482	699
Ода к Бландузскому ключу.....	483	699
К новостолетию XIX.....	484	699

С. С. Пестов

Песнь моему блаженству.....	484	699
Рондо. Умы.....	485	699
Песнь. Моей красавице.....	486	699

С. А. Тучков

Ода. Человеческая жизнь.....	487	699
Преложение псалма 12.....	489	699
Сонет. Победители богатства.....	489	699

И. А. Крылов

Мой отъезд. Песня.....	490	700
Вечер.....	491	700
Сонет к Нине.....	493	700
К соловью.....	493	700
Подражание 37-му псалму.....	494	700

А. И. Клушин

Роза.....	496	701
Воззвание к ночи.....	497	701
Романс.....	499	701

А. И. Бухарский

Роза и Лиляя.....	500	701
К Клоу.....	501	701

П. М. Карabanов

Искренность пастушки.....	501	701
---------------------------	-----	-----

Ф. Модестов

Ласточки.....	504	702
«Пусть богатые в сей жизни веселятся...».....	505	702
«Если хочешь ты спокойно...».....	505	702

Я. В. Орлов

Мои чувства к Лаврско-Сергиевой семинарии.....	506	702
Октябрь.....	507	702
Рондо («Беги от красоты и не смотри глазами...».....)	508	702
«Что я тебя люблю, молчать мне иль открыться...».....	508	702
Песенка («Едет, едет твой дружок...».....)	509	702
«Что ты, сердце, унываешь...».....	509	702
На прощательный день.....	510	702
Надпись к шкапу книжному.....	510	702
Надпись к библиотеке.....	511	702

Н. С. Смирнов

Стихи на жизнь.....	511	703
Ответ с теми же рифмами.....	511	703
Благодарность.....	512	703
Душинька. <i>Отрывок</i>	513	703
Песня («Утомится ль рок жестокий...».....)	514	703
Песня («На всем пространстве света...».....)	515	703
Песня («На что, печальна лира!...».....)	516	703

И. И. Бахтин

Стансы. На счастье.....	517	704
Мое возражение.....	518	704

П. П. Сумароков

Плач и смех.....	518	704
К человеку.....	519	704

И. Б. Лафинов

Элегия («Итак, надежды нет с возлюбленной мне быть?...».....)	520	704
Элегия («О, Боже мой! Что я?. Что сделалось со мной?...».....)	521	704

П. А. Словоцв

К Сибири.....	523	705
Послание к М. М. Сперанскому.....	524	705
«Полно, друг, с фортуною считаться...».....	526	705

Ф. П. Львов

Стансы.....	527	706
К реке Талажне.....	529	706
Доброму человеку.....	530	706

А. М. Бакунин

Другу моему Николаю Александровичу.....	532	706
Ручей.....	532	706
Жатва.....	534	706
На продающийся секрет, чтобы хлеб без удобрения земли родился.....	536	—
На влюбленную стыдливую девушку.....	536	—

А. В. Аргамаков

К Москве.....	537	707
Ода анакреонтическая («Играя в хоровод...»)	538	707
Мальчик с розой.....	539	707

Д. О. Баранов

Договор.....	540	707
--------------	-----	-----

П. П. Бекетов

Песня («Не свети ты, месяц, ясно...»)	541	707
---------------------------------------	-----	-----

Ф. М. Брянчанинов

Песня («Свободой наслаждайся...»)	542	707
-----------------------------------	-----	-----

П. Г. Гагарин

Тоска по родине.....	543	708
Немень.....	544	708
Прощание с Литвою.....	545	708
«... война к милой.....»	545	708
«... рные глаза и голубые.....»	546	708
Слово <i>Милая</i>	547	708

В. М. Жуков

Счет М. А. А., с коим в разлуке.....	548	708
--------------------------------------	-----	-----

А. С. Жукова

Знание явасния.....	548	708
---------------------	-----	-----

А. Л. Магницкая

К бессмертному творцу <i>Россиады</i>	549	709
---	-----	-----

Н. Л. Магницкая

Красота и Скромность.....	550	709
Ода. Из Анакреона.....	551	709
К бюсту М... М... Х.....	552	709

М. Л. Магницкий

Словей.....	552	709
Ночь в деревне 1795 года в августе.....	553	709
Драма любви.....	555	709
Гдохворение Нимфы.....	555	709
Анакреонтический отрывок.....	556	709
К сердцу.....	557	709
Все печально без тебя.....	558	709
На кончину князя Петра Михайловича Волконского.....	559	709
Послание к другу моему Д. А. К.....	560	709

П. А. Пельский

Мечта	562	710
Гнев любовника	563	—
Любовь и дружба	563	—
К моему сердцу	564	—
Неосторожная клятва	564	—

Е. С. Урусова

Уединенные часы	565	710
-----------------------	-----	-----

Г. А. Хованский

Идиллия. Милонова птичка	566	710
Похищенный персик. Анакреонтические стишки	567	710
Послание к приятелю на случай помолвки	569	710
Песня («Пусть, кто хочет, пишет оды...»)	570	711
Песня («Ах, луга, луга зелсны!»)	571	711

Анонимное

Любовный договор	572	711
Ода анакреонтическая. Амур спящий	572	711
О чтении	573	711
Неудачная женитьба	574	711
Рондо	576	711
На многие и сбивчивые Минервины вопросы скорые и острые Купидоновы ответы	576	711
Любовь	577	711
Человек, Удовольствие и Печаль	577	711
На присовокупление подержанного Невтона к моим книгам	578	711
К Марии Магдалине, писанной сухими красками К. П. С.	579	711
Раздел. <i>Анакреонтическая ода</i>	579	711
Романс («Из-за гор луна сребриста...»)	580	711
Надпись моему другу, любителю литературы	581	711

Н. М. Карамзин

К Милости	581	712
Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду Великой Екатерине	583	713
Тацит	583	713
Поэзия	584	713
К бедному поэту	589	714
Послание к Александру Алексеевичу Плещеву	592	714
Песнь мира	597	714
К соловью	599	714
Осень	600	714
Кладбище	601	714
На смерть князя Г. А. Хованского	602	714
Стихи на скоропостижную смерть Петра Афанасьевича Пельского	604	714
Эпитафия	605	714
Веселый час	606	714
Странность любви, или Бессонница	607	714
Раиса. <i>Древняя баллада</i>	609	715
Песня («Нет, полно, полно! впредь не буду...»)	611	715
Непостоянство	612	715
Надпись к дамской табакерке	613	715

Надписи на статую Купидона.....	613	715
Берег.....	614	715

И. И. Дмитриев

Ермак.....	615	716
К Волге.....	620	716
Подражание оде Горация (<i>книга III, ода I</i>).....	622	716
К лире.....	623	716
Я.....	624	716
Ночь.....	625	716
Элегия («Возьмите, боги, жизнь, которую вы мне дали!..»)	626	716
К Гавриилу Романовичу Державину.....	626	716
Стансы к Н. М. Карамзину.....	627	716
Ода П. П. Б.....	629	717
Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину.....	630	717
К А. Г. С...й на вызов ее написать стихи.....	631	717
Стихи на игру господина Геслера, славного органиста.....	632	717
Экспромт (<i>На игру г-на Дица</i>).....	633	717
«Стонет сизый голубочек...».....	634	717
К Ф. М. Дубскому, сочинившему музыку на песню «Голубок».....	634	717
Голубок (<i>Подражание Анакреону</i>).....	635	717
«Ах! когда б я прежде знала...».....	636	717
«Тише, ласточка болтлива!..».....	637	717
Наслаждение.....	637	717
«Без друга и без милой...».....	638	717
«Видел славный я дворец...».....	639	717
Ручеек.....	640	717
«Всех цветочков боле...».....	640	717
«Други! время скоротечно...».....	641	717
«Куда мне, сердце страстно...».....	642	717
«Юность! юность! веселися...».....	642	717
«О любезный, о мой милой...».....	643	717
Песня («Ты клялась мне, ты божилась...»)	644	718
К портрету древнего русского историка Нестора.....	644	718
В. А. В...у.....	644	718
Надпись к Амуру («Стреляй, о милый враг, в два сердца, не в одно...»)	644	718
Надпись к Амуру («Открыт, как истина; без крыл, как постоянство...»)	644	718

Комментарии..... 647

Словарь устаревших и малоупотребительных слов..... 719

На форзацах использованы иллюстрации:

1. А. Ф. Зубов. Вид Петербурга. 1727. ГРМ.
2. А. Г. Ухтомский. Каменный остров. 1806—1807. ГРМ.

Р89 **Русская литература — век XVIII. Лирика** / Сост., подгот. текстов и коммент. Н. Кочетковой, Е. Кукушкиной, К. Лаппо-Данилевского и др.; Вступ. статья Н. Кочетковой.— М.: Худож. лит., 1990.— 735 с. (Русская литература — век XVIII).

ISBN 5-280-00511-8

В книгу вошли лучшие образцы русской лирики XVIII века.

4702010102-120
Р ————— 16-89
028(01)-90

ББК 84Р1

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА — ВЕК XVIII

ЛИРИКА

Редакторы *Е. Малинина* и *О. Голуб*
Художественный редактор *Г. Масляненко*
Технический редактор *А. Кашафутдинова*
Корректоры *О. Наренкова* и *Н. Усольцева*

ИБ № 5301

Сдано в набор 30.08.89. Подписано к печати 04.06.90. Формат 60 × 90 1/16
Бумага кн.-журн. № 2. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Усл.-печ. л.
46,0 + альбом = 47,5. Усл.-кр.-отт. 52,5. Уч.-изд. л. 44,87 + альбом = 46,24. Тираж
100 000 экз. Изд. № П-3544. Заказ № 2875. Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная ли-
тература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО
«Первая Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати.
113054, Москва, Валовая, 28